ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ LVII.

1915.

ІЮНЬ.

БИБЛИОТЕКА
27002
Пров. 50

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1915.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

I. Высочайшія повелѣнія 43
II. Высочайшая награда по вѣдомству мин. нар. просв. 45
III. Высочайшій приказъ по вѣдомству мин. нар. просв. . . . . —
IV. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія. 48
V. Опредѣленія основного отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. . 52
VI. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. просв. по начальному образованію 62
Списокъ книгъ, разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ 64
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Тридцать шестое присужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія 82
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. . . 92

И. В. Лучицкій. Аграрныя отношенія наканунѣ революціи въ окрестностяхъ Парижа. 241
Н. Я. Марръ. Кавказскій культурный міръ и Арменія 280
Н. Г. Дебольскій. Въ защиту метафизики 331
Д. Мейчикъ. Русско-византійскіе договоры 349

Критика и библіографія.

В. Ф. Левитскій. *П. И. Лященко.* Очерки аграрной эволюціи Россіи. Томъ II. С.-Пб. 1913. 373
М. Н. Крашенинниковъ. *Б. В. Никольскій.* Къ исторіи даренія между супругами. Юрьевъ. 1915 391
А. И. Соболевскій. *Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовъ* и *Д. Н. Ушаковъ.* Діалектологическая карта русскаго языка въ Европѣ. Петроградъ 1914 399
— Книжныя новости. 402

Отдѣлъ по народному образованію.

В. В. Акимовъ. Земская работа по подготовкѣ народныхъ учителей *(продолженіе)* 129
А. Ѳ. Лазурскій. Классификація личностей *(продолженіе)* . . 168

(См. на 3-й стр. обл.).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ LVII.

1915.

ІЮНЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1915.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

17. (11-го февраля 1915 года). *Объ учрежденіи на средства Каменскаго, области войска Донского, станичнаго общества при Каменскихъ реальномъ училищѣ и женской гимназіи двухъ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 11 день февраля 1915 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе на средства Каменскаго, области войска Донского, станичнаго общества при Каменскихъ реальномъ училищѣ и женской гимназіи двухъ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 24-го апрѣля 1915 г., № 123, ст. 955).

18. (11-го февраля 1915 года). *Объ учрежденіи на средства Зарайской, Рязанской губерніи, и Тульской городскихъ думъ при Зарайской женской гимназіи, при Тульскихъ мужской и двухъ женскихъ гимназіяхъ и реальномъ училищѣ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 11 день февраля 1915 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе на средства Зарайской, Рязанской губерніи, и Тульской городскихъ думъ при Зарайской женской гимназіи, при Тульскихъ мужской и двухъ женскихъ гимназіяхъ и реальномъ училищѣ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.

(Тамъ же, ст. 956).

19. (11-го февраля 1915 года). *Объ учрежденіи на средства Великоустюгскаго, Вологодской губерніи, и Сольвычегодскаго, той же губерніи, уѣздныхъ земствъ и Барской, Подольской губерніи, городской думы при Великоустюгскихъ мужской и женской гимназіяхъ и Лальской женской прогимназіи, при Сольвычегодской женской гимназіи и при Барскомъ реальномъ училищѣ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 11 день февраля 1915 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе на средства Великоустюгскаго, Вологодской губерніи, и Сольвычегодскаго, той же губерніи, уѣздныхъ земствъ и Барской, Подольской губерніи, городской думы при Великоустюгскихъ мужской и женской гимназіяхъ и Лальской женской прогимназіи, при Сольвычегодской женской гимназіи и при Барскомъ реальномъ училищѣ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.

(Тамъ же, ст. 957).

20. (11-го февраля 1915 года). *О присвоеніи учреждаемымъ Бѣлецкимъ уѣзднымъ земствомъ при Сорокской учительской семинаріи двумъ стипендіямъ Имени Императора Александра I Благословеннаго.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 11 день февраля 1915 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе учреждаемымъ Бѣлецкимъ уѣзднымъ земствомъ при Сорокской учительской семинаріи двумъ стипендіямъ Имени Императора Александра I Благословеннаго.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 21-го апрѣля 1915 г., № 117, ст. 937).

21. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи Тульской 2-й женской гимназіи наименованія: „Тульская Ольгинская гимназія“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13 день марта 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Тульской 2-й женской гимназіи наименованія: „Тульская Ольгинская женская гимназія“.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 24-го апрѣля 1915 года, № 123, ст. 958).

II. ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(27-го апрѣля 1915 года, № 22). *Награждается орденомъ*, 22-го марта 1915 г., *св. Станислава 3-й степени*—бывшій почетный попечитель Камышинскаго реальнаго училища, коллежскій секретарь Михаилъ *Ковалевъ*.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(19-го апрѣля 1915 года, № 19). По Петроградскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ *коллежскаго секретаря*, со старшинствомъ, учитель Сольвычегодскаго высшаго начальнаго училища *Петроканскій*—съ 1-го февраля 1910 г.

По Одесскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, исправляющій должность прозектора Императорскаго Новороссійскаго университета *Бушковичъ*—съ 1-го марта 1910 г.

По Казанскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, сверхштатный доцентъ Казанскаго ветеринарнаго института *Карауловъ*—съ 19-го марта 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, сверхштатный доцентъ Казанскаго ветеринарнаго института *Сапожниковъ*—съ 31-го августа 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, ассистентъ клиники Казанскаго ветеринарнаго института *Скворцовъ*—съ 31-го января 1912 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*: сверхштатные доценты Казанскаго ветеринарнаго института: *Викторовъ* и коллежскій ассессоръ *Рухлядевъ*, оба—съ 30-го марта 1913 г.; *титулярнаго совѣтника*, сверхштатный помощникъ прозектора Казанскаго ветеринарнаго института *Сошественскій*—съ 5-го декабря 1910 г., по степени магистра ветеринарныхъ наукъ.

Назначаются: директоры: Петровской, Ярославской губерніи, учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Орловъ* и народныхъ училищъ Смоленской губерніи, статскій совѣтникъ *Самойловичъ*—одинъ на мѣсто другого; инспекторъ народныхъ училищъ Петроградской губерніи, статскій совѣтникъ *Гончаревскій*—директоромъ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи; награжденный чиномъ дѣйствительнаго

статскаго совѣтника на основаніи ст. 292 уст. служб. прав., изд. 1896 г., *Могилевцевъ*, горный инженеръ, статскій совѣтникъ *Тульчинскій*, въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, коллежскій совѣтникъ *Юрьевичъ*, инженеръ путей сообщенія, коллежскій совѣтникъ *Демченко*, инженеръ-механикъ *Грязновъ* и потомственный почетный гражданинъ *Кащенко*—почетными попечителями: первый—вновь Брянской гимназіи, съ 13-го февраля 1915 г., второй—Бодайбинскаго реальнаго училища, третій—вновь Саратовской второй гимназіи, съ 21-го декабря 1914 г., четвертый—вновь Кіевской четвертой гимназіи, съ 28-го августа 1914 г., пятый—вновь Ярославскаго учительскаго института, съ 5-го марта 1915 г., и послѣдній—Воронцово-Александровской, Ставропольской губерніи, гимназіи, всѣ на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ Юрьевича въ придворномъ званіи; сверхштатный ассистентъ и приватъ-доцентъ Харьковскаго ветеринарнаго института Императора Николая I, магистръ ветеринарныхъ наукъ, коллежскій совѣтникъ *Коневъ*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ того же института.

Утверждаются, согласно избранію: шталмейстеръ Высочайшаго Двора князь *Урусовъ*, въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, статскій совѣтникъ *Шелашниковъ* и потомственные почетные граждане: *Клобуковъ*, *Максимовъ* и *Штромъ*—почетными попечителями реальныхъ училищъ: князь Урусовъ—вновь Екатеринославскаго перваго, съ 1-го января 1915 г., Шелашниковъ — вновь Бугульминскаго, съ 1-го января 1915 г., Клобуковъ—вновь Вятскаго Александровскаго, съ 16-го іюня 1914 г., Максимовъ—Ростовскаго-на-Дону Петровскаго, съ 28-го ноября 1914 г., и Штромъ—Ростовскаго-на-Дону второго, съ 10-го октября 1914 г., всѣ на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ князя Урусова шталмейстеромъ, а Шелашникова въ придворномъ званіи; въ званіи камергера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ *Бобринскій*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Милорадовичъ* и купецъ 1-й гильдіи *Шкроевъ*—почетными попечителями гимназій: первый—Черкасской, съ 1-го января 1915 г., второй—вновь Прилукской, съ 1-го января 1914 г., и послѣдній—Каинской, съ 14-го октября 1914 г., всѣ на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ графа Бобринскаго въ придворномъ званіи; въ должности шталмейстера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-*Ребиндеръ*—вновь почетнымъ попечителемъ Волчанской учительской семинаріи, на три года, съ 3-го февраля, съ оставленіемъ его въ должности шталмейстера.

(22-го апрѣля 1915 года, № 20). *Назначаются*: директоръ Ярославскаго низшаго механико-техническаго училища имени потомственнаго почетнаго гражданина Н. П. Пастухова, инженеръ-технологъ, статскій совѣтникъ *Ершовъ*—инспекторомъ отдѣла промышленныхъ училищъ; директоръ Оренбургской второй гимназіи, надворный совѣтникъ *Барановскій*—директоромъ Кунгурскаго реальнаго училища; лѣкарь *Рахманиновъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Кіевской третьей гимназіи, на три года, съ 1-го января 1914 г.

Утверждаются: дѣйствительный тайный совѣтникъ *Брянчаниновъ*, въ званіи камергера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Можайскій*, надворный совѣтникъ *Ждановъ*, купецъ 1-й гильдіи *Мокѣевъ*, купецъ 2-й гильдіи *Столбовъ* и отставной коллежскій ассессоръ *Арно*—почетными попечителями: Брянчаниновъ—вновь Великолуцкаго реальнаго училища, съ 6-го октября 1914 г., Можайскій—Брацлавской гимназіи, съ 29-го сентября 1914 г., Ждановъ—вновь Бузулукскаго реальнаго училища, съ 22-го декабря 1914 г., Мокѣевъ—вновь Шадринскаго реальнаго училища, съ 21-го іюля 1914 г., Столбовъ—вновь Глазовской Николаевской гимназіи, съ 7-го января 1914 г., и Арно—шестиклассной прогимназіи А. М. Добровольскаго въ гор. Саратовѣ, всѣ согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ Можайскаго въ придворномъ званіи; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Томскаго технологическаго института Императора Николая II, по геологіи, магистръ минералогіи и геогнозіи, горный инженеръ *Усовъ*—въ исправляемой имъ должности.

Перемѣщаются: директоры реальныхъ училищъ: Рижскаго частнаго А. Ю. Миллера, статскій совѣтникъ *Папиловъ* и Кунгурскаго, статскій совѣтникъ *Агровъ*—директорами реальныхъ училищъ: первый—Е. А. Миллеръ, въ гор. Ригѣ, а второй—Бирскаго; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, магистръ русской словесности, статскій совѣтникъ *Кадлубовскій*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Петроградскаго университета, по каѳедрѣ русскаго языка и русской литературы.

Умершій исключается изъ списковъ, заслуженный профессоръ Рижскаго политехническаго института, инженеръ путей сообщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кирштейнъ*, съ 31-го января.

IV. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

9. (10-го апрѣля 1915 года, № 1317). *О порядкѣ замѣщенія низшихъ служительскихъ должностей.*

Озабочиваясь наиболѣе широкимъ обезпеченіемъ участи нижнихъ воинскихъ чиновъ, освобожденныхъ отъ дальнѣйшей военной службы и пострадавшихъ какъ отъ военныхъ дѣйствій, такъ и въ связи съ прохожденіемъ ими дѣйствительной военной службы въ настоящую отечественную войну, я прошу ваше превосходительство принять къ неуклонному руководству по ввѣреннымъ вамъ установленіямъ, чтобы отнынѣ открывающіяся по низшимъ служительскимъ должностямъ вакансіи курьеровъ, сторожей, швейцаровъ, разсыльныхъ, дядекъ и проч. замѣщались исключительно лицами, входившими въ составъ дѣйствующей арміи.

При примѣненіи настоящаго моего предложенія подлежащія начальства обязываются имѣть въ виду, что изъ числа низшихъ служительскихъ должностей нѣкоторыя должности должны быть по прежнему предоставляемы увольняемымъ отъ службы подпрапорщикамъ (подхорунжимъ), кондукторамъ флота и нижнимъ чинамъ сверхсрочной службы флота, на основаніи особыхъ Высочайше утвержденныхъ 15-го октября 1911 г. по сему дѣлу правилъ (циркуляры отъ 17-го января 1912 г., за № 262, 29-го іюля и 18-го октября 1913 г., за №№ 2670 и 3535, и 16-го іюля 1914 г., за № 2907).

Замѣщеніе хотя бы одной какой-либо должности изъ вышепоименованныхъ въ силу совершенно исключительныхъ условій и неустранимыхъ препятствій лицомъ, не проходившимъ службы въ войскахъ, можетъ быть допущено не иначе, какъ съ разрѣшенія министерства, по представленіи соотвѣтственныхъ совершенно исчерпывающихъ по этому дѣлу свѣдѣній.

10. (16-го апрѣля 1915 года, № 17641). *О порядкѣ пріема въ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей лицъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію.*

Увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащихъ распоряженій, что 1) дѣти лицъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію и получившихъ отличіе, а также убитыхъ и раненыхъ, по выдержаніи удовлетворительно испытанія, должны быть принимаемы внѣ конкурса во всѣ учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія;

2) дѣти лицъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію, но не отвѣчающихъ условіямъ, указаннымъ въ п. 1, должны зачисляться первыми при прочихъ равныхъ условіяхъ.

Настоящее распоряженіе не относится къ евреямъ, порядокъ пріема которыхъ въ учебныя заведенія указанъ въ циркулярномъ предложеніи отъ 3-го сего апрѣля за № 15030.

11. (19-го февраля 1915 года, № 7588). *О расходованіи кредитовъ на содержаніе помѣщеній мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

По имѣющимся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свѣдѣніямъ, ассигнуемые по расходнымъ расписаніямъ къ смѣтамъ министерства по § 7 ст. 1 лит. г и по § 7 ст. 2 лит. г кредиты на содержаніе домовъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній расходуются начальствами нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ по отдѣльнымъ учебнымъ заведеніямъ не только въ суммахъ, превышающихъ установленныя штатами средней школы 10-го мая 1912 г. предѣльныя нормы, но также и на содержаніе помѣщеній учебныхъ заведеній, существующихъ на мѣстныя средства.

Вслѣдствіе сего считаю необходимымъ преподать вашему превосходительству слѣдующія руководственныя по сему предмету указанія.

Показываемые въ расходныхъ расписаніяхъ по означеннымъ подраздѣленіямъ смѣты въ распоряженіе учебно-окружнаго управленія кредиты на содержаніе домовъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній подлежатъ расходованію только на мужскія гимназіи, прогимназіи и реальныя училища, содержимыя на средства казны всецѣло или же съ пособіями изъ мѣстныхъ источниковъ и притомъ, согласно 9-му общему примѣчанію къ штатамъ 10-го мая 1912 г., въ предѣлахъ нормъ, установленныхъ тѣми же штатами, т. е. не болѣе 4.000 руб. на гимназіи и реальныя училища въ полномъ составѣ классовъ, 3.000 руб. на 6-классныя прогимназіи въ полномъ составѣ классовъ и на гимназіи въ составѣ 5—6 классовъ, 2.000 руб. на реальныя училища, не достигшія 5-класснаго состава, и 1.500 руб. на 4-классныя прогимназіи и на гимназіи въ составѣ не болѣе 4-хъ классовъ.

Что же касается мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, существующихъ на мѣстныя средства и имѣющихъ право получать пособія отъ казны на основаніи отд. VIII закона 10-го мая 1912 г. и

отд. XII закона 1-го іюля 1914 г. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ законѣ 10-го мая 1912 года, то пособія на содержаніе занимаемыхъ этими учебными заведеніями помѣщеній могутъ быть выдаваемы начальствомъ округа только изъ кредита, ассигнуемаго въ его вѣдѣніе по § 7 ст. 8 смѣты министерства, при чемъ размѣръ таковыхъ пособій не долженъ превышать суммы, составляющей разницу между суммами, положенными на содержаніе помѣщенія по новымъ и по прежнимъ штатамъ, т. е. не долженъ превышать для гимназій и реальныхъ училищъ, въ полномъ составѣ классовъ, 2.000 руб. (4.000 руб.—2.000 руб.) и для 6-классныхъ прогимназій въ полномъ составѣ классовъ и для гимназій въ составѣ 6-ти классовъ — 1.200 руб. (3.000 руб.—1.800 руб.).

Въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ 4-классныя прогимназіи и гимназіи и реальныя училища, не достигшія 5-класснаго состава, не имѣютъ права на полученіе какого-либо пособія на содержаніе ихъ помѣщеній (1.500 р.—1.500 р. и 2.000 р.—2.000 р.).

12. (20-го апрѣля 1915 года, № 18248). *О порядкѣ допущенія книгъ въ школьныя библіотеки.*

По установившейся практикѣ учебныя руководства, пособія и книги для чтенія представляются на разсмотрѣніе ученаго комитета или авторами, или, и притомъ въ большинствѣ случаевъ, издателями. Такимъ образомъ ученый комитетъ имѣетъ дѣло, главнымъ образомъ, съ матеріаломъ, представленнымъ лицами, непосредственно заинтересованными въ распространеніи его. Между тѣмъ нерѣдко бываетъ, что на рынкѣ появляются книги, которыя своими достоинствами обращаютъ на себя вниманіе и, пользуясь поэтому большимъ спросомъ, не представляются въ ученый комитетъ. Не касаясь другихъ причинъ этого явленія, тѣмъ не менѣе также имѣющихъ мѣсто, нельзя не придти къ заключенію, что при настоящемъ положеніи много хорошихъ и полезныхъ книгъ ускользаетъ отъ школы.

Находя это совершенно ненормальнымъ и озабочиваясь снабженіемъ школы наилучшимъ книжнымъ матеріаломъ, министерство народнаго просвѣщенія признало цѣлесообразнымъ предложить директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ слѣдить за школьной литературой и представлять непосредственно въ департаментъ народнаго просвѣщенія учебныя руководства, пособія и книги для чтенія, заслуживающія, по ихъ мнѣнію, допущенія къ классному употребленію или въ школьныя библіотеки, на предметъ разсмотрѣнія ихъ въ

ученомъ комитетѣ. Само собой разумѣется, что при этомъ не исключается возможность иниціативы въ сказанномъ отношеніи и со стороны педагогическаго персонала среднихъ учебныхъ заведеній.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащихъ распоряженій.

13. (28-го апрѣля 1915 года, № 19969). *О содѣйствіи устройству временныхъ пріютовъ-яслей.*

Происходящія нынѣ чрезвычайныя военныя событія вызвали значительный отливъ изъ сельскихъ мѣстностей мужского населенія, въ связи съ чѣмъ въ предстоящій лѣтній рабочій періодъ на оставшуюся часть населенія и, въ особенности, на женщинъ ляжетъ усиленный трудъ по обработкѣ, обсѣмененію и уборкѣ полей. При такомъ положеніи дѣла пріобрѣтаетъ чрезвычайную важность вопросъ объ уходѣ за дѣтьми, остающимися безъ призора на время лѣтнихъ работъ.

Въ цѣляхъ прійти на помощь семействамъ лицъ, призванныхъ въ войска, по надзору и уходу за дѣтьми, святѣйшимъ синодомъ предположена организація повсемѣстно въ Россіи особыхъ временныхъ дѣтскихъ пріютовъ-яслей съ привлеченіемъ къ этому возможно большаго контингента лицъ изъ мѣстныхъ интеллигентныхъ круговъ, главнымъ образомъ женщинъ, которыя пожелаютъ посвятить этому благому дѣлу свой личный трудъ и усердіе.

Въ этихъ видахъ святѣйшій синодъ 8-го апрѣля сего года за № 2585 опредѣлилъ: 1) призвать всѣхъ по приходамъ лицъ женскаго пола, имѣющихъ возможность посвятить себя уходу за дѣтьми тѣхъ лицъ, которыя въ этомъ будутъ нуждаться, нынѣ же приступить къ устройству на предстоящее лѣто яслей; 2) общее попеченіе объ устройствѣ и содержаніи яслей возложить на приходскіе попечительные совѣты, которымъ предоставить образовывать для этой цѣли, въ случаѣ нужды, особые кружки изъ лицъ женскаго пола, желающихъ приложить свой трудъ въ указанномъ дѣлѣ; 3) въ тѣхъ приходахъ, гдѣ попечительные совѣты еще не учреждены, означенные кружки поручить образовать приходскому духовенству; 4) разъяснить попечительнымъ совѣтамъ и особымъ кружкамъ, которые будутъ учреждены для устройства яслей, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ особые пріюты для дѣтей вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и отдѣла Всероссійскаго попечительства объ охранѣ материнства и младенчества, попечительнымъ совѣтамъ и подобнымъ

учрежденіямъ надлежитъ дѣйствовать по предварительномъ сношеніи съ означенными пріютами и отдѣлами; 5) поручить епархіальнымъ начальствамъ оказывать попечительнымъ совѣтамъ и другимъ мѣстнымъ приходскимъ учрежденіямъ по устройству яслей всяческое содѣйствіе особенно въ сношеніяхъ съ вѣдомствами по могущимъ возникнуть въ связи съ устройствомъ яслей вопросамъ, и 6) епархіальнымъ преосвященнымъ поручить доставить, въ свое время, святѣйшему синоду свѣдѣнія о томъ, сколько именно яслей было учреждено во ввѣренныхъ имъ епархіяхъ, какое число дѣтей было призрѣваемо въ этихъ ясляхъ и въ чемъ вообще въ этомъ дѣлѣ выразилась работа приходскихъ учрежденій.

Увѣдомляя объ этомъ, прошу ваше превосходительство оказать съ своей стороны содѣйствіе этому начинанію отводомъ школьныхъ помѣщеній для яслей, гдѣ это окажется возможнымъ, и привлеченіемъ для участія въ этомъ дѣлѣ учащихъ и учащихся, въ твердой увѣренности, что дѣло это встрѣтитъ всемѣрную поддержку.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Броуновъ, П. И.* Учебникъ общей географіи. 3-е значительно переработанное изданіе, К. Л. Риккера. П. 1915. Стр. VII+238. Цѣна 1 р.“ (для V класса мужскихъ гимназій).

— „*Васильевъ, Петръ.* Синтаксисъ русскаго языка. Изданіе 11-е, т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдн. бр. Салаевыхъ». М. и С.-Пб. 1914. Стр. VII+115. Цѣна 50 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Васильевъ, Петръ.* Этимологія русскаго языка. Изданіе 10-е, т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдн. бр. Салаевыхъ». М. и П. 1915. Стр. VII+96. Цѣна 40 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Вульфіусъ, А. Г.* Учебникъ средней исторіи. Изданіе 6-е, исправленное и дополненное, Я. Башмакова и К°. П. 1914. Стр. IV+153. Цѣна съ картами въ переплетѣ 1 р.“

— „*Дворниковъ, П.*, и *С. Соколовъ*. Краткій курсъ географіи Россійской имперіи. 3-е изданіе, исправленное и дополненное, магазина «Сотрудникъ школъ». М. 1915. Стр. 266. Цѣна 95 коп.“

— „*Добрынинъ, К. И.* Древній міръ. (Востокъ.—Греція.—Римъ). Изданіе 3-е, исправленное. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1915. Стр. 206. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 р.“ (для женскихъ гимназій).

— „*Добрынинъ, К. И.* Новая исторія. Изданіе 2-е, исправленное. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1915. Стр. 298. Цѣна 1 р.“ (для V и VI классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ).

— „*Зусманъ, А.* Природовѣдѣніе. Міръ неорганическій. Растенія. Человѣкъ и животныя. Изданіе 4-е, книгоизд-ва «Порядокъ» и книжн. маг. «Одесскихъ новостей». Одесса. 1914. Стр. 4+184+144+147+IV. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Иванцовъ, Н. А.* Природовѣдѣніе. Первоначальное знакомство съ явленіями природы путемъ наблюденій и опытовъ. Изданіе 6-е. М. 1914. Стр. IV+260+IV. Цѣна 1 р.“

— „*Корде* (*Cordey*). *А.* Теоретическая грамматика французскаго языка. 7-е изданіе. Часть I. Этимологія. М. 1914. Стр. 96. Цѣна 40 коп.“

— „*Кубаловъ, Б.* Систематическій курсъ русской исторіи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Часть I. Одесса. 1915. Стр. III+144. Цѣна 60 коп.“ (для IV класса мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Матченко, И. П.* Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I. Основныя свѣдѣнія по общей географіи (математической, физической и политической) въ связи съ начальной географіей Россіи. Кіевъ. 1915. Стр. IV+169. Цѣна 60 коп.“

— „*Нифонтовъ, В.* Учебникъ русской грамматики. Часть II. Синтаксисъ. Рига. 1915. Стр. IV+116. Цѣна 40 коп.“ (для младшихъ классовъ, а равно и для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Постниковъ, А.* Курсъ физики съ приложеніемъ основныхъ свѣдѣній по химіи. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1914. Стр. 581+II. Цѣна 2 р. 80 коп. въ перепл.“ (для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— *Tripet, C.* Cours méthodique de langue française. 1-er livre (lexicologie). Suivi d'un appendice renfermant le vocabulaire des extraits et le corrigé des exercices. M. 1913. Стр. X+III+320. Цѣна 1 р. 30 коп.“ (для среднихъ классовъ).

— „*Tripet, C.* Cours méthodique de langue française. 2-me livre

(syntaxe). Suivi d'un appendice renfermant le vocabulaire des extraits et le corrigé des exercices. Книгоизд-во «Школа». М. 1914. Стр. X+355. Цѣна 1 р. 30 коп." (для старшихъ классовъ).

— „*Фюмель, Л. Н.* Практическій курсъ французскаго языка по натуральному (реальному) методу. Изданіе 4-е, пересмотрѣнное, исправленное и значительно дополненное, Е. П. Распопова. Одесса. 1915. Стр. IV+368. Цѣна 1 р. 25 коп., въ перепл. 1 р. 40 коп."

— „*Чекала, С.* Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Часть 1-я. Этимологія. Изданіе 13-е, т./д. Думновъ, Клочковъ, Луковниковъ и К°. М. 1912. Стр. IV+70. Цѣна 40 коп."

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гефдингъ, Г.* Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. *Я. Колубовскаго.* 6-е русское изданіе, съ незначительными измѣненіями, т-ва В. В. Думновъ—наслѣдн. бр. Салаевыхъ. С.-Пб. и М. 1914. Стр. 366. Цѣна 1 р. 50 коп." (для учительскихъ институтовъ, въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Гика, Д.*, и *А. Муромцевъ.* Геометрическія задачи. Часть I. Задачи плоской геометріи. Изданіе 11-е, М. Д. Наумова. М. 1914. Стр. 4+188. Цѣна 85 коп., въ перепл. 1 р." (также для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Глазенапъ, С.* Таблицы логариѳмовъ съ 5-ю десятичными знаками, съ приложеніемъ другихъ таблицъ, упрощающихъ вычисленія. Изданіе 4-е. П. 1915. Стр. 32+125. Цѣна 85 коп."

— „*Глезеръ, П.*, и *Э. Пецольдъ.* Учебникъ нѣмецкаго языка. Пересмотрѣлъ *П. Глезеръ.* Часть I. Изданіе 18-е. П. 1915. Стр. VIII+172. Цѣна 90 коп.—Часть II. Изданіе 12-е. С.-Пб. 1914. Стр. VI+80. Цѣна 35 коп."

— „*Дравнѣкъ, Фр. П.* Производство и обмѣнъ. Первоначальныя свѣдѣнія. С.-Пб. 1914. Стр. 102. Цѣна 40 коп." (для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ, въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „Историческіе карты-контуры: древней Палестины, древняго Азіатскаго міра, древней Греціи, монархіи Александра Македонскаго, древней Италіи и Римской имперіи. Изданіе И. П. Максимова. Гомель. Цѣна 5 коп. за экземпляръ." (также для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Максимовъ, И. П.* Учебная историческая карта Европы вре-

менъ Наполеона I-го (въ началѣ XIX вѣка). 3-е изданіе. Гомель. 1914. Цѣна 3 р.“ (также для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Максимовъ, И. П.* Учебная карта древней Греціи. 5-е изданіе. Гомель. 1911. Цѣна 3 р.“ (также для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Максимовъ, И. П.* Учебная карта древней Италіи. 5-е изданіе. Гомель. 1911. Цѣна 3 р.“ (также для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Максимовъ, И. П.* Учебная карта древняго Азіатскаго міра. 6-е изданіе. Гомель. 1914. Цѣна 3 р.“ (также для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Максимовъ, И. П.* Учебная карта Европы въ эпоху великаго переселенія народовъ (во второй половинѣ V-го вѣка). 5-е изданіе. Гомель. 1913. Цѣна 3 р.“ (также для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Максимовъ, И. П.* Учебная карта южной Европы въ эпоху Крестовыхъ походовъ. 4-е изданіе. Гомель. 1910. Цѣна 3 р.“ (также для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Максимовъ, И. П.* Репетиціонныя географическія карты. Гомель. 1915. 1) Карты съ обозначеніемъ границъ государствъ, ихъ провинцій, областей или губерній, а также рѣкъ и городовъ. 27 картъ.— 2) Карты безъ обозначенія городовъ. 24 карты.—3) Карты, которыми можно пользоваться, какъ наводными. 28 картъ. Цѣна картъ большого формата 5 коп., малаго 3 коп. за экземпляръ.“ (также для низшихъ учебныхъ заведеній).

— „*Мижуевъ, П. Г.* La France moderne. Повѣсти и разсказы современныхъ французскихъ писателей. Изданіе 3-е, К. Л. Риккера. П. 1915. Стр. 130. Цѣна 80 коп.“ (для среднихъ и старшихъ классовъ).

— „*Покровскій, В.* Систематическій диктантъ. М. 1914. Часть I. Этимологія. Стр. XVI+251. Цѣна 50 коп., въ переплетѣ 65 коп.— Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 17-е. Стр. XIII+256. Цѣна 60 коп., въ переплетѣ 75 коп.“ (въ качествѣ учебныхъ пособій при преподаваніи методики русскаго языка въ VIII педагогическомъ классѣ женскихъ гимназій, а также въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ).

— „*Поливановъ, Левъ.* Русская хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 27-е. М. 1915. Стр. XII+356+VI. Цѣна 70 коп.“

— „*Торнау, Н. Н.* Сборникъ статистическихъ данныхъ. 2-е изданіе. Данныя, опубликованныя въ концѣ 1913 года и въ 1914 году. П. 1914. Стр. IV+26. Цѣна 40 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „*Триллингъ, Ф.* Практическій учебникъ французскаго языка. Приготовительный годъ. 13-е изданіе. М. 1915. Стр. XVI+80. Цѣна 40 коп.—1-й годъ: «Въ школѣ и дома». 15-е изданіе. М. 1914. Стр. XVI+152. Цѣна 60 коп.—2-й годъ: «Въ деревнѣ и въ городѣ». 13-е изданіе. М. 1914. Стр. VIII+120. Цѣна 60 коп.“

— „*Тузовъ, К.* Сборникъ алгебраическихъ задачъ. П. 1915. Стр. II+181. Цѣна 80 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „*Чекала, С.* Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Изданіе т./д. Думновъ, Клочковъ, Луковниковъ и К°. I. Начальный курсъ. Изданіе 40-е. М. 1913. Стр. XVI+136+17 листовъ рисунковъ. Цѣна 65 коп.—III. Курсъ. Изданіе 18-е. М. 1912. Стр. 192. Цѣна 85 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Доброзраковъ, И. Ѳ.* Русская грамматика. Книгоизд-во Ф. И. Трескиной. Рига. 1915. Ч. I. Этимологія. Стр. 8+130. Цѣна 45 коп.—Ч. II. Синтаксисъ. Стр. 8+108. Цѣна 45 коп.“ (для младшихъ классовъ, а также для высшихъ начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Михайловъ, Дм. Дм.* Курсъ исторіи русской литературы съ эпохи Петра Великаго до Пушкина и Хрестоматія. Изданіе 2-е, исправленное. П. 1915. Стр. XI+190+389+V. Цѣна 1 р. 30 коп.“ (съ обязательствомъ для автора тщательно переработать книгу въ слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

б) въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Strautmann, Chr.* Нѣмецкая хрестоматія. Illustriertes deutsches Lesebuch. Teil I. Изданіе «Сотрудникъ школъ». М. 1914. Стр. VII+291. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Барановъ, А.* Разсказы изъ русской исторіи. Изданіе 3-е. М. 1913. Стр. 168. Цѣна 60 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Берлинъ, А.* Царство бабочекъ. 129 раскрашенныхъ изображеній бабочекъ съ описательнымъ текстомъ. Переводъ *М. М. Кругловскаго.* Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1913. Стр. 28+XII таблицъ. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Бернеттъ, Ф. Г.* Маленькая принцесса. (Приключенія Сары Кру). Повѣсть для дѣтей. Переводъ съ англійскаго *А. Н. Рождественской.* Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Золотая библіотека). С.-Пб. и М. 1911. Стр. 291. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Блонскій, П. П.* Янъ Амосъ Коменскій. Книгоизд-во К. И. Тихомирова. (Великіе педагоги. Монографіи подъ ред. *М. М. Рубинштейна*). М. 1915. Стр. III+121. Цѣна 60 коп.“ (для VIII-хъ классовъ женскихъ гимназій, а также для учительскихъ институтовъ и семинарій и учительскихъ одногодичныхъ курсовъ).

— „*Быковъ, Н. П.* Князья Острожскіе и Волынь. Введеніе въ историческую записку «Пятидесятилѣтіе Острожскаго св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства». П. 1915. Стр. 60. Цѣна 50 коп.“

— „*Бѣлгородскій, А. В.* Галиція — исконное достояніе Россіи. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 46+1 карта. Цѣна 15 коп.“

— „*Бѣлгородскій, А. В.* Порабощенное славянство (въ Австро-Венгріи и Германіи). Изданіе Н. П. Карбасникова. П. 1915. Стр. 138. Цѣна 1 р.“ (также для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Введенскій, А. И.* Психологія безъ всякой метафизики. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. П. 1915. Стр. 351. Цѣна не обозначена“ (для старшаго возраста).

— „*Воейковъ, А. И.* Метеорологія. Изданіе 4-е, пересмотрѣнное и дополненное, А. Ф. Девріена. (Учебники, составленные по порученію департамента земледѣлія). С.-Пб. 1914. Стр. VIII+187+4 табл. Цѣна 1 р. 20 коп.“

— „*Габбертонъ, Д.* Дѣти Елены. Разсказъ. Перевелъ съ англійскаго для дѣтей *Л. Л. Толстой.* Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. П. и М. 1915. Стр. 162. Цѣна 1 р. 75 коп.“

— „*Галанинъ, Д. Д.* Леонтій Филипповичъ Магницкій и его ариѳметика. М. 1914. Вып. I. Личность Магницкаго и его время. Стр. 66.

Цѣна 50 коп.—Вып. II. Ариѳметика-политика, или гражданская. Вып. III. Ариѳметика-логистика. Съ приложеніемъ нагляднаго пособія XVIII вѣка Ариѳметика-ѳеорика, или зрительная, сост. Василіемъ Кипріяновымъ. Стр. 207. Цѣна 2 р.“

— „*Герштеккеръ, Ф.* Маленькій золотоискатель въ Калифорніи. Разсказъ для юношества. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Рогальскаго.* Изданіе 4-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1912. Стр. IV+337. Цѣна 2 р. 50 коп.“ (для средняго возраста).

— „*Гёте.* Фаустъ. Изданіе А. Ф. Девріена. П. 1914. Томъ I. Текстъ (обѣ части поэмы). Въ переводѣ *Николая Холодковскаго.* Стр. VI+436.—Томъ II. Комментарій и примѣчанія къ обѣимъ частямъ поэмы. Составилъ *Н. А. Холодковскій.* Стр. 350. Цѣна за 2 тома 4 р., въ переплетѣ 5 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Гефдингъ, Г.* Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. *Я. Колубовскаго.* 6-е русское изданіе, съ значительными измѣненіями, т-ва В. В. Думновъ—насл. бр. Салаевыхъ. С.-Пб. и М. 1914. Стр. 366. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Глаголь, Сергѣй,* и *Игорь Грабарь.* Исаакъ Ильичъ Левитанъ. Жизнь и творчество. (*Игорь Грабарь.* Русскіе художники. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Выпускъ 2). Изданіе I. Кнебель. М. Годъ не обозначенъ. Стр. 119. Цѣна 3 р. 50 коп. въ перепл.“ (для старшаго возраста; признана также пригодной для выдачи учащимся въ награду).

— „*Грабарь, Игорь.* Валентинъ Александровичъ Сѣровъ. Жизнь и творчество. (Русскіе художники. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Выпускъ 3). Изданіе I. Кнебель. Москва. Годъ не обозначенъ. Стр. 299. Цѣна 6 р. въ перепл.“ (для старшаго возраста; признана также пригодной для выдачи учащимся въ награду).

— „*Диккенсъ, Чарльзъ.* Давидъ Копперфильдъ. Изданіе для юношества. 3-е изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. (Наша библіотека). С.-Пб. и М. 1912. Стр. III+330. Цѣна 3 р.“ (для младшаго возраста).

— „*Ильменскій, А.* Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій князь Алексѣй Николаевичъ 1904—1914. Къ десятилѣтію со дня рожденія. С.-Пб. 1914. Стр. 56. Цѣна 40 коп.—То же на лучшей бумагѣ. Стр. 72. Цѣна 1 р.“

— „*Кайгородовъ, Димитрій.* Наши весенніе цвѣты. Популярные очерки. Серія III-я. П. 1915. Стр. 58. Цѣна 90 коп.“

— „*Коваленскій, Михаилъ.* Хрестоматія по русской исторіи.

Томъ II. Изданіе т-ва «Міръ». М. 1915. Стр. XIII+320. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Копыткинъ, Сергѣй.* Пѣсни о войнѣ. Стихотворенія. П. 1915. Стр. 32. Цѣна 40 коп.“ (для средняго и старшаго возраста).

— „*Лавровъ, С. Д.* Прикладная энтомологія. Изданіе А. Ф. Девріена. П. 1915. Стр. XII+234. Цѣна 1 р.“ (также, въ особенности, для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Лонгъ, В.* Бѣлый медвѣдь. Изданіе I. Кнебель. М. 1915. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“ (для младшаго возраста).

— „*Лонгъ, В.* Пеквамъ рыболовъ. Изданіе I. Кнебель. М. 1915. Стр. 31. Цѣна 25 коп.“ (для младшаго возраста).

— „*Лонгъ, В.* Тамъ, гдѣ скачутъ лососи. Изданіе I. Кнебель. М. 1915. Стр. 38. Цѣна 30 коп.“ (для младшаго возраста).

— „Майскій цвѣтокъ и другіе разсказы. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 35). Изданіе 4-е. М. 1912. Стр. 159. Цѣна 55 коп.“

— „*Меншуткинъ, Б. Н.* Первый русскій ученый. Очеркъ. Изданіе П. П. Сойкина. (Знаніе для всѣхъ). П. 1915. Стр. 36. Цѣна 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Монтессори, Марія.* Методъ научной педагогики, примѣняемый къ дѣтскому воспитанію въ домахъ ребенка. Переводъ со 2-го итальянскаго, исправленнаго и дополненнаго изданія. Съ предисловіемъ *И. М. Соловьева.* Изданіе «Задруга». М. 1915. Стр. VII + 316. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Назаревскій, К. К.* Новопрославленный святитель святѣйшій Ермогенъ патріархъ всея Россіи. Изданіе Церковной юбилейной комиссіи. Москва. Годъ не обозначенъ. Стр. 56. Цѣна 50 коп.“

— „*Некрасова, Л. М.* Моя первая естественная исторія. Міръ животныхъ. Въ краткихъ очеркахъ, разсказахъ, загадкахъ, пословицахъ, стихахъ и пр. Изданіе 5-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1914. Стр. II + 93. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для младшаго возраста).

— „*Нечаевъ, А. П.* Между огнемъ и льдомъ. (О вулканахъ и ледникахъ). Очерки и картины изъ жизни земли. 3-е изданіе, исправленное и дополненное, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1913. Стр. VIII+271. Цѣна 1 р. 30 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.“

— „*Нечаевъ, А. П.* Очерки изъ жизни и исторіи земли. Работа

подземныхъ силъ. (Библіотека для всѣхъ). 2-е изданіе. М. 1915. Стр. 175. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 45 коп."

— „*Олькотъ, Луиза.* Маленькія женщины, ставшія взрослыми. Повѣсть. Переводъ *Е. Г. Тихомандрицкой.* Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Золотая библіотека). С.-Пб. и М. 1914. Стр. 331. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „Педагогическій сборникъ, издаваемый при Главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1913.—То же. Петроградъ. 1914. Подписная цѣна 4 р. 50 коп., съ доставкою и пересылкою 5 р." (для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „Повѣсть о горѣ и злочастіи, какъ горе злочастие довело молотца въ иноческій чинъ. (*Б. И. Дунаевъ.* Библіотека старорусскихъ повѣстей). М. 1914. Стр. 40. Цѣна 40 коп."

— „*Погодинъ, А. Л.* Краткій очеркъ исторіи славянъ. Изданіе Г. А. Лемана. М. 1915. Стр. 126. Цѣна 60 коп."

— „*Полевой, П. Н.* Отголоски старины. Сборникъ историческихъ разсказовъ. Изданіе 2-е, посмертное, А. Ф. Девріена. П. 1914. Стр. IX+175. Цѣна 2 р. 25 коп."

— „Русскій астрономическій календарь (ежегодникъ) на 1915 годъ Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. Подъ ред. *В. В. Татаринова.* 21-й годъ изданія. Нижній-Новгородъ. 1915. Стр. VIII+207. Цѣна 60 коп."

— „*Рѣчменскій, А.* Собраніе памятниковъ церковной старины въ ознаменованіе трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ. Изданіе Церковной юбилейной комиссіи. М. 1913. Стр. 80+27 таблицъ. Цѣна 5 р." (для средняго и старшаго возрастовъ; признана также пригодной для выдачи въ награду учащимся).

— „Сказанія про храбраго витязя про Бову королевича (*Б. И. Дунаевъ.* Библіотека старорусскихъ повѣстей). М. 1915. Стр. 68. Цѣна 50 коп."

— „*Сталь, П. И.* Серебряные коньки. Исторія одного голландскаго семейства. По англійскому подлиннику Мэри М. Доджъ. Переводъ *А. Н. Рождественской.* Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Золотая библіотека). С.-Пб. и М. 1913. Стр. 313+II. Цѣна 1 руб. 50 коп."

— „*Станюковичъ, К. М.* Севастопольскій мальчикъ. Повѣсть изъ временъ Крымской войны. Изданіе 4-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1914. Стр. 237. Цѣна 3 р. 50 к."

— „*Старкъ, Эдуардъ.* Колыбель русскаго искусства. (Император-

ская Академія художествъ). Очеркъ. (Знаніе для всѣхъ. Общедоступный журналъ. Редакторъ-издатель *П. П. Сойкинъ*. № 11). П. 1914. Стр. 32. Цѣна 50 коп."

— „*Сюэль, Анна.* Черный красавецъ. Исторія лошади, разсказанная ею самою. Съ англійскаго перевела *Е. Б.* (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 13). 3-е изданіе. М. 1912. Стр. 208. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 80 коп."

— „*Тарапыгинъ, Ѳ. А.* Волга-матушка. Образовательное путешествіе по Волгѣ. Очерки и картины волжской жизни отъ истока рѣки до впаденія ея въ Каспійское море. П. 1914. Стр. VIII+305+1 карта. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „*Толстой, Левъ.* Казаки. Кавказская повѣсть. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 191. Цѣна не обозначена" (для старшаго возраста).

— „*Чарская, Л. А.* Грозная дружина. Историческая повѣсть. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1911. Стр. 325. Цѣна 3 р. 50 коп."

— „*Чарская, Л. А.* За что? Моя повѣсть о самой себѣ. Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1910. Стр. 4+2+403. Цѣна 3 р." (преимущественно для женскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Чарская, Л. А.* Княжна Джаваха. Повѣсть для юношества. Изданіе 5-е, т-ва М. О. Вольфъ. П. и М. 1915. Стр. II+336. Цѣна 3 р."

— „*Чарская, Лидія.* Люсина жизнь. Повѣсть для юношества. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 357+1. Цѣна 1 р. 50 коп." (для среднихъ классовъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Чарская, Л. А.* Пажъ цесаревны. Историческая повѣсть. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1911. Стр. II+329+11. Цѣна 3 р. 50 коп."

— „*Чарская, Л. А.* Смѣлая жизнь. Подвиги загадочнаго героя. Историческая повѣсть. Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1913. Стр. 306. Цѣна 3 р. 50 коп."

— „*Яремичъ, С.* Михаилъ Александровичъ Врубель. Жизнь и творчество. (*Игорь Грабарь.* Русскіе художники. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Выпускъ 1). Изданіе I. Кнебель. Москва. Годъ не обозначенъ. Стр. 187. Цѣна 3 р. 50 коп. въ перепл." (для старшаго возраста).

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Барановъ, А.* Наше родное. Книга для класснаго чтенія. Изданіе наслѣдниковъ автора. М. 1914. 1-ый годъ обученія. Русскій и церковно-славянскій букварь и первая послѣ букваря книга для чтенія. 82-е изданіе. Стр. 132. Цѣна 25 коп.—2-й годъ обученія. Вторая послѣ букваря книга для чтенія. 56-е изданіе. Стр. 160. Цѣна 30 коп.—3-й годъ обученія. Третья послѣ букваря книга для чтенія. 43-е изданіе. Стр. 208. Цѣна 40 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Гречушкинъ, С. И.* Матеріалы для изложеній и сочиненій. Изданіе 8-е, т./д. Думновъ, Клочковъ, Луковниковъ и К°. М. 1914. Стр. VIII+120. Цѣна 50 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Гречушкинъ, С. И.* Планы для письменныхъ изложеній и сочиненій. 11-е изданіе, т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. 1915. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Гречушкины, С.* и *В.* Практическій курсъ русской грамматики. (Элементарныя правила, этимологія и синтаксисъ). Изданіе 17-е, т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. и П. 1915. Стр. IV + 156. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Джапаридзе, В.*, и *Я. Зедгинидзе.* Методическая хрестоматія по русскому языку. Подготовительный курсъ. Ч. I. Изданіе 5-е, пополненное. Тифлисъ. 1914. Стр. X+341+XV. Цѣна 70 коп., въ перепл. 1 р.“ (для инородческихъ начальныхъ училищъ).

— „*Добрынинъ, К. И.* Сокращенный курсъ всеобщей и русской исторіи. Изданіе 2-е, исправленное. Издатель В. С. Спиридоновъ. М.

1915. Стр. 382. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ, въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Знойко, Николай.* Краткій курсъ всеобщей исторіи. Изданіе 5-е. Одесса. 1914. Стр. 3+268. Цѣна 80 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ, въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Козьминъ, К.* Начальные уроки церковно-славянскаго языка и хрестоматія. Изданіе 5-е, М. Д. Наумова. М. 1913. Стр. 112. Цѣна 40 коп., въ переплетѣ 55 коп.“ (для двухклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Кочуровъ, Д. И.* Русская исторія. Изданіе 2-е, исправленное, К. Г. Зихмана. Рига. 1915. Стр. 96. Цѣна 12 коп.“ (для низшихъ учебныхъ заведеній съ преобладающимъ инородческимъ составомъ учащихся).

— „Новый наглядный букварь «Дѣтскій міръ». Наиболѣе естественный методъ обученія чтенію. Составленъ подъ ред. *Ал. Стеблева* «Кружкомъ преподавателей». Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 70+4. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Соколовъ, Б. Е.* Грамматика русскаго языка. Этимологія. Изданіе Я. Башмакова и К°. С.-Пб. 1914. Стр. III+112. Цѣна въ переплетѣ 40 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Соловьева, Е. Е., Е. И.* и *Л. И. Тихѣевы.* Русская грамота. Азбука. (Система американской школы). Изданіе 4-е, переработанное и дополненное. М. 1914. Стр. 156. Цѣна 1 р. 10 коп., въ папкѣ 1 р. 25 коп.“

— „*Цигельманъ, Н. Л.* Законоучитель для учениковъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Изданіе 8-е, исправленное и дополненное. Одесса. 1912. Стр. 59+101. Цѣна 45 коп.“ (для низшихъ еврейскихъ училищъ).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Барановъ, А.* Подробный планъ занятій въ начальной народной школѣ, съ указаніемъ самостоятельныхъ работъ. 24-е изданіе, наслѣдниковъ автора. М. 1912. Стр. 44. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Бахтинъ, Н.* Обзоръ дѣтскихъ оперъ. Съ обозначеніемъ декорацій и количества и качества голосовъ и хоровъ. П. 1915. Стр. 48. Цѣна 25 коп.“

— „*Бернштейнъ, Ник.* Исторія національныхъ гимновъ. П. 1914. Стр. 48. Цѣна 50 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Гравицъ, Е.* Гигіена обыденной жизни. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія подъ ред. *А. С. Догеля.* Изданіе т-ва О. Н. Поповой. П. 1915. Стр. 136. Цѣна 75 коп.“

— „*Грекуловъ, А.* Приготовленіе препаратовъ. Изданіе мастерской учебныхъ пособій Бендерскаго земства. (Библіотека школьнаго музея). Бендеры. Стр. 68+7. Цѣна 25 коп.“

— „*Делекторскій, В. Н.* Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ связи съ Закономъ Божіимъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 204. Цѣна 45 коп.“

— „*Италинскій, А.* Церковно-славянскій языкъ въ народной школѣ. Методическій очеркъ. 2-е изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 67. Цѣна 35 коп.“

— „*Козловъ, С. Е.* Новая постановка письменныхъ работъ въ русской школѣ. 2-е изданіе, Н. Я. Оглоблина. П. 1915. Стр. 30. Цѣна 30 коп.“

— „*Коропчевскій, Д. А.* Первые уроки этнографіи. 2-е изданіе, пересмотрѣнное *Н. А. Виташевскимъ.* Книгоизд-во К. И. Тихомирова. М. 1913. Стр. 202+1 карта. Цѣна 80 коп.“

— „*Краткій, А.*, и *І. Я. Филипи.* Практическія замѣтки по методикѣ начальнаго рисованія. Переводъ съ чешскаго *Н. Н. Бахтина.* С.-Пб. 1913. Стр. 24+XVI. Цѣна 60 коп.“

— „*Лубенецъ, Наталія.* Фребель и Монтессори. Кіевъ. 1915. Стр. 138. Цѣна 40 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Подвижныя игры съ пѣніемъ для дѣтскихъ садовъ и народныхъ школъ, собранныя группой дѣтскихъ садовницъ, занимавшихся подъ руководствомъ Н. Филитиса. Изданіе 2-е, книгоизд-ва «Школа». М. 1915. Стр. 44. Цѣна 50 коп.“

— „*Поповъ, Ан.* Занятія по родиновѣдѣнію въ начальной одноклассной сельской школѣ. (Опытъ плана внѣклассныхъ занятій). Изданіе 2-е дополненное. Иркутскъ. 1914. Стр. 49+1 табл. Цѣна 25 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Соколовскій, М. К.* Героическая дѣтская литература. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. (Задушевное воспитаніе. Собраніе популярныхъ очерковъ, лекцій и статей по педагогическимъ вопросамъ подъ ред. *Виктора Русакова.* 36). П. и М. 1914. Стр. 21. Цѣна 15 коп.“

— „*Шапиро, І. А.* Руководство по всѣмъ отраслямъ коопераціи. Теорія, практика и исторія потребительской, кредитной, производи-

тельной и сельскохозяйственной кооперацій. Книгоизд-во «Прометей». 1913. Стр. VI+167. Цѣна 1 р. 25 коп.“

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Авиловъ, П.* На камнѣ. Разсказъ изъ чукотской жизни. (Въ школѣ и дома. № 4). Редакція и контора при кн. складѣ М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 40. Цѣна 12 коп.“

— „*Авиловъ, П.* Шаманъ. Разсказъ изъ чукотской жизни. (Въ школѣ и дома. № 3). Редакція и контора при кн. складѣ М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 40. Цѣна 12 коп.“

— „*Алёшинъ, Вл.* Лѣсныя сказки. М. 1915. Стр. 88. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 65 коп.“

— „*Алтаевъ, Ал.* Въ неволѣ и на волѣ. Первые разсказы изъ жизни природы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 64. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 40 коп.“

— „*Алтаевъ, А.* Лѣсное дитя. Легенда. Изд. ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 35. Цѣна 10 коп.“

— „*Апраксинъ, А. Д.* Мой мальчикъ. Повѣсть для юношества. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1911. Стр. 90. Цѣна 1 р. 75 коп.“

— „*Ардовъ, Е. (Е. И. Апрѣлева).* Два міра. Разсказы для дѣтей средняго возраста. Изданіе 2-е. П. 1915. Стр. 199. Цѣна 80 коп., въ коленк. перепл. 1 р. 30 коп.“ (для высшихъ начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Арсеньевъ, А. В.* Гриша Телепневъ стрѣлецкій сынъ. Историческій разсказъ изъ эпохи молодости Петра Великаго. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. 53). П. и М. 1914. Стр. 46. Цѣна 30 коп.“

— „*Бажина, С.* Какъ Миша попалъ на фабрику. Разсказъ для дѣтей средняго возраста. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 48. Цѣна не обозначена.“

— „*Баранцевичъ, К. С.* Ручей слезъ. Кавказская легенда. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. 52). П. и М. 1914. Стр. 24. Цѣна 20 коп.“

— „*Бахтинъ, Н.* Угорская Русь. П. 1915. Стр. 52. Цѣна 30 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Берлинъ, А.* Царство бабочекъ. 129 раскрашенныхъ изобра-

женій бабочекъ съ описательнымъ текстомъ. Переводъ *М. М. Кругловскаго.* Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1913. Стр. 28+XII таблицъ. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Богдановъ, П. М.* Бесѣды о жизни растеній. Изданіе 3-е, пересмотрѣнное и дополненное, А. Ф. Девріена. П. 1914. Стр. VI+144. Цѣна 60 коп.“

— „*Брешко-Брешковскій, Н. Н.* Петрусь Мартынюкъ. Повѣсть. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 21). П. и М. 1915. Стр. 36. Цѣна 25 коп.“

— „*Буковецкая, С.* Школьные годы Іози Мольскаго. Повѣсть. Переводъ съ польскаго *М. В. Архангельской.* Изданіе ред. журнала «Семья и Школа». М. 1911. Стр. 126. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 80 коп.“

— „*Булгакова, Е.* Старый домъ. Повѣсть для дѣтей средняго возраста. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 132. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 60 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Бѣлгородскій, А. В.* Порабощенное славянство (въ Австро-Венгріи и Германіи). Изданіе Н. П. Карбасникова. П. 1915. Стр. 138. Цѣна 1 р.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Бѣлоусовъ, Ив.* И. З. Суриковъ и его стихи. М. 1915. Стр. 43. Цѣна 20 коп.“

— „*Васильевъ, М.* Русскія сказки. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1915. Выпускъ. 1-й. Стр. 80.—Выпускъ 2-й. Стр. 80.—Выпускъ 3-й. Стр. 79.—Выпускъ 5-й. Стр. 80. Цѣна каждаго выпуска 40 коп., въ папкѣ 55 коп.“

— „*Вернъ, Жюль.* 80.000 верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Переводъ *Марка Вовчка.* Изданіе 5-е. П. 1915. Стр. IV+439. Цѣна 1 р. 50 коп., въ коленк. пер. 2 р.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Вернъ, Жюль.* Дѣти капитана Гранта. Кругосвѣтное путешествіе. Переводъ *Марка Вовчка.* Изданіе 7-е. П. 1915. Стр. IV+664. Цѣна 2 р. 25 коп., въ коленк. пер. 2 р. 75 коп.“

— „*Вернъ, Жюль.* Таинственный островъ. Переводъ *Марка Вовчка.* Изданіе 4-е. П. 1915. Стр. IV+750. Цѣна 2 р. 50 коп., въ коленк. пер. 3 р.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „Возлѣ ребенка. По М. Серао. Изданіе М. Н. Слѣпцовой. (Книжка за книжкой, кн. 88-ая). 1912. Стр. 47. Цѣна 12 коп.“

— „*Волкова, Е.* Козьма Мининъ и князь Д. Пожарскій. Истори-

ческій очеркъ изъ временъ лихолѣтія 1611—1613 гг. Изданіе Вятскаго т-ва «Народная библіотека». С.-Пб. 1913. Стр. 98. Цѣна 20 коп.“

— „*Волкова, Е.* Патріархъ Гермогенъ. Историческій очеркъ изъ эпохи Смутнаго времени 1610—1612. Изданіе Вятскаго т-ва «Народная библіотека». С.-Пб. 1913. Стр. 83. Цѣна 20 коп.“

— „Всѣ въ войнѣ. Разсказы о великой войнѣ. Для семьи и школы. Книгоиздательство т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „*Вучетичъ, Н. Г.* Красный фонарь. Разсказъ. Изданіе 10-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 2). П. и М. 1915. Стр. 33. Цѣна 25 коп.“

— „*Вучетичъ, Н. Г.* Митина нива. Разсказъ. 7-е изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 4). С.-Пб. и М. 1912. Стр. 20. Цѣна 15 коп.“

— „Въ своемъ гнѣздышкѣ. 1. Ерши. 2. Два паука. 3. Зайцы. 4. Жаворонки. 5. Легкомысленная бѣлочка. Собралъ и переработалъ съ польскаго *Н. И. Перелыгинъ*. Изданіе 4-е, Д. П. Ефимова. М. 1915. Стр. 53. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 40 коп.“

— „*Гартманъ, М.* Цѣлитель. Баскское преданіе. Изданіе М. Н. Слѣпцовой. (Книжка за книжкой, кн. 94-ая). 1913. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Гаршинъ, Всеволодъ.* Сигналъ. Разсказъ. Книгоизд-во «Жизнь и знаніе». (Дешевая библіотека. Книга 3-ья). П. 1915. Стр. 21. Цѣна 6 коп.“

— „*Городцовъ, Андрей.* «Богатырь Илья Муромецъ». Сцены по народнымъ былинамъ въ трехъ дѣйствіяхъ для постановки на сельскихъ театрахъ. Изданіе Пермскаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости. Пермь. 1914. Стр. 30+2. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Готорнъ, Натаніэль.* Книга чудесъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. (Золотая библіотека). С.-Пб. и М. 1914. Стр. VI+203+184+167+1. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Грекуловъ, А.* Какъ добываютъ керосинъ. Разсказъ для дѣтей. Изданіе мастерской наглядныхъ учебныхъ пособій Бендерскаго земства. Бендеры. 1914. Стр. 22. Цѣна 4 коп.“

— „*Гринченко, Б.* Отклики. (Три разсказа). Въ переводѣ съ ма-

лороссійскаго *Н. И. Перелыгина*. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“

— „*Догановичъ, Анна*. Золотыя искры. Сказки и разсказы. Издатель В. С. Спиридоновъ. (Библіотека маленькаго читателя. № 240). М. 1915. Стр. 46. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 35 коп.“

— „*Дудоровъ, П.* Диво-дивное. Сказка. (Въ школѣ и дома. № 7). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 24. Цѣна 8 коп.“

— „*Дудоровъ, П.* Иванъ-Сирота. Сказка. (Въ школѣ и дома. № 6). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 24. Цѣна 8 коп.“

— „*Дудоровъ, П.* Избранныя русскія сказки. Выпускъ 6-ой. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 64. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп.“

— „*Дудоровъ, П.* Сказка объ Иванушкѣ-дурачкѣ. (Въ школѣ и дома. № 5). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 24. Цѣна 8 коп.“

— „*Елачичъ, Евгеній*. Изъ жизни природы. Біологическіе очерки. Изданіе 2-е, вновь просмотрѣнное и дополненное. П. 1915. Стр. 143. Цѣна 60 коп.“

— „*Желиховская, В.* Наши воины православные. Разсказы изъ закавказской жизни во время войны 1877—1878 гг. Изданіе 7-е, В. Д. Карчагина. М. 1915. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“

— „*Желиховская, В.* Сидорычъ Безыменный. Изъ разсказовъ стараго кавказца. Изданіе 6-е, В. Д. Карчагина. М. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Жуковскій, Василій Андреевичъ*. Сборникъ для дѣтей младшаго возраста. Съ біографіей поэта. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Подъ ред. *Н. В. Тулупова*. (Русскіе писатели для дѣтей и юношества). М. 1915. Стр. 29+219. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „За вѣру, царя и отечество! Пѣснь молодого защитника царя и отечества. Слова *В. В. Тарасова*. Музыка *А. П. Максимова*. 2-е изданіе. Петрозаводскъ. Стр. 7. Цѣна 40 коп.“

— „*Зола, Э.* Наводненіе. Разсказъ. Переводъ съ французскаго *Л. Б. Хавкиной*. Изданіе 3-е, Вятскаго книгоизд-скаго т-ва «Народная библіотека». С.-Пб. 1912. Стр. 31. Цѣна 7 коп.“

— „*Ильменскій, А.* Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій князь Алексѣй Николаевичъ 1904—1914. Къ

десятилѣтію со дня рожденія. С.-Пб. 1914. Стр. 56. Цѣна 40 коп.— То же на лучшей бумагѣ. Стр. 72. Цѣна 1 р.“

— „*Имшенецкій-Лукашевичъ, В.* Божья овечка. Деревенская быль. М. 1915. Стр. 87. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 50 коп.“

— „*Инфантьевъ, П. П.* Воръ изъ жизни вогуловъ. Изд. ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 15. Цѣна 5 коп.“

— „*Киплингъ, Р.* Рикки-Тикки. Разсказъ. Переводъ съ англійскаго *Л. Очаповскаго.* Изданіе Вятскаго т-ва «Народная библіотека». С.-Пб. 1912. Стр. 35. Цѣна 10 коп.“

— „Король Гарольдъ. Историческая повѣсть по Э. Бульверу. Съ введеніемъ «Изъ исторіи Англіи». Изданіе М. Н. Слѣпцовой. (Книжка за книжкой, кн. 95-ая). 1913. Стр. 211. Цѣна 50 коп.“

— „*Корольковъ, Н. Ѳ.* Первые мѣсяцы великой войны 1914—1915 г. Изданіе постоянной коммисіи народныхъ чтеній. № 308. П. 1915. Стр. 40. Цѣна 8 коп.“

— „Краткія свѣдѣнія изъ исторіи Донского казачества и біографіи донскихъ героевъ. Изд. 2-е, исправленное, Н. И. Задорожняго. Ст. Константиновская. Стр. 34. Цѣна 10 коп.“

— „*Лермонтовъ, М. Ю.* Избранныя стихотворенія для дѣтей. Изданіе І. Кнебель. М. 1914. Стр. 36. Цѣна 15 коп.“ (для высшихъ начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Лермонтовъ, М. Ю.* Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ. Изданіе І. Кнебель. М. 1914. Стр. 36. Цѣна 15 коп.“ (для высшихъ начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Лонгъ, В.* Бѣлый медвѣдь. Изданіе І. Кнебель. М. 1915. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“

— „*Лонгъ, В.* Пеквамъ рыболовъ. Изданіе І. Кнебель. М. 1915. Стр. 31. Цѣна 25 коп.“

— „*Лонгъ, В.* Тамъ, гдѣ скачутъ лососи. Изданіе І. Кнебель. М. 1915. Стр. 38. Цѣна 30 коп.“

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Во время войны. Сборникъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 165. Цѣна 90 коп., въ папкѣ 1 р.“

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Патріотическое школьное литературное утро. Хрестоматія. 1914—1915 г. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 192. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Подвиги родныхъ героевъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 206. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 10 коп.“

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Школьникъ-нищій. Разсказъ. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. 57). С.-Пб. и М. 1914. Стр. 52. Цѣна 30 коп.“

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Школьный праздникъ въ память М. Ю. Лермонтова. М. 1914. Стр. 116. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 75 коп.“

— „*Лялина, М. А.* Самородокъ. Повѣсть для дѣтей. Изданіе 5-е, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1914. Стр. 52. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп.“

— „*Макарова, С. М.* Свѣтлый праздникъ. Разсказы. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 12). С.-Пб. и М. 1914. Стр. 42. Цѣна 25 коп.“

— „*Максимовъ, А.* Свѣтскіе хоры для смѣшанныхъ голосовъ a capella. 1. Добрый совѣтъ. Слова *Д. Варлыгина.* С.-Пб. Стр. 3. Цѣна 20 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д.* Лебедь Хантыгая. Легенда. Изданіе Вятскаго т-ва «Народная библіотека». С.-Пб. 1911. Стр. 16. Цѣна 6 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* По Уралу. Разсказы и очерки. 6-е изданіе ред. журнала «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1913. Стр. 187. Цѣна 50 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Меньшиковъ, А.* О великой Европейской войнѣ 1914—1915 г. Изданіе Вятскаго комитета общества помощи семьямъ запасныхъ. Вятка. 1915. Стр. 151. Цѣна 25 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Мироновъ, Н.* Въ школу. Разсказы. (Библіотека «Тропинки» подъ ред. *П. Соловьевой* и *Н. Манасеиной*). Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 101. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 75 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Надеждинъ, Н. А.* Богатыри и витязи русской земли по былинамъ, сказаніямъ и пѣснямъ. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1911. Стр. III+196. Цѣна 3 р. 50 коп.“

— „Незабудка. Журналъ для семьи и школы. Подъ ред. *А. Темномѣрова* и *А. Платоновой.* Издатель А. Темномѣровъ. Петроградъ. Подписная цѣна 4 р. въ годъ съ пересылкой“. (по предварительной подпискѣ на текущій 1915 годъ).

— „*Некрасова, Л. М.* Моя первая естественная исторія. Міръ животныхъ. Въ краткихъ очеркахъ, разсказахъ, загадкахъ, послови-

цахъ, стихахъ и пр. Изданіе 5-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1914. Стр. II+93. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Поднебесный аулъ. Историческая повѣсть старыхъ Кавказскихъ былей. 7-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 206. Цѣна 75 коп."

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Подъ небомъ Африки. Путевыя впечатлѣнія въ садахъ Гесперидъ. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1910. Стр. 220. Цѣна 60 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „Отечественная война 1914 г. I. Начало войны. Общенародное воодушевленіе. Первые дни и мѣсяцы войны. Изданіе Московскаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства. М. 1915. Стр. 40. Цѣна не обозначена"

— „*Печерскій, Андрей (П. И. Мельниковъ).* Груня. Разсказъ. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 1). С.-Пб. и М. 1913. Стр. 32. Цѣна 25 коп."

— „*Пименова, Э.* Природа и люди Африки. 3-е дополненное изданіе. (Библіотека юнаго читателя). С.-Пб. 1910. Стр. 160. Цѣна 45 коп."

— „*Покровскій, С.* Колонисты скалистаго архипелага. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 31. Цѣна 10 коп."

— „*Полянацъ, Миланъ.* Чужое добро въ прокъ не идетъ. Шуточная пьеса въ 5 картинахъ. (По сербской народной сказкѣ). Переводъ съ сербскаго *Н. Новича.* (Дѣтскій театръ, издаваемый подъ ред. *Н. Новича.* № 10). П. 1915. Стр. 16. Цѣна 20 коп."

— „*Поспѣловъ, О.* Тысяча лѣтъ назадъ. 3-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 32. Цѣна 12 коп."

— „*Прокофьевъ, Н.* За вѣру, царя и отечество. Памятныя слова великихъ людей русской исторіи. Казань. 1915. Стр. 16. Цѣна 3 коп."

— „Проталинка. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей средняго возраста. Редакторъ *А. П. Печковскій.* Ред.-издательница *Е. С. Чоловская.* Москва. Подписная цѣна 4 р. въ годъ съ пересылкой." (для высшихъ начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ, по предварительной подпискѣ).

— „*Разинъ, А. Е.* Разные люди. Повѣсти и разсказы. 2-е изда-

ніе, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. Стр. 3+77+41+57+58+38+64. Цѣна 1 р. 75 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Разумовъ, Н. И.* Что море говоритъ. Очерки для дѣтей. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1914. Стр. 36. Цѣна 20 коп.“

— „*Робертсъ, Ч.* Ребята дикихъ. Разсказы изъ жизни дѣтей животныхъ. Переводъ съ англійскаго *П. Буланже.* (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 302). М. 1914. Стр. 160. Цѣна 80 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Самойловичъ, В.* Доброе слово. Разсказы для дѣтей. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 28). С.-Пб. и М. 1914. Стр. 51. Цѣна 20 коп.“

— „*Самойловичъ, В.* Друзья. Разсказъ для дѣтей. 2-е изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 31). С.-Пб. и М. 1912. Стр. 38. Цѣна 15 коп.“

— „*Самойловичъ, В.* Наташа Гордѣева. Разсказъ для дѣтей. 2-е изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 30). С.-Пб. и М. 1912. Стр. 46. Цѣна 15 коп.“

— „*Самойловичъ, В.* Сюрпризъ. Разсказы для дѣтей. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 29). С.-Пб. и М. 1914. Стр. 57. Цѣна 20 коп.“

— „(*Свифтъ*). Путешествіе доктора Гулливера въ страну лилипутовъ и къ великанамъ. По Свифту передѣлала для русскаго юношества *О. Рогова.* 6-е, просмотрѣнное и дополненное изданіе, А. Ф. Девріена. П. 1914. Стр. 56. Цѣна въ перепл. 1 р. 75 коп.“

— „*Семашкевичъ, Е.* Суворовъ. Изданіе 4-е. Кіевъ. 1914. Стр. 45+1 карта. Цѣна 20 коп.“

— „*Сенкевичъ, Генрикъ.* Пойдемъ за нимъ! Переводъ съ польскаго. *В. М. Лаврова.* 3-е изданіе. М. 1912. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Серафимовичъ, А.* Морской волкъ и другіе разсказы. Книгоизд-во писателей. (Народно-школьная библіотека). М. 1914. Стр. 151. Цѣна 60 коп.“

— „(*Сервантесъ*). Донъ Кихотъ Ламанчскій. Разсказъ для дѣтей. Переводъ *А. Греча.* Изданіе 5-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1913. Стр. 202+II. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Сизова, А. К.* Дочь солнца. Тысячу лѣтъ назадъ. Историческая повѣсть, 6-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 96. Цѣна 25 коп.“

— „*Станюковичъ, К. М.* Въ нянькахъ. Изъ разсказовъ стараго

боцмана. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1910. Стр. 16. Цѣна 6 коп.“

— „*Станюковичъ, К. М.* Куцый. Разсказъ. Изданіе 6-е, М. В. Клюкина. М. 1915. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Станюковичъ, К.* Мунька. Похожденія одной собаки. Разсказъ. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1909. Стр. 55. Цѣна въ папкѣ 55 коп.“

— „*Старкъ, Эдуардъ.* Колыбель русскаго искусства. (Императорская Академія художествъ). Очеркъ. (Знаніе для всѣхъ. Общедоступный журналъ. Редакторъ-издатель *П. П. Сойкинъ.* № 11). П. 1914. Стр. 32. Цѣна 50 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Степной, И.* Сибирь. (Московское общество грамотности). М. 1912. Стр. 104+1 карта. Цѣна 30 коп.“

— „*Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Т.* Сержантъ Сидоровъ. Разсказъ изъ современной жизни духоборовъ въ Канадѣ. Книгоизд-во В. Д. Карчагина. М. 1915. Стр. 191. Цѣна 10 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Т.* Царскій каменныхъ дѣлъ мастеръ. Изъ временъ царствованій Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. Повѣсть для юношества. Изданіе А. Ф. Девріена. П. 1914. Стр. 164. Цѣна 75 коп., въ папкѣ 1 р.“ (для высшихъ начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Сюэль, Анна.* Черный красавецъ. Исторія лошади, разсказанная ею самою. Съ англійскаго перевела *Е. Б.* (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 13). 3-е изданіе. М. 1912. Стр. 208. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 80 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Твэнъ, Маркъ.* Принцъ и нищій. Разсказъ для юношества всѣхъ возрастовъ. Переводъ *Н. С. Вѣтвина.* Съ предисловіемъ *М. Н. Никольскаго.* Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1912. Стр. IV+362+II. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Много ли человѣку земли нужно? Изданіе 14-е. (Мал. хрестом. вып. 79-й). 1914. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Томпсонъ Сетонъ.* Волкъ изъ Виннипега. Изданіе I. Кнебель. М. 1914. Стр. 27. Цѣна 15 коп.“

— „*Томпсонъ Сетонъ, Эрнестъ.* Мои дикіе знакомые. Переводъ подъ ред. *С. Г. Григорьева.* Изданіе I. Кнебель. М. 1914. Стр. VIII+229. Цѣна 2 р.“

— „*Томпсонъ Сетонъ*. Снэпъ. Изданіе I. Кнебель. М. 1914. Стр. 23. Цѣна 15 коп.“

— „Три водевиля для семьи и школы. *Н. Новичъ*. «Три желанія». *Б. Сторожевскій*. «Квартирантъ» и «Переполохъ въ сельской школѣ». (Дѣтскій театръ, издаваемый подъ ред. *Н. Новича*. № 11). П. 1915. Стр. 26+6. Цѣна 40 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „Три мѣсяца среди людоѣдовъ Суматры. Сокращенный переводъ съ нѣмецкаго *Н. Березина*. (Библіотека юнаго читателя). С.-Пб. 1911. Стр. 182. Цѣна 50 коп.“

— „*Тулуповъ, Н. В.* Родныя сказки. Сборникъ русскихъ сказокъ для дѣтей. По разнымъ источникамъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Выпускъ VII. Стр. 47.—Выпускъ VIII. Стр. 48.—Выпускъ IX. Стр. 48.—Выпускъ X. Стр. 48. Цѣна каждаго выпуска 15 коп., въ папкѣ 25 коп.“

— „*Тургеневъ, И. С.* Муму. Повѣсть. Изданіе 12-е, И. Глазунова. (Доступная библіотека. № 16). СПб. 1913. Стр. 44. Цѣна 10 коп.“

— „*Тургеневъ, И. С.* Пѣвцы. Разсказъ. Изданіе 9-е, И. Глазунова. (Доступная библіотека. № 1). С.-Пб. 1913. Стр. 30. Цѣна 10 коп.“

— „*Тургеневъ, И. С.* Стучитъ! Разсказъ. Изданіе 5-е, И. Глазунова. (Доступная библіотека. № 11). С.-Пб. 1909. Стр. 23. Цѣна 10 коп.“

— „*Уйда*. Нелло и Патрашъ. Разсказъ. Переводъ съ англійскаго. *М. В. Архангельской*. (Школьная библіотека). М. 1913. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“

— „*Ульяновъ, А. Н.* Баба. (Разсказы о великой войнѣ). М. 1915. Стр. 54. Цѣна 20 коп.“

— „*Ульяновъ, А.* Въ плѣну. Разсказъ. (Разсказы о великой войнѣ). М. 1915. Стр. 52. Цѣна 20 коп.“

— „*Ульяновъ, А. Н.* Разоренное гнѣздо. (Разсказы о великой войнѣ). М. 1915. Стр. 51. Цѣна 20 коп.“

— „*Хвольсонъ, А. Б.* Царство малютокъ. Приключенія Мурзилки и лѣсныхъ человѣчковъ. 3-е изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1913. Стр. IV+216. Цѣна 3 р.“

— „*Чистякова, С.* Осень. Новыя повѣсти и разсказы преимущественно изъ русскаго быта. Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1910. Стр. 374. Цѣна 2 р. 50 к.“

— „*Чистяковъ, М. Б.* Бѣдные индусы. Повѣсть. Изданіе 2-е,

т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 23). П. и М. 1914. Стр. 35. Цѣна 20 коп.“

— „*Чистяковъ, М. Б.* Воспоминанія моего товарища. Разсказъ. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 27). С.-Пб. и М. 1911. Стр. 77. Цѣна 25 коп.“

— „*Чистяковъ, М. Б.* Выѣздъ въ деревню. Разсказъ. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 26). С.-Пб. и М. 1911. Стр. 65. Цѣна 20 коп.“

— „*Чистяковъ, М. Б.* Домикъ съ цвѣтами. Старый садовникъ. Разсказы. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Русская библіотека Вольфа. № 24). С.-Пб. и М. 1911. Стр. 59. Цѣна 20 коп.“

— „*Чистяковъ, М.* Приключенія бѣднаго мальчика. Повѣсть для дѣтей. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1912. Стр. 93. Цѣна 1 р. 25 к.“

— „*Шведеръ, Евгеній.* Въ городѣ и деревнѣ. Разсказы для дѣтей. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 64. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп.“

— „*Шведеръ, Е. І.* Моимъ малышамъ. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 48. Цѣна 25 коп.“

— „*Шведеръ, Евгеній.* Поводырь. Повѣсть. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 99. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 65 коп.“

— „*Эвальдъ, К.* Двуногій. Повѣсть. Переводъ съ шведскаго *В. Леммъ.* М. 1915. Стр. 102. Цѣна 35 коп.“

— „*Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. А.* Сказка за сказкой. М. 1915. Стр. 95. Цѣна 60 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Граменицкій, С.* Главныя правила русскаго правописанія и примѣры для упражненій. 8-е изданіе. Ташкентъ. 1914. Стр. II+77. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи система упражненій была измѣнена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Пановъ, Вл. Н.* Дитя-художникъ. Свободное рисованіе. Но-

вый легчайшій путь къ графической грамотности. Изданіе I. Кнебель. М. 1911. Часть 3-я. Стр. 14. Цѣна 30 коп. — Часть 4-я. Стр. 14. Цѣна 35 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Апраксинъ, А. Д.* Мой мальчикъ. Повѣсть для юношества. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1911. Стр. 90. Цѣна 1 р. 75 коп.“

— „*Бахтинъ, Н.* Угорская Русь. П. 1915. Стр. 52. Цѣна 30 коп.“

— „*Бертранъ, Эдуардъ.* Уходъ за пасѣкою. Календарь пчеловода. Переводъ съ французскаго подъ ред. *Г. П. Кандратьева*, съ его предисловіемъ и примѣчаніями. Изданіе 5-е, подробно пересмотрѣнное, исправленное и дополненное по указаніямъ автора и по послѣднему 10-му французскому изданію, А. Ф. Девріена. П. 1914. Стр. XXVIII+228. Цѣна 1 р.“

— „*Богдановъ, П. М.* Бесѣды о жизни растеній. Изданіе 3-е, пересмотрѣнное и дополненное, А. Ф. Девріена. П. 1914. Стр. VI+144. Цѣна 60 коп.“

— „*Богдановъ, С. М.* Земледѣліе (Учебникъ агрономіи. 1). Пособіе для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и для самообразованія. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1914. Стр. XX+389. Цѣна 2 р. 75 коп.“

— „*Богдановъ, С. М.* Хозяинъ-практикъ. Пособіе для начинающихъ сельскихъ хозяевъ и для необходимыхъ справокъ по всѣмъ отраслямъ практическаго сельскаго хозяйства. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1913. Стр. XXX+457. Цѣна 3 р. 50 коп.“

— „*Булакова, Е.* Старый домъ. Повѣсть для дѣтей средняго возраста. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 132. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 60 коп.“

— „*Бунинъ, Ив.* Избранные разсказы. Книгоизд-во писателей. (Народно-школьная библіотека). М. 1914. Стр. 127+1. Цѣна 65 коп.“

— „*Быковъ, Н. П.* Князья Острожскіе и Волынь. Введеніе въ историческую записку «Пятидесятилѣтіе Острожскаго св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства». П. 1915. Стр. 60. Цѣна 50 коп.“

— „*Бѣлгородскій, А. В.* Галиція—исконное достояніе Россіи. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 46 + 1 карта. Цѣна 15 коп.“

— „*Бѣлгородскій, А. В.* Порабощенное славянство (въ Австро-Венгріи и Германіи). Изданіе Н. П. Карбасникова. П. 1915. Стр. 138. Цѣна 1 р.“

— „*Васильевъ, Н. К.* Воздѣлываніе люцерны. Книгоизд-во К. И. Тихомирова. (Сельско-хозяйственная библіотека. Полеводство и луговодство). М. 1914. Стр. 22. Цѣна 6 коп.“

— „*Вахтерова, Э. О.* М. Ю. Лермонтовъ, его жизнь и избранныя произведенія. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 360. Цѣна 80 коп.“

— „*Вельсъ, Г.* Новая система пчеловодства съ двумя матками въ одномъ ульѣ. Перевелъ съ англійскаго *А. А. Фогельбергъ* подъ ред. *В. М. Изергина.* 3-е изданіе, просмотрѣнное и исправленное, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1914. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“

— „*Вернъ, Жюль.* 80.000 верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Переводъ *Марка Вовчка.* Изданіе 5-е. П. 1915. Стр. IV+439. Цѣна 1 р. 50 коп., въ коленк. пер. 2 р.“

— „*Вернъ, Жюль.* Дѣти капитана Гранта. Кругосвѣтное путешествіе. Переводъ *Марка Вовчка* Изданіе 7-е. П. 1915. Стр. IV+664. Цѣна 2 р. 25 коп., въ коленк. пер. 2 р. 75 коп.“

— „*Вернъ, Жюль.* Таинственный островъ. Переводъ *Марка Вовчка.* Изданіе 4-е. П. 1915. Стр. IV+750. Цѣна 2 р. 50 коп., въ коленк. пер. 3 р.“

— „Возлѣ ребенка. По М. Серао. Изданіе М. Н. Слѣщовой. (Книжка за книжкой, кн. 88-ая). 1912. Стр. 47. Цѣна 12 коп.“

— „*Волкова, Е.* Аравія и Магометъ. Ученіе Магомета и распространеніе ислама. Историческій очеркъ. Изданіе Вятскаго т-ва «Народная библіотека». С.-Пб. 1910. Стр. 119. Цѣна 25 коп.“

— „*Волкова, Е.* Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Историческій разсказъ изъ временъ царя Василія Ивановича Шуйскаго (1608—1610 гг.). Изданіе 2-е, Вятскаго т-ва «Народная библіотека». С.-Пб. 1910. Стр. 120. Цѣна 25 коп.“

— „*Волкова, Е.* Козьма Мининъ и князь Д. Пожарскій. Историческій очеркъ изъ временъ лихолѣтія 1611—1613 гг. Изданіе Вятскаго т-ва «Народная библіотека». С.-Пб. 1913. Стр. 98. Цѣна 20 коп.“

— „*Волкова, Е.* Патріархъ Гермогенъ. Историческій очеркъ изъ

эпохи Смутнаго времени. 1610—1612. Изданіе Вятскаго т-ва «Народная библіотека». С.-Пб. 1913. Стр. 83. Цѣна 20 коп.“

— „*Гартманъ, М.* Цѣлитель. Баскское преданіе. Изданіе М. Н. Слѣпцовой. (Книжка за книжкой, кн. 94-я). 1913. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Гаршинъ, Всеволодъ.* Сигналъ. Разсказъ. Книгоизд-во «Жизнь и знаніе». (Дешевая библіотека. Книга 3-ья). П. 1915. Стр. 21. Цѣна 6 коп.“

— „*Гравицъ, Е.* Гигіена обыденной жизни. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія подъ ред. *А. С. Догеля.* Изданіе т-ва О. Н. Поповой. П. 1915. Стр. 136. Цѣна 75 коп.“

— „*Дерновъ, М. А.* Главныя пасѣчныя работы. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1914. Стр. X+267. Цѣна 65 коп.“

— „*Дорофеевъ, П. П.* Какъ дешево устроить садъ и ухаживать за нимъ. Руководство по плодоводству для крестьянъ, 3-е, значительно дополненное, изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1914. Стр. VIII+77. Цѣна 40 коп.“

— „*Дрожжинъ, С. Д.* Жизнь поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина (1848—1915 гг.), описанная имъ самимъ, и избранныя стихотворенія. 3-е значительно исправленное и дополненное авторомъ изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 160. Цѣна 45 коп.“

— „*Елагинъ, П. Н.* Льноводство. Выращиваніе льна. Мочка—росеніе. Обработка на волокно. Книгоизд-во К. И. Тихомирова. (Сельско-хозяйственная библіотека. Полеводство и луговодство). М. 1914. Стр. 59. Цѣна 15 коп.“

— „*Елагинъ, П. Н.* Сельско-хозяйственный промыселъ—переходъ къ хуторскому хозяйству. Книгоизд-во К. И. Тихомирова. (Сельско-хозяйственная библіотека). М. 1914. Стр. 68. Цѣна 15 коп.“

— „*Загоскинъ, М. Н.* Собраніе сочиненій. Подъ ред. *М. Н. Никольскаго.* Съ жизнеописаніемъ писателя, составленнымъ *П. В. Быковымъ.* Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. П. и М. 1915. Столбцовъ XXXI+2326. Цѣна 3 р.“

— „*Ильменскій, А.* Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій князь Алексѣй Николаевичъ 1904—1914. Къ десятилѣтію со дня рожденія. С.-Пб. 1914. Стр. 56. Цѣна 40 коп.—То же на лучшей бумагѣ. Стр. 72. Цѣна 1 р.“

— „*Каменоградскій, П. И.* Парники и ранняя выгонка овощей,

разсады и земляники. Практическое руководство по устройству и веденію парниковаго хозяйства для огородниковъ, сельскихъ хозяевъ и любителей. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1914. Стр. XIV+294. Цѣна 2 р.“

— „*Ключаревъ, Н. Я.* Лошадь. Книгоизд-во К. И. Тихомирова. (Сельско-хозяйственная библіотека. Животноводство и птицеводство). М. 1915. Стр. 53. Цѣна 15 коп.“

— „*Копыткинъ, Сергѣй.* Пѣсни о войнѣ. Стихотвореніе. П. 1915. Стр. 32. Цѣна 40 коп.“

— „Король Гарольдъ. Историческая повѣсть по Э. Бульверу. Съ введеніемъ «Изъ исторіи Англіи». Изданіе М. Н. Слѣпцовой. (Книжка за книжкой, кн. 95-я). 1913. Стр. 211. Цѣна 50 коп.“

— „*Корольковъ, Н. Ѳ.* Первые мѣсяцы великой войны 1914—1915 г. Изданіе Постоянной комиссіи народныхъ чтеній. № 308. П. 1915. Стр. 40. Цѣна 8 коп.“

— „*Кулешовъ, П. Н.* Свиноводство. (Учебникъ частнаго животноводства и скотоврачеванія. Вып. II). 6-е, пересмотрѣнное и дополненное изданіе, А. Ф. Девріена. (Учебники, составленные по порученію департамента земледѣлія). П. 1915. Стр. XII + 170. Цѣна 1 руб.“

— „*Лавровъ, С. Д.* Прикладная энтомологія. Изданіе А. Ф. Девріена. П. 1915. Стр. XII+234. Цѣна 1 р.“

— „*Меньшиковъ, А.* О великой Европейской войнѣ 1914—15 г. Изданіе Вятскаго комитета общества помощи семьямъ запасныхъ. Вятка. 1915. Стр. 151. Цѣна 25 коп.“

— „*Назаревскій, К. К.* Новопрославленный святитель святѣйшій Ермогенъ патріархъ всея Россіи. Изданіе Церковной юбилейной комиссіи. Москва. Стр. 56. Цѣна 50 коп.“

— „*Нелидова, Е.* Русь въ ея столицахъ. Историческіе очерки. III. Кіевъ. П. 1915. Стр. VI+218. Цѣна 55 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Поднебесный аулъ. Историческая повѣсть изъ старыхъ Кавказскихъ былей. 7-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 206. Цѣна 75 коп.“

— „*Нечаевъ, А. П.* Между огнемъ и льдомъ. (О вулканахъ и ледникахъ). Очерки и картины изъ жизни земли. 3-е изданіе, исправленное и дополненное, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1913. Стр. VIII+271. Цѣна 1 р. 30 коп., въ переплетѣ 1 р. 60 коп.“

— „*Нечаевъ, А. П.* Очерки изъ жизни и исторіи земли. Работа

подземныхъ силъ. (Библіотека для всѣхъ). 2-е изданіе. М. 1915. Стр. 175. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 45 коп.“

— „*Окуличъ, І. К.* Молочное дѣло. Руководство для сельскихъ хозяевъ. 2-ое, пересмотрѣнное и дополненное изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1914. Стр. VI+185. Цѣна 1 р. 30 коп.“

— „Отечественная война 1914 г. I. Начало войны. Общенародное воодушевленіе. Первые дни и мѣсяцы войны. Изданіе Московскаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства. М. 1915. Стр. 40. Цѣна не обозначена.“

— „*Полевой, П. Н.* Отголоски старины. Сборникъ историческихъ разсказовъ. Изданіе 2-ое, посмертное, А. Ф. Девріена. П. 1914. Стр. IX+175. Цѣна 2 р. 25 коп.“

— „*Разинъ, А. Е.* Разные люди. Повѣсти и разсказы. 2-е изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. Стр. 3+77+41+57+58+38+64. Цѣна 1 р. 75 коп.“

— „*Райковскій, В. С.* Устройство доходной пасѣки. Введеніе въ пчеловодство. Изданіе 2-е, П. П. Сойкина. (Садовая библіотека). С.-Пб. 1914. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“

— „*Рубакинъ, Н. А.* Чудо на морѣ или Приключенія на волнахъ и подъ волнами. Разсказъ стараго американскаго моряка. (Вятское книгоизд-ское товарищество). Изданіе 5-е. С.-Пб. 1912. Стр. 43. Цѣна 15 к.“

— „*Семашкевичъ, Е.* Суворовъ. Изданіе 4-е. Кіевъ. 1914. Стр. 45+1 карта. Цѣна 20 коп.“

— „*Сенкевичъ, Генрикъ.* Пойдемъ за нимъ! Переводъ съ польскаго *В. М. Лаврова.* 3-е изданіе. М. 1912. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Серафимовичъ, А.* Морской волкъ и другіе разсказы. Книгоизд-во писателей. (Народно-школьная библіотека). М. 1914. Стр. 151. Цѣна 60 коп.“

— „*Софроновъ, М. Е.* Удобреніе плодовыхъ деревьевъ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1914. Стр. VIII+78. Цѣна 75 коп.“

— „*Спасская, Л.* Прошлое Вятки съ ея заселенія русскими до воцаренія Михаила Ѳеодоровича Романова. Историческій очеркъ. Въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ. Вятка. 1913. Стр. VI+345. Цѣна 1 р. 10 коп., съ пересылкой 1 р. 35 к.“ (для Вятской и сосѣднихъ съ нею губерній).

— „*Станюковичъ, К. М.* Севастопольскій мальчикъ. Повѣсть изъ временъ Крымской войны. Изданіе 4-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1914. Стр. 237. Цѣна 3 р. 50 к.“

— „*Старкъ, Эдуардъ.* Колыбель русскаго искусства. (Императорская Академія художествъ). Очеркъ. (Знаніе для всѣхъ. Общедоступный журналъ. Редакторъ-издатель *П. П. Сойкинъ.* № 11). П. 1914. Стр. 32. Цѣна 50 коп.“

— „*Студитскій, Ив.* Святая земля и Императорское Православное Палестинское общество въ связи съ событіями современной міровой войны. Кострома. 1915. Стр. 12. Цѣна не обозначена“.

— „*Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Т.* Сержантъ Сидоровъ. Разсказъ изъ современной жизни духоборовъ въ Канадѣ. Книгоизд—во В. Д. Карчагина. М. 1915. Стр. 19. Цѣна 10 коп.“

— „*Толстой, Левъ.* Казаки. Кавказская повѣсть. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 191. Цѣна не обозначена“.

— „*Фридолинъ, С. П.* О выборѣ молочной коровы при покупкѣ. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1914. Стр. 43. Цѣна 30 коп.“

— „*Чарская, Л. А.* Пажъ цесаревны. Историческая повѣсть. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1911. Стр. II + 329 + II. Цѣна 3 р. 50 к.“

— „*Чистякова, С.* Осень. Новыя повѣсти и разсказы преимущественно изъ русскаго быта. Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1910. Стр. 374. Цѣна 2 р. 50 к.“

— „*Шапиро, І. А.* Руководство по всѣмъ отраслямъ коопераціи. Теорія, практика и исторія потребительской, кредитной, производительной и сельскохозяйственной коопераціи. Кн-во «Прометей». 1913. Стр. VI + 167. Цѣна 1 р. 25 к.“

— „*Шевлягина, Н.* О микробахъ. (Что показалъ микроскопъ человѣку). Изданіе Вятскаго т-ва «Народная библіотека». С.-Пб. 1909. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „*Юрмаліатъ, А. П.* Датскій способъ кормленія молочнаго скота. Изданіе 5-е, переработанное и дополненное, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1914. Стр. 80. Цѣна 30 коп.“

— „*Юрмаліатъ, А. П.* Культура кормовыхъ корнеплодовъ для молочнаго скота въ сѣверной Россіи. Наиболѣе пригодные сорта свеклы, брюквы, моркови, турнепса. 3-е, вновь просмотрѣнное и дополненное, изданіе, А. Ф. Девріена. П. 1915. Стр. 61. Цѣна 40 к.“

— „*Юрмаліатъ, А. П.* Телята, ихъ кормленіе и выращиваніе. Изданіе 3-е, вновь просмотрѣнное и дополненное, А. Ф. Девріена. П. 1915. Стр. 59. Цѣна 25 коп.“

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I.

Для соисканія въ 1915 году премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, были назначены слѣдующія темы:

I. *По разряду гимназій* — „Учебникъ по русскому языку для IV класса среднихъ учебныхъ заведеній". (Продолженіе конкурса 1914 года на оставшуюся невыданною большую—въ 2.000 рублей—премію).

Къ опредѣленному положеніемъ о преміяхъ сроку были представлены въ ученый комитетъ 3 сочиненія (1 печатное и 2 на правахъ рукописей). Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій при ученомъ комитетѣ была образована особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена комитета Н. М. Каринскаго, въ составъ коей вошли: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ А. И. Соболевскій, ординарный профессоръ Петроградской духовной академіи И. Е. Евсѣевъ и преподаватель Петроградскаго 1-го реальнаго училища Г. М. Князевъ.

Комиссія, обсудивъ, на основаніи рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ на ея разсмотрѣніе сочиненій, представила свое заключеніе о нихъ въ ученый комитетъ, который, по всестороннемъ обсужденіи какъ этого заключенія, такъ и отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) всѣ представленныя на соисканіе преміи сочиненія признать незаслуживающими таковой;

2) Предсѣдателю и членамъ особой комиссіи по разсмотрѣнію означенныхъ сочиненій — Н. М. Каринскому, А. И. Соболевскому, И. Е. Евсѣеву и Г. М. Князеву — выдать, въ вознагражденіе трудовъ ихъ, установленныя (ст. 17 положенія о преміяхъ) на сей предметъ золотыя медали.

Опредѣленіе ученаго комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

II. *По разряду реальныхъ училищъ* — „Руководство по ботаникѣ для реальныхъ училищъ".

Къ опредѣленному положеніемъ о преміяхъ сроку были представлены въ ученый комитетъ 3 сочиненія (2 печатныхъ и 1 рукописное). Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій при ученомъ комитетѣ была образована особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена комитета В. М. Шимкевича, въ составъ коей вошли: членъ комитета В. Н. Любименко, членъ учебнаго комитета при св. синодѣ И. И. Полянскій и директоръ восьмиклассного коммерческаго училища въ Лѣсномъ Г. Н. Бочъ.

Комиссія, обсудивъ, на основаніи рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ на ея разсмотрѣніе сочиненій, представила свое заключеніе о нихъ въ ученый комитетъ, который, по всестороннемъ обсужденіи какъ этого заключенія, такъ и отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) сочиненіе подъ заглавіемъ:

Заленскій, В. Р. а) Учебникъ ботаники (Морфологія и систематика растеній) для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 4-е, испр., Пироговскаго т-ва. Кіевъ. 1914. Стр. 2 ненум.+160. Цѣна 80 коп.— б) Учебникъ физіологіи растеній для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 5-е, испр., Пироговскаго т-ва. Кіевъ. 1914. Стр. VI+138. Цѣна 80 к. *признать заслуживающимъ малой (въ 500 р.) преміи* Императора Петра Великаго, каковую и выдать автору сего сочиненія, магистру ботаники *Вячеславу Рафаиловичу Заленскому;*

2) прочія представленныя на конкурсъ сочиненія признать премій незаслуживающими;

3) предсѣдателю и членамъ комиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій—В. М. Шимкевичу, В. Н. Любименко, И. И. Полянскому и Г. Н. Бочу—выдать, въ вознагражденіе трудовъ ихъ, установленныя (ст. 17 положенія о преміяхъ) на сей предметъ золотыя медали;

4) на основаніи § 4 положенія о преміяхъ продолжить на 1 годъ срокъ конкурса на соисканіе оставшейся невыданною большой (въ 2.000 р.) преміи за „Руководство по ботаникѣ для реальныхъ училищъ".

Таковое опредѣленіе ученаго комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

II.

Разборъ сочиненія, удостоеннаго въ 1915 году малой преміи Императора Петра Великаго.

Заленскій, В. Р. а) Учебникъ ботаники (морфологія и систематика растеній) для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 4-е, испр., Пироговскаго т-ва. Кіевъ. 1914. Стр. 2 ненум.+160. Цѣна 80 к.— б) Учебникъ физіологіи растеній для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 5-е, испр., Пироговскаго т-ва. Кіевъ. 1914. Стр. VI+138. Цѣна 80 к.

Названные учебники В. Р. Заленскаго написаны въ соотвѣтствіи съ программою ботаники для III и VII классовъ реальныхъ училищъ. Соотвѣтствіе выражается не только въ планѣ, но и въ количествѣ матеріала, и въ доступности изложенія, отвѣчающаго, за нѣкоторыми исключеніями, уровню развитія учащихся этихъ классовъ.

Оба учебника по ихъ внутреннимъ достоинствамъ неравноцѣнны, почему въ дальнѣйшемъ каждый изъ нихъ разсматривается въ отдѣльности.

Учебникъ морфологіи и систематики вызываетъ рядъ существенныхъ замѣчаній съ методической стороны.

Проведенное въ офиціальной программѣ полное отдѣленіе морфологіи съ анатоміей отъ физіологіи растеній представляетъ для авторовъ учебниковъ скользкій путь въ томъ отношеніи, что допускаетъ возможность въ курсѣ III класса вдаться въ крайность чисто внѣшняго описанія органовъ растеній внѣ связи съ жизненными отправленіями. Этой крайности не избѣжалъ въ учебникѣ морфологіи съ систематикой и г. Заленскій. У него недостаетъ здѣсь какъ указаній на физіологическую роль органовъ (напримѣръ, о роли листа совсѣмъ не упоминается), такъ и выясненій связи формы органовъ съ ихъ отправленіями и характерныхъ особенностей организаціи съ окружающей средой. Послѣдній матеріалъ, заставляющій учащихся мыслить и побуждающій къ наблюдательности, существенно важенъ какъ въ общей морфологіи, такъ и при разсматриваніи представителей въ отдѣлѣ систематики. У г. Заленскаго систематика изложена сжато, при чемъ біологическимъ характеристикамъ представителей почти не удѣляется вниманія. А нѣкоторыя семейства цвѣтковыхъ растеній (крестоцвѣтныя, зонтичныя, пасленовыя, губоцвѣтныя и др.) начинаются съ общихъ опредѣленій, а не съ описанія представителей, какъ слѣдо-

вало бы въ первоначальномъ элементарномъ курсѣ, гдѣ въ основу долженъ быть положенъ индуктивный методъ изученія природы.

Въ началѣ разсматриваемаго учебника чрезмѣрно много вниманія удѣляется микроскопическому строенію растеній. Авторъ не ограничивается ознакомленіемъ съ растительной клѣткой, къ чему только обязываетъ программа, а еще подробно разбираетъ растительныя ткани—покровныя, проводящія, механическія и основныя. Въ данномъ случаѣ не соблюдено одно изъ основныхъ требованій методики — переходить отъ болѣе извѣстнаго и конкретнаго къ менѣе извѣстному и абстрактному. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ возражать противъ такого расширенія свѣдѣній изъ микроскопіи въ началѣ курса III кл., что въ дальнѣйшемъ эти свѣдѣнія для даннаго курса оказываются почти ненужными. Они лучше пригодились бы въ курсѣ физіологіи растеній, куда и слѣдовало бы отнести излишнія для III кл. подробности.

Точно также едва ли правильно начинать обзоръ растительнаго царства съ бактерій. Вѣдь, даже строго придерживаясь научныхъ данныхъ, врядъ ли слѣдуетъ эту своеобразную группу растеній ставить во главу угла. Къ тому же нужно принять во вниманіе, что дать ученикамъ III кл. что либо конкретное здѣсь едва ли возможно. О колоніяхъ и методахъ выдѣленія ихъ у г. Заленскаго не говорится ни слова, слѣдовательно, культуръ показать нельзя, а подъ микроскопомъ что могутъ увидѣть ученики этого класса?

Вслѣдъ за бактеріями, въ обзорѣ водорослей авторъ описываетъ половой процессъ, давая всю его терминологію (оогоніи, антеридіи, архегоніи, зооспоры, зиготы). Можно увѣренно сказать, что кромѣ рисунковъ или таблицъ ничего учащіеся не увидятъ, и все, что они при этомъ пріобрѣтутъ, будетъ знаніемъ только книжнымъ.

Въ научномъ отношеніи въ разсматриваемомъ учебникѣ встрѣчаются только сравнительно мелкіе недосмотры.

Такъ, на стр. 9 авторъ почему-то употребляетъ терминъ *деревенѣніе* вмѣсто обычнаго одеревенѣніе.

На стр. 10, говоря о протоплазмѣ, авторъ пишетъ: „она растетъ, питается, дышитъ и т. д.“; слѣдовало бы пояснить, что разумѣется въ данномъ случаѣ подъ этимъ „и такъ далѣе“. Въ слѣдующей фразѣ „Протоплазма—это живое вещество“ авторъ неудачно примѣняетъ терминъ вещество, ибо далѣе онъ пишетъ, что въ составъ протоплазмы входятъ разнообразныя вещества. Вмѣсто *вещество* лучше бы взять для протоплазмы терминъ *тѣло*.

На стр. 24 авторъ употребляетъ неправильный терминъ *сосудистый пучекъ*, вмѣсто сосудистоволокнистый пучекъ.

На стр. 27 авторъ говоритъ, что въ корняхъ расположеніе луба и древесины *иное*, но какое—не поясняетъ, ссылаясь на рис. 33; а по рисунку трудно судить, какое расположеніе, вслѣдствіе неполноты надписи.

На стр. 33 въ фразѣ: „Несмотря на значительные размѣры своего тѣла, бактеріи" и т. д. Явная ошибка.

На стр. 37 неудачно выраженіе „спиралевидное хлорофилловое зерно".

На стр. 38 неправильно, что нити спирогиры *подплываютъ* одна къ другой; терминъ подплываютъ предполагаетъ активное движеніе, наличность котораго у спирогиры не доказана.

На стр. 48 неточно объясненіе термина „симбіозъ".

На стр. 53 авторъ пишетъ: „Цвѣты другихъ экземпляровъ мха снабжены въ средней части архегоніями"; здѣсь неясно, что слѣдуетъ понимать подъ средней частью цвѣтка.

На стр. 66 авторъ говоритъ о *стержневой* и *мочковатой* корневыхъ системахъ—это новые термины, которые врядъ ли нужно вводить въ курсъ средней школы.

На стр. 72 неудачна фраза: „Деревянистые стебли имѣютъ видъ то дерева, то кустарника" и далѣе: „одинъ сильно деревянистый стебель"; здѣсь слѣдуетъ выкинуть слово *сильно*.

На стр. 86 авторъ напрасно употребляетъ нѣмецкій терминъ *палисадная* паренхима вмѣсто русскаго *столбчатая*. Точно также напрасно авторъ вводитъ термины на стр. 111 *насѣкомоцвѣтныя*, а на стр. 117 *вѣтроцвѣтныя* растенія вмѣсто болѣе точныхъ насѣкомоопыляемыя и вѣтроопыляемыя растенія.

На стр. 142 вмѣсто *„полоской камбія"* точнѣе сказать слоемъ камбія.

Заслуживаетъ упрека иллюстративная сторона разсматриваемаго учебника. Большинство рисунковъ плохо воспроизведены, а нѣкоторые очень неясны (напр., рис. 5, 12, 20, 21, 22, 130, 152, 156, 186а, 189 и др.). Подписи подъ рисунками и объясненія въ текстѣ часто неполны по сравненію съ буквенными обозначеніями на рисункахъ или же такія обозначенія вовсе отсутствуютъ (напр. рис. 9, 11, 12, 16, 17, 22, 26, 27, 33, 35 и др.). Эта несогласованность текста съ рисунками объясняется тѣмъ, что рисунки взяты изъ научныхъ руководствъ и не переработаны авторомъ для средней школы.

„Учебникъ физіологіи растеній для среднихъ учебныхъ заведеній“ г. Заленскаго по его достоинствамъ значительно выше учебника морфологіи и систематики и, безотносительно къ послѣднему, можетъ быть признанъ какъ прекрасный учебникъ для средней школы.

Матеріалъ въ этомъ учебникѣ выбранъ и расположенъ въ общемъ очень удачно. Между отдѣльными физіологическими отправленіями авторомъ устанавливается тѣсная связь. Затрагиваемые вопросы доводятся до ихъ логическаго конца. Химизмъ и механизмъ питанія, образованіе органическаго вещества и разрушеніе его при дыханіи и броженіяхъ, накопленіе солнечной энергіи и ея выдѣленіе, роль микроорганизмовъ въ круговоротѣ веществъ въ природѣ—всѣ эти существенные моменты физіологіи растеній представлены съ выпуклостью и ясностью. Изложеніе вполнѣ научное и въ то же время настолько живое, ясное и понятное для учащихся, что учебникъ этотъ можно читать безъ особой помощи со стороны преподавателя. Такой учебникъ не только даетъ знаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доставляетъ внутреннее духовное удовлетвореніе, способствуетъ выработкѣ міровоззрѣнія и развитію учащихся.

При такихъ крупныхъ достоинствахъ учебникъ физіологіи растеній г. Заленскаго не чуждъ и нѣкоторыхъ недочетовъ, легко устранимыхъ въ слѣдующихъ изданіяхъ.

Какъ и въ учебникѣ для III кл., не вполнѣ благополучно обстоитъ дѣло со свѣдѣніями по анатоміи растеній. Слѣдуетъ отмѣтить ихъ большую распыленность и недостаточную отчетливость въ учебникѣ физіологіи. Пройденныя въ младшемъ классѣ, эти свѣдѣнія требуютъ не только освѣженія, но и нѣкоторой систематизаціи. Между тѣмъ авторъ даже основныя данныя о клѣткѣ помѣщаетъ, совершенно случайно, въ главу о бѣлкахъ, гдѣ бѣлкамъ отводится всего 6 строкъ (не считая мелкаго шрифта). Также несистематично и разбросанно даны свѣдѣнія о строеніи стебля и корня. Отсюда неизбѣжныя повторенія и отступленія, затрудняющія учащагося, и необходимость для преподавателя самому систематизировать разбросанный матеріалъ.

По той же причинѣ недостаточно ясны и отчетливы свѣдѣнія о диффузіи и осмотическихъ свойствахъ клѣтки, при чемъ слѣдовало бы сообщить нѣкоторыя данныя о коллоидальномъ состояніи веществъ. Наоборотъ, излишни для первоначальнаго учебника нѣкоторыя подробности, напр., о денитрификаторахъ.

Съ одной стороны авторъ какъ будто предполагаетъ въ учащихся

достаточное знакомство съ химіей, приводя формулы реакцій, напр., въ схемѣ дыханія (стр. 88), съ другой,—описывая углеводы (стр. 8), тщательно избѣгаетъ дать имъ формулу.

На стр. 2 авторъ напрасно говоритъ о виталистическомъ и матеріалистическомъ воззрѣніяхъ, отдавая преимущество послѣднему; врядъ ли это подходитъ къ краткому курсу средней школы.

Отмѣтимъ рядъ неточностей и недосмотровъ, которыхъ у автора, вообще говоря, немного.

На стр. 15, при описаніи опыта съ ассимиляціей съ указаніемъ на рис. 7, не сказано и изъ рисунка не видно, какимъ образомъ можно опредѣлить объемъ воздуха, пропущеннаго черезъ приборъ, и количество содержавшагося въ немъ углекислаго газа до опыта; этотъ существенный пропускъ дѣлаетъ неубѣдительнымъ и самый опытъ.

Начиная съ 14 стр., авторъ употребляетъ терминъ *углекислота* вмѣсто болѣе точнаго термина углекислый газъ.

На стр. 19 неудачно выраженіе: „*банкротство* атмосферы".

На стр. 20 неправильный терминъ „сосудистые пучки", вмѣсто сосудистоволокнистые пучки.

На стр. 21 нѣмецкій терминъ *палисадная* паренхима, вмѣсто русскаго столбчатая.

На стр. 47 неудачна фраза: „бѣлковыя *вещества* входятъ въ составъ протоплазмы, т. е. того живого *вещества*, въ котор." и т. д.

На стр. 54, въ примѣчаніи, миллиметръ набранъ ошибочно съ большой буквы.

На стр. 64, говоря о корняхъ, авторъ пишетъ: „Только расположеніе древесинной и лубяной частей ихъ будетъ здѣсь нѣсколько другое", но какое, не поясняетъ.

На стр. 91 напечатано: „Выдѣляющійся же въ соединеніи съ углемъ кислородъ"; нужно съ углеродомъ.

На стр. 87 авторъ говоритъ, что при дыханіи окисляются бѣлки, а углеводы идутъ на регенерацію ихъ; а на стр. 91 онъ пишетъ: „Дрожжи... не окисляютъ сахара до углекислоты и воды, какъ это дѣлаютъ при дыханіи другіе растительные организмы"; здѣсь явное противорѣчіе съ опредѣленіемъ роли бѣлковъ въ дыханіи, ибо выходитъ, что окисляется сахаръ, а не бѣлки.

На стр. 112 читаемъ: „Есть такія низкія и высокія температуры, при которыхъ *немыслимъ* ростъ. *Эти* максимумы и минимумы температуры, въ предѣлахъ которыхъ *еще возможенъ ростъ*". Здѣсь, очевидно, пропускъ, искажающій смыслъ.

На стр. 114 (7 строка текста) ошибочно стоитъ „въ темнотѣ", вмѣсто—на свѣту.

На стр. 125 рискованно утвержденіе, что „геотропическій изгибъ простой рефлексъ, *мало отличающійся* отъ рефлексовъ животныхъ".

Рисунки въ учебникѣ физіологіи обладаютъ тѣми же недочетами: плохое воспроизведеніе, неполнота объясненій по сравненію съ буквенными обозначеніями (см. напр., рис. 2, 12, 38, 45, 50, 56, 61, 71, 82, 87, 97, 98 и др.).

Независимо отъ рисунковъ, внѣшняя сторона обоихъ учебниковъ г. Заленскаго вообще оставляетъ желать лучшаго: слишкомъ тонкая бумага, неотчетливый шрифтъ, слишкомъ длинныя строчки текста при малой ширинѣ полей.

Въ концѣ учебниковъ были бы умѣстны указатели спеціальныхъ терминовъ, объясненныхъ въ текстѣ.

Среди существующихъ учебниковъ ботаники для III и VII классовъ реальныхъ училищъ учебники г. Заленскаго, въ особенности учебникъ физіологіи растеній, при ихъ соотвѣтствіи съ программою, наиболѣе удачно выполнены.

III.

Темы для сочиненій на преміи имени Императора Петра Великаго въ 1916 и 1918 гг.

I. *По разряду гимназій: на преміи 1916 года*—„Повторительный курсъ русской исторіи для VII и VIII классовъ".

Названный учебникъ долженъ быть составленъ примѣнительно къ программамъ исторіи и объяснительнымъ къ нимъ запискамъ, напечатаннымъ въ августовской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1913 годъ.

II. *По разряду реальныхъ училищъ: на преміи 1916 года*—„Руководство по ботаникѣ для реальныхъ училищъ". (Продолженіе конкурса 1915 года на оставшуюся невыданною большую—въ 2.000 рублей—премію).

Учебникъ долженъ быть составленъ примѣнительно къ программамъ по естествовѣдѣнію, утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 26-го іюня 1906 года, и долженъ состоять изъ двухъ частей, изданныхъ отдѣльно.

I-я часть, содержащая курсъ морфологіи и систематики растеній, предназначается для III класса и поэтому должна быть изложена примѣнительно къ возрасту учениковъ. Главное назначеніе курса—развитіе наблюдательности учениковъ. Терминологія должна быть, по возможности, ограничена. Подробности размноженія, описанныя примѣнительно къ возрасту учениковъ, и теоретическія соображенія должны быть на второмъ планѣ. Систематика можетъ излагаться или въ восходящемъ, или въ нисходящемъ порядкѣ.

II-ая часть посвящается физіологіи растеній. Изложеніе физіологіи должно имѣть уже иной характеръ, такъ какъ она назначается для учениковъ старшаго возраста (2-е полугодіе VI-го класса), уже прошедшихъ курсъ химіи.

Однимъ изъ достоинствъ каждаго учебника является его небольшая стоимость. Поэтому въ учебникѣ ботаники не должно быть статей для чтенія (хрестоматической части). Хорошіе и многочисленные (особенно въ I-й части) рисунки необходимы, но дорогія цвѣтныя таблицы совершенно излишни. Обѣ части по возможности не должны превышать объемомъ 20 печатныхъ листовъ.

III. *По разряду книгъ для народнаго чтенія: на преміи 1916 года*—сочиненіе на тему: „Сельское хозяйство средней полосы Россіи"; условія, коимъ должно удовлетворять конкурсное сочиненіе, объявлены въ январской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1914 г.

На преміи 1918 года: „Исторія западно-славянскихъ народовъ съ этнографическимъ очеркомъ славянства". Сочиненіе должно быть составлено примѣнительно къ слѣдующимъ требованіямъ.

I. Сочиненіе должно представлять краткій, но достаточно полный, основанный на внимательномъ знакомствѣ съ литературой предмета, очеркъ исторіи отдѣльныхъ западно-славянскихъ народовъ (чеховъ и моравaнъ, словаковъ, поляковъ съ кашубами и сербовъ-лужичанъ). Большее вниманіе должно быть обращено на тѣ начала и явленія ихъ исторической жизни, которыя сближаютъ ихъ съ культурно-политическими стремленіями цѣлаго славянства (Кирилло-Меѳодіевская идея, вначалѣ бывшая достояніемъ не только южныхъ и восточныхъ славянъ, но почти и всѣхъ западныхъ; гуситство у чеховъ; національно-реформаціонныя движенія у поляковъ въ XV—XVI вв. и пр.) и которыя послѣ упадка ихъ національной жизни характеризуютъ эпоху національнаго ихъ возрожденія, направленнаго къ возстановленію не только цѣлости своей племенной вѣтви, но и къ болѣе тѣс-

ному общенію со всѣмъ остальнымъ славянствомъ. Такимъ образомъ, въ предлагаемомъ очеркѣ должно быть обращено вниманіе не столько на тѣ историческія явленія въ жизни западно-славянскихъ народовъ, которыя свидѣтельствуютъ о центробѣжныхъ ихъ стремленіяхъ, сколько на тѣ центростремительные ихъ идеалы, которые освѣщаютъ пути къ достиженію славянскаго братства и, можетъ быть, даже, въ будущемъ, славянскаго единства. Само собою разумѣется, терминологія (личныхъ именъ, географическихъ названій и пр.) должна быть славянская, примѣнительно къ тѣмъ требованіямъ, которыми руководствуется, напр., географическая комиссія при русскомъ народномъ совѣтѣ во Львовѣ по возстановленію географическихъ наименованій въ Прикарпатской Руси.

II. Въ введеніи необходимо помѣстить свѣдѣнія этнографическаго характера о современномъ славянствѣ (общее количество всѣхъ славянъ и каждаго славянскаго народа въ отдѣльности, территорія ими занимаемая, вѣроисповѣданіе, распредѣленіе ихъ по государствамъ).

III. Сочиненіе должно имѣть въ виду читателя, обладающаго элементарными свѣдѣніями изъ исторіи.

IV. Желательно къ сочиненію приложить карту славянства и портреты выдающихся дѣятелей.

V. Сочиненіе можетъ быть составлено и нѣсколькими авторами, но съ сохраненіемъ строгой связи и систематичности въ его содержаніи и изложеніи, при чемъ премія выдается за сочиненіе, а потому ученый комитетъ не входитъ въ сужденіе о раздѣлѣ ея между авторами.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го ноября, и могутъ быть какъ печатныя, такъ и рукописныя. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени автора (или авторовъ), подъ какимъ либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожительство.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О конкурсѣ на соисканіе въ 1915 году премій (двухъ большихъ и двухъ малыхъ) изъ суммъ ученаго комитета за лучшіе учебники для мужскихъ гимназій по средней и новой исторіи, каковыя преміи, согласно съ утвержденнымъ министерствомъ 16-го мая 1913 года опредѣленіемъ ученаго комитета, по размѣру и всѣмъ прочимъ условіямъ вполнѣ отвѣчаютъ преміямъ Императора Петра Великаго.

I.

Для соисканія означенныхъ премій были назначены слѣдующія темы:

1) „Повторительный курсъ средней исторіи" (или исторіи средневѣковой культуры) и 2) „Повторительный курсъ новой исторіи".

Къ опредѣленному ученымъ комитетомъ сроку (1-го ноября 1914 г.) были представлены 3 рукописныхъ сочиненія. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій при ученомъ комитетѣ была образована особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ приглашеннаго къ участію въ трудахъ ученаго комитета ординарнаго профессора Императорскаго женскаго педагогическаго института А. А. Васильева, въ составъ коей вошли членъ ученаго комитета П. Г. Васенко и экстраординарный профессоръ Императорскаго женскаго педагогическаго института А. Г. Вульфіусъ.

Комиссія, обсудивъ, на основаніи рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ на ея разсмотрѣніе сочиненій, представила свое заключеніе о нихъ въ ученый комитетъ, который, по всестороннемъ обсужденіи какъ этого заключенія, такъ и отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) рукописное сочиненіе: „Повторительный курсъ новой исторіи" неизвѣстнаго автора, представленное подъ девизомъ: „L'Histoire c'est la résurrection (J. Michelet)" признать заслуживающимъ половины (1.000 р.) большой преміи (2.000 р.) изъ суммъ ученаго комитета, каковую сумму (1.000 р.) и выдать автору по представленіи сочиненія въ исправленномъ и напечатанномъ видѣ. По вскрытіи въ засѣданіи ученаго комитета запечатаннаго конверта съ тѣмъ же девизомъ, авторомъ удостоеннаго преміи сочиненія оказался профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра *Павелъ Николаевичъ Ардашевъ*;

2) прочія два представленныя на конкурсъ сочиненія признать премій не заслуживающими;

3) предсѣдателю и членамъ комиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій—А. А. Васильеву, П. Г. Васенко и А. Г. Вульфіусу—выдать вознагражденіе за ихъ трудъ, въ размѣрѣ стоимости медалей, установленныхъ положеніемъ о преміяхъ Императора Петра Великаго, т. е. по 80 рублей каждому;

4) примѣнительно къ § 4 положенія о преміяхъ Петра Великаго продолжить на 1 годъ срокъ конкурса на соисканіе оставшихся невыданными одной большой (въ 2.000 р.) и одной малой (въ 500 р.) премій изъ суммъ ученаго комитета за „Повторительный курсъ средней исторіи“ (или исторіи средневѣковой культуры).

Таковое опредѣленіе ученаго комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

II.

Разборъ сочиненія, удостоеннаго въ 1915 году половины большой преміи изъ суммъ ученаго комитета.

Повторительный курсъ Новой Исторіи. 256 стр. Девизъ: „L'Histoire c'est la résurrection. (J. Michelet)“.

Предлагаемый трудъ въ общемъ производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Авторъ прекрасно владѣетъ матеріаломъ; во всѣхъ частяхъ курса чувствуется знакомство съ новыми данными исторической науки; языкъ простой и вразумительный, хотя и не свободенъ иногда отъ нѣкоторой ученой сухости.

При всемъ этомъ авторъ умѣетъ эффектно и наглядно группировать факты, успѣшно пользуется противопоставленіями и выпукло выдвигаетъ главные моменты въ изображаемыхъ событіяхъ и явленіяхъ. Въ видѣ примѣра можно было бы указать на удачное изображеніе различія гуманистическаго и средневѣковаго міровоззрѣнія, англійскаго и французскаго просвѣщенія, отчасти реформаціи и гуманизма. Образцомъ толковой исторической характеристики можетъ служить въ высшей степени ясное и систематическое изображеніе парламентской системы Англіи въ XVIII вѣкѣ.

Кромѣ того авторъ очень умѣло пользуется цитатами изъ современныхъ источниковъ и тѣмъ самымъ придаетъ своему изложенію нѣкоторый историческій колоритъ. Особенно удачны отдѣлы II и III, по-

священные великимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, ихъ послѣдствіямъ, просвѣщенію, старому порядку и революціи.

Конечно и предлагаемый трудъ не свободенъ отъ недочетовъ, пробѣловъ, неясностей, неточностей и ошибокъ, впрочемъ, почти исключительно очень мелкихъ. Однако, съ одной стороны, недочеты эти неизбѣжны при созданіи учебника совершенно новаго типа, а съ другой, ихъ легко можно будетъ устранить при изданіи, если автору угодно будетъ воспользоваться помѣщаемыми ниже указаніями.

Пробѣлы. Наиболѣе досадными пробѣлами являются слѣдующіе:

1) Авторъ совершенно не касается религіозныхъ идей Руссо, хотя при характеристикѣ романтизма самъ принужденъ указать на Руссо, какъ на его родоначальника (стр. 217). Это указаніе поэтому остается совершенно непонятнымъ и неяснымъ.

2) Указывая на условія осуществленія политической свободы согласно ученію Монтескье, авторъ говоритъ лишь о раздѣленіи властей и опускаетъ выяснить огромное значеніе, которое Монтескье приписываетъ въ этомъ отношеніи дворянству и вообще промежуточнымъ сословіямъ. Глухое упоминаніе объ этомъ на стр. 161-ой совершенно недостаточно.

3) Столь же приходится сожалѣть о томъ, что авторъ не остановился подробнѣе на проектѣ Тюрго о введеніи самоуправленія.

4) Было бы крайне желательнымъ на ряду съ Шатобріаномъ для всесторонней характеристики реакціонной литературы разобрать и ученіе Де-Мэстра и Галлера; въ особенности же досадно, что авторъ не далъ анализа ни одного изъ либеральныхъ писателей, хотя бы Бенжамена Констана. Впрочемъ, этотъ недостатокъ отчасти искупается мастерски написанной общей характеристикой либерализма и романтизма.

5) При изображеніи стремленій, направленныхъ къ объединенію Италіи, необходимо коснуться и республиканскаго теченія, представленнаго Мадзини и Гарибальди.

Менѣе существеннымъ считаю я отсутствіе разсмотрѣнія дѣятельности Дидро и теоріи прогресса Кондорсе, хотя введеніе этихъ вопросовъ въ курсъ придало бы картинѣ французскаго просвѣщенія большую законченность.

Ошибки и неточности:

Стр. 3. Авторъ утверждаетъ, что въ средніе вѣка вообще не читали древнихъ авторовъ. Въ такомъ общемъ видѣ это утвержденіе

представляетъ собою несомнѣнное преувеличеніе; Виргилія, напр., читали въ теченіе всего средневѣковья.

Стр. 5. Неправильно, что въ большинствѣ случаевъ сеньерія не измѣнила республиканскаго устройства городовъ Италіи. Подобное утвержденіе можно признать безусловно вѣрнымъ лишь въ отношеніи къ Флоренціи.

Стр. 9. Нельзя говорить о томъ, что Данте въ моментъ изгнанія былъ сторонникомъ партіи гибелиновъ, въ особенности отожествляя ихъ съ знатью. Составъ и политическія симпатіи партіи „бѣлыхъ" гораздо болѣе сложны, чѣмъ думаетъ авторъ.

Стр. 14. Петрарку авторъ называетъ „всецѣло человѣкомъ новаго времени", хотя у Петрарки, несомнѣнно, очень сильно замѣтны пережитки аскетическаго настроенія.

Стр. 15. Авторъ говоритъ „о величайшемъ уваженіи Петрарки къ Данте". Товарищъ и другъ Петрарки—Боккачьо упрекалъ его какъ разъ въ противоположномъ, а извѣстное письмо Петрарки не говоритъ въ пользу мнѣнія автора.

Стр. 23. „Престарѣлый монахъ гуманистъ Амброджіо Траверсари покидаетъ свой монастырь". Получается впечатлѣніе, будто бы Траверсари отказался отъ монашеской жизни, чего на самомъ дѣлѣ, конечно, не было.

Стр. 24. Во Флоренціи нѣтъ собора св. Марка, а лишь монастырь имени этого святого.

Стр. 29. Авторъ характеризуетъ литературное творчество Лаврентія Великолѣпнаго лишь, какъ „навѣянное классической миѳологіей" и старающееся воспроизвести красоту античнаго міра. Между тѣмъ самыми замѣчательными элементами этого творчества были народность (Nencia da Barberino) и теистическій платонизмъ (гимны, Altercazione). Кромѣ того, сколько мнѣ извѣстно, среди произведеній Лаврентія Великолѣпнаго нѣтъ ни „Паллады", ни „Рожденія Венеры".

Стр. 40. Авторъ говоритъ о стремленіи Юлія II къ объединенію Италіи. Юлій II стремился лишь освободить и возстановить Церковную область.

Стр. 41. Авторъ называетъ Льва X—„послѣднимъ папой меценатомъ". Послѣднимъ папой меценатомъ былъ, конечно, Павелъ III Фарнезе.

Стр. 51. Авторъ говоритъ о какой-то приверженности Макіавелли къ папству. Безъ ограничительныхъ поясненій эта мысль безусловно неправильна.

Стр. 53. По мнѣнію автора, полемическое направленіе является отличительною чертою германскаго гуманизма отъ итальянскаго. Между тѣмъ полемическія произведенія (инвективы) играютъ очень замѣтную роль въ итальянскомъ гуманизмѣ.

Стр. 60. Авторъ утверждаетъ, что Гуттенъ писалъ почти исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. На самомъ же дѣлѣ свои главныя произведенія (Vadiscus, Наблюдатели, Лихорадка, эпиграммы etc.) Гуттенъ сперва написалъ на латинскомъ языкѣ.

Стр. 71. Совершенно неправильно усматривать въ гуманизмѣ и реформаціи противоположность 2-хъ принциповъ—свободы мысли (гуманизмъ) и авторитета (реформація). Авторитетъ Св. Писанія, на которомъ строили свое дѣло реформаторы, былъ не менѣе обязателенъ, на что въ другихъ мѣстахъ указываетъ и самъ авторъ, и для гуманистовъ. Кромѣ того, этотъ авторитетъ нисколько не противорѣчитъ свободѣ мысли, ибо въ принципѣ реформація признавала полную свободу толкованія Писанія за каждымъ человѣкомъ, какъ за священникомъ въ духовномъ отношеніи. Нѣкоторые реформаторы съ полною ясностью развили поэтому ученіе о полной религіозной свободѣ (Франкъ, Денкъ и др.). Нетерпимость и догматизмъ Лютера, Кальвина и ихъ церквей представляется уклоненіемъ отъ принциповъ реформаціи, столь же мало характернымъ для ея существа, сколь мало важности для общей оцѣнки гуманизма имѣетъ тотъ фактъ, что Ѳома Моръ, въ качествѣ канцлера, подвергалъ казни еретиковъ.

Стр. 150. Авторъ не указываетъ, что деистъ Толандъ впослѣдствіи дошелъ до ярко выраженнаго пантеизма (Письма къ Серенѣ).

Стр. 151. Вольтеръ не жилъ въ Швейцаріи, какъ думаетъ авторъ. Ферней лежалъ лишь у швейцарской границы.

Стр. 145. Очевидная описка, вмѣсто Яковъ I слѣдуетъ поставить Карлъ I.

Стр. 154. Невиновность Каласа была признана не парижскимъ парламентомъ, а судебной секціей Королевскаго совѣта.

Всѣ указанные недочеты могутъ легко быть исправлены. Въ заключеніе укажу на 2, по моему, весьма неудачныхъ термина: „Братство общей жизни“ авторъ настойчиво называетъ „общежительнымъ“ братствомъ (стр. 49, 56, 64), а „Colloquia familiaria“ Эразма переводитъ „Непринужденные разговоры“, вмѣсто „Дружескія бесѣды“ (стр. 57, 58).

Совершенно поверхностно (и при этомъ блѣдно и сухо) охарактеризованы Рафаэль и Микель-Анжело (стр. 41). О Рабле изложено такъ,

какъ будто онъ особенно замѣчателенъ своими разсужденіями о гуманистическомъ воспитаніи Гаргантюа (стр. 66 и сл.). О Дюрерѣ упомянуто лишь, какъ о замѣчательномъ граверѣ (стр. 82). Не отмѣчено, что во времена Колумба земля на картахъ и при вычисленіяхъ считалась меньшей на треть сравнительно съ ея настоящей величиной, а между тѣмъ это именно и вселяло въ Колумба твердую увѣренность о возможности доплыть до Азіи избраннымъ имъ путемъ (стр. 89). Переходя къ погрѣшностямъ изложенія рукописи, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего крайне неясный и сбивчивый разсказъ о Каласѣ (стр. 153). Затѣмъ укажемъ на нѣкоторую склонность автора въ одной фразѣ употреблять одинаковыя слова. Напримѣръ, на стр. 54 встрѣчаемъ: которое, которымъ и т. д. (такихъ примѣровъ наберется нѣсколько). Попадаются неправильныя выраженія и неудачныя сочетанія: Когда же... наступитъ время, что папскія буллы... (стр. 60); оказываютъ соревнованіе (стр. 62); наконецъ подъ конецъ (стр. 64); когда объ этомъ дошло до Венеціи (стр. 103) и др.

III.

Темы для сочиненій на преміи изъ суммъ ученаго комитета въ 1916 и 1917 гг.

1) *На преміи 1916 года:* „Повторительный курсъ средней исторіи“ (или исторіи средневѣковой культуры). (Продолженіе конкурса 1915 года).

Учебникъ долженъ быть составленъ примѣнительно къ программѣ и объяснительной къ послѣдней запискѣ, напечатаннымъ въ августовской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1913 г., и представленъ въ ученый комитетъ не позднѣе 1-го ноября 1915 года.

2) *На преміи 1917 года:* учебникъ по „Методикѣ естествовѣдѣнія“ для VIII-го (педагогическаго) класса женскихъ гимназій, для учительскихъ институтовъ и семинарій.

Учебникъ долженъ быть составленъ примѣнительно къ слѣдующей программѣ:

Историко-критическій обзоръ главнѣйшихъ методологическихъ направленій.

Основные принципы и планъ элементарныхъ курсовъ природовѣдѣнія и естествовѣдѣнія.

Методика веденія классныхъ уроковъ, практическихъ занятій и экскурсій.

Наглядныя пособія, организація учебно-вспомогательныхъ кабинетовъ и лабораторій, внѣклассныя занятія.

Значеніе естествовѣдѣнія въ ряду другихъ общеобразовательныхъ предметовъ школы.

(Установленіе порядка при распредѣленіи отдѣльныхъ пунктовъ программы предоставляется автору).

Означенный учебникъ долженъ быть представленъ въ ученый комитетъ не позднѣе 1-го ноября 1916 года.

Преміи изъ суммъ ученаго комитета по размѣру и всѣмъ прочимъ условіямъ вполнѣ отвѣчаютъ учрежденнымъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія преміямъ Императора Петра Великаго.

АГРАРНЫЯ ОТНОШЕНІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПАРИЖА.

Среди цѣлаго ряда жалобъ и требованій, предъявленнымъ сельскими приходами ближайшихъ окрестностей Парижа и Версали въ составленныхъ отъ ихъ имени наказахъ,—двѣ жалобы, двоякаго рода требованія выдаются особенно рѣзко, преобладая надъ остальными. Это съ одной стороны, жалобы на сеньеріально-феодальное право охоты, а, съ другой,—требованіе положить предѣлъ тому едва зарождавшемуся тогда во Франціи экономическому порядку, который далъ кое-гдѣ и преимущественно на сѣверѣ Франціи толчокъ созданію фермерства и связанному съ нимъ скопленію фермъ въ однѣхъ рукахъ [1]).

Если жалобы на право охоты были почти всеобщими и раздавались со всѣхъ концовъ Франціи, то изъ сличенія ихъ съ жалобами наказовъ окрестностей Парижа нельзя не замѣтить разницу между ними, выразившуюся въ неизмѣримо большей интенсивности, энергіи и упорствѣ со стороны послѣднихъ. Въ остальной Франціи далеко не во всѣхъ наказахъ попадаются этого рода жалобы, и тамъ, гдѣ наказы говорятъ о правѣ охоты, ихъ жалобы высказываются, нерѣдко, въ крайне сухой и сжатой формѣ, особенно въ приходахъ, гдѣ сеньеръ въ отсутствіи или гдѣ его сеньерія мелка и ничтожна по ея размѣрамъ. Здѣсь, въ окрестностяхъ Парижа, нѣтъ буквально *ни одного* наказа, который, такъ или иначе, въ той или иной формѣ, не коснулся бы права охоты, не требовалъ бы отмѣны или ограниченія его. Въ большинствѣ случаевъ наказы останавливаются на правѣ охоты съ такою подробностью, въ такихъ деталяхъ, съ такимъ

[1]) См. эти cahiers въ IV и V томахъ Archives Parlementaires; въ изданіи Thénard'a, Cahiers du baillage de Versailles et de Meudon; у Chassin'a, les élections et les cahiers de Paris, т. 1—4, Paris 1889.

иногда паѳосомъ, какихъ мы напрасно стали бы отыскивать въ цѣломъ рядѣ наказовъ и сѣверныхъ и южныхъ, и восточныхъ и западныхъ областей. Не одинъ простой фактъ права, а, главнымъ образомъ, вытекающія изъ него послѣдствія, проявляющіяся въ окрестностяхъ Парижа и особенно Версали съ особенной силой, какой они не имѣли въ остальной Франціи,—вотъ на чемъ болѣе всего сосредоточивается вниманіе составителей наказовъ. Отсюда, почти постоянно, чуть не въ каждомъ наказѣ, требованія либо разрѣшить окружать поля, и луговыя, и пахатныя, огорожами для защиты отъ дичи и отъ вытаптыванія ихъ охотниками и охотничьей сворой, либо обязать владѣльцевъ возводить вокругъ ихъ охотничьихъ лѣсовъ и земель, ихъ garennes, прочныя стѣны. Болѣе того,—и это не повторяется въ наказахъ другихъ мѣстностей,—наказы окрестностей Парижа въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ настаиваютъ на полной отмѣнѣ цѣлаго ряда ограниченій полицейскаго характера, губительно дѣйствующихъ на успѣхи земледѣлія, подрывающихъ земледѣліе въ корнѣ. Требуютъ они права свободнаго распоряженія землями, принадлежащими крестьянамъ и вообще сельскимъ жителямъ: отмѣны запрещенія очищать засѣянныя полосы отъ бурьяна, не начинать ни косить ихъ луговъ, ни жать поспѣвшій хлѣбъ раньше предписаннаго срока, публикуемаго послѣ обѣдни со ступенекъ сельскаго храма по распоряженію сеньера или его агента—фермера, régisseur—fermier, отмѣнѣ, равнымъ образомъ, и права сеньеровъ убивать сторожевыхъ собакъ и кошекъ и т. п., это все для того, чтобы не мѣшать нестись куропаткамъ, не подвергнуть истребленію ихъ гнѣздъ и снесенныхъ ими яицъ [1]). И что жалобы не были преувеличены, что онѣ вполнѣ соотвѣтствовали тому исключительному положенію, въ какое здѣсь поставлено было дѣло охоты, подтверждается какъ идущими въ теченіе XVIII в. сообщеніями современниковъ [2]), такъ, въ особенности, тѣмъ рядомъ бунтовъ, — бунтовъ „охотничьихъ",—какіе только здѣсь получили массовой характеръ. Таковъ, напр., бунтъ 1754 года, вспыхнувшій въ королевскомъ охотничьемъ округѣ (capitanerie), находившемся въ вѣдѣніи герцога де Нойаль д'Айена [3]).

---

[1]) См. въ Arch. Parl., IV, 440, 450, 473, 561, 703 и др., V, 131, 778 и др.; Thénard, стр. 187 и сл.; Chassin, IV, 79 и сл.

[2]) См. мемуары Marais, герцога de Luynes, д'Аржансона и др., цит. у Thénard'a, 198 и сл. Ср. отзывы Sallier въ Essai pour servir d'introduction à l'histoire de la révolution. Paris. 1802.

[3]) Мемуары герцога de Luynes, у Thénard'a.

Таковъ и бунтъ 1789 г., совпавшій съ сожженіями замковъ въ остальной Франціи и вспыхнувшій въ округѣ Ангіенъ въ сеньеріяхъ какъ принца Конти, яраго охотника, такъ и графа Мерси д'Аржанто, бунтъ, повторившійся и въ Жанвилье и выразившійся, какъ и бунтъ 1764 г., въ повальномъ истребленіи дичи: куропатокъ, зайцевъ, кроликовъ и т. д. [1]).

Не столь всеобщими были жалобы, касавшіяся фермерства и скопленія фермъ въ однѣхъ рукахъ, и мы увидимъ ниже причины этого явленія. Но здѣсь они, какъ и жалобы на послѣдствія права охоты, были и болѣе частыми, и болѣе энергическими и детальными, чѣмъ въ тѣхъ областяхъ,—весьма немногихъ,—въ которыхъ стало возникать фермерство. За Луарой фермерство въ томъ видѣ, въ какомъ мы встрѣчаемъ его въ сѣверной Франціи, совершенно не существовало, и наказы ни однимъ словомъ не касаются его. Если наказы, напр., Оверни, Лимузена или Ангумуа [2]) говорятъ иногда о fermiers, то здѣсь рѣчь идетъ о фермерахъ, какъ откупщикахъ сеньеріальныхъ доходовъ, какъ объ agents или régisseurs сеньера, и только. Это не фермеръ, какъ предприниматель сельско-хозяйственной, земледѣльческой дѣятельности. Если въ наказахъ областей къ сѣверу отъ Луары и попадаются жалобы на развитіе фермерства, то очень рѣдко, въ видѣ исключенія. Въ наказахъ генеральства Алансонъ только одинъ наказъ жалуется на соединеніе фермъ въ однѣхъ рукахъ [3]). Въ наказахъ области Maine три—четыре прихода протестуютъ противъ развитія фермерства [4]). Въ Орлеанѣ только 5 приходовъ говорятъ о фермерахъ, какъ предпринимателяхъ [5]). Ничего нѣтъ относительно фермерства въ наказахъ Пикардіи, области, гдѣ уже началось его развитіе [6]). Если въ двухъ такихъ областяхъ, какъ Ланноа и Артуа, гдѣ мы встрѣчаемъ уже народившееся крупное фермерство [7]),—хотя, главнымъ образомъ, на церковныхъ земляхъ—и идетъ иногда рѣчь о фермахъ, то здѣсь жалобы на фермерство и ферме-

---

[1]) Протоколы слѣдствія объ этихъ бунтахъ см. у Chassin, IV, 88 и сл.

[2]) См. les Cahiers des paroisses d'Auvergne, изд. Mège'a, стр. 112, 304, 311 и др. Cahiers des paroisses du bas Limousin, изд. Hugues, стр. 43, 97, 120, 145, 178, 189, 194 и др.

[3]) Cahiers du baillage d'Alençon, изд. Duval, 37.

[4]) Cahiers du Maine, изд. Duchemin, т. I, стр. 197, т. II, стр. 152.

[5]) Cahiers du baillage d'Orléanais, изд. C. Bloch, I, стр. 93, 358, 606, 764 и 776.

[6]) Cahiers, изд. подъ редакціей Durand, т. I—IV, Amiens, 1891—1904.

[7]) См. мою книгу: La proprieté paysanne en France, Paris, 1912, стр. 191 и сл.

ровъ были очень рѣдки [1]). Въ Артуа часть общинъ возражала противъ предложенія нѣкоторыхъ приходовъ потребовать воспрещенія скоплять нѣсколько фермъ въ однѣхъ рукахъ [2]). Иначе стояло дѣло въ окрестностяхъ Парижа. Здѣсь нѣсколько десятковъ приходовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ расширенія фермъ и противъ фермеровъ. Настаивали они на расчлененіи крупныхъ фермъ, превращеніи ихъ въ болѣе мелкія, „какъ то было раньше", по ихъ словамъ [3]). Если требованія относительно высшей нормы для фермы были различны, если одни допускали фермы то въ 400, то въ 300, то 200 только арпановъ, то всѣ почти были единодушны въ смыслѣ протеста противъ допущенія крупнаго фермерства и крупныхъ фермъ. Вражда къ фермерамъ и къ крупнымъ пахарямъ (laboureurs), какъ классу, начинающему выдѣляться изъ крестьянской массы, проявляется во многихъ наказахъ уже довольно ясно. Въ фермерахъ и въ созданіи крупныхъ фермъ видитъ крестьянская масса причину своей крайней бѣдности. „Главная причина", говорятъ наказы, „въ честолюбіи фермеровъ, которые захватываютъ въ свои руки всѣ земли, расширяютъ свои владѣнія за счетъ и во вредъ бѣдняковъ, доводятъ почти до полнаго рабства сельскихъ рабочихъ, захватываютъ своими стадами овецъ и приходскія пастбища, и общинныя земли" [4]). Наказъ прихода Baillet, протестуя противъ крупныхъ фермеровъ и крупныхъ laboureurs, говоритъ о нихъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. „30—40 лѣтъ тому назадъ они,—эти фермеры,—ѣздили въ повозкахъ, стоимостью въ 3—4 луидора, а теперь разъѣзжаютъ въ кабріолетахъ, и какъ только гдѣ либо окажется ферма въ наемъ, они берутъ ее, не считаясь съ тѣмъ, что за нее требуютъ. И вотъ, нѣтъ никого, кто бы могъ существовать и жить, кромѣ большинства такого рода фермеровъ".

Фермы, фермерство и право охоты—таковы были тѣ проявленія тогдашней жизни, которыя особенно болѣзненно чувствовались населеніемъ, чувствовались здѣсь, въ окрестностяхъ Парижа, сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ такой же мѣрѣ въ остальной странѣ, и есте-

---

[1]) Cahiers du baillage du Vermandois, изд. Fleury, стр. 122, 223, 296; cahiers d'Artois, изд. Loriquet, I, 379.

[2]) Cahiers d'Artois, I, 96. Это наказъ прихода Laires.

[3]) „Comme autrefois". Cahiers de Villeron, t. V, Arch. Parlementaires. Ср. cahiers de Chateney, Bouffemont, Baillet, Marly la Ville, Fosses и цѣлый рядъ другихъ.

[4]) См. cahier прихода Plessis—Bouchard, A. P., V, 27.

ственно возникаетъ вопросъ, гдѣ и въ чемъ коренились причины такого явленія, какова была обстановка и условія аграрныхъ отношеній здѣсь, до момента, когда вспыхнула революція во Франціи?

Въ исторической литературѣ отвѣта на эти вопросы нѣтъ. Если до нѣкоторой степени выяснены ближайшія причины протестовъ приходовъ окрестностей Парижа и Версали противъ права охоты, если мы знакомы теперь, благодаря нѣкоторымъ историкамъ, съ организаціей права охоты, съ тѣмъ, какъ устроены были и королевскіе, и сеньеріальные охотничьи округа, capitaneries, съ ихъ пространствомъ, съ ихъ разрушительнымъ вліяніемъ на земледѣльческую дѣятельность въ окрестностяхъ Парижа и Версали, этихъ двухъ главныхъ центровъ жизни всей Франціи, то нельзя сказать того же о выясненіи роли фермерства и вообще о выясненіи вліянія тѣхъ общихъ экономическихъ условій, которыя дѣйствовали здѣсь и создали то настроеніе въ массахъ, какое отражаютъ на себѣ наказы. Прочно утвердившееся въ исторической французской литературѣ мнѣніе, что выясненіе общаго характера, экономическаго, какой либо области, не говоря уже о всей странѣ, возможно лишь путемъ постепеннаго изученія каждой отдѣльной части области, каждаго прихода, затѣмъ лишь выясненія и описанія положенія дѣлъ въ цѣлой данной области, повело къ тому, что у насъ имѣется лишь нѣсколько монографій отдѣльныхъ приходовъ Bures, S-t Prix, Thierval [1]), но нѣтъ общей картины экономическаго строя областей, лежавшихъ подлѣ Версали и Парижа. Какъ ни цѣнны сообщаемыя ими новыя данныя, они не приближаютъ насъ къ выясненію положенія окрестностей Парижа наканунѣ революціи, аграрныхъ отношеній, существовавшихъ въ нихъ, и причинъ, вызвавшихъ заявленія наказовъ, несмотря на то, что авторы указанныхъ работъ пользовались бумагами архива Сены и Уазы. Они искали въ немъ лишь тѣхъ документовъ, которые касались интересовавшихъ ихъ приходовъ.

Благодаря любезному сообщенію архиваріуса архива Сены и Уазы, г. Лесора,—года три тому назадъ приведшаго въ порядокъ документы серіи С (административной),—о найденныхъ имъ фоліантахъ стати-

---

[1]) Rey, la fin de l'ancien régime à S-t Prix и его же: Les cahiers de S-t Prix et la subdélégation d'Enghien. Paris. 1892; Jules Lair, La seigneurie de Bures, въ mémoires de la société de Paris, t. II, стр. 187—266; L. Resch, La vie privée et les mœurs d'un village des environs de Versailles (Thierval en 1787), въ Bulletin du comité des travaux historiques (séction des sc. économiques) 1905, стр. 22—57.

стическихъ данныхъ о приходахъ, сосѣднихъ съ Парижемъ, и приглашенію ознакомиться съ ними, я получилъ возможность изучить до нѣкоторой степени общія черты аграрнаго строя въ разсматриваемой области и отчасти и причины тѣхъ измѣненій, какія внесены были развитіемъ здѣсь фермерства, и въ настоящей статьѣ попытаюсь дать описаніе, хотя все еще, къ сожалѣнію, не полное, аграрныхъ порядковъ и отношеній въ окрестностяхъ Парижа. Изученные мной, лѣтомъ 1913 года, документы занесены въ répertoire numerique серіи C подъ заголовкомъ: états de situation des paroisses [1]) и представляютъ собою весьма подробное описаніе въ экономическомъ отношеніи всѣхъ приходовъ какъ въ субделегатствахъ, такъ и въ élections, ближайшихъ къ Парижу и окружающихъ его съ сѣвера (Гонессъ и Ангіенъ), съ запада (Понтуазъ, С. Жерменъ, Версаль, Монфоръ-л'Амори, Этампъ) и съ юга (Этампъ и Корбейль). Къ сожалѣнію, нѣтъ такихъ же описей для приходовъ, входящихъ въ составъ нынѣшняго департамента Сены; они, повидимому, сгорѣли. За исключеніемъ городовъ, какъ Версаль, С. Жерменъ, Понтуазъ, имѣются описи всѣхъ приходовъ, входившихъ въ составъ и 6 субделегатствъ, и 3 élections. Для Гонессъ даны описи 44 приходовъ, для Ангіенъ—37, для Понтуазъ—64, для С. Жерменъ—46, для Версаля—48, для Монфоръ-л'Амори—61, для Монлери—59, для Этампъ—43 и, наконецъ, для Корбейль—36, а всего для 438 приходовъ и для сплошной территоріи, занятой ими, что даетъ возможность приблизительно точнаго описанія аграрныхъ отношеній на всемъ этомъ пространствѣ.

Описи составлены для всѣхъ приходовъ каждаго изъ субделегатствъ отдѣльно (въ алфавитномъ порядкѣ) и въ нихъ указаны: кто состоитъ сеньеромъ прихода, одинъ ли онъ или ихъ нѣсколько, какъ велико количество дымовъ и скота (лошадей, коровъ и овецъ), какое пространство занимаютъ дворянскія земли и земли привилегированныхъ (если они имѣются) и изъ какихъ угодій и въ какомъ количествѣ они состоятъ, какова собственность мѣстныхъ крестьянъ съ означеніемъ часто и размѣра угодій, сколько земли держатъ по найму крестьяне (à loyer), какое количество земли держатъ фермеры и какое крестьяне изъ другихъ деревень, а равно сколько собствен-

---

[1]) Это, во-первыхъ, série C 7—16, заключающая въ себѣ описи субделегатствъ: Corbeil, Enghien, Gonesse, Montlhéry, S-t Germain и Versailles 1784 года; 2) C 37—опись d'élection d'Etamps 1790; 3) C 99—опись d'élection de Monfort—l'Amaury, и 4) C 166—7—опись d'élection de Pontoise 1768—83.

ной земли у этихъ послѣднихъ, какое количество имѣется какъ собственныхъ, такъ и наемныхъ домовъ у сельскаго населенія, каковъ составъ населенія, сколько насчитывается пахарей (laboureurs), поденщиковъ (journaliers), лицъ, занятыхъ промысловой дѣятельностью (commerçants и т. д.), ремесленниковъ (artisans) и нищихъ (indigents), наконецъ,—хотя далеко не въ полномъ и еще менѣе точномъ видѣ,—въ чемъ заключались доходы сеньеровъ и каковъ былъ размѣръ поступленій въ ихъ пользу отъ монопольныхъ учрежденій (мельницъ, виноградныхъ прессовъ и т. п.), а также и отъ разнаго рода сеньеріальныхъ правъ (чаще всего en bloc, безъ деталей) и десятинъ. Нѣсколько меньше, въ однихъ отношеніяхъ и нѣсколько больше данныхъ, въ другихъ отношеніяхъ, содержатъ въ себѣ описи только двухъ élections: Понтуаза и Монфоръ л'Амори [1]). Въ нихъ отсутствуютъ, напр., данныя (для многихъ приходовъ) о количествѣ скота, о размѣрахъ угодій, какъ состоявшихъ въ собственности разныхъ классовъ, такъ и въ собственности и въ наймѣ у крестьянъ. Но, въ противоположность описямъ въ субделегатствахъ, въ которыхъ вовсе нѣтъ данныхъ о хотя бы приблизительномъ распредѣленіи поземельной собственности какъ между отдѣльными классами населенія, такъ особенно внутри каждаго класса и, въ частности, крестьянъ, описи Понтуаза и Монфоръ-л'Амори содержатъ въ себѣ рядъ данныхъ, открывающихъ возможность до нѣкоторой степени установить характеръ этого распредѣленія.

Данными, заключающимися въ этихъ описяхъ, опредѣлялись и тѣ рамки, въ которыхъ можно и мыслимо было произвести изслѣдованіе для полученія приблизительнаго отвѣта на поставленные выше вопросы. Для этой цѣли, для выясненія общихъ условій экономическаго строя окрестностей Парижа, для составленія общей картины этого строя, аграрныхъ отношеній, сложившихся здѣсь наканунѣ революціи, данныя эти представлялись настолько достаточными, что я, главнымъ образомъ, ограничиваюсь здѣсь ими, дополнивши ихъ немногими другими. Эти послѣднія взяты изъ одной изъ самыхъ богатыхъ въ этомъ отношеніи коллекцій земельныхъ сеньеріальныхъ описей, livres terriers, какія существуютъ во Франціи и сохранились въ значительной части въ архивѣ Сены и Уазы. Таковы, напр., livre terrier

---

[1]) Опись Etampes'a даетъ намъ данныя, меньшія количественно сравнительно со всѣми остальными. Судя по описямъ Понтуаза и Монфоръ л'Амори, подобныя имъ описи другихъ субделегатствъ существовали, но исчезли.

герцогини Ларошъ-Гюйонъ [1]), Ламуаньона [2]) и нѣкоторыя другія, на которыя я буду ссылаться ниже.

Совокупность этихъ данныхъ позволяетъ произвести приблизительное опредѣленіе роли и значенія сеньеріально-феодальнаго режима, какъ онъ сохранился въ окрестностяхъ Парижа наканунѣ революціи, его вліянія на земельные порядки и отношенія, на формы пользованія землею во всѣхъ почти приходахъ, окружавшихъ Парижъ и Версаль.

I.

Принципъ: „nulle terre sans seigneur" господствовалъ здѣсь во всей своей полнотѣ, и сеньеріально-феодальному режиму были подчинены всѣ земли, безъ исключенія, все равно были ли они дворянскими или ротюріерными, феодальными или чиншевыми и въ чьихъ бы рукахъ ни были и тѣ, и другія: въ крестьянскихъ ли или дворянскихъ, церковныхъ и буржуазныхъ. Вся территорія областей, разсматриваемыхъ нами, территорія, заключавшая въ себѣ нѣсколько менѣе $1/2$ милліона арпановъ земли, состояла изъ цѣлой массы сеньерій, и крупныхъ, и болѣе мелкихъ, но, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, онѣ сосредоточивались въ сравнительно немногихъ рукахъ. Концентрація сеньеріальныхъ владѣній — преобладающая черта во всѣхъ какъ субделегатствахъ, такъ и въ élections. Все равно составлялъ ли данный приходъ одну сеньерію или въ него входило нѣсколько сеньерій,—нерѣдко и весь приходъ, и всѣ его сеньеріи сосплялись въ однѣхъ рукахъ, рукахъ сеньера, непосредственнаго вассала короля. То, что было весьма частымъ явленіемъ въ остальной Франціи, въ особенности въ центрѣ и на югѣ, совладѣніе въ одномъ и томъ же приходѣ двухъ и бо́льшаго числа сеньеровъ (иногда 5, 7 и болѣе), здѣсь было крайне рѣдкимъ явленіемъ. Три сеньера въ одномъ и томъ же приходѣ мы находимъ лишь въ 5 приходахъ [3]), а по два—въ 13 [4]), и это на 438 приходовъ (около 4% всѣхъ при-

---

[1]) Arch. départem. de Seine-et-Oise, série E, 38 Terrier, 1771.

[2]) Ib., série E 6—18 и др.

[3]) Это—въ Gonesse приходъ Belloy, въ Анріенъ—Erbelay, въ Montlhéry—Beauregard и Gometz—la Ville, и въ Corbeil—Essonnes.

[4]) Это въ Gonesse—Villaines en France; въ Анріенъ—Montigny; въ Понтуазъ—Gouzangriez; въ Версали—Vaucresson и Ville d'Avray (король и Тьерри) (Thierry), въ Монфоръ л'Амори — Boissy, Galluis и Laqueue, Meré St.-Magloire, Néauphle le Vieux и Vicq; въ Montlhéry—Bures и Saux le Chartreux; въ Этампъ—d'Huison. Въ С.-Жерменъ—ни одного прихода.

ходовъ). Всѣ остальные приходы зависѣли каждый отъ одного сеньера. И болѣе того: степень концентраціи здѣсь сеньеріальныхъ владѣній въ однѣхъ рукахъ достигала, можно сказать, максимальныхъ размѣровъ, создавая рядъ самыхъ крупныхъ въ Франціи сеньеровъ и сеньерій, насчитывавшихъ десятки приходовъ, зависѣвшихъ отъ одного какого либо сеньера.

Близость всѣхъ разсматриваемыхъ мѣстностей къ такимъ центрамъ тогдашней Франціи, какими являлись Версаль и Парижъ, не могла не отразиться на характерѣ сеньеріальнаго строя, не сказаться на немъ самымъ яркимъ образомъ и не придать ему того специфическаго облика, какой пріобрѣлъ онъ здѣсь. И въ особенности это можно сказать относительно Версали, этого главнаго центра страны и мѣстопребыванія въ немъ и короля, и двора. Верховнымъ сюзереномъ для всѣхъ сеньеровъ, владѣльцевъ приходовъ-сеньерій, являлся король, съ его все еще особенно яркой окраской феодально-сеньеріальной. Онъ былъ здѣсь, въ свою очередь, однимъ изъ такихъ же сеньеровъ, какими были и зависимые отъ него вассалы. Въ качествѣ такового онъ взималъ и тѣ же сеньеріальныя права, пошлины, платы съ мельницъ и другихъ сеньеріальныхъ учрежденій [1]). Первый по рангу въ феодальной іерархической лѣстницѣ, онъ былъ первымъ сеньеромъ и по размѣрамъ той территоріи, на которую распространялась его сеньеріальная власть. Въ своихъ рукахъ онъ держалъ 26 приходовъ, разбросанныхъ въ пяти округахъ [2]), съ территоріей, составлявшей нѣсколько больше $^1/_{18}$ всей земли разсматриваемыхъ областей (5,7%). Его непосредственные вассалы въ громадномъ большинствѣ случаевъ являлись и главными и наиболѣе крупными сеньеріальными владѣльцами, сосредоточивавшими въ своихъ рукахъ и львиную долю сеньерій. Давняя историческая эволюція все болѣе и болѣе привлекала ихъ ко двору, къ дворцовой службѣ, и при самомъ дворѣ, и при королевскихъ охотничьихъ округахъ (какъ, напр., герцогъ д'Айенъ и др.). Наканунѣ революціи они-то и являлись главными держателями сеньерій въ зависимости отъ короля. Въ рядахъ сеньеріальныхъ владѣльцевъ мы встрѣчаемъ здѣсь представителей са-

---

[1]) См. напр. Arch. de S. et O., série A 162; état des lods et ventes perçus pour le compte du roi dans l'étendue du domaine de Meudon, съ 1774 по 1791.

[2]) Въ субделегатствѣ Версаля—17 приходовъ, въ С.-Жерменъ—4, въ Gonesse—2, въ Montfort-l'Amaury—2 и въ Corbeil—1. Только въ одномъ субделегатствѣ (Ville d'Avray) онъ владѣлъ сеньеріей пополамъ съ другимъ сеньеромъ. Площадь, занимаемая всѣми этими приходами, простиралась почти до 27 т. арпановъ.

мой крупной и вліятельной знати. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли, правда, болѣе или менѣе значительныя сеньеріи и въ другихъ мѣстахъ Франціи. То были, напр., не говоря о принцахъ крови въ родѣ Конде съ его сеньеріями въ Бургундіи, Бурбонне и др. мѣстахъ, принца Конти— съ его владѣніями сеньеріальными въ Оверни, или графа Артуа съ его вассальными держаніями въ Понтье, въ Пуату, Лимузенѣ и т. д., герцоги Пантіевръ (Penthièvres), де Люинъ, де Шеврезъ, д'Аркуръ и масса другихъ. Но тамъ они были рѣдкими гостями, чаще всего и вовсе не бывали. Здѣсь ихъ сеньеріи являлись и мѣстами отдыха и лѣтняго пребыванія, и ареной охотничьихъ забавъ.

На первомъ планѣ, какъ крупные сеньеры, стояли здѣсь принцы крови Конде и Конти. Сеньеріальная власть перваго изъ нихъ распространена была почти на 17 приходовъ, изъ которыхъ на субделегатства Гонессъ и Ангіенъ падала наибольшая часть, именно 15 приходовъ [1]); двумя приходами принцъ Конде владѣлъ въ субделегатствѣ Монлери. Почти вдвое меньшими были сеньеріальныя владѣнія принца Конти. Его сеньеріи, обнимавшія цѣлые приходы, были разбросаны въ субделегатствѣ Ангіенъ и въ élection Понтуаза. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ 14 приходовъ, 6—въ первомъ и 8—въ Понтуазѣ, но въ то время, какъ сеньеріальная власть принца Конде охватывала территорію почти въ 16 т. арпановъ (3,3% всей территоріи разсматриваемыхъ округовъ), въ зависимости отъ принца Конти находилось около $7^1/_2$ т. арпановъ или 1,5% всей территоріи. Менѣе всего были значительны сеньеріи графа Артуа, который владѣлъ въ субделегатствѣ С.-Жерменъ тремя приходами въ 1.200 съ небольшимъ арпановъ.

Съ этими представителями царствовавшаго дома конкурировали французская высшая знать, представители самыхъ крупныхъ дворянскихъ родовъ въ лицѣ цѣлаго ряда герцоговъ, графовъ и маркизовъ. Вліятельный при Людовикѣ XVI графъ Морепа занималъ первое мѣсто. Онъ владѣлъ 11 приходами-сеньеріями: десятью въ élection Монфоръ-л'Амори и однимъ въ субделегатствѣ С.-Жерменъ. Сеньеріальная власть его охватывала территорію почти на тысячу арпановъ большую, чѣмъ территорія сеньеріальная принца Конде (3,5%). Такое же количество приходовъ-сеньерій входило въ составъ сеньеріальныхъ владѣній и выдающагося дѣятеля во время выборовъ въ

---

[1]) 12 приходовъ были сеньеріями его цѣликомъ. Въ 4 приходахъ онъ владѣлъ только половиной и $^1/_3$ въ одномъ.

генеральные штаты отъ дворянства, маркиза Гуи д'Арси (Gouy d'Arcis), но съ значительно меньшей территоріей (1,6%). За этими двумя сеньерами шелъ длинный рядъ герцоговъ, маркизовъ и простыхъ дворянъ: герцогъ Пантіевръ, сеньеръ многихъ владѣній въ Шампани, съ 10 приходами (2,5%)—8 въ Монфоръ-л'Амори и 2 въ Версали; герцоги Виллеруа и де Муши, державшіе по 8 приходовъ (1,4% и 1,8%), въ субделегатствахъ Корбейль и Монлери; герцогъ Шеврезъ съ своими 7 приходами въ Монфоръ-л'Амори (1,5%); герцогъ де Люинъ, графъ Бильянкуръ и графиня де Бріоннъ, сеньеры каждый 5 приходовъ (съ территоріей, равной 0,8%, 1,7% и 1,1%); маркизъ Таларю (Talaru) съ 4 приходами (0,9%) въ élection Этампъ и въ Монлери. Затѣмъ слѣдовали: 5 сеньеровъ, державшихъ по 3 прихода, 13, владѣвшихъ каждый 2 приходами съ территоріей въ 2,9% и, наконецъ, 14 сеньеровъ, ограничивавшихъ свою сеньеріальную власть лишь предѣлами одного прихода (территорія этихъ приходовъ составляла около 9½%) [1].

Весь этотъ сеньеріальный придворный цвѣтникъ тянулъ почти всецѣло къ своему главному центру, королевскому дворцу въ Версали. Максимальное пространство сеньеріальныхъ владѣній высшей знати вмѣстѣ съ сеньеріями короля падало на субделегатство Версаль: около 62% всей территоріи субделегатства. Въ двухъ сосѣднихъ: субделегатствѣ С.-Жерменъ и élection Монфоръ л'Амори пространство, занятое этой сеньеріальной землей, обнимало болѣе половины территоріи этихъ округовъ (56% и 60%). Столь же почти значительными были сеньеріальныя владѣнія и въ двухъ менѣе отдаленныхъ отъ Версали округахъ: Монлери и Понтуазъ, представляя собою 55% и 54% всей территоріи этихъ округовъ. Значеніе и роль дворянскихъ сеньерій слабѣли по мѣрѣ удаленія отъ Версали. Въ Ангіенъ пространство, занятое этими сеньеріями, еще достигало до 49%, но уже въ Корбейль падало до 39,7%, а въ Гонессъ и Этампъ, болѣе отдаленныхъ отъ Версали и болѣе близкихъ къ Парижу—до 39,1% и до 31,9%. И какъ сильна была концентрація приходовъ-сеньерій въ однѣхъ и тѣхъ же и при томъ въ немногихъ рукахъ, легко можно видѣть изъ того факта, что во всѣхъ округахъ количество земли въ тѣхъ приходахъ, изъ которыхъ каждый составлялъ только одну сеньерію,

[1]) Въ числѣ державшихъ по 3 прихода мы находимъ герцога d'Uzes и маркиза де Броль (Broglie), по 2 — герцога д'Аркуръ, маркиза Beuvron, графа де Сельвъ (Selve), принцессу Конти, герцогиню la Vallières, графа Мерси-д'Аржанто, герцога Валантинуа (Valentinois), Мону и др.

было гораздо ниже, чѣмъ тѣхъ, которые соединены были въ числѣ 2, 3 и большаго числа въ однѣхъ рукахъ. Въ Монфоръ-л'Амори, напр., изъ 32 приходовъ, только 5 было такихъ, которые находились каждый отдѣльно въ зависимости отъ различныхъ сеньеровъ. Изъ остальныхъ по 2 прихода были у 2 сеньеровъ, 7 — у одного, 8 — у одного и, наконецъ, 10 тоже у одного [1]). И въ то время, когда въ 5 приходахъ или въ простыхъ сеньеріяхъ насчитывалось только 4.300 съ небольшимъ арпановъ, подъ сложными—около 36 т. То же и въ С.-Жерменъ, гдѣ 16 приходовъ входили въ составъ сложныхъ сеньерій (въ 4, 3 и 2 прихода) и всего 6 въ составъ простыхъ, и это при территоріи около 10½ т. арпан. для однихъ и около 8 т. для другихъ.

Не осталось безъ вліянія и сосѣдство съ такимъ крупнѣйшимъ центромъ, какимъ былъ Парижъ, средоточіе центральнаго управленія, высшихъ государственныхъ чиновъ, членовъ магистратуры, парижскаго парламента, членовъ королевскаго совѣта, членовъ счетной и монетной палатъ, комитета государственныхъ откупщиковъ (ferme générale), банкировъ, этихъ агентовъ крупныхъ сеньеровъ, и вообще членовъ болѣе или менѣе богатой буржуазіи.

Крупную роль въ дѣлѣ владѣнія сеньеріями играла буржуазія, особенно высшая, и на югѣ, и отчасти и въ центрѣ Франціи, гдѣ она конкурировала съ дворянствомъ въ земельномъ отношеніи. Въ сѣверной Франціи ея положеніе было иное. Здѣсь сеньеріальное вліяніе ея было болѣе чѣмъ слабымъ, и въ такихъ центрахъ, какъ Аміенъ, Аббевиль, Аррасъ, ея члены пытались пріобрѣтать и пріобрѣтали лежавшія подлѣ городовъ земли, лишь какъ дачные поселки, насчитывавшіе самое ничтожное количество земли. Окрестности Парижа являлись исключеніемъ въ этомъ отношеніи. Не то, чтобы со стороны буржуазіи вообще, не одной только высшей, не существовало стремленія къ пріобрѣтенію владѣній, такого же, какъ и у собратьевъ ея въ Аміенѣ и др. городахъ. Пріобрѣтались и ею земли, но какъ условная собственность, главнымъ образомъ, какъ земля чиншевая. Но высшая буржуазія шла здѣсь дальше и вступала въ ряды непосредственныхъ вассаловъ короля, покупая сеньеріи и сеньеріальныя права и у дворянъ. Оттого мы встрѣчаемся здѣсь, въ окрестностяхъ Парижа, съ цѣлымъ рядомъ сеньеровъ, оставившихъ слѣдъ въ исто-

---

[1]) 10 у Maurepas, 7 у герцога де Шеврезъ, 8 у герцога de Penthièvres. Опись Monfort-l'Amaury.

ріи страны, многихъ, принимавшихъ участіе въ первомъ собраніи нотаблей, въ борьбѣ съ правительствомъ предъ революціей, встрѣчаемся и съ видными защитниками стараго сеньеріальнаго режима, и дѣльцами-откупщиками, даже съ будущими первыми жертвами революціоннаго движенія. Тутъ и рядъ министровъ, какъ Бертенъ, Лаверди, Ламоаньонъ, Ламберъ, Жоли де Флери, Машо, наконецъ, „халифъ на часъ", генеральный контролеръ Фурке (Fourqueux), о которомъ его подчиненные говорили, что „ни разу еще шапка контролера не покрывала болѣе скудоумной головы". Тутъ же и президентъ парламента, извѣстный Моле (Molé) и рядъ другихъ: президентъ счетной палаты Николаи, рядъ судебныхъ слѣдователей (maitres des requêtes), члены комитета откупщиковъ, какъ Данже де Байе (Danger de Bayeux), de Voisins и др., интенданты, какъ, напримѣръ интендантъ Лоррени, de la Gaizière, дочь буржуа Шарпантье, получившаго званіе conseiller du roi, знаменитые Фулонъ и Бертье и рядъ мелкихъ чиновъ. Играли они здѣсь довольно видную роль, какъ сеньеріальные владѣльцы, но сильно уступали дворянству по размѣрамъ ихъ сеньерій. Уже одна площадь, на которую распространялась ихъ сеньеріальная власть, была значительно меньшей. Она составляла всего около 30% всей территоріи нашихъ округовъ, и степень концентраціи была тоже значительно болѣе слабой. Максимальнымъ количествомъ приходовъ, какъ сеньеріями, владѣлъ лишь одинъ Моле. Въ его рукахъ было 4 прихода и еще половина одного прихода въ Гонессъ и 3 въ Понтуазъ, затѣмъ 6 приходовъ сосредоточивались въ рукахъ дочери Шарпантье, mademoiselle d'Ennery, 5 приходами владѣлъ одинъ, четырьмя—4, въ томъ числѣ Ламоаньонъ и Машо, тремя—3, въ томъ числѣ Бертье, двумя—11, въ томъ числѣ Бертенъ, Лаверди, Жоли де Флери, Фулонъ и Николаи. По одному приходу владѣло 60 лицъ, въ томъ числѣ нѣсколько членовъ парламента, Ламберъ, извѣстный экономистъ Монтаронъ и др. Всего, такимъ образомъ, около половины сеньерій были сложными, нѣсколько менѣе половины — простыми. И въ то время, когда площадь сложныхъ равнялась 69½ тыс. арп., простыя насчитывали около 94 т. арпановъ, т. е. около 58%. Къ высшей буржуазіи примыкали тѣ лица духовнаго званія, аббаты, которые играли роль сеньеровъ. Ихъ было всего четверо, владѣвшіе одинъ—2 приходами и трое по одному. Всего въ ихъ сеньеріяхъ было около 9 т. арпанъ.

Совершенно сравнительно малую, почти ничтожную роль играли церковныя сеньеріи. Онѣ были и малочисленны, и занимали послѣд-

нюю ступень въ смыслѣ размѣровъ владѣемой ими сеньеріальной территоріи. Ихъ сеньеріальная власть распространялась лишь на 56 приходовъ, и всего на приблизительно 62 т. арпановъ. И нужно замѣтить, что въ XVIII в. территорія эта увеличилась сравнительно съ прежнимъ временемъ, благодаря возникновенію женской обители S-t Cyr, основанной при Людовикѣ XIV. Монастырю были отданы приходы въ Версали ($8^1/_2$ прих.), въ Понтуазѣ (2) и въ Монфоръ-л'Амори (3), съ территоріей почти въ 18 т. арп. На долю остальныхъ церковныхъ сеньерій приходилось 42 прихода съ территоріей около 44 т. арп. По отношенію ко всей площади всѣхъ разсматриваемыхъ нами округовъ, все это едва доходило до 14%. Но зато сеньеріи эти были, какъ и сеньеріи дворянства, болѣе концентрированы, чѣмъ у высшей буржуазіи. Аббатство С. Дени было сеньеромъ въ 7 приходахъ, но крайне разбросанныхъ по четыремъ округамъ [1]). Слѣдующее мѣсто занималъ капитулъ церкви S-te Croix въ Орлеанѣ—сеньеръ 5 приходовъ Этампа. Сеньеромъ 5 же приходовъ былъ Мальтійскій орденъ, сеньерами трехъ приходовъ были капитулъ Notre Dame de Paris ($3^1/_3$ прих., тоже разбросанныхъ въ 4 округахъ) [2]) и монахи ордена des Celestins, а сеньерами двухъ приходовъ—женскій монастырь des dames de Maubusson и архіепископъ Парижа ($1^1/_3$ прихода). Рекордъ принадлежалъ дамамъ de S-t Cyr съ ихъ сеньеріей въ 14 приходовъ. Только 13 церковныхъ учрежденій держали въ качествѣ сеньерій по одному приходу [3]). Полное преобладаніе сложныхъ сеньерій, концентрація приходовъ въ немногихъ рукахъ — сказываются здѣсь съ полной силой. И это подтверждается и сопоставленіемъ площадей земли подъ крупными и мелкими сеньерами. На 62 т. арпановъ, представлявшихъ собою всю сеньеріальную церковную землю, на долю мелкихъ сеньерій въ одинъ приходъ приходилось 22%, а на долю крупныхъ 78%.

Въ такомъ видѣ представлялось положеніе дѣлъ въ окрестностяхъ Парижа наканунѣ революціи, въ такой формѣ выразились тѣ сеньеріальныя отношенія, какія сложились въ нихъ почти къ концу столѣтія. Сеньеріальная власть была въ рукахъ исключительно почти

---

[1]) Въ Понтуазъ—1 приходъ, въ Ангіенъ—3, въ Gonesse—3.

[2]) Въ Корбейль—1, въ С. Жерменъ—1, въ Ангіенъ—1 и въ Gonesse—$^1/_3$.

[3]) 3 монастыря des Chartreux, 3 ордена бенедиктинцевъ, аббатство S-t Germain de Près, церковь S-te Geneviève, S-t Germain, 2 капитула: Этампъ и Понтуазъ, chanoine de Chartres, одна часовня въ Понтуазъ и Hôtel Dieu тамъ же.

однихъ высшихъ классовъ, но далеко не равномѣрно распредѣлялась между ними. Первенствующую роль играло здѣсь дворянство и, главнымъ образомъ, высшее, отъ котораго въ зависимости находилась большая часть какъ приходовъ, такъ и земель. Почти половина всей территоріи была подчинена его сеньеріальному режиму (около 45%, если исключить сеньеріи короля). Ни высшее чиновничество, ни болѣе второстепенные члены высшихъ учрежденій, въ родѣ, напр., адвоката Моро, фискальнаго прокурора Обри, совѣтника Шателе, Мориніера, предсѣдателя совѣта въ élection Мари (Marie), Шарпантье и Дюплэ (Dupleix), буржуа Парижа, и т. д. [1]), не могли конкурировать съ дворянствомъ и оттѣснены были въ болѣе отдаленные отъ Версальскаго двора округа. Не въ силахъ были они сконцентрировать сколько-нибудь сильно свою сеньеріальную власть надъ мѣстнымъ населеніемъ, и могли играть и играли подсобную роль въ рядахъ дворянства, поддерживать его интересы. Еще меньше значенія имѣла церковь, занимавшая послѣднее мѣсто по размѣрамъ ея сеньеріальныхъ владѣній. Даже присутствіе въ числѣ сеньеровъ такого аббатства, какъ аббатство С. Дени, считавшагося однимъ изъ болѣе крупныхъ сеньеріальныхъ и земельныхъ владѣльцевъ, представляло своей сеньеріей даже изъ 7 приходовъ малозначительную величину. Вся сеньеріальная власть церкви сводилась къ скромной цифрѣ 14% всей территоріи 9 округовъ.

II.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію того, что представляли собою въ земельномъ отношеніи, какъ организованы были всѣ эти сеньеріи, группировавшіяся вокругъ Версали и Парижа, и какого рода экономическія послѣдствія являлись результатомъ ихъ существованія здѣсь. Для этой цѣли сохранившіяся сеньеріальныя описи, livres terriers, но ни разу еще не подвергавшіяся изученію и изслѣдованію, даютъ не мало интереснаго и цѣннаго матеріала. И достаточно обратиться къ одной изъ нихъ, самой типичной, для опредѣленія характера сложныхъ и крупныхъ сеньерій, этихъ преобладавшихъ здѣсь формъ сеньеріи, чтобы судить и обо всѣхъ остальныхъ. Я имѣю въ виду livre terrier герцогини de la Rocheguyon, ея aveu et dénombrement, представленные ею въ 1771 г. королю, какъ верховному ея сюзерену,

---

[1]) Всѣ они, какъ и многіе другіе, были сеньерами—владѣльцами одного прихода каждый.

отъ котораго зависѣли (rélévaient) ея сеньеріи и которому она обязана была foi et hommage и уплатой пары золотыхъ шпоръ, какъ символа зависимости. То была обширная и занимавшая значительное пространство территоріи сеньерія, во главѣ которой стоялъ приходъ la Rocheguyon. Къ нему тянулъ десятокъ приходовъ по обѣ стороны Сены къ западу отъ élection Понтуазъ и къ сѣверу отъ Манта. Всѣ они группировались вокругъ двухъ крупныхъ лѣсовъ по правой и по лѣвой сторонѣ Сены до устья и вдоль нижняго теченія р. Ептъ (Eptes). То была сплошная территорія, около 10 т. арпановъ, на которую и распространялась сеньеріальная власть герцогини, ея высшая, средняя и низшая юстиція. Этой послѣдней подчинены были всѣ живущія въ герцогствѣ-сеньеріи лица, безъ исключенія, были ли они крестьянами или принадлежали къ дворянскому или духовному классу. Изъяты были лишь земли и лица, зависѣвшія непосредственно отъ короля. Въ центральномъ приходѣ, Ларошъ-Гюйонъ, находится замокъ, уже новой архитектуры, съ капеллой, садами, паркомъ и ново-посаженной аллеей (въ 16 арп.), какъ мѣстомъ для прогулокъ (promenades). Замокъ и садъ, окруженные стѣной, занимали пространство въ $53^1/_2$ арпановъ. Отдѣльно находились два небольшихъ сада всего въ $^3/_4$ арп. (въ 48 и 32 perches), и особо расположенъ былъ и ея domaine fieffé, ея собственность, ея domaine proche въ 455 арпановъ, съ нѣсколькими домами для фермеровъ, съ полями, разбросанными по всей территоріи прихода, какъ то имѣло мѣсто въ громадномъ большинствѣ сеньерій на всемъ протяженіи Франціи. Такіе же домены принадлежали ей во всѣхъ другихъ зависѣвшихъ отъ нея приходахъ, ея сеньеріяхъ. Ихъ 16, т. е. больше, чѣмъ было приходовъ, въ зависимости отъ того, составлялъ ли приходъ одну сеньерію или какъ, напр., Сенъ-Мартенъ (S-t Martin) составленъ былъ изъ трехъ сеньерій: сеньеріи С. Мартенъ, сеньеріи д'Ервиль (d'Herville) и сеньеріи Сандримонъ (Sandrimont). Размѣры этихъ доменъ колебались въ предѣлахъ отъ 59 арпанъ до 844 арп., но всѣ отдавались въ наемъ то частями, то въ качествѣ фермъ съ спеціально устроенными зданіями хозяйственными и домомъ для фермера.

Но если мы произведемъ подсчетъ всѣхъ такихъ входившихъ въ составъ и замка и доменъ земель, то увидимъ, что въ общей сложности всѣ они составляли всего около 4.755 арп., это—тѣ арпаны, которые образовывали ея настоящую *собственность*, правда, зависимую отъ короля, сохранившаго и здѣсь, какъ и по отношенію къ

другимъ сеньеріямъ, напр. сеньеріямъ принца Конти [1]), сдѣлавшееся фиктивнымъ право nue propriété. Остальная земля, въ размѣрѣ около 4.388 арп.,—что составляло около 44,0% всей территоріи, тогда какъ собственность сеньера равнялась 48,4%,—находилась въ чужихъ рукахъ, рукахъ чиншевиковъ (censiers), владѣвшихъ сверхъ того и общинными землями (около 650 арп.). Какъ и повсюду во Франціи, въ сосѣдней Нормандіи, Бретани, Лимузенѣ и Оверни, Бурбонне и въ южныхъ провинціяхъ, то была фактическая собственность чиншевиковъ, совершенно такая же, какъ и собственность сеньера, герцогини. И такъ же, какъ и въ Нормандіи и др. мѣстностяхъ, лишь небольшая часть обязана была уплатой шампара, тогда какъ большая—уплачивала чиншъ съ связанными съ нимъ повинностями, пошлинами и иными платежами. Лишь въ 5 сеньеріяхъ существовалъ шампаръ [2]), въ видѣ то одиннадцатаго (въ 4 случаяхъ), то двѣнадцатаго снопа съ общаго количества земли въ размѣрѣ около 214 арп., или около 4,9% всей чиншевой земли. Вся остальная земля, также какъ и шампартная, выдѣлялась и здѣсь, какъ особая собственность, не имѣвшая ничего общаго съ тѣми землями, которыя сеньеры сдавали, безразлично, съ половины, на основахъ métayage, по найму клочками, или цѣлыми доменами, метеріями, или, наконецъ, въ качествѣ фермъ, фермерамъ, въ смыслѣ хозяйственныхъ предпринимателей. Было бы крупной и грубой ошибкой смѣшивать въ одно цѣлое оба рода этихъ земель. Различіе между этими двумя видами земель ярко проступаетъ и здѣсь, въ окрестностяхъ Парижа, какъ и повсюду, напр., въ сеньеріяхъ Лимузена, гдѣ métayage играло первенствующую роль: земли собственныя и находящіяся въ чиншевомъ владѣніи отличаются отдѣльно и рѣзко отъ земель, которыя одни и тѣ же лица держатъ отъ сеньеровъ, въ земляхъ этихъ послѣднихъ, въ качествѣ métayers [3]).

И еще болѣе яркой характеристикой для чиншевыхъ земель, какъ настоящей, хотя и условной, какъ условна была и дворянская, собствен-

---

[1]) См. мои статьи: Аграрныя отношенія во Франціи наканунѣ революціи. Русское Богатство. Февраль и мартъ 1913 г.

[2]) Отмѣтимъ мимоходомъ, что шампару подлежали не однѣ лишь крестьянскія земли. Монастырь Notre Dame de Vauvert держалъ отъ маркиза Тиллоа около 6½ арп. земли и обязанъ былъ уплачивать шампаръ и 11 денье и 1 оболъ чинша (это былъ Картезіанскій монастырь, chartreux de Paris). A. dép. de S. et O., E 792 (1768 годъ).

[3]) Цѣлый рядъ palpes коммунальныхъ архивовъ департ. Haute Vienne и Corrèze.

ности, служитъ между прочимъ то обстоятельство, въ чьихъ рукахъ они находились. Какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи [1]), и здѣсь, въ окрестностяхъ Парижа и Версали, чиншевиками являлись не одни крестьяне. Всѣ livres terriers архива Сены и Уазы единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, изъ кого вербовались держатели чиншевыхъ земель. Не одни только виноградари (vignerons), пахари (laboureurs) и др. лица крестьянскаго класса, держащія чиншевыя земли, уплачиваютъ чиншъ, пошлины при перемѣщеніи собственности (lods et ventes), подчиняются баналитетамъ и мельницъ, и виноградныхъ прессовъ, подлежатъ разнымъ другимъ повинностямъ,—тому же и тѣмъ повинностямъ подлежатъ и лица высшихъ классовъ, церкви, монастыри, духовенство разныхъ степеней, высшіе чиновники и буржуа. Буржуа Парижа покупаетъ $37^1/_2$ арп. въ приходѣ Croissy, сеньеріи принца Конде, и обязанъ за эту землю уплачивать чиншъ, отдавать свой виноградъ для выдѣлки вина въ pressoir banal сеньера и подчиняться всѣмъ полицейско-сеньеріальнымъ регламентамъ относительно продажи своего же вина [2]). Знаменитый дѣятель и творецъ одной изъ первыхъ крупныхъ фабрикъ въ Парижѣ, Оберкампъ, тогда, передъ революціей участникъ въ основанной въ приходѣ Жуи (Jouy) мануфактурѣ узорчатыхъ матерій, покупаетъ рядъ чиншевыхъ земель въ одной сеньеріи, находившейся въ феодальной зависимости отъ аббатства С. Жерменъ де Пре, на тѣхъ же основаніяхъ [3]). Въ числѣ чиншевиковъ мы находимъ и маркиза Бевронъ (Beuvron) (онъ же и герцогъ д'Аркуръ). Онъ—чиншевикъ сеньера д'Орсе (d'Orsay) и, какъ таковой, обязанъ уплачивать чиншъ зерномъ, ежегодно въ день св. Мартина зимняго, въ количествѣ „шести боассо смѣшаннаго изъ пшеницы и ржи зерна (méteil) и три боассо овса" [4]). А въ зависимости отъ маркиза Тиллоа, въ сеньеріи Тиллоа (Tilloy) въ качествѣ чиншевиковъ рядомъ съ адвокатомъ Парижскаго парламента стоятъ и мессиръ Тюрго, маркизъ де Сумонъ (Soumont), и епископъ Шартрскій, и мясникъ изъ прихода Буасси [5]). Достаточно просмотрѣть лишь одни списки чиншевиковъ, обыкновенно прилагаемые къ livres terriers,

---

[1]) См. тѣ же мои статьи въ Р. Богатствѣ.

[2]) Arch. dép. de Seine et Oise, E 614. Reconnaissance de P. de Chefdeville, bourgeois de Paris.

[3]) Ibid., E 489. Déclarations des biens въ цензивѣ сеньера Monteclein.

[4]) Ibid., E 1171. Livre terrier d'Orsay 1772 г.

[5]) Ibid., E 781. Déclarations censuelles, предст. сеньеру Тиллоа (въ субд. Гонессъ).

чтобы видѣть, какъ разнообразенъ и разнороденъ былъ составъ чиншевиковъ въ сословномъ отношеніи. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ земель сельскихъ церквей и сельскихъ приходовъ (cures и fabriques), обязанныхъ чиншевыми платежами, безконечная серія земель различныхъ монастырей и монашескихъ орденовъ, капитуловъ, госпиталей, аббатствъ и епископствъ. Тутъ и орденъ mathurins, и монахини annonciades, и minimes, и ursulines и т. д., церкви и монастыри, сами игравшіе роль сеньеровъ, какъ, напр., dames de S-t Cyr [1]), мальтійскій орденъ и др. Тутъ же и интендантъ Турни, и предсѣдатель счетной палаты Руана [2]), и товарищъ прокурора [3]), и аудиторъ счетной парижской палаты, и рядъ королевскихъ совѣтниковъ [4]) и т. д. И больше всего парижскихъ буржуа, владѣвшихъ здѣсь на чиншевомъ правѣ цѣлой массой мелкихъ участковъ. Какъ и въ городахъ сѣверной Франціи, они скупали участки для дачныхъ поселеній, покупали и дома въ различныхъ приходахъ.

Крестьяне въ лицѣ и laboureurs, и vignerons, и journaliers, и meuniers, и commerçants, и разнаго рода artisans составляли послѣднюю и самую численную количественно группу чиншевыхъ владѣльцевъ, ничѣмъ почти не отличавшихся, въ смыслѣ несомыхъ ими платежей и повинностей ихъ сеньеру, отъ ихъ собратьевъ изъ буржуазіи и другихъ сословій.

Тѣ земли, которыя держали всѣ эти лица разныхъ классовъ, представляли собою въ каждой сеньеріи ту часть поземельнаго владѣнія, которая, являясь зависимой отъ сеньера въ феодальномъ смыслѣ, ни малѣйшимъ образомъ не входила въ составъ собственности сеньера. Собственныя земли послѣдняго составляли совершенно особую, хотя и перемѣшанную съ землями и его вассаловъ, и чиншевиковъ, часть сеньеріи. То, на что я имѣлъ случай указать въ другомъ мѣстѣ, тотъ фактъ, что сеньерія и собственность были два института, не покрывавшіе другъ друга [5]), повторялось и здѣсь. Сеньеріальная власть распространена была на территорію, то гораздо болѣе, то менѣе значительную, чѣмъ та площадь, на которую сеньеръ имѣлъ право

---

[1]) Ibid., E 1193. Seigneurie Senteny; A 1404. Seigneurie d'Auvers, и série E 1088, livre terrier маркиза Gouy d'Arcis.

[2]) Ibid., A 1413, livre terrier баронніи Isle Adam.

[3]) Ibid., A 992.

[4]) Ibid.

[5]) См. мою книгу: „Состояніе земледѣльческихъ классовъ и аграрная реформа 1789—1893". Кіевъ, 1913, стр. 17 и сл.

собственности, хотя и столь же условное, какъ условна была и собственность чиншевая. Эта послѣдняя представляла собою вычетъ изъ общей суммы чисто сеньеріальнаго владѣнія. Но имъ однимъ дѣло не ограничивалось. Сеньеріальная собственность подвергалась иногда,— и то было нерѣдкимъ явленіемъ въ сеньеріяхъ окрестностей Парижа и Версали,—и другому вычету.

Рядомъ съ чиншевыми землями въ сеньеріяхъ существовали земли, зависимыя отъ сеньеріи, земли феодовъ. То былъ рядъ арріеръ-фьефовъ, и ихъ земли находились въ тѣсной феодальной связи съ крупными сеньерами, непосредственно подчиненными королю и въ зависимости отъ нихъ. И здѣсь, какъ и въ остальной Франціи, феодальныя *формы* отношеній сохранились во всей своей неприкосновенности. Всѣ тѣ обычаи, которые были закрѣплены кутюмами XVI в. въ этомъ отношеніи, продолжали быть столь же жизненными и въ концѣ XVIII в., какъ и въ XVI, и, хотя здѣсь въ однихъ округахъ дѣйствовалъ coutume виконтства Парижа, въ другихъ кутюмъ Монфоръ л'Амори, въ третьихъ—Этампа, а въ четвертыхъ Вексена (Vexin),— повсюду господствовали одни и тѣ же, почти однородные порядки. Существовала цѣлая іерархія сеньерій, начиная съ низшихъ фьефовъ и сеньерій, буквально почти такая же, какъ и въ остальной Франціи. Тутъ были и сеньеріи и фьефы въ десятки и сотни арпановъ, были и мелкіе, въ 5, 13 арпановъ, были и такіе, которые состояли изъ дома съ садомъ только или изъ права лишь взиманія ренты и чиншей съ тѣхъ или иныхъ лицъ и земель [1]). Но каковы бы ни были ихъ размѣры, они, во всякомъ случаѣ, своимъ существованіемъ суживали, въ свою очередь, предѣлы той земли, на которую распространялась не только сеньеріальная власть, но и право собственности высшихъ крупныхъ сеньеровъ, непосредственныхъ вассаловъ короля.

Все это создавало для отношеній настоящей собственности сеньеровъ ко всей территоріи, на которую распространялась ихъ *сеньеріальная* власть, крайне разнообразныя формы.

Крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи земель между сеньерами и зависимымъ населеніемъ была отличительной чертой всѣхъ приходовъ Франціи, и это создавало въ различныхъ областяхъ раз-

---

[1]) Почти всѣ livres terriers переполнены данными объ такихъ fiefs'ахъ и seigneurie'яхъ, но для цѣлей настоящей статьи останавливаться на ихъ организаціи было бы излишне и обременило бы лишь ее. Я вернусь къ нимъ въ другой работѣ. Наиболѣе типичнымъ, по массѣ данныхъ, сообщаемыхъ въ текстѣ, является указ. выше terrier Ламоаньона. Arch. dep. de S. et O., E 3, 9 и др.

личные типы распредѣленія собственности. Въ однѣхъ областяхъ колебанія были въ пользу зависимыхъ лицъ, въ частности, крестьянскаго сословія, приводя къ сосредоточенію въ рукахъ этого послѣдняго иногда до половины всѣхъ земель, въ другихъ, наоборотъ, земли собственныя сеньеровъ и дворянства получили перевѣсъ.

Особое мѣсто, въ этомъ отношеніи, занимала разсматриваемая нами область, и здѣсь яснѣе и рѣзче всего сказалось то громадное вліяніе, которое имѣла здѣсь непосредственная близость къ городскимъ двумъ центрамъ, не имѣвшимъ даже приблизительно подобныхъ имъ въ остальной странѣ, и въ смыслѣ населенности, и богатства, и роли, какую они играли и въ политической, и въ соціальной жизни страны.

Вліяніе это обнаружено уже выше въ томъ, что касалось концентраціи *сеньерій*.

Посмотримъ, какъ отразилось оно на распредѣленіи уже не сеньерій, а земельной собственности въ округахъ, близкихъ къ Версали и Парижу. Несомнѣнно, что наиболѣе характернымъ и опредѣляющимъ факторомъ въ этомъ отношеніи является фактъ соотношенія между той условной собственностью, какая удержана была земледѣльческимъ крестьянскимъ классомъ и привилегированными группами населенія: дворянствомъ, церковью и буржуазіей. Отъ того, какъ сложились здѣсь отношенія эти, зависѣли и тѣ формы экономической дѣятельности, которыя возникли и развились здѣсь, находя наиболѣе удобную для этого почву.

Произвести здѣсь учетъ изъ сеньеріальнаго владѣнія представляется вполнѣ возможнымъ для всѣхъ округовъ, благодаря даннымъ описей всѣхъ приходовъ. Данныя о томъ количествѣ собственности (propriété, какъ говорится въ описяхъ), которое находилось въ рукахъ крестьянскаго класса, сообщены вполнѣ, хотя, какъ замѣчено уже раньше, только для *всѣхъ* крестьянъ каждаго прихода, а не для каждаго изъ нихъ особо.

Къ нимъ мы и обратимся прежде всего.

III.

Та крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи крестьянской собственной земли между приходами, которая господствовала во всей тогдашней Франціи [1]), въ еще болѣе рѣзкомъ видѣ проявлялась и

[1]) См. мою книгу: La propriété paysanne, стр. 114 и сл.

здѣсь. Размахъ колебаній былъ очень великъ, хотя предѣлы его были значительно уже, по сравненію съ центральной Франціей и даже какъ сѣверомъ ея, Пикардіей и Артуа, такъ и ближайшей областью, Ланноа. Колебанія совершались въ предѣлахъ отъ нуля лишь до 3 тыс. арпановъ и при томъ чѣмъ выше, тѣмъ слабѣе проявлялись они. Изъ 438 приходовъ въ 9 крестьяне не владѣли ни клочкомъ собственной земли, и треть ихъ падала на округъ съ наиярче выраженнымъ дворянско-сеньеріальнымъ характеромъ, именно на Монфоръ-л'Амори. Свыше 3 т. арп. владѣлъ только одинъ приходъ (въ субд. Ангіенъ); отъ 1 т. до 2 т.—только 4 [1]). Только 5 приходовъ или 1,1% были хоть нѣсколько обезпечены собственной землей. Остальные распадались на три группы: съ слабымъ обезпеченіемъ, недостаточнымъ и безусловно плохимъ. Это—прежде всего группа съ количествомъ земли отъ 600 до 1.000 арп. на приходъ, вторая—отъ 100 до 600 и третья—отъ 1 до 100 арп. Первая насчитывала около 12 приходовъ или 2,7%, вторая—207 приходовъ или около 47,2% и третья—205 или 46,8%. И еще рѣзче сказывается неравномѣрность распредѣленія собственной крестьянской земли между округами. Только въ двухъ (Ангіенъ и С. Жерменъ) мы находимъ приходы, имѣющіе свыше 1 т. арпановъ, въ двухъ же—только 4 прихода, владѣвшіе землей отъ 600 до 1 т. арп. (Etamps и Pontoise), въ двухъ опять лишь 4 прихода съ крестьянскимъ землевладѣніемъ въ размѣрѣ только 400—600 арп. Изъ остальныхъ трехъ—двѣ, примыкающія къ Версали (Версаль и Монфоръ-л'Амори), и одна, почти сливающаяся съ Парижемъ (Gonesse), представляли картину крайняго малоземелья. Здѣсь размахъ колебаній ограничивался слѣдующими предѣлами: отъ 1 арп. до 10 насчитывалось—15, отъ 10 до 25 арп.—25, отъ 25 до 50 арп.—27, до 100 арп.—43, до 200 арп.—24 и до 400—только 16 [2]). Между тѣмъ въ 6 другихъ округахъ [3]) соотношеніе было иное: отъ 1 до 10 арп. лишь 8, отъ 10 до 25 арп.—7, 25 до 50 арп.—23, отъ 50—100 арп.—54, отъ 100 до 200 арп.—71, и до 400 арп.—65. До какой громадной степени доходила здѣсь неравномѣрность распредѣленія земли и между приходами, и между областями, видно изъ сопоставленія процентнаго отношенія земли въ предѣлахъ отъ 1 арп. до 3 т. арп. и болѣе по каждой области. Въ Ангіенъ земли въ 1 арп. до 100 составляли 3,8% всей территоріи области, отъ 100 до 200—8,2%, отъ 200—400—10,2%, отъ 400 до

[1]) 2 въ Ангіенъ и 2 въ St Germain.

[2]) Общее количество приходовъ этихъ 3 округовъ—153.

[3]) Общее число приходовъ въ 6 округовъ—285.

1 т.—36,1% и свыше 1 т. арп.—41,1%. Паденіе, хотя слабое, появляется въ области С. Жерменъ. Здѣсь отъ 25 до 100 арп. насчитывалось около 5,1%, отъ 100—200 арп.—13,5%, отъ 200—400 арп.—24,7%, отъ 400 до 1 т.—37,1%, но зато свыше 1 т. уже только 19,5%. Въ Этампъ—отъ 25 до 100 арп.—4,0% (какъ и въ С. Жерменъ, здѣсь нѣтъ приходовъ съ землей въ 1 до 25 арп.), отъ 100 до 200 арп.—13,3%, до 400 арп.—40,3% и до 1 т.—42,4%. Дальнѣйшее паденіе въ Понтуазъ: отъ 1 до 25 арп.—0,6%, отъ 25 до 100 арп.—11,6%, отъ 100 до 200 арп.—24,9%, отъ 200—400 арп.—27,5% и до 1 т. арп.—35,4%. Въ Монлери: отъ 25 до 100 арп.—9,2%, до 200 арп.—23,8%, до 400—53,6% и уже до 600 только 13,4%. Еще хуже въ Корбейль. Тутъ отъ 1 до 25 арп. насчитывается 0,8%, но отъ 25 до 100 арп. 27,5%, до 200 арп.—18,3%, до 400 арп.—всего 40,6% и уже лишь 12,8% для одного прихода отъ 400 до 600 арп. Новое паденіе въ Версали: отъ 1 до 25 арп.—2,6%, до 100 арп.—33,0%, до 200 арп.—29,1% и уже до 400 арп.—только 35,3%. Почти то же и въ Монфоръ-л'Амори: отъ 1 до 25 арп.—4,2%, до 100 арп.—36,2%, до 200 арп.—25,5% и до 400 арп.—34,1%. На самомъ послѣднемъ мѣстѣ стоитъ Гонессъ съ ея процентными отношеніями. Отъ 1 до 25 арп. крестьянская земля даетъ 8,4%, до 100 арп.—40,7%, до 200 арп.—32,3%, а до 400 арп.—только уже всего 18,7%. Чѣмъ отдаленнѣе была область отъ Версали и Парижа, тѣмъ отношенія были болѣе благопріятны для крестьянства.

Отсюда, та же крайняя неравномѣрность и въ распредѣленіи крестьянской земли между областями. Въ ближайшихъ къ Версали областяхъ: Версали и Монфоръ-л'Амори крестьянскія собственныя земли составляли 9,9% въ первой и всего 5,8% во второй всего количества земли каждой изъ нихъ. Тоже и область Гонессъ, гдѣ крестьянская земля едва доходила до 5,4% всей территоріи области, т. е. представляла собою $^1/_{20}$ часть. Затѣмъ идутъ области съ количествомъ земли отъ 10% до 20%. Это—Корбейль (11,5%), Монлери (17,9%), Понтуазъ (19,0%) и Этампъ (19,6%), т. е. едва достигали размѣра $^1/_5$. Только двѣ области стоятъ какъ бы особнякомъ, приближаясь по типу распредѣленія крестьянской земли къ сѣвернымъ областямъ, Ланноа, Пикардіи и Артуа, и даже стоя нѣсколько выше ихъ. Это—С. Жерменъ съ его 37,3% крестьянской земли и Ангіенъ съ 44,4%.

Бѣдность въ земельномъ отношеніи большинства областей станетъ

еще яснѣе, если мы укажемъ, что въ четырехъ областяхъ все количество крестьянской земли не превышало 5 т. арп. на область; въ трехъ равнялось 10—11 т. арп., въ одномъ около 13 т. и только въ Анґіенъ было болѣе 15 т. арп. [1]).

Какъ распредѣлялась вся эта крестьянская собственность между различными группами сельскаго, крестьянскаго населенія, опредѣлить хотя бы съ приблизительной точностью крайне затруднительно. Матеріалъ, которымъ мнѣ удалось воспользоваться, не даетъ для этого широкихъ основаній, но въ немъ имѣются нѣкоторыя косвенныя указанія, которыя могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ, если не на самое распредѣленіе, то на условія, которыя неизбѣжно должны были создать здѣсь болѣе сильное распыленіе и крайнюю неравномѣрность въ распредѣленіи того незначительнаго сравнительно количества земли, какимъ владѣло крестьянство. Это—прежде всего перечни для каждаго прихода въ 7 субделегатствахъ состава населенія, количества лицъ, занятыхъ тою или иною дѣятельностью.

По даннымъ описей, на 314 приходовъ семи субделегатствъ приходилось всего 34.091 человѣкъ, изъ которыхъ къ занятію исключительно однимъ земледѣліемъ или виноградарствомъ было привлечено громадное большинство: 20.969 душъ или 61,5%. Лица, занятыя либо промыслами, либо ремесломъ, какъ подсобнымъ къ земледѣльческой дѣятельности промысломъ, исчисляются въ количествѣ 5.212 или всего 15,2%. 29,3% составляли нищіе, indigents, число которыхъ дано въ суммѣ 7.910. Но въ то время, когда число laboureurs, куда входили и многіе фермеры, на всѣ приходы едва превышало тысячу душъ (1.043 душъ или 3,6%), а лица, занятыя промыслами: торговцы, мельники, изъ которыхъ многіе были также и фермерами, достигали всего 1.806 душъ или 5,3%, группа поденщиковъ, journaliers, подавляла своей численностью всѣ остальныя группы, насчитывала въ своихъ рядахъ 19.926 душъ или 58,4%. Къ нимъ примыкали и ремесленники, artisans, въ числѣ 3.406 или 9,2%, и всѣ они, и journaliers съ indigents, составляли 91,1% всего рабочаго населенія. На 3—4 laboureurs и 5—6 занятыхъ промыслами (главнымъ образомъ здѣсь мельники) приходилось въ среднемъ на каждый

---

[1]) Въ Gonesse на $52^1/_2$ т. арп. (въ кр. цифр.)—2858 арп., въ Монфоръ л'Амори на $84^1/_3$ т.—4131 арп., въ Корбейль на $34^3/_4$ т.—3989 а., въ Версали на около 43900—4366 а., въ Монлери на $64^1/_2$ т.—10987, въ Понтуазъ на $54^1/_3$ т. арп.—10344 а., въ Этампъ на $58^1/_4$ т.—11433 а., въ С. Жерменъ на $36^1/_4$ т.—$13^1/_2$ т. и въ Анґіенъ на 34393 а.—15287 арп.

приходъ изъ 314 по 63—64 journaliers, по 11—12 artisans и по 25—26 нищихъ.

При томъ крайне скудномъ количествѣ земли, какимъ владѣло крестьянское большинство приходовъ, при отсутствіи ея у нѣкоторыхъ и существованіи крайней разбросанности участковъ, создававшихъ неизбѣжно (и это повсюду почти во Франціи) соединеніе ихъ въ однѣхъ рукахъ, рукахъ крестьянина одного прихода, съ участками въ другомъ какомъ либо или въ нѣсколькихъ сосѣднихъ приходахъ,—фактъ, ярко проявлявшійся въ окрестностяхъ Парижа,—долженъ былъ вести за собой не одно лишь малоземелье, но и полное безземелье, и это—главнымъ образомъ для преобладавшихъ численно группъ сельскаго населенія.

Значительное большинство не только не имѣло доступа къ землѣ, но не обладало здѣсь даже собственными домами. Изъ всей массы рабочихъ сельскихъ приходовъ въ 7 субделегатствахъ, лишь у 16.029 были собственные дома. Домовъ, отдаваемыхъ въ наемъ, насчитывалось около 17,890. Они составляли 53,6% во всѣхъ приходахъ. И понятно, что тамъ, гдѣ земельное обезпеченіе приходовъ было большее, тамъ и процентъ собственныхъ домовъ повышается. Въ Монфоръ л'Амори онъ падалъ до 33,5%, въ Гонессъ—до 43,9%, въ Версали—до 49,3%. Онъ подымался выше половины въ пользу собственныхъ домовъ лишь въ Корбейль, С. Жерменъ, Ангіенъ и Монлери, но даже и здѣсь не шелъ далѣе 64,5%. Значительное число крестьянъ попадало здѣсь въ разрядъ безземельныхъ въ полномъ смыслѣ слова, бездомныхъ, организуя значительную сравнительно съ другими областями Франціи ту рабочую силу, тѣ дешевыя рабочія руки, которыя эксплоатировались предпринимателями земледѣльческой культуры, laboureurs, fermiers, meuniers, сливавшимися въ одну группу. На нихъ-то жаловались наказы тѣхъ приходовъ, гдѣ journaliers могли сказать свое слово. Протестовали journaliers противъ скопленія фермъ,—какъ то мы видѣли,—протестовали также и противъ скупки участковъ, настаивая въ то же время и на репрессивныхъ мѣрахъ противъ laboureurs. Они требовали, чтобы laboureurs'амъ было запрещено не только продавать у себя дома хлѣбъ, но и соединять въ своемъ лицѣ и земледѣльческую дѣятельность, и дѣятельность мельниковъ [1]). Разслоеніе крестьянской массы проявлялось, очевидно, здѣсь съ большей силой, чѣмъ въ другихъ областяхъ. То было про-

[1]) Arch. Parlem., IV, 362, 424, 497 и др.

возвѣстіемъ тѣхъ отношеній двухъ группъ крестьянскаго люда, на которое указывали позже комиссары конвента, посланные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ [1]) И, дѣйствительно, крайняя неравномѣрность распредѣленія земли, кричащее неравенство, вызывавшее жалобы [2]) объ обращеніи безземельныхъ въ „servitude", можетъ быть отчасти констатировано для округа, наиболѣе типичнаго въ окрестностяхъ Парижа и Версали, именно: Монфора л'Амори. Нѣкоторыя, отрывочныя, впрочемъ, данныя показываютъ, какъ была, видимо, велика эта неравномѣрность.

Такъ, въ приходѣ Bazoches изъ 39¼ арпановъ собственной крестьянской земли, у одного было 19½ арп., у другого всего 4½ арп., а на долю 5 vignerons и 5 journaliers оставалось всего 15¼ арп. Въ Flexanville, гдѣ было 56 journaliers, одинъ laboureur владѣлъ 21½ арп., а на всѣхъ остальныхъ оставалось 18½ арп. Въ приходѣ Garancière одинъ владѣлъ 63¼, а на одного купца, 5 artisans и 136 journaliers оставалось 103 арп. Въ Noisy Bailly изъ 172 арп. крестьянской собственности четыре лица (въ томъ числѣ одинъ laboureur) держали, какъ собственность, 24½, 12, 13 и 3 арп. каждый, а населеніе состояло изъ одного laboureur, 4 fariniers, 6 artisans и 90 journaliers. Въ ряду собственниковъ крестьянъ, главнымъ образомъ laboureurs и meuniers, мы встрѣчаемъ въ другихъ приходахъ двухъ съ 119 арп. и 111½ арп. при 16 арп. и 59½ остальной собственности крестьянъ; двухъ съ 72¼ арп. каждый и въ то же время и рядъ такихъ, вся собственность которыхъ колебалась между 2 и 20 арп. Такія же отношенія и такого же рода факты повторяются и въ élection de Pontoise.

Но какъ ни была велика неравномѣрность въ распредѣленіи крестьянской собственности, она все-таки, въ противоположность съ такими областями, какъ Лимузенъ, Овернь, даже Пикардія и Артуа, вращалась въ сравнительно узкихъ предѣлахъ, создаваемыхъ тѣмъ фактическимъ количествомъ собственности, которою располагали здѣсь крестьяне. Вычетъ этой собственности изъ сеньеріальныхъ владѣній былъ, какъ мы видѣли, очень незначительный: въ среднемъ на всю

---

[1]) См. Récueuil des rapports des commissaires, посланныхъ министромъ внутр. дѣлъ, изд. Caron, I.

[2]) Требуя воспрещенія скопленія фермъ въ однѣхъ рукахъ, одинъ изъ наказовъ добавляетъ, что требуетъ этого „pour que chacun pourrait avoir un petit lot", V, 62, а другое, что допущеніе скопленія „met la plus grande partie des ouvriers dans une dure servitude". Ib., 177. Ср. IV, 483 и др.

территорію всѣхъ 9 округовъ, обнимавшихъ площадь почти въ 460 т. арп., только 76.872 арп. или всего 17,9%, т. е. около $^1/_5$ ея части. Вся остальная территорія, $^4/_5$ ея, составляла уже собственность различныхъ высшихъ классовъ, и, при скудости крестьянской земли, становилось для крестьянства неизбѣжнымъ искать земли у ея собственниковъ.

Кто же и въ какомъ размѣрѣ былъ имъ въ окрестностяхъ Версали и Парижа наканунѣ революціи?

IV.

Тѣ отношенія между сеньеріальными владѣніями дворянства, церкви и высшей буржуазіи, какія, какъ мы видѣли, создались въ окрестностяхъ Версали и Парижа наканунѣ революціи, далеко не соотвѣтствовали, даже за вычетомъ крестьянской собственности, тѣмъ отношеніямъ, которыя имѣли мѣсто для дѣйствительной собственности этихъ сословій, для ихъ domaines proches, domaines non fieffés. Между владѣніемъ сеньеріальнымъ и собственностью дѣйствительно существовало и здѣсь полное несовпаденіе.

Достаточно взглянуть на любую сеньерію, чтобы увидѣть, въ какой степени въ каждой повторяется, въ томъ или иномъ видѣ, соотношеніе между собственностью сеньера и собственностью ряда зависимыхъ отъ него лицъ, которое сказывается весьма ярко въ приведенномъ выше примѣрѣ сеньеріи герцогини Ларошъ-Гюйонъ.

Возьмемъ сеньерію, одну изъ самыхъ крупныхъ, принадлежавшую графу Морепа. Въ округѣ Монфоръ л'Амори она обнимала 10 приходовъ съ территоріей, на которую распространялась его сеньеріальная власть, въ 16.360 арп. Но изъ этихъ приходовъ въ одномъ (Coignères) въ 1.910 арп. 75 першъ у него не было ни клочка земли собственной. Онъ, въ качествѣ сеньера, взималъ одни лишь сеньеріальныя права. Въ 9 остальныхъ съ площадью въ 14.449 арп. 25 п. ему, какъ domaine proche, принадлежало всего 9.791$^3/_4$ арп. Его собственность составляла 59,8% его сеньерій, и не было ни одного прихода, въ которомъ бы его собственность совпадала съ его сеньеріальной территоріей. То же имѣло мѣсто и въ сеньеріи герцога Пантіевръ, состоявшей изъ 8 приходовъ. Изъ 11.359 арп. (считая и 2.012 арп. пустопорожней земли) ему принадлежало 2.936 арп. въ качествѣ собственности, т. е. около 25,9%. Въ одномъ приходѣ у него и совсѣмъ не было собственности (Auffarges въ 738 арп.). Изъ прихода въ приходъ отношеніе собственности къ площади сеньеріальнаго владѣнія

рѣзко мѣнялось. Въ 7 приходахъ, принадлежавшихъ въ качествѣ сеньеріи герцогу Шеврезъ, колебанія собственности совершались въ предѣлахъ отъ 6,5% до 39,3%. Изъ 8.459 арп. ему, какъ собственнику, принадлежало всего 1.842 арп. или 22,4%. Остальная земля частью была крестьянской, но въ громадномъ большинствѣ сосредоточивалась въ качествѣ зависимой и въ большей части чиншевой въ рукахъ и церкви (монастыря S-t Cyr, госпиталя Парижскаго), и нѣсколькихъ дворянъ, и интенданта Лоррени де ла Газіеръ, и ряда мелкихъ буржуа (почтовый чиновникъ, мѣстный жандармъ и т. п.).

И это повторяется во всѣхъ приходахъ, сеньеріяхъ королевскихъ, какъ и церковныхъ, остальныхъ дворянскихъ, какъ и буржуазныхъ и чиновничьихъ. Такъ, въ двухъ приходахъ (Fontenay le Fleury и Noisy Bailly) изъ 4.985½ арп., королю, какъ собственнику, принадлежало 4.005¾ арп. Бывшій министръ Лаверди былъ собственникомъ 1.863 арп. изъ 3.117½ арп., представлявшихъ территорію двухъ приходовъ (Condé и Gambais), зависѣвшихъ отъ него, какъ ихъ сеньера, тогда какъ у монахинь St. Cyr изъ территоріи 3 приходовъ въ 5.555½ на долю собственности приходилось лишь 2.022½ арп.

И если мы сведемъ всѣ данныя о приходахъ въ субделегатствѣ Монфоръ л'Амори, то картина распредѣленія собственности, въ ея общихъ очертаніяхъ, опредѣлится съ большей ясностью. Итоги для каждой изъ сословныхъ группъ даютъ здѣсь слѣдующее:

1) дѣйствительная собственность дворянъ — 21.977¾ арп. изъ 50.652 арп. ихъ сеньеріальнаго владѣнія,

2) собственность церкви—3.459 арп. изъ 7.385 арп. сеньеріальной,

3) собственность высшей буржуазіи—14.259½ арп. изъ 16.315 арп.

Но это только та собственность, которая принадлежала имъ въ силу ихъ сеньеріальной власти въ ихъ приходахъ. Къ этой землѣ присоединялись и другія еще земли, не состоявшія въ сеньеріальной зависимости отъ ихъ собственниковъ.

Извѣстно, какъ сильно были разбросаны по приходамъ, какъ и внутри приходовъ, земли, принадлежавшія безразлично какъ высшимъ, такъ и низшимъ классамъ [1]). Мы видѣли, что цѣлый рядъ лицъ, и изъ среды высшихъ сеньеровъ, и церкви, и буржуазіи, и крупной и мелкой, держалъ то большіе, то меньшіе клочки земли, въ зависимости отъ высшихъ сеньеровъ и, главнымъ образомъ, на чиншевомъ

---

[1]) См. мою книгу: Etat des classes agricoles à la veille de la révolution. Paris 1911, стр. 40 и сл.

правѣ, совершенно такъ же, какъ и крестьяне. Здѣсь, въ окрестностяхъ Парижа и Версали, обѣ эти черты аграрнаго строя Франціи повторяются въ полномъ объемѣ. Даже король держитъ внѣ своихъ сеньерій землю въ двухъ приходахъ, въ одномъ (въ сеньеріи монахинь S-t Cyr) 1.573 арп. (въ томъ числѣ лѣсъ въ 813 арп.) и 21 арп. въ другомъ. Въ качествѣ короля онъ стоитъ внѣ зависимости отъ мѣстныхъ сеньеровъ, но эти послѣдніе въ своихъ земляхъ, принадлежащихъ имъ въ чужихъ приходахъ, чужихъ сеньеріяхъ, несутъ всѣ послѣдствія зависимости. Среди дворянъ, владѣющихъ такого рода землями, находится и герцогъ Пантіевръ (56 арп. въ сеньеріи Лаверди) и цѣлый рядъ менѣе знатныхъ. Въ общей сложности эта собственность дворянъ вмѣстѣ съ королевской равнялась въ Монфоръ л'Амори—1.837 арп.

То же и по отношенію къ церковнымъ владѣніямъ. Собственность dames de S-t Cyr мы находимъ, напр., въ сеньеріи герцога Шевреза ($62^1/_2$ арп.) и въ другихъ приходахъ, а собственность мальтійскаго ордена въ сеньеріи dames de S-t Cyr. Это — нѣкоторое увеличеніе церковной собственности, къ которой нужно еще прибавить земли зависимыя, принадлежавшія либо церквамъ (cures и fabriques), женскимъ монастырямъ (dames Maubusson и др.) и т. д. Эти послѣднія составляли около $3.548^1/_2$ арп. и доводили всю церковную собственность до $7.007^1/_2$ арп.

Но главную роль въ дѣлѣ владѣнія зависимой чиншевой землей играло высшее чиновничество и, въ особенности, мелкая буржуазія. Тѣ изъ ея рядовъ, которые были сами сеньерами, въ чужихъ сеньеріяхъ пріобрѣли около 2.030 арп., всѣ остальные, главнымъ образомъ, мелкіе буржуа—19.760 арп., которые они держали на чиншевомъ правѣ. И среди крупной буржуазіи держанія въ чужихъ сеньеріяхъ были весьма значительны по своимъ размѣрамъ, представляли собою цѣлую серію фермъ въ 100 и болѣе арпановъ. Здѣсь мы находимъ двухъ сеньеровъ съ зависимой собственностью въ 122 арп. и въ 188 арп., 3 съ собственностью отъ 280 до 300 арп., одного—съ $766^3/_4$ арп., и это независимо отъ ихъ собственности въ ихъ сеньеріяхъ.

Вслѣдствіе этого картина распредѣленія *собственности* нѣсколько разнилась отъ распредѣленія сеньеріальнаго владѣнія. На долю дворянства приходилось всей собственности — 25.409 арп., на долю церкви — 7.007 и на долю буржуазіи и высшаго чиновничества—36.095 арп. Процентное отношеніе сеньеріальной земли было 60%

для дворянства, 8,5% для церкви и 29% для буржуазіи. Взаимное процентное отношеніе собственной земли было иное: для дворянства—37%, для церкви—10,2% и для буржуазіи—52,8%.

V.

Одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ экономической организаціи сеньеріи на всемъ протяженіи Франціи конца XVIII вѣка является раздѣленіе земельной собственности сеньера, его domaine proche или fieffé, на двѣ части: его réserve, удерживаемую имъ землю и остальную его собственность, которую онъ сдаетъ въ наемъ на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, сообразно экономическому строю и экономическимъ отношеніямъ данной мѣстности. Нѣтъ ни livre terrier, ни другихъ описей, касающихся сеньеріальныхъ земель, въ которыхъ не было бы этого раздѣленія. Отношеніе между резервируемою и сдаваемою землею крайне разнообразно. Въ рѣдкихъ случаяхъ резервируется пахать, чаще луга, еще чаще сады и затѣмъ уже, въ наибольшей степени, лѣса. Столь же разнообразны и отношенія количественныя между различными угодьями, резервированными сеньерами и сдаваемыми имъ въ наемъ. И тѣми или иными соотношеніями между резервомъ и различными угодьями легко опредѣляются характеръ, направленіе и цѣли экономической дѣятельности сеньеровъ въ той или иной мѣстности.

Livre terrier ближайшей къ окрестностямъ Парижа и Версали мѣстности, и именно livre terrier герцогини Ларошъ-Гюйонъ яснѣе и лучше всего поможетъ подойти ближе къ опредѣленію характера сеньеріи и ея экономическому значенію въ разсматриваемой мѣстности. Вся собственность герцогини, ея domaines fieffés, распредѣлены были такъ, что на долю лѣсовъ приходилось 60,5%, подъ садами, парками, promenades и жильемъ и садами фермеровъ находилось 9,5%, пахать занимала 22,4%, луга—5,2% и 1,9% падало на пастбище и виноградники (3 арп. 82 р.). Значительная часть этой ея собственности сдавалась ею въ аренду, сдавалась вмѣстѣ съ постройками фермерамъ. Ни одинъ клочокъ ни пахати, ни отчасти луга, ни пастбища, ни виноградника не былъ резервированъ ею. Въ réserve'ѣ она удерживала лишь около 85 арп., на которыхъ стоялъ ея замокъ, находились ея сады, ея promenade (16 арп.), а затѣмъ 5 лѣсовъ, представлявшихъ собою отрубы (2.160¼ арп.), и значительная часть тѣхъ мелкихъ лѣсовъ, которые были разбросаны по приходамъ и въ разныхъ мѣстахъ приходовъ. Вся réserve равнялась почти 50% ея соб-

ственности, но то, что резервировалось ею, ясно указывало на полное отсутствіе ея хозяйственной дѣятельности, ея участія въ земледѣльческой культурѣ. Все сдаваемое было разбито на фермы и снималось мѣстными laboureurs.

То была типическая для нашей мѣстности форма аграрнаго строя сеньерій, дѣйствительной сеньеріальной собственности, и порядки, царившіе въ сеньеріяхъ, разсматриваемыхъ нами, почти буквально повторяли то, что имѣло мѣсто въ сеньеріяхъ Ларошъ-Гюйонъ.

Изъ всей той массы земли, которая составляла собственность сеньеровъ, непосредственныхъ вассаловъ короля, резервировалась ими лишь сравнительно небольшая часть, главнымъ образомъ ихъ такъ называемыя дворянскія, благородныя земли (terres nobles). Всю принадлежавшую имъ ротюріерную землю они сдавали въ наемъ, какъ сдавали отчасти и куски ихъ terre noble. Эта послѣдняя колебалась въ предѣлахъ отъ 1.848 арп. до 11.143 арп. во всѣхъ округахъ, и составъ входившихъ въ нее угодій представлялъ собою любопытное зрѣлище. Сады, парки, замки, съ одной стороны, лѣса, съ другой, вотъ то, что резервировалось по преимуществу сеньерами. Въ Монфоръ л'Амори насчитывалось около 11 т. terres nobles и изъ нихъ сеньеры резервировали 8.952 арп. или около 82% [1]). Въ Монлери сады занимали 8,5%, а лѣса 70,7%. На остальныя угодья (ихъ почти 8 т. арп.) приходилось лишь 18,8%, большая часть которыхъ сдавалась въ аренду. Въ Версали сады и парки составляли 21,0%, лѣса 62,2%, тогда какъ пахать всего лишь около 10%, луга 2½%, остальную часть составляли виноградники (38½ арп.) и пастбища, и такъ же, какъ и въ Монфоръ л'Амори, сдавались въ аренду пахать, пастбище и часть луговъ, все остальное, т. е. главная часть, резервировано была сеньерами. То же и въ Ангіенъ: резервированы были сады, составлявшіе 43,1%, и лѣса—58,2% (изъ 1.848 арп.), всего 96,3% резерва и 3,7% сдаваемыхъ въ аренду. То же и въ Этампъ, гдѣ резервированные лѣса достигали почти 60%, а парки и замки—до 1½% (на 2.604 арп.). Въ трехъ округахъ: Корбейль, С. Жерменъ и Гонессъ, гдѣ сравнительно лѣсовъ было мало, резервированная земля оказывалась въ меньшихъ размѣрахъ, но и здѣсь все же состояла она главнымъ образомъ изъ парковъ, садовъ и замковъ и лѣсовъ. Въ С. Жерменъ изъ 4.300 арп. (въ крупныхъ цифрахъ) резервированные лѣса составляли около половины дворянской земли (terre

[1]) Въ описи указано лишь общее число арпановъ остальныхъ угодій и садовъ. Исчислены болѣе точно только лѣса.

noble); въ Гонессъ (на 4.200 арп.) — 28% и 7% (сады); въ Корбейль—лѣса около 25,5% и сады около 10% (изъ 5.100 арп.). И безразлично, была ли сеньерія въ рукахъ дворянства или церкви или высшей буржуазіи, въ приходахъ, гдѣ были дворянскія земли, резервировались изъ нихъ преимущественно лишь тѣ, которыя служили для замка и парка или были покрыты лѣсами, гдѣ царила дичь, предметъ излюбленнаго занятія охотой.

Инфильтрація не только крупной, но и мелкой буржуазіи не вліяла ни въ малой степени на характеръ экономической роли сеньеріи. И яснѣе всего этотъ характеръ хозяйственной организаціи сеньеріи въ окрестностяхъ Парижа и Версали проявляется при составленіи распредѣленія угодій и пользованія тѣми или иными изъ нихъ въ сеньеріяхъ и крестьянскимъ населеніемъ. Въ Ангіенъ, напримѣръ, у крестьянъ-собственниковъ сады составляли 2,7%, а пахать—60,8%, виноградники—31,8%, луга—1,9%, лѣса—2,5% и пастбища—0,3%; земля же, которую они держали отъ сеньеровъ, распредѣлялась по угодьямъ въ еще болѣе рѣзкомъ противорѣчіи съ распредѣленіемъ ея у сеньеровъ. Пахать, взятая въ аренду, составляла 78,2%, виноградники—33,9%, луга—7,3%, тогда какъ лѣса едва доходили до $1^1/_2$%. Въ совершенно иной (по характеру и размѣрамъ крестьянской собственности) области, въ Гонессъ, мы все же сталкиваемся съ совершенно сходнымъ распредѣленіемъ угодій. Здѣсь 87,4% крестьянской собственности находились подъ пахатью, 4,6% подъ виноградниками, 3,1% подъ лугами, а всего 9,5% подъ садомъ и только 0,4% подъ лѣсомъ. И то же въ отношеніи нанимаемой земли: сеньеріальная пахать, снятая крестьянами, обнимала собою 96,7%, виноградники—0,7%, луга—1,7%, лѣса—всего 0,07%. То же и въ Корбейль, гдѣ пахать собственная крестьянъ составляла 54,3%, а нанимаемая—94,9%, виноградники—собственные—38,4%, а наемные—0,9%, луга: собственные—4,5%, а нанятые—2,5%, пастбища—около 1%; и почти столько же лѣса.

Эта яркая противоположность въ составѣ угодій и ихъ взаимоотношеніи на собственныхъ земляхъ сеньеровъ, и на земляхъ, главнымъ образомъ снимаемыхъ отъ сеньеровъ въ аренду, совершенно ясно указывала и на такую же противоположность въ хозяйственной дѣятельности крестьянства и сеньеровъ. Вся почти пахотная, громадная часть луговой земли, земли подъ виноградниками [1]), во всѣхъ

[1]) Послѣднія, несмотря на значительное винодѣліе здѣсь, не играли никакой

округахъ находилась въ рукахъ земледѣльческаго крестьянскаго класса. Окрестности Парижа и Версали не составляли исключенія въ этомъ отношеніи во Франціи. Можно сказать даже болѣе того: общія черты экономическаго строя Франціи проявлялись здѣсь гораздо рѣзче.

Владѣніе парками и садами, съ одной стороны, удерживаніе лѣсныхъ пространствъ, особенно отрубныхъ лѣсовъ, въ своихъ рукахъ, вотъ что характеризуетъ здѣсь экономическую роль сеньеровъ. О томъ абсентеизмѣ изъ деревни, который характеризуетъ собою порядки, существовавшіе въ остальной Франціи, здѣсь не можетъ, быть и рѣчи. Подобно королю, постоянно стремившемуся расширить свой версальскій паркъ, созданный, главнымъ образомъ, въ XVII в., и среди сеньеровъ царило то же стремленіе. Они строятъ новые замки, устраиваютъ сады то на версальскій, то—особенно къ концу XVIII в.,—на англійскій ладъ [1]), и то живутъ въ нихъ, то заѣзжаютъ нерѣдко въ нихъ, когда наступаетъ лѣто или когда ими овладѣваетъ страсть къ охотѣ. Въ видахъ созданія парковъ и променадъ многіе сеньеры скупаютъ сосѣднія земли, съ цѣлью расширенія парковъ [2]), не отступаютъ передъ насильственнымъ обращеніемъ части земли подъ ихъ сады, которые они окружаютъ стѣнами и рѣшетками. Не останавливаетъ ихъ и возможность бунта, какъ то было съ Бертеномъ въ его сеньеріи Шату, гдѣ онъ захватилъ даже наиболѣе удобную дорогу къ крестьянскимъ землямъ, такъ какъ она пересѣкала устроенный имъ паркъ [3]).

То же и съ лѣсами. Королевскіе лѣса были всѣ превращены въ охотничьи округа (capitaneries), и то же производятъ у себя и сеньеры, владѣльцы крупныхъ лѣсовъ. Они стараются скупать, гдѣ возможно, лѣса для округленія своихъ лѣсовъ для охоты, право на которые они оберегаютъ болѣе всего. И какъ велика была страсть къ завла-

---

роли въ сеньеріяхъ. На дворянскихъ земляхъ въ округѣ Версаль виноградники занимали 0,9% въ Корбейль, гдѣ болѣе всего было развито виноградарство, — 1,5%, въ Гонессъ—0,3%, въ Ангіенъ—около 6%. Роль сеньеровъ въ винодѣліи сводилась лишь къ взиманію части вина при помощи установленнаго въ сеньеріяхъ банальтета прессовъ и права предпочтительной продажи вина.

[1]) Такъ, напр., графъ do Blot, пріобрѣвшій у короля замокъ съ садомъ въ прих. Segrez, тотчасъ же (въ 1780 г.) занялся перестройкой замка и разведеніемъ „Jardin anglais". Arch. dep. de S. et O., série E 148 и 152.

[2]) См. рядъ скупокъ, произведенныхъ принцемъ Конти, ib., A 1309—1316, покупки домовъ и лѣсовъ принцемъ Конти съ 1720 по 1779 г. и инвентарь архива Сены и Уазы, т. 3 и 4 actes de notaires.

[3]) Chassin, cahiers, IV, 123—147.

дѣванію и удержанію въ своихъ рукахъ этихъ лѣсовъ, какъ арены охоты, ярко рисуетъ намъ типичный въ этомъ отношеніи споръ принца Конти изъ-за сеньеріи Оверъ (Auvers) и изъ-за лѣса, находившагося въ ней. Сеньерія принадлежала дамамъ St. Cyr, и территорія и лѣсъ прихода раздѣляли два лѣсныхъ пространства, одно, примыкавшее къ приходу Isle-Adam, другое—къ Понтуазу. Оба были собственностью принца Конти и ареной его охотничьихъ подвиговъ. Охотиться во всю, благодаря чужому владѣнію, обладавшему тоже прибыльнымъ для собственника, монастыря St. Cyr, правомъ охоты, было невозможно, и вотъ, какъ разсказываетъ намъ представитель монастыря, принцъ, „страшно раздраженный тѣмъ, что лѣсъ монастырей ставитъ преграды его удовольствіямъ (plaisirs)", употребилъ насиліе, добился у короля разрѣшенія на право охоты и въ монастырскомъ лѣсу. Послѣдствія не замедлили сказаться, какъ сказывались они и въ другихъ окрестностяхъ Парижа и Версали. „Едва только", продолжаетъ тотъ же представитель монастыря, „начались охоты принца, какъ все было истребляемо дичью..." 30 лѣтъ (съ 1743 г.) тянулось это тяжелое положеніе дѣлъ. Монастырь прибѣгалъ къ разнымъ средствамъ, чтобы обезопасить поля, просилъ, протестовалъ, но лишь изрѣдка, „какъ милости (comme une grace)", добивался кое-какихъ пустячныхъ уступокъ, но безцѣльныхъ. „Опустошеніе земель прихода достигло до крайнихъ предѣловъ (était portée à son comble)", и монастырь потребовалъ возврата ему права охоты въ собственномъ лѣсу. Тогда, сообщаетъ то же лицо, принцъ „еще съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ прежде, сгоравшій желаніемъ побѣдить всѣ препятствія, мѣшавшія его страсти къ охотѣ", обратился къ королю, Людовику XVI, требуя, чтобы ему разрѣшено было купить всю землю монастыря. Вся высшая администрація, всѣ министры и королевскій совѣтъ стали на сторону принца, и монастырь, наконецъ, уступилъ. Онъ продалъ ее за 260 тыс. ливровъ, но получилъ въ общемъ лучшую сеньерію, пріобрѣтенную имъ при помощи властей у графини de Brionne [1]). Если мы добавимъ, что во многихъ сеньеріяхъ-приходахъ было не мало тѣхъ земель, которыя возбуждали сильное негодованіе у Артура Юнга, вырвали изъ его устъ извѣстную угрозу сеньерамъ, то картина хозяйственнаго значенія сеньеріи въ окрестностяхъ Парижа будетъ почти полной. Въ такомъ округѣ, какимъ былъ Монфоръ л'Амори, только въ 8 приходахъ, составлявшихъ сеньерію герцога

---

[1]) Arch. dep. de S. et O., Serie G 431, compte général м—ря за 1779 г.

Пантіевра, было болѣе 2 т. пустопорожнихъ земель или болѣе $^1/_5$ всей территоріи сеньеріи. А во всемъ округѣ въ общемъ насчитывалось до $6^1/_2$ т. пустопорожнихъ земель (friches) или около 8%.

VI.

Какъ и въ большей части Франціи, и здѣсь, въ окрестностяхъ Версали и Парижа, громадная часть земли, и дворянской, и ротюріерной, сеньеріальной собственности была въ рукахъ крестьянскаго класса. Если собственныя земли этого послѣдняго были незначительны, по сравненію съ другими областями, если малоземелье рѣзко проявлялось въ большинствѣ приходовъ, то, повидимому, недостатокъ въ землѣ могъ быть пополненъ массой сдаваемой сеньерами земли въ пользованіе. Но здѣсь, въ болѣе сильной степени, чѣмъ то было въ другихъ областяхъ, та же концентрація собственности, какая господствовала въ сеньеріяхъ, получила болѣе сильное развитіе, чѣмъ въ центрѣ и даже на сѣверѣ Франціи, концентрація, едва тогда зарождавшаяся, въ такихъ, напр. областяхъ, какъ Артуа, Пикардія, Ланноа и др. Въ послѣдней изъ этихъ областей изъ земель, принадлежавшихъ дворянамъ, 88% сдавались по мелочамъ, и еще болѣе и изъ буржуазныхъ (96%). Только лишь на однѣхъ церковныхъ земляхъ мы замѣчаемъ развитіе фермерскаго хозяйства, образованіе фермъ, которыя занимали нѣсколько болѣе половины церковныхъ земель, сдаваемыхъ въ аренду (52%). Но въ общемъ лишь менѣе $^1/_3$ земель (23%) всѣхъ трехъ сословій было отдано болѣе или менѣе крупнымъ фермерамъ. И то же и въ Артуа, гдѣ изъ 79 приходовъ, представлявшихъ собою дворянскія сеньеріи, лишь въ 39 (т. е. менѣе половины) существовали, рядомъ съ отдачей земли по мелочамъ, и отдачи цѣлыхъ фермъ. Если фермерство было, какъ и въ Ланноа, болѣе развито на церковныхъ земляхъ, то тѣмъ не менѣе лишь въ 40 (изъ 104) установилось крупное фермерство. Въ обѣихъ областяхъ число приходовъ съ мелкой арендой преобладало надъ приходами съ фермерскимъ хозяйствомъ, и, такимъ образомъ, это послѣднее далеко не являлось характерной чертой земельныхъ порядковъ въ областяхъ, считавшихся фермерскими по преимуществу [1]).

Совершенно иную картину представляютъ приходы окрестностей Парижа. То, что зарождается на сѣверѣ Франціи, здѣсь является уже почти преобладающею формой пользованія землей. Сдача сенье-

[1]) См. подробности въ моей книгѣ La proprieté paysanne, стр. 190 и сл.

рами всѣхъ трехъ группъ земли фермерамъ, стремленіе сдавать свою землю болѣе крупнымъ фермерамъ, отчасти, видимо, подъ вліяніемъ идей физіократизма, въ видахъ избѣжанія излишнихъ непроизводительныхъ расходовъ на фермы и ихъ оборудованіе [1]), получили такое развитіе, какого они не достигали ни въ одной изъ областей Франціи. Отдавая свои сеньеріальные доходы на откупъ особымъ агентамъ, тоже носившимъ названіе fermiers [2]), свои земли они отдавали наиболѣе зажиточнымъ и болѣе сильнымъ изъ среды крестьянъ, laboureurs'амъ, мельникамъ, купцамъ, вообще тѣмъ, кто обладалъ рабочей силой въ видѣ рабочаго скота, имѣлъ одинъ или болѣе плуговъ (charrue).

А мы знаемъ, какъ мало было такихъ лицъ въ окрестностяхъ Парижа. Монфоръ л'Амори могъ поставить только 141 фермера, которые въ состояніи были держать фермы въ 100 и болѣе арпановъ, а округъ Понтуаза—только 191.

И тѣмъ не менѣе ими опредѣляется характеръ пользованія землею во всѣхъ 9 областяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, изъ 438 приходовъ лишь въ 66 (15,1%) господствовала полностью и безъ конкурентовъ мелкая аренда, и тамъ, гдѣ крестьяне были болѣе, сравнительно, обезпечены землей,—число приходовъ безъ фермеровъ было большимъ. Въ Ангіенъ такихъ приходовъ—15, въ С. Жерменъ—14, въ Монлери—12. Въ Версали ихъ 10, въ Корбейль и Понтуазѣ—по 5, въ Гонессъ и Этилепъ—по 2 и, наконецъ, въ Монфоръ л'Амори—только всего одинъ приходъ. Еще меньше было такихъ приходовъ, гдѣ могли существовать только исключительно мелкіе фермеры, почти сливавшіеся съ массой крестьянства. Ихъ было 34, и все количество земли, какое они держали въ арендѣ отъ сеньеровъ, колебалось въ предѣлахъ отъ $4^1/_2$ арп. до 99. И въ то время, какъ въ С. Жерменъ ихъ было 8, въ Ангіенъ—6, въ Монлери—4, въ Корбейль, Понтуазѣ, Версалѣ по 3,—въ Монфоръ л'Амори мы насчитываемъ ихъ только 2. Въ одной сотнѣ лишь приходовъ роль фермерства сводилась почти къ нулю, въ 348 оно преобладало.

И каковы были размѣры этого преобладанія фермерства, ясно видно изъ сопоставленія количества земли, которое крестьянство держало мелкими участками, à loyer, на краткіе сроки, и тѣмъ, какое

---

[1]) Интересно, что наказы указывали на это вліяніе идей физіократизма на скопленіе фермъ въ однѣхъ рукахъ. Arch. parl., V, стр. 216.

[2]) Это было общимъ явленіемъ. Одинъ сеньеръ сдалъ всѣ свои droits seigneriaux буржуа изъ Avernes. A. dep. E. 562. Маркизъ де Броль—всѣ свои 4 прихода одному фермеру, откупщику, въ имѣніи de Houssaye. Ib., E 550.

находилось въ рукахъ фермеровъ. Болѣе 200 т. арп., около 65,8% держали фермеры и только около 88 т. крестьяне à loyer, или около 31,2%. Только 1/3 была ареной мелкаго пользованія и 2/3—крупнаго, въ прямую противоположность съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ то же время въ Артуа.

Само собою разумѣется, что по округамъ это отношеніе рѣзко мѣнялось: въ однѣхъ областяхъ оно было большимъ для фермерства, въ другихъ—для мелкой аренды, à loyer. Но въ 8 округахъ преобладаніе было на сторонѣ фермеровъ и только въ одномъ, съ максимальнымъ процентомъ крестьянской собственности, значительно меньшимъ, что ясно показываетъ сопоставленіе количества земли и фермерской, и мелко-крестьянской въ 9 округахъ.

	à loyer.		*à ferme.*
1. Montfort l'Amaury:	a) 67,3% (мѣстное) b) 32,7% (чужіе)	———	47.051 агр. 25 р.
	11.582 агр.	19,7%	80,3%
2. Gonesse:	a) 41,5% b) 58,5%	———	28.341 агр. 81 р.
	10.201 агр. 99 р.	26,4%	73,6%
3. Corbeil:	a) 30,8% b) 69,2%	———	16.084 агр.
	5.866 агр. 25 р.	27,1%	72,9%
4. Versailles:	a) 49,6% b) 50,4%	———	22.265 агр. 57 р.
	8.672 агр.	28,2%	71,8%
5. Etampes:	a) 69,1% b) 30,9%	———	21.950 агр. 82 р.
	11.642 агр. 82 р.	34,6%	65,4%
6. St Germain:	a) 72,5% b) 27,5%	———	14.299 агр. 16 р.
	8.167 агр. 36 р.	36,3%	63,7%
7. Pontoise:	a) 53,3% b) 46,7%	———	24.992 агр. 59 р.
	16.649 агр. 74 р.	38,1%	63.7%
8. Montlhéry:	a) 51,5% b) 48,5%	———	25.870 агр.
	24.900 агр.	49,2%	50,8%
9. Enghien:	a) 56,0% b) 44,0%	———	6.436 агр.
	11.234 агр.	63,6%	36,4%

Приведенныя данныя говорятъ сами за себя и не требуютъ комментаріевъ. Они ясно показываютъ, въ какой степени процессъ возникновенія и развитія фермерства здѣсь былъ несравненно бо̀льшимъ, чѣмъ въ какой-либо другой части Франціи, какъ далеко зашелъ онъ и пустилъ корни, дѣлая окрестности Парижа исключеніемъ въ странѣ. Это—количественно.

Но вопросъ, насколько пріобрѣло фермерство уже здѣсь тотъ характеръ, какой оно имѣло въ Англіи, служившей образцомъ для континентальныхъ агрономовъ, для агрономовъ и Франціи?

Для двухъ областей, и именно областей съ наиболѣе сильнымъ развитіемъ сдачи земель фермерамъ, мы располагаемъ довольно полными данными, проливающими свѣтъ на характеръ фермерства и дающими отвѣтъ на поставленный вопросъ. Это—данныя о распредѣленіи фермъ и земли фермерской между фермерами. Всѣхъ фермеровъ, и мелкихъ, и крупныхъ, въ обоихъ областяхъ было 550. Изъ нихъ державшихъ фермы въ 500 до 900 арп. каждая, было 11 или 2,0% всѣхъ фермеровъ, въ 200 до 600—81—14,6%, въ 100 до 200, т. е. фермъ въ 1—2 charrue—140 или 25,4%. Такимъ образомъ фермеровъ, державшихъ цѣльныя фермы насчитывалось 232 или 40,2%. Мелкихъ было 368 или 58%. Всѣ фермеры держали около 47 т. арп. Изъ этого количества на долю самыхъ крупныхъ приходилось—11%, вторыхъ по размѣрамъ ихъ фермъ—29,5% и третьихъ—25,1%, всего—65,6%. Мелкимъ фермерамъ осталась земля лишь въ размѣрѣ 34,4%.

Несомнѣнно, что движеніе въ сторону развитія крупнаго фермерства сдѣлало не малые шаги. Оно отвоевало въ свою пользу почти $^2/_3$ всей земли, находившейся подъ фермами. Мелкая ферма, какъ и мелкая крестьянская аренда, уступали самымъ замѣтнымъ образомъ свое мѣсто фермерству, и далеко не въ силахъ были пополнить то малоземелье, которое здѣсь получило широкіе размѣры, не менѣе, если не болѣе значительные, чѣмъ тѣ, съ которыми можно встрѣтиться въ нѣкоторыхъ частяхъ Нижней Нормандіи. Но какъ ни были значительны здѣсь успѣхи фермерства, оно все еще не утратило слѣдовъ старыхъ отношеній, старыхъ условій найма земли, какъ онъ практиковался въ остальной Франціи. Тѣ договоры, которые сеньеры заключали съ своими фермерами, показываютъ, какъ мало было еще достигнуто въ смыслѣ созданія изъ фермеровъ предпринимателей на англійскій ладъ. Чрезвычайно любопытнымъ и въ то же время типичнымъ является контрактъ, заключенный въ 1787 году герцогомъ d'Uzès,

барономъ де Крюссоль, съ фермеромъ [1]). Онъ отдалъ ему 2 фермы, и вотъ что требуетъ онъ отъ своего фермера: за первую ферму 2.700 ливровъ и 300 мѣръ овса, и затѣмъ налагаетъ на него обязанность уплачивать и взимать сеньеріальныя права, давать повозки съ лошадьми упряжью для возки сѣна и доставки зимой льда въ сеньеріальный ледникъ, а за другую—1.700 ливровъ, 200 мѣръ овса, ведро сидра, 12 каплуновъ, 100 куръ, повозку на 4 лошади, доставки 100 копенъ сѣна и тоже набиванія ледника. И фермеры, такимъ образомъ, не вышли изъ положенія, занимаемаго простыми съемщиками земки и держателями земли на чиншѣ.

А съ другой стороны,—полная необезпеченность держанія фермы. Аренда не переходитъ девятилѣтняго срока, часто она меньше: 3, 6 лѣтъ, послѣ которыхъ фермеръ могъ быть согнанъ съ своей фермы, и законъ ни мало не охранялъ его интересовъ. Болѣе того, если онъ держалъ землю на церковной землѣ, смерть аббата или аббатиссы влекла за собой потерю фермы. И это ставило настолько тѣсныя преграды развитію фермерства, что тѣ наказы, на составленіе которыхъ вліяли фермеры, обрисовываютъ положеніе фермеровъ въ далеко не блестящемъ видѣ и настойчиво требуютъ и отмѣны обычая, лишающаго ихъ права на фермы въ случаѣ смерти сеньера-аббата, и продленія сроковъ аренды.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти препятствія, фермерство не перестаетъ существовать и развиваться до революціи. Условія, которыя облегчили его развитіе, продолжаютъ существовать, и только ихъ исчезновеніе помѣшало дальнѣйшему распространенію фермерства на остальную страну и подорвало возможность, при дальнѣйшемъ развитіи фермерства, находившаго здѣсь, въ окрестностяхъ Парижа благодарную для него почву въ массѣ бездомныхъ и безземельныхъ, превращенія французскихъ порядковъ землепользованія и землевладѣнія въ англійскія.

П. Лучицкій.

---

[1]) Arch. dép. de S. et O., série E 721.

КАВКАЗСКІЙ КУЛЬТУРНЫЙ МІРЪ И АРМЕНІЯ.

I.

Кавказскій культурный міръ.

Потребность момента въ освѣщеніи культурной исторіи коренныхъ обитателей Кавказа и трудности задачи.—Длительность, историческая среда и предѣлы кавказскаго міра.—Яфетическое происхожденіе его народовъ и первичные элементы, объединяющіе ихъ культурно.—Наносныя культурныя теченія.—Восточно-христіанскія основы кавказской культуры.—Греческое вліяніе.—Обособленность, но не одиночество кавказскаго міра.—Мусульманство: иранско-мусульманское культурное теченіе.—Первичные элементы, объединявшіе кавказскій міръ политически.—Политическія образованія и ихъ перерожденія.—Курды.—Турки.—Три коренныхъ природно-національныхъ коллектива кавказскаго міра.—Значеніе албанскаго (кавказскаго албанскаго) и грузинскаго національныхъ коллективовъ. — Особыя трудности культурно-историческаго освѣщенія армянскаго коллектива.

Изслѣдователю прошлыхъ культурныхъ дѣяній Кавказа какъ будто бы и не время (или поздно или рано) выступать съ мѣстнымъ историческимъ освѣщеніемъ злободневныхъ общественныхъ вопросовъ. Судьбу ихъ вмѣстѣ съ рѣшеніемъ исхода войны міровая исторія уже возложила снова на рамена доблестной русской арміи. Совершатся факты, и въ обсужденіе дѣла вступятъ призванные судьи, дипломаты и ихъ сотрудники офиціальные и общественные. Исторія со временемъ, по всей вѣроятности, будетъ имѣть свое сужденіе о томъ, что̀ будетъ далѣе изъ актовъ, запечатлѣнныхъ согласіемъ дипломатовъ и представителей общественной дѣятельности, которые будутъ основывать свое міросозерцаніе на соотношеніи силъ момента, и тогда спеціалистамъ минувшей жизни и книги въ руки. Но сейчасъ археологу, особенно изслѣдователю не только не главенствующей, но мало извѣстной въ данный моментъ культуры мѣсто развѣ какъ лѣпщику декоративныхъ подробностей. Вотъ почему не охотно могъ я взяться

за настоящую тему. Колебанія и сомнѣнія мои усиливались отъ малой надежды найти опору въ подготовкѣ читателей.

Теоретически наука какъ будто давно пережила европейскій „гуманизмъ“ съ аристократической тенденціею отличать бѣлую кость отъ черной, отличать европейскую культуру отъ иной по времени или мѣсту. Теоретически наука какъ будто вступила въ универсализмъ, при которомъ построеніе исторіи вселенской цивилизаціи слѣдуетъ воздвигать на фактахъ матеріальнаго и духовнаго порядка всѣхъ безъ исключенія народовъ и всѣхъ эпохъ,—на фактахъ, давно требующихъ переоцѣнки дѣйствительной доли участія въ созиданіи общечеловѣческой культуры арійскихъ или не-арійскихъ народовъ, европейскихъ или не-европейскихъ странъ, великихъ или малыхъ по численности и территоріальнымъ размѣрамъ національностей и государствъ.

Но общество, даже школа, не исключая и высшей, вовсе не считается со всѣмъ этимъ переворотомъ, совершившимся уже фактомъ. И у насъ только въ единичныхъ учрежденіяхъ, гдѣ слабо организованныхъ, а гдѣ и дезорганизованныхъ, и еще слабѣе поддерживаемыхъ, можно въ видѣ суммарныхъ спеціальныхъ знаній получить нѣкоторое частичное представленіе объ историческомъ Востокѣ, о томъ или иномъ видѣ его разнообразныхъ культурныхъ міровъ; точно эти знанія лишь технически важны, а не общеобразовательны.

При такихъ условіяхъ выступленіе по намѣченной темѣ становится опрометчивѣе отъ того, что занятая мною научная позиція въ настоящій моментъ хуже положенія Турецкой Арменіи: ее обстрѣливаетъ одновременно и Азія и Европа. Въ Азіи основнымъ моимъ научнымъ положеніямъ не сдаются ветхія, но живучія традиціонныя національныя построенія мѣстныхъ, кавказскихъ историковъ. Изъ Европы моей научной позиціи грозитъ самая молодая, самая точная по своимъ естественно-историческимъ методамъ филологическая наука, наука о языкѣ. За сто лѣтъ благоденственной жизни и неограниченнаго господства лингвистика, основанная на изученіи индо-европейскихъ или аріо-европейскихъ языковъ, пріобрѣла привычки „милитаристически“ настроенной особы: она требуетъ безпрекословнаго послушанія, вплоть до самоуничтоженія, не только отъ новой теоріи, но и отъ новыхъ, ей совершенно неизвѣстныхъ, фактовъ. Въ вѣкъ величайшихъ открытій въ исторіи человѣчества, въ XIX столѣтіи лингвисты были захвачены задачами или сравнительнаго изученія аріо-европейскихъ языковъ, или вмѣстѣ съ

семитологами и вообще археологами—разборомъ мертвыхъ языковъ клинообразныхъ письменъ въ интересахъ исторіи Древняго Востока, и не замѣченъ былъ кровно связанный съ нимъ цѣлый и особый древнѣйшій культурный міръ, представленный до сего дня въ его многочисленныхъ не только переживаніяхъ, но и новообразованіяхъ на Кавказѣ, прежде всего лингвистически—въ богатѣйшемъ и разнообразнѣйшемъ комплексѣ живыхъ родственныхъ языковъ этого благодатнаго края. Даже заинтересовавшись однимъ изъ языковъ Кавказа, армянскимъ, западноевропейскіе ученые лингвисты, увлеченные своими теоретическими проблемами, замѣчали въ немъ лишь доступные ихъ анализу аріо-европейскіе элементы и просмотрѣли другой природный составъ армянскаго языка, роднящій его съ языками культурнаго міра, только условно называемаго кавказскимъ [1]).

Нужно ли также говорить, что хотя честью выступленія съ этимъ построеніемъ я обязанъ потребности настоящаго момента, но я пользуюсь, насколько у меня хватаетъ силъ, всемѣрно свободою въ сохраненіи моей обычной научной платформы. Это, правда, дѣлаетъ мою задачу трудной въ отношеніи различныхъ національныхъ настроеній. Но какъ бы деликатны ни были вопросы, которыхъ я попутно могу коснуться, какъ бы болѣзненно ни отзывалось ихъ научное освѣщеніе въ сердцахъ той или иной стороны, я хочу надѣяться, что за авторомъ признаютъ одну только добрую волю, слагающуюся изъ его ученаго призванія.

У кавказскаго міра свыше шести съ половиной тысячъ лѣтъ культурно-исторической жизни съ свидѣтелями ея, за это время, въ родныхъ памятникахъ письменности на семи языкахъ.

Съ прослѣживаемаго начала его жизни успѣли исчезнуть лучше извѣстные его представители, народы передней Азіи, оставивъ памятники (въ обломкахъ) на различныхъ, смотря по времени, глубинахъ засыпанной почвы. На эти подпочвенные культурные пласты, точно на сокровенные клады, указываютъ иногда не менѣе таинственные по значенію памятники изъ твердаго камня на поверхности земли, часто на горахъ, и загадочныя до сего дня или не всегда вполнѣ разгаданныя надписи. На переживаніяхъ цивилизацій этихъ древнѣйшихъ историческихъ народовъ взошли двѣ древнія цивилизаціи, одна

---

[1]) Привычный и всѣмъ доступный терминъ „Кавказъ“ побуждаетъ пользоваться въ значеніи обширнаго нѣкогда культурно сроднаго міра названіемъ его незначительной части. Собственно его слѣдовало бы называть яфетическимъ и соотвѣтственно настоящій набросокъ озаглавить „Яфетическій культурный міръ и Арменія“.

иранская, именно персидская, съ востока кавказскаго міра, другая—эллинистическая, впослѣдствіи древне-христіанская и затѣмъ византійская съ запада [1]). Кавказскій міръ, открывъ свой собственный путь пріобщенія къ христіанскимъ основамъ, отстоялъ себя отъ поглощенія и той и другой цивилизаціею. Вступивъ въ христіанство, кавказскій міръ духовно оказался органической частью болѣе обширнаго міра—многоязычнаго христіанскаго Востока, потрясавшагося съ двухъ сторонъ двумя государственными организаціями, съ востока—языческой монархіею, Персіею, съ запада—христіанской имперіею, Византіею.

Ударъ съ третьей стороны, южной, повергъ часть многоязычнаго христіанскаго Востока, увлекши въ паденіи и часть кавказскаго міра, а еще раньше разрушилъ весь иранскій міръ. На плечахъ поверженнаго христіанскаго Востока и на развалинахъ культурнаго Ирана расцвѣла восточная мусульманская цивилизація при арабахъ. Возродилась Персія въ мусульманствѣ на основѣ иранскихъ традицій, расцвѣлъ иранско-мусульманскій міръ, и разсыпался на Востокѣ просвѣщенный мусульманскій халифатъ, арабскій, въ культурной атмосферѣ котораго въ VIII вѣкѣ могъ вырости на живомъ еще корнѣ христіанскаго Востока такой колоссъ-мыслитель Христова ученія и поэтъ, какъ основополагатель восточнаго православія Іоаннъ Дамаскинъ. Палъ иранско-мусульманскій міръ, пала и Византія, завершаетъ на нашихъ глазахъ политическимъ крушеніемъ турецко-мусульманская имперія путь духовнаго паденія съ достигнутаго ею культурнаго уровня.

Кавказскій міръ не сторонній свидѣтель этихъ колоссальныхъ крушеній: онъ постоянный участникъ, вольный или невольный, событій; на него сыпались наиболѣе тяжкіе ихъ удары. Давно сокращенный территоріально, онъ загнанъ въ Кавказскія горы, притиснутъ или приближенъ къ нимъ; растерявъ пять изъ семи литературныхъ языковъ, ослабленъ культурно, но живъ и снова проявляетъ способность служить опорою для рычага міровой исторіи не только топографически, но и народно-психологически, морально. Эта опора не велика по размѣрамъ, но сложна по составу. Освѣщеніе ея, сопряженное съ мозаичной работой по отдѣльнымъ, далеко не окончательно выясненнымъ вопросамъ, чрезвычайно трудно изложить, во-первыхъ,

[1]) Римляне, входя въ соприкосновеніе съ этимъ Кавказскимъ міромъ или вступая въ него, дѣйствовали черезъ ту или иную, смотря по времени, промежуточную (греческую) культурную среду.

въ простой общедоступной формѣ и, во-вторыхъ, безъ смѣлости въ обобщеніяхъ, имѣющихъ иногда признаки рискованныхъ утвержденій. Передо мною стояла альтернатива: или совершенно молчать, или кое въ чемъ грѣшить. Я поддался искушенію не умолчать ни въ виду неизбѣжной мѣстами трудности изложенія, ни въ виду неизбѣжнаго риска смѣлыхъ мѣстами утвержденій. Я поддался этому искушенію, возлагая надежду, съ одной стороны, на чуткое вниманіе благожелательныхъ вообще читателей, заинтересованныхъ темою, съ другой стороны—на снисходительность болѣе освѣдомленной части. Имѣю право разсчитывать на такое отношеніе пока хотя бы потому, что предлагаемая схема историческаго построенія является не только наиболѣе удобной, но и единственно въ настоящее время возможной, на мой взглядъ, формою, чтобы сосчитаться со всей совокупностью выясненныхъ въ послѣднія два десятилѣтія безспорныхъ историческихъ фактовъ, дѣяній кавказскаго культурнаго міра, и дать имъ сколько-нибудь жизненно правдоподобное изображеніе, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ.

Культурный міръ, который приходится называть кавказскимъ, только одной стороной своей упирается въ Кавказскія горы, переваливая значительно и по сю сторону.

На югѣ интересующій насъ міръ граничилъ искони съ семитическимъ міромъ. Съ нимъ у него были родственныя связи. Съ нимъ онъ сталкивался и соперничалъ. Не исключается возможность, что ему предшествовалъ въ дѣлѣ созиданія тѣхъ культурныхъ началъ въ Ассиро-Вавилоніи, которыя въ болѣе развитыхъ формахъ легли въ основу такъ называемой міровой, т. е. европейской цивилизаціи. Съ нимъ, наконецъ, у него установилась впослѣдствіи пограничная линія, проходившая по Месопотаміи. Если не сама пограничная линія, то непосредственное общеніе, соприкосновеніе нашего міра съ семитическимъ удержалось въ Месопотаміи и тогда, когда появились аріо-европейцы въ Передней Азіи, двигаясь съ двухъ или трехъ сторонъ: 1) съ запада изъ Ѳракіи во Фригію и далѣе на востокъ, 2) съ востока черезъ Иранъ, Персію на западъ и 3) съ сѣвера, прорывомъ черезъ Кавказскія горы. Всѣ эти потоки аріо-европейскихъ этническихъ массъ въ концѣ концовъ особенно сильно залили ту часть территоріи нашего особо стоящаго міра, на которой впослѣдствіи возникла исторически извѣстная Арменія. Но до этого заключительнаго аккорда насъ интересующій міръ на малоазійскомъ западѣ, по всей видимости, достигалъ моря, переходилъ на острова и на материкъ

Европы, что даетъ основаніе ученымъ искать отложенія его жизни въ подпочвенной культурѣ Іоніи, архипелага и, быть можетъ, также западнѣе расположенныхъ странъ. Есть показатели того, что отвѣтвленія насъ интересующаго міра мы имѣемъ не только въ пеласгахъ, но и въ этрускахъ и другихъ загадочныхъ, до сихъ поръ неразгаданныхъ, народностяхъ Европы. Ихъ отливъ могъ бы быть связанъ съ напоромъ одной изъ первыхъ иммиграцій аріо-европейской этнической массы въ Малую Азію съ сѣверо-запада, изъ Ѳракіи, или съ сѣвера, прорывомъ черезъ Кавказскія горы. Въ отношеніи востока нѣтъ даже гадательной ограничительной линіи для нашего міра: научная мысль вовсе не работала надъ вопросомъ о предѣлахъ распространенія насъ интересующаго міра на востокъ. Нѣтъ даже гипотезъ касательно того, не были ли при вторженіи восточной или сѣверной арійской этнической массы и съ этой стороны, восточной, оторваны и загнаны куда-либо на дальній востокъ отпрыски все того же міра. Въ Мидіи и Сузѣ, вошедшихъ позднѣе въ составъ Ирана, несомнѣнно, господствовали народы нашего міра, но ко времени Ахеменидовъ, къ VI-му вѣку до Р. Хр., и эти области заливались, въ значительной степени были залиты этническими потоками арійскаго племени, и у нашего міра установилось не прекращавшееся съ тѣхъ поръ до появленія турокъ сплошное соприкосновеніе съ иранцами-персами. На сѣверѣ у Кавказскихъ горъ былъ тылъ нашего міра, лицевой стороной обращеннаго на югъ къ центру тогдашней культуры. Тылъ не замыкался Кавказскими горами. Тылъ образовывался изъ народовъ и племенъ, разбитыхъ на передовыхъ позиціяхъ состязанія культурнаго міра, кавказскаго культурнаго міра, съ воинственной аріо-европейской этнической массой, имѣвшей военную культуру, сильную военную организацію. Разбитыя и отброшенныя, наиболѣе передовыя племена и народы нашего міра одни за другими уходили въ тогдашній тылъ на сѣверѣ, проникали въ непроходимыя ущелья и на малодоступныя высоты Кавказа, чтобы сохранить свой духовный, тысячелѣтіями развивавшійся міръ, своихъ боговъ, свои вѣрованія и свой языкъ, свои художественно-ремесленные вкусы и навыки. Они переваливали черезъ Кавказскій хребетъ, гдѣ до сего дня остаются пережитками или народности все того же міра, чеченцы [1]) со сродными племенами на востокѣ и черкесы [2]) со сход-

[1]) Собственно нахчо-и и ґалґа-и.

[2]) Они же кабардинцы или адыгеи.

ными племенами на западѣ, или имена родственныхъ имъ народовъ, такъ, напр., касхи или коеоги, сохранившіяся въ названіяхъ различныхъ народовъ сѣвернѣе Кавказа, въ числѣ ихъ и казаковъ [1]). Въ этотъ тылъ издавна врѣзались арійцы-иранцы, намъ извѣстные подъ этнографически и лингвистически неправильно имъ присвоеннымъ названіемъ „осетины", сами же себя называющіе иронами, равно какъ позднѣе—тюркскія племена, карачайцы, балкары и др. [2]). Они подобно клину раскололи родственныя племена на части, до сихъ поръ сохранившія все-таки въ своемъ языкѣ и этнографическомъ бытѣ доказательства общаго происхожденія. Эти горцы по сей день сохраняютъ признаки своего сродства въ бытѣ и религіозныхъ вѣрованіяхъ и тогда, когда они перешли съ болѣе близкаго на болѣе дальній родственный языкъ, когда даже усвоили полностью чужой, чуждый кавказскому міру языкъ. Съ сѣвера, слѣдовательно, также приливали въ этотъ обособленный кавказскій міръ народы и племена иной расы. Прорывались они отсюда и на югъ, захватывая своими потоками и среднюю и южную полосы коренныхъ обитателей кавказскаго міра. Ни одна полоса не свободна въ частности отъ арійскаго этническаго вліянія, шло ли оно черезъ югъ Кавказскаго міра или черезъ сѣверъ. Но воздѣйствіе сѣверныхъ иноплеменниковъ не только аріоевропейцевъ, но весьма рано и турокъ особенно осложнило языки въ тылу Кавказскаго міра, расположенномъ по Кавказской цѣпи горъ, тѣмъ не менѣе въ началѣ здѣсь была твердыня кавказскаго язычества. Кавказское язычество было принесено съ первоначальной родины на югѣ вмѣстѣ съ астральнымъ культомъ, въ связи съ нимъ и культомъ кузни, и съ художественно-ремесленными пріемами, проявляющимися до нашихъ дней въ серебряныхъ дѣлъ мастерствѣ и издѣліи котловъ съ декоративной рѣзьбой.

Къ этому языческому тылу, сѣверной полосѣ, примыкала позднѣе на востокѣ и Албанія (Кавказская Албанія), все съ народами, состоявшими въ болѣе тѣсномъ родствѣ.

Вторую или среднюю полосу коренныхъ кавказскихъ народовъ, вдоль расположенія горскихъ племенъ, составили грузины и мингрельцы съ лазами.

Третья, южная полоса включала въ себѣ предѣлы Арменіи; она, наиболѣе открытая для иммиграцій, не дошла до насъ съ чистымъ

---

[1]) Нѣкоторыя горскія племена, такъ чеченскія, этимъ терминомъ („касы") называютъ вообще русскихъ.

[2]) На востокѣ кумуки.

кореннымъ населеніемъ, имѣвшимъ тѣснѣйшую кровную связь съ этническими массами, распредѣлившимися въ первой и во второй полосахъ. Для многихъ народовъ этихъ полосъ третья полоса служила если не первоначальной родиною, то во всякомъ случаѣ этапомъ длительнаго пребыванія.

Многочисленные народы и племена всѣхъ трехъ полосъ составляли одну по крови, тогда безъ примѣси, родственную семью. Они говорили на нарѣчіяхъ и говорахъ одной и той же вѣтви или семьи языковъ, недавно выдѣленной въ наукѣ подъ названіемъ яфетической. Яфетическая семья братски родственна съ семитической семьею, но не тождественна съ нею. Происходя по крови и языку отъ одного корня, сами яфетиды объединялись другъ съ другомъ и общностью религіозныхъ вѣрованій астральнаго типа, общностью культа, въ которомъ жрецы-кудесники-пророки играли первенствующую роль, составляя особое сословіе съ родовыми традиціями, и общностью спеціальнаго строя по племенамъ, объединеннымъ каждое вокругъ своего бога, требовавшаго не только общественнаго моленія и жертвоприношенія, но общественныхъ подвиговъ соборнѣ. Отсюда народныя собранія и постепенный ростъ силы и значенія жрецовъ, сосредоточеніе въ ихъ рукахъ политической власти и возникновеніе изъ ихъ среды божественнаго или благороднаго сословія, коренной мѣстной аристократіи.

Изъ общихъ религіозныхъ вѣрованій вытекала общность пѣсенъ, хоровыхъ, связанныхъ съ хоровыми плясками и обслуживавшихъ интересы культа, равно общность сказаній о богахъ. Сказанія перерождались въ сказки, которыя и по сей день сохранили сродство сюжетовъ на всей территоріи яфетическаго міра.

Яфетидовъ объединяла общность пріобрѣтеній и въ области матеріальной культуры, прежде всего въ металлургіи, къ которой прикосновенны были, по особому ея значенію для культа, жрецы-кудесники-пророки. Высокое развитіе земледѣлія и садоводства, техника водоорошенія оставили свидѣтельства о себѣ какъ въ археологическихъ, такъ языковыхъ матеріалахъ.

Рядомъ съ колоссальными водоросительными сооруженіями высокая техника построекъ изъ мѣстнаго матеріала, камня, присущая именно яфетидамъ, постройка крѣпостей-городовъ и развитіе торговли у городскихъ воротъ, откуда до сего дня въ значеніи *торговли*, *предмета торговли*, *рынка* во всѣхъ яфетическихъ языкахъ, а изъ нихъ и въ иранскихъ, а оттуда и въ иныхъ, такъ въ русскомъ въ

заимствованномъ словѣ *базаръ* сохранился яфетическій терминъ, означающій въ корнѣ „(торговое) дѣло у городскихъ воротъ".

О развитіи искусства свидѣтельствуютъ какъ декоративные рисунки на нарядахъ, особенно на поясахъ, иногда цѣлыя сцены охоты, такъ и недавно открытыя на плоскогоріи близъ Эривани культовыя чудовища-рыбы, длиною отъ полуторы до двухъ саженей, изъ камня, съ высѣченными на ихъ чревахъ фигурами изъ животнаго міра.

Яфетиды располагали письменностью до появленія аріо-европейцевъ на ихъ территоріи, за четыре тысячи пятьсотъ лѣтъ до Р. Хр. въ лицѣ яфетидовъ-эламцевъ[1]). Они располагали письменностью за сотни лѣтъ до Р. Х. въ Ахеменидскомъ царствѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ахеменидскія клинообразныя надписи такъ называемой 2-й категоріи, и еще раньше въ царствѣ Ванскомъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ванскія клинообразныя надписи, высѣченныя на плитахъ въ зданіяхъ и на скалахъ отъ Курдистана и бассейна Ванскаго озера на югѣ до Ахалкалакскаго уѣзда на сѣверѣ.

Всѣ эти данныя еще до восхода зари европейской цивилизаціи выработали своеобразный самобытный міръ изъ яфетидовъ и яфетидоидовъ, еще тогда углубили сродство ихъ сложной расовой психологіи и создали въ нихъ особую культурную закваску. И пока не замирали яфетическіе народы и племена, пока не выдыхалось въ яфетидоидахъ природно въ нихъ осѣвшее расово-психическое содержаніе, всякая новая культура если пускала въ странѣ корни, если становилась дѣйствительно народной, прочный успѣхъ получала цѣной воспріятія элементовъ этой закваски исконной яфетической культуры.

Пришлыя религіозныя ученія имѣли эпизодическое значеніе въ культурномъ строительствѣ кавказскаго міра, такъ, напр., въ первую голову греческій культъ, затѣмъ—ученіе маздаясновъ, наконецъ—манихейство. Однако послѣднія два ученія успѣли впитать въ себя много яфетическихъ чертъ, между прочимъ институтъ маговъ, находившійся въ тѣсной связи съ религіею маздаяснской, имѣетъ яфетическій корень. Само слово „магъ" яфетическаго происхожденія: на яфетическихъ языкахъ оно по корню значитъ „звѣздочетъ".

Но новая культура яфетическаго міра, которая начинается съ IV вѣка, возникла на христіанскихъ основахъ. Эти христіанскія основы или легли на начала мѣстной древней яфетической цивилизаціи или

---

[1]) Вопросъ о томъ, не яфетиды ли создатели вообще письменности, находится въ связи съ вопросомъ о происхожденіи сумеровъ (шумеровъ) или шумерійцевъ, разрѣшеніе котораго рядъ ученыхъ ищетъ въ языкахъ яфетическаго міра.

по мѣрѣ своего проникновенія въ народъ впитали въ себя ея жизненные элементы. Не только христіанское ученіе, а еще болѣе христіанскій бытъ, но и христіанское искусство, въ частности церковная архитектура въ нашемъ мірѣ въ мѣстныхъ своихъ приращеніяхъ обнажаютъ яфетическія основы. Сами христіанскія начала въ кавказскій міръ вошли по древнему торному пути культуры съ юга, въ этотъ разъ изъ Сиріи. Новыя письмена, возникшія въ интересахъ христіанской проповѣди, были арамейскаго происхожденія, изъ Сиріи. Первые переводы св. Писанія сдѣланы были съ сирійскаго языка или восходили къ сирійскимъ подлинникамъ. Первые памятники вообще мѣстной христіанской литературы воспроизводили сирійскіе оригиналы или зарождались подъ сирійскимъ вліяніемъ. Древнѣйшіе памятники христіанскаго искусства, прежде всего архитектуры, проявляютъ большое сродство съ древнехристіанскимъ искусствомъ въ Сиріи.

Эти христіанскія основы чисто восточнаго происхожденія, не прошедшія даже черезъ византійскую среду, навсегда опредѣлили характеръ церковной жизни и вообще христіанскаго быта въ кавказскомъ мірѣ: съ одной стороны независимость церковныхъ установленій отъ свѣтской власти, съ другой—доступность церкви каждому племени на его языкѣ и ея народность.

Греческое христіанство, шедшее за своими торговыми колоніями на восточномъ берегу Чернаго моря, укрѣпилось на немъ только въ предѣлахъ ихъ непосредственнаго вліянія, но оно не могло пустить въ краѣ глубокихъ корней, такъ какъ оно несло одновременно съ новымъ религіознымъ ученіемъ обязательность своей родной рѣчи, совершенно чуждой населенію, какъ священнаго сосуда, какъ церковнаго языка [1]).

Греческое миссіонерство, къ тому же, запоздало явиться вглубь страны и должно было уступить мѣсто учительству сирійскаго народнаго христіанства. Греческое духовенство вынуждено было очистить даже тѣ области по восточному Черноморскому побережью, гдѣ оно имѣло успѣхъ и оставило памятники христіанскаго строительства не только на поверхности земли, но и въ живой рѣчи населенія.

---

[1]) Когда письменные источники говорятъ о мѣстныхъ церковныхъ языкахъ въ IX и въ позднѣйшихъ вѣкахъ рядомъ съ иверскимъ (культурно-исторически—грузинскимъ) и армянскимъ, то это обыкновенно недоразумѣніе, возникавшее на томъ основаніи, что разъ, напр., абхазы пользовались, какъ церковнымъ языкомъ, не греческимъ, а мѣстнымъ, то предполагали, что это абхазскій, тогда какъ онъ былъ уже грузинскимъ.

Вліяніе греческаго христіанскаго образованія, особенно грамматической и философской школъ было огромное, но оно содѣйствовало лишь углубленію воспринятыхъ впервые началъ, разъ даннаго направленія.

Унаслѣдовавъ отъ языческихъ временъ особую этническо-культурную закваску, по принятіи христіанства кавказскій міръ лишь рѣзче выразилъ свою духовную самостоятельность созданіемъ еще въ V вѣкѣ собственной письменности, собственной церкви, собственнаго искусства. Значеніе этихъ факторовъ самостоятельной культуры кавказскаго міра нисколько не ослабѣло, наоборотъ усилилось, когда черезъ сто лѣтъ изъ одной письменности, изъ одной церкви, изъ одного искусства согласно національнымъ группировкамъ выработались различныя письменности, различныя церкви, различныя искусства, имѣющія общую основу и чрезвычайно сродныя формы, не всегда и различаемыя, напр., въ искусствѣ.

Отстаивая свою особую культурную позицію, кавказскій культурный міръ не отгораживался ни съ востока отъ Ирана, съ которымъ его связывали многовѣковыя культурныя традиціи, ни съ запада отъ Византіи, съ которой его сближали христіанскія преданія новой родной цивилизаціи, ни съ юга отъ семитическаго міра, съ которымъ, помимо родственныхъ съ нимъ яфетическихъ корней въ языкѣ, особенно тѣсно связывала родная церковь, получившая начало изъ Сиріи. И позднѣе, по разрывѣ единой церкви, по образованіи двухъ церквей, армянской и грузинской, кавказскій міръ не переставалъ жить особо тѣсной и дружной жизнью вообще съ христіанскимъ семитическимъ міромъ, въ лицѣ армянской церкви съ сирійцами и абиссинцами, а въ лицѣ грузинской церкви съ арабами-христіанами, греко-православными. Это—основное ядро христіанскаго Востока, къ которому примыкали также на востокѣ персы-христіане, на западѣ отчасти копты. Этотъ древній христіанскій Востокъ, вопреки западной церкви, не исключая и греческой, разноязыченъ или „національноязыченъ". Несмотря на разноязычіе, названные народы составляли одинъ обширный цѣлостный міръ. Принадлежность къ этому христіанскому Востоку, особо тѣсныя связи съ нимъ и облегчали народамъ кавказскаго культурнаго міра играть самостоятельную роль въ св. Землѣ, въ Іерусалимѣ и на Синаѣ, а по утвержденіи арабской и позднѣе турецкой власти въ Палестинѣ, это давало имъ возможность оказывать покровительство представителямъ другихъ церквей по наступленіи гнета мусульманскаго режима.

Мусульманское вліяніе въ культурной жизни кавказскаго міра представляетъ значительный интересъ, но еще болѣе интересенъ путь, черезъ который оно проходило.

Мусульманство въ кавказскомъ мірѣ этнически чрезвычайно разнообразно. Нѣкоторыя изъ этихъ этническихъ массъ на Кавказѣ явились поздно, напр., турки-сельджуки съ XI-го вѣка. Громадное большинство суннитскаго мусульманства въ кавказскомъ мірѣ представляетъ бывшихъ христіанъ. Они кое-гдѣ сохранили родной языкъ грузинскій, лазскій (онъ же собственно мингрельскій), армянскій, (напр., hемшины) и многочисленные горскіе языки, о которыхъ рѣчь будетъ особо. Они часто, кромѣ того, унаслѣдовали христіанскія традиціи въ быту, нерѣдко вплоть до сохраненія общихъ съ христіанами, братьями по крови, богомолій и праздниковъ. Мѣстами сохранилось и родство домами мусульманъ съ христіанами. Различно и время обращенія этой коренной массы въ мусульманство: начавшись съ XIII-го вѣка, процессъ этотъ въ нѣкоторыхъ областяхъ, такъ, напр., въ бассейнѣ рѣки Чороха длился до XIX-го вѣка.

Мусульманская масса изъ коренного населенія могла служить и дѣйствительно служила проводникомъ мѣстныхъ бытовыхъ и религіозныхъ особенностей въ общую мусульманскую среду. Магометанская масса изъ коренного населенія не могла быть для высоко развитого тогда кавказскаго міра источникомъ мусульманскаго просвѣщенія, хотя въ нѣкоторыхъ ея слояхъ и могутъ оказаться техническіе споспѣшники вліянія этой восточной культурной среды. Такъ же мало замѣтно вліяніе арабовъ-мусульманъ, если исключить область медицинской науки и, быть можетъ, права. Въ отношеніи отвлеченнаго мышленія достаточно сказать, что тогда какъ арабы съ греческой философіею знакомились лишь черезъ христіанъ, преимущественно сирійцевъ, кавказскіе народы имѣли непосредственное знакомство съ греческими источниками и не только переводили ихъ, но снабжали ихъ самостоятельными комментаріями. Къ мусульманской же культурѣ кавказскій міръ пріобщался черезъ Персію или Иранъ.

Культурное воздѣйствіе Ирана на кавказскій міръ давнишнее, я бы сказалъ—исконное. Оно основано не на одностороннемъ дѣйствіи такихъ факторовъ, какъ весьма ранняя иммиграція иранцевъ въ кавказскій міръ, успѣхи ихъ религіи въ правящихъ сферахъ мѣстныхъ династовъ и политическое ихъ господство. Оно основано на народно-психологическомъ сродствѣ съ кавказскимъ міромъ Ирана, несомнѣнно, впитавшаго и претворившаго въ себѣ яфетическія этническія массы.

Вліяніе ли Ирана или сродство съ нимъ сказывается въ древнѣйшихъ сказаніяхъ кавказскаго міра. На древнѣйшихъ мѣстныхъ памятникахъ, дѣлѣ рукъ христіанскихъ мастеровъ, ярко выступаетъ отпечатокъ художественныхъ вкусовъ того искусства, которое въ наукѣ извѣстно подъ названіемъ иранскаго, въ частности—сасанидскаго. Привитая Ирану мусульманская цивилизація передавалась далѣе кавказскому міру по сродству народной психологіи и общности исконныхъ культурныхъ традицій.

Значеніе иранско-мусульманскаго культурнаго теченія громадное въ кавказскомъ мірѣ, но лишь возбудительно-творческое. Оно здѣсь не созидало ничего самостоятельнаго. Оно не давало основъ и не могло дать уже сложившейся на мѣстѣ цивилизаціи, но оно вело къ расширенію культурнаго кругозора кавказскаго міра: способствуя освобожденію его отъ оковъ односторонняго религіознаго направленія, иранско-мусульманское культурное теченіе секуляризовало общественную мысль и вызвало къ жизни чисто свѣтское направленіе, проявившееся, по условіямъ національной среды, гдѣ въ гражданскомъ искусствѣ, а гдѣ въ свѣтской художественной литературѣ.

Исконные родные элементы яфетической культуры играли роль существеннаго духовно связующаго цемента и, при политическомъ усиленіи племенъ, роль спайки для образованія народовъ и государствъ на территоріи разселенія яфетическихъ или лишь сродныхъ съ ними племенъ.

Ближайшее родство народовъ опредѣляло ихъ объединеніе въ національную группу, въ одно государство. Образовавшееся государство, объединенная національно группа народовъ носила названіе главенствующаго изъ нихъ, но главенство незамѣтно для постороннихъ, внутри культурно-политическаго образованія, отъ одного народа переходило къ другому, почему однѣ и тѣ же національныя группы, одни и тѣ же государства извѣстны подъ различными названіями. Обыкновенно древніе именовали ихъ одними именами, человѣчество, унаслѣдовавшее свою терминологію отъ древнихъ, продолжаетъ называть ихъ тѣми же именами и по сей день, а мы застаемъ самихъ представителей каждой изъ національныхъ группъ съ давнихъ поръ носящими другія наименованія, названіе другого впослѣдствіи возобладавшаго народа изъ среды той же группы. Кавказъ или точнѣе яфетическій міръ не знаетъ случая образованія государства или хотя бы простой національной группы изъ племенъ одной народности. Ни Грузія, ни Арменія въ этомъ отношеніи не представляютъ исключенія.

Далѣе. Сродство народной психологіи и общность культурно-историческихъ переживаній естественно порождали объединеніе различныхъ, но сродныхъ національныхъ группъ, различныхъ многонародныхъ государствъ въ одно сложное политическое цѣлое. Процессъ образованія простой національной группы, болѣе простого по составу государства изъ отдѣльныхъ ближайше родственныхъ народовъ, равно процессъ образованія сложной національной группы, сложнаго политическаго тѣла изъ многонародныхъ національныхъ коллективовъ сопровождался естественными треніями. Эти тренія особенно усиливались на почвѣ столкновенія установившихся національныхъ представленій съ неизбѣжными результатами ассимиляціи въ пользу культурно наиболѣе приспособленнаго народа или въ пользу культурно наиболѣе вооруженнаго національнаго коллектива. И тѣмъ не менѣе въ творческое русло единенія народовъ, не только ближайше родственныхъ, но и сродныхъ по общимъ элементамъ яфетической культурной закваски, направлялась вся историческая жизнь кавказскаго міра. Когда эта идея не получала осуществленія въ жизни, она въ древности продолжала владѣть умами, она въ древности служила идеаломъ, раскрывающимся передъ нами въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ.

Объединенію въ національные коллективы въ архаическую пору предшествовало или его сопровождало сліяніе различныхъ родственныхъ племенъ. Одно племя осѣдало на другое, образуя въ одномъ и томъ же народѣ различные этническіе пласты, впослѣдствіи перерождавшіеся въ различные соціальные слои или сразу находившіе въ наличномъ уже высшемъ сословіи готовый сосудъ для своего помѣщенія. Отсюда то любопытное явленіе, что сословія, и высшія, и низшія, обыкновенно носятъ этническія названія.

Природно-національные коллективы съ извѣстной поры начали перераспредѣляться по основамъ экономическо-соціальнаго характера. Исконное природное распредѣленіе ремеслъ и различныхъ видовъ производства предметовъ матеріальной культуры по племенамъ въ общемъ держалось долго; мѣстами оно удержалось до нашихъ дней. Когда культъ языческаго бога, покровителя опредѣленнаго ремесла, лишался поддержки въ новыхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ посвященнаго ему племени, за нимъ, этимъ племенемъ, соотвѣтственное ремесло закрѣплялось матеріаломъ, добываемымъ на занимаемой имъ территоріи, и традиціями техники, наслѣдственно усвоенными навыками данной работы. Нѣкоторую искусственную поправку къ закрѣпощенію ремесленныхъ знаній за извѣстными племенами должны были

представить братства по ремеслу съ выборнымъ началомъ и посвященіемъ, переродившіяся впослѣдствіи въ цеховыя организаціи. Но и эти организаціи, хотя и возникли, по всей видимости, весьма рано, носили замкнутый характеръ, почти полностью усвоили черты племенной исключительности и были посвящены, точно древнимъ языческимъ племеннымъ богамъ, особымъ христіанскимъ святымъ покровителямъ. Въ родной средѣ природно-національнаго коллектива цехи сами по себѣ не могли подорвать ни основъ общаго строя, ни основъ быта, какъ не подрывало ихъ и существованіе сословныхъ дѣленій по крови, родовитой знати и дворянства.

Но когда развились города и въ нихъ выросъ торгово-ремесленный классъ, цехи должны были явиться могучимъ орудіемъ въ рукахъ новой общественной силы. Благодаря имъ, ремесленныя организаціи, судя по многимъ явленіямъ, развили планомѣрную дѣятельность внѣ природно-національныхъ путей, за предѣлами родныхъ національныхъ коллективовъ, и вообще на рынкѣ международнаго состязанія. На чужбинѣ, особенно въ этнически родственной средѣ, такія торговыя колоніи вначалѣ представляли собою длительно пребывающихъ гостей, но постепенно онѣ становились на путь денаціонализаціи и врастали въ организмъ воспріявшаго ихъ національнаго коллектива въ качествѣ его торговаго класса, третьяго сословія. Въ томъ или иномъ видѣ торгово-ремесленный классъ росъ и закалялся въ экономической борьбѣ. И для надвигавшихся изъ Европы новыхъ формъ общественности въ кавказскомъ мірѣ пріуготовлены были соотвѣтственные кадры приспособленныхъ дѣятелей.

Всѣ эти культурно-общественныя явленія ярко выступаютъ въ судьбѣ природныхъ или условныхъ коллективовъ или одно-національныхъ при многонародности и многонаціональныхъ государствъ, естественно образовавшихся въ кавказскомъ мірѣ. Лишь при неустройствѣ его общественной жизни или неурядицахъ въ ней, при болѣзненныхъ органическихъ явленіяхъ и содѣйствующихъ ихъ развитію внѣшнихъ давленіяхъ многонаціональный кавказскій міръ фактически распадался на природные коллективы, какъ на ничѣмъ взаимно не связанныя для поверхностнаго наблюдателя силы. При усиленіи тѣхъ же болѣзненныхъ явленій, въ эпохи катастрофическихъ потрясеній или длительнаго паденія и разложенія мѣстной общественной жизни, отдѣльные природные коллективы также распадались на входящіе въ ихъ составъ народы, даже отдѣльныя племена, но и тогда идея принадлежности всѣхъ къ одной общей организаціи не терялась

изъ общественнаго сознанія. Во времена же нормальнаго теченія жизни, тѣмъ болѣе въ цвѣтущія эпохи отдѣльные народы не выступали въ качествѣ самостоятельныхъ дѣятелей. Дѣятельность отдѣльныхъ передовыхъ народовъ, какъ и племенъ, индивидуальное значеніе получала лишь въ культурной работѣ внутри объединенной національной группы, природнаго коллектива, опредѣлявшаго основу государства, но и здѣсь эта первая роль, въ зависимости отъ силы реальныхъ духовныхъ данныхъ, отъ одного народа переходила къ другому, въ качествѣ же самостоятельной для внѣшняго міра культурно-общественной единицы выступалъ коллективъ народовъ, образовывавшій государство или дававшій основу для его образованія. И такъ продолжалось до вступленія Кавказа на путь матеріальнаго развитія въ европейскихъ формахъ, внесенныхъ Россіею. На новыхъ внѣплеменныхъ и внѣсословныхъ основахъ экономической жизни произошла, продолжаетъ происходить коренная перестройка кавказскаго міра. Природно-національная почва заколебалась, старые племенные и сословные устои ослабѣли, гдѣ не успѣли пасть. Въ то же время рядомъ со старымъ торговымъ классомъ стали гдѣ нарастать, гдѣ намѣчаться классы и буржуазный (новый), и рабочій. Въ коренномъ населеніи кавказскаго міра рядомъ съ древнимъ южнымъ торговымъ теченіемъ, идущимъ изъ Арменіи или черезъ Арменію, взошли новые всходы мелкой торгово-промышленной жизни въ районѣ древнихъ крупныхъ греческихъ колоній по Черноморскому побережью въ лицѣ представителей грузинскаго національнаго коллектива — гурійцевъ, имеровъ (имеретинъ) и мингрельцевъ. Въ корнѣ измѣнились соотношенія не только отдѣльныхъ національныхъ силъ, но и отдѣльныхъ народовъ и племенъ, гдѣ они сохранились, въ составѣ завѣщанныхъ національныхъ коллективовъ. Жизнь съ неумолимою настойчивостью потребовала пересмотра взаимоотношеній старыхъ и новыхъ національныхъ группъ кавказскаго міра и свободы новаго ихъ самоопредѣленія, чтобы, въ интересахъ человѣческаго внутренне-культурнаго общежитія, возстановить на новыхъ началахъ древнюю солидарность, утраченную въ настоящее время не только въ реальной жизни, но и въ идеѣ, въ сознаніи связанныхъ общей судьбою народовъ. И это стало придавать чрезвычайную неустойчивость какъ мѣстнымъ общественнымъ теченіямъ, такъ всѣмъ мирнымъ общегосударственнымъ начинаніямъ въ краѣ. Великая война застала Кавказъ въ такой моментъ неразрѣшенныхъ, болѣе того — нараставшихъ внутреннихъ треній мѣстныхъ національныхъ группъ.

Племена только одного народа, курдскаго, не могли вначалѣ ни примкнуть къ образовавшимся національнымъ коллективамъ, ни составить самостоятельную націю, ни отойти, отколоться отъ кавказскаго міра и слиться съ персидскою націею, съ которой сближаетъ курдовъ болѣе близкое сродство языка. Виною своеобразнаго блестящаго одиночества курдовъ не является пастушескій бытъ съ кочевымъ образомъ жизни: значительная часть курдовъ—земледѣльцы, и эти осѣдлыя племена не меньше чуждались всѣхъ до сихъ поръ слагавшихся на мѣстѣ государственныхъ формъ. Ихъ выдѣляетъ курдскій языкъ, по наличному состоянію чисто иранскій, но со многими переживаніями изъ коренныхъ мѣстныхъ яфетическихъ языковъ; ихъ отличала первоначально религія астральнаго типа, но она яфетическаго происхожденія и роднитъ курдовъ съ народами кавказскаго міра общностью первоначальной до-христіанской ихъ религіи и ея переживаніями въ народныхъ вѣрованіяхъ. Обращеніе въ исламъ многихъ курдскихъ племенъ создало духовный разрывъ въ этомъ народѣ, но расколовшіяся части объединяются богатымъ фольклоромъ и народными пѣснями; эти же пѣсни, корнями также связанныя съ роднымъ курдскимъ языческимъ культомъ, пользуются большою популярностью и среди турецкаго, и среди армянскаго населенія. Какъ этническая масса, курды представляютъ интересъ скрытыхъ силъ, въ старину вносившихъ подпочвенныя народныя вѣрованія, точно закваску обновленія, въ господствовавшія застывшія религіи. Писаная литература ими обогащалась у турокъ, однимъ изъ лучшихъ, если не лучшимъ поэтомъ которыхъ, по общему признанію, считается курдъ Фузули. Въ военномъ дѣлѣ міровою славою пользуется всѣмъ извѣстный герой изъ эпохи крестовыхъ походовъ Саладинъ, изъ курдскаго племени города Двина, нѣкогда столицы Арменіи. Изъ того же курдскаго племени происходила курдская же династія, одно время владѣвшая другой столицею Арменіи — Ани. Но при всѣхъ богатыхъ природныхъ бытовыхъ и личныхъ качествахъ, при всемъ значеніи ихъ въ чужихъ политическихъ предпріятіяхъ, курды до сихъ поръ не проявляли склонности ни создать національное государство, ни слиться съ чужимъ государствомъ какъ единая организованная національная сила.

Еще менѣе значенія имѣли въ качествѣ организаціонной силы турки - мусульмане, пришедшіе въ соприкосновеніе съ Кавказомъ уже тогда, когда его народы представляли собою сложившіеся національные коллективы. Турки въ краѣ появляются лишь съ XI вѣка,

но массовое внѣдреніе ихъ въ кавказскій міръ происходитъ позднѣе, притомъ съ двухъ сторонъ—съ юго-востока шіитовъ, азербейджанскихъ турокъ, съ юго-запада суннитовъ, османскихъ турокъ. Было время, когда и тѣ и другіе входили въ составъ грузинскаго царства, но въ мѣстныхъ организаціяхъ, сложившихся на основѣ племенного сродства, турки, не имѣющіе ничего общаго этнически съ коренными кавказскими народами, естественно стояли въ сторонѣ отъ кавказскаго міра. Въ старину, поддерживая тѣснѣйшую культурную связь, смотря по исповѣданію, одни съ Персіею, другіе съ Турціею, или входя въ составъ или персидскаго, или турецкаго царства, они въ предѣлахъ кавказскаго міра не могли создать и не создали ничего своеобразнаго, ничего самостоятельнаго. Немногочисленные на Кавказѣ мусульманскіе памятники или позднія чисто персидскія постройки, какъ, напр., дворецъ Сардара въ Эривани, или носятъ печать мѣстнаго армянскаго искусства, какъ, напр., мечеть и минареты въ Ани и мусульманскіе мавзолеи-надгробія въ различныхъ мѣстахъ Турецкой Арменіи. Какъ изслѣдователь прошлаго, я не касаюсь турецкой этнической массы въ настоящемъ, когда она, втянувшись въ русскую общественную жизнь, переживаетъ потребности, въ основныхъ чертахъ общія со всѣми другими народами Кавказа.

Такимъ образомъ, въ кавказскомъ мірѣ сообразно съ природными условіями, прежде всего—этническимъ составомъ его коренного населенія, по исключеніи одиноко стоящихъ курдовъ, національныхъ коллективовъ могло образоваться и дѣйствительно образовалось три: албанскій, грузинскій и армянскій.

Кавказская Албанія, албанскій или аранскій коллективъ, онъ же у арабовъ аланы (кавказскіе аланы), для нашего вопроса представляетъ, казалось бы, мертвый историческій интересъ. Одно время, уже за христіанскій періодъ, съ армянами и грузинами албаны составляли тріаду передовыхъ бойцовъ за культуру на христіанскихъ основахъ, за новую культуру кавказскаго міра. Такъ въ V и VI вѣкахъ нашей эры. Постепенно солнце албанскаго коллектива въ Закавказіи закатилось: къ XI вѣку часть Албаніи была ассимилирована армянами, часть грузинами.

Албанскій коллективъ, не выработавъ съ себѣ устоевъ для самостоятельнаго воспріятія новой культуры, разсыпался и растворился въ армянскомъ и грузинскомъ національныхъ коллективахъ.

Это первый случай, когда одинъ кавказскій коллективъ погло-

щаетъ другой путемъ ассимиляціи. По обыкновенію проявленіе ассимиляціи начиналось съ религіи и завершалось языкомъ, но факторомъ, предшествовавшимъ ассимиляціи, могли служить какъ военные, такъ и экономическіе успѣхи. Намъ еще придется процитовать древняго армянскаго историка, по мнѣнію котораго границы Арменіи опредѣлялись однимъ только оружіемъ его доблестныхъ воителей.

Болѣе жизненный интересъ представляетъ для нашего вопроса фактъ расширенія армянской національной территоріи благодаря успѣхамъ армянской церкви не только въ Албаніи, но и въ Чорохскомъ бассейнѣ. Это—родная земля племенъ лазо-мингрельскаго народа или архаичной Иверіи. Отсюда, съ VIII вѣка по Р. Хр., армянъ въ свою очередь стали вытѣснять, и все населеніе стали грузинизовать картвелы-грузины, начавъ свое національное господство въ этомъ краѣ съ характернаго девиза, высказаннаго позднѣе однимъ изъ выдающихся грузинскихъ писателей IX вѣка. Девизъ гласилъ: „Грузіею считается (вся) обширная страна, гдѣ церковная служба совершается и всѣ моленія творятся на грузинскомъ языкѣ". Этому моменту предшествовало упроченіе грузинскихъ Багратидовъ въ странѣ, также основанное на силѣ оружія доблестныхъ воителей.

Мы не будемъ углубляться въ этотъ экскурсъ о путяхъ внутренней ассимиляціи въ предѣлахъ кавказскаго міра и случаяхъ нарастанія взаимнаго поглощенія, которымъ въ старину предшествовали военные успѣхи, а впослѣдствіи, когда булатъ былъ смѣщенъ золотомъ, экономическіе. Не будемъ углубляться, чтобы покончить съ аланами или албанами. Изъ албановъ въ армянскомъ и грузинскомъ коллективахъ растворилась лишь часть, принявшая христіанство. Въ Албаніи боролись ожесточеннѣе, чѣмъ гдѣ-либо, не только различныя исповѣданія христіанской вѣры, но и христіанская вѣра съ язычествомъ.

Давно оттѣсненная на сѣверъ Албанія въ лицѣ племенъ, вѣрныхъ родному яфетическому культу, имѣла естественное тяготѣніе къ языческому тылу кавказскаго міра, отчасти она входила въ его составъ. Подъ напоромъ торжествующаго христіанства и раньше албанская или аланская народность должна была эмигрировать въ кавказскія горы. Здѣсь она нашла готовую почву для объединенія родственныхъ народовъ, на зарѣ исторіи ушедшихъ въ эти недоступные края во имя своихъ старыхъ боговъ. Эмиграція алановъ изъ Албаніи и былое объединеніе горскихъ яфетическихъ племенъ отъ Дагестана на

востокѣ до Абхазіи на западѣ, это два факта, недавно выступившіе изъ этнологическихъ изысканій на почвѣ сравнительнаго изученія мѣстныхъ языковъ. Противъ объединеннаго подъ аланскимъ стягомъ яфетическаго язычества горскихъ народовъ повели культурный походъ христіанскія миссіи изъ Арменіи, Византіи и Грузіи. Успѣхи христіанства сказались не только на периферіи языческаго тыла кавказскаго міра, но и внутри. Однако нѣтъ слѣдовъ возобладанія христіанства въ горскихъ народахъ, нѣтъ слѣдовъ существованія среди нихъ когда-либо сплошного христіанскаго населенія. Наоборотъ, во всемъ этомъ районѣ виталъ языческій духъ, царилъ языческій бытъ, несмотря на успѣхи христіанства, несмотря на христіанскія общины, вкрапленныя среди народовъ. Упорно отстаивая культъ родныхъ яфетическихъ боговъ, горскіе народы взращивали въ себѣ враждебное отношеніе къ новой религіи, успѣхи которой ихъ воображенію рисовались угрожающими самому бытію ихъ, и когда появилась позднѣе третья, новѣйшая, религія, враждебная христіанству, исламъ, для его воспріятія оказалась готовая почва по всей линіи разселенія яфетическихъ народовъ отъ Каспійскаго моря до Чернаго, по всему языческому тылу кавказскаго міра. Обращеніе это имѣло длительное значеніе, во всякомъ случаѣ, вплоть до половины XIX вѣка. Языкъ и связанная съ нимъ народная психологія остались неприкосновеннымъ залогомъ духовной связи горцевъ - яфетидовъ съ остальными частями кавказскаго міра, но неограниченное господство вѣроисповѣдныхъ интересовъ ислама заглушало другія духовныя потребности и не допускало національнаго самоопредѣленія, и это произвело разрывъ въ коренномъ слоѣ кавказскаго міра, отколовъ отъ него надолго горцевъ-собратьевъ. Борьба съ ними, завѣщанная Россіи кавказскимъ міромъ, послѣдній разъ вспыхнула при Шамилѣ, собравшемъ подъ своимъ стягомъ восточныхъ горцевъ-кавказцевъ. И все-таки, не смотря на болѣе сильное вліяніе ислама, переживанія яфетической языческой религіи до сихъ поръ даютъ совершенно особый характеръ мусульманству кавказскихъ горцевъ, часто низводя его существованіе до нуля и во всякомъ случаѣ и до сего дня преобладая въ быту народныхъ массъ, особенно въ нагорныхъ частяхъ.

Грузинскій природный коллективъ, намъ извѣстный подъ названіемъ грузинъ [1]), въ древности, да часто и нынѣ носитъ названіе

[1]) Русскій терминъ „грузинъ“ представляетъ искаженіе турецкаго „гурджй“, что̀ въ свою очередь черезъ гур-г и вир-к̀ (вм. ивир-х) восходитъ къ ивер'у или ивір'у: суффиксъ -г (||-х>к̀) представляетъ собою показатель мн. числа.

иверовъ, а сами себя грузины именуютъ „ка̇рт̇вел“ами [1]). Этотъ природный коллективъ представляетъ собою въ основномъ ядрѣ группу трехъ народовъ, говорящихъ на трехъ разныхъ, но родственныхъ языкахъ, именно грузинъ или ка̇рт̇веловъ (въ основѣ—ка̇рт̇овъ), иверовъ (нынѣ мингрельцевъ и лазовъ) и свановъ. Эти три народа этнически и лингвистически находятся приблизительно въ отношеніяхъ русскихъ, поляковъ и чеховъ, но объединены одной національной культурою. Лазы, они же ч̇аны, давно отпали и культурно отъ грузинскаго коллектива, какъ отторгнуты были въ различныя эпохи и другія его природныя части. Однако, исторія развитія грузинскаго коллектива знаменуется объединеніемъ въ себѣ не только трехъ ближайше родственныхъ народовъ со всѣми ихъ племенами, но и всѣхъ яфетическихъ народовъ и племенъ. Въ началѣ это объединеніе существовало лишь въ идеѣ—или въ природныхъ устныхъ традиціяхъ, или въ искусственныхъ литературныхъ произведеніяхъ. Господство этой идеи въ умахъ отразилось изъ литературныхъ произведеній прежде всего въ лѣтописяхъ, гдѣ какъ бы для ея обоснованія выработана генеалогія грузинъ, по которой грузины находятся въ родствѣ со всѣми яфетическими, даже яфетидоидными народами или со всѣми народами кавказскаго міра.

Впослѣдствіи, въ блестящіе дни грузинскаго царства, въ эпоху царицы Тамары, эта идейная программа получаетъ реальное осуществленіе. Грузинское царство, тянувшееся въ тѣ дни отъ предѣловъ Трапезунда до Каспійскаго моря, объединяло не только различные родственные народы, но и различныя сродныя группы народовъ, какъ сосѣднюю съ юга, армянскую, такъ прилегающую съ сѣвера, горскую въ обоихъ ея развѣтвленіяхъ, восточномъ и западномъ.

Культурно-общественная жизнь грузинскаго коллектива представляетъ прекрасный матеріалъ для яркой иллюстраціи основныхъ положеній нашего историческаго построенія. Но для событій зарубежнаго порядка, побуждающихъ русское общество справляться о прошлыхъ судьбахъ кавказскихъ народовъ, грузинскій народъ въ настоящее время лишенъ присущаго ему значенія какъ самостоятельный факторъ внѣ обще-русскихъ учрежденій. Національный строй консервативныхъ устоевъ исторической Грузіи, именно церкви и дворянства, или совершенно разрушенъ или дезорганизованъ.

---

[1]) Коренную этническую массу ка̇рт̇веловъ составляютъ не иверы, а ка̇рт̇ы.

Самодѣятельность вновь народившихся общественныхъ организацій грузинскаго народа и его просвѣтительныхъ учрежденій до сихъ поръ встрѣчала помѣху, шедшую на пользу или турокъ или другихъ зарубежныхъ народовъ. Обширныя, вѣками накоплявшіяся владѣнія и права грузинскаго народа на старомъ Аѳонѣ, въ Іерусалимѣ у св. Гроба и вообще въ Палестинѣ, равно на Синаѣ ушли не только изъ рукъ грузинскаго народа, домогательства послѣднихъ представителей котораго на этихъ святыхъ мѣстахъ не были нами своевременно поддержаны, но и изъ рукъ русскаго народа. Несмотря на милліонныя траты русскихъ денегъ и вліятельнѣйшее Императорское Православное Палестинское Общество, равно могущественную государственную поддержку, русскій народъ не могъ получить въ священной оградѣ св. Гроба и доли того общепризнаннаго мѣста, которое принадлежало грузинамъ и перешло не къ намъ, а къ грекамъ, за одно ставшимъ полными хозяевами и извѣстнаго грузинскаго Крестнаго монастыря въ Іерусалимѣ.

Наложено было veto и на посильныя попытки новыхъ грузинскихъ просвѣтительныхъ учрежденій пріобщить братьевъ по крови грузинъ-мусульманъ на родномъ имъ грузинскомъ языкѣ къ общерусскому просвѣщенію въ противовѣсъ турецкому. Этимъ veto мы безсознательно скрѣпили какъ бы офиціальной печатью отуреченіе грузинскаго населенія въ Чорохскомъ бассейнѣ, въ частности и тамъ, въ Олтинскомъ округѣ, гдѣ на нашихъ глазахъ была создана турками база для движенія на Ардаганъ.

Тѣмъ самымъ мы совершили нѣчто еще болѣе важное. Отъ окрестностей Батума за рубежомъ на западъ тянется турецкій Лазистанъ съ родственнымъ грузинамъ по крови и языку лазскимъ населеніемъ, съ беями или дворянами чисто грузинскаго происхожденія. Экономически Лазистанъ имѣетъ, безъ нашихъ усилій и безъ нашего вѣдома, русскую оріентацію. Мы затормозили его культурную оріентацію на Россію, закрывъ естественный путь черезъ родственный грузинскій народъ болѣе дѣйствительнаго сближенія въ просвѣщеніи съ нашимъ Кавказомъ, опять-таки, конечно, безъ умысла въ интересахъ турецкаго просвѣщенія и турецкаго государства. Оно и организовало въ этой именно этнической средѣ сильную миссіонерскую школу муллъ для единокровныхъ грузинъ-мусульманъ въ нашихъ предѣлахъ и на нашихъ глазахъ по всей этой этнической полосѣ открывало себѣ путь для движенія своихъ военныхъ силъ къ намъ.

Не поддержанный въ развитіи историческихъ устоевъ родной

жизни, грузинскій народъ нашелъ благодарную почву для примѣненія воскресшей въ Россіи молодой національной энергіи въ демократическихъ слояхъ, крестьянствѣ и новозародившейся мелкой буржуазіи, духовный ростъ которыхъ получилъ закваску русской общественности и русской передовой мысли. Естественно, раздѣляя во внѣшней политикѣ общерусскіе интересы, грузинскій народъ, какъ нераздѣльная часть Россіи, чувствуетъ себя особенно заинтересованнымъ во внутреннихъ преобразованіяхъ.

Въ прошломъ значеніе грузинъ было иное для кавказскаго міра. Послѣднее царство или, вѣрнѣе, послѣднія царства кавказскаго культурнаго міра представляли наслѣдіе творческихъ усилій грузинскаго національнаго коллектива, и это наслѣдіе, какъ оно ни было расшатано, послужило и реальной, и моральной опорою для обоснованія русской власти на Кавказѣ, для исполненія ея исторической задачи. По мѣрѣ вплетенія Кавказа въ корону Русскаго царя, эта задача реально разросталась въ историческую миссію русскаго народа въ Передней Азіи, выдвигала его призваннымъ вершителемъ мірового вопроса вообще на Ближнемъ Востокѣ.

Наиболѣе южный, именно армянскій національный коллективъ, давно успѣлъ утратить не только многонародность своего состава, но и сословность. Это теперь самый простой представитель кавказскаго міра, но въ то же время по сложности пережитыхъ судебъ самый трудный для культурно-историческаго освѣщенія. Производя своей современной простотой и обособленностью, поразительной духовной однородностью, рѣзкій контрастъ съ пестротой кавказскаго міра, армянскій народъ анахронистически и въ прошломъ изображается одинокимъ, даже чуждымъ окружающему міру.

Естественно, Арменія, изученіе которой въ Западной Европѣ было обставлено сравнительно лучше, изслѣдовалась хотя и не внѣ времени, но внѣ пространства, внѣ натуральной ея исторической обстановки, внѣ ея природной среды, изъ которой ее хотѣли извлечь, да многіе и теперь не прочь извлечь, точно чужое вросшее тѣло, точно она не кость отъ кости и плоть отъ плоти опредѣленной культурной среды, точно на Востокѣ Арменія одинока и изолирована была или есть. Получалась исторія безъ почвы, безъ основы, тогда какъ именно на широкой ярко-восточной основѣ вышитъ этотъ богатый рисунокъ сложнѣйшихъ узоровъ—жизнь исторической Арменіи, полная превратностей, чаяній и разочарованій, могущества и немощи, высокаго подъема и паденія вплоть до одичанія, вплоть до мерзости

запустѣнія, новыхъ чаяній и разбитыхъ надеждъ, блестящихъ достиженій и часто безплодія нечеловѣческихъ усилій.

И этой широкой основою служилъ, до послѣдняго момента служитъ кавказскій культурный міръ.

Арменія, безспорно больше изучавшаяся въ Европѣ, мало извѣстна съ этой стороны широкой публикѣ, но не болѣе извѣстна она и многимъ ученымъ, даже востоковѣдамъ, ибо до сего дня у насъ и въ университетахъ нѣтъ не только дѣйствительно универсальнаго образованія, но и общаго оріентальнаго образованія хотя бы особо, рядомъ съ общимъ европейскимъ „гуманитарнымъ" образованіемъ.

Историки превосходно могутъ знать древнюю Арменію лишь какъ долю предмета своей спеціальности, одни какъ область интересовъ или часть владычества римлянъ, позднѣе—византійцевъ, другіе—персидскаго царства, или—халифата. Для всѣхъ историковъ этихъ міровыхъ державъ Арменія находится на окраинѣ объектовъ ихъ изслѣдованія. Армянскій народъ и его жизнь отходятъ въ общемъ на задній планъ, и то, что взоръ улавливаетъ на этомъ далекомъ горизонтѣ, получаетъ научное освѣщеніе въ перспективѣ той или иной конструкціи чужой, даже чуждой исторической жизни. Еще менѣе мы въ правѣ ожидать правильнаго освѣщенія внутренней жизни Арменіи отъ спеціалистовъ исторіи завоевательныхъ стихійно двигавшихся массъ, какъ то сельджуковъ и монголовъ. Болѣе могли бы обнадеживать подступы къ предмету со стороны немногочисленныхъ ученыхъ съ запросами по различнымъ областямъ исторіи цивилизаціи. Они превосходно знаютъ армянскій народъ въ обладаніи культурными цѣнностями: одни, лингвисты, въ немъ цѣнятъ часть человѣчества, причастную къ аріо-европейской семьѣ и располагающую богатымъ литературнымъ языкомъ уже съ V вѣка по Р. Хр.; другіе, наиболѣе авторитетные историки древняго христіанства, проявляютъ глубокій интересъ къ трудамъ армянскаго народа, какъ самодѣятельнаго члена церкви; третьи, историки христіанскаго искусства, въ армянскомъ народѣ готовы признать творца замѣчательныхъ художественныхъ формъ. Но и эти успѣхи древняго армянскаго просвѣщенія находятся на окраинѣ научныхъ интересовъ названныхъ спеціалистовъ. Имъ могутъ быть видны на далекомъ горизонтѣ духовные задатки или стяжанія армянскаго народа, но отъ ихъ вниманія ускользаетъ его культурная работа, органическій внутренній ростъ этой работы. Посильное освѣщеніе этой стороны вопроса и дается въ слѣдующей части.

II.

Арменія.

Названія армянъ.—Первоначальное населеніе Арменіи.—Яфетическіе народы и языки.—Сложное яфетическо-аріоевропейское происхожденіе языковъ Арменіи.—Характеристика яфетическаго состава въ словарѣ двухъ языковъ Арменіи.—Иранская часть аріо-европейскаго состава въ тѣхъ же языкахъ.—Иранизмъ древняго армянскаго царства.—Восточно-христіанскія основы и феодальная среда зарожденія національной культуры армянъ (IV—V вв.).—Эпоха господства иранскихъ переживаній и вселенскихъ христіанскихъ интересовъ.—Борьба литературныхъ школъ, спрофильской и грекофильской.—Побѣда греческой философіи.—Зарожденіе свѣтскаго просвѣщенія и новое національное самоопредѣленіе.—Разгромъ Арменіи арабами (VIII в.).—Идеализація прошлаго.—Паденіе древне-литературнаго языка Арменіи.—Перестройка въ армянскомъ феодальномъ мірѣ.—Усиленіе вліянія второго народнаго языка Арменіи.—Церковно-національная идея и народно-національные идеалы феодаловъ.—Армянскіе Багратиды и новое армянское царство (X—XI в.).—Возобладаніе церковно-національныхъ идеаловъ.—Внутреннія неурядицы и вражда Византіи.—Паденіе новаго армянскаго царства (1043 г.).—Разгромъ сѣверной Арменіи сельджуками (1061 г.).—Народно-религіозное движеніе.—Колоніальное армянское царство въ Киликіи.—Возвышеніе грузинскаго царства въ кавказскомъ культурномъ мірѣ (XII—XIII в.).—Ростъ городовъ.—Армянскій городъ Ани.—Буржуазная среда и возрожденіе армянской національной культуры.—Расцвѣтъ новаго армянскаго искусства (XII—XIII в.).—Разгромъ Арменіи монголами.—Паденіе Ани.—Эмиграціи.—Коренная Арменія и колоніальные армяне.—Южно-армянское и сѣверно-армянское теченія.—Первыя надежды армянъ на Западъ.—Оріентація кавказскаго культурнаго міра на Сѣверъ и ея послѣдствія.—Очередная историческая проблема армянской національной жизни.

Армянскій національный коллективъ намъ, какъ и большинству народовъ, извѣстенъ подъ названіемъ армянъ. Сами же армяне себя именуютъ словомъ „hай“, во мн. числѣ въ древности „hайк̇“, нынѣ—„hайэр“ [1]).

Арменія до появленія аріо-европейцевъ населена была различными яфетическими народами и племенами такъ же, какъ другія страны кавказскаго міра. Потоки арійской иммиграціи, древнѣйшіе, шли одни съ запада черезъ Фригію, другіе съ востока—изъ Ирана. Ни тѣ, ни другіе не сносили коренного населенія, а лишь дали толчекъ къ передвиженію наиболѣе свободолюбивыхъ яфетическихъ племенъ на сѣверъ, къ тылу кавказскаго міра, а затѣмъ съ оставшимися на мѣстѣ постепенно смѣшались.

---

[1]) Въ древности терминъ „hайк̇“, съ яфетическимъ показателемъ мн. числа (к̇ < х || г), служилъ названіемъ и народа, и страны.

Сообразно съ населеніемъ Арменіи, тогда въ ней и языковъ яфетическихъ было такое же разнообразіе, какое наблюдаемъ въ другихъ странахъ Кавказа. Когда аріо-европейцы разселились въ странѣ, ихъ нарѣчія, аріо-европейскія нарѣчія, разлились по ней однородной массою, но, слившись съ различными мѣстными яфетическими языками, въ результатѣ дали различные языки мѣшанаго типа, различные яфетическо-аріо-европейскіе языки. Въ этихъ мѣшанаго типа языкахъ Арменіи аріо-европейскій слой долго еще получалъ приращеніе, при чемъ приращеніе шло на счетъ иранскихъ элементовъ: средне-персидскій языкъ въ языки Арменіи влился лексически въ такомъ объемѣ, что чистыхъ иранскихъ словъ въ языкахъ Арменіи гораздо больше, чѣмъ въ самомъ современномъ персидскомъ языкѣ, полномъ арабскихъ и турецкихъ элементовъ. Но и яфетическій слой названныхъ мѣшанаго типа языковъ Арменіи не ограничивается лишь тѣмъ мѣстнымъ матеріаломъ, который застали въ краѣ пришлые аріо-европейцы. По скрещеніи аріо-европейцевъ съ аборигенами-яфетидами, яфетическій слой получалъ приращеніе съ сѣвера, изъ среды чистыхъ яфетическихъ народовъ, не однимъ только путемъ общенія съ непосредственными сосѣдями. Среди оттѣсненныхъ съ юга на сѣверъ яфетическихъ народовъ происходили сильныя передвиженія, вызванныя надвигавшимися со всѣхъ сторонъ аріо-европейцами.

Яфетическіе народы не только оказывали отпоръ, но реагировали встрѣчнымъ движеніемъ на югъ. Одно такое движеніе наиболѣе чреватое послѣдствіями, для нашего предмета совпало съ эпохою возвышенія *hэніоховъ*, среди яфетическихъ народовъ. Эти hэніохи, собственно, какъ теперь выясняется, *hенохи или *hанохи, заняли почти всѣ коренныя земли яфетидовъ, въ числѣ ихъ и Армению. Господство ихъ въ этомъ краѣ совпало съ эпохою замиранія, послѣдовавшею за внѣдреніемъ аріо-европейцевъ и за паденіемъ ванской культуры халдовъ. Господство *hаноховъ должно было усилить яфетической слой языковъ Арменіи новымъ притокомъ яфетическихъ элементовъ. И, по всей видимости, они, эти *hанохи, оставили глубокій слѣдъ въ сложной расовой психикѣ армянскаго народа, поскольку національное ихъ названіе „hайк“ (< „*hайок“ || „hайоц“) является разновидностью названія „*hанох“, а не перерожденіемъ этническаго термина „хат“ или „хет“ [1]).

[1]) Возможность такого, также предлагаемаго учеными, толкованія не исключалась бы, если бы „hай“ былъ совершенно новымъ, напр., послѣ X—XI вѣка по Р. Хр., терминомъ. Оно могло бы найти опору въ томъ, что творцы ванской культуры Арме-

Пока неизвѣстно, сколько въ дѣйствительности было первоначально на территоріи Арменіи чистыхъ яфетическихъ языковъ, сколько тамъ же образовалось мѣшаныхъ аріо-европейскихъ языковъ по вторженіи аріо-европейцевъ. Сами армяне сохранили намъ два такихъ мѣшанаго типа яфетическо-аріо-европейскихъ языка. Ихъ мы называемъ для различенія двумя условно распредѣляемыми названіями: одно названіе въ употребленіи только у самихъ армянъ, это—„hайскій" или „гайканскій", другое—международное, это—„армянскій". Одинъ изъ двухъ языковъ Арменіи, гайканскій или hайскій, сейчасъ мертвый языкъ: онъ сейчасъ—языкъ армянской церкви и языкъ древней литературы армянъ. Въ древности онъ былъ не только литературнымъ, но и живымъ. Первоначально живой языкъ одного изъ народовъ Арменіи, на ея юго-востокѣ, на рубежѣ съ Сиріею и Персіею, вмѣстѣ съ возобладаніемъ этого народа по всей Арменіи, hайскій сдѣлался языкомъ армянскихъ князей и феодаловъ и въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ природнымъ языкомъ былъ другой языкъ, армянскій. Послѣдній постепенно сгонялся внизъ и былъ согнанъ въ простонародіе, сталъ въ феодальной Арменіи языкомъ низшаго сословія или простонародія [1]).

Этотъ другой, также древній языкъ, родственный съ первымъ, но

ніи носили діалектическую разновидность названія „хат", т. е. „халд". Однако въ „хат" усматривали прототипъ „hай" на основаніи закона паденія „т" въ й, но этотъ законъ—иранскій, а не армянскій (въ арм. „hайр" *отецъ* „й" также не восходитъ къ „т", какъ и ў въ род. его падежѣ „hаўр"). Зубной въ языкахъ Арменіи могъ перерождиться въ плавный („hаť" > „hар"). Начальный согласный въ „hай" спирантъ, тогда какъ въ „хат" — средній согласный съ аспираціею (такъ называемый „глухой придувной сложный заднеязычный" х) или безъ нея (такъ называемый „придыхательный взрывной глухой заднеязычный—ḱ: „ḱат"). Наконецъ, для „о" полной формы „hайо" (род. пад. мн. числа „hайо-ц") мы не находимъ опоры ни въ „хат", ни въ извѣстныхъ пока его разновидностяхъ. Не скрою, можно найти для всѣхъ этихъ особенностей объясненіе, именно а) „hай" можетъ быть новѣйшею формаціею, отмѣченной обычнымъ, но уже вторичнымъ перерожденіемъ „р" въ й, б) діалектически, напр. у мокцевъ, „hай" произносится „хай", в) появленіе въ основѣ „о" легко объяснить, сращеніемъ съ основой характера именит. падежа (такъ объясняется „о" и въ названіи „*hанох" или „hеніох") и имѣетъ аналогію въ другихъ яфетическихъ этническихъ терминахъ передъ суффиксомъ мн. числа „х" или „ḱ", но при этомъ объясненіи получается черезчуръ много особенностей въ одномъ словѣ, при томъ нѣкоторыя изъ нихъ были бы допустимы лишь въ томъ случаѣ, если бы термина „hай" не существовало довольно рано, по крайней мѣрѣ за нѣсколько столѣтій до X вѣка по Р. Хр.

[1]) Терминъ „армянинъ", у самихъ армянъ принявшій форму „рамик" (вм. „арамик"), сталъ означать „низшее сословіе", „простонародіе". Отсюда „рамкакан", т. е. „армянскій" и у армянъ получилъ значеніе простонародной рѣчи.

самостоятельный, лингвистически равноправный съ нимъ языкъ, дожилъ до нашихъ дней въ многочисленныхъ нарѣчіяхъ и особенно говорахъ.

Въ обоихъ языкахъ Арменіи, и въ hайскомъ (гайканскомъ), и армянскомъ, вмѣстѣ съ аріо-европейскими элементами сошлись яфетическіе. Все то, что даетъ своеобразный, индивидуально-армянскій характеръ обоимъ языкамъ Арменіи, составляетъ ихъ особенность въ звукахъ ли, въ формахъ ли или въ подборѣ словъ, все это въ подавляющемъ большинствѣ или идетъ прямо изъ сокровищницы яфетическихъ языковъ или объясняется вліяніемъ ихъ законовъ, все это братски роднитъ армянъ съ сосѣдями, коренными представителями кавказскаго міра, въ частности, съ грузинами.

Въ самомъ словарѣ армянскомъ элементы яфетическаго происхожденія если и не превышаютъ количественно, они берутъ верхъ по своему интимному значенію, по прикосновенности къ глубинамъ народной психики. Термины родства, какъ-то „отецъ", „мать" и др.— аріо-европейскіе, хотя не всѣ, числительныя—аріо-европейскіе, хотя такъ же не всѣ [1]), но слова для такихъ понятій, какъ *небо, земля, вода, душа-дыханіе*, и значительная часть глаголовъ, выражающихъ душевные аффекты—страхъ, радость и т. п. принадлежатъ къ составу яфетическихъ элементовъ.

Нѣкоторыя стороны культурной жизни почти сплошь выражаются словами яфетическаго происхожденія; таковы—названія деревьевъ и вообще растительнаго міра, съ терминами обработки земли и строительства, земледѣльческихъ орудій, названія металловъ, *золото, серебро, желѣзо, мѣдь*, и различныхъ видовъ колдовства и ворожбы, а въ связи съ этимъ коренныя армянскія слова для понятія *счетъ, число* [2]), названія тѣхъ животныхъ, которыя связаны съ языческимъ культомъ кавказскаго міра и вообще термины его, этого культа, какъ-то — *быкъ, бычекъ, овца, жертвенное животное, жертвоприношеніе, закланіе* и т. п.

Словомъ, армяне вмѣстѣ съ другими народами кавказскаго міра отъ аборигеновъ-яфетидовъ унаслѣдовали земледѣліе, металлургію, культъ, основные элементы торговли, всю мирную культуру.

Первичный соціальный строй въ Арменіи, родовой бытъ, многими

---

[1]) Напр. *два* „ерку", *сто* „hарюр", а также *половина* „кэс" < „кейс" яфетическаго происхожденія.

[2]) Заимствованы изъ персидскаго „hамар" и изъ сирійскаго „hашів", означающія первое—*число*, второе—*счетъ*.

своими терминами перешедшій и въ терминологію позднѣйшаго сословнаго строя, характеризуется словами или полностью яфетическаго происхожденія или представляющими иранскіе, именно персидскіе переводы яфетическихъ терминовъ. Армянскія слова для выраженія такихъ бытовыхъ понятій, какъ *родъ*, *народъ*, *нація* [1]) или *собраніе*, *народъ* [2]), чистѣйшаго яфетическаго происхожденія.

Изъ культовыхъ терминовъ аріо-европейскіе почти всѣ поздняго иранскаго происхожденія. Исключеніе представляетъ общеармянское слово для понятія „Богъ", именно „аствай" или „аспай". Этотъ терминъ, несомнѣнно, является общимъ у армянъ съ западными сородичами, чистыми аріо-европейцами по теоріи господствующаго нынѣ лингвистическаго ученія, именно фригійцами и ѳракійцами. Въ немъ имѣемъ ѳракійскаго бога Сабазія (Σαβάζιος), но происхожденіе самого термина спорное, представляетъ ли оно собою по корню и формѣ слово аріо-европейское или яфетическое.

Для самого коренного аріо-европейскаго слоя въ языкахъ Арменіи до сихъ поръ не опредѣлено окончательно и убѣдительно мѣсто. Его и нельзя было опредѣлить, такъ какъ особенности обоихъ языковъ Арменіи въ значительной степени объясняются прежде всего органически входящими въ ихъ составъ отложеніями до-арійскихъ языковъ Арменіи, языковъ аборигеновъ, яфетическихъ языковъ, между тѣмъ западно-европейскіе арменисты и предпочитающіе слѣдовать за ними языковѣды не дошли еще до представленія о томъ безспорномъ фактѣ, что армяне намъ сохранили два самостоятельныхъ языка своей страны, западно-европейскіе ученые продолжаютъ твердить все объ одномъ языкѣ, и при опредѣленіи положенія этого „одного языка" среди аріо-европейскихъ всѣ свойства, часто даже проистекающія изъ природы разнообразнаго яфетическаго его состава, безсознательно учитываются, какъ характерные признаки особой аріо-европейской группы. Пока ясно одно, что въ коренномъ аріо-европейскомъ слоѣ языковъ Арменіи усматривается нѣкоторая близость и со славянскими языками, по опредѣленію же самихъ аріо-европеистовъ, армянскому языку теперь принято отводить мѣсто между арійскою и славяно-литовской группами.

Аріо-европейскіе элементы у армянъ господствуютъ въ терминахъ военныхъ, въ названіяхъ оружія и военнаго снаряженія, и имѣющихъ

---

[1]) „азг".
[2]) „жогов".

отношеніе къ администраціи и царству. Но эти термины всѣ или почти всѣ—иранскія, именно персидскія слова. Какъ вообще въ предѣлы кавказскаго міра, такъ въ частности въ Арменію аріо-европейцы принесли съ собою военную организацію. Всѣ, и позднѣйшія, завоевательныя нашествія въ Арменію большихъ этническихъ массъ, не исключая сельджуковъ и монголовъ, политически брали верхъ не превосходствомъ своей мирной цивилизаціи, но и не одною физической мощью своихъ дѣвственно-варварскихъ силъ, а ихъ превосходною военною организаціею, основанной на ней или естественно слагавшейся по ея нормамъ государственностью. Нѣсколько въ иномъ родѣ, но какъ будто здѣсь повторялась исторія господства римлянъ надъ греками. Особенно это приходится говорить о возобладаніи первыхъ чистыхъ арійцевъ въ Иранѣ и иранизованныхъ арійцевъ въ сосѣднихъ яфетическихъ странахъ надъ культурными аборигенами. Постепенно господство уже не чистыхъ арійцевъ, а иранцевъ, распространялось и надъ чистыми яфетическими народами; такъ одно время иранскій, именно персидскій родъ былъ царствующимъ домомъ и въ яфетической Грузіи.

Древне-армянское царство, основанное иранцами, пало въ началѣ V-го вѣка по Р. Х.; оно не является непосредственнымъ вкладчикомъ въ національную культуру армянъ, возникшую на христіанскихъ началахъ, хотя еще тогда сложилась въ Арменіи христіанская церковь по нормамъ вселенской церкви. Самостоятельная организація съ мѣстными особенностями, возглавленная независимымъ выборнымъ духовнымъ пастыремъ, католикосомъ, церковь только впослѣдствіи стала однимъ изъ устоевъ армянской національной жизни. Поддерживая поддерживавшіе ее творческія культурно-общественные слои армянскаго народа, она переживала всѣ стадіи его соціальнаго развитія. Она сохраняла значеніе въ лицѣ сплоченнаго въ различныхъ странахъ единой организаціею чернаго духовенства, удерживая за собою руководство въ мірскихъ дѣлахъ и въ эпохи полнаго паденія, когда бѣлое духовенство раздѣляло всѣ послѣдствія этого паденія вмѣстѣ съ угнетеннымъ населеніемъ. Но тогда, при древнемъ армянскомъ царствѣ, христіанская церковь стояла въ сторонѣ отъ династіи, чаще во враждѣ съ нею. Аршакидская династія, персидская по происхожденію, не успѣла національзоваться. Культурные же и художественные вкусы царей Арменіи изъ аршакидовъ если отвлекались отъ родного Ирана, то въ сторону греко-римскаго міра. Какъ офиціальнымъ языкомъ, аршакиды пользовались греческимъ, по тра-

диціямъ, шедшимъ отъ временъ Александра Македонскаго. Монументальныя постройки, возводившіяся ими въ Арменіи, носятъ римскій характеръ, такъ, напр., языческій храмъ въ Гарни близъ Эривани, нынѣ въ развалинахъ, недавно раскопанныхъ. Развитіе городовъ эпохи древняго царства въ значительной степени было достигнуто благодаря переживаніямъ яфетической торговли или путемъ привлеченія иностранныхъ купцовъ, преимущественно евреевъ и арамейцевъ. Національный историкъ Моисей Хоренскій, отражающій взгляды феодальной Арменіи, не скрываетъ своего отношенія къ горожанамъ какъ къ второстепенному элементу армянской націи того времени, хотя и цѣнному для культурной жизни края. Имъ, горожанамъ, отводится второе, именно послѣ князей и служилыхъ людей, мѣсто, выше лишь сельчанъ съ внушеніемъ не слишкомъ кичиться передъ сельскимъ населеніемъ. Взглядъ Моисея Хоренскаго характеризуетъ не реальность эпохи древняго царства, а современность историка, дающаго идеализованное представленіе о первомъ аршакидскомъ царѣ Арменіи согласно національнымъ идеаламъ его времени, приблизительно VIII—IX-го вѣка по Р. Хр. Въ эту эпоху армянскаго національнаго возрожденія и проявляется въ армянской литературѣ идея объединенія не только всей Арменіи, но всѣхъ сложившихся уже національныхъ группъ кавказскаго міра, армянской, грузинской и албанской и обоснованія на этой объединенной силѣ идеи о міровомъ военномъ господствѣ по девизу—„предѣлы (владѣній) доблестныхъ (мужей)—ихъ оружіе: сколько отрубитъ это оружіе, столькимъ они и владѣютъ“.

Такимъ объединителемъ армянскій историкъ выводитъ легендарнаго армянскаго царя Тиграна. Еще ярче чертами этого идеала тотъ же историкъ надѣляетъ исторически извѣстнаго перваго аршакидскаго царя Арменіи.

Въ религіозномъ отношеніи памятники эпохи національнаго возрожденія ту же идею объединенія проводятъ путемъ изложенія успѣховъ христіанства въ Арменіи. Принятіе христіанства армянами излагается какъ обще-кавказское дѣло, объединяющее съ армянами грузинъ и албановъ, даже абхазовъ; собственно здѣсь представлено объединеніе съ царемъ армянскимъ царей абхазскаго, грузинскаго и аланскаго или албанскаго. Идеею такого братскаго объединенія кавказскихъ народовъ на основѣ христіанскаго ученія увлекались не только армянскіе патріоты, но и одинъ изъ глубокихъ мыслителей православной Византіи, патріархъ Фотій. Мы не будемъ терять времени надъ безвозвратно ушедшими перспективами положенія, которое могло

утвердиться въ интересахъ культуры въ Малой Азіи, если бы Византія способна была усвоить эту тогда творческую и для нея идею: царьградскіе политики не только были далеки отъ идеи Фотія, но и дѣлали все, что было въ ихъ силахъ, чтобы вызвать раздоры въ кавказскомъ мірѣ и содѣйствовать по частямъ и въ цѣломъ разрушенію этого могущественнаго фактора, тогда единственнаго оплота на Востокѣ христіанской культуры, за ослабленіемъ котораго послѣдовало не только хронологически, но и въ причинной связи паденіе Византіи.

Въ отношеніи вообще культуры памятники той же эпохи возрожденія все ту же идею объединенія проводятъ въ изложеніи успѣховъ просвѣщенія на христіанской основѣ. Изобрѣтеніе армянскаго алфавита изображается какъ событіе, имѣющее общекавказское значеніе, но время автора или среда, въ которой онъ вращался, не считается уже съ албанами какъ съ самостоятельнымъ національнымъ коллективомъ, и въ этомъ общекавказскомъ дѣлѣ за армянскимъ царемъ принимаетъ участіе лишь грузинскій царь.

Однако древніе армянскіе цари не при чемъ, когда идетъ рѣчь о насажденіи христіанской вѣры и христіанской письменности на мѣстныхъ языкахъ въ кавказскомъ мірѣ. Когда христіанство пустило корни по всей Арменіи и началась его національзація, первымъ актомъ которой было изобрѣтеніе алфавита не только армянскаго, но и грузинскаго, тогда древняго армянскаго царства, по всѣмъ видимостямъ, и не существовало. Лишь національзованная мѣстная христіанская легенда могла связывать изобрѣтеніе армянскаго алфавита съ дѣятельностью или со временемъ послѣдняго вѣнценосца, длительно царствовавшаго, изъ армянскихъ аршакидовъ. Это дань эпохи возрожденія увлеченію идеею связать себя не только съ родственными народами, но и съ прошлыми судьбами родной страны, своеобразно утвердить непрерывность національныхъ традицій отъ начала вѣковъ. На самомъ дѣлѣ соціальной средою, въ которой получалъ утвержденіе такой національный устой, какъ родная церковь, являлась знать, армянскіе феодалы. Изобрѣтена была письменность впервые безвѣстными миссіонерами на юго-востокѣ Арменіи, переведены были первыя книги, св. Писаніе, на мѣстный hайскій (гайканскій) языкъ, и какъ успѣху христіанской литературы, такъ гайканскаго ея языка, для себя родного, армянскіе феодалы содѣйствовали по лицу всей Арменіи.

За періодъ иранизма Арменія была въ узлѣ міровыхъ событій

Востока. Столкновеніе языческаго Востока и христіанскаго Запада не только развертывалось въ Арменіи, но происходило при участіи ея обитателей, беззавѣтныхъ борцовъ за крестъ. Извѣстная „«Борьба за вѣру» въ феодальной Арменіи V-го и VI-го вѣка, не есть случайный эпизодъ съ результатомъ, замирающимъ въ географическихъ предѣлахъ армянской земли. Это—звено въ цѣпи непрерывныхъ столкновеній двухъ различныхъ религіозно-соціальныхъ міровъ: въ длительной борьбѣ интересы одной стороны, христіанской, защищаются отдѣльными или совокупными выступленіями на поле брани христіанскихъ народовъ „кавказскаго міра“, и лишь постепенно втягивается въ нее византійская имперія. Плѣненіе Іерусалима было однимъ изъ эпизодовъ все той же борьбы, за которымъ воинствующій тогда христіанскій народъ, армянскій, слѣдилъ съ живѣйшимъ участіемъ, какъ за роднымъ дѣломъ. Но съ меньшимъ интересомъ относился къ событію въ св. Градѣ грузинскій народъ, несшій тотъ же крестъ въ предѣлахъ своего родного края, гдѣ борьба не отвлеченнаго, а обобществленнаго христіанства съ персидскою религіею въ лицѣ одухотворенной ею государственной организаціи не прерывалась и въ VII-мъ вѣкѣ“.

Понятно, искусство въ Арменіи той же эпохи развивается по нормамъ міровыхъ теченій, проявляетъ себя, напр., въ зодчествѣ, въ воспроизведеніи того или иного типа древне-христіанскаго строительства, внося лишь тѣ мѣстныя особенности, которыя связаны съ традиціями мѣстной техники и съ мѣстнымъ матеріаломъ, а равно съ переживаніями восточно-христіанскаго сирійскаго искусства и присущими странѣ иранскими художественными вкусами.

Столь же вселенскими являются темы, излюбленныя въ процвѣтавшей уже на мѣстномъ языкѣ литературѣ. Одно количество догматическихъ и полемическихъ трактатовъ, переводныхъ и оригинальныхъ, свидѣтельствуетъ о чрезвычайно напряженной работѣ богословской мысли въ Арменіи. Увлекаясь общими для всего христіанскаго міра христологическими вопросами, армянскіе писатели пріобщали широкіе общественные круги къ этой идейной борьбѣ не въ одной Арменіи, при чемъ борющіяся стороны распредѣлялись не по національнымъ признакамъ, а по церковно-общественнымъ теченіямъ: въ одномъ лагерѣ часто оказывались представители различныхъ національностей, одна и таже національность раскалывалась на противоборствующія партіи. Это религіозно-умственное броженіе осложнилось тѣмъ жизненнымъ подъемомъ, который получился въ силу одного факта болѣе тѣснаго

общенія персидскихъ и греческихъ армянъ, отъ ихъ объединенія. Естественно, руководящая роль греческой образованности усилилась объединеніемъ доброй части армянскихъ земель, отошедшихъ отъ Персіи, съ Византіею, гдѣ ревнующее о христіанствѣ армянское княжеское сословіе получало базу для сосредоточенія своихъ силъ.

Національнаго самосознанія, выраженнаго въ литературѣ, мы въ ту эпоху еще не замѣчаемъ. Сами феодалы являются носителями иранскихъ традицій, все равно, выступаютъ ли предъ нами въ нихъ приверженцы старо-христіанскаго теченія на основѣ восточной сирійской образованности, или воспитанники греческаго просвѣщенія.

Но въ средѣ армянскаго духовенства происходитъ борьба литературныхъ школъ, сирофильской и грекофильской, которая подготовляетъ почву для національнаго направленія, съ уклономъ отъ болѣе родного иранскаго культурнаго міра въ сторону греческаго просвѣщенія.

Съ исходомъ борьбы связаны освобожденіе отъ односторонняго церковнаго вліянія сирійской школы, непосредственное воспріятіе греческой образованности вплоть до философской и грамматической школъ, усовершенствованіе алфавита, исправленія переводовъ св. Писанія, ростъ самостоятельныхъ національныхъ интересовъ, въ связи съ которыми въ литературѣ растетъ интересъ къ краевымъ историческимъ темамъ.

Феодалы содѣйствовали развитію литературной дѣятельности въ обителяхъ спеціальными вкладами въ нихъ и основаніемъ цѣлыхъ монастырей. Въ монастыряхъ сложилась и развилась при поддержкѣ однихъ, въ жестокой борьбѣ съ другими не одна литературная школа, не одно религіозно-литературное и научно-литературное направленіе. За чисто миссіонерскимъ религіознымъ учительствомъ подъ вліяніемъ греческой образованности развилось грекофильское просвѣтительное теченіе. Послѣднее, обоснованное на глубокомъ самостоятельномъ усвоеніи греческой философіи, главнымъ образомъ Аристотеля, мирно подготовляло вмѣстѣ съ возрожденіемъ свѣтскаго просвѣщенія выясненіе самобытныхъ началъ армянской народной жизни, національное направленіе, когда разразилась первая по паденіи древняго царства опустошительная гроза въ феодальной Арменіи. Разрушеніе отъ этой грозы внутри Арменіи является межой между двумя внѣшними или наносными факторами, чистымъ иранизмомъ и иранскимъ мусульманствомъ. Межа проходитъ черезъ конецъ VIII-го вѣка, когда страна была совершенно разорена арабами, феодалы подверглись жестокому истреб-

ленію, величественныя произведенія христіанскаго зодчества были разрушены. Словомъ, плоды всей культурной работы предшествующихъ вѣковъ были сведены на нѣтъ. Фрагментовъ хотя бы одной изъ этихъ монументальныхъ построекъ, недавно извлеченныхъ изъ-подъ земли близъ Эчміадзина, достаточно, чтобы наглядно свидѣтельствовать о культурномъ размахѣ эпохи.

Разгромъ Арменіи арабами вызываетъ въ образованныхъ кругахъ сантиментально-романтическое настроеніе. На плачѣ о столь близко стоящихъ утратахъ возникаетъ идеализація прошлыхъ судебъ родины. Нарастающіе національные идеалы содѣйствуютъ перестройкѣ армянской исторіи или совершенно новому строительству въ этой области согласно новымъ національно-политическимъ взглядамъ. Намѣчается любопытнѣйшее явленіе, систематическая реставрація спасенныхъ отъ разгрома древнихъ литературныхъ памятниковъ. Сохранившіяся части и фрагменты, а также несовсѣмъ еще порванная связь съ наиболѣе культурнымъ райономъ Арменіи, центральнымъ съ городомъ Двиномъ во главѣ, содѣйствуютъ поддержанію высоты литературнаго стиля или по крайней мѣрѣ удачному его архаизированію.

На юго-востокѣ таетъ народъ, говорившій на hайскомъ (гайканскомъ) языкѣ. Исчезаетъ изъ живого обихода hайскій (гайканскій) языкъ, оставивъ глубокій слѣдъ своей природы въ южныхъ говорахъ другого, армянскаго, языка. Въ этомъ дѣленіи говоровъ на южно-армянское и сѣверно-армянское нарѣчія отражается соотвѣтственное этнографическое различіе армянскаго населенія, имъ опредѣляются въ дальнѣйшемъ два культурныхъ теченія въ исторіи армянскаго народа.

Рѣдѣютъ ряды феодаловъ, поддерживавшихъ на всей территоріи Арменіи чистоту и господство hайской (гайканской) рѣчи. Феодалы въ большинствѣ или истреблены или уходятъ одни въ халифатъ, другіе въ Византію. Тѣ и другіе, какъ принято выражаться, „денаціонализуются“, собственно постепенно теряютъ лишь признаки національнаго лица, исповѣданіе или вообще вѣру и языкъ, но не теряютъ природнаго и внутренняго облика, не теряютъ духовныхъ качествъ, унаслѣдованныхъ ими отъ родной націи, заложенныхъ въ нихъ многовѣковою работою кавказскаго культурнаго міра.

Можно бы составить монументальный томъ изъ тѣхъ страницъ исторіи разныхъ народовъ, на которыхъ начертаны военные подвиги или общественно полезные труды армянскихъ выходцевъ, сначала знатныхъ и родовитыхъ, а впослѣдствіи и неродовитыхъ. Передъ

человѣчествомъ это не менѣе памятная заслуга, но эти дѣла не касаются непосредственно моей темы, судебъ коренной Арменіи.

Здѣсь наиболѣе культурныя, политически главенствовавшія центральныя области того времени съ великимъ торговымъ городомъ Двиномъ, войдя въ составъ халифата, образуютъ полунезависимыя мусульманскія княжества, эмирства. Армянскіе феодалы, оставшіеся вѣрными родной землѣ и свободѣ, ищутъ опоры внутри Арменіи, въ незанятыхъ арабами частяхъ, гдѣ образуются независимыя княжества, будущія царства. Изъ нихъ особую устойчивость и первенствующее значеніе пріобрѣтаетъ княжество, обосновавшееся въ наиболѣе отдаленной на сѣверъ части коренной Арменіи, въ предѣлахъ нынѣшней Карсской области. Зарожденіе этихъ княжествъ не случайно совпадаетъ съ эпохою національнаго пробужденія Персіи, протеста ея иранскаго духа противъ всенивелирующаго исламизма. „На до-мусульманскій иранскій міръ армянскіе феодалы смотрѣли, какъ на родную старину: въ преданіяхъ его воспитывались, именами его героевъ назывались, и, тогда какъ исламъ въ самой Персіи перерождалъ въ новыя формы соціальный строй, отраженный въ иранскихъ эпическихъ сказаніяхъ, въ Арменіи онъ долго еще продолжался въ сравнительной цѣльности и непочатости“. И армянскіе князья не безъ основанія могли притязать на славу лучшихъ хранителей домусульманскаго иранизма.

За ослабленіемъ hайской (гайканской) рѣчи, сплошь насыщенной иранскими персидскими словами и оборотами, усиливается вліяніе мѣстнаго языка, другого языка Арменіи, прямого родителя современнаго армянскаго языка, и христіанская культура становится сравнительно болѣе доступной народу. Въ народѣ возникаетъ религіозное броженіе, вызываемое реагированіемъ переживаній яфетической вѣры. Возникаютъ мѣстныя секты, одна изъ которыхъ подъ названіемъ павликіанства впослѣдствіи пріобрѣтаетъ міровое значеніе, осложняясь въ своемъ движеніи на западъ новыми чертами и перерождаясь въ новыя формы. Изъ вселенскихъ христіанскихъ ученій одно, монофизитское, осложнившись нѣкоторыми особенностями, сблизившими его съ ортодоксальной церковью, становится національнымъ армянскимъ, и цѣлыя области съ православнымъ армянскимъ населеніемъ отпадаютъ отъ армянства, приращая или греческое, или грузинское населеніе, сливаясь съ тѣмъ или другимъ. Борьба съ греко-православнымъ вѣроисповѣданіемъ съ чисто церковной почвы сходитъ на національную: это уже борьба армянъ или съ греками или съ грузи-

нами, хотя бы исповѣдниками грекоправославной вѣры являлись чистокровные армяне.

Древнехристіанское искусство уступаетъ мѣсто новому, національному; постепенно зарождаются новыя конструктивныя формы въ зодчествѣ, новые декоративные мотивы, но первое время и долго, вплоть до X-го вѣка, строители заняты возстановленіемъ разрушенныхъ храмовъ, ихъ реставраціею. Впослѣдствіи, по возникновеніи новаго армянскаго царства въ X-мъ—XI-мъ вѣкѣ, цари соперничаютъ другъ съ другомъ великолѣпіемъ сооружаемыхъ ими храмовъ; рядомъ съ новыми типами въ столицѣ Ани воспроизводятся величественныя церкви по образцамъ монументальныхъ построекъ Арменіи изъ эпохи древнехристіанскихъ вселенскихъ ея идеаловъ. Одинъ такой типъ въ нѣмецкой ученой литературѣ породилъ мысль, плодъ увлеченія, о происхожденіи Ахенскаго собора съ Востока, о возможномъ участіи армянскихъ мастеровъ въ его постройкѣ.

Феодалы содѣйствуютъ развитію литературной дѣятельности въ обителяхъ спеціальными вкладами въ нихъ на ученыхъ монаховъ и основаніемъ монастырей, обширныхъ культурныхъ организацій, именовавшихся метрополіями.

Усиленіе церковно-національнаго теченія поддерживается вѣковыми учрежденіями, имѣвшими корни въ сѣдой старинѣ и въ вѣрованіяхъ народа. Христіанское духовенство въ народномъ представленіи заступаетъ мѣсто главенствовавшаго въ языческую пору жреческаго сословія жертвосовершателей, кудесниковъ и пророковъ. Національное духовенство давно уже съорганизовалось, сложилось въ формѣ строго опредѣленной іерархіи. Внѣ церковной іерархіи получаетъ широкое развитіе орденъ духовныхъ учителей, самопополняющійся избраніемъ посвященныхъ и представляющій пересаженную въ церковный міръ цеховую организацію. Само званіе члена этого ордена, вардапетъ *учитель*, сохраняетъ названіе главы какъ бы цеха каменьщиковъ или зодчихъ, такъ какъ vardapet означало также *главу мастеровъ, архитектора*.

Происходитъ пересмотръ всей исторической литературы съ точки зрѣнія церковно-національныхъ интересовъ, возникаютъ новые и вновь редактированные труды по всѣмъ областямъ церковной жизни на тѣхъ же основаніяхъ.

Новая среда съ особымъ народнымъ языкомъ вынуждала къ приспособленію литературныхъ памятниковъ къ живому народному языку; однако обиліе элементовъ изъ живой рѣчи въ произведеніяхъ со-

здаетъ ихъ неуспѣхъ въ литературныхъ кругахъ. Писатели, исключительно духовныя лица, вѣрные традиціямъ мертваго языка, естественно мѣшаютъ сдѣлать письменность доступной массѣ населенія, сдѣлать ее истинно народной. Съ перваго же момента возрожденія феодалы содѣйствуютъ возникновенію трудовъ по національной исторіи своими запросами, заданіями описать дѣянія ихъ родовъ. Багратиды, князья, особенно носились съ мыслью собрать народныя сказанія иранскаго происхожденія: имъ рисовалась перспектива возстановленія царства въ Арменіи на началахъ иранской культуры, родной для армянскихъ феодаловъ, въ противовѣсъ мусульманской цивилизаціи, но армянскіе писатели, взрощенные на греческихъ образцахъ, гнушались всего иранскаго не менѣе, чѣмъ мусульманскаго. Въ увлеченіи церковно-національной идеею, связь всего яфетическаго міра устраняется изъ историческихъ сочиненій, обще-кавказское значеніе культурныхъ пріобрѣтеній Арменіи затемняется.

Армянскіе цари Багратиды, возстанавливавшіе иранскія традиціи, провозгласили себя шаханшахами, т. е. царями царей, и, идя по историческому пути объединенія яфетическихъ народовъ, успѣли стать царями армянскихъ и грузинскихъ областей, что дало имъ основаніе внести въ свою титулатуру званіе—„вѣнценосецъ армянъ и грузинъ“. Но значеніе армянскаго царя затмевалось общенаціональнымъ духовнымъ главою Арменіи, католикосомъ, власть котораго уже тогда, освященная многовѣковою традиціею, распространялась на всѣхъ армянъ, далеко за предѣлами армянскаго Багратидскаго царства.

Въ то же время внутри края съ одной стороны ростъ матеріальныхъ богатствъ и скопленіе ихъ въ рукахъ немногочисленной знати и феодализованныхъ средою представителей церкви, съ другой—крестьянское населеніе, угнетенное поборами владѣтельныхъ князей и церкви, и жестокое преслѣдованіе иномыслія, въ частности народныхъ религіозныхъ движеній свѣтскими и духовными князьями міра, утонченно развитыми по книгамъ.

Извнѣ, враждебныя дѣйствія Византіи въ связи съ тѣмъ, что мусульмане признали международное значеніе кавказскаго міра, этихъ, по тогдашней терминологіи, „сѣверныхъ народовъ“, прежде всего суверенитетъ армянскихъ царей. Походы Византіи въ Грузію приняли характеръ карательныхъ экспедицій, а затѣмъ послѣдовало вѣроломное приглашеніе армянскаго царя изъ столицы Ани и паденіе въ 1043 г. послѣдняго армянскаго царства въ коренной Арменіи, словомъ, временная дезорганизація восточнаго оплота христіанства,

что̀ и сдѣлало возможнымъ лѣтъ двадцать спустя безпрепятственное вторженіе тѣхъ турокъ, сельджуковъ, которые впослѣдствіи положили конецъ Византіи.

Разгромомъ сельджуками сѣверной Арменіи съ ея художественно-богатой столицею Анѝ, послѣдняго убѣжища національной культуры на родной землѣ, казалось, положенъ былъ конецъ національному существованію армянскаго народа у себя. Такъ мыслили сами армянскіе историки. Дѣйствительно, послѣ разгрома сельджуками не осталось камня на камнѣ. По камнямъ, извлекаемымъ въ наше время раскопками изъ-подъ земли, читаемъ, что въ коренной Арменіи замерло строительство съ 1061 г. по 1150 г., но и тамъ не замирала культурная работа. Духъ былъ сокрушенъ и искалъ утѣшенія во внутреннемъ религіозномъ „обновленіи человѣка путемъ непосредственнаго общенія съ Богомъ, внѣ церковной обрядности и іерархіи“.

Народно-религіозныя движенія усилились въ Арменіи еще раньше, въ X и XI вѣкахъ, но родная офиціальная церковь объявила имъ жестокую войну. Въ этихъ движеніяхъ интересъ представляетъ дервишизмъ, христіанскій дервишизмъ, проповѣдывавшійся въ началѣ XI вѣка Іаковомъ изъ Харка, нынѣшняго Баязидскаго пашалыка: „босоногіе, въ грубыхъ шерстяныхъ одеждахъ, ученики его и изъ знатныхъ, но больше изъ народа, проповѣдывали чистоту жизни, постъ, покаяніе и самоусовершенствованіе, отрицая священство и обряды офиціальной церкви. Это было сильное религіозно-народное движеніе, ставившее себя выше вѣроисповѣдныхъ предубѣжденій и потому заразительное не для однѣхъ христіанскихъ общинъ“. Оно и сказалось впослѣдствіи въ малоазійской мусульманской средѣ, гдѣ на сродныхъ народно-религіозныхъ началахъ возникло религіозно-мусульманское братство, сыгравшее въ XIV вѣкѣ большую роль.

Въ самой Арменіи народнымъ массамъ не довелось использовать въ широкихъ размѣрахъ тѣ же творческія начала, такъ какъ жестокое преслѣдованіе со стороны церкви было поддержано армянскими феодалами, а возобладавшій затѣмъ новый классъ, армянская буржуазія, стоялъ въ сторонѣ какъ отъ простого народа, такъ вообще отъ его религіозныхъ интересовъ.

Армянское царство возродилось и феодализмъ расцвѣлъ въ Киликіи, въ колоніи, основанной эмигрантами феодальной Арменіи на далекомъ юго-западѣ у береговъ Средиземнаго моря. Эмиграція сюда земледѣльческаго населенія, подготовившая почву для этого успѣшнаго дѣла, началась давно изъ южной Арменіи, вошедшей въ со-

ставъ халифата. Киликійское колоніальное армянское государство имѣло громадное значеніе для исторіи культуры и въ коренной Арменіи. Оно открыло путь армянамъ въ Европу, отчасти сблизило ихъ съ нею. И тенденція этихъ собственно южныхъ армянъ связать себя культурно съ западной Европой, католической, уже тогда вызвала сильный протестъ въ сѣверныхъ армянахъ. Главная масса памятниковъ древне-армянской литературы носитъ печать работы киликійскихъ армянъ. Въ Киликіи развилось особое армянское искусство, такъ называемое западно-армянское, собственно южно-армянское. Здѣсь положено начало новому армянскому литературному языку, именно южному, опять-таки по позднѣйшей оріентаціи именуемому западнымъ, хотя въ основѣ его лежитъ именно южно-армянское нарѣчіе.

Въ коренной Арменіи впрочемъ не повсюду сразу оборвалась нить феодальной жизни. Послѣ разгрома Анѝ княжеская среда съ армянскими національными стремленіями сохранилась въ сѣверо-восточной Арменіи, гдѣ впослѣдствіи образовалось хаченское княжество, игравшее выдающуюся роль при монгольскомъ владычествѣ. Центръ культурной жизни коренной Арменіи, нѣкогда бывшій на ея южной окраинѣ, національными преданіями помѣщаемый въ сирійскихъ городахъ Низибинѣ и Едессѣ, все время оттѣснялся на сѣверъ. Территоріальные этапы этого движенія, начиная съ легендарныхъ временъ національной культуры—Едесса, Двинъ, Ани. Но пульсъ національной культурной жизни, замиравшій въ славномъ городѣ Ани, опять забилъ, перемѣстившись навсегда въ новую, на этотъ разъ не территоріальную, а въ соціальную среду. Политическій же центръ коренныхъ армянъ ушелъ изъ Анѝ, однако не въ Грецію, куда вѣроломно увели послѣдняго представителя армянской царской власти, не въ Киликію, гдѣ открытая западно-европейскому вліянію жизнь не представляла достаточно гарантій сохраненія національныхъ устоевъ, и не въ Хаченское княжество, подверженное давленію сильныхъ противухристіанскихъ народовъ, а въ сродную по крови и по культурнымъ традиціямъ яфетическую страну на сѣверѣ, гдѣ слагался, уже успѣлъ въ значительной мѣрѣ сложиться и окрѣпнуть самостоятельный національный коллективъ, грузинскій. Этимъ по существу было закрѣплено или предуготовлено, будущее еще, естественное направленіе общеармянской жизни, ея оріентація на Сѣверъ.

Въ Передней Азіи это была эпоха расцвѣта мелкихъ царствъ и княжествъ какъ христіанскихъ, такъ и мусульманскихъ. Съ перевѣ-

сомъ силъ мелкихъ христіанскихъ царствъ связаны и Крестовые походы изъ Европы. Въ кавказскомъ мірѣ къ моменту разрушенія дѣла армянскихъ Багратидовъ, стремившихся сплотить подъ своимъ стягомъ всѣ яфетическіе народы, къ моменту паденія новаго армянскаго царства развивалось и крѣпло новое грузинское царство, основанное однимъ изъ временныхъ вожаковъ-народовъ грузинскаго коллектива, абхазами. Созданное также Багратидской династіею, абхазское царство, направляемое византійской политикою, первое время боролось съ армянскимъ царствомъ, но, сокрушивъ господство мусульманъ на Кавказѣ и изгнавъ ихъ изъ Тифлиса, оно развилось въ грузинскій національный коллективъ, постепенно сплотившій собою всѣ кавказскія племена, всѣ яфетическіе и полу-яфетическіе народы, въ числѣ послѣднихъ и армянскій народъ. Отражая историческій ходъ событій, грузинскіе Багратидскіе цари начинали свою титулатуру словами: царь абхазскій, царь грузинскій, царь армянскій и т. д. Въ самое блестящее время этого новаго грузинскаго царства, начало XIII вѣка, опять выдвинулось значеніе городовъ. Съ ростомъ армянскихъ новыхъ городовъ, въ первую голову — возродившагося Анѝ, стоитъ нарожденіе родной армянской буржуазіи. Армянскіе князья еще существовали и здѣсь играли большую роль, но не какъ національно-организованная армянская общественная сила. Мѣсто такой національной общественной силы въ коренной Арменіи заступила буржуазія, богатый торговый и ремесленный классъ съ міровыми связями. Благодаря ей возродилась культурная жизнь коренной Арменіи. Въ литературу внесено было мѣщанское свѣтское теченіе. Создалось новое армянское искусство, архитектурные шедевры котораго и сейчасъ, въ развалинахъ, вызываютъ восторгъ самыхъ тонкихъ цѣнителей искусства. Рядомъ съ церковнымъ развилось гражданское городское зодчество на широкой базѣ болѣе тѣснаго общенія съ иранско-мусульманскимъ искусствомъ. Армянскіе архитекторы этой школы въ числѣ другихъ христіанскихъ художниковъ, сирійцевъ и грековъ, были строителями памятниковъ мусульманскаго искусства въ сельджукскомъ турецкомъ царствѣ. Весь этотъ національный культурный подъемъ у армянъ былъ связанъ съ накопленіемъ громадныхъ матеріальныхъ средствъ. Оборотная сторона медали — сосредоточеніе этихъ богатствъ въ рукахъ крупной буржуазіи и монастырей, экономическая порабощенность мелкаго городского ремесленно-рабочаго люда и крестьянскаго населенія, требовавшая своего мирнаго разрѣшенія, и разрѣшеніе это налаживалось внутреннимъ путемъ,

путемъ мирной эволюціи, судя по подъему культурнаго уровня самыхъ низшихъ слоевъ городского населенія, судя по распространенію и въ этой средѣ національной армянской грамотности. Но снова налетѣлъ ураганъ — монгольское нашествіе: оно сокрушило грузинское государство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ цвѣтущіе города, въ числѣ ихъ Ани, стали быстро падать подъ тяжестью монгольской сложной системы поборовъ. По изысканіямъ извѣстнаго нашего историка Востока академика Бартольда [1]) Грузія съ входящими въ ея составъ частями коренной Арменіи доставляла въ монгольскую казну 901.500 р., т. е. эта страна „по своей доходности стояла значительно выше большей части другихъ областей монгольскаго государства". При прежнихъ грузинскихъ царяхъ монгольской эпохи доходъ той же области равнялся тремъ милліонамъ семи стамъ и пятидесяти тысячамъ рублей, тогда какъ во Франціи того же времени, такъ въ 1311 году, „обыкновенные доходы составляли всего около трехъ милліоновъ современныхъ франковъ". Монгольскіе ханы принимали мѣры возстановить прежнюю доходность армянской земли, въ частности города Анѝ, предоставили ему особое автономное положеніе, но это не спасло города, и началась эмиграція армянской богатой буржуазіи, армянскаго торгово-промышленнаго класса изъ коренной Арменіи. Были и другія обстоятельства, содѣйствовавшія невольному, иногда и вольному, эмиграціонному движенію армянъ, начавшемуся значительно раньше, изъ родной ихъ страны, гдѣ съ давнихъ поръ, еще со времени господства арабовъ, мѣста коренныхъ жителей занимали мусульмане, сначала арабы и персы, а впослѣдствіи и турки. Армяне распались на двѣ части, угнетенныхъ гражданъ, основную массу націи, на родной землѣ и разбросанныхъ по различнымъ странамъ, тоскующихъ по родинѣ свободныхъ гостей на чужбинѣ.

На родинѣ оставались два оазиса, гдѣ еще не было вполнѣ утрачено реальное чувство свободы: на сѣверо-востокѣ—въ Карабахѣ, тогда въ предѣлахъ Персидскаго царства, нынѣ Елисаветпольской губерніи, гдѣ въ мѣстныхъ меликахъ сохранялись остатки національнаго дворянскаго сословія, пережитки феодальнаго строя; на юго-западѣ—въ Зейтунѣ, независимые по условіямъ родной природы армяне-горцы. Вся остальная масса сплошь представляла собою крестьянское сословіе, земледѣльцевъ и мелкій ремесленный людъ. Каждый годъ,

[1]) Анійская серія, № 5, стр. 23.

каждый день для нихъ порождалъ лишь новыя обиды, новыя притѣсненія, новыя униженія, и такъ длилось безпросвѣтно въ продолженіе четырехсотъ, пятисотъ лѣтъ, а гдѣ и больше. Эти армяне были покидаемы и своими болѣе счастливыми кровными земляками, уходившими изъ родного края въ преуспѣвавшіе крупные турецкіе города и ихъ окрестности, гдѣ, особенно въ Стамбулѣ, скопились десятки и сотни тысячъ богатаго или съ достаткомъ армянскаго населенія, оторваннаго отъ родной земли. Народу, давно не знавшему ни общественной радости, ни общественной печали внѣ христіанской церкви, націи-исповѣдницѣ, изнемогавшей, почти разбитой отъ тысячелѣтней борьбы за христіанскаго Бога, предуготовлялась безпримѣрная по жестокости участь. Усиливаясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, эмиграція сокращала площадь армянскаго населенія въ родной Арменіи, угрожала всему армянству разсѣяться по лицу земли среди иноплеменниковъ, разстаться на вѣки съ родною землею.

Вѣрные ей, этой родной землѣ, обречены были, казалось, на медленное, но вѣрное духовное и физическое вымираніе безъ поддержки, безъ помощи. Оставалась церковь, но и церковь, замершая въ традиціонныхъ формахъ, здѣсь падала сообразно съ паденіемъ питавшей ее среды и погасала. Въ довершеніе, малокультурные угнетатели принимали спеціальныя мѣры, чтобы привести къ паденію общественную красоту армянской жизни, церковное зодчество, уничтожить нѣмыхъ свидѣтелей расцвѣта національнаго искусства.

Запрещено было строить новыя церкви и возобновлять старыя. Въ XV вѣкѣ художественные идеалы и техническіе навыки недавняго прошлаго еще давали энергію армянамъ добиваться цѣною большихъ матеріальныхъ жертвъ разрѣшенія строить церкви, возможности проявить національное творчество въ архитектурныхъ линіяхъ, но что разрѣшала одна власть, то отмѣняла другая, болѣе высокая. Въ 1443 г. въ городѣ Амидѣ былъ законченъ постройкой съ разрѣшенія эмира Отмана высокій куполъ церкви съ пышной художественной рѣзьбою. Эта царственная красота возбудила фанатичную чернь. По ея настоянію вышло повелѣніе болѣе высокой власти: куполъ былъ разрушенъ, и высоту зданія сравняли съ высотой жилыхъ домовъ города. Строитель церкви, епископъ и извѣстный поэтъ, могъ бы изъ исторіи Арменіи напомнить варварамъ нѣчто назидательное и для нѣкоторыхъ современныхъ намъ европейцевъ. Много сотенъ лѣтъ раньше на жалобу персидскаго намѣстника Арменіи, начальника гарнизона въ армянскомъ городѣ Двинѣ, что армяне строятъ

церковь св. Григорія „очень близко у крѣпости, и это опасно“, персидскій царь, язычникъ, но сынъ культурнаго Ирана, повелѣлъ: „разрушить крѣпость, и достроить до конца церковь на своемъ мѣстѣ“ [1]).

Но почти наканунѣ, за десять лѣтъ до паденія Византіи, политическимъ хозяевамъ Арменіи не хватало вкуса культурныхъ рѣчей. Не имѣя силъ перенести ударъ, строитель Амидской церкви покинулъ родину, ища на чужбинѣ утѣшенія въ полныхъ міровой скорби пѣсняхъ, которыя онъ слагалъ объ армянахъ скитальцахъ-эмигрантахъ.

Покинутая основная часть одного изъ культурнѣйшихъ народовъ христіанскаго Востока заключена была въ клѣтку искусственнаго одичанія, низведена на позорное положеніе райи, презрѣнной въ глазахъ физически господствовавшаго мусульманскаго народа. И это покинутое крестьянское населеніе находило еще силы, чтобы сохранить признаки своего національнаго лица: языкъ, вѣру и чувство національной гордости. Его поддерживало въ національномъ самосохраненіи христіанство, но уже не церковное, а бытовое съ его вѣковыми народными богомоліями, народными сборищами на нихъ и народными играми; его воспитывала литература, но не писаная, а устная народная, съ народными цѣвцами ашугами, въ свою очередь вліявшими на духовныхъ писателей; его воодушевляла исторія, но уже не книжная, а живая, выраженная въ народныхъ преданіяхъ и художественныхъ формахъ развалинъ древнихъ національныхъ построекъ. Этихъ средствъ, однако, было недостаточно, чтобы долго сохраняться хотя бы главному нерву національнаго лица, живому языку; живой армянской рѣчи угрожала гибель, ее заливали потоки мусульманской рѣчи персидской, арабской и турецкой; живые армянскіе говоры восприняли въ угрожающихъ ихъ бытію размѣрахъ ново-персидскія, курдскія, арабскія и особенно турецкія слова и выраженія. Говорившее на нихъ населеніе, перемѣшанное съ мусульманскимъ, постепенно съ рѣчью мусульманъ начинало усваивать ихъ психологію, кое-гдѣ перешло въ исламъ и, смотря по району, объарабилось или отуречилось. Бывшихъ въ ея распоряженіи культурныхъ средствъ было еще менѣе достаточно, чтобы дезорганизованная, покинутая на произволъ судьбы, народная масса самостоятельно могла ковать для себя лучшее будущее. И вотъ тутъ-то на помощь поспѣваютъ армянскія колоніи.

Первые армянскіе переселенческіе потоки шли по руслу торговыхъ связей, образовавшихся у коренной Арменіи съ различными народами міра. За армянскимъ торговымъ классомъ въ облюбован-

[1]) Себеосъ, гл. XVII.

ныхъ имъ районахъ, хорошо знакомыхъ по дѣловымъ сношеніямъ, осѣдалъ и армянскій земледѣльческій классъ.

Еще въ эпоху расцвѣта арабской торговли выдвинулись армянскіе купцы. На Волгѣ въ предѣлахъ древняго Болгарскаго царства процвѣтала армянская торговая колонія. Съ XIII вѣка и позднѣе армянскія колоніи появляются усиленно не только въ сосѣдней Грузіи, но и въ Средней Азіи, въ Крыму, гдѣ армянская колонія одно время именовалась Приморской Арменіею (Armenia Maritima), въ Польшѣ, гдѣ армянамъ было предоставлено судиться по своимъ законамъ, и въ латинскихъ странахъ. Переселенческій потокъ возросъ съ паденіемъ колоніальнаго армянскаго царства (Киликійскаго) въ 1375 году, менѣе, чѣмъ за столѣтіе до взятія турками Царьграда.

Къ вольнымъ эмиграціямъ присоединилось выселеніе противъ воли: персидскій царь въ XVII вѣкѣ переселилъ насильственно населеніе древней Джульфы въ Исфаганъ, чтобы оживить персидскую торговлю при содѣйствіи этихъ армянъ. И болѣе раннія, вольныя переселенія подвергали самихъ эмигрантовъ жестокому испытанію. Еще къ XV в. проникло и въ писаную армянскую литературу поэтическое выраженіе тоски переселенцевъ по родинѣ:

„Дорогой, не произноси слова «скиталецъ»: (при мысли о немъ) сердце обливается кровью.

Точно отставшая отъ стаи пташка, бѣдненькій блуждаетъ, не находитъ покоя и живетъ въ тревогѣ, пока не попадетъ къ своимъ“.

Первое время всѣ переселенцы жили мыслью объ исходѣ изъ чужбины, надеждою вернуться въ освобожденную Арменію. Армянскіе поэты эпохи полны этого настроенія, переходящаго у нихъ, въ большинствѣ—церковныхъ писателей, въ міровую скорбь о мимолетности нашей жизни, о томъ, что всѣ люди—переселенцы, и ни у одного народа нѣтъ истиннаго отечества въ этомъ мірѣ.

Церковь, монастырь, ризница съ собраніемъ завѣщанныхъ предками святынь и цѣнныхъ рукописей, художественно отдѣланныхъ предметовъ культа и школа, это атрибуты каждой армянской колоніи въ старину. Колоніальными силами создавались первостепенныя просвѣтительныя учрежденія, имѣвшія существенное значеніе для возрожденія Арменіи, какъ, напр., братство мхитаристовъ на островѣ св. Лазаря въ Венеціи.

Тяготѣніе армянъ къ западной Европѣ возникло изъ южно-армянскихъ симпатій, взрощенныхъ культурными и политическими связями Киликіи съ европейской гражданственностью. Южные армяне изъ

Европы, отъ франковъ, ожидали спасенія христіанской Арменіи. Когда въ 1453 году палъ Константинополь, одинъ изъ современныхъ армянскихъ поэтовъ писалъ про франковъ:

„Они проникнутъ въ Персію, вплоть до Тавриза двинутся:
Возстанутъ армяне, освобожденные отъ ига невѣрныхъ".

По путямъ, открытымъ трудами южныхъ армянъ, на востокъ потянулись въ качествѣ спасителей изъ Западной Европы монахи, главнымъ образомъ католики, а за ними лютеране и миссіонеры другихъ исповѣданій. Они имѣли успѣхъ, но преимущественно въ колоніяхъ, основанныхъ южными армянами. Польскіе армяне, воспринятые католическою церковью, постепенно стали терять національность и исчезли, разсосавшись въ польской и отчасти въ венгерской народностяхъ. Часть денаціонализованнаго армянскаго торговаго сословія въ Грузіи, замѣнившаго родной языкъ грузинскимъ, также сдѣлалась достояніемъ папской церкви. Проповѣдь и учительство западно-европейскихъ миссіонеровъ вызвало энергичный отпоръ въ коренной Арменіи. Особенную ревность въ отстаиваніи своей національной церкви, восточной церкви, проявили духовные пастыри Джульфы, молодой колоніи сѣверныхъ армянъ близъ Исфагана въ Персіи.

Къ этому времени произошла оріентація кавказскаго міра на Сѣверъ. Эта сѣверная оріентація имѣла моральную соперницу не въ восточныхъ, персидской или турецкой, а въ западной, т. е. въ оріентаціи на европейскій Западъ. Европейскій Западъ, потерпѣвъ неудачу въ непосредственной проповѣди, направилъ туда же, въ интересующій насъ міръ, просвѣтительныя учрежденія черезъ тѣхъ же миссіонеровъ, а за ними и торговыя организаціи. Но уже потянуло къ бодрящей мощи молодого христіанскаго государства. Другіе въ этомъ сѣверномъ государствѣ видѣли преемника Византіи, а кавказскому міру сродство культуры дало учуять въ немъ поборника не византинизма, а общечеловѣческихъ идеаловъ на основѣ родныхъ началъ христіанскаго Востока, — началъ, можемъ мы добавить, успѣвшихъ пройти въ древнюю Русь, минуя не только западно-европейскій міръ, непосредственно черезъ Византію, но и инымъ, пока недостаточно обслѣдованнымъ путемъ, минуя Византію, черезъ Кавказъ или моремъ непосредственно изъ Малой Азіи. Съ древнехристіанскимъ райономъ Малой Азіи у кавказскаго міра были интимнѣйшія связи; оттуда же на югъ Россіи, именно въ Крымъ, двигались, сказать кстати, и христіанскіе переселенцы, въ числѣ ихъ армяне.

Первый призывъ къ Россіи шелъ отъ грузинскихъ царей. Съ

Грузіею, влекшею съ собою связавшія себя съ нею армянскія колоніи, въ шагъ шли по тому же пути и армянскіе мелики-князья изъ предѣловъ Персіи. Свое обращеніе они мистически толковали на основаніи древне-армянскихъ пророческихъ книгъ. Армянскіе мелики-князья писали Петру Великому: „У насъ издавна была надежда на основаніи святыхъ писаній и преданій предковъ, что черезъ тебя должна наступить намъ помощь, освобожденіе «нашей» страны и всѣхъ христіанъ“ [1]).

Знакомство армянъ съ христіанскою Россіею было давнишнее, черезъ армянскія колоніи. Связь христіанства на югѣ Россіи съ кавказскимъ культурнымъ міромъ засвидѣтельствована еще въ иконоборческую эпоху, когда Іоаннъ, становясь епископомъ готѳовъ (крымскихъ), рукоположеніе могъ получить только отъ католикоса Грузіи, сидѣвшаго въ Мцхетѣ. Извѣстенъ фактъ, когда грузинскій царскій домъ породнился съ русскимъ княжескимъ. Сродство русскаго и вообще южнославянскаго искусства съ національнымъ армянскимъ и грузинскимъ искусствомъ, особенно въ зодчествѣ, говоритъ о какихъ-то общихъ культурныхъ теченіяхъ, сближавшихъ святую Русь съ кавказскимъ міромъ. О путяхъ того же культурнаго общенія говоритъ кавказское вліяніе въ прикладныхъ искусствахъ, ремеслахъ въ Крыму и далѣе. Нѣкоторыя гончарныя издѣлія съ художественной росписью, откапываемыя въ Крыму, безспорно кавказскаго происхожденія. Вліяніе южноармянскихъ мастеровъ признается въ чеканныхъ на серебрѣ работахъ въ польскомъ искусствѣ.

Въ части, относящейся къ Грузіи, надежда кавказскаго міра на Россію была оправдана сто лѣтъ назадъ. Грузинскій народъ въ лицѣ своихъ царей и родной знати въ присоединеніи къ могущественной державѣ православнаго царя видѣлъ не только спасеніе родного царства отъ гнета Персіи, но и полную гарантію свободнаго развитія духовныхъ силъ грузинскаго народа, закалявшихся тысячелѣтней культурной жизнью. Чѣмъ болѣе росла эта вѣра въ молодую Россію, тѣмъ болѣе усиливался гнетъ ветхо-восточнаго государства. Наканунѣ присоединенія персидскій повелитель пошелъ походомъ на непокорный народъ, чтобы уничтожить тысячелѣтнее культурное гнѣздо— Тифлисъ. Тогда-то, въ самый критическій моментъ передъ разгромомъ извѣстный грузинскій князь, прося русскихъ войскъ, за отсутствіемъ дорогъ черезъ Кавказъ, выражалъ готовность на рукахъ доставить

[1]) *Эзовъ*, Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ, 1898, стр. 18—19.

ихъ черезъ горы въ Грузію. Войска не поспѣли... Грузинскій царь Ираклій геройски сразился съ персидскими полчищами, матеріальныхъ силъ не хватило, Тифлисъ былъ захваченъ, полилась кровь мирнаго населенія, городъ былъ разгромленъ, святыни осквернены, но вѣра въ Россію не ослабѣла, и грузинское царство затѣмъ мирно, добровольно присоединилось къ русской державѣ.

Нынѣ насталъ и часъ исполненія надежды армянъ, за сто лѣтъ обратившейся въ ихъ народную вѣру. Эта вѣра также подвергалась тяжкимъ испытаніямъ. Русское общественное теченіе, усилившее вниманіе къ славянамъ, невольно отодвинуло на задній планъ интересы христіанскаго Востока. Ограниченіе нашихъ имперскихъ интересовъ на Ближнемъ Востокѣ стало возрастать подъ давленіемъ общественныхъ слоевъ, утратившихъ былую чуткость къ историческимъ завѣтамъ кавказскихъ народовъ. Оно же нашло сильную поддержку въ западной Европѣ, особенно въ Германіи, успѣшно вытѣснявшей насъ изъ Малой и вообще Передней Азіи. Западная Европа пользовалась помимо религіозныхъ миссій, школьная дѣятельность коихъ была чрезвычайно усилена, торговыми и вообще экономическими организаціями и планомѣрно расширяемыми научными предпріятіями. Западная Европа успѣла использовать и дипломатическіе ходы для привлеченія къ себѣ симпатіи угнетенной части армянства обѣщаніемъ реформъ въ Турціи.

Словомъ, европейскій Западъ выдвинулъ и продолжалъ усиленно выдвигать противъ территоріальнаго расширенія Россіи всѣ культурныя свои средства съ расчетомъ связать съ собою духовно и экономически мѣстныя народности и обратить ихъ въ орудіе своего культурнаго господства въ Передней Азіи. Онъ въ этихъ цѣляхъ использовалъ разбуженную нами, но не поощрявшуюся, ихъ культурную самодѣятельность въ формѣ національнаго возрожденія. Имѣя въ южныхъ своихъ представителяхъ традиціонныя, отъ эпохи колоніальнаго царства въ Киликіи, непосредственныя культурныя связи съ западной Европой, не находя поддержки у насъ въ своихъ естественныхъ домогательствахъ, армянство поставлено было въ безвыходное положеніе, открытое искушеніямъ Запада, опаснѣйшимъ какъ для его національнаго бытія, такъ для нашихъ русскихъ государственныхъ интересовъ, для исторической миссіи русскаго народа въ Передней Азіи. И все-таки исторически сложившаяся вѣра армянъ въ русское государство взяла верхъ. Эта вѣра, несмотря ни на какія испытанія, крѣпла въ русскомъ государствѣ, въ русской національной жизни, матери новой гражданственности армянскаго народа, ея національнаго возрожденія.

Въ Россіи столѣтіе тому назадъ укрѣплена была законодательно и реально армянская церковь съ верховенствомъ ея главы, сидящаго въ первопрестольномъ Эчміадзинѣ, въ историческихъ ея правахъ, въ ея власти надъ всѣми армянами въ духовныхъ дѣлахъ: могущественно поддерживалось ея вліяніе во всѣхъ странахъ міра, гдѣ только имѣются армяне. Въ Россіи создалась сѣть армянскихъ церковныхъ низшихъ и среднихъ школъ съ высшею школою, духовною академіею въ Эчміадзинѣ.

Въ Россіи слишкомъ полстолѣтіе тому назадъ создался литературный языкъ русскихъ армянъ на основѣ сѣверно-армянскаго нарѣчія. Центръ первой литературной дѣятельности на этомъ новомъ языкѣ былъ въ русской древней столицѣ, Москвѣ. Въ Россіи, въ древней столицѣ Грузіи, получила высшее пока достигнутое развитіе вновь возрожденная армянская національная литература. Армянскія колоніи исторической Грузіи со всѣми ихъ матеріальными пріобрѣтеніями почувствовали естественное тяготѣніе къ давно покинутой родинѣ и стали перерождаться, благодаря армянской школѣ и армянской литературѣ, изъ состоянія третьяго сословія грузинскаго національнаго коллектива въ армянскую общественную силу. Грузія, даже молодая Грузія, болѣзненно почувствовала этотъ неизбѣжный естественный процессъ. Изъ Россіи пошли въ Турецкую Арменію первые піонеры духовнаго возрожденія армянскаго крестьянства въ Турціи. Русскіе армяне основали лучшую на мѣстѣ разсадницу средняго европейскаго образованія въ Турецкой Арменіи, въ Эрзерумѣ. Но мирные пути дальнѣйшаго, болѣе высокаго, культурнаго роста Турецкой Арменіи пресѣклись. И въ Россіи возникло идейное освободительное отъ Турціи теченіе въ литературѣ на языкѣ русскихъ армянъ. Въ Россіи въ тѣхъ же цѣляхъ сложился дѣловой союзъ, извѣстный дашнакцутюнъ, мимо проторенныхъ путей старыхъ клерикальныхъ и новыхъ буржуазныхъ учрежденій ищущій выхода на новую истинно-народную дорогу. Благодаря организаціонной дѣятельности этого армянскаго союза, къ моменту войны съ Турціей получилась возможность выставить и готовые кадры армянскихъ добровольческихъ отрядовъ, равно многочисленныхъ работниковъ и работницъ по помощи жертвамъ великой войны.

Отвоевавъ армянскія земли отъ Персіи, а затѣмъ отъ Турціи и открывъ армянамъ широкое поле для экономическаго и культурнаго развитія, русское государство дало ихъ активнымъ общественнымъ силамъ базу національнаго сосредоточенія и источникъ національнаго самообновленія въ притокѣ армянскихъ массъ, стихійно привлекав-

шихся русскими порядками изъ Персіи и Турціи въ исторически родныя армянскія области, а также въ грузинскія, въ предѣлахъ Россіи. А русская культура и русская общественность духовно выростила изъ армянской интеллигенціи организованныхъ идейныхъ бойцовъ за свободу крестьянскаго населенія Турецкой Арменіи, будя и поддерживая прогрессивнымъ своимъ теченіемъ въ сѣверномъ секторѣ древняго христіанскаго Востока самосознаніе армянскаго народа и вызывая къ жизни творческія силы, природный и исторически благопріобрѣтенный вкладъ кавказскаго культурнаго міра.

Въ отстаиваніи общей кавказскаго міра культуры и съ нею связанной собственной духовной независимости, въ общей борьбѣ того же міра съ некультурными и культурными насильниками за свободу родной тысячелѣтней цивилизаціи, возрожденной на древне-христіанскихъ началахъ, армянскій народъ лишился у себя на родинѣ двухъ царствъ, древняго и новаго, лишился національной знати, князей и дворянъ, лишился родной собственныхъ городовъ буржуазіи, лишился большей части родной земли, лишился блестящихъ культурныхъ успѣховъ, созидавшихся на ней его смѣнявшимися передовыми соціальными силами. Сохранилъ армянскій народъ дѣйственный духъ, выковавшій ему культурныя средства для борьбы, въ колоніяхъ, въ буржуазныхъ кругахъ, и въ настоящій моментъ имѣетъ передъ собою демократическую задачу — освободить послѣднюю свою соціальную силу, крестьянство, отъ турецкаго ига и поставить ее, во всей объединенной совокупности, на прочный путь самодѣятельности. Лишь въ этомъ непререкаемый залогъ дѣйствительно національнаго возрожденія армянъ на пользу всего кавказскаго культурнаго міра и на пользу и во славу русскаго царя, русскаго народа. Въ свободномъ на родныхъ и ему христіанскихъ началахъ духовномъ ростѣ объединенныхъ кавказскихъ народовъ русскій народъ обрѣтетъ не одинъ богатый источникъ для черпанія новыхъ творческихъ силъ, въ рѣшеніи очередного историческаго вопроса получитъ не одно новое моральное оправданіе своей миссіи на Ближнемъ Востокѣ.

Нашъ историческій набросокъ показалъ намъ не только то, какъ въ борьбѣ за общечеловѣческіе идеалы, одухотворявшіе кавказскій культурный міръ, Арменія принесла громадныя жертвы, имѣла невознаградимыя національныя потери. Мы видѣли не только то, какъ каждая изъ этихъ потерь, соціальныхъ бѣдствій, сопровождалась паденіемъ цвѣтущей культуры. Мы видѣли и нѣчто иное. За каждымъ ударомъ, за каждымъ паденіемъ неизмѣнно слѣдовало культурное возрожденіе

и подъемъ національной жизни, каждый разъ наступала эпоха творчества на нивѣ общечеловѣческой культуры. Мы здѣсь могли утверждать только на словахъ, что благодаря высокимъ культурнымъ традиціямъ, корнями уходящимъ въ до-историческія для Европы времена, армянскому народу удалось сохранить свое лицо, дожить сознающимъ свой національный долгъ до момента возникновенія очередной исторической задачи. Ни мѣсто, ни рамки изложенія намъ не позволяли поддержать словесныя утвержденія подборомъ свидѣтелей художественнаго творчества армянъ хотя бы за одну изъ созидательныхъ эпохъ въ армянскомъ городѣ Ани. Правда, это наименѣе выдающійся пунктъ среди культурныхъ центровъ исторической Арменіи, но онъ наилучше сохранился въ развалинахъ. И обиліе художественныхъ формъ, созданныхъ армянскимъ народомъ за одну только эпоху, въ одномъ только этомъ пунктѣ, въ одномъ только видѣ искусства, въ зодчествѣ, не можетъ не озарять своимъ блескомъ сознанія національнаго долга армянъ. Получая широкую базу въ богатѣйшей христіанской литературѣ, развивавшейся за пятнадцать вѣковъ, долгъ этотъ становится для армянъ сугубымъ, долгомъ и передъ націею и передъ человѣчествомъ. Но то же столь ярко засвидѣтельствованное творчество, не угасавшее въ эпохи самаго темнаго варварства, теплившееся какъ неугасимая лампада, обязываетъ и человѣчество, создаетъ неустранимый его долгъ. Ни одинъ сознающій себя культурной силой народъ, чуткій къ духовнымъ пріобрѣтеніямъ и красотамъ, бережный къ творческимъ человѣческимъ силамъ, не можетъ уйти отъ долга не истощать и не погашать ихъ и, гдѣ есть благодатный случай, спасать и возжигать ихъ. И когда исполненіе такого высокаго долга въ отношеніи Арменіи, этого ветхаго деньми возрождающагося изъ пепла феникса, ложится волею судебъ на русскій народъ, то иго это—благо и бремя это—легко, такъ какъ мало сказать, что въ немъ имѣемъ мы новое моральное оправданіе нашего выступленія на кавказскомъ фронтѣ. Передъ Россіею чрезвычайный случай проявить въ дѣйствіи чуткую къ духовнымъ красотамъ красоту души великаго народа, народа-освободителя, прокладывающаго дорогу міровой и своей свободы неуклоннымъ путемъ освобожденія страждущихъ и угнетенныхъ народовъ.

Н. Марръ.

ВЪ ЗАЩИТУ МЕТАФИЗИКИ.

Неблагопріятные для метафизики выводы, получаемые изъ сравненія ея съ опытными науками, почерпаются съ одной стороны изъ сопоставленія самаго состава метафизическаго и опытнаго знанія, съ другой стороны изъ сравненія внѣшней судьбы метафизики и опытной науки.

1. Знаніе опытно-научное, говорятъ намъ, относится къ знанію метафизическому, какъ знаніе *дѣйствительное* къ знанію *мнимому*, ибо первое покоится на несомнѣнности опыта, второе же не имѣетъ такого несомнѣннаго основанія, но представляетъ собою собраніе гипотезъ, провѣрка которыхъ неосуществима именно потому, что онѣ совершенно превосходятъ всякій возможный опытъ. Такимъ образомъ преимущество перваго знанія надъ вторымъ есть преимущество *факта* надъ *гипотезою*, и именно такою гипотезою, которая неспособна ни къ какой фактической провѣркѣ.

Для того, чтобы этотъ аргументъ имѣлъ силу, надлежитъ предварительно доказать слѣдующія два положенія: а) во-первыхъ, что какой бы то ни былъ „фактъ" опытной науки можетъ быть установленъ безъ помощи метафизической „гипотезы", и б) что метафизическія „гипотезы" не основаны на „фактахъ" и не провѣряются ими.

а) Фактъ, какъ онъ понимается опытною наукою, не есть простое и чистое свидѣтельство чувственности; изъ того, что *тамъ-то* или *тогда-то* есть *красное*, или *теплое*, или *твердое*, или что мнѣ *больно*, *радостно* или *грустно* и т. п., не слѣдуетъ еще ничего. Для науки эти свидѣтельства чувственности получаютъ значеніе, лишь какъ *явленія*, *событія*, *свойства* внѣшняго или внутренняго *міра*. Міръ же есть *постоянная основа* этихъ чувственныхъ значковъ, пребывающая при ихъ смѣнѣ. Лишь соединенные съ этою основою, сказанные значки составляютъ собою *факты* науки. Что естествознаніе *предпо-*

лагаетъ реальность внѣшняго міра,—этого, конечно, никто оспаривать не станетъ. Можетъ показаться, что соотвѣтствующее предположеніе не необходимо для психологіи, т. е. что она можетъ обойтись безъ признанія *реальности души*. Дѣйствительно психологія можетъ обойтись безъ понятій духовной *субстанціи*, т. е. единаго самостоятельнаго духовнаго существа, и разсматривать свой предметъ, лишь какъ совокупность отдѣльныхъ психическихъ состояній. Но въ такомъ случаѣ самая эта совокупность въ ея временномъ теченіи становится нѣкоторою реальностью. Нельзя говорить о воспроизведеніи, памяти и другихъ душевныхъ состояніяхъ, не допуская, что эти состоянія оставляютъ по себѣ слѣды, пребывающіе гдѣ-то и какъ-то и по прекращеніи сказанныхъ состояній. Правда, можно понимать воспроизведеніе душевныхъ состояній такъ, что воспроизводимыя состоянія не тожественны, а только *сходны* съ первоначальными. Но если послѣднія совсѣмъ *исчезли*, то какъ же констатировать это сходство? Приходится вмѣсто исчезнувшихъ состояній допускать опять *сходныя* и т. д. до безконечности. Различіе между метафизическою и опытною психологіею состоитъ стало быть не въ томъ, что первая признаетъ, а вторая игнорируетъ психическую реальность, а въ томъ, что для первой эта реальность есть единая субстанція, вторая же понимаетъ ее, какъ нѣчто собирательное. При томъ необходимо имѣть въ виду, что опытная психологія не можетъ обойти вопроса о взаимодѣйствіи души и *тѣла*, а понятіе послѣдняго необходимо предполагаетъ понятіе внѣшняго міра.

Но что же такое это предположеніе *міра*, какъ не метафизическая гипотеза? Что оно есть гипотеза — это не подлежитъ сомнѣнію. Не менѣе несомнѣнно то, что это гипотеза метафизическая, выходящая за предѣлы возможнаго опыта.

При томъ эта гипотеза для опытной науки необходима. Находятся, правда, философы, которые утверждаютъ, что ни внѣшней, матеріальной, ни внутренней, духовной, реальности вовсе нѣтъ; и по могущему показаться страннымъ, но исторически объяснимому совпаденію, въ числѣ такихъ философовъ нерѣдко оказываются и дѣятели опытной науки. Но они держатся такой философіи лишь дотолѣ, доколѣ только философствуютъ; принимаясь же за свою науку, они бросаютъ эту философію и разсуждаютъ, какъ люди, вѣрующіе въ реальность міра. Такимъ образомъ несомнѣнно, что для самой опытной науки *необходима метафизическая гипотеза*.

Такъ какъ понятія *движенія*, *пространства* и *величины* несо-

мнѣнно происходятъ, если не *изъ* опыта, то при его содѣйствіи, то науки механики, геометріи и математики могутъ быть также обняты общимъ терминомъ „опытныхъ" наукъ. Эти три науки также неустранимо содержатъ въ себѣ убѣжденіе въ реальности міра. Движеніе, какъ чисто-чувственное состояніе, есть мелькнувшій передъ нами призракъ; для того, чтобы облечь его въ законъ, нужно допустить его измѣреніе въ пространствѣ и времени, т. е. его пребываніе или реальность въ прошедшемъ и вызывающія его реальныя же условія. Наша геометрія, какъ убѣдительно доказываютъ намъ, есть наука о *пространствѣ нашего міра*; и если бы это пространство было иное, напримѣръ, имѣло бы иное, чѣмъ наше, число измѣреній или иную, чѣмъ наша, мѣру кривизны, то и наши геометрическія аксіомы и теоремы были бы иныя. Что касается математики, то ея отвлеченные термины, повидимому, отрѣшены отъ всякой реальности; но только повидимому. Математика имѣетъ дѣло съ измѣреніемъ величинъ; а понятіе измѣренія приводитъ къ понятіямъ *соизмѣримости* и *несоизмѣримости*. Но въ отвлеченномъ символѣ величины признаковъ этихъ понятій не существуетъ. Они вносятся въ него изъ опыта, ближайшимъ образомъ изъ опыта геометрическаго, въ которомъ они намъ даны наглядно. Безъ опытнаго матеріала, безъ опытнаго міра, не было бы и получаемыхъ изъ него математическихъ отвлеченностей. Такимъ образомъ, не только естествознаніе и психологія съ прочими зависящими отъ нихъ отраслями опытнаго знанія, но вся такъ называемая точная наука предполагаетъ реальный міръ, слѣдовательно предполагаетъ и его метафизическія посылки.

б) Положимъ однако, что опытная наука во всемъ ея составѣ не требуетъ никакихъ метафизическихъ гипотезъ, что метафизика есть нѣчто совершенно отрѣшенное отъ опытной науки и чуждое послѣдней. Спрашивается, откуда же берутся собственныя метафизическія гипотезы. Никакой силы *творить* свое содержаніе наша мысль не имѣетъ. Ея содержаніе можетъ быть взято стало быть лишь изъ опыта, т. е. она лишь переноситъ въ сверхчувственный міръ то, что находитъ въ опытѣ. Дѣло только въ томъ, что она *мыслитъ* надъ самымъ опытомъ, подвергая его анализу, стремясь извлечь изъ состава опыта то, что можетъ имѣть характеръ *перваго, безусловнаго* начала. Уже на весьма ранней ступени развитія метафизическаго мышленія возникаетъ убѣжденіе, что такой характеръ перваго или безусловнаго не принадлежитъ такъ называемымъ *вторичнымъ* качествамъ матеріи, какъ-то цвѣту, теплотѣ, вкусу, запаху, что они суть

лишь субъективныя состоянія, не имѣющія никакой самобытности. Извѣстно, что этотъ взглядъ высказывается уже Демокритомъ, жившимъ во второй половинѣ пятаго и въ первой половинѣ четвертаго вѣка до Р. Х. Поэтому Демокритъ призналъ за первое лишь *первичныя* качества матеріи—протяженность, подвижность, способность сопротивленія, положивъ такимъ образомъ основаніе метафизики *атомистическаго матеріализма*. Очевидно, что эта метафизика взята изъ опыта. Не менѣе очевидно опытное же происхожденіе и метафизики *спиритуализма*, признаваемой если не за первоисточникъ, то за перводвигатель, *духъ*. Основателемъ этой метафизики былъ Анаксагоръ, родившійся около 500 г. Р. Х.

Матеріализмъ и спиритуализмъ, а также различныя ихъ сочетанія, и донынѣ составляютъ, какъ извѣстно, чрезвычайно распространенныя метафизическія ученія. Но движеніе мысленнаго анализа опыта не остановилось на такомъ раздѣленіи и внѣшнемъ сочетаніи вещества и духа. Явились попытки дальнѣйшаго ихъ обобщенія, нахожденія того, что обще и веществу, и духу. Это общее имъ есть *субстанція*, то постоянное, что лежитъ въ основѣ и внѣшняго, и внутренняго міра. Понятіе этого общаго, до извѣстной мѣры обоснованное уже въ древности Платономъ и Аристотелемъ, достигло полнаго своего расцвѣта въ новое время у Декарта, Спинозы, Лейбница. Правда, одновременно съ мысленнымъ раскрытіемъ этого понятія, а также тѣсно связаннаго съ нимъ понятія причинности, возникло стремленіе доказать, что эти понятія берутся не изъ опыта, а составляютъ прирожденное достояніе души; и такъ какъ доказательство такой прирожденности оказалось невозможнымъ, то отрицаніе опытнаго источника этихъ понятій привело Юма къ тому скептическому выводу, что понятія какъ субстанціи, такъ и дѣйствующей причины суть понятія мнимыя, что ни первой, ни второй вовсе не существуетъ. Но такой скептическій выводъ зависѣлъ отъ того, что самый опытъ понимался Юмомъ узко, какъ совокупность отдѣльныхъ состояній чувственности, соединенныхъ внѣшнею связью ассоціаціи. Канту принадлежитъ великая заслуга обнаруженія того, что опытъ не есть чистая чувственность, что чувственныя данныя связываются въ немъ мысленными отношеніями (категоріями разсудка), образующими изъ этихъ данныхъ предметы опыта, *природу*. Правда, Кантъ понялъ связь категорій разсудка съ чувственностью слишкомъ внѣшне, рѣзко раздѣлилъ первыя отъ послѣднихъ, такъ что для него получилось какъ бы *два* знанія о природѣ, — одно апріорное при помощи кате-

горій и трансцендентальныхъ схемъ, и другое, представляющее собою совокупность разрозненныхъ чувственныхъ значковъ. Онъ не обратилъ вниманія на то, что чувственное знаніе состоитъ не изъ *ощущеній*, а изъ *воспріятій*, и что въ послѣднихъ, т. е. въ самой чувственности, а не внѣ ея, исконно соединены апріорный и апостеріорный элементы. На это еще ранѣе Канта обратилъ вниманіе шотландецъ Ридъ, который однако, въ угоду здравому смыслу, не подвергъ воспріятій болѣе глубокому анализу. Но какъ бы то ни было, философія Канта открыла новые пути для метафизики, указавши на то, *что̀ именно* въ составѣ самого опыта можетъ имѣть сверхчувственное, метафизическое значеніе. Метафизическимъ основоначаломъ оказался *не предметъ опыта* въ полномъ его составѣ, — не вещество и не духъ,—и не неизвѣстно какимъ путемъ постигаемая *субстанція*, но связывающія чувственность *формы ума*. Самъ Кантъ утверждалъ, что эти формы только *трансцендентальны*, но не *трансцендентны*, т. е. сверхчувственны лишь по своему *происхожденію*, а не по *приложенію*, и потому отрицалъ возможность построенія метафизики на теоретическихъ основаніяхъ. Правильно или неправильно поступили тѣ изъ слѣдовавшихъ за Кантомъ по времени философовъ, которые думали иначе и отвергли его субъективизмъ, — вопросъ здѣсь не въ томъ. Но на основаніи вышесказаннаго можно признать за несомнѣнное, что вся метафизика, какъ до Канта, такъ и послѣ него, брала опытъ своимъ исходнымъ пунктомъ, и если (какъ то было съ ученіемъ о прирожденныхъ идеяхъ) полагала, что она оставляетъ безъ вниманія этотъ исходный пунктъ, то послѣдующее движеніе самой же метафизики исправляло эту ошибку.

Такимъ образомъ выходитъ, что съ одной стороны опытная наука не можетъ обойтись безъ метафизическихъ гипотезъ, а съ другой— что сама метафизика не можетъ обойтись безъ опыта; и что поэтому ни притязаніе опытной науки на какую-то непосредственно присущую ей, чуждую какихъ бы то ни было предположеній истину, ни обвиненіе метафизики въ томъ, что она витаетъ гдѣ-то внѣ опыта, не могутъ считаться имѣющими силу.

Различіе метафизики и опытной науки по степени ихъ точности зависитъ такимъ образомъ не отъ того, что первая въ основѣ своей гипотетична, а вторая не гипотетична, а въ чемъ-то иномъ. Оно состоитъ въ томъ, что метафизика беретъ опытъ *въ полномъ его объемѣ*, опытная же наука имѣетъ дѣло лишь съ *частными опытами*, не возводимыми къ единству цѣлаго. Основная метафизическая гипотеза,

отъ которой исходитъ опытная наука,—*признаніе реальности міра*—этою наукою не провѣряется и не можетъ быть провѣрена, такъ какъ каждый частный опытъ уже предполагаетъ ее, и безъ предварительнаго признанія закономѣрности самостоятельно сущаго міра нѣтъ опытной науки. Но именно провѣрка этой гипотезы и составляетъ задачу метафизики, такъ какъ основный ея вопросъ именно и состоитъ въ томъ, *что такое міръ*, нѣчто реальное или греза нашего познанія, и если онъ есть нѣчто реальное, то въ какой мѣрѣ онъ познается нами въ своихъ свойствахъ. Такъ какъ эта провѣрка невозможна посредствомъ *частнаго* опыта, а всякій производимый нами опытъ есть частный, то метафизика *не производитъ опытовъ*, и именно въ этомъ и состоитъ ея различіе отъ опытной науки. Не производя частныхъ опытовъ, метафизика можетъ провѣрить эту гипотезу лишь черезъ *опытъ вообще*, т. е. черезъ *понятіе опыта*. Она должна установить основное, первичное *условіе* всякаго опыта и затѣмъ разсмотрѣть, согласуется ли та или иная гипотеза о мірѣ съ этимъ условіемъ. Такимъ образомъ метафизика движется посредствомъ ряда послѣдовательно возникающихъ гипотезъ, изъ коихъ каждая сопоставляется съ означеннымъ первичнымъ условіемъ всякаго опыта и при несогласіи съ нимъ отвергается и замѣняется новою гипотезою. Путь метафизики есть путь *послѣдовательнаго изученія гипотезъ о мірѣ*, какъ цѣломъ, провѣряемыхъ не посредствомъ частныхъ опытовъ, а посредствомъ сопоставленія ихъ съ общимъ условіемъ всякаго опыта.

Разнообразная техника опытовъ опредѣляется свойствами подлежащаго опыту матеріала; эта техника, въ которой вполнѣ компетентна сама опытная наука, не подлежитъ метафизической критикѣ. Нельзя считать собственною задачею метафизики и провѣрку тѣхъ теорій, которыя строятся точною наукою на основаніи ея опытовъ. Конечно и метафизикъ, если онъ обладаетъ достаточными знаніями, можетъ критиковать логическую цѣнность научныхъ теорій; но это право принадлежитъ ему, не какъ метафизику, а какъ всякому знающему и мыслящему человѣку. Спеціалисты опытной науки нерѣдко пытаются ограничить это право, подчинить своему непререкаемому авторитету сужденіе о логическихъ основахъ научныхъ теорій. Такимъ путемъ научныя гипотезы пріобрѣтаютъ нерѣдко характеръ научныхъ предразсудковъ, ревниво охраняемыхъ если не всѣми, то нѣкоторыми кружками спеціалистовъ. Но повторяю, тутъ спеціалисты опытной науки сталкиваются не съ правомъ метафизиковъ, а съ принадлежащимъ каждому человѣку правомъ критиковать какія бы то

ни было доказательства и не соглашаться съ ними, если они для него не убѣдительны. Метафизика же въ собственномъ значеніи этого слова можетъ вовсе не касаться этой стороны дѣла, но ограничиваться лишь тѣмъ, что ей принадлежитъ по праву,—общимъ понятіемъ опыта. Охотно соглашаясь съ тѣмъ, что всякій правильно произведенный опытъ безусловно достовѣренъ, метафизика задаетъ вопросъ о *первичномъ основаніи этой достовѣрности*. Это основаніе состоитъ *не въ чувственномъ содержаніи* опыта. То обстоятельство, что щелочь производитъ въ растворѣ мѣдной соли осадокъ окиси мѣди, *само по себѣ* еще не есть научная истина. Научная истина состоитъ въ томъ, что это явленіе *при одинаковыхъ условіяхъ* будетъ происходить *постоянно*. Стало быть условіемъ научной истины и цѣнности опыта служитъ начало *постоянства* міровыхъ событій или такъ называемое начало *единообразія природы*. Начало единообразія природы есть владѣющій всею областью опыта ея *сверхчувственный*, *апріорный* законъ, безъ котораго опытъ былъ бы безцѣльною игрою мышленія. Этотъ законъ апріорный, ибо всякое доказательство его изъ опыта уже предполагаетъ его. Дѣйствительно, какъ можетъ опытъ доказать, что наступленіе событія *a*, ранѣе того обусловливавшее наступленіе событія *b*, всегда неизмѣнно обусловливаетъ его? Сколько бы мы ни дѣлали опытовъ, всегда возможно предположить, что будущіе опыты такой неизмѣнности не подтвердятъ. Эмпиристы возражаютъ на это, что убѣжденіе въ единообразіи природы возникаетъ на основаніи ассоціаціи, въ силу которой постоянное наблюденіе соединенія *a* и *b* превращается въ убѣжденіе въ неизмѣнности этого соединенія. Но такое утвержденіе только перемѣщаетъ апріорность въ другую область, ибо самый законъ ассоціаціи предполагаетъ единообразіе природы. Чтобы ассоціація могла спаять въ нѣчто неизмѣнное соединеніе *a* и *b*, самая ассоціація должна дѣйствовать неизмѣнно; ибо если мы допустимъ, что въ тотъ моментъ, когда будутъ *повторяться* событія *a* и *b*, ассоціація будетъ дѣйствовать *не такъ*, какъ она дѣйствовала при первомъ ихъ наступленіи, то ея свидѣтельство окажется лишеннымъ всякой силы. Если намъ отвѣтятъ на это, что самое убѣжденіе въ единообразіи дѣйствій ассоціаціи основывается на постоянствѣ опыта, то выйдетъ, что основою данной ассоціаціи должна служить новая ассоціація, послѣдняя опять должна основываться на новой ассоціаціи и т. д. до безконечности, т. е. никакого основанія, почерпнутаго изъ ассоціаціи, не окажется.

Такимъ образомъ законъ единообразія природы не основывается

на ассоціаціи, но сама ассоціація основывается на немъ. Да и можетъ ли быть иначе? Развѣ ассоціаціи принадлежитъ какая-либо сила надъ событіями міра? Кажется ясно, что если бы въ этихъ событіяхъ, какъ таковыхъ, не было постоянства, то никакая ассоціація не могла бы сдѣлать ихъ постоянными. Этотъ законъ владѣетъ міромъ, какъ предметомъ опыта, но усваивается нами не черезъ опытъ, такъ какъ безъ этого закона невозможно никакое опытное познаніе. Если мы находимъ, что событіе *b*, которое мы считаемъ обусловленнымъ событіемъ *a*, при наступленіи послѣдняго не наступаетъ, то считаемъ, или что опытъ надъ этими событіями былъ произведенъ неправильно, или что привзошло въ процессъ *ab* какое-либо новое условіе, и ищемъ это условіе или посредствомъ новыхъ опытовъ, или посредствомъ придумыванія какой-либо гипотезы; но никогда не выносимъ такого заключенія, что законъ единообразія природы въ данномъ случаѣ не имѣетъ силы. Такимъ образомъ этотъ законъ, какъ всеобщая истина науки, служитъ двигателемъ къ отысканію всѣхъ прочихъ, частныхъ ея истинъ.

Но что же такое законъ единообразія природы въ его совершенно очищенномъ, отвлеченномъ выраженіи? Если природа есть нѣкоторое *A*, то утверждая ея единообразіе, мы утверждаемъ, что *A* всегда остается *тожественнымъ* себѣ, т. е. что *A* есть всегда *A* или иначе, что *A* ни въ какомъ случаѣ не есть *не-A*. Въ логикѣ этотъ законъ въ его *утвердительномъ выраженіи* именуется *началомъ тожества*, а въ его *отрицательномъ выраженіи—началомъ противорѣчія*, и всякая частная истина логики основывается на этой ея верховной, всеобщей истинѣ. Будучи же верховнымъ условіемъ всей истины, а стало быть и всей совокупности опыта, начало тожества или противорѣчія и есть то орудіе, которымъ испытывается всякая метафизическая гипотеза. Метафизика есть въ идеѣ своей *непротиворѣчивое ученіе о мірѣ, какъ цѣломъ*. Все движеніе метафизики состоитъ въ послѣдовательномъ появленіи гипотезъ, подвергаемыхъ испытанію въ видахъ обнаруженія ихъ противорѣчій и смѣняемыхъ гипотезами, менѣе противорѣчивыми. Что это движеніе есть движеніе *прогрессивное*, т. е. приводящее отъ гипотезъ менѣе совершенныхъ къ гипотезамъ болѣе совершеннымъ, несомнѣнно доказывается исторіею метафизики. Какой человѣкъ даже средняго ума и весьма умѣреннаго образованія склонится нынѣ къ убѣжденію, что вода есть начало всего, или что душа есть тонкое вещество? А между тѣмъ несомнѣнно, что творцы этихъ ученій, Ѳалесъ и Демокритъ, были весьма выдающи-

мися въ умственномъ отношеніи людьми, вѣроятно, болѣе выдающимися, чѣмъ теперешній ученый или философъ средняго уровня. Теперешній образованный человѣкъ даже посредственнаго ума уже не удовлетворяется тѣми положеніями, которыя казались прочно стоящими такимъ великимъ умамъ, какъ Платонъ или Аристотель, Лейбницъ или Спиноза, даже болѣе близкимъ къ намъ, какъ Кантъ или Гегель. Правда, противники метафизики возражаютъ на это, что такой прогрессъ въ міропониманіи зависитъ не отъ успѣховъ самой метафизики, а отъ постепеннаго повышенія уровня опытно-научныхъ знаній. Но если даже согласиться съ этимъ мнѣніемъ, то изъ него получится лишь то заключеніе, что метафизика пользуется плодами опытной науки, а вовсе не то, что метафизика есть сплошное заблужденіе. Съ другой стороны мало высказать такое мнѣніе, а его нужно также исторически доказать. Посмотримъ же, что говоритъ по этому поводу исторія и философіи, и опытной науки.

Успѣхи опытной науки, правда, сопровождались постояннымъ и весьма плодотворнымъ для нея освобожденіемъ отъ вліяній—не общей метафизической предпосылки всякаго опыта,—но тѣхъ скороспѣлыхъ теорій, которыя подъ покровомъ метафизики вторгались въ науку, когда она была еще недостаточно разработана. Такъ пала механика Аристотеля передъ механикою Галилея. Такъ были выброшены изъ опытной науки изслѣдованія конечныхъ причинъ и объясненіе явленій изъ скрытыхъ сущностей. Такъ науки біологіи, геологіи, исторіи освободились отъ вмѣшательства понятія сверхъестественныхъ дѣятелей. Такъ въ новѣйшее время успѣшно совершается освобожденіе психологіи отъ метафизики. Но этотъ прогрессъ мало касался самой метафизики. Въ рѣшеніи ея основной задачи—пониманія міра, какъ цѣлаго—нельзя обнаружить вліянія теорій и открытій опытной науки. Конечно, въ 6-мъ и 5-мъ вв. до Р. Х. не существовало ни научной физики, ни научной психологіи, такъ что приписывать ихъ вліянію возникновеніе матеріализма Демокрита и спиритуализма Анаксагора нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Монизмъ элейцевъ и ученіе о непрерывной измѣнчивости Гераклита также не носятъ на себѣ ни малѣйшаго слѣда открытій опытной науки. То же самое слѣдуетъ сказать объ ученіяхъ софистовъ и Сократа, Платона и Аристотеля, эпикуреизмѣ, стоицизмѣ, позднѣйшемъ скептицизмѣ и новоплатонизмѣ, стало быть обо всей древней философіи. Но быть можетъ иначе обстояло дѣло въ новое время? Декартъ и Лейбницъ были математиками, а Спиноза пытался доказывать положенія мета-

физики „геометрическимъ способомъ". Однако, если тутъ и было замѣтно вліяніе математики, то чисто формальное, содержаніе же метафизическихъ гипотезъ, созданныхъ этими мыслителями, совершенно выходитъ изъ области математики, такъ какъ послѣдняя не касается ни „субстанцій", ни „причинъ", а въ этихъ категоріяхъ вращается весь до-кантовскій догматизмъ. Затѣмъ въ чемъ обнаруживается вліяніе опытной науки на Локка, Беркли, Юма? Прибавимъ къ тому, что даже формальное вліяніе математики на до-кантовскую философію скорѣе увлекало философію на ложный путь, чѣмъ содѣйствовало ея успѣхамъ. Геометрическая оболочка метафизики Спинозы не помогала движенію его мысли, а стѣсняла это движеніе; а примѣръ математической точности и несомнѣнности побуждалъ мыслителей, въ томъ числѣ даже Юма, искать основаній этой точности въ чисто-аналитическомъ характерѣ математическихъ истинъ и придавать аналитическому, силлогистическому пріему значеніе и философскаго метода; скептицизмъ Юма обусловливался тѣмъ, что анализъ понятій не открывалъ ему источника категорій субстанціи и причинности, а другого пріема точнаго знанія, кромѣ этого анализа, онъ не зналъ.

Критическая философія Канта повидимому должна бы была быть болѣе проникнутою вліяніемъ опытной науки. Его походъ противъ метафизики, какъ науки, состоялъ именно въ доказательствѣ того, что метафизика не можетъ имѣть той достовѣрности, какая свойственна математикѣ и естествознанію, и потому въ умствованіяхъ Канта можно бы было ожидать большей проникновенности содержаніемъ этихъ наукъ. Однако на дѣлѣ мы этого не находимъ. Его ученіе о пространствѣ, времени и числѣ, его доказательство синтетическаго характера математическихъ сужденій, какую бы степень истины мы ни приписывали этому ученію и доказательству, во всякомъ случаѣ дало мощный толчокъ гносеологическому изслѣдованію этихъ вопросовъ. Но что же взято при этомъ Кантомъ изъ математики? Вездѣ, гдѣ онъ касается *наукъ* геометріи и ариѳметики, онъ ограничивается самыми элементарными свѣдѣніями, для пользованія которыми вовсе не нужно знанія собственно математики, а довольно обычнаго здраваго смысла. То же справедливо о той части критики чистаго разума, которая имѣетъ дѣло съ естествознаніемъ. Въ установленіи таблицы категорій и трансцендентальныхъ схемъ, въ діалектическихъ разсужденіяхъ о конечности и безконечности міра, о свободѣ и необходимости въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда

открытій современной и предшествующей ему опытной науки. То же слѣдуетъ сказать и о его разсужденіяхъ касательно примѣненія начала цѣлесообразности къ явленіямъ органическаго міра. Еще въ большей мѣрѣ справедливо это относительно Фихте, такъ какъ для него вся природа есть лишь не имѣющее никакой самостоятельности требованіе и условіе нравственнаго дѣйствія.

Шеллингъ и Гегель дѣйствительно вошли въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ интересами опытной науки. Но это соприкосновеніе было какъ разъ обратно тому, существованіе котораго утверждается лицами, доказывающими существенность вліянія опытной науки на метафизику. Оба эти мыслители не изъ опытной науки черпали содержаніе своей метафизики, а напротивъ пытались первую превратить въ подчиненное орудіе послѣдней. Попытка эта въ общемъ потерпѣла заслуженную неудачу, хотя нельзя отрицать, что въ частности ею были брошены въ науку нѣкоторыя плодотворныя сѣмена. Гартманъ въ своемъ сочиненіи о Шеллингѣ справедливо указываетъ на значеніе нѣкоторыхъ его взглядовъ для современной физики, а заслуги гегеліанства въ дѣлѣ оживленія и одухотворенія нѣкоторыхъ частей исторической науки также не могутъ быть оспариваемы.

Что сказать за симъ о послѣдующихъ мыслителяхъ? Болѣе крупными изъ нихъ были Гербартъ и Шопенгауэръ. Гербартъ самъ былъ свѣдущимъ математикомъ и большимъ поклонникомъ опытной физики и химіи, которыя онъ рѣшительно защищалъ противъ современной натуръ-философіи. Но на его метафизикѣ въ собственномъ значеніи этого слова эти его симпатіи не оставили никакого слѣда. Вліяніе математики отразилось лишь на его психологіи, которую онъ пытался превратить въ математическую науку. Эта попытка испытала крушеніе; но если бы она была и удачна, то психологія есть столь же мало метафизика, какъ и физика и химія, и стало быть успѣхъ математической психологіи само по себѣ не доказывалъ бы еще ничего.

Шопенгауэръ шелъ по стопамъ Канта и отчасти (не признавая того) Фихте. Онъ нерѣдко касается вопросовъ естествознанія, но то или другое рѣшеніе имъ этихъ вопросовъ ни въ чемъ не вліяетъ на его метафизическое основоначало.

Если исключить вліяніе, пріобрѣтенное въ довольно широкихъ кругахъ философіею Шопенгауэра, то время, послѣдовавшее за крушеніемъ гегеліанства, можно вообще назвать временемъ упадка интереса къ метафизикѣ, который сталъ замѣтно возрождаться лишь въ послѣднія десятилѣтія. Этотъ упадокъ въ значительной мѣрѣ былъ

обусловленъ вліяніемъ опытной науки, рѣшительно противопоставившей свой плодотворный методъ незаконнымъ притязаніямъ метафизики на вмѣшательство въ непринадлежащую ей область. Въ своей оборонѣ противъ метафизики опытная наука была права; но перейдя отъ обороны въ наступленіе послѣдняя не замедлила обнаружить свою слабость. Отвергая метафизику, опытная наука не можетъ отвергать необходимости *философскаго міровоззрѣнія*, и потому въ своей борьбѣ противъ метафизики должна была сама искать себѣ философскаго союзника. По странному недоразумѣнію такимъ союзникомъ одно время считался *матеріализмъ*, ученіе безъ сомнѣнія также метафизическое, такъ что борьба противъ метафизики стала вестись при помощи метафизики же. Впрочемъ среди наиболѣе выдающихся дѣятелей опытной науки матеріализмъ нашелъ себѣ мало адептовъ. Болѣе сильными союзниками антиметафизической реакціи оказались эмпиризмъ, подновленный позитивизмомъ Огюста Конта, и новокантіанизмъ, остановившійся на отрицательныхъ выводахъ Канта и отвергнувшій тѣ благопріятныя для метафизики ученія, которыя выросли на почвѣ кантова критицизма. Нельзя, конечно, отрицать, что движеніе противъ метафизики, будучи въ принципѣ ошибочнымъ, принесло и метафизикѣ и опытной наукѣ большую долю относительной пользы, способствуя болѣе отчетливому разграниченію ихъ законныхъ областей. Но теперь рѣчь идетъ не о томъ, а о томъ, насколько указанный выше прогрессъ метафизики зависѣлъ отъ успѣховъ опытной науки. На этотъ вопросъ приходится и теперь отвѣчать отрицательно, такъ какъ успѣхи опытной науки въ прошломъ столѣтіи ничего *положительнаго* въ метафизику не внесли. Правда, есть склонность отмѣчать, какъ такое положительное вліяніе, вліяніе доктрины *эволюціонизма*, пущенной въ ходъ Дарвиномъ въ примѣненіи собственно къ органическому міру и обобщенной въ ученіе міровое Гербертомъ Спенсеромъ. Но этотъ эволюціонизмъ, какъ ясно указываетъ Гербертъ Спенсеръ, есть ученіе о феноменальномъ, являющемся; міръ же, какъ таковой, міръ въ себѣ, составляющій собственный предметъ метафизики, отбрасывается имъ въ область *непознаваемаго*. Правда, агностицизмъ Герберта Спенсера отличается отъ господствовавшаго ранѣе эмпиризма тѣмъ, что Гербертъ Спенсеръ признаетъ *бытіе* непознаваемаго и такимъ образомъ отчасти возстановляетъ права метафизики, хотя оставляетъ за нею крайній минимумъ содержанія. Но къ этой своей метафизикѣ онъ приходитъ, какъ указываетъ самъ, подъ воздѣйствіемъ не опытной науки, а *религіи*, значеніе которой, по его

мнѣнію, состоитъ именно въ томъ, что она всегда была хранительницею этого метафизическаго убѣжденія человѣчества.

Мы видѣли такимъ образомъ, что, имѣя своею цѣлью создать непротиворѣчивое ученіе о мірѣ, какъ цѣломъ, метафизика въ движеніи къ этой цѣли проявляетъ несомнѣнный прогрессъ, и что этотъ прогрессъ нельзя никакъ приписывать вліянію успѣховъ опытной науки.

2. Если однако въ развитіи метафизики есть прогрессъ, т. е. приближеніе къ истинѣ, то почему же, спросятъ насъ, столь различна внѣшняя судьба метафизики и опытной науки? Почему, между тѣмъ какъ во второй существуютъ и умножаются въ числѣ общепризнанныя истинными положенія, въ первой такихъ положеній *вовсе нѣтъ*, но принятіе или непринятіе того или иного метафизическаго ученія остается дѣломъ личнаго вкуса? На этотъ вопросъ я отвѣчу слѣдующее.

Прежде всего нужно замѣтить, что, если подъ общепризнанностью научныхъ положеній разумѣть признаніе ихъ наукою безусловно-достовѣрными, такими, за неизмѣнность которыхъ въ будущемъ наука ручается, то число такихъ истинъ въ опытной наукѣ весьма невелико. Здѣсь рѣчь идетъ не объ истинѣ *фактовъ*,—въ которой метафизика потому уже не можетъ соперничать съ опытною наукою, что установлять фактъ не дѣло первой,—но объ истинѣ научныхъ *обобщеній* или такъ называемыхъ *законовъ науки*. Если расположить науки по степени ихъ возрастающей конкретности, то окажется, что по мѣрѣ ея возрастанія уменьшается и число общепризнанныхъ законовъ. И что всего замѣчательнѣе, усиливающееся сомнѣніе въ ихъ безусловной достовѣрности есть порожденіе новаго времени, идущее параллельно съ блестящими открытіями въ области фактовъ.

Математическія положенія стоятъ еще твердо. Но уже въ области геометріи все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ значенія тотъ взглядъ, что ея истины таковы лишь для *нашей* способности воспріятія; и было высказываемо даже мнѣніе, что, быть можетъ, опытъ способенъ обнаружить факты, несогласные съ геометріею Эвклида. Такъ если бы параллаксъ какой-либо очень отдаленной звѣзды оказался *конечнымъ* или *отрицательнымъ*, то говорятъ, что это служило бы инстанціею противъ геометріи Эвклида, въ первомъ случаѣ въ пользу геометріи Лобачевскаго, во второмъ случаѣ—въ пользу геометріи Римана. Провѣрить силу этого аргумента—дѣло астрономовъ и математиковъ. Но

самая *возможность* появленія такихъ возраженій была бы немыслима лѣтъ сто тому назадъ. Аксіоматическій характеръ положеній классической механики о массѣ или инерціи теперь рѣшительно поколебленъ. Переходя къ физикѣ, мы находимъ, что не только всеобщность закона сохраненія энергіи вызываетъ нынѣ сомнѣніе, но что самъ внутренній смыслъ этого закона очень принижается компетентными судьями: „Остается лишь одно выраженіе для начала сохраненія энергіи: *есть нѣчто остающееся постояннымъ*. Въ этой формѣ... онъ сводится къ нѣкоторому тожесловію. Ясно, что если міръ управляется законами, то въ немъ должны быть количества, остающіяся постоянными“ (H. Poincaré, Les sciences et l'hypothèse, стр. 153). Если обратиться за симъ къ частнымъ законамъ астрономіи и физики, то всѣ они испытали и испытываютъ на себѣ еще большее вліяніе научнаго скептицизма. Знаменитый физикъ Веберъ доказывалъ, что ньютоновъ законъ всемірнаго тяготѣнія справедливъ лишь въ предѣлахъ извѣстной скорости движенія тяготѣющихъ тѣлъ. Ученія объ эфирѣ, объ атомахъ, кинетическая теорія газовъ считаются теперь лишь подспорьями изслѣдованія, которыя можно употреблять, пока они полезны, но за истину и долговѣчность которыхъ никто не ручается. Если же отъ физики перейти къ химіи, а затѣмъ къ минералогіи, геологіи, біологіи, то число прочно установленныхъ законовъ еще болѣе будетъ уменьшаться, пока, наконецъ, мы достигнемъ психологіи и наукъ соціальныхъ, въ коихъ даже подобія такихъ законовъ вовсе не существуетъ.

Такимъ образомъ преимущество опытныхъ наукъ передъ метафизикою въ смыслѣ обладанія общепризнанными истинами весьма относительное, и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ опытнаго знанія такого преимущества даже совсѣмъ не замѣчается.

Преимущество общепризнанности проявляется въ опытныхъ наукахъ по сравненію съ метафизикою не столько въ томъ, что первыя *вообще* обладаютъ бо́льшимъ количествомъ прочно установленныхъ истинъ общаго характера,—ибо, какъ указано, многія изъ этихъ наукъ вовсе еще не обладаютъ такими истинами,—сколько *стремленіемъ* спеціалистовъ къ извѣстному единодушію въ рѣшеніи теоретическихъ вопросовъ, стремленіемъ, которое въ метафизикѣ крайне слабо. Это различіе объясняется очень просто слѣдующими соображеніями. Хотя, какъ сказано выше, всякій знающій и мыслящій человѣкъ имѣетъ право критиковать логическую состоятельность опытно-научныхъ теорій, но такъ какъ огромный перевѣсъ знанія и извѣст-

нымъ образомъ воспитанной дисциплины мышленія приходится на долю спеціалистовъ данной науки, то совершенно понятно, что при обсужденіи вопросовъ о пригодности или непригодности той или иной гипотезы рѣшающій голосъ принадлежитъ спеціалистамъ; масса же не-спеціалистовъ покорно вторитъ голосу спеціалистовъ. Но представимъ себѣ такой—фактически, конечно, невозможный—случай, что въ данный моментъ спеціалисты вдругъ исчезли съ лица земли. Во что обратилось бы тогда общее рѣшеніе научныхъ вопросовъ? Изъ числа даже такъ называемыхъ образованныхъ людей весьма немногіе приготовлены, не говоримъ уже къ *рѣшенію* вопросовъ объ истинѣ или пригодности данной теоріи, но даже къ правильному ея пониманію. Даже относительно того сравнительно простого положенія вещи, какъ законъ всемірнаго тяготѣнія, знаніе большинства такъ называемыхъ образованныхъ людей ограничивается тѣмъ, что Ньютону упало на носъ яблоко, и что это навело его мысль о тожествѣ силы, управляющей паденіемъ тѣлъ, съ силою, управляющей взаимными отношеніями планетъ. Какимъ же образомъ это большинство будетъ рѣшать вопросъ объ истинѣ или ложности того, чего оно въ сущности не знаетъ? А вѣдь тутъ мы имѣемъ дѣло съ теоріею, которая сама по себѣ весьма проста и при томъ обсуждалась уже болѣе 200 лѣтъ, такъ что должна бы была глубоко проникнуть въ сознаніе. Что же сказать о болѣе сложныхъ и новѣйшихъ теоріяхъ, вопросы о которыхъ еще дебатируются между учеными. Многіе ли изъ числа не-спеціалистовъ въ состояніи разобраться въ современныхъ электрическихъ гипотезахъ или въ многообразныхъ теоретическихъ вопросахъ, возбужденныхъ гипотезою Дарвина? Во что же въ предполагаемомъ нами случаѣ обратился бы критерій общепризнанности научныхъ теорій?

Предположенный нами случай фактически невозможенъ въ опытной наукѣ; между тѣмъ въ метафизикѣ онъ всегда имѣлъ и имѣетъ мѣсто, такъ какъ по метафизикѣ въ сущности нѣтъ спеціалистовъ [1]). Какой размѣръ и какихъ свѣдѣній нужны для метафизика опредѣлить невозможно. Были между ними люди великой учености, и были люди весьма умѣренныхъ знаній. Это и совершенно понятно, такъ

---

[1]) Нужно замѣтить, что есть и въ числѣ опытныхъ наукъ такія, въ которыхъ, за отсутствіемъ прочно установленныхъ законовъ, голосъ спеціалистовъ очень часто заглушается голосомъ диллетантовъ, особенно если эти науки захватываютъ собою интересы животрепещущіе. Довольно указать на политическую экономію. Экономическими вопросами интересуются всѣ, отъ лавочника до министра, и всѣ рѣшаютъ ихъ совершенно произвольно и авторитетно.

какъ самое понятіе міра, какъ цѣлаго, весьма растяжимо, и принципъ этого понятія — непротиворѣчивость — раскрывается не столько черезъ многознаніе, сколько черезъ возвышеніе и углубленіе мысли. Поэтому люди охотнѣе подчиняются чужому авторитету при обсужденіи періодической системы элементовъ, чѣмъ при обсужденіи вопроса о бытіи Бога. Особенно въ такія эпохи,—а мы живемъ именно въ одну изъ нихъ,—когда прежнія метафизическія гипотезы претерпѣли крушенія, а создать новыя мышленіе еще не въ силахъ, возникаетъ метафизическая анархія и полный произволъ мышленія. Одни хватаются за обломки стараго, подновляя ихъ при помощи вновь изобрѣтенныхъ терминовъ; другіе—и при томъ большинство—отвергаютъ все сплошь, указывая на то, что разобраться въ противорѣчіяхъ метафизическихъ гипотезъ нѣтъ возможности. Тѣ и другіе упускаютъ при этомъ изъ виду, что совершенно такая же анархія и тотъ же произволъ мысли водворились бы и въ наиболѣе точныхъ наукахъ, если бы положенія ихъ установлялись или отвергались по приговору *всѣхъ*.

Именно въ такія эпохи якоремъ спасенія для метафизической мысли является *исторія философіи*, погружаясь въ изученіе которой мы усматриваемъ порядокъ среди кажущагося хаоса и прогрессъ среди кажущихся безцѣльныхъ колебаній мысли. И нужно сказать, что жизнь идетъ навстрѣчу этой потребности. Время упадка метафизики въ XIX вѣкѣ было вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ оживленія ея исторіи. Появленіе классическихъ трудовъ Целлера и Куно Фишера служитъ тому доказательствомъ. Это погруженіе въ исторію и основанную на ней критику уже дастъ нынѣ свои плоды въ видѣ оживленія метафизическихъ интересовъ. Остается ждать дальнѣйшаго,—оживленія самого метафизическаго творчества, если только—эта прибавка необходима—современное и будущія поколѣнія еще окажутся къ нему способными.

Именно здѣсь-то мы и подходимъ къ тому пункту, который слѣдуетъ особенно принять въ соображеніе при сравненіи метафизики съ опытною наукою. Успѣхи послѣдней существенно зависятъ отъ спеціальной подготовки ученыхъ. Если ея спеціальныя основы достаточно упрочены, т. е. если она располагаетъ достаточно выработаннымъ фактическимъ матеріаломъ и техникою изслѣдованія, и если правильно устроены школы для подготовки будущихъ спеціалистовъ, то ея прогрессъ, вообще говоря, является обезпеченнымъ при томъ же среднемъ уровнѣ даровитости ея дѣятелей. Отсутствіе въ данное время

геніальныхъ творческихъ умовъ можетъ, конечно, отозваться въ ней нѣкоторою заминкою въ созданіи великихъ обобщеній и широко-объемлющихъ гипотезъ. Но она попрежнему будетъ накапливать новыя и разбирать и приводить въ систему прежнія свѣдѣнія, т. е. совершать движеніе впередъ. Требуется общее крушеніе культурности, подобное тому, какое испыталъ древній міръ при переходѣ къ средневѣковью, чтобы опытная наука остановилась въ своемъ развитіи или даже пошла вспять. Не то съ метафизикою. Не составляя опредѣленной спеціальности и не производя опытовъ, она въ своемъ развитіи гораздо болѣе зависитъ отъ индивидуальнаго дарованія ея дѣятелей. Геніальность—разумѣю, истинная геніальность, истинное творчество мысли, способность сказать по истинѣ новое слово,—есть вообще рѣдкій даръ природы. Особенно же рѣдка *метафизическая геніальность*, именно вслѣдствіе широты, глубины и сложности вопросовъ о мірѣ, какъ цѣломъ. Никакое накопленіе знаній и никакая школа не пробудятъ и не вызовутъ ея. Поэтому метафизика такъ же, какъ и искусство, движется впередъ не равномѣрнымъ ходомъ, но порывистыми скачками. За рѣдкими моментами великаго мыслительнаго творчества слѣдуютъ времена учености и критики, умножающихъ знаніе и обостряющихъ разсужденія людей, но не создающихъ для метафизики никакихъ новыхъ горизонтовъ. Вслѣдствіе того прогрессъ метафизики является *не обезпеченнымъ* въ будущемъ, не потому, чтобы она *по своей идеѣ* не была прогрессивна, а потому, что никогда нельзя ожидать съ достовѣрностью, послѣдуетъ ли и когда именно новый скачекъ къ метафизической истинѣ. Скажу болѣе: можетъ наступить такое время, когда такого скачка *вовсе уже не послѣдуетъ* вслѣдствіе упадка даровитости въ людяхъ; и тогда прогрессъ метафизики окончательно прекратится, но не по ея винѣ, а въ силу ослабленія и приниженія въ человѣчествѣ высшей силы мышленія. На долю людей, именующихъ себя философами, останется тогда исторія и критика прежнихъ метафизическихъ ученій и выборка изъ нихъ такихъ, которыя будутъ соотвѣтствовать силамъ современнаго философскаго пониманія.

Не наступаетъ ли нынѣ такое время? Въ одной изъ своихъ статей [1]) я старался констатировать постепенное уменьшеніе даровитости высшихъ человѣческихъ націй; и если такой выводъ вѣренъ, то

---

[1]) Ср. Жгучіе вопросы антропологіи и этнографіи (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1906, № 7, стр. 113 и сл.).

и метафизическая геніальность когда-нибудь угаснетъ. Быть можетъ, такой моментъ окончательнаго угасанія уже наступилъ и теперь, и сами современныя нападки на метафизику служатъ лишь его симптомами.

Н. Г. Дебольскій.

РУССКО-ВИЗАНТІЙСКІЕ ДОГОВОРЫ.

(Посвящается памяти Н. В. Калачова).

ВВЕДЕНІЕ.

1. Изученіе текстовъ и ихъ содержанія.

Какъ въ исторіи, такъ и въ современной жизни нерѣдко возникаетъ вопросъ, который изъ двухъ или болѣе существующихъ текстовъ законодательныхъ актовъ долженъ быть признанъ подлиннымъ или офиціально-обязательнымъ. Такіе вопросы возникали и въ нашей кассаціонной практикѣ какъ относительно прибалтійскаго свода узаконеній, такъ и гражданскаго кодекса, дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ на ряду съ обязательнымъ русскимъ текстомъ существуетъ нѣмецкій или на ряду съ французскимъ (обязательнымъ) текстомъ существуютъ частные русскіе переводы. Случаются, впрочемъ, сомнѣнія и въ вѣрности несомнѣнно офиціальныхъ текстовъ общерусскаго свода. На несущественныя разности, конечно, не обращается особеннаго вниманія, но бываютъ и такія опечатки, которыя оказываютъ существенное вліяніе на разрѣшеніе споровъ о правахъ и обязанностяхъ тяжущихся.

Когда подобныя сомнѣнія встрѣчаются въ административной или судебной практикѣ, то они разрѣшаются въ законодательномъ порядкѣ или въ порядкѣ высшаго управленія или, наконецъ, кассаціоннаго разъясненія. И въ этихъ случаяхъ строгая научная критика можетъ приходить къ заключеніямъ, не совпадающимъ съ офиціальными рѣшеніями. Что же сказать о древнихъ юридическихъ памятникахъ, которые безспорно дошли до насъ только въ спискахъ, болѣе или менѣе поврежденныхъ? Очевидно, что вполнѣ точныхъ и вѣрныхъ средствъ для возстановленія не дошедшихъ до насъ подлинниковъ нѣтъ, вслѣдствіе чего рѣчь можетъ быть только о возможномъ приближеніи къ истинѣ.

Порча текстовъ выражается обыкновенно въ недопискахъ, повтореніяхъ, ошибочныхъ припискахъ, перестановкахъ отдѣльныхъ буквъ и цѣлыхъ выраженій, или даже страницъ. Иногда эти неисправности легко исправляются въ виду ихъ явности; но нерѣдко цѣль можетъ достигаться лишь при помощи болѣе или менѣе сложныхъ и тонкихъ соображеній.

Эти замѣчанія вполнѣ примѣнимы и къ текстамъ русско-византійскихъ договоровъ. Первымъ и наиболѣе употребительнымъ средствомъ для возстановленія текстовъ является сличеніе различныхъ списковъ, особенно древнѣйшихъ. Конечно, чѣмъ списокъ новѣе, тѣмъ менѣе внушаетъ онъ къ себѣ довѣрія; но таково только общее правило, въ частностяхъ же иные новѣйшіе списки даютъ весьма цѣнныя разночтенія, которыя должны получить перевѣсъ надъ болѣе древними. Во избѣжаніе случайностей, слѣдуетъ каждый списокъ подвергать особому изученію и опредѣлять, такъ сказать, его удѣльный вѣсъ. Такая работа прежде и болѣе всего сподручна археографамъ и юристамъ, имѣющимъ подъ рукою подлинные старинные списки.

Однако, этому методу не слѣдуетъ придавать преувеличеннаго значенія. Строго говоря, сличеніе между собою различныхъ списковъ въ лучшемъ случаѣ можетъ помочь въ возстановленіи ихъ протографа; но если этотъ протографъ самъ по себѣ былъ уже поврежденъ, то, вмѣсто археографическихъ соображеній, необходимо прибѣгать къ историко-юридическимъ или общелогическимъ. Формулировать эти пріемы общимъ образомъ едва ли возможно; гораздо важнѣе твердо помнить, что не всякое мѣсто, трудное для уразумѣнія и истолкованія, можетъ быть признаваемо испорченнымъ и чѣмъ больше скептицизма проявляетъ въ этомъ отношеніи изслѣдователь, тѣмъ больше у него шансовъ на благополучное рѣшеніе вопросовъ.

Переходя къ русско-византійскимъ договорамъ, надлежитъ также воздерживаться отъ напрасныхъ нареканій на писцовъ. Такъ, придерживаясь правилъ современной намъ грамматики, Г. М. Барацъ смѣло усматриваетъ порчу текста въ выраженіи: *при тѣхъ же цесарихъ Лва и Александра* (надпись на договорѣ 911 г.), но стоитъ ближе присмотрѣться къ различнымъ переводнымъ памятникамъ славяно-русскимъ и сербскимъ, чтобы убѣдиться въ заурядности подобныхъ сочетаній.

Помимо грамматическихъ особенностей, оказывается, что въ отдѣльныхъ случаяхъ невразумительность предложенія зависитъ отъ чрезчуръ буквальнаго перевода съ греческаго подлинника, который (пе-

реводъ) даетъ невѣрное представленіе о дѣйствительномъ смыслѣ, пока не подыщешь другого болѣе подходящаго значенія того греческаго слова, съ котораго данное славянское переведено.

Такъ, въ ст. 6 договора 911 г. всегда казалось подозрительнымъ слово *приготовится*. Казалось, что всего вѣроятнѣе тутъ произошла описка вмѣсто *противится*. Только немногіе, въ томъ числѣ Н. А. Лавровскій, считали это чтеніе вѣрнымъ, при чемъ указывалось, что греч. παρασκευάζειν, значитъ *снаряжаться*, вооружаться. Послѣднее толкованіе находило себѣ опору и въ постановленіяхъ римско-византійскихъ источниковъ, гдѣ противъ дневного вора дозволялось и лишеніе жизни, если онъ былъ при оружіи и потерпѣвшій могъ опасаться за свою жизнь (см. ниже въ объясненіяхъ къ этой статьѣ). Но, помимо такого значенія παρασκευάζειν, необходимо указать и на слѣдующее мѣсто Базиликъ (кн. 60, тит. 17, гл. 6, въ изданіи Геймбаха т. V, стр. 578). Приводимъ латинскій переводъ: vi possidet, qui expulso vetere possessore per vim possessionem apprehendit, vel qui *praeparat* se ipsum contra bonos mores auxilio, ut non prohibetur vi apprehendere possessionem. При этомъ къ слову *praeparat* имѣется объясненіе подъ цифрою 43: forte dolo malo affirmavit fore, ut sequenti die in agro adversi quod accideret, vel eum nunc a gentibus detineri, quod audiens dominus retro cessit.

Въ ст. 9 того же договора возбуждаетъ подозрѣніе выраженіе *идеть сънабдѣти* (ладью). При справкѣ съ греческимъ словаремъ оказывается, что *идеть* есть переводъ ἥκει, что соотвѣтствуетъ нашему *станетъ*, *захочетъ*, а *сънабдѣти* можетъ быть переводомъ какъ греч. σώζειν, спасать, охранять, такъ и ἐκποιεῖν или ἐπισκευάζειν устроить, исправить (см. ниже объясненіе подъ этою статьею).

Дальше, въ ст. 12 того же договора находится: да покажется таковое отъ челядина. Казалось невѣроятнымъ, чтобы къ допросу о бѣгствѣ или похищеніи раба допускался самъ бѣглый рабъ, такъ какъ, по общему правилу, дѣйствовавшему какъ въ Римѣ, такъ и въ Византіи, рабъ не допускался къ свидѣтельству ни въ пользу, ни противъ его господина. Однако, въ Дигестахъ (кн. 22, тит. 3, фр. 7) читаемъ: quum probatio prioris fugae deficit, servi quaestioni credendum est; in se enim interrogari, non pro domino, aut in dominum videtur, (ср. также Код. Юстин. кн. 9, тит. 41, гл. 15). И по Лит. Стат. (изд. 1588 г., разд. 3, арт. 38, § 1), въ видѣ доказательства принималось и собственное признаніе бѣглаго раба; показаніе раба имѣло значеніе и по Соборному Уложенію (XX, 54).

Однимъ словомъ, прежде чѣмъ рѣшиться на окончательное рѣшеніе, что данное слово или выраженіе искажено, необходимо самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовать архаизмы какъ словарные, такъ и грамматическіе, при которыхъ спорное мѣсто можетъ оказаться подлиннымъ, неповрежденнымъ. Далѣе, слѣдуетъ обращать вниманіе на стилистическое строеніе статей, напр. на характеръ противоположенія, которое способствуетъ надлежащему уясненію сомнительной части статьи.

Для приближенія къ цѣли, необходимо уяснить себѣ самому, въ чемъ сущность затрудненія и отъ чего оно зависитъ. Такія размышленія, опираясь на внутреннюю логическую и юридическую связь даннаго мѣста съ другимъ и природою института, всегда вводятъ вопросъ въ довольно тѣсные предѣлы и ограничиваютъ число допустимыхъ предположеній, изъ которыхъ остается выбрать болѣе вѣроятное или болѣе обоснованное.

При изученіи текстовъ, равно какъ при разрѣшеніи вопросовъ толкованія и юридической догмы, мы старались основываться на первоисточникахъ, избѣгая, безъ надобности, критики мнѣній предшественниковъ. Такой способъ работы, съ одной стороны, избавляетъ отъ непроизводительной затраты времени и труда, а съ другой— сосредоточиваетъ вниманіе не на постороннихъ вопросахъ и соображеніяхъ, а на самомъ важномъ и существенномъ.

Далѣе, при разрѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ приходилось перебирать различныя комбинаціи, допуская послѣдовательно разныя предположенія и оцѣнивая относительные недостатки и достоинства каждаго. Иной разъ окончательный или самый вѣроятный выводъ являлся уже долго спустя послѣ того, какъ произведена была продолжительная критическая работа надъ возможными предположеніями. Можно было бы, пожалуй, выпустить продуманное и написанное прежде, ограничившись краткимъ догматическимъ обоснованіемъ послѣдняго вывода, но, имѣя въ виду, что и другимъ изслѣдователямъ могутъ приходить на умъ оставленныя мною мысли и опроверженіе ихъ потребуетъ особаго труда, я не вычеркивалъ того, на что потрачено было достаточно времени и размышленія.

Извѣстно, что въ древнѣйшемъ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи листы, на которыхъ были написаны договоры 907 и 911 гг., отсутствуютъ. Поэтому, при изученіи ихъ текстовъ, въ основаніе положенъ списокъ Ипатскій, но такъ какъ большая часть договора 907 г. повторена почти въ тѣхъ же выраженіяхъ во 2-ой статьѣ договора

945 г., то въ подлежащихъ мѣстахъ принимался въ соображеніе и соотвѣтственный текстъ Лаврентьевскаго списка. Кромѣ того, мы пользовались тамъ и сямъ варіантами, приводимыми акад. А. А. Шахматовымъ въ его критическомъ изданіи *Повѣсти временныхъ лѣтъ*.

Статьи воспроизводятся нами по рукописямъ, включая сюда и явныя описки, повторенія, пропуски, а равно орѳографію, насколько это возможно при гражданской печати. Титла раскрываются въ скобкахъ, а буквы, написанныя надъ строками, пишутся въ рядъ курсивомъ. Знаки препинанія мы разставляли по нашему разумѣнію, такъ какъ въ Хрестоматіи проф. Владимірскаго-Буданова разстановка ихъ не вездѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительной связи между различными частями предложенія. Въ изданіи (учебномъ) Повѣсти временныхъ лѣтъ, выпущенномъ археографическою комиссіею въ 1910 г., многое улучшено въ этомъ отношеніи. Иногда правильное рѣшеніе вопроса о разстановкѣ знаковъ зависитъ отъ болѣе или менѣе сложныхъ соображеній, относящихся къ юридической сторонѣ дѣла. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ подлежащая разстановка знаковъ вліяетъ на смыслъ статьи, мы предлагаемъ свои соображенія, по которымъ мы остановились на одной изъ двухъ или болѣе возможныхъ.

2. Критика текстовъ, дивинаторный методъ ихъ исправленія и его недостатки.

Всѣ изслѣдователи русской старины согласны въ томъ, что тексты договоровъ болѣе или менѣе испорчены, но расходятся между собою въ мнѣніяхъ о степени ихъ поврежденія.

Не заходя далеко въ прошлое, приведемъ только взгляды двухъ ученыхъ, занимавшихся договорами за послѣднее десятилѣтіе: мы говоримъ о трудахъ: А. В. Лонгинова—„*Мирные договоры Русскихъ съ Греками, заключенные въ X вѣкѣ*“ и Г. М. Бараца — „*Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіею*“. А. В. Лонгиновъ на стр. 20 своей книги пишетъ: „текстъ договорныхъ грамотъ X вѣка дошелъ до насъ *нѣсколько поврежденнымъ*; однако, поврежденія, выразившіяся то въ сокращеніяхъ, то въ замѣнахъ или перестановкахъ, то въ опискахъ („на день“ вмѣсто *на дань* и т. п.), къ счастью не затемнили смысла договорныхъ грамотъ, хотя и очень затруднили ихъ возстановленіе. Переписчики лѣтописей, „книжные списатели“, копируя ихъ, нерѣдко для князей, какъ монахъ Лаврентій для князя Дмитрія Константиновича, по благословенію епископа Діонисія Суздальскаго, Новгородскаго и Городскаго, благого-

вѣйно вникали въ замысловатый слогъ договоровъ, дорожили ими, какъ драгоцѣннымъ великимъ памятникомъ и блестящимъ украшеніемъ лѣтописи, а потому въ большинствѣ, несмотря иногда на ветхость, неразборчивость и слитность письма, дѣлали снимки съ нихъ весьма старательно. Такъ монахъ Лаврентій подъ 945 годомъ написалъ „почаетъ пакость“ вмѣсто „*по(ус)чаетъ пакост(ит)ъ* странѣ его“, а въ ст. о выкупѣ плѣнныхъ написалъ „не купять“ вмѣсто „искупятъ“, только единственно потому, что „умъ молодъ не дошелъ“. Сильно пострадали отъ измѣненія лишь кое-какіе списки болѣе поздняго происхожденія, напр. Воскресенскій, Тверской. На нѣкоторыхъ спискахъ договоровъ 911 и 945 гг., по образцу быть можетъ существовавшихъ подлинныхъ заголовковъ, напр.: „О Корсунстѣй странѣ“, съ теченіемъ времени приставлены новые, отвѣчающіе содержанію статей заголовки: „О лодіѣ съ товаромъ“; „О головной татьбѣ“ и др.

Сопоставимъ съ этимъ отзывомъ мнѣніе Г. М. Барада (стр. VII): „между тѣмъ вникая въ разсмотрѣніе помянутыхъ актовъ (договоровъ), нельзя не убѣдиться, что безсмысленность ихъ происходитъ не отъ чего другого, какъ только отъ допущенныхъ писцами разнообразныхъ погрѣшностей, изъ коихъ главнѣйшія суть: 1) замѣна буквъ *н* и *о* буквами *и* и ѿ, 2) смѣшеніе частицы *и* въ значеніи союза съ и́—винительнымъ падежомъ личнаго мѣстоименія 3 л. м. р., 3) ошибочное принятіе буквенныхъ знаковъ за числительные и наоборотъ, 4) искаженіе словъ черезъ перестановку входящихъ въ составъ ихъ буквъ, 5) многоразличныя ошибки при выводѣ словъ, писанныхъ сокращенно, изъ-подъ титловъ, 6) ошибочное опущеніе надстрочныхъ буквъ и т. д. Но всѣ эти описки и промахи, какъ они ни затрудняютъ пониманіе договорныхъ грамотъ, маловажны сравнительно съ самымъ кардинальнымъ грѣхомъ переписчиковъ, заключающимся въ *перестановкахъ* (курсивъ г. Барада) цѣлыхъ статей, періодовъ, фразъ и отдѣльныхъ словъ. На этотъ родъ порчи, отъ котораго въ большей или меньшей степени страдаютъ всѣ, вообще, произведенія древнерусской письменности, мнѣ приходилось уже неоднократно указывать въ цитируемыхъ въ настоящемъ трудѣ прежнихъ своихъ посильныхъ работахъ. Но на сей разъ *перестановки, по чрезмѣрному ихъ множеству, превосходятъ всякое представленіе*“ (курсивъ мой).

Для устраненія этого зла Г. М. Барадъ не видитъ другого средства, кромѣ такъ называемаго имъ *дивинаторнаго* или *конъектуральнаго* метода.

Сущность дивинаторнаго или конъектуральнаго метода объясняется

Г. М. Барацомъ такъ: „это устраненіе изъ каждаго даннаго предложенія словъ и фразъ, ошибочно приплетенныхъ переписчиками, и перестановка ихъ въ тѣ мѣста какъ самыхъ же договорныхъ грамотъ, такъ и лѣтописныхъ повѣстей, гдѣ они должны стоять и первоначально несомнѣнно стояли, но по оплошности списателей, были пропущены, а также перенесеніе съ однихъ мѣстъ на другія цѣлыхъ сегментовъ и періодовъ“ (стр. VIII).

Объясненіе это оставляетъ насъ въ полной неизвѣстности о тѣхъ повѣрочныхъ средствахъ, съ помощью коихъ читатель можетъ убѣждаться въ правильности утвержденій исправителя, что данное слово или выраженіе дѣйствительно повреждено, т. е. измѣнено, переставлено, сокращено или увеличено противъ подлинника, что оно здѣсь неумѣстно, а должно быть перенесено въ другое мѣсто и именно въ какое. Очевидно, все дѣло сводится къ особенной чуткости или догадливости исправителя, или своего рода вдохновенію, словомъ, къ пріему ненаучному.

При этомъ нельзя не замѣтить, что понятія о полнотѣ или стороннемъ неправильномъ расширеніи текста въ значительной мѣрѣ субъективны. Въ этомъ отношеніи нельзя не считаться съ личными особенностями каждаго пишущаго или редактора: одинъ пишетъ чрезчуръ сжато, часто не досказывая того, что въ глазахъ другого требовало бы болѣе обстоятельнаго и точнаго изложенія; другой, напротивъ, по природѣ многословенъ и изъ опасенія быть непонятымъ впадаетъ въ ненужную растянутость. Такимъ образомъ, помимо общихъ представленій о правильности и неправильности выраженія мыслей, необходимо изучить индивидуальныя особенности каждаго писателя или редактора, чтобы произвольно не признавать стороннимъ вмѣшательствомъ то, что въ дѣйствительности является слѣдствіемъ личной манеры мышленія и писанія.

Далѣе, тщательное изученіе послѣдовательности статей въ договорахъ 911 и 945 гг. и внутренняго строенія отдѣльныхъ постановленій убѣждаетъ въ томъ, что о какихъ-либо произвольныхъ позднѣйшихъ перетасовкахъ цѣлыхъ статей не можетъ быть рѣчи. Если только не исходить изъ какихъ-либо предвзятыхъ точекъ зрѣнія, то расположеніе можетъ показаться неудовлетворительнымъ съ точки зрѣнія современной схематики, но въ смыслѣ реальнаго расположенія матерій, ничто не указываетъ на какія-либо умышленныя, а тѣмъ болѣе безсмысленныя искаженія и передѣлки. Въ этомъ отношеніи цѣли сторонъ, для насъ теперь неясно обрисовывающіяся, а засимъ

складъ мыслей у редакторовъ обязываютъ современнаго намъ изслѣдователя къ еще большей осторожности: легкій скептицизмъ легко принимаетъ за ненормальное и неестественное то, что, при глубокомъ, вдумчивомъ изученіи, оказывается вполнѣ правильнымъ. Составивъ себѣ заранѣе взглядъ на подлежащую формулировку положеній, мы рискуемъ придавать значеніе порчи текста такимъ явленіямъ, которыя въ сущности относятся уже къ области редакціи.

Изученіе древнѣйшихъ списковъ договоровъ обнаруживаетъ подчасъ совершенное непониманіе переписываемаго, выражающееся въ превратномъ употребленіи мѣстоименій *нашъ* и *вашъ*, что должно быть приписываемо либо невниманію переписчиковъ, либо тому, что замѣна одного мѣстоименія другимъ произошла уже въ протографахъ, а языкъ подлинника былъ уже настолько архаиченъ для переписчика, что онъ не въ состояніи былъ разобраться въ содержаніи статей [1]). Кромѣ того въ спискѣ Ипатскомъ сохранилось немало слѣдовъ читательскаго подновленія текста, въ родѣ приписки слога *по* къ древнему слову *сли*, такъ что получается *посли*, *прѣ* исправлено на *парусы*, въ иныхъ мѣстахъ, наприм., въ ст. 5 договора 945 г., переставлены слова изъ видимаго желанія упростить строй рѣчи и приблизить его къ требованію позднѣйшаго русскаго языка (что было сдѣлано еще до написанія нынѣшняго текста ея). Здѣсь дѣйствительно обнаруживается невѣрное пониманіе смысла переписываемаго, но и это скорѣе должно быть приписываемо какому-нибудь читателю-правщику. Несомнѣнно, что первоначальная орѳографія пострадала, вѣроятно, при первой же перепискѣ договоровъ для внесенія въ лѣтопись, для облегченія читателя. Отсюда руссицизмы въ видѣ полногласія (*городовъ* вмѣсто *градовъ*, *сторонъ* вмѣсто *странъ*, *то* вмѣсто *тъ*=тотъ), но замѣна не выдержана послѣдовательно, мѣстами старина прорывается. Далѣе, какъ увидимъ, попадаются пропуски и иногда значительные, какъ наприм., въ ст. 7 дог. 945 г. Лаврентьевскаго списка, такіе же пропуски попадаются въ ст. 8 договора 911 г. по сп. Ипатскому (частица *не*, см. ниже въ объясненіяхъ); но отсюда еще очень далеко до тѣхъ мнимыхъ передѣлокъ и искаженій, которыя приписываются переписчикамъ Г. М. Барацомъ.

---

[1]) Акад. А. А. Шахматовъ въ статьѣ *Нѣсколько замѣчаній о договорахъ съ Греками Олега и Игоря* („Зап. Неофилолог. Общ.“ вып. VIII, за 1914 г., въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 18 и 19) объясняетъ эти ошибки неудачною механическою передѣлкою редакціи второго экземпляра договоровъ; но естественнѣе допускать ошибки у переписчиковъ, чѣмъ у редакторовъ подлинныхъ переводовъ.

Таковы общія замѣчанія относительно сущности дивинаторнаго метода и невниманія къ особенностямъ переписчиковъ и читателей-правщиковъ. Остановимся теперь на частностяхъ.

Прежде всего г. Барацъ произвольно измѣняетъ прямое значеніе словъ. Такъ, напр., произвольно замѣнивъ въ договорѣ 907 г. *мовъницы-мытницами*, онъ послѣднее слово принимаетъ въ значеніи *товарныхъ складовъ*, тогда какъ буквально это могло бы значить только *таможни*. Какихъ-либо параллельныхъ мѣстъ въ подтвержденіе своего толкованія г. Барацъ не приводитъ (стр. 174).

Въ ст. 2 Игорева договора *печати* оказываются *грамотами*, что не подтверждается приводимыми имъ цитатами изъ сербскихъ хрисовуловъ и изъ русскихъ источниковъ. Въ сербскомъ законодательствѣ практиковались два способа вызова въ судъ: чрезъ *печати* и чрезъ *грамоты* (книги): властеле вели да се призиваю *съ книгомъ* соудиномь, а прочи *съ печатиомъ* (Законникъ Стефана Душана, въ приложеніи къ книгѣ проф. Флоринскаго: *Памятники законодательной дѣятельности Душана*, стр. 2). Не нужно смѣшивать *печатей*, прилагаемыхъ къ *грамотамъ* въ удостовѣреніе ихъ подлинности, съ *печатями* (быть можетъ въ видѣ *перстней*), служившими знаками отличія или достоинства. Такого рода *печати* выдавались русскими князьями своимъ посламъ и гостямъ, отправлявшимся въ Грецію, но, вѣроятно, проходимцы злоупотребляли этими знаками, которые могли быть добываемы и путемъ преступленій, а потому договаривающіяся стороны замѣнили на будущее время *печати—грамотами*.

Въ той же статьѣ Игорева договора постановлено, что если кто изъ Руссовъ или Грековъ *„створитъ криво“*, то царевъ мужъ *да оправляетъ то*, т. е. если кто совершитъ кривду, *беззаконіе* (по-сербски кривина, кривецъ), то царскій чиновникъ долженъ за это наказать (см. ниже наши объясненія къ этой статьѣ); но это простое объясненіе, оправдывающееся и параллельными мѣстами, замѣняется искусственнымъ: *створитъ криво* получаетъ значеніе *искривитъ* (испортить) вѣсы, а *оправляетъ—исправляетъ по образцовымъ гирямъ*, хранившимся у св. Мамы (стр. 177—178).

Частица *ти* употребляется по-славянски и по-древнерусски, то какъ усиливающая другое слово, наприм., въ Русской Правдѣ по Кар. сп. ст. 42: то ти отроци смердомъ, или въ смыслѣ *союза и*. *Ти тако* многократно стоитъ вмѣсто греческаго καὶ οὕτως. Ср. въ договорѣ Игоря (ст. 14) *ти тако* пущенъ будетъ. Въ Евангеліи отъ Марка (см. трудъ проф. Г. Воскресенскаго: *Древне-славянское Еван-*

геліе, Сергіевъ-Посадъ 1894 г., стр. 156—157) *ти егда* имѣетъ при себѣ варіанты *и егда*, *егда же*. Въ одномъ мѣстѣ можно принимать ти въ значеніи *такъ*: *ти аще* ключится близъ земли Грецькы (ст. 8 дог. 911 г.). Говоримъ это условно, т. е. если въ данномъ мѣстѣ нѣтъ порчи текста (см. ниже объясненіе къ этой статьѣ). Но никогда *ти* не значитъ *такимъ же образомъ* и не имѣетъ къ себѣ варіанта *такоже*, какъ указываетъ Г. М. Барацъ (стр. 131 и 237). Поэтому нѣтъ надобности исправлять *ти* на *и* въ приведенномъ выше выраженіи: ти тако пущенъ будеть (стр. 141).

Въ ст. 4 Олегова договора говорится: *идеже аще* створить убійство, т. е. *гдѣ только*. Въ цитированномъ уже трудѣ проф. Воскресенскаго (стр. 188) вмѣсто *идеже аще* находимъ *идеже колиждо*. Вообще, славянское *аще* послѣ мѣстоименія *иже* или нарѣчій мѣста, напр., *идеже*, соотвѣтствуетъ латинской частицѣ cunque (см. словарь древнеславянскаго языка Миклошича подъ словомъ *аще*); но г. Барацъ хочетъ упразднить значеніе слова *идеже*, полагая, что оно вмѣстѣ съ *аще* означаетъ то же, что простое *аще* (стр. 88—89).

Далѣе, въ ст. 6 того же договора говорится: *аще вдасть руцѣ* (воръ), чтобы связать его; но Г. М. Барацъ переноситъ *руцѣ свои* въ ст. 2 того же договора (не вдадимь *руцѣ свои*) и переводитъ: *да не способствуемъ* (стр. 78 и 233).

Въ упомянутой же сейчасъ статьѣ сказано: *потщимся на схраненіе*, и такъ какъ Г. М. Барацъ рѣшилъ воспользоваться словомъ *потщимся* въ другомъ мѣстѣ, то вмѣсто вполнѣ правильнаго оборота ставится сокращенное *схранимъ* (стр. 76). Тамъ же *прочихъ и всегда* (τῶν ἀεῖ) лѣтъ (родит. времени) исправляется приставкою въ началѣ предлога *на*, здѣсь совершенно недопустимою ни въ славянскомъ, ни въ русскомъ языкѣ.

Въ ст. 3 того же договора читается: да не кленеться часть та, иже ищеть неятью вѣры. Текстъ этотъ видимо поврежденъ (см. наши объясненія къ этой статьѣ), но смыслъ его ясенъ.

Между тѣмъ Г. М. Барацъ, исходя изъ стороннихъ теоретическихъ соображеній (стр. 82, 85), передѣлываетъ предложеніе такимъ образомъ: да кленеться часть та, *иже есть ина той части*, *иже ищеть*.

Ст. 13 того же договора также подвергнута капитальной передѣлкѣ. Къ одной части ея мы будемъ имѣть случай возвратиться ниже, когда будемъ говорить о мнимомъ вліяніи еврейскаго права на договоры; здѣсь же мы остановимся на второй части, которая въ на-

личномъ традиціонномъ текстѣ гласитъ: аще ли створить обряженіе таковый, възметь уряженое его, кому будеть писалъ наслѣдити имѣнье, да наслѣдить е. Разставляемъ здѣсь знаки согласно печатному (учебному) изданію лѣтописи по Лаврентьевскому списку 1910 г. Можно спорить о томъ, какъ вѣрнѣе будетъ разставлять знаки препинанія и къ чему относить *таковый*, т. е. къ завѣщателю, при чемъ запятая должна быть поставлена послѣ этого слова, или къ наслѣднику, и тогда запятая должна быть поставлена предъ *таковый*, далѣе, къ чему относится слово *имѣнье*—къ ближайшему ли глаголу *наслѣдити* или къ стоящему выше выраженію *възметь уряженое его*. Въ послѣднемъ случаѣ оборотъ рѣчи еще рѣзче выдаетъ греческій оригиналъ, въ первомъ меньше, но все-таки ничто не оправдываетъ коренной ломки или перестановки словъ, болѣе привычной современному намъ складу рѣчи. Что же дѣлаетъ г. Барацъ? Аще ли створить (уряженое [чит. *уряженіе*], таковый, кому будеть писалъ наслѣдити имѣнье его, да наследить (вар.: возметь) е (стр. 239). Начать съ того, что въ наличномъ текстѣ послѣ *створить* стоитъ именно *обряженіе* (форма, столь же правильная, какъ и *уряженіе*, см. у насъ объясненія на ст. 13 дог. 911 г.) и, стало быть, незачѣмъ ставить на мѣсто его *уряженое* и потомъ передѣлать въ *уряженіе*, а засимъ *взять уряженое имѣнье* есть фактъ физическій, а унаслѣдовать имѣнье—актъ духовный, и признавать одно выраженіе варіантомъ другого совершенно неосновательно.

Здѣсь кстати будетъ остановиться на одной, прямо непостижимой, ошибкѣ, въ которую впалъ Г. М. Барацъ. Кто читаетъ договоры безъ предубѣжденія или предвзятаго взгляда, тотъ не усомнится ни на минуту, что передъ нимъ не оригинальныя, а переводныя произведенія [1]). Развѣ руссъ или истый славянинъ, думая на своемъ родномъ языкѣ и излагая на немъ свои мысли, въ состояніи былъ написать предложенія въ родѣ только что приведенныхъ? Не могъ этого написать и іудео-хозаръ, если согласиться съ г. Барацомъ, что между послами были евреи, вышедшіе изъ Хозаріи. А вотъ для образца хоть еще одинъ примѣръ: аще ли *кто* отъ людій царства нашего, или отъ города нашего, или отъ инѣхъ городъ, ускочить *челядинъ нашъ* къ вамъ, т. е. если *какой-нибудь нашъ челядинъ* ускочитъ къ вамъ. А между тѣмъ Г. М. Барацъ силится, при всякомъ случаѣ, оспаривать мнѣніе Н. А. Лавровскаго о преобладаніи въ договорномъ

---

[1]) Исключеніе допустимо развѣ для договора, вѣрнѣе проекта 907 г.

языкѣ византійскаго элемента. Если бы г. Барацъ стоялъ на этомъ незыблемомъ фундаментѣ, то онъ избѣгъ бы очень многихъ ошибокъ.

Далѣе, мы можемъ заявить, что мы сличали самымъ тщательнымъ образомъ реформированный Г. М. Барацомъ текстъ съ наличнымъ и указаніями его же на то, какимъ образомъ онъ составлялъ каждую статью. И вотъ къ какимъ мы пришли заключеніямъ.

1. Тексты договоровъ, особенно договора 911 г., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отличаются многословіемъ, такъ что въ отдѣльныхъ мѣстахъ мысль автора могла бы, съ пользою для дѣла, быть выражена короче, съ опущеніемъ нѣсколькихъ словъ, а то и цѣлыхъ предложеній. Послѣднее замѣчаніе относится главнымъ образомъ, но не исключительно, къ предисловіямъ. Неудивительно, поэтому, что въ такихъ мѣстахъ выемка словъ, ненужныхъ для логическаго смысла, не вредитъ и литературной цѣлости предложеній. Однако, полнота фразы сама по себѣ еще не доказываетъ ея измѣненія переписчиками (см. ниже объясненія на ст. I договора 911 г.).

2. Есть нѣсколько мѣстъ, гдѣ внесеніе одного или двухъ новыхъ словъ также не портитъ сущности основной мысли, но если мысль наличнаго текста и такъ ясна и по существу правильна, то измѣнять текстъ ради исправленія редакціи опять не приходится.

3. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ выемка словъ и перенесеніе ихъ въ другое мѣсто производятъ разстройство въ обоихъ мѣстахъ. При этомъ совершается не простая пересадка, а цѣлая сложная искусственная процедура, въ чемъ убѣждаетъ одинъ внѣшній видъ реставрированнаго текста. Въ сущности, это настоящая актовая хирургія, которая, однако, не исцѣляетъ сломаннаго или вывихнутаго члена, а вырѣзываетъ цѣлые неповрежденные органы, засимъ индѣ отсѣкаетъ кусокъ, индѣ припускаетъ, а въ общемъ увѣчитъ текстъ. Но въ этомъ убѣждаешься только тогда, когда внимательно вчитываешься въ традиціонный текстъ и провѣряешь всѣ шаги, сдѣланные авторомъ для полученія своего текста.

Съ другой стороны, не нужно быть спеціалистомъ по исторіи русскаго права, чтобы понять, что будь реконструированный г. Барацомъ текстъ сколько-нибудь близокъ къ первоначальному, а традиціонный былъ бы продуктомъ невѣжественныхъ переписчиковъ, то пришлось бы и послѣднихъ возвести въ рангъ чуть ли не художниковъ sui generis. Чтобы продѣлать съ текстами такую метаморфозу, требуется весьма и весьма незаурядное искусство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаясь, елико возможно—не по предвзятому

взгляду, а по строгому разбору—въ предѣлахъ традиціонныхъ текстовъ, мы пришли къ убѣжденію, что даже въ самыхъ поврежденныхъ изъ нихъ всегда сохранена основная главная мысль нормы и что колебанія возможны въ частностяхъ, изгибахъ или оттѣнкахъ.

4. Г. М. Барацъ, приступая къ своей работѣ, смѣшалъ двѣ различныя задачи: а) *возстановленіе текста въ его первоначальномъ видѣ*, т. е. устраненіе только всей пыли и порчи, которой текстъ подвергся въ теченіе вѣковъ частью сознательно, частью безсознательно со стороны читателей и переписчиковъ, и б) *созданіе одного своднаго, при томъ улучшеннаго текста, по возможности въ духѣ русско-византійскихъ договоровъ X вѣка.* Автору казалось, что ему нужно *дать единое нераздѣльное цѣлое*, своего рода синтезъ русско-византійскаго международнаго права X вѣка, тогда какъ ему надлежало поднести читателю четыре самостоятельныхъ акта, отдѣленныхъ другъ отъ друга большимъ или меньшимъ промежуткомъ времени. Окидывая общимъ взглядомъ то, что сдѣлано Г. М. Барацомъ, я рисую себѣ такую картину. У одного хозяина было четыре сада, посаженныхъ въ разное время. Были деревья одной породы и приблизительно одинаковыхъ размѣровъ въ двухъ изъ этихъ садовъ, другіе попадались въ трехъ. И вотъ садовникъ нашелъ, что лучше было бы объединить ихъ. Съ этой цѣлью онъ сталъ подбирать деревья по породамъ къ однимъ мѣстамъ: деревья, похожія на тѣ, къ которымъ онъ ихъ присаживалъ, окапывались и стали именоваться варіантами основныхъ. Однако, изъ четырехъ садовъ не удалось образовать одинъ, вполнѣ стройный, красивый, упорядоченный. Пришлось все-таки кое-что оставить въ видѣ отрѣзковъ. Кромѣ того, при пересадкѣ нельзя было оставлять пересаживаемыя деревья нетронутыми: въ иномъ мѣстѣ нужно было подпилить, въ другомъ прикрѣпить что-нибудь или задѣлать. Въ такомъ видѣ садовникъ передалъ садъ хозяину.

3. Русскій и византійскій элементы въ русско-византійскихъ договорахъ.

Изъ четырехъ актовъ соглашенія между Русью и Греками, разновременно заключенныхъ въ теченіе X вѣка, первый—(907 г.) въ сущности представляетъ собою не окончательный утвержденный договоръ, а предварительное соглашеніе, которое должно было еще быть оформлено надлежащимъ порядкомъ (см. ниже въ объясненіяхъ къ этому договору). Съ большою вѣроятностью мы можемъ допустить, что достигнутое здѣсь соглашеніе получило окончательную санкцію въ

недошедшемъ до насъ актѣ, такъ какъ большая часть условій, вошедшихъ въ актъ 907 г., потомъ возобновлена въ договорѣ 945 г. (ст. 2). Остальные три акта были итогами предшествовавшихъ имъ событій и переговоровъ, въ которыхъ обѣ стороны дѣлали другъ другу большія или меньшія уступки.

Въ данномъ мѣстѣ намъ особенно цѣннымъ представляется все то, что проливаетъ свѣтъ на сохранившееся въ договорахъ русское правовоззрѣніе. Если бы договоры были механическимъ соединеніемъ русскихъ и греческихъ нормъ, то рѣшеніе задачи было бы нетрудно: стоило бы только отдѣлить элементъ греческій, оставившій по себѣ яркій слѣдъ въ обильныхъ національныхъ правовыхъ памятникахъ, и тогда остатокъ знаменовалъ бы начала русскаго права. На дѣлѣ видимъ не то: мѣстные національные элементы скрещиваются между собою такъ, что въ результатѣ получается сложное составное цѣлое, не совпадающее ни съ однимъ изъ отдѣльно взятыхъ постановленій русскаго и греческаго права.

Къ тому же свѣдѣнія наши о собственно русскомъ правѣ X столѣтія такъ скудны, что и сравненіе договоровъ съ какими-либо современными имъ туземно-русскими источниками права можетъ быть проведено въ крайне ограниченныхъ предѣлахъ.

На первомъ планѣ стоитъ, конечно, Русская Правда въ I-й части древнѣйшей редакціи, которой нѣкоторые историки права придаютъ значеніе памятника, воспроизводящаго обычно-народное правовоззрѣніе чуть ли не VIII вѣка. Наиболѣе рѣзкимъ глашатаемъ этого направленія является проф. Гётцъ въ I-омъ томѣ его: Das Russische Recht, но недалеко отъ него отступаетъ и проф. А. Н. Филипповъ въ его русской рецензіи на всѣ четыре тома изслѣдованія г. Гётца (въ VI [II] томѣ „Юридическаго Вѣстника“ 1914 г.). Другіе изслѣдователи осторожнѣе въ этомъ отношеніи и не только придерживаются болѣе традиціи, соединяющей древнѣйшую редакцію Русской Правды въ ея первой половинѣ съ именемъ Ярослава Мудраго, но готовы признать въ ней продуктъ не массоваго правовоззрѣнія, а среды болѣе замкнутой, военно-торговой, подчинившейся въ нѣкоторой степени стороннему вліянію, греческому или скандинавскому, или частью тому, частью другому. Мы можемъ считать Русскую Правду въ ея древнѣйшей части законодательнымъ памятникомъ Кіевской Руси, составленнымъ на основаніи княжеской судебной практики, имѣвшей значеніе приговоровъ по единичнымъ дѣламъ, но вмѣстѣ и уставовъ—прецедентовъ для будущаго времени. Это былъ хотя крат-

кій, но все-таки не хронологическій, а систематическій сборникъ, въ которомъ соединены были исключительно карательныя постановленія о преступленіяхъ противъ жизни, личной неприкосновенности и правъ на имущество, большею частью вещныхъ, а отчасти и обязательственныхъ. Ярославъ Мудрый не составилъ Русской Правды нарочито для новгородцевъ, а только распространилъ ее на Новгородъ, т. е. вручилъ имъ списокъ ея. Подлинная Правда, вѣроятно, составлена была, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, кодификаціоннымъ порядкомъ: отдѣльные разрозненные приговоры, по повелѣнію князя, были объединены и обработаны довѣреннымъ лицомъ безъ всякой торжественности и шума народнаго вѣча, вслѣдствіе чего это въ нашихъ глазахъ очень важное событіе прошло незамѣченнымъ въ жизни и въ лѣтописи. Напротивъ, въ Новгородѣ этотъ *свитокъ законовъ* былъ данъ при торжественной обстановкѣ, послѣ удачнаго военнаго похода и это было отмѣчено въ лѣтописи [1]).

При томъ вліяніи, какое имѣли варяги на ходъ событій въ жизни русскаго государства первыхъ вѣковъ (IX—XI), Русская Правда не могла не отразить отдѣльныхъ свойствъ варяжскаго правовоззрѣнія, а частью и византійскаго. Читая первыя статьи древнѣйшей редакціи, мы живо чувствуемъ, что цѣль ихъ заключается въ болѣе точномъ опредѣленіи и ограниченіи права мести за убійство и оскорбленіе дѣйствіемъ. Это не давняя народная старина, а новое вѣяніе, вѣроятно, подъ вліяніемъ духовенства. При такомъ положеніи, если бы мы и допустили, что постановленія Русской Правды мало чѣмъ отличаются отъ нормъ, дѣйствовавшихъ въ княжеской судебно-законодательной практикѣ X вѣка, то во всякомъ случаѣ мы не рѣшились бы провозглашать этотъ памятникъ выраженіемъ массоваго обычно-народнаго правовоззрѣнія [2]). Но за неимѣніемъ другихъ источниковъ, которые знакомили бы насъ съ послѣднимъ, мы должны поневолѣ въ своихъ разсужденіяхъ считаться съ содержаніемъ Русской Правды, особенно въ первой половинѣ краткой редакціи. Это не мѣшаетъ намъ прини-

---

[1]) Изложенный выше взглядъ нами обоснованъ въ имѣющей появиться рецензіи на книгу проф. *Н. А. Максимейко* „Опытъ критическаго изслѣдованія Русской Правды", вып. I, X. 1914 г.

[2]) Можно допустить, что и княжеско-судебная практика и послѣдующая ея кодификація болѣе или менѣе отражали и мѣстное народное право Кіевщины; но ни теоретически, ни практически нельзя допускать, чтобы практическому дѣятелю или юристу-теоретику XI вѣка хотѣлось, а тѣмъ болѣе удалось зафиксировать въ какихъ-нибудь 17 статьяхъ обычное уголовное право всей тогдашней Руси.

мать Русскую Правду за выраженіе русскаго права того времени въ томъ же смыслѣ, какъ мы признаемъ нашъ Сводъ Законовъ выраженіемъ современнаго намъ офиціальнаго права, не задаваясь вопросомъ о томъ, насколько онъ отражаетъ правовоззрѣніе народной массы.

Послѣ сказаннаго понятно, что еще меньше можно черпать данныя для занимающаго насъ вопроса объ отношеніи договоровъ къ современному имъ туземно-русскому праву въ позднѣйшей части древнѣйшей редакціи. Тѣмъ не менѣе мы не раздѣляемъ того чрезчуръ ригорическаго отношенія, какое проявляетъ проф. Гётцъ и Н. А. Максимейко къ пользованію позднѣйшею редакціей для разъясненія вопросовъ, относящихся къ болѣе раннему историческому періоду. Въ принципѣ недовѣрчивое отношеніе къ обратнымъ заключеніямъ вполнѣ законно, но тамъ, гдѣ позднѣйшая редакція явно преслѣдуетъ только задачи болѣе обстоятельнаго и яснаго изложенія того, что въ древнѣйшей остается недосказаннымъ въ разсчетѣ на догадливость читателей и на подразумѣваемость нѣкоторыхъ частностей, полная редакція можетъ быть принимаема въ значеніи офиціальнаго комментарія къ болѣе старымъ древнимъ нормамъ. При видѣ той тщательной переработки, какой подверглась древнѣйшая редакція Правды въ позднѣйшей, трудно вѣрить, чтобы первая была произведеніемъ частнаго лица; позднѣйшій свободный авторъ проявилъ бы гораздо большую независимость отъ своего предшественника.

Независимо отъ этого соображенія, мы тамъ и сямъ позволяемъ себѣ затрогивать попутно и такіе вопросы, которые, по всѣмъ вѣроятіямъ, представляютъ собою позднѣйшее наслоеніе, если только относящіеся къ нимъ тексты требуютъ юридическихъ замѣчаній, тѣмъ болѣе, что мы не разсчитываемъ на возможность для насъ отдѣльнаго ихъ печатнаго обсужденія, и за это заранѣе просимъ снисхожденія у читателя.

Гармоническое или преобладающее вліяніе каждаго изъ національныхъ элементовъ, столкнувшихся при заключеніи мирныхъ договоровъ между Русью и Византіей, неизбѣжно должно было сказаться какъ во внѣшней формальной, такъ и внутренней матеріальной сторонѣ соглашеній. Подъ формальной стороной мы разумѣемъ какъ языкъ, на которомъ изложены были основные экземпляры договоровъ, долженствующіе считаться первоподлинниками, такъ и обрядности заключенія и утвержденія таковыхъ, наконецъ концепцію или построеніе отдѣльныхъ нормъ, относительную простоту или сложность предусматриваемыхъ соглашеніями казусовъ.

Прямыхъ, въ точномъ смыслѣ русскихъ матеріаловъ для сравненія ихъ въ упомянутыхъ направленіяхъ съ нашими договорами, у насъ нѣтъ. Однако, достаточно сопоставить наши договоры съ подобными же позднѣйшими соглашеніями, заключавшимися между Русью и западными странами, а равно между Византіею и итальянскими общинами, чтобы не усомниться въ преобладающемъ руководящемъ значеніи греческаго элемента. Въ русско-византійскихъ договорахъ осязательно чувствуется, что подлинные экземпляры ихъ были написаны по-гречески, что реторическое велерѣчіе предисловій и заключеній не могло исходить отъ Руси, что равнымъ образомъ руссы не могли давать такихъ сложныхъ концепцій, какія мы усматриваемъ въ договорѣ 911 г., напримѣръ въ ст. 3 (о доказательствахъ) и 6 (о правѣ безнаказаннаго умерщвленія вора, пойманнаго на мѣстѣ и силою или хитростью сопротивляющагося его задержанію).

Обращаясь къ матеріальному содержанію отдѣльныхъ постановленій, мы должны выдѣлить прежде всего тѣ статьи, которыя сами свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ отражаютъ *русскій законъ*. Таковы, во-первыхъ, ст. 5 договора 911 г. = 14 договора 945 г. и ст. 6 послѣдняго. Въ первыхъ кара, выражающаяся въ 5 литрахъ серебра, объявлена русскою. Статьи выражены также слишкомъ обще по сравненію съ соотвѣтственными казуальными постановленіями Русской Правды древнѣйшей редакціи, чтобы мы могли пріурочить норму договоровъ къ точно соотвѣтственнымъ статьямъ Правды, но это обстоятельство не даетъ намъ права оспаривать вѣрность офиціальнаго удостовѣренія договоровъ. Если бы мы даже согласились считать цифру 5 литръ несовпадающей ни съ одною изъ пеней, упоминаемыхъ Правдою, то и тогда она можетъ быть признана русскою въ двоякомъ смыслѣ: а) либо такая пеня существовала (хотя въ русской денежной системѣ) до изданія Правды, либо она отличена отъ греческой системы физическихъ каръ за посягательство на тѣлесную цѣлость лица.

Что касается ст. 6 договора 945 г., то признаніе ея согласною съ русскимъ и греческимъ закономъ, быть можетъ, указываетъ на особое чувство взаимнаго удовлетворенія по поводу такого совпаденія нормъ: иначе это приходится признать совсѣмъ безсодержательною фразою, которая не удивляла бы насъ, если бы договоры обнаруживали и въ другихъ мѣстахъ склонность къ подобнаго рода ссылкамъ, замѣчаемую въ другихъ законодательныхъ памятникахъ различныхъ народовъ, напр. въ Литовскомъ Статутѣ.

Но въ тѣхъ же статьяхъ, гдѣ денежная пеня въ 5 литръ серебра

объявляется русскою, содержится постановленіе объ отдачѣ несостоятельнымъ обидчикомъ всего своего имущества до послѣдней одежды и объ утвержденіи его присягою, что ему некому болѣе помочь чѣмъ-нибудь, — постановленіе, напоминающее 135-ю Новеллу Юстиніана, принятую съ редакціонными измѣненіями и въ Базилики.

Что касается другихъ договорныхъ пунктовъ, то, помимо возможныхъ отдѣльныхъ сличеній съ національными нормами туземно-русскими и туземно-византійскими, необходимо обращать вниманіе на то, въ чью пользу онѣ установлены, если не исключительно, то главнымъ образомъ. Для распознанія такихъ статей у насъ имѣются два средства: внѣшняя редакція и внутреннее содержаніе. Замѣчательно, напр., что въ нѣсколькихъ статьяхъ, гдѣ только заходитъ рѣчь о преступленіяхъ, въ качествѣ нарушителя правъ на первомъ планѣ фигурируетъ руссъ, а за нимъ уже грекъ (ср. ст. 2, 4, 6, 7, конецъ ст. 8 догов. 911 г., ст. 5, 6, 9, 10, 14 договора 945 г.). Изъ статей политическаго содержанія польза грековъ выступаетъ въ ст. 8, 9, 10, 11 договора 911 г., начало ст. 2, во 2-ой части ст. 7, 8, 10, 15 договора 945 г. Напротивъ, ст. 12, 13 и 14 договора 911 г. имѣютъ въ виду прежде всего выгоды руссовъ; то же замѣчается въ ст. 3, 4 и 2-й части ст. 8 договора 945 г.

Когда два народа заключаютъ между собою торгово-политическій договоръ, то на первомъ планѣ стоятъ реальныя экономическія и политическія задачи времени; стремленіе отстаивать свои морально-юридическіе принципы проявляется лишь тогда, когда предметъ соглашенія затрагиваетъ такія вѣрованія и убѣжденія, которыя въ глазахъ даннаго народа выше или, по крайней мѣрѣ, не менѣе цѣнны, чѣмъ матеріальныя блага. Вотъ почему въ каждомъ торгово-политическомъ соглашеніи туземно-національныя юридическія нормы преломляются подъ извѣстнымъ угломъ. Наблюденіе надъ уклоненіемъ каждаго изъ національныхъ элементовъ отъ его основы представляетъ, конечно, особливый историко-юридическій интересъ. Въ этомъ отношеніи особенно обиленъ матеріалъ на сторонѣ Византіи; но въ изслѣдованіяхъ такого рода, какъ настоящее, нѣтъ надобности вникать во всѣ тонкости юриспруденціи данной эпохи; достаточно имѣть въ виду главныя вѣхи или основные источники права, дѣйствующіе въ данномъ періодѣ. Поэтому и мы въ дальнѣйшихъ нашихъ сопоставленіяхъ договоровъ съ византійскими памятниками, будемъ руководствоваться лишь отдѣльными постановленіями Юстиніанова законодательства, Прохирона или Закона Градскаго и Базиликъ. Здѣсь мы,

для примѣра только, возьмемъ нѣкоторыя статьи договоровъ, на которыхъ отразилось своеобразное сочетаніе русскихъ и византійскихъ началъ.

Передъ нами ст. 3 договора 1911 г. о доказательствахъ. Несомнѣнно, что основное требованіе отъ истца *показаній явленыхъ* принадлежитъ греческой, а не русской правовой системѣ: на Руси въ эпоху не только краткой, но и полной редакціи требовалось въ извѣстныхъ случаяхъ опредѣленное количество видоковъ, послуховъ, а при невозможности найти послѣднихъ примѣнялось желѣзо, вода, рота (ст. 2 и 9 Ак. сп., ст. 15, 17, 24 и 26 Кар. сп.). Изъ сообщеній арабскихъ путешественниковъ мы знаемъ, что на Руси употреблялись и въ X вѣкѣ поединки, о которыхъ Русская Правда совсѣмъ умалчиваетъ (хотя Г. М. Барацъ въ своей статьѣ „О судебныхъ доказательствахъ по Русской Правдѣ“ и полагаетъ, что желѣзо Русской Правды не что иное какъ поле). По Русской Правдѣ рота допускалась только въ дѣлахъ малоцѣнныхъ и маловажныхъ (ст. 9 Ак. сп., ст. 17 и 26 Кар. сп.), а по римско-византійскому праву преимущественно въ дѣлахъ денежныхъ и основанныхъ на доброй вѣрѣ, такъ какъ позволительно думать, что и въ туземно-византійской юридической практикѣ присяга обвинителя, или обвиняемаго по дѣламъ уголовнымъ (capitalia въ техническомъ смыслѣ слова) едва ли находила себѣ широкое примѣненіе. Между тѣмъ въ ст. 3 договора 911 г. клятвы являются общимъ средствомъ доказательствъ по всѣмъ дѣламъ. Не говоримъ уже о томъ, что на практикѣ какъ греки, такъ и руссы, вѣроятно, не особенно строго придерживались буквы договоровъ.

Далѣе, по ст. 4 того же договора, въ случаѣ бѣгства убійцы, все его имущество, за исключеніемъ того, что принадлежало женѣ или стороннимъ лицамъ, отдается родственникамъ убитаго. Въ Византіи въ подобномъ случаѣ налагался секвестръ на имущество бѣглеца, какъ понудительное средство, чтобы обвиняемый явился въ судъ и представилъ свое оправданіе (см. ниже въ объясненіяхъ къ этой статьѣ), по договору же имущество служитъ суррогатомъ личнаго наказанія для богатыхъ. Тутъ, конечно, нашло себѣ примѣненіе русское право, хотя въ первой части Русской Правды краткой редакціи уже не упоминается объ отобраніи всего имущества, равно о случаѣ побѣга убійцы. Нужно, однако, полагать, что пеня въ 40 гривенъ для большинства обвиненныхъ была непосильна, такъ что на дѣлѣ они лишались всего своего имущества. Засимъ, едва ли мы

ошибемся, если допустимъ, что на Руси, при конфискаціи имущества въ пользу родственниковъ убитаго, не пускались въ особыя разбирательства для выдѣленія изъ имущественной массы убійцы того, что составляло достояніе его жены или кредиторовъ.

Въ договорѣ 945 г. (ст. 12) категорически воспрещается самоуправство. Въ сущности это воспрещеніе должно быть выводимо и изъ ст. 3 и 6 договора 911 г. Въ послѣдней статьѣ допускается безнаказанное убійство вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія и не простирающаго своихъ рукъ для связыванія и, очевидно, преданія суду. Между тѣмъ, въ ст. 20 Ак. сп. и даже видоизмѣненной ст. 38, условія безнаказаннаго умерщвленія вора при тѣхъ же условіяхъ менѣе стѣснительны для потерпѣвшихъ. Мало того: и въ періодъ полной Правды убійство вора, уже безопаснаго, влекло за собою лишь продажу въ 12 грив.

4. Мнимое еврейское вліяніе.

Когда мы говоримъ о русскомъ и византійскомъ элементахъ въ изучаемыхъ здѣсь договорахъ, то мы стоимъ на твердой неопровержимой исторической почвѣ. Для выявленія того и другого у насъ имѣются положительныя, хотя неодинаково обильныя данныя: наслѣдіе, оставленное намъ древнею Русью, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ богатымъ и многостороннимъ правовымъ наслѣдіемъ Рима и Византіи. При анализѣ, не останавливающемся на поверхности, можно задаваться вопросомъ, не сказалось ли уже вліяніе византійско-русскаго духовенства въ первыхъ статьяхъ Русской Правды краткой редакціи, гдѣ институтъ мести подвергся извѣстнымъ ограниченіямъ, чтобы вскорѣ быть уже совершенно отмѣненнымъ. Далѣе, замѣчая соразмѣреніе наказаній за личныя обиды дѣйствіями съ различными орудіями и способами ихъ употребленія,—соразмѣреніе, котораго нѣтъ ни въ договорахъ съ Византіею, ни въ позднѣйшихъ ея договорахъ съ западными странами, мы въ правѣ также задаться вопросомъ, имѣемъ ли мы предъ собою чисто-народное массовое правовоззрѣніе, или только точку зрѣнія властительнаго элемента, среди котораго много было варяговъ. Но какъ бы мы ни рѣшили эти вопросы, формально Русская Правда есть памятникъ права, дѣйствовавшій въ Руси, и потому она служитъ твердою опорою для опредѣленія взаимодѣйствія въ договорахъ обоихъ національныхъ элементовъ.

Съ другой стороны, когда мы сопоставляемъ различныя статьи

договоровъ съ соотвѣтственными нормами римско-византійскими, то мы до осязательности ясно убѣждаемся въ руководящемъ, направляющемъ значеніи греческой дипломатіи и круга ея нравственныхъ чувствъ и юридическихъ понятій, въ чемъ еще болѣе будемъ убѣждаться при дальнѣйшемъ изученіи текстовъ.

Спрашивается: при такомъ реальномъ отношеніи дѣйствительно столкнувшихся между собою элементовъ остается ли мѣсто для третьяго сторонняго элемента? Мы говоримъ здѣсь о еврейско-талмудическомъ вліяніи на договоры, утверждаемомъ Г. М. Барацомъ (прив. сочин. стр. IX и всюду, гдѣ только къ тому представлялся малѣйшій поводъ). Прежде всего надо отбросить всѣ произвольныя измѣненія текста, которыя сами по себѣ, видимо, произведены по самовнушенію автора и не могутъ быть приписываемы подлиннымъ волеизъявленіямъ договаривающихся. Въ этихъ случаяхъ оправдывающіе еврейскіе тексты являются только тѣми скрытыми мотивами, которыми вызваны самыя измѣненія изучаемыхъ текстовъ, и потому теряютъ доказательную силу. Возьмемъ только два примѣра.

Ст. 9 договора 911 г. постановляетъ: „да *искупятъ* (собственно *да не*, но *не* либо описка, либо *дане* одно слово, значащее то же, что позднѣйшее *ино, ине*, а вѣрнѣе, что вмѣсто *не* надо писать *ис*, составляющее префиксъ глагола купять) и возвратять искупленное лице въ свою страну и возмуть цѣну его купящіи или мниться въ куплю *на дань* (въ иныхъ спискахъ *на день, не данъ*), челядиная цѣна“. Тутъ явно противополагаются два случая: одинъ, когда выкупная цѣна уплачивается немедленно наличными, и другой, который представляется несовсѣмъ яснымъ; но колебанія возможны собственно между четырьмя предположеніями (см. ниже объясненіе на эту статью): а) не нужно ли читать вмѣсто *на дань—даньна*, т. е. или цѣна челядина считается данною въ долгъ (въ куплю, дать деньги въ куплю); б) либо *дань* есть datio in solutionem, и тогда получается мысль, что цѣна челядина считается въ платежъ за товаръ (купля); в) *не данная* цѣна челядина считается *кредитованною* (въ куплю); г) купля (серб. купа) значитъ платежъ, а на день—поденно, тогда это нужно понимать такъ, что цѣна челядина засчитывается въ поденную плату отрабатывающему плѣннику. Сколько-нибудь значительнаго пропуска словъ предполагать нѣтъ основанія: либо мы не умѣемъ найти точнаго смысла *на дань*, либо слово это подлежитъ измѣненію въ одномъ изъ указанныхъ видовъ и соотвѣтственному истолкованію.

Посмотримъ теперь, во что превратился текстъ у Г. М. Барацa. (*Аще ли же есть неимовитъ, да иматъ и* [купящій] (у себе, *дондеже изъработаетъ цѣну*)..., [якоже речено есть] вар., [якоже есть купля] (*мзду ему нарицающе*) [на 6 мѣсяць] (по [золотника 2], ти) (чит. *и*) тако пущенъ будеть).

Основная мысль, вложенная въ это искусственное сочетаніе словъ, набранныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ, содержится собственно въ чтеніи *на день*. Современному намъ изслѣдователю, понятно, желательно было бы имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о томъ, по какой нормѣ исчислялась наемная плата плѣннику, который долженъ былъ заслужить уплаченную за него цѣну. Для этого изслѣдователю приходится обращаться либо къ Прохирону, либо къ Эклогѣ, либо къ Синтагмѣ М. Властаря, но вносить въ нашъ текстъ новыя слова и цѣлыя предложенія изъ мѣстъ, не связанныхъ съ даннымъ предметомъ по существу, нѣтъ никакого основанія. Между тѣмъ Г. М. Барацъ поступилъ именно такимъ образомъ. Прослѣдимъ нарочно способъ сложенія разсматриваемой нормы.

Аще ли есть неимовитъ взято изъ ст. 5 договора 911 г. или ст. 14 договора 945 г., гдѣ установляется 5 литръ серебра за обиды дѣйствіемъ.

Да иматъ и—изъ Эклоги Льва и Константина (зач. 9, ст. 2, согласно указанію самого Г. М. Барацa (примѣч. къ стр. 142 въ концѣ).

Купящіи—изъ ст. 9 дог. 911 г. о выкупѣ плѣнныхъ. *Дондеже изъработаетъ цѣну*—изъ Закона Суднаго. *Яко же речено есть, якоже есть купля*—изъ конца ст. 9 договора 911 г.—о выкупѣ плѣнныхъ.

Мзду имъ нарицающе—изъ Закона Суднаго тоже о плѣнныхъ.

На 6 мѣсяць—изъ договора 907 г., гдѣ выдача довольствія гостямъ ограничена 6 мѣсяцами.

Золотника 2—изъ ст. 4 договора 945 г. (вознагражденіе, уплачиваемое за переемъ или *имечное* лицу, возвращающему бѣглаго раба его господину).

Ти тако пущенъ будетъ—изъ конца ст. 14 договора 945 г. Выкупъ плѣнныхъ, безспорно, считался святымъ дѣломъ у евреевъ, а засимъ и у христіанъ, но этотъ институтъ не одно и то же съ выкупомъ рабовъ, которые сами себя продали по нуждѣ, и потому нельзя ставить разсматриваемую норму въ связь съ Второзак. гл. 15, ст. 12—18, какъ это дѣлаетъ Г. М. Барацъ (стр. 143). Ясно также,

что если бы въ подлинникѣ существовала такая статья, то при перепискѣ она не могла быть разсыпана на столько частей и затеряна. Такимъ образомъ, вмѣсто возстановленія текста мы имѣемъ предъ собою созданіе новой статьи произвольной конструкціи и содержанія.

Далѣе, въ ст. 13 договора 911 г. читаемъ: да возвратять имѣнье малымъ (въ друг. списк. *милымъ*) ближикамъ въ Русь. Можетъ возникнуть вопросъ, правильно-ли чтеніе *малымъ*, лучше ли чтеніе *милымъ* или нужно поставить вмѣсто того и другого *зналымъ* (см. ниже объясненія на эту статью); но никакихъ другихъ передѣлокъ статья не требуетъ. Между тѣмъ при мысли о *малыхъ*, въ умѣ Г. М. Барацa тотчасъ явилось представленіе объ опекѣ надъ ними, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ составляется такое положеніе: (*Аще ли будутъ дѣти*) къ милымъ (по другимъ сп.: с малымъ), (чит.: *малы*), да [дадять] ихъ [не чит.: (*на*) руку] ближикомъ съ [имѣньемъ] [и съ кормомъ своимъ] (стр. 239).

Такимъ способомъ „выявились нѣкоторыя новыя статьи, закопанныя, такъ сказать, въ существующихъ лѣтописныхъ сводахъ подъ словесными насыпями (о неправоспособности къ принятію присяги, объ опекѣ надъ малолѣтними, о надзорѣ за правильностью торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, о непритѣсненіи должниковъ и пр.)“ (стр. IX).

Независимо отъ сего, надобно различать въ договорахъ статьи двоякаго характера: торгово-политическія и собственно-правовыя, ограждающія жизнь, здоровье и имущество отдѣльныхъ лицъ. Статьи перваго рода до такой степени связаны съ реальными интересами момента, что не приходится и останавливаться на мысли о воздѣйствіи въ этомъ направленіи чужихъ національныхъ понятій. Если бы мы даже согласились съ Г. М. Барацомъ, что среди пословъ Игоря были хозаро-іудеи (судя по нѣкоторымъ именамъ, какъ Аминодавъ, Стиръ и пр.), то и тогда рѣшающимъ моментомъ нужно было бы признать живые, вполнѣ понятные и руссамъ расчеты. Правда, въ средневѣковой Европѣ были евреи, выдающіеся на дипломатическомъ поприщѣ, а тѣмъ болѣе въ дѣлахъ торговли, но въ нашихъ договорахъ нѣтъ и слѣдовъ какой либо особливой ловкости или удачныхъ формулировокъ, которыя, при сомнѣніяхъ, могли бы быть истолковываемы въ пользу руссовъ. На эту сторону вопроса обратилъ вниманіе В. И. Сергѣевичъ еще въ 1882 г. въ своей статьѣ „Греческое и русское право X вѣка“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, январь, 1882 г.).

Что касается статей чисто правовыхъ, то необходимо помнить, что мы вращаемся большею частью въ кругу элементарнѣйшихъ потребностей общежитія: наказанія за убійство въ видѣ смертной казни или мести по суду, конфискація имуществъ, выкупы за личныя оскорбленія и пени за воровство и грабежъ—такіе общечеловѣческіе институты, что тутъ меньше всего приходится искать внѣшнихъ идейныхъ вліяній. Этимъ мы не хотимъ сказать, что ослабленіе мести и введеніе денежныхъ выкуповъ развиваются въ каждомъ народѣ внѣ всякой зависимости отъ общенія съ другими націями, но указать, какой именно изъ нѣсколькихъ чужихъ народовъ оказалъ большее вліяніе, возможно только на основаніи точныхъ историческихъ свѣдѣній. И если даже теоретически допустить, что властвованіе хозаръ въ теченіе приблизительно двухъ вѣковъ не прошло безслѣдно и для правового міровоззрѣнія Руси, то фактически ничѣмъ его подтвердить не можемъ. Напротивъ, вліяніе Византіи и варяговъ чувствуется чуть ли не на каждой страницѣ начальной лѣтописи. Поэтому во всѣхъ случаяхъ, когда мы можемъ въ одинаковой мѣрѣ сближать какое-нибудь постановленіе договоровъ съ византійскимъ и еврейскимъ источникомъ, мы должны прежде всего обращать свой взоръ на первый, пока не будетъ доказано, что данный текстъ стоитъ ближе къ еврейскому. То обстоятельство, что византійское право въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ само ссылается на Библію и на правила св. Отцовъ, доказываетъ, конечно, что народы, принявшіе христіанство какъ черезъ Римъ, такъ и черезъ Византію, восприняли въ извѣстной мѣрѣ правовыя воззрѣнія евреевъ. Поэтому въ отдѣльныхъ случаяхъ имѣло мѣсто перекрестное вліяніе, т. е. новые христіанскіе народы пользовались одновременно указаніями какъ Кодекса Юстиніана или Эклоги и Прохирона, такъ и Библіи. Это явленіе заслуживаетъ полнаго вниманія и изученія, но нельзя его распространять далѣе дѣйствительныхъ его границъ, которыя должны быть прочно установлены, безъ произвольныхъ догадокъ и натяжекъ.

Д. Мейчикъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюціи Россіи. Томъ II-ой. Крестьянское дѣло и пореформенная землеустроительная политика. Часть 1-я. Первоначальное надѣленіе и осуществленіе крестьянской собственности. С.-Пб. 1913 г. 274 стр.

Какъ видно изъ оглавленія, настоящее произведеніе г. Лященко, по задуманному имъ плану, должно представлять только одно изъ звеньевъ цѣлаго ряда очерковъ, частью уже выполненныхъ авторомъ [1]), а частью намѣченныхъ для будущихъ его работъ. Для даннаго тома онъ ставитъ себѣ спеціальную задачу не только охарактеризовать направленіе и ходъ землеустроительной политики въ теченіе пятидесятилѣтняго періода, начиная съ изданія великаго акта 19-го февраля 1861 года, но также выяснить заключающуюся въ ней „классовую сущность назрѣвающей коренной перестройки русскихъ поземельныхъ отношеній“ (Предисл. 1). Эту землеустроительную политику авторъ задался цѣлію освѣтить „какъ политическое орудіе въ сословно-классовой борьбѣ за землю“, каковымъ характеромъ, по утвержденію автора, запечатлѣны и всѣ другія проявленія земельнаго законодательства за истекшій полувѣковой періодъ (Предисл. II). Изслѣдованіе созданныхъ этой классовой политикой земельныхъ отношеній, составляющее предметъ разсматриваемой книги, является для автора подготовительной стадіей, которая должна приблизить его къ послѣдней, конечной, цѣли задуманной имъ работы—„къ разсмотрѣнію внутренняго процесса капитализаціи земледѣльческой промышленности“.

Итакъ въ предисловіи авторъ старается запечатлѣть передъ читателемъ ту мысль, что настоящій томъ долженъ заключать въ себѣ не простое изложеніе хода земельной политики русскаго государства

[1]) *П. Лященко.* Очерки аграрной эволюціи Россіи. Т. I, С.-Пб. 1908 г.

послѣ 19-го февраля 1861 года, но что этотъ томъ представляетъ только одну изъ частей сложнаго трактата по эволюціи аграрныхъ отношеній въ Россіи, построеннаго по широкой теоретической схемѣ. Авторъ въ немъ беретъ на себя задачу не только изобразить ходъ и направленіе поземельной реформы, но и послужить спеціальной экономической теоріи классовой борьбы.

Послѣдуемъ за авторомъ въ этой его работѣ и передадимъ, по возможности, кратко ея содержаніе.

Авторъ обращаетъ вниманіе на ту громадную пестроту правъ сельскаго населенія и его отношеній къ землѣ, сложившихся въ теченіе исторіи русскаго крестьянства, съ которою пришлось имѣть дѣло реформѣ 19-го февраля. А именно, въ періодъ господства крѣпостного права образовалось до 46, а съ инородческимъ населеніемъ до 51-й основныхъ живыхъ сословныхъ группъ сельскаго населенія, хотя огромная доля этихъ отдѣльныхъ видовъ крестьянъ или фактически потеряла значеніе, или даже была уничтожена спеціальными узаконеніями (4). Основнымъ видомъ обезпеченія всѣхъ этихъ весьма разнообразныхъ группъ населенія считалась земля. Правда, нѣкоторыя группы населенія, какъ горнозаводскіе мастеровые, приписанные къ поссессіоннымъ заводамъ, рабочіе на соляныхъ промыслахъ, на шелковыхъ промыслахъ, гранильныхъ, орудійныхъ и другихъ фабрикахъ, ямщики, лѣсные сторожа, днѣпровскіе лоцмана и. т. п. никогда особенно не тяготѣли къ занятію земледѣліемъ а „были крѣпки“ къ своей спеціальной работѣ, тѣмъ не менѣе они причислялись къ сословію сельскихъ обывателей. Такимъ образомъ общее названіе сельскихъ обывателей обнимало, какъ весь классъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ и разные разряды лицъ свободныхъ состояній, которыя, кромѣ спеціальныхъ названій, преимущественно именовались „поселянами“. Хотя въ этой терминологіи не всегда соблюдалась полная послѣдовательность и строгость, тѣмъ не менѣе понятіе сельскихъ обывателей было значительно шире понятія крестьянъ. Актомъ 19-го февраля 1861 г. обѣ категоріи населенія были объединены въ одинъ классъ крестьянства. Такимъ образомъ тѣ начала и идеи, которыя актомъ 19-го февраля были положены въ основаніе устройства одной группы сельскихъ обывателей-крестьянъ,—скоро стали общими для устройства всѣхъ ихъ и самое названіе „крестьянъ“ поглотило названіе „сельскихъ обывателей“ (6). Объединеніе разнообразныхъ группъ сельскаго населенія „было осуществлено“ „Положеніемъ о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“, которое стало общимъ органиче-

скимъ закономъ для всѣхъ почти категорій сельскихъ обывателей. Но такое объединеніе обнимало сферу управленія и юридическихъ правъ сельскихъ обывателей. Что же касается земельнаго устройства, то здѣсь полнаго однообразія невозможно было достигнуть и оно происходило въ „болѣе сложныхъ формахъ" (9). Объединенію въ поземельномъ устройствѣ подлежали слишкомъ разнообразныя группы сельскаго населенія — отъ лично свободныхъ и владѣвшихъ землею на полномъ признанномъ правѣ собственности (вольные хлѣбопашцы, малороссійскіе казаки и т. п.) до бывшихъ до сихъ поръ въ крѣпостной зависимости и не имѣвшихъ никакихъ формально признанныхъ правъ на землю. Кромѣ того, между состояніемъ крѣпостныхъ и лично свободныхъ существовалъ рядъ переходныхъ формъ условной зависимости и условнаго владѣнія, при невыясненности часто его юридической структуры (вольные люди Сѣверо-Западнаго края, чиншевики Юго-Западнаго края, хизаны на Кавказѣ и т. п.).

Въ отличіе отъ тѣхъ формъ освобожденія крестьянъ, въ которыхъ оно осуществилось въ большинствѣ странъ Западной Европы, гдѣ крестьяне были освобождены не только отъ личной зависимости, но и отъ земли, у насъ освобожденіе отъ крѣпостного права соединилось съ надѣленіемъ землей, т. е. съ правовымъ закрѣпощеніемъ за освобожденнымъ земледѣльческимъ населеніемъ той земли, которой онъ владѣлъ до сихъ поръ лишь въ силу факта (10).

Характеризуя реформу 19-го февраля, авторъ выставляетъ на видъ то, что она не осуществила принципа крестьянской собственности и была далека отъ формальнаго закрѣпленія этого института. Надѣленіе крестьянъ землею на правѣ собственности совершилось позже, послѣ акта 19-го февраля, и было постепенно распространено уже въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій на всѣ категоріи крестьянъ. Положеніемъ 19-го февраля было установлено лишь надѣленіе крестьянъ на условіяхъ безсрочнаго пользованія землею съ безсрочно-обязательными за нее отношеніями (11). На этихъ началахъ были устроены по акту 19-го февраля и помѣщичьи, и удѣльные, и государственные крестьяне, послѣднія двѣ категоріи на условіи оброка.

Классовый характеръ землеустроительной политики правительства въ положеніи 19-го февраля выразился въ томъ, что правительство не склонно было къ признанію за сельскимъ населеніемъ его вотчинныхъ правъ на землю и что реформа 19-го февраля исходила, наоборотъ, изъ противоположныхъ принциповъ признанія всей земли собственностью помѣщиковъ и этотъ принципъ примѣняло къ надѣле-

нію всѣхъ остальныхъ группъ сельскаго населенія государственныхъ, удѣльныхъ крестьянъ, царанъ Бессарабской губерніи и т. д. (13). Только крайне незначительная часть земледѣльческаго населенія, при землеустройствѣ 19-го февраля, получила признаніе и разрѣшеніе полныхъ своихъ правъ собственности на землю, а именно малороссійскіе казаки, частью однодворцы и нѣкоторые крестьяне, проживающіе на собственныхъ земляхъ, получили во время реформы признаніе вотчинныхъ правъ собственности на земли и ихъ земли были освобождены отъ выкупа. Въ то же время реформа 19-го февраля не была свободна отъ безземельнаго освобожденія. Такъ реформа дала крупный въ $1^1/_2$ милліона обоего пола контингентъ безземельнаго населенія изъ бывшихъ дворовыхъ людей. Кромѣ того, дополнительными правилами къ положенію 19-го февраля по отношенію къ разнообразнымъ видамъ полуземледѣльческаго, полупромышленнаго населенія было примѣнено надѣленіе лишь усадебной землей, такъ какъ, говоритъ авторъ, былъ принятъ, въ сущности, худшій видъ безземельнаго устройства, приносящій населенію „не обезпеченіе быта", а лишь принудительную связанность съ мѣстомъ жительства (13). Поставивъ своей задачей разсмотрѣніе хода первоначальнаго надѣленія и землеустройства, начавшагося реформой 19-го февраля, авторъ выставляетъ на видъ, что актъ 19-го февраля представляетъ собою только первый, важнѣйшій шагъ реформы поземельнаго устройства крестьянъ. Самыя же формы надѣленія землей по типу полной собственности на началахъ обязательнаго выкупа съ содѣйствіемъ правительства, были выработаны и осуществлены послѣ изданія „Положенія о крестьянахъ" 1861 года, на основаніи особыхъ спеціальныхъ законодательныхъ актовъ (15). Задача, которую себѣ ставитъ авторъ въ этой книгѣ, заключается по существу въ томъ, чтобы прослѣдить, по отношенію къ отдѣльнымъ категоріямъ, тѣ пути и способы первоначальнаго надѣленія, которые, въ конечномъ результатѣ, были сведены къ однообразному типу надѣленія на правахъ полной собственности съ обязательнымъ выкупомъ при помощи государства.

Въ исторіи землеустроительной политики государства въ теченіе полустолѣтія, начиная съ Положенія 19-го февраля, авторъ различаетъ три періода. Первый періодъ закончился надѣленіемъ всѣхъ видовъ крестьянъ (бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ, удѣльныхъ и т. д.) землею на правѣ собственности. Гранью этого періода служило уничтоженіе выкупныхъ платежей. Второй періодъ въ направленіи аграрной политики характеризуется, съ одной стороны, заботами

правительства о сохраненіи за крестьянами существующаго земельнаго фонда (законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ) и, съ другой стороны, отказомъ разъ на всегда отъ „общаго вторичнаго надѣленія". Въ то же время, въ виду обнаружившейся недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, правительство открываетъ частнохозяйственные пути къ увеличенію площади крестьянскаго землевладѣнія въ формѣ поземельнаго кредита для покупки земель (крестьянскій и дворянскій земельные банки), нѣкотораго облегченія арендованія казенныхъ земель, содѣйствія переселенію крестьянъ въ Сибирь и на окраины Россіи. Этотъ періодъ, между прочимъ, отмѣченъ благопріятнымъ отношеніемъ къ общинному землевладѣнію, какъ институту предотвращающему обезземеліе крестьянства. Наконецъ, третій періодъ землеустроительной политики представляетъ собою полный разрывъ съ прежними традиціями въ отношеніи къ крестьянскому землевладѣнію. Землеустройство этого періода направляется на ликвидацію изолированности надѣльнаго землевладѣнія, на уничтоженіе лежащихъ на немъ ограниченій, на разверстаніе общности владѣнія, закрѣпленія въ немъ личныхъ формъ. Крестьянское землевладѣніе теперь вдвинуто въ область частно-правовыхъ отношеній и приближено къ началамъ общегражданскаго кодекса, какъ обычная форма земельной собственности. Идея „общегосударственнаго характера земельнаго надѣленія „крестьянъ", лежавшая въ основѣ Положенія о крестьянахъ 19-го февраля (для обезпеченія ихъ быта) теперь оставлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кореннымъ образомъ измѣнилось отношеніе правительства къ общинному землевладѣнію, которымъ изданъ цѣлый рядъ актовъ, облегчающихъ выходъ отдѣльныхъ крестьянъ изъ общиннаго пользованія землею и вообще облегчающихъ ликвидацію общиннаго землевладѣнія (22).

Видное мѣсто въ сочиненіи г. Лященко занимаетъ оцѣнка, съ точки зрѣнія теоріи классовой борьбы, Положенія 19-го февраля, при чемъ авторъ особенно подробно останавливается на основныхъ принципахъ первоначальнаго надѣленія помѣщичьихъ крестьянъ. Авторъ ставитъ въ упрекъ Положенію 19-го февраля, „что вся эта великая реформа во всѣхъ основныхъ идеяхъ носила рѣзкія проявленія сословнаго классового характера, которыя обнаруживались, какъ въ самыхъ статьяхъ Положенія 19-го февраля, такъ и въ процессѣ ихъ разработки" (30). А именно, правительство, по автору, сойдя съ государственной точки зрѣнія и ставъ на защиту частныхъ помѣщичьихъ интересовъ, принципіально признало всю землю, которою

владѣли крестьяне при крѣпостномъ правѣ, собственностью помѣщиковъ, а стало быть, разъ шла рѣчь о сохраненіи этихъ земель за крестьянами, то таковыя должны быть выкуплены. Это совпадало со взглядами и интересами самихъ помѣщиковъ, которые заявляли о своемъ желаніи „по доброй волѣ“ даровать личную свободу своимъ крѣпостнымъ, но не высказывали ни малѣйшаго желанія отказаться отъ принадлежащаго имъ, по ихъ мнѣнію, права собственности на всѣ земли. При чемъ одни изъ помѣщиковъ желали уступить это право собственности на землю на условіяхъ выкупа, другіе настаивали на освобожденіи безъ земли (33). Правительство, желавшее освободить крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею, примиряя противоположные интересы крестьянства и помѣщиковъ, шло по пути компромисса, что и выразилось въ урѣзываніи нормъ крестьянскихъ надѣловъ и въ его согласіи на даровой нищенскій надѣлъ въ объемъ $^1/_4$ части фактически владѣемой площади крестьянскаго надѣла.

Подъ вліяніемъ интересовъ помѣщиковъ, говоритъ авторъ, и вылились первые рескрипты (1858 года), продиктовавшіе личное освобожденіе съ правомъ лишь на выкупъ усадьбъ безъ узаконенія права на выкупъ остальной земли, признаваемой полной собственностью помѣщиковъ, пользованіе которой предполагалось сохранить за крестьянами при условіи барщинно-феодальныхъ повинностей на неопредѣленное время (38). Таковы тѣ поземельныя отношенія, которыя обрисовывались первыми рескриптами, предшествующими „Положенію 19-го февраля“. Въ первомъ офиціальномъ и открытомъ выступленіи правительства лежало, такимъ образомъ, отрицаніе того основного принципа, освобожденія съ землею, который, впослѣдствіи, черезъ 5 лѣтъ, былъ воспринятъ реформой. Надѣленіе крестьянъ землей съ самаго начала было выдвинуто въ область частно-правовыхъ отношеній. И весь этотъ періодъ пока правительство пришло къ признанію принципа обязательнаго выкупа крестьянской земли отмѣченъ полнымъ торжествомъ помѣщичьихъ классовыхъ интересовъ. Авторъ видитъ отраженіе этого господства и выясненія помѣщичьихъ интересовъ въ тѣхъ колебаніяхъ и неувѣренности въ постановкѣ всего дѣла земельной реформы, которыя нашли свое выраженіе въ окончательномъ заключеніи Ростовцева, что по невозможности освободить крестьянъ ни съ землею, ни безъ земли,—оставить имъ при освобожденіи ихъ дома, ихъ огороды и пашни въ постоянное пользованіе, а вопросъ о надѣленіи и выкупѣ предоставить разрѣшить историческому развитію на основаніи послѣдующаго опыта (стр. 42). Въ реформѣ, по утвер-

жденію автора, проведенъ замаскированный выкупъ личности крестьянъ въ формѣ повышенныхъ платежей за землю, не отвѣчающихъ дѣйствительнымъ земельнымъ цѣнамъ. Провозглашенный въ первоначальныхъ рескриптахъ принципъ надѣленія землей „для обезпеченія быта и для выполненія повинностей", хотя формально сохранился до конца реформы и нашелъ мѣсто въ Положеніи 19-го февраля, однако, по существу былъ значительно сокращенъ и гораздо болѣе широко осуществленъ во второй своей части по отношенію къ выполненію повинностей. Реформа вообще проникнута податнымъ духомъ, она конструирована съ точки зрѣнія финансово-податной, въ основѣ которой лежалъ взглядъ на крестьянъ какъ на объектъ обложенія. Для исправнаго отбыванія повинностей „Положеніе" не останавливалось даже передъ такой мѣрой, какъ отдача недоимщика въ обработки и т. д.

Въ конечномъ выводѣ сдѣланной авторомъ оцѣнки Положенія 19-го февраля онъ категорически отмѣчаетъ три основныя черты осуществленной имъ крестьянской реформы: 1) частно-правовой, характеръ тѣхъ общественныхъ отношеній, въ область которыхъ вдвинуто было все дѣло поземельнаго устройства крестьянъ, 2) фискальное отношеніе законодательства къ новому члену сословнаго общества и 3) большія выгоды отъ ликвидаціи крѣпостного права для помѣстнаго дворянства, связанныя съ большой экономической тяготой, положенной на крестьянство.

Положеніе 19-го февраля, имѣвшее своимъ предметомъ освобожденіе и земельное устройство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, было, по словамъ автора, затѣмъ въ семидесятыхъ годахъ механически распространено „безъ всякаго анализа и критики" на всѣ многочисленные виды крестьянства. Распространеніе началъ Положенія 19-го февраля въ послѣдующемъ ходѣ реформы на разнообразныя категоріи крестьянъ выразилось, напримѣръ, въ томъ, что и земли государственныхъ, удѣльныхъ, горнозаводскихъ крестьянъ были признаны не ихъ собственностью, а собственностью казны, удѣловъ, а также въ томъ, что, послѣ перевода на выкупъ съ помощью правительства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, спустя нѣкоторое время, были подчинены выкупной операціи и бывшіе государственные, удѣльные, горнозаводскіе и фабричные крестьяне, съ той только разницей, что у помѣщичьихъ крестьянъ выкупу подвергалась самая земля, а у этихъ послѣднихъ категорій крестьянъ объектомъ выкупа была оброчная подать. Авторъ въ особенности выставляетъ на видъ, что въ моментъ изданія акта 19-го февраля земельное устройство на правѣ собствен-

ности и безъ выкупа обняло сравнительно малую часть крестьянства. Крестьянами-собственниками въ этотъ знаменательный моментъ оказались только бывшіе свободные хлѣбопашцы, крестьяне, пріобрѣвшіе земли до 19-го февраля по частному соглашенію съ помѣщиками, крестьяне, скупившіе земли помѣщиковъ, имѣнія которыхъ продавались за долги, наконецъ, въ наибольшемъ количествѣ въ составѣ полныхъ собственниковъ являлись малороссійскіе казаки. Остальные многочисленные разряды крестьянъ въ первое время послѣ изданія Положенія 19-го февраля находились въ состояніи временно обязанныхъ, одни натуральными повинностями, другіе платежами и оброчными податями. При чемъ всѣмъ крестьянамъ была предоставлена земля не въ собственность, а на условіяхъ безсрочнаго пользованія, и для многихъ видовъ крестьянъ съ обязательствомъ переоброка платежей по истеченіи 20-ти лѣтъ.

Въ первую очередь были выведены изъ этого состоянія временно обязанныхъ бывшіе помѣщичьи крестьяне сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, которые въ 1863 году были признаны крестьянами собственниками съ обязательнымъ выкупомъ земли, опредѣленнымъ изъ 6% капитализаціи оброковъ и издѣльной платы со скидкой изъ нихъ 20%. Въ 1864 году на такихъ же основаніяхъ были прекращены обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ 1870 г. государственные крестьяне трехъ вышеуказанныхъ областей Россіи также были переведены на выкупъ, при чемъ оброчная подать превращалась въ выкупные платежи съ повышеніемъ ея на 10%, чѣмъ она приравнивалась къ выкупнымъ платежамъ, выплачиваемымъ крестьянами собственниками. На землю выдавались не владѣнныя записи, а данныя, вмѣстѣ съ чѣмъ государственные крестьяне получали свои земли въ собственность. Въ 1886 г., вмѣсто переоброчки, были переведены на выкупъ государственные крестьяне остальныхъ раіоновъ Россія, съ признаніемъ ихъ крестьянами собственниками.

Тѣ же послѣдовательныя стадіи въ процессѣ землеустройства, которыя отмѣчены авторомъ въ ходѣ освобожденія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, повторились, по плану реформы, и по отношенію къ царанамъ Бессарабской области. Бессарабскіе крестьяне также прошли въ свое время стадію необязательнаго выкупа. А именно, „Положеніе 1868 года 14-го іюля о поземельномъ устройствѣ крестьянъ (царанъ), Бессарабской области, владѣльческихъ, монастырскихъ и другихъ“ поставило ихъ въ состояніе временно обязанныхъ, на условіяхъ выполненія въ пользу землевладѣльцевъ издѣльныхъ и денежныхъ

повинностей; при этомъ мѣры обезпеченія исправности повинностей сходны съ положеніями 19-го февраля, вплоть до отдачи недоимщика въ заработки; тотъ же порядокъ примѣнялся для составленія уставныхъ грамотъ. Финансовыя условія выкупа опредѣлялись въ общемъ также правилами 19-го февраля съ нѣкоторыми незначительными изъятіями. Затѣмъ уже въ 1868 г., 14-го іюня было издано положеніе объ обязательномъ выкупѣ царапами ихъ надѣловъ и о развязкѣ оставшихся еще въ Бессарабіи обязательныхъ земельныхъ отношеній, предохранивъ такимъ образомъ бессарабскихъ крестьянъ отъ той переоброчки земельныхъ повинностей, къ которой ихъ обязывало Положеніе 1868 года (297). Въ остальныхъ частяхъ книги авторъ ставитъ себѣ задачею показать, какъ основныя начала землеустройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ коренной Россіи были распространены на устройство поземельнаго быта поселянъ всей Россіи съ ея разнообразнымъ этнографическимъ составомъ населенія, въ томъ числѣ на башкиръ Уфимской губерніи, калмыковъ, крымскихъ татаръ, закавказскихъ крестьянъ, фабричныхъ и горнозаводскихъ крестьянъ частныхъ и государственныхъ имѣній. Авторъ вездѣ видитъ полную аналогію въ процессѣ надѣленія и устройства поземельныхъ отношеній всѣхъ этихъ разнообразныхъ категорій сельскихъ обывателей, съ тѣми этапами поземельнаго устройства, какіе ранѣе были пройдены бывшими помѣщичьими крестьянами въ великорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ, въ концѣ концовъ переведенныхъ на выкупъ и признанныхъ въ правахъ крестьянъ собственниковъ. Этотъ процессъ распространенія началъ Положенія 19-го февраля на разныя категоріи крестьянъ не закончился до послѣдняго времени (хизанскій вопросъ на Кавказѣ друг.). Особая глава (XI) посвящена авторомъ обзору финансовой стороны крестьянской земельной реформы.

Въ основаніе сочиненія г. Лященко положено изученіе имъ нынѣ хранящихся въ архивѣ государственнаго совѣта дѣлъ учрежденій и комитетовъ, сотрудничавшихъ въ подготовкѣ и осуществленіи крестьянской реформы. Читатель въ этой книгѣ встрѣчается съ матеріалами впервые напечатанными. Но авторъ въ своей работѣ заранѣе связалъ себя приверженностью къ соціальной теоріи „классовой борьбы“, что въ значительной степени повредило его объективному отношенію къ историческимъ фактамъ, и поэтому весь ходъ освободительной реформы и землеустроительной политики государства часто получаетъ въ его книгѣ тенденціозное и во всякомъ случаѣ одностороннее освѣщеніе въ духѣ исповѣдуемой имъ теоріи.

Конечно, чисто помѣщичьи интересы находили сильное представительство въ губернскихъ комитетахъ, а также и въ главномъ комитетѣ, подготовлявшихъ освобожденіе крестьянъ и земельную реформу. Они давали себя знать, когда рѣчь шла объ освобожденіи „съ землею" или „безъ земли", о нормахъ выкупныхъ платежей, о размѣрѣ крестьянскихъ надѣловъ и т. п. Разумѣется, классъ помѣстнаго дворянства занималъ вліятельное положеніе во всемъ ходѣ реформы 19-го февраля. Но когда авторъ утверждаетъ въ своей книгѣ, что вся реформа является торжествомъ классовыхъ интересовъ дворянства и что правительство въ теченіе реформы исключительно подчинялось давленію помѣщичьихъ интересовъ, что даже сама русская печать въ своемъ отношеніи къ реформѣ защищала эти интересы, то во всѣхъ этихъ утвержденіяхъ автора заключается огромное преувеличеніе и погрѣшность противъ исторической правды.

Въ качествѣ рецензента, я позволю себѣ въ послѣдующемъ изложеніи привести нѣсколько фактовъ, показывающихъ, что реформа 19-го февраля была продиктована не „классовымъ помѣщичьимъ интересомъ", а мотивами общественнаго значенія, что дѣятельность правительства и его органовъ въ дѣлѣ крестьянской реформы отмѣчена ярко выраженнымъ сверхклассовымъ и государственнымъ интересомъ. При этомъ дѣятельнымъ и самымъ важнымъ факторомъ реформы 19-го февраля была личность самого Императора Александра II, какъ непосредственнаго иниціатора и творца реформы. Историкъ крестьянской реформы долженъ многократно отмѣчать, когда Государь диктовалъ свою волю, становился на стражѣ государственнаго интереса, вопреки постояннымъ выступленіямъ помѣщичьяго класса.

Мы начнемъ съ подготовительнаго періода къ освобожденію крестьянъ. Извѣстно, что идею освобожденія крестьянъ пропагандировали уже декабристы и затѣмъ послѣдовательно ее ставили на видъ, какъ очередную общественную задачу такіе политическіе писатели, какъ Радищевъ, Николай Ивановичъ Тургеневъ, а въ самое послѣднее время передъ реформой Герценъ, Кавелинъ, Тернеръ и др. Всѣ эти лица были помѣщиками, владѣли крѣпостными и всѣ они подымали вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, не имѣя въ виду извлекать личныя выгоды „отъ освобожденія безъ земли" или отъ освобожденія съ землей.

Писатели и представители общественнаго движенія первой половины XIX столѣтія подымали вопросъ объ освобожденіи крестьянъ по самымъ чистымъ общественнымъ мотивамъ, и главнымъ образомъ по-

тому, что считали освобожденіе крестьянъ „краеугольнымъ камнемъ всякаго дальнѣйшаго возможнаго гражданскаго и политическаго развитія“ [1]).

По окончаніи Крымской кампаніи иниціативу уничтоженія крѣпостного права беретъ на себя съ полною рѣшительностью Государь Александръ II, вопреки тяготѣнію къ крѣпостному режиму большинства помѣщичьяго класса. Спустя нѣсколько дней послѣ манифеста 19-го марта 1856 г. о заключеніи мира, Государь выступаетъ въ Москвѣ передъ собраніемъ московскихъ дворянъ съ рѣшительнымъ заявленіемъ, „что лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу“. По порученію Государя, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, во время коронаціи, ведетъ частные переговоры съ дворянами, съѣхавшимися со всѣхъ концовъ Россіи, о необходимости приступить къ освобожденію крестьянъ и къ отмѣнѣ крѣпостного права. Заручившись согласіемъ Государя, Ланской примѣнилъ цѣлый стратегическій планъ похода правительства противъ крѣпостного права. Онъ дѣлаетъ предложеніе дворянству Виленской, Ковенской и Гродненской губерніи, черезъ генералъ-губернатора Назимова—заняться составленіемъ проекта освобожденія крестьянъ, подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, сокращенія обязательныхъ барщинныхъ работъ крестьянъ по инвентарнымъ правиламъ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ правительства Александра II, дворянство названныхъ губерній была вынуждено выступить съ первымъ адресомъ, въ которомъ ходатайствовало объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но съ сохраненіемъ неприкосновенности права помѣщиковъ на земли владѣемыя крестьянами.

На основаніи этого адреса, въ комитетѣ, учрежденномъ для разработки вопроса, въ составѣ котораго были великій князь Константинъ, Ланской, Ростовцевъ и графъ Блудовъ—принято было окончательное рѣшеніе о необходимости немедленнаго офиціальнаго заявленія правительства о томъ, что оно приступаетъ къ преобразованію крестьянскаго быта, притомъ на началахъ обезпеченія крестьянству прочной осѣдлости. Рѣшеніе это, поддержанное Государемъ, получило свою санкцію въ Высочайшемъ рескриптѣ 20-го ноября 1857 года. Для того, чтобы придать этому постановленію значеніе полной безпо-

---

[1]) См. *Пыпинъ*. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Стр. 531, 443, 426, 2 изд. 1885.

воротности, Ланской рѣшилъ въ одну ночь напечатать Высочайшій рескриптъ и въ теченіе сутокъ (21-го ноября 1857 г.) разослать его во всѣ концы Россіи. Далѣе, въ отвѣтъ на проектъ освобожденія крестьянъ Петербургскаго дворянства, въ которомъ предполагалось учрежденіе маіоратовъ, разныя привилегіи для крупнаго землевладѣнія и освобожденія крестьянъ безъ земли, послѣдовалъ рескриптъ императора, въ которомъ, между прочимъ, объявлялось, что при освобожденіи за крестьянами должны сохраняться усадьбы, подлежащія выкупу въ полную собственность, а кромѣ того должно быть предоставлено въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, „для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику“ [1]).

Волна помѣщичьей реакціи противъ освобожденія крестьянъ разбивалась передъ рѣшительной волей Государя. Въ рѣчи къ тверскому дворянству Государь категорически заявляетъ: „Я убѣжденъ, что вы будете мнѣ содѣйствовать, а не препятствовать“. Въ личномъ обращеніи къ московскому дворянству, замедлившему съ отвѣтомъ на рескриптъ, Государь отнесся съ рѣзкимъ неодобреніемъ. „Къ сожалѣнію“, сказалъ Государь, „благодарить васъ не могу. Я признаюсь ожидалъ, что Московское дворянство первое отзовется на мой призывъ (къ освобожденію крестьянъ), но отозвалось Нижегородское, а Московская губернія не первая, не вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно“ [2]).

Уже первые рескрипты Государя безповоротно закрѣпили основную идею реформы освобожденія крестьянъ съ надѣленіемъ землей, т. е. Государь и дѣятели крестьянской реформы рѣшительно отказались слѣдовать по тому пути, по которому шла освободительная реформа въ Англіи и Германіи, гдѣ крестьянство получило свободу безъ земли.

Правда, въ первоначальныхъ проектахъ главнаго комитета по разработкѣ Положенія предполагалось предоставить крестьянамъ земли на условіяхъ издѣльныхъ и оброчныхъ повинностей помѣщикамъ, но затѣмъ выступаетъ предложеніе о выкупѣ земли у помѣщиковъ въ собственность, хотя осуществленіе выкупа первоначально ставится въ условія добровольнаго соглашенія съ помѣщикомъ. Одно досто-

---

[1]) *И. Иванюковъ.* Паденіе крѣпостного права въ Россіи. С.-Пб. 1882 г., стр. 8, 19—20, 26.

[2]) *Иванюковъ*, 58 стр.

вѣрно, говоритъ профессоръ Иванюковъ, въ своей извѣстной книгѣ „Паденіе крѣпостного права въ Россіи", что инициатива о выкупѣ принадлежитъ обществу, а не правительству, какъ это заявлено въ трудахъ Редакціонной Комиссіи. Мысль о выкупѣ съ помощью правительства была высказана первоначально въ проектахъ и запискахъ частныхъ лицъ: такихъ проектовъ въ разсмотрѣніи редакціонныхъ комиссій было 61. Въ губернскихъ комитетахъ починъ принадлежитъ Нижегородскому комитету, за которымъ послѣдовали Виленскій и Ковенскій комитеты, всѣ состоявшіе преимущественно изъ помѣщиковъ.

Выше приведенные факты выступленія государственной власти, стоящіе въ рѣзкомъ противорѣчіи съ теоріей автора о подчиненіи общественныхъ и государственныхъ органовъ служенію интересамъ господствующаго класса помѣщиковъ—относятся къ періоду подготовки реформы 19-го февраля. Теперь приведемъ нѣсколько такихъ же фактовъ, относящихся къ періоду осуществленія реформы.

Меньшинство въ губернскихъ комитетахъ стояло за выкупъ усадебъ и полевой земли въ собственность крестьянъ. И вотъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской представляетъ Императору, что хотя комиссія меньшинства вышла изъ рамокъ программы, но духъ ея стремленій ближе къ видамъ Императора, нежели предположенія большинства, и Императоръ вездѣ опирался на мнѣнія прогрессивнаго меньшинства. На попытки нѣкоторыхъ комитетовъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о вознагражденіи помѣщиковъ за теряемое ими крѣпостное право на личность крестьянъ — Государь Императоръ повелѣлъ: „мнѣніе это отвергнуть, ибо Его Величество уже неоднократно призналъ, что личность крестьянъ и обязательный ихъ трудъ выкупу подлежать не могутъ".

Еще два факта свидѣтельствуютъ, что государь стоялъ на сторонѣ крестьянскихъ интересовъ. Такъ по ходатайству помѣщиковъ Черниговской и Самарской губерній о распространеніи Положенія о выдачѣ полной выкупной ссуды безъ вычета $^1/_5$—$^1/_6$ части въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ прежній оброкъ былъ менѣе установленнаго „въ Положеніи" на тѣ имѣнія, гдѣ помѣщики сами уменьшили цифры оброка послѣ 19-го февраля, Государь присоединился къ меньшинству главнаго комитета, и вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно. Просьба о выдачѣ дополнительныхъ ссудъ преимущественно мелкимъ помѣщикамъ на 44 милліона рублей „за жертвы понесенныя по добровольному отказу отъ крѣпостного права, для облегченія новаго ихъ положе-

нія", также была отвергнута въ заключеніи министра финансовъ и отклонена Высочайшею властью.

Вопреки утвержденію г. Лященко, что русская повременная печать періода освобожденія защищала интересы помѣщиковъ, на сторонѣ выкупа земель крестьянами въ полную собственность, съ содѣйствіемъ правительства, былъ цѣлый рядъ вліятельныхъ органовъ печати—„Современникъ", „Сельское благоустройство", „Атеней", „Библіотека для Чтенія" „Экономическій Указатель". Только „Журналъ Землевладѣльцевъ" былъ единственнымъ органомъ, стоявшимъ внѣ единогласнаго признанія литературой необходимости надѣленія крестьянъ полевою землею въ собственность. По вопросу о нормахъ крестьянскихъ надѣловъ печать также почти единогласно сходилась въ той мысли, что за норму крестьянскихъ надѣловъ для каждой мѣстности слѣдуетъ принять среднюю величину всѣхъ существующихъ надѣловъ въ данной мѣстности. Только одинъ „Журналъ Землевладѣльцевъ" былъ противъ этого и утверждалъ, что при сохраненіи существующихъ надѣловъ, помѣщики не найдутъ свободныхъ рукъ для обработки своихъ земель. Заслуга русской печати состоитъ еще и въ томъ, что она выяснила финансовыя основы выкупной операціи съ помощью правительства и выработала убѣдительные доводы въ пользу необходимости перевода временно-обязанныхъ крестьянъ на обязательный выкупъ ихъ земель въ собственность. Извѣстно, что самый преданный дѣлу реформы и самый вліятельный представитель правительства въ редакціонномъ комитетѣ, его предсѣдатель Ростовцевъ, не имѣя опыта въ финансовыхъ операціяхъ, первоначально отказывался отъ идеи выкупа крестьянскихъ надѣловъ, съ содѣйствіемъ правительства, только потому, что, какъ ему казалось, для этой операціи потребовалась бы правительственная ссуда въ 1 милліардъ рублей. Въ этотъ-то моментъ періодическая печать выяснила, что никакого милліарда рублей правительственныхъ средствъ для выкупной операціи не потребуется, а со стороны правительства необходима лишь гарантія въ уплатѣ со стороны крестьянъ помѣщикамъ процентовъ, слѣдовательно правительство должно явиться только подготовительной инстанціей къ выкупу. Такого рода голоса раздавались со стороны печати, успокаивающей правительство и подвигавшей его къ выступленію на путь выкупной операціи. Литература видѣла въ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ въ полную собственность безусловно необходимое условіе правильнаго разрѣшенія реформы. То, что въ правительственномъ планѣ сперва считалось окончательнымъ устрой-

ствомъ (состояніе временно-обязанныхъ крестьянъ), литературой понималось какъ переходное состояніе къ полной собственности. „Литература“, говоритъ Иванюковъ, „внесла въ это дѣло два элемента: просвѣщенный умъ и искреннее преслѣдованіе общаго дѣла. Не передъ силою, а передъ разумомъ и гуманными чувствами пало крѣпостное право въ Россіи“.

Таково въ дѣйствительности было отношеніе къ крестьянскому вопросу русской литературы эпохи освобожденія, которую авторъ безъ всякаго основанія обвиняетъ въ служеніи классовому интересу помѣщиковъ.

Въ связи съ теоріей классовой борьбы, которой авторъ подчинилъ свое соціальное міровоззрѣніе, онъ ставитъ основной упрекъ поземельной реформѣ 19-го февраля, что она исходила изъ признанія всѣхъ земель, которыми владѣли помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія—собственностью помѣщиковъ, а земель бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ—собственностью казны и удѣловъ. Авторъ желалъ бы на мѣсто Положенія 19-го февраля поставить актъ экспропріаціи всѣхъ этихъ земель государствомъ; въ такомъ случаѣ правительству вовсе не пришлось бы имѣть дѣло съ выкупной операціей. Но здѣсь долженъ быть поставленъ вопросъ—правильно ли въ историко-экономическомъ изслѣдованіи, какимъ по существу является сочиненіе г. Лященко, оцѣнивать факты и событія съ точки зрѣнія предвзятыхъ абсолютныхъ требованій, можно ли привлекать къ суду исторіи время и дѣятелей данной эпохи за то, что они не жили идеалами автора? Какіе бы недостатки ни представляла аграрная реформа 19-го февраля, но ея основныя начала—надѣленіе крестьянъ землей на условіяхъ выкупной операціи, гарантированной правительствомъ, ставятъ ее неизмѣримо высоко по сравненію съ тѣмъ направленіемъ, какое приняла освободительная реформа въ главныхъ странахъ Западной Европы, въ Англіи, Германіи и Франціи, гдѣ вопросъ о сохраненіи за крестьянами владѣемыхъ ими при крѣпостномъ правѣ земель предоставленъ былъ добровольному соглашенію двухъ заинтересованныхъ сторонъ—землевладѣльцевъ и крестьянъ. Извѣстны результаты такого порядка вещей. Въ Англіи всѣ слои крестьянскаго класса поголовно были обращены въ состояніе арендаторовъ, съемщиковъ помѣщичьихъ земель, или въ рабочихъ, батраковъ и поденщиковъ. Точно въ такихъ же условіяхъ, начиная съ начала XIX стол., протекала аграрная реформа въ Германіи. Правительственная помощь въ этой странѣ, въ формѣ выкуп-

ной операціи, пришла очень поздно, послѣ революціи 1848 г., когда обширная масса крестьянства была уже обезземелена.

Напоминая здѣсь общеизвѣстные факты, мы полагаемъ, что правильную оцѣнку реформы 19-го февраля можетъ дать не критика ея съ точки зрѣнія предвзятой теоріи, а сравнительно-историческое изслѣдованіе, образецъ котораго мы имѣемъ въ старой, но превосходной книгѣ кн. Васильчикова „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ странахъ" (1876 г.).

Приверженность автора къ теоріи классовой борьбы значительно повредила его объективному отношенію къ поземельной реформѣ 19-го февраля. Въ качествѣ научной гипотезы, теорія классовой борьбы не заполняетъ всего содержанія историческаго процесса и въ особенности игнорируетъ роль моральныхъ и литературныхъ теченій, какъ самостоятельныхъ вліятельныхъ факторовъ. Несомнѣнно, реформу 19-го февраля подготовили гуманитарныя теченія въ русской литературѣ и общественныя движенія, чуждыя классовыхъ поползновеній. Съ точки зрѣнія теоріи классоваго интереса авторъ долженъ вычеркнуть наиболѣе славныя страницы въ исторіи освобожденія крестьянъ, роль русской литературы, замѣчательныя имена Николая Ивановича Тургенева, Герцена, Кавелина, столь много сдѣлавшихъ въ Россіи для торжества идеи освобожденія крестьянъ съ землей, которая, наконецъ, овладѣла всѣми помыслами Императора Александра II.

Блѣдно изложенъ въ сочиненіи г. Лященко ходъ реформы въ отношеніи землеустройства разныхъ категорій крестьянъ югозападныхъ губерній, однодворцевъ, вольныхъ людей, чиншевиковъ.

Остановимся, напримѣръ, на чиншевомъ вопросѣ, который въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія представлялъ особенную остроту. Неурегулированность этого вопроса въ то время внесла много трагическихъ моментовъ въ жизнь чиншевиковъ Кіевской и Волынской губерній. Отношеніе мѣстной администраціи и законодательная разработка чиншевого вопроса заключаетъ въ себѣ много характернаго для исторіи аграрныхъ отношеній въ Россіи.

По вопросу о чиншевомъ владѣніи представляются слѣдующія возраженія автору. 1) Онъ не только не выяснилъ природы чиншевого владѣнія, но и не далъ о немъ понятія, обронивъ одну фразу: „чиншевики это вѣчные арендаторы". По этой терминологіи обозначенія чиншевиковъ читатель можетъ думать, что здѣсь идетъ рѣчь о простомъ договорѣ, относящемся къ области обязательнаго права,

а на самомъ дѣлѣ чиншевое право есть институтъ вещнаго права, который обосновывается и защищается соотвѣтствующимъ порядкомъ, установленнымъ для вещныхъ правъ. 2) Авторъ совершенно не обратилъ вниманія на ту интересную эволюцію выясненія природы чиншевого владѣнія, какую даютъ сенатскія рѣшенія 1877 года и 1880 года, которыя представляютъ интересъ не только для чистаго юриста, но и для историка соціальныхъ отношеній. Сенатъ, какъ извѣстно, въ своихъ рѣшеніяхъ сталъ на ту точку зрѣнія, что чиншевое право является особымъ видомъ неполной собственности. Права на поземельный участокъ, предоставляемыя въ силу чиншевого владѣнія, по толкованію сената, такъ обширны что даже неисправный платежъ чинша не можетъ повлечь за собою удаленія чиншевика изъ имѣнія (Рѣш. 1877 г., № 13). Этотъ взглядъ на природу чиншевого владѣнія положенъ и въ основу послѣдующей реформы этого института, выразившейся въ „Положеніи 9-го іюня 1886 года о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ". 3) Для автора осталась внѣ поля его зрѣнія соціальная сторона „Положенія 9-го іюня", гдѣ законодатель, уступая реальнымъ условіямъ создавшагося положенія чиншевиковъ, разрѣшаетъ доказывать чиншевыя права не только крѣпостными актами и письменными документами, но также показаніями свидѣтелей и окольныхъ людей, при неясности, неполнотѣ или отсутствіи письменныхъ доказательствъ (Гл. 1 Ст. 9 и Гл. 2-я пунктъ 2-ой Полож. о поземельн. устр. чиншевниковъ). Вообще сенатъ и правительство въ Положеніи 9-го іюня стали твердо на началахъ государственности, вопреки классовому интересу помѣщиковъ, трактовавшихъ чиншевиковъ какъ простыхъ арендаторовъ. Кто пожелалъ бы познакомиться съ чиншевымъ вопросомъ въ Россіи, долженъ обратиться къ другимъ источникамъ, но не къ книгѣ проф. Лященко, въ которой кромѣ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній по этому предмету ничего не найдетъ. Также поверхностно и въ неправильномъ освѣщеніи трактуется авторомъ вопросъ о духовныхъ и свѣтскихъ вакуфахъ въ Крыму, хотя въ книгѣ г. Лашкова „Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія" (1897 г.). авторъ могъ бы найти достаточный матеріалъ для обстоятельнаго обзора этого вопроса.

Въ заключеніе мы присоединимъ еще нѣсколько замѣчаній на книгу г. Лященко. Авторъ утверждаетъ, что въ крѣпостномъ правѣ и въ общинномъ владѣніи лежала идея о дополнительномъ надѣлѣ крестьянъ, отъ которой правительство отказалось въ Положеніи

19-го февраля потому, что сошло съ государственной точки зрѣнія и вступило на почву частно-правовыхъ отношеній и сдѣлокъ. Въ прежнихъ, дореформенныхъ экономическихъ и правовыхъ условіяхъ, говоритъ авторъ, дополнительное надѣленіе крестьянъ не только не отрицалось, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо предуказывалось обычаемъ или закономъ (85 стр.). Въ этомъ позволительно усомниться. Авторъ открываетъ въ крѣпостномъ режимѣ такія достоинства, какихъ у него въ дѣйствительности не было. Крѣпостной режимъ не давалъ никакихъ правовыхъ гарантій матеріальнаго обезпеченія крестьянъ, и, какъ общее правило, являлся жестокой экономической эксплуатаціей крестьянъ. Злоупотребленія сплошь и рядомъ шли дальше закона и обычая.

Считаемъ умѣстнымъ остановиться также на упрекѣ автора реформѣ 19-го февраля, что ею были закрѣплены за крестьянами тѣ нормы земельнаго надѣла, которыми они владѣли при крѣпостномъ правѣ.

Авторъ очевидно игнорируетъ дѣйствительныя трудности исчислить нормальный надѣлъ: тройственную невозможность a) опредѣлить нужды крестьянъ, b) исчислить дѣйствительную производительность надѣла, c) оцѣнить выгоды отъ вспомогательныхъ промысловъ крестьянъ. Извѣстно, что главный комитетъ остановился именно передъ этими трудностями опредѣленія нормальнаго надѣла, которые и при современныхъ методахъ изслѣдованія крестьянскихъ бюджетовъ считаются невполнѣ преодолимыми. Поэтому главный комитетъ и долженъ былъ принять за исходныя нормы надѣленія тѣ надѣлы, которыми крестьяне владѣли при крѣпостномъ правѣ.

Авторъ упрекаетъ реформу 19-го февраля въ чрезмѣрной медлительности въ процессѣ ея осуществленія (стр. 715). Но посмотримъ, какая же это медлительность. Въ 1861 году крестьяне всѣхъ категорій были освобождены отъ крѣпостной зависимости, съ 1863 года помѣщичьи крестьяне въ сѣверо- и юго-западныхъ губерніяхъ переводятся на выкупъ, а въ 1881 году уже три четверти бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ приступили къ выкупной операціи, которая въ этомъ году становится обязательной для всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ 1870 году были переведены на выкупъ государственные крестьяне, а въ 1888 году цараны Бессараб. обл. Сравните этотъ темпъ, которымъ шла наша земельная реформа, съ медлительностью ея въ Германіи. А именно, съ 1702 года по 1815 годъ въ Германіи послѣдовало прекращеніе крѣпостной зависимости (Leibeigenschaft). Съ 1815 г. по 1848 годъ происходила отмѣна барщинныхъ и оброчныхъ

повинностей, общиннаго землевладѣнія и черезполосности; наконецъ третій періодъ—выкупной операціи съ содѣйствіемъ правительства, открывающійся съ 1848 года, продолжался до 1880 года [1]). Такимъ образомъ реформа, для которой въ Германіи потребовалось почти два столѣтія, въ Россіи осуществлена въ теченіе 27 лѣтъ.

Въ предыдущемъ изложеніи мы останавливались на недостаткахъ книги г. Лященко и на тѣхъ его точкахъ зрѣнія, которыя, по нашему мнѣнію, въ извѣстныхъ отношеніяхъ обезцѣниваютъ его книгу. Въ заключеніе мы должны отмѣтить слѣдующія положительныя стороны разсматриваемой работы. 1) Авторъ извлекъ изъ архива государственнаго совѣта цѣнный научный матеріалъ, который онъ передаетъ довольно объективно въ своемъ изложеніи, такъ что читатель, несогласный съ взглядами автора всегда можетъ различить сообщаемые факты отъ того освѣщенія, которое придаетъ имъ авторъ. 2) Онъ прослѣдилъ ходъ поземельной реформы за нѣсколько десятилѣтій, слѣдовавшихъ послѣ 19-го февраля—по отношенію къ весьма разнообразнымъ и разноплеменнымъ разрядамъ крестьянъ, населяющихъ Россійскую имперію. И въ этомъ отношеніи книга г. Лященко заполнила пробѣлъ, существовавшій въ русской литературѣ. 3) При выполненіи не съ одинаковымъ совершенствомъ этой задачи, напримѣръ, по отношенію къ вакуфнымъ владѣніямъ и чиншевому вопросу, авторъ въ то же время далъ основательныя главы, посвященныя вопросу о башкирскихъ земляхъ, о ходѣ надѣленія горнозаводскихъ крестьянъ, о поземельной реформѣ на Кавказѣ, въ Бессарабской области и др.

В. Левитскій.

Къ исторіи дареній между супругами. Изслѣдованіе по римскому праву *Б. В. Никольскаго*. Юрьевъ, 1915. Стр. XXXII+521.

Между римскимъ правомъ и классическою филологіей, въ особенности латинской филологіей („римская словесность"), — несомнѣнно, существуетъ гораздо болѣе тѣсная внутренняя связь, чѣмъ та, какую въ общихъ чертахъ обычно предполагаютъ не только профаны, но даже и сами юристы и филологи въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Въ доказательство можно сослаться, съ одной стороны, хотя бы

---

[1]) Кн. *А. Васильчиковъ*. Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и друг. европ. странахъ. Т. I, стр. 228—235.

на тотъ, повидимому, уже общепризнанный фактъ, что читаемый на историко-филологическихъ факультетахъ обязательный курсъ такъ называемыхъ „римскихъ государственныхъ древностей“ по существу дѣла является—или, по крайней мѣрѣ, долженъ являться—курсомъ римскаго государственнаго права, а слѣдовательно основательное знакомство съ этимъ отдѣломъ римскаго права оказывается безусловно необходимымъ для всякаго филолога, читающаго въ университетѣ курсъ вышеупомянутыхъ „древностей“.

Съ другой стороны, никакой юристъ не можетъ обойтись безъ услугъ классической филологіи, выступая въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдователя въ области римскаго права: дѣло въ томъ, что такому изслѣдователю, естественно, опирающемуся на непосредственное изученіе источниковъ, постоянно приходится подвергать юридическому анализу множество латинскихъ и греческихъ текстовъ, а единственно надежнымъ и солиднымъ основаніемъ для юридическаго анализа и толкованія, конечно, можетъ служить лишь критически установленный и грамматически вполнѣ объясненный текстъ соотвѣтственнаго автора или памятника, т. е. такой текстъ, который уже прошелъ, такъ сказать, чрезъ лабораторію классической филологіи.

Къ сожалѣнію, однако даже въ „велеклассической“ Германіи, какою она была почти до конца прошлаго столѣтія, дѣло изданія юридическихъ памятниковъ въ общемъ не стояло на должной высотѣ—именно потому, что въ большинствѣ случаевъ такіе памятники издавались только юристами, а иногда только филологами, тогда какъ въ интересахъ дѣла, для достиженія возможно большаго совершенства изданія, здѣсь безусловно необходимы либо совмѣстная работа юристовъ и филологовъ, либо соединеніе въ лицѣ издателя двухъ спеціалистовъ, т. е. юриста и филолога.

Впрочемъ, по поводу только что указанной альтернативы я долженъ сдѣлать нѣсколько оговорокъ.

Во-первыхъ, устройство совмѣстной работы даже одного юриста съ однимъ филологомъ по изданію какого-либо юридическаго памятника далеко не всегда оказывается возможнымъ по разнаго рода причинамъ и обстоятельствамъ. Тѣмъ труднѣе, конечно, организовать совмѣстную работу нѣсколькихъ юристовъ и филологовъ,—что, по моему мнѣнію, является не только желательнымъ, но и рѣшительно необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда издаваемый юридическій памятникъ отличается значительными размѣрами и сложностью содержанія; по поводу послѣдняго соображенія достаточно сослаться хотя бы на

тотъ фактъ, что даже Моммзенъ, соединявшій въ своемъ лицѣ первоклассного юриста съ первоклассным историкомъ и выдающимся филологомъ, издавая Дигесты въ сотрудничествѣ съ П. Крюгеромъ, въ то же время пользовался помощью цѣлаго ряда и другихъ ученыхъ, какъ юристовъ, такъ и филологовъ,—о чемъ онъ и упоминаетъ съ благодарностью въ предисловіи къ editio maior (Berol. 1870, vol. I, p. LXXX).

Во-вторыхъ, нельзя не считаться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что соединеніе въ одномъ лицѣ именно юриста съ филологомъ принадлежитъ къ числу чрезвычайно рѣдкихъ и, можно сказать, лишь исключительныхъ явленій; впрочемъ я долженъ тутъ же пояснить, что для правильнаго пониманія этой моей оговорки необходимо принять къ свѣдѣнію мои непосредственно слѣдующія замѣчанія относительно филологовъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, считаю долгомъ обратить особенное вниманіе читателей на то, что, говоря о филологахъ, совмѣстная работа которыхъ съ юристами безусловно необходима въ дѣлѣ изданія юридическихъ памятниковъ, я имѣю въ виду не всякаго рода филологовъ, хотя бы и въ совершенствѣ знающихъ греческій и латинскій языки, но лишь филологовъ κατ' ἐξοχήν, т. е. такихъ, которымъ доступна и высшая область филологіи, къ какой относится правильная критика текста.

Эта высшая и вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣйшая область филологіи доступна лишь немногимъ избраннымъ филологамъ, которые уже отъ природы имѣютъ особый даръ филологической дивинаціи. Можно развить и усовершенствовать въ себѣ эту рѣдкую способность, но лишь при наличности соотвѣтственныхъ природныхъ задатковъ; напротивъ, при отсутствіи послѣднихъ пріобрѣсти себѣ даръ филологической дивинаціи нельзя,—сколько бы лѣтъ ни изощрять свое остроуміе, придумывая всевозможныя поправки или новыя объясненія разныхъ греческихъ и латинскихъ текстовъ. „Emendatores quoque nascuntur, non fiunt“, можно съ полнымъ правомъ сказать—въ параллель къ общеизвѣстному изреченію: „oratores fiunt, poetae nascuntur“. Насколько вообще безплодны занятія критикой текста при отсутствіи дара истинной дивинаціи, можно судить, напримѣръ, по тому, что иногда изъ нѣсколькихъ сотенъ конъектуръ, придуманныхъ такимъ спеціалистомъ, едва и одна сотая часть заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Подобные примѣры имѣются какъ въ западно-европейской, такъ и въ русской филологической литературѣ; не буду называть именъ, но не по-

тому, что „nomina sunt odiosa“, а просто изъ желанія пощадить самолюбіе столь неудачныхъ конъектуристовъ.

Отсутствіе систематической помощи со стороны филологовъ въ особенности неблагопріятно должно было отражаться и дѣйствительно отражалось на текстѣ такихъ юридическихъ памятниковъ, за изданіе которыхъ брались только юристы, а критическія несовершенства текста или же его неясность или двусмысленность въ свою очередь, естественно, дѣлали болѣе или менѣе шаткою ту почву, на которой приходилось оперировать юристамъ, какъ таковымъ.

Правда, выступая въ роли издателей, юристы, особенно прежняго времени, въ большинствѣ случаевъ не лишены были и нѣкоторой филологической подготовки — въ смыслѣ болѣе или менѣе основательнаго знанія греческаго и латинскаго языковъ, а (съ XIX вѣка) также и въ смыслѣ знакомства съ основными принципами и техникой филологическихъ изданій, — и уже это обстоятельство, кромѣ, конечно, здраваго смысла вообще, естественно, предохраняло ихъ изданія отъ тѣхъ разнообразныхъ перловъ издательскаго недомыслія, которые сплошь и рядомъ встрѣчаются въ изготовленныхъ или изготовляемыхъ нѣкоторыми нашими юристами, а также и „словесниками“, изданіяхъ разныхъ славянскихъ и греческихъ текстовъ.

Объ этихъ перлахъ я въ скоромъ времени подробнѣе поговорю въ другомъ мѣстѣ, при чемъ приведу и точныя цитаты, а здѣсь ограничусь приведеніемъ лишь нѣсколькихъ примѣровъ. Если издаваемый памятникъ сохранился въ нѣсколькихъ рукописяхъ, то наши, такъ сказать, доморощенные издатели по нѣкоторымъ соображеніямъ (иногда чисто случайнаго характера) избираютъ изъ этихъ списковъ какой-либо одинъ, который и „полагаютъ въ основу изданія“, при чемъ въ большинствѣ случаевъ они довольствуются простымъ воспроизведеніемъ текста „основного“ списка съ почти всѣми—даже самыми очевидными—ошибками переписчика, а разночтенія остальныхъ списковъ—въ томъ числѣ и такіе варіанты, которые несомнѣнно являются подлинными чтеніями, eo ipso подлежащими введенію въ текстъ изданія,—отмѣчаютъ въ критическомъ аппаратѣ.

Дѣло изданія, такимъ образомъ, геніально упрощается, и сами „издатели“ получаютъ возможность изготовлять такія изданія иногда съ поразительною быстротой,—но, къ сожалѣнію, въ результатѣ столь геніальной простоты въ текстѣ подобныхъ изданій слишкомъ часто оказываются изумительныя „наглядныя несообразности“. Такъ, напр., пастырь иногда превращается въ пластырь,—евнухъ въ

„Еноха“,—Лаодикія въ „Аладию“,—Римъ въ „миръ“—„римьскоуоумоу“ въ „мьмьскоуоумоу“ (sic!),—„плещи“ въ „лещи“, „(и)подроміе“ (ἱπποδρόμιον) въ „подморіе“ и т. д., и т. д. А изъ области греческихъ текстовъ достаточно будетъ привести два слѣдующихъ примѣра: 1) дважды встрѣчающееся на одной и той же страницѣ изданія ὅπερ ἀπῄει — вмѣсто ὅπερ ἀπείη (quod absit), при чемъ не мѣшаетъ замѣтить, что въ критическомъ аппаратѣ въ обоихъ мѣстахъ приводится правильный варіантъ ἀπείη изъ трехъ рукописей,—и 2) ἐγεννήθη τις λεγόμενος Μέγαδος вмѣсто подлиннаго ἐγεννήθη ⟨δὲ ἀπὸ⟩ τῆς λεγομένης Μαινάδος.

Плодовъ издательскаго недомыслія аналогичныхъ только что указаннымъ мы, разумѣется, нигдѣ не найдемъ въ западно-европейскихъ изданіяхъ юридическихъ памятниковъ,—даже и въ такихъ, которыя были сдѣланы только юристами безъ какого-либо участія филологовъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что въ заграничныхъ изданіяхъ все обстоитъ благополучно—въ области критической обработки и правильнаго установленія подлиннаго текста: напротивъ, даже моммзеновскія изданія, которыхъ нельзя не отнести къ числу самыхъ лучшихъ, по ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются не лишенными нѣкоторыхъ недочетовъ именно въ этомъ отношеніи; что же касается изданій, принадлежащихъ другимъ ученымъ, то въ нихъ имѣется еще больше недочетовъ такого же свойства.

Въ доказательство приведу нѣсколько примѣровъ изъ такихъ памятниковъ, съ которыми мнѣ самому приходилось имѣть дѣло.

Въ текстѣ одной cautio societatis (Corp. Inscr. Latin. III, p. 950) долго удерживалось не имѣющее смысла слово *arrenatum* („Inter Cassium Frontinum et Iulium Alexandrum societas danistariae . . . . . ita convenit, ut quidquid in ea societati arrenatum fuerit lucrum damnumve acciderit, aequis portionibus suscipere debebunt“), при чемъ въ пятомъ изданіи Bruns'a Fontes iuris Romani antiqui (Berol. 1886), вышедшемъ подъ редакціей Моммзена, по поводу этого *arrenatum* сказано (p. 268): „Vox ignota, quid significet, parum intellegitur; fortasse 'sub arra mutuo datum', nam pro pignore etiam arra dicebatur. Cf. Muther, Sequestration, 369“.—Подлинное чтеніе *ab re natum*, естественно, упраздняющее только что указанную догадку Брунса или Моммзена, мнѣ удалось возстановить конъектуральнымъ путемъ въ 1893 году [1])—до знакомства съ вышедшимъ въ

[1]) См. мою замѣтку подъ заглавіемъ: „Arrenatum?“ въ *Philologus*, LII, 1893, p. 563 s.

томъ же году шестымъ изданіемъ вышеупомянутаго сборника Брунса, гдѣ, какъ и въ седьмомъ его изданіи, уже читается правильно *ab re natum*, на основаніи произведеннаго Оттономъ Гиршфельдомъ новаго сличенія текста этого документа по самому подлиннику.

Въ lex fani Furfensis (Corp. Inscr. Latin. IX, 3513, vs. 15) во всѣхъ изданіяхъ—между прочимъ и въ послѣднемъ, т. е. седьмомъ, изданіи сборника Брунса, вышедшемъ подъ редакціей Gradenwitz'a (Berol. 1909),—до сихъ поръ фигурируетъ „испорченное слово", какъ признаетъ большинство изслѣдователей, а по мнѣнію другихъ „загадочное выраженіе",—*fifeltares* или *Fifeltares* въ слѣдующемъ контекстѣ: sei qui heic sacrum surupuerit, aedilis multatio esto, quanti volet; idque veicus Furf(ensium)—или Furf(ensis)—m[a]i(or) pars fifeltares sei apsolvere volent sive condemnare, liceto. Въ формѣ Fifeltares, т. е. какъ имя собственное, это слово, съ помѣткой „rätselhafter Ausdruck", попало въ Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, VI (Stuttgart, 1909), col. 2317, 7. „*Huschke fingit vocem Sabinam* fifla=fibula, fifeltares=fibulali, *i. e. patricii Furfenses!*" замѣчаетъ Брунсъ, отнюдь не раздѣляя такого мнѣнія своего предшественника.—На мой же взглядъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это загадочное слово,—относительно котораго необходимо еще принять къ свѣдѣнію замѣтку Борманна въ сообщеніи Моммзена: „FIFELTARES (FISELDARES Masson, EIFELTARES Garrucci male) ut certae lectionis est, nisi quod recte monuit Bormannus primas tres litteras FIF a manu recentiore incisas esse et sub secunda vestigia apparere litterae R vel B, ita de emendatione desperavi" [1]),—является искаженіемъ подлиннаго выраженія ISPECTA RE, при чемъ лишнее S (въ концѣ FIFELTARES) всего естественнѣе, конечно, разсматривать какъ диттографію, возникшую подъ вліяніемъ непосредственно слѣдующаго слова (sei). Такимъ образомъ въ текстѣ слѣдуетъ возстановить чтеніе *i(n)specta re*, что̀ и было мною предложено уже двадцать лѣтъ тому назадъ—въ майской книжкѣ *Журнала Мин. Нар. Просв.* 1895 г., стр. 51, а затѣмъ и въ *Philologus*, LV, 1896, p. 571 s. Попутно замѣчу, что въ той же книжкѣ *Журнала Мин. Нар. Просв.* 1895 г. (стр. 47—52) я подвергаю критическому разбору и интерпретирую также и другія испорченныя или неясныя мѣста этого Фурфонскаго закона, которыя и въ седьмомъ изданіи сборника Брунса оставлены безъ объясненія.

---

[1]) Corp. Inscr. Lat., IX, p. 335, col. 2.

Текстъ Урсонскаго закона (lex coloniae Genetivae Iuliae) даже и въ послѣднемъ изданіи сборника Брунса оказывается не вполнѣ очищеннымъ отъ имѣющихся въ немъ интерполяцій [1]).

Возстановленіе текста и обычное рѣшеніе вопроса о датѣ и авторѣ извѣстнаго lex de flamonio provinciae Narbonensis [2]), найденнаго еще въ 1888 году, до сихъ поръ остаются крайне неудовлетворительными. Ср. по этому поводу мою статью: *Ueber die Einführung des provinzialen Kaisercultus im römischen Westen*, въ *Philologus*, LIII, 1894, p. 147—189, гдѣ я между прочимъ доказываю, что наиболѣе вѣроятнымъ авторомъ этого закона слѣдуетъ считать Веспасіана, тогда какъ обыкновенно вслѣдъ за Моммзеномъ и Оттономъ Гиршфельдомъ этотъ законъ относятъ къ эпохѣ Августа, совершенно невѣрно дополняя конецъ 13 строки.

Кромѣ разныхъ недочетовъ въ области критики текста юридическихъ памятниковъ нельзя не упомянуть о существованіи недочетовъ и въ области интерпретаціи или экзегезы. Въ очень многихъ случаяхъ эти экзегетическіе недочеты бываютъ обусловлены просто неудовлетворительностью изданій того или иного памятника въ критическомъ отношеніи: если памятникъ изданъ неправильно, то по существу дѣла, конечно, будетъ невѣрно и пониманіе или толкованіе его, а равно и дальнѣйшіе выводы, построенные на столь ненадежной почвѣ. Въ подобныхъ случаяхъ главными виновниками возникающихъ ошибокъ и заблужденій, безспорно, являются издатели соотвѣтственныхъ юридическихъ памятниковъ.

Бываютъ, однако, и такіе случаи, когда памятникъ изданъ совершенно правильно, но толкователи его подходятъ къ нему съ какими-либо предвзятыми идеями, съ уже заранѣе принятыми или только намѣченными рѣшеніями того или иного вопроса, а потому и стараются истолковать тотъ или иной текстъ непремѣнно по своему, стремясь извлечь изъ него подтвержденіе своей собственной гипотезы или теоріи, хотя реальныхъ основаній для того въ самомъ текстѣ вовсе и не имѣется. Въ подобныхъ случаяхъ тенденціозныхъ толкованій, которые, повидимому, не слишкомъ рѣдко встрѣчаются въ юридиче-

---

[1]) Ср. по этому поводу мои изслѣдованія: *Римскіе муниципальные жрецы и жрицы*, С.-Пб., 1891 (напр., стр. 130, примѣч. 179), и *Августалы и сакральное магистерство*, С.-Пб., 1895 (стр. 1, 95 и др.).

[2]) Въ изданіи Bruns-Gradenwitz'a (*Fontes*, vol. I, p. 141) этотъ законъ совершенно невѣрно называется „Lex civitatis Narbonensis de flamonio provinciae".

скихъ изслѣдованіяхъ, хотя сама по себѣ тенденціозность и не всегда бываетъ вполнѣ сознательной, вся вина безусловно падаетъ уже не на издателей юридическихъ памятниковъ, но на толкователей послѣднихъ.

При такомъ—въ общихъ чертахъ—положеніи дѣла критики текста и интерпретаціи юридическихъ памятниковъ нельзя не признать данной области еще весьма далекою отъ полной и всесторонней научной разработки, а потому всякая самостоятельная, серьезная и добросовѣстная попытка внести посильныя улучшенія въ эту область, естественно, должна быть встрѣчаема какъ юристами, такъ и филологами съ полнымъ и открытымъ сочувствіемъ. Въ особенности же цѣнными какъ для юристовъ, такъ и для филологовъ являются такіе научные труды, которые помимо самостоятельности, серьезности и добросовѣстности оказываются въ силу особенно благопріятныхъ обстоятельствъ еще отмѣченными печатью несомнѣннаго и крупнаго критическаго таланта.

Причисляя къ категоріи именно такихъ выдающихся научныхъ трудовъ новѣйшее изслѣдованіе профессора Б. В. Никольскаго по римскому праву, подъ заглавіемъ: „Къ исторіи дареній между супругами",—я горячо привѣтствую реальное обогащеніе русской науки этимъ крупнымъ (не по размѣрамъ только, но и по своимъ внутреннимъ достоинствамъ) вкладомъ и тѣмъ охотнѣе выступаю съ критическимъ разборомъ этого превосходнаго изслѣдованія, что его авторъ весьма счастливо соединяетъ въ своемъ лицѣ двухъ спеціалистовъ, а именно юриста и филолога,—при томъ филолога въ указанномъ мною выше лучшемъ значеніи этого слова.

М. Крашенинниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діалектологическая карта русскаго языка въ Европѣ. Составлена членами Московской діалектологической комиссіи, состоящей при отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, *Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовымъ* и *Д. Н. Ушаковымъ*. Изданіе Императорскаго Русскаго географическаго общества. Петроградъ. 1914 г.

Карта даетъ свѣдѣнія 1) о нарѣчіяхъ и поднарѣчіяхъ русскаго языка и 2) о русскомъ элементѣ среди инородцевъ и объ инородческихъ элементахъ среди русскихъ на пространствѣ Европейской Россіи. Первая группа свѣдѣній—главная; она дается вполнѣ самостоятельно. Если не имѣть въ виду картъ русской языковой территоріи,

помѣщенныхъ при нѣкоторыхъ учебникахъ по русскому языку для 4-го класса гимназіи (гг. Грунскаго, Кульбакина, Солоспна, г-жи Истриной), и „Этнографической карты бѣлорусскаго племени“ проф. Карскаго (1903 г.),—карта діалектологической комиссіи первая въ своемъ родѣ. Вторая группа свѣдѣній — почти случайная. Такъ какъ Императорское Русское географическое общество до сихъ поръ не удосужилось изобразить на картѣ этнографическія данныя переписи 1897 г., которыми владѣетъ, а этнографическая карта Россіи А. Ѳ. Риттиха давно и безусловно устарѣла, — трудно упрекать діалектологическую комиссію за скудость и неточность предлагаемаго ею матеріала.

Остановимся на первой группѣ свѣдѣній.

Разсматривая область сѣверно-великорусскаго и южно-русскаго поднарѣчій, мы прежде всего обращаемъ вниманіе на востокъ. Здѣсь земли оренбургскаго и уральскаго казачества включены въ область сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Это совершенно невѣрно. Живущіе на этихъ земляхъ казаки всѣ говорятъ по южно-великорусски. Объ этомъ см. въ моемъ „Опытѣ русской діалектологіи“, стр. 103, и въ предисловіи къ „Сборнику словъ и выраженій употребляемыхъ уральскими казаками“, Уральскъ, 1913 г. Въ общемъ ихъ рѣчь мало отличается отъ средне-великорусской группы говоровъ. Далѣе—земли по обѣ стороны Волги отъ Казани до Камышина также окрашены краской сѣверно-великорусскаго поднарѣчія. Для этого нѣтъ достаточнаго основанія. Что здѣсь слышатся и окающіе говоры, несомнѣнно; но на сѣверѣ, по нашему мнѣнію, много, а на югѣ этихъ земель большинство говоровъ—акающіе и при томъ сильно-акающіе. И данныя III выпуска „Трудовъ Московской діалектологической комиссіи“, Варшава, 1914, даютъ намъ право такъ говорить, и особенно—исторія заселенія этого края. Оно шло сначала съ сѣвера, по Волгѣ, но потомъ почти исключительно съ запада, отъ Тамбова, Воронежа и съ Дона. Въ книжкѣ Беккера, „Воспоминанія о Саратовской губерніи“, М. 1852, мы читаемъ, что въ Николаевскомъ уѣздѣ, у Большого и Малаго Иргизовъ, находятся переселенцы „изъ внутреннихъ малоземельныхъ губерній“, т. е. изъ великорусскаго центра. Сверхъ того, см. въ нашемъ „Опытѣ“ данныя изъ Курмышскаго уѣзда, Симбирской губ. (стр. 27), изъ Чистопольскаго уѣзда, Казанской губ. (стр. 27), изъ Ардатовскаго и Лукояновскаго уѣздовъ Нижегородской губ. (стр. 103), а въ „Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Н.“ 1897 г., 1,—данныя изъ Алатырскаго уѣзда (стр. 268 сл.).

Область бѣлорусскаго нарѣчія на картѣ діалектологической комиссіи раздѣлена чертою на двѣ половины—сѣверо-восточную и юго-западную. Мы думаемъ, согласно съ проф. Карскимъ (см. его „Этнографическую карту“), что дѣленіе бѣлорусскихъ говоровъ должно быть иное и что ихъ должно быть, по крайней мѣрѣ, три группы. При этомъ необходимо принять во вниманіе впечатлѣнія новѣйшаго наблюдателя сѣверно-смоленскихъ говоровъ г. Попова („Извѣстія“ 1913 г., 3), который говоритъ: „карта этихъ діалектовъ въ сѣверо-восточномъ углу Смоленской губ. должна быть исправлена выключеніемъ Смоленской губ. изъ сферы бѣлорусскихъ... Граница бѣлорусскихъ говоровъ должна быть отодвинута, по крайней мѣрѣ, къ притоку Двины—Можѣ“ (стр. 274).

Рядомъ съ бѣлорусскою областью, карта даетъ довольно обширную область переходныхъ говоровъ, отъ бѣлорусскихъ къ южновеликорусскимъ, со включеніемъ въ нее не только юго-восточной части Смоленской губ., но также большей части Калужской (съ Мосальскомъ, Жиздрою, Мещовскомъ, Козельскомъ, Перемышлемъ) и части Орловской губ. (почти до Брянска). Мы полагаемъ, что немногія черты калужскихъ и орловскихъ говоровъ, общія имъ съ говорами бѣлорусскими, не такъ важны, чтобы выдѣлять эти говоры изъ ряда собственно-южно-великорусскихъ въ особую группу. Если бы считаться съ ними, пришлось бы даже Обоянскій уѣздъ включить въ переходную группу, такъ какъ въ немъ слышатся формы дат.-мѣстн. п. ед. ч. женск. р. *тэй, однэй,* мѣстн. п. ед. ч. муж. р. *на дорозѣ, въ горосѣ* и т. п. (см. ст. Рѣзанова въ „Русск. Филологич. Вѣстн.“ 1897 г.). Проф. Карскій въ своей спеціальной статьѣ („Новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный учениками В. И. Ламанскаго“, С.-Пб. 1905) относитъ къ бѣлорусскимъ только сѣверо-западный уголъ Орловской губ., волости Акулицкую и Лузенскую, по сосѣдству съ Рославльскимъ уѣздомъ, Смоленской губ. и Мглинскимъ, Черниговской губ. (стр. 314 сл.).

Малорусское нарѣчіе, по картѣ, имѣетъ въ своемъ составѣ, между прочимъ, поднарѣчіе карпато-угорское. Едва ли есть возможность соединить всѣ русскіе говоры Карпатскихъ горъ и Угорской долины въ одно цѣлое. Присутствіе въ однихъ изъ нихъ сѣверно-малорусскихъ чертъ рѣзко отдѣляетъ эти говоры отъ другихъ, которые по своей фонетикѣ вполнѣ южно-малорусскіе.

Карта даетъ границы между тремя группами южно-великорусскихъ говоровъ и тремя же группами средне-великорусскихъ говоровъ.

Одинъ взглядъ на эти границы можетъ привести къ сомнѣнію въ ихъ точности. Мы знаемъ исторію заселенія многихъ мѣстъ средней Россіи въ XVII—XVIII вѣкахъ и на основаніи ея указаній имѣемъ право говорить о невозможности установить границу въ виду черезполосицы и смѣшанности. Такъ, городъ Пенза въ 60-хъ годахъ XVII в. былъ заселенъ: 1) московскими фальшивомонетчиками, 2) воронежскими казаками и 3) драгунами изъ разныхъ мѣстъ Тамбовскаго края (*В. Борисовъ*, Строельная книга города Пензы, М. 1898). Сверхъ того, мы знаемъ, какъ часто наблюдатели говорятъ о различіи въ говорѣ бывшихъ однодворцевъ и бывшихъ крѣпостныхъ, въ говорѣ бывшихъ казенныхъ или монастырскихъ крестьянъ и крестьянъ помѣщичьихъ.

Вмѣсто того, чтобы пытаться установить границы между подраздѣленіями великорусскихъ и бѣлорусскихъ нарѣчій, составители карты съ бо́льшимъ успѣхомъ могли бы попробовать отмѣтить на ней особенно-яркія черты говоровъ. Мы имѣемъ въ виду мягкое *к*, которому Д. К. Зеленинъ посвятилъ недавно цѣлую монографію, диссимилятивное аканье, о которомъ есть спеціальная статья г. Голанова, сѣверно-великорусское *у* вмѣсто *в*, великорусское *с* вмѣсто *ц*, великорусское дзеканье, бѣлорусское *у* на мѣстѣ *ы* и, конечно, цоканье въ обоихъ его видахъ, съ чоканьемъ и безъ чоканья. Впечатлѣніе отъ карты съ указаніями на эти и подобныя черты получилось бы болѣе сильное, чѣмъ отъ той, которую мы передъ собою имѣемъ.

Карта діалектологической комиссіи, какъ уже сказано, отмѣчаетъ русскій элементъ среди инородцевъ и инородческіе элементы среди русскихъ. Позволимъ себѣ, изъ многаго, указать на нѣсколько мелочей. Относительно Волынской губ. слѣдовало бы дать свѣдѣнія о многочисленныхъ въ ней нѣмецкихъ колоніяхъ, хотя бы въ томъ родѣ, какъ онѣ даны относительно Херсонской, Таврической, Екатеринославской губ., а относительно Царства Польскаго [1]) и Прибалтійскихъ губерній—свѣдѣнія о живущихъ тамъ единовѣрцахъ и старообрядцахъ. Въ центрѣ калмыцкой степи Астраханской губ. Элиста господствуетъ уже русское населеніе и растетъ все шире и шире. Въ предѣлахъ Черноморской губ. находятся не только малорусскія,

[1]) Бывшіе старообрядцы безпоповцы, нынѣ единовѣрцы, жившіе нѣкоторое время въ Восточной Пруссіи, теперь занимаютъ четыре поселка въ Варшавской губ.: Благодатное (или Бискупицы), Ивановку (или Кукалы), Скобелевку (или Скулы) и Еверку (*Варшавск. Губернск. Вѣдомости* 1897 г., № 19 слѣд.).

но и великорусскія поселенія. Таврическій полуостровъ, особенно южный его берегъ, принадлежитъ столько же малоруссамъ, сколько великоруссамъ. Бессарабская губ., въ той ея части, которая въ концѣ 70-хъ годовъ возвращена Россіей отъ Румыніи, имѣетъ значительное число великоруссовъ старообрядцевъ („липованъ"), тѣсно связанныхъ по происхожденію съ великоруссами Румыніи, потомками донскихъ казаковъ некрасовцевъ.

А. Соболевскій.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе апрѣля и мая мѣсяцевъ 1915 года.

— *Барсковъ, Я. Л.* Переписка московскихъ масоновъ XVIII-го вѣка. 1780—1792 гг. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Петроградъ 1915. LXIII+339 стр. Цѣна 2 р.

— Энциклопедія славянской филологіи. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Подъ редакціею *И. В. Ягича.* Выпускъ 4_{1}. *П. А. Лавровъ.* Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма. Выпускъ 4_{2}. *Е. Калужняцкій.* Кирилловское письмо у румынъ. Петроградъ 1915. 329+22 стр. Цѣна 3 р.—Выпускъ 10. *С. М. Кульбакинъ.* Грамматика церковно-славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ. Петроградъ 1915. 97 стр. Цѣна 50 к.

— Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края. Записали *Борисъ и Юрій Соколовы.* (Съ вводными статьями, фотографическими снимками и географической картой). Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. М. 1915. CVII+666 стр. Цѣна 3 р. 50 к.

— Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ девяносто третій. Петроградъ 1915. VIII+793 стр. Цѣна 2 р. 50 к. (*В. Ѳ. Мюллеръ.* Историческія пѣсни русскаго народа XVI—XVII вв.).

— Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ VI, выпускъ 1-й. (Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей *Б. А. Лезина*). Исторія и теорія эстетики. *Е. Аничковъ*—„Очеркъ развитія эстетическихъ ученій". *Т. Райковъ*—„Теорія искусства Канта въ связи съ его теоріей науки". Харьковъ 1915. 387 стр. Цѣна 2 р.

— *Баронъ, Хр., и Г. Виссендорфъ.* Латышскія народныя пѣсни. Томъ V. Петроградъ 1915. 812 стр. Цѣна 4 р. 50 к.

— *Зарудскій, Б. А.* Парижскій клубъ яковинцевъ въ первые годы его существованія. Очерки. Кіевъ 1914. 70 стр.

— *Stekloff, W.* Sur une application de la théorie de permeture au pro-

bléme du développement des fonctions arbitraires en séries procédant suivant les polynomes de Tchébicheff. Петроградъ 1914. 59 стр. Цѣна 70 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXXIII. № 8).

— *Stekloff, W.* Application de la théorie de permeture à la solution de certaines questions qui se rattachent au probléme de moments. Петроградъ 1915. 52 стр. Цѣна 65 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXXIII. № 9).

— *Becker, Th., H. Dziedzicki, J. Schnabl und J. Villeneuve.* Diptera. Петроградъ 1915. 72+3 табл. Цѣна 90 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXVIII. № 7).

— *Дерюгинъ, К. М.* Фауна Кольскаго залива и условія ея существованія. Съ 55 рисунками, 12 картами и 1 таблицей въ текстѣ и 13 таблицами рисунковъ и 2 картами въ видѣ приложенія. Петроградъ 1915. IX+929 стр. Цѣна 10 р. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXXIV. № 1).

— *Кораблевъ, В. Н.* Образцы чешскаго литературнаго языка. Пособіе къ лекціямъ по чешской грамматикѣ. Петроградъ 1915. 152 стр. Цѣна 60 к.

— Каталогъ библіотеки-музея Д. Г. Бурылина въ гор. Иваново-Вознесенскѣ. Т. I. Вып. I. Иваново-Вознесенскъ 1915. VI+251 стр.

— La instrucción pública primaría en la república oriental del Uruguay. Neticia escripta para la exposición internacional de San Francisco de 1915. 80+76 стр.+52 рисунка.

— Главное Управленіе Землеустройства и Земледѣлія. Обзоръ дѣятельности за 1913 годъ. Съ приложеніемъ важнѣйшихъ статистическихъ данныхъ о положеніи сельскохозяйственной промышленности. Изданіе Канцеляріи Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ. Петроградъ 1915. XIX+126+VI стр.

— *Лалаянъ, Е. А.* Айсоры Ванскаго вилайета. Съ 19 рисунками. Тифлисъ 1914. 40 стр.+11 табл. Цѣна 40 к. (Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка XXVIII, выпускъ 4).

— Студенческій историко-этнографическій кружокъ при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Сборникъ статей. Выпускъ III. Кіевъ 1914. 136 стр.

— Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Нижній-Новгородъ. Сборникъ. Томъ XV. Выпускъ VI. Въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ. 1915. 180 стр.—Томъ XVII. Выпускъ II. 1914. 20+5+32+6+48+27—36.—Выпускъ III. 1914. 6+4+12+33+34—64+12+2+3+3+25 стр.—Выпускъ IV. 1914. 7+8+16+65—95+21+10 стр.

— Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Люди Нижегородскаго Поволжья. Выпускъ I. Краткій словарь писателей-нижегородцевъ. Подъ редакціею В. Е. Чешихина. Нижній-Новгородъ 1915. 50 стр. Цѣна 30 к.

— Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ XLIV. 1915 годъ. Иркутскъ 1915. 266 стр.

— Отдѣлъ архива Канцеляріи Государственной Думы. Дѣла Государственной Думы перваго созыва. (27-го апрѣля—8-го іюля 1906 г.). С.-Пб. 1914. 126 стр.

— *Гошкевичъ, В. И.* Херсонскій городской музей древностей Херсонскаго края. Выпускъ 5-й. Лѣтопись музея за 1913 годъ. Съ иллюстраціями. Херсонъ 1915. IV+44 стр.

— *Agrell, Sigurd.* Zur Erklärung der serbokroatischen Endung -ā beim Genitiv plural. 18 стр. (Оттискъ изъ Fråån Filologiska Föreninglai Lund).

— *Алексѣевъ, А. А.* Очеркъ бюджетнаго права русскихъ законодательныхъ палатъ. Петроградъ 1915. 73 стр.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ЗЕМСКАЯ РАБОТА ПО ПОДГОТОВКѢ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ [1]).

II.

Дальнѣйшимъ орудіемъ поднятія общаго и профессіональнаго образованія лицъ, занимающихъ учительскія мѣста въ народныхъ школахъ, служатъ учительскіе съѣзды. Мѣры въ этомъ направленіи мы находимъ уже въ первые годы земской жизни. Эти мѣры исходили изъ признанія крайней необходимости такихъ съѣздовъ, какъ по губерніямъ, такъ и по уѣздамъ, для урегулированія школьнаго дѣла. Иногда эти съѣзды носили характеръ совѣщаній по предмету веденія не только преподаванія, но и вообще постановки народнаго образованія. Къ такимъ попыткамъ надо отнести, прежде всего, учительскіе съѣзды - курсы въ Александровскомъ уѣздѣ, которые началъ устраивать баронъ Н. А. Корфъ уже въ 1867 году. Петроградское губернское земство стало также ихъ устраивать съ 1870 года и въ ближайшіе же годы поставило ихъ довольно широко. Въ общемъ, въ первыя 10 лѣтъ существованія у насъ земства съѣзды народныхъ учителей стали было пріобрѣтать права гражданства, но послѣ изданія въ 1875 году правилъ о педагогическихъ курсахъ это движеніе начало глохнуть. Оживилось это дѣло нѣсколько лишь въ 1881—1882 гг., а затѣмъ снова пошли годы полной разобщенности земскихъ народныхъ учителей. Только возобновившіеся съ половины девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія педагогическіе курсы по правиламъ 1875 года вызвали вновь къ жизни въ земской и учительской средѣ мысль о важномъ значеніи учительскихъ съѣздовъ. Въ министерство народнаго просвѣщенія стали поступать ходатайства о

[1]) *Окончаніе.* См. майскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1915 годъ.

разрѣшеніи такихъ съѣздовъ, въ результатѣ чего оно издало 26-го ноября 1899 года „временныя правила“ объ учительскихъ съѣздахъ. Согласно этимъ правиламъ, не отмѣненнымъ до сихъ поръ, съѣзды учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ созываются съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, по соглашенію съ мѣстнымъ губернаторомъ. При ходатайствѣ объ открытіи съѣзда попечителю учебнаго округа представляется на утвержденіе программа вопросовъ, предположенныхъ къ обсужденію на съѣздѣ. Эта программа составляется инспекторомъ народныхъ училищъ на основаніи, какъ собственныхъ его соображеній, такъ и вопросовъ со стороны мѣстнаго училищнаго совѣта и его членовъ, а равно и самихъ учащихъ въ народныхъ училищахъ, по соглашенію съ лицомъ или учрежденіемъ, дающимъ средства на созывъ съѣзда учащихъ въ народныхъ училищахъ и съ утвержденія, въ подлежащихъ случаяхъ, директора народныхъ училищъ. Въ программу предлагаемыхъ съѣзду вопросовъ не должны включаться вопросы и темы, относящіеся къ предметамъ вѣдѣнія иныхъ учрежденій и лицъ, и, вообще, вопросы, выходящіе изъ круга вѣдѣнія и дѣятельности учителей, какъ преподавателей, воспитателей и распорядителей, каждаго—въ своей школѣ. Въ съѣздѣ правилами разрѣшается участвовать учащимъ въ начальныхъ училищахъ лишь одного района, подчиненнаго одному инспектору народныхъ училищъ, при чемъ о желаніи своемъ участвовать въ съѣздѣ они должны заявить мѣстному инспектору народныхъ училищъ. Кромѣ лицъ учебнаго начальства, къ участію въ съѣздѣ могутъ допускаться также и лица, давшія средства на устройство съѣзда, или представители тѣхъ учрежденій, которыя дали таковыя средства, а также члены мѣстнаго уѣзднаго училищнаго и епархіальнаго совѣтовъ и уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта. Списокъ лицъ, участвующихъ въ созываемомъ съѣздѣ, по одобреніи его попечителемъ учебнаго округа, препровождается предварительно разрѣшенія съѣзда на заключеніе мѣстной высшей гражданской власти; публика вовсе не допускается въ засѣданіе съѣзда. Устраиваются съѣзды, согласно разсматриваемымъ правиламъ, преимущественно въ неучебное время, въ сроки, опредѣляемые мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ, по соглашенію съ лицомъ или учрежденіемъ, дающимъ средства на съѣздъ, и продолжаются, по возможности, короткое время и, во всякомъ случаѣ, не свыше 7 дней. Предсѣдателемъ и руководителемъ съѣзда состоитъ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ, который является и отвѣтственнымъ лицомъ за порядокъ

при занятіяхъ на съѣздѣ, если попечитель учебнаго округа не назначитъ предсѣдателемъ и руководителемъ съѣзда другое должностное лицо учебнаго вѣдомства. На директора же народныхъ училищъ возлагается высшее наблюденіе за ходомъ занятій на съѣздѣ, такъ что нѣсколько съѣздовъ одновременно не могутъ быть разрѣшаемы въ одной и той же губерніи. Какъ директоръ, такъ и инспекторъ народныхъ училищъ имѣютъ право, въ случаѣ замѣченнаго безпорядка, удалить изъ собранія отдѣльныхъ его участниковъ, а въ случаѣ надобности и закрыть съѣздъ немедленно, доводя объ основаніяхъ своихъ распоряженій по этому предмету до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа. Наконецъ, согласно тѣмъ же правиламъ, вопросы программы, составленной для съѣзда, подвергаются всестороннему обсужденію и разъясненію съѣзда, и высказанныя по каждому изъ нихъ мнѣнія, вмѣстѣ съ сообщенными свѣдѣніями и данными, излагаются вкратцѣ, послѣ обсужденія, предсѣдателемъ или директоромъ народныхъ училищъ, но голосованія мнѣній не бываетъ и никакихъ постановленій съѣздъ не дѣлаетъ; о каждомъ съѣздѣ, немедленно по окончаніи его, предсѣдателемъ съѣзда составляется подробный отчетъ, который представляется, черезъ директора народныхъ училищъ, попечителю учебнаго округа, а этимъ послѣднимъ, съ его заключеніемъ, министру народнаго просвѣщенія.

Сложность процедуры разрѣшенія съѣздовъ, устраненіе земскихъ учрежденій отъ руководящаго участія въ организаціи ихъ, пріуроченіе съѣздовъ къ инспекторскому району, предоставленіе рѣшающей роли инспектору и обреченіе самихъ учащихъ на пассивную роль— все это повело къ тому, что названныя правила въ теченіе четырнадцати лѣтъ, протекшихъ со времени ихъ изданія, имѣли чрезвычайно малое примѣненіе. Не только земства отнеслись къ нимъ крайне сдержанно, но и сами учащіе, привыкнувъ видѣть въ лицѣ инспектора прежде всего ревизующее начальство, не проявляли особаго желанія воспользоваться этими правилами. Тѣмъ не менѣе мѣстами эти правила примѣнялись съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Вскорѣ послѣ ихъ изданія, напримѣръ, въ 1901 году состоялся оживленный съѣздъ учителей Московскаго уѣзда. Позднѣе были устроены съѣзды учащихъ въ Брянскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, Коломенскомъ уѣздѣ, Московской губерніи и Верхотурскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Программа занятій послѣдняго съѣзда, состоявшагося въ сентябрѣ 1909 года, была утверждена въ довольно ши-

рокомъ объемѣ, заключая въ себѣ слѣдующіе вопросы: 1) расширеніе курса начальной школы до 4—5 лѣтъ обученія; 2) программы предметовъ начальной школы; 3) учебники и учебныя пособія для одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ; 4) учебныя занятія въ училищахъ; 5) пріемъ учащихся; 6) учительскія библіотеки при училищахъ; 7) библіотеки при училищахъ для внѣкласснаго чтенія; 8) командировки учителей въ лучшія училища; 9) собранія учащихъ и родителей учениковъ по школьнымъ дѣламъ; 10) мѣропріятія и способы для болѣе широкой помощи бѣднѣйшимъ ученикамъ и ученицамъ и 11) максимальное количество учащихся на одного преподавателя. Съѣздъ этотъ продолжался семь дней и въ немъ принимало участіе около 200 учителей и учительницъ, а кромѣ нихъ еще предсѣдатель и члены земской управы. Число учительскихъ съѣздовъ, по свѣдѣніямъ губернскихъ земствъ, сообщеннымъ при анкетѣ 1910 года, распредѣлялось по губерніямъ слѣдующимъ образомъ (см. табл. на стр. 133).

Въ эту таблицу не вошли свѣдѣнія Курскаго земства, совершенно не приславшаго таковыхъ для анкеты, и Костромскаго, запоздавшаго съ ихъ присылкой. Не прислали также отвѣтовъ по вопросу о съѣздахъ земства Бессарабское, Владимірское и Тверское. Въ Тамбовской же, Тульской и Ярославской губерніяхъ съѣздовъ не было. Что же касается Петроградской губерніи, то въ ней устройство съѣздовъ сдѣлалось почти обязательнымъ, и губернское земство принимаетъ на себя половину произведенныхъ съ этою цѣлью по каждому уѣзду расходовъ, но не болѣе 200 рублей.

19-го января 1909 года Петроградское губернское земское собраніе выработало по этому предмету особыя правила, согласно которымъ съѣзды или совѣщанія учащихъ всѣхъ школъ, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ, устраиваются ежегодно, не менѣе одного раза въ годъ, въ сроки, назначенные училищнымъ совѣтомъ, который опредѣляетъ также мѣсто его устройства и составляетъ программу, съ принятіемъ во вниманіе заявленія учащихъ о желательности разсмотрѣнія на съѣздѣ того или иного вопроса. Ассигнуемыя на съѣзды средства расходуются на этотъ предметъ уѣздною управою, при чемъ оплачиваются расходы учащихъ по ихъ поѣздкѣ на съѣздъ и содержанію во время съѣзда. На каждый съѣздъ училищный совѣтъ избираетъ изъ своей среды лицо для предсѣдательствованія, при чемъ съѣздъ признается состоявшимся при всякомъ числѣ учащихъ, собравшихся по приглашенію. Протоколы съѣзда должны содержать въ себѣ,

Число съѣздовъ учащихъ въ земскихъ школахъ по губерніямъ.

ГУБЕРНІИ.	СЪѢЗДЫ.			
	Губернскіе.	Уѣздные.	Районные.	Всего.
Вологодская	3	2	—	5
Воронежская	—	2	—	2
Вятская	—	3	—	3
Екатеринославская	—	2	1	3
Казанская	—	6	—	6
Калужская	—	4	—	4
Костромская	—	—	—	—
Московская	1	3	3	7
Нижегородская	—	4	2	6
Новгородская	1	4	—	5
Олонецкая	—	—	1	1
Орловская	—	11	—	11
Пензенская	1	—	—	1
Пермская	—	3	—	3
Полтавская	—	3	—	3
Псковская	—	1	—	1
Рязанская	—	7	1	8
Самарская	—	1	—	1
Саратовская	—	3	1	4
Симбирская	—	1	—	1
Таврическая	—	2	1	3
Уфимская	—	2	1	3
Харьковская	—	1	—	1
Херсонская	—	2	—	2
Черниговская	—	5	—	5
Всего	6	72	11	89

по возможности, полную картину дѣятельности съѣзда и доставляются въ уѣздный училищный совѣтъ и въ уѣздную земскую управу. Кромѣ съѣзда всѣхъ учащихъ, училищный совѣтъ можетъ, по своему усмотрѣнію, созывать съѣзды учащихъ по районамъ или по группамъ. О предполагаемомъ съѣздѣ и его программѣ увѣдомляются земскіе гласные, на случай ихъ желанія присутствовать на съѣздѣ. Наконецъ, въ расходахъ по устройству учительскихъ съѣздовъ принимаетъ участіе своими средствами губернское земство, выдавая уѣзднымъ земствамъ на этотъ предметъ ежегодныя пособія, въ размѣрѣ половины дѣйствительнаго расхода, но не свыше 200 руб. въ годъ на каждый уѣздъ; пособія губернскаго земства выдаются губернскою управою по ходатайствамъ уѣздныхъ управъ и по полученіи протоколовъ съѣздовъ предыдущаго года въ данномъ уѣздѣ и отчетовъ о расходахъ на нихъ.

О задачахъ учительскихъ съѣздовъ можно составить себѣ представленіе по упоминавшейся выше программѣ вопросовъ, обсуждавшихся на Верхотурскомъ съѣздѣ въ 1909 году. Уѣздные съѣзды, собиравшіеся въ другихъ мѣстахъ, занимались разрѣшеніемъ тѣхъ же самыхъ по существу вопросовъ; если и были различія, то они имѣли чисто внѣшній характеръ. Лишь нѣкоторые съѣзды разрабатывали какіе либо спеціальные вопросы.

Напримѣръ, Пензенскій губернскій съѣздъ и уѣздные—Сапожковскій (Рязанской губ.) въ 1909 году и Спасскій (Казанской губ.) въ 1908 году—обсуждали пенсіонный вопросъ въ связи съ переходомъ учащихъ изъ земской пенсіонной кассы въ правительственную. Въ Черниговской губерніи Суражскій съѣздъ занялся программой четырехгодичнаго курса начальной школы. Какъ относятся земства къ постановленіямъ учительскихъ съѣздовъ, можно видѣть изъ отчетовъ земскихъ управъ. Такъ, согласно отчетамъ Новоузенской земской управы, всѣ разрѣшенные на мѣстномъ съѣздѣ вопросы приняты были во вниманіе и проведены въ жизнь.

Другою формою мѣстныхъ учительскихъ съѣздовъ являются, такъ называемые, съѣзды дѣятелей по народному образованію, одинъ изъ которыхъ состоялся въ Москвѣ, въ февралѣ 1912 года, подъ названіемъ „съѣздъ дѣятелей по народному образованію въ Московскомъ городскомъ общественномъ управленіи". На съѣздахъ этого типа представителямъ мѣстнаго самоуправленія, самимъ учителямъ и служащимъ земства по отдѣлу народнаго образованія предоставлена активная роль, какъ въ дѣлѣ организаціи, такъ и въ самихъ заня-

тіяхъ съѣзда. Правда, чины учебнаго вѣдомства также приглашаются членами такихъ съѣздовъ, но уже устранены отъ руководства. Этими чертами названные съѣзды существенно отличаются отъ съѣздовъ, организуемыхъ въ порядкѣ правилъ 1899 года. Засѣданія съѣздовъ дѣятелей по народному образованію и его секцій происходятъ на основаніи правилъ 4-го марта 1906 года о собраніяхъ. Типичнымъ для такихъ уѣздовъ является выработанный Московскимъ уѣзднымъ земствомъ проектъ положенія о съѣздѣ дѣятелей по народному образованію въ этомъ земствѣ, представляющій собою сколокъ съ положенія о съѣздѣ, бывшемъ въ Московскомъ городскомъ общественномъ управленіи. Въ первомъ пунктѣ указаннаго положенія прямо говорится, что съѣздъ дѣятелей по народному образованію въ Московскомъ уѣздномъ земствѣ созывается съ надлежащаго разрѣшенія въ Москвѣ на основаніи правилъ 4-го марта 1906 года о собраніяхъ. Цѣль съѣзда—выясненіе нуждъ народнаго образованія въ Московскомъ уѣздномъ земствѣ и средствъ и способовъ ихъ удовлетворенія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ занятія съѣзда состоятъ въ обсужденіи и разрѣшеніи вопросовъ по слѣдующей программѣ: 1) задачи начальной школы и постановки въ ней обученія и воспитанія; 2) организація начальной школы и положеніе въ ней учителя; 3) подготовка учащихъ и пополненіе ихъ образованія; 4) санитарныя условія школьнаго дѣла; 5) обученіе и воспитаніе умственно-отсталыхъ дѣтей; 6) продолженіе начальнаго образованія; 7) профессіональное образованіе и 8) внѣшкольное образованіе. Предсѣдателемъ съѣзда состоитъ предсѣдатель Московской уѣздной земской управы, а членами могутъ быть: 1) гласные Московскаго уѣзднаго земскаго собранія; 2) члены Московской губернской и Московской уѣздной земскихъ управъ; 3) попечители и попечительницы земскихъ начальныхъ училищъ Московскаго уѣзда; 4) законоучители, учителя и учительницы земскихъ начальныхъ училищъ Московскаго уѣзда; 5) школьно-санитарный врачъ Московскаго уѣзднаго земства и санитарные врачи Московскаго губернскаго земства по Московскому уѣзду; 6) завѣдующіе дѣлопроизводствомъ учебнаго отдѣла, разработкой вопросовъ народнаго образованія и школьно-статистической частью при Московской губернской земской управѣ; 7) завѣдующіе: хозяйственной частью земскихъ училищъ Московскаго уѣзда, складомъ учебныхъ пособій, районнымъ музеемъ наглядныхъ пособій, складомъ тѣневыхъ картинъ и библіотекой при Московской уѣздной земской управѣ и дѣлопроизводитель и счетоводъ учебнаго отдѣла той же управы и 8) предста-

вители совѣтовъ земскихъ публичныхъ библіотекъ Московскаго уѣзда. Кромѣ того, къ участію въ занятіяхъ съѣзда приглашаются: предсѣдатель Московскаго училищнаго совѣта и инспекторъ народныхъ училищъ Московскаго уѣзда. Для подготовительной работы по устройству съѣзда и организаціи его учреждается особая организаціонная комиссія, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Московской уѣздной земской управы, въ составѣ гласныхъ, членовъ комиссіи по народному образованію, 15 лицъ изъ числа учащихъ въ земскихъ училищахъ Московскаго уѣзда, дѣлопроизводителя учебнаго отдѣла управы, двухъ завѣдывающихъ хозяйственной частью земскихъ училищъ Московскаго уѣзда и школьно-санитарнаго врача. На эту организаціонную комиссію возлагается самое устройство съѣзда и слѣдующія обязанности: 1) пріемъ заявленій о желаніи принять участіе въ съѣздѣ и выдача участникамъ съѣзда билетовъ для входа на засѣданія съѣзда; 2) предварительный просмотръ, редакціонное исправленіе и допущеніе къ разсмотрѣнію на съѣздѣ всѣхъ докладовъ, тезисовъ и предложеній; 3) наблюденіе за печатаніемъ докладовъ и матеріаловъ по съѣзду; 4) предварительное (до открытія съѣзда) расписаніе его занятій и составленіе, по соглашенію съ предсѣдателемъ съѣзда, программы занятій перваго общаго собранія; 5) избраніе изъ своей среды перваго секретаря общихъ собраній съѣзда и первыхъ секретарей его секцій, если съѣздомъ рѣшено будетъ образовать таковыя; 6) участіе въ распорядительномъ комитетѣ съѣзда, и 7) составленіе, по окончаніи съѣзда, отчета о немъ и редактированіе его постановленій и трудовъ. Занятія съѣзда осуществляются въ его общихъ собраніяхъ и секціяхъ. При учрежденіи секцій каждый предусмотрѣнный программой занятій съѣзда вопросъ обсуждается сначала въ секціи, а затѣмъ переходитъ на окончательное рѣшеніе въ общее собраніе съѣзда. Каждый участникъ съѣзда въ правѣ записываться въ одну или нѣсколько секцій, засѣданія которыхъ могутъ происходить, въ случаѣ надобности, и совмѣстно. Кромѣ того, и съѣзду и его секціямъ предоставляется для детальной разработки отдѣльныхъ вопросовъ образовать изъ своей среды на время съѣзда спеціальныя комиссіи. Предметъ занятій общихъ собраній съѣзда составляютъ: 1) избраніе двухъ товарищей предсѣдателя съѣзда и предсѣдателей секцій; 2) заслушаніе докладовъ, рѣчей и привѣтствій, которые будутъ включены въ программу этихъ собраній; 3) принятіе открытой подачей голосовъ рѣшеній по всѣмъ вопросамъ, которые будутъ внесены распорядительнымъ комитетомъ на обсужденіе и рѣшеніе общихъ собраній,

и 4) заслушаніе отчетовъ предсѣдателей секцій о работахъ секцій и секретарей общихъ собраній о засѣданіяхъ этихъ собраній. Засѣданія общихъ собраній съѣзда происходятъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя съѣзда или одного изъ его товарищей, а засѣданія секцій—подъ предсѣдательствомъ предсѣдателей секцій или ихъ товарищей. Всѣ засѣданія съѣзда—закрытыя, и лица, не состоящія членами съѣзда, могутъ быть допущены къ присутствію на нихъ не иначе, какъ съ разрѣшенія предсѣдателя съѣзда. На первомъ же общемъ собраніи съѣзда записками избираются: два товарища предсѣдателя его, два секретаря общихъ его собраній и предсѣдатели секцій, если съѣздомъ будетъ рѣшено образовать таковыя. На первыхъ организаціонныхъ собраніяхъ секцій каждая секція избираетъ себѣ товарища предсѣдателя и второго секретаря, которые вмѣстѣ съ предсѣдателемъ секціи и первымъ ея секретаремъ составляютъ на время съѣзда ея бюро. Дѣлами съѣзда во все время его занятій завѣдуетъ распорядительный комитетъ, состоящій изъ: 1) предсѣдателя съѣзда и двухъ его товарищей, 2) организаціонной комиссіи съѣзда, 3) предсѣдателей секцій съѣзда, и 4) секретарей общихъ собраній его. Предсѣдательство въ этомъ комитетѣ принадлежитъ предсѣдателю съѣзда или одному изъ его товарищей.

На обязанности распорядительнаго комитета возлагается: 1) распредѣленіе между секціями докладовъ, тезисовъ и предложеній, поступившихъ на съѣздъ; 2) распредѣленіе занятій общихъ собраній съѣзда и назначеніе времени и мѣста для занятій секцій; 3) просмотръ всѣхъ принятыхъ секціями постановленій и выраженныхъ ими пожеланій и окончательное редактированіе тѣхъ изъ нихъ, которыя комитетъ найдетъ возможнымъ представить на разсмотрѣніе и разрѣшеніе общаго собранія съѣзда, и 4) разрѣшеніе всѣхъ другихъ вопросовъ, могущихъ возникнуть по ходу занятій съѣзда. На обязанности бюро каждой секціи возлагается: 1) распредѣленіе поступившихъ въ секцію докладовъ, тезисовъ и предложеній по засѣданіямъ ея и опредѣленіе порядка обсужденія ихъ, и 2) редактированіе и представленіе распорядительному комитету съѣзда постановленій и пожеланій секцій. Кромѣ того, на предсѣдателей секцій возлагается составленіе краткаго отчета о дѣятельности секцій для доклада его послѣднему общему собранію съѣзда, а на секретарей секцій—составленіе протоколовъ всѣхъ засѣданій. Члены съѣзда, желающіе внести на разсмотрѣніе съѣзда доклады или мотивированные тезисы и предложенія, должны представить ихъ въ письменномъ видѣ не позже, какъ

за двѣ недѣли до открытія съѣзда, въ организаціонную комиссію по съѣзду, отъ которой зависитъ допустить ихъ на съѣздъ полностью или съ необходимыми сокращеніями. Наконецъ, продолжительность каждаго доклада на съѣздѣ должна быть не свыше $^1/_2$ часа; продолжительность же каждой рѣчи на засѣданіяхъ секцій и общихъ собраній предоставляется опредѣлить самому съѣзду, смотря по обстоятельствамъ и ходу дѣла.

Такая регламентація организаціи и занятій съѣздовъ дѣятелей по народному образованію, конечно, значительно превосходитъ правила 1899 года, отдающія работу всѣхъ участниковъ съѣзда на усмотрѣніе инспектора народныхъ училищъ.

Третьей формой общихъ учительскихъ собраній являются совѣщанія при земскихъ управахъ по школьно-хозяйственнымъ вопросамъ. Основаніемъ для организаціи ихъ послужило предоставленное земскимъ управамъ право приглашать земскихъ служащихъ разныхъ категорій на спеціальныя совѣщанія по вопросамъ, входящимъ въ кругъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій. Этимъ же порядкомъ могутъ, конечно, періодически повторяться нѣсколько разъ въ годъ и собранія учащихъ. Однако пріуправскія совѣщанія не въ состояніи замѣнить съѣздовъ, такъ какъ, съ одной стороны, названныя совѣщанія не могутъ быть продолжительными, а, съ другой, они поневолѣ ограничиваются, главнымъ образомъ, хозяйственными дѣлами. Хотя эти дѣла и касаются иногда вопросовъ внутренней жизни школы, насколько послѣдняя связана съ матеріальной и организаціонной стороной школьнаго дѣла, но все же роль пріуправскихъ совѣщаній, какъ фактора поднятія образовательнаго и профессіональнаго уровня преподавательскаго персонала народныхъ школъ, весьма невелика. Названныя совѣщанія имѣютъ то цѣнное преимущество, что созывъ ихъ не связанъ никакими сложными сношеніями съ общей и учебной администраціей, а также не связанъ и со спеціальными расходами, такъ какъ ихъ созывъ можно пріурочивать даже ко дню полученія учащими въ земской управѣ жалованья. Какъ бы то ни было, этими совѣщаніями можно пользоваться для освѣдомленія всѣхъ учащихъ уѣзда относительно постановленій земскаго собранія и управы или для предварительнаго общаго обсужденія предположеній управы, касающихся очереди и средствъ удовлетворенія различныхъ потребностей школьнаго хозяйства вообще и отдѣльныхъ группъ школъ. Въ видѣ примѣра, можно сослаться на Воронежскій уѣздъ, гдѣ земская управа въ теченіе зимы 1912—1913 года организовала два совѣ-

щанія учащихъ — 3-го января и 2-го февраля, при чемъ въ этихъ двухъ совѣщаніяхъ было разсмотрѣно 19 вопросовъ, касающихся различныхъ сторонъ школьной жизни.

Въ новѣйшее время у насъ стали прививаться еще районныя совѣщанія или конференціи учащихъ, которымъ болѣе посчастливилось привлечь къ себѣ общее сочувствіе, чѣмъ уѣзднымъ учительскимъ съѣздамъ. Не только нѣкоторыя земства, какъ, напр., Дмитровское (Москов. губ.), обратили на нихъ вниманіе, но и инспектора народныхъ училищъ, поощряемые высшимъ учебнымъ начальствомъ, принялись за ихъ организацію. Любопытно, что созывъ этого рода совѣщаній не регламентируется какими либо правилами и инструкціями, а порядокъ созыва, программа занятій, составъ и продолжительность совѣщаній—все въ значительной мѣрѣ предоставлено усмотрѣнію инспекціи народныхъ училищъ. Толчкомъ къ устройству такого рода совѣщаній въ разныхъ мѣстахъ послужило слѣдующее обстоятельство. Въ 1903 году директоръ народныхъ училищъ Херсонской губерніи вошелъ въ управленіе Одесскаго округа съ просьбой о разрѣшеніи вопроса, можетъ ли инспекторъ народныхъ училищъ въ мѣстѣ своего постояннаго жительства устраивать педагогическія совѣщанія, подъ своимъ предсѣдательствомъ, изъ учащихъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ, и если не всѣхъ учащихъ, то, по крайней мѣрѣ, завѣдующихъ сими училищами. Съ своей стороны, находя совершенно въ компетенціи и правахъ подлежащаго инспектора народныхъ училищъ устраивать, по его усмотрѣнію и по мѣрѣ надобности, мѣстныя педагогическія совѣщанія съ учащими въ тѣхъ или другихъ училищахъ и признавая такія совѣщанія очень полезными въ учебно-воспитательномъ отношеніи, попечитель Одесскаго учебнаго округа представилъ означенное ходатайство въ министерство народнаго просвѣщенія. Департаментъ народнаго просвѣщенія, отношеніемъ отъ 2-го апрѣля 1903 года, за № 11257, увѣдомилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе попечителя о правѣ инспекторовъ народныхъ училищъ устраивать въ мѣстахъ ихъ жительства совѣщанія съ учащими мѣстныхъ учебныхъ заведеній, имъ подвѣдомственныхъ, по дѣламъ сихъ заведеній, а также о желательности такихъ совѣщаній. Въ 1911 и 1912 гг. министерство народнаго просвѣщенія прямо даже рекомендовало чинамъ инспекціи народныхъ училищъ устраивать районныя совѣщанія группы учащихъ съ дачей пробныхъ уроковъ и съ обсужденіемъ ихъ. Вслѣдствіе этого, напр., инспекція народныхъ училищъ въ Саратовскомъ уѣздѣ стала устраивать приблизительно года два

тому назадъ такія совѣщанія, считая ихъ однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ правильной постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ школахъ уѣзда. Наличный персоналъ учащихъ уѣзда въ большинствѣ состоялъ изъ лицъ, не получившихъ спеціальнаго педагогическаго образованія и не имѣвшихъ возможности пріобрѣсти достаточнаго знакомства съ литературою этого рода и опытности въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, а между тѣмъ задача порайонныхъ совѣщаній заключалась именно въ томъ, чтобы придти къ учащимъ на помощь въ этомъ отношеніи. Рѣшено было устраивать такія совѣщанія при ближайшемъ и непосредственномъ участіи инспекторовъ училищъ уѣзда, при чемъ на организацію ихъ мѣстное уѣздное земство ассигновало 800 руб. Эти совѣщанія и состоялись въ особо избранныхъ школахъ крупныхъ селеній Саратовскаго уѣзда (Елшанка, Липовка, Базъ-Карабулакъ и т. д.), подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ, при чемъ учителя ближайшихъ школъ созывались по субботамъ и воскресеньямъ и съ ними велись бесѣды по вопросамъ о недостаткахъ преподаванія и проч.; въ понедѣльникъ каждый изъ членовъ совѣщанія давалъ пробный урокъ, а къ слѣдующему совѣщанію участники представляли свои доклады на избранныя ими темы для обсужденія. Особое вниманіе на этихъ совѣщаніяхъ удѣлялось міровѣдѣнію и естественнымъ наукамъ. Въ первые мѣсяцы 1912—13 учебнаго года состоялись подобныя же совѣщанія изъ учащихъ начальныхъ школъ Нижегородскаго уѣзда для обсужденія вопросовъ школьнаго воспитанія и постановки учебныхъ предметовъ; они устраивались, между прочимъ, въ теченіе четырехъ дней въ Пальцѣ, Маргушахъ и Оранкѣ, и на нихъ присутствовало до 60 учителей и учительницъ изъ окрестныхъ школъ. Эти и многіе другіе примѣры показываютъ, что районныя совѣщанія могутъ пріобрѣсти, особенно—съ увеличеніемъ числа инспекторовъ, важное значеніе для народной школы, и земствамъ нельзя оставаться въ сторонѣ отъ этихъ собраній: своимъ присутствіемъ и дѣятельнымъ участіемъ въ нихъ земскіе гласные и завѣдующіе отдѣлами народнаго образованія могутъ направить дѣло въ интересахъ дѣйствительнаго развитія народной школы. Пока не создано закономъ или практикой иного типа районныхъ учительскихъ съѣздовъ, надо использовать и эту форму педагогическихъ конференцій, которыя должны быть поддержаны земскими собраніями путемъ достаточныхъ денежныхъ ассигновокъ. О томъ, что идея педагогическихъ совѣщаній вполнѣ назрѣла, свидѣтельствуетъ и законопроектъ о начальномъ образованіи III-ей госу-

дарственной думы, гдѣ устройство такихъ совѣщаній прямо предусматривалось ст.ст. 46 и 47. Согласно ст. 46 законопроекта, для обсужденія учебно-воспитательныхъ вопросовъ, касающихся начальныхъ училищъ уѣзда (города), съ разрѣшенія уѣзднаго (городского) училищнаго совѣта, могутъ собираться уѣздныя (городскія) педагогическія совѣщанія, засѣданія которыхъ происходятъ подъ руководствомъ лица, назначаемаго уѣзднымъ (городскимъ) училищнымъ совѣтомъ. Кромѣ преподающихъ въ начальныхъ училищахъ, въ педагогическихъ совѣщаніяхъ могутъ принимать участіе съ правомъ голоса члены уѣзднаго (городского) училищнаго совѣта, инспекторы начальныхъ училищъ, руководители по учебной части (инструкторы), попечители училищъ или предсѣдатели попечительствъ. Заключенія педагогическихъ совѣщаній поступаютъ на разсмотрѣніе въ уѣздный (городской) училищный совѣтъ и сообщаются содержателямъ соотвѣтствующихъ училищъ. На основаніи же ст. 47, инструкція для педагогическихъ совѣщаній дается уѣзднымъ (городскимъ) училищнымъ совѣтомъ, согласно общимъ указаніямъ министра народнаго просвѣщенія.

Многія земства, лишенныя возможности постоянно пользоваться услугами съѣздовъ, прибѣгли къ учрежденію школьныхъ комиссій, въ вѣдѣніе которыхъ передали школьное дѣло. Эти комиссіи обычно учреждаются при уѣздныхъ земскихъ управахъ для выясненія школьныхъ нуждъ и для предварительнаго разсмотрѣнія вносимыхъ въ земское собраніе вопросовъ и докладовъ по народному образованію. На школьныя комиссіи, являющіяся совѣщательнымъ органомъ, возлагаются слѣдующія задачи: 1) разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ по народному образованію, вносимыхъ на разсмотрѣніе земскаго собранія; 2) составленіе и разсмотрѣніе нормальныхъ каталоговъ книгъ и учебныхъ пособій; 3) выработка нормальныхъ каталоговъ книгъ для внѣкласснаго чтенія и для народныхъ библіотекъ при училищахъ и измѣненіе по указаніямъ опыта; 4) указаніе наиболѣе подходящихъ для школъ учебниковъ изъ числа допущенныхъ и одобренныхъ къ употребленію учебнымъ начальствомъ; 5) организація чтенія со свѣтовыми картинами: выработка плана веденія чтеній, составленіе сѣти чтеній, составленіе списковъ картинъ для выписки ихъ, указаніе наиболѣе пригодныхъ списковъ волшебныхъ фонарей и проч.; 6) выясненіе нуждъ отдѣльныхъ школъ; 7) изысканіе мѣстныхъ средствъ на школьныя нужды и способовъ къ привлеченію ихъ, и 8) обсужденіе и разработка всѣхъ, вообще, вопросовъ, связанныхъ съ хозяйственной

частью школъ. Въ составъ школьной комиссіи входятъ: 1) предсѣдатель и члены уѣздной земской управы, 2) члены уѣзднаго училищнаго совѣта отъ земства, 3) три члена, избираемые земскимъ собраніемъ изъ гласныхъ или изъ лицъ, имѣющихъ право голоса на избирательныхъ собраніяхъ, на срокъ полномочій гласныхъ, 4) инспекторъ народныхъ училищъ и 8 учителей земскихъ училищъ по выбору самихъ учителей, по одному изъ каждаго района, и 5) члены комиссіи отъ учителей, которые выбираются на три года, считая начальный срокъ пребыванія съ 12 марта 1907 года, при чемъ смѣна ихъ производится постепенно: въ первые два года ежегодно выбываютъ двое учащихъ по жребію, и дальше—по старшинству лѣтъ работы въ школьной комиссіи; каждый выбывающій членъ можетъ быть выбранъ вновь учащими. Выборъ отъ учителей производится подачею записокъ, съ подраздѣленіемъ выборовъ на рядъ районовъ, изъ которыхъ каждый районъ долженъ выбирать по одному члену, включивъ въ нихъ и двухклассныя училища; приглашеніе же представителей отъ инородческихъ училищъ въ засѣданіе школьной комиссіи предоставляется на усмотрѣніе земской управы. Пакеты съ записками вскрываются въ присутствіи управы при членахъ училищнаго совѣта и трехъ учителяхъ. Выбраннымъ считается тотъ, кто получитъ большее число записокъ по сравненію съ другими. Комиссія приступаетъ къ подсчету записокъ лишь въ томъ случаѣ, если число поданныхъ земской управѣ записокъ не менѣе половины числа учащихъ въ уѣздѣ, въ противномъ случаѣ—учителей въ школьную комиссію назначаетъ сама земская управа. Вызовъ учителей, живущихъ въ уѣздѣ, къ участію въ комиссіяхъ въ учебное время производится съ разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ. Весьма важно то, что въ засѣданія школьныхъ комиссій могутъ быть приглашаемы земскою управою и другія свѣдущія лица, участіе которыхъ управа или комиссія признаютъ желательнымъ. Всѣ члены комиссіи, живущіе внѣ города, имѣютъ право на безплатный проѣздъ на парѣ земскихъ лошадей на засѣданія школьныхъ комиссій; кромѣ того, члены комиссій изъ учащихъ получаютъ суточныя по 75 коп. въ день каждый. Предсѣдателемъ школьной комиссіи состоитъ предсѣдатель уѣздной земской управы, а секретарь избирается изъ числа присутствующихъ членовъ каждый разъ самою комиссіей. Школьная комиссія собирается земскою управою по мѣрѣ надобности, но обычно не менѣе четырехъ разъ въ годъ, преимущественно въ неучебное время: на святкахъ, на масляницѣ, на Пасхѣ, по окончаніи экзаменовъ и

предъ началомъ ученія, въ концѣ августа. При этомъ признается желательнымъ, чтобы засѣданія школьной комиссіи назначались на большій промежутокъ времени, дабы учителя въ свободное время могли посвящать свои досуги ознакомленію съ вопросами, касающимися народнаго образованія. Обыкновенно засѣданія школьной комиссіи происходятъ въ помѣщеніи земской управы, при чемъ считаются состоявшимися при наличности не менѣе четырехъ членовъ, въ томъ числѣ обязательно долженъ быть представитель отъ земской управы, одинъ членъ по избранію собранія и два учителя. Что касается, наконецъ, порядка производства дѣлъ въ школьныхъ комиссіяхъ, то, въ общемъ, они приступаютъ къ разсмотрѣнію дѣлъ: 1) по предложенію уѣздной земской управы и 2) по предложеніямъ членовъ комиссіи. Перечень вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію данной школьной комиссіи, составляется земскою управою заблаговременно и сообщается членамъ комиссіи не позже, какъ за недѣлю до засѣданія. По вопросамъ, требующимъ предварительнаго изученія, членамъ комиссіи могутъ разсылаться необходимые матеріалы, какъ то: доклады, записки и т. п.; сама комиссія можетъ, затѣмъ, возлагать на своихъ членовъ предварительную разработку отдѣльныхъ вопросовъ и дѣлъ, входящихъ въ задачи комиссіи. Въ засѣданіяхъ комиссіи вопросы рѣшаются, по желанію ея членовъ, какъ открытою, такъ и закрытою баллотировкою; въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Во время же засѣданія комиссіи секретаремъ ея составляется краткій протоколъ, въ которомъ отмѣчается: 1) когда и въ какомъ составѣ происходило засѣданіе, и 2) какіе вопросы обсуждались, и какія по нимъ состоялись заключенія комиссіи. Протоколъ прочитывается въ концѣ засѣданія и подписывается предсѣдателемъ и членами комиссіи; конечно, тѣ члены комиссіи, которые несогласны по какому либо вопросу съ заключеніемъ большинства, должны сдѣлать при подписи протокола оговорку, что остаются при особомъ мнѣніи. Подробные журналы засѣданія комиссіи, за подписью ея секретаря, представляются въ уѣздную земскую управу не позднѣе, какъ черезъ двѣ недѣли послѣ засѣданія, и прочитываются въ слѣдующемъ засѣданіи, въ протоколъ котораго вносятся всѣ сдѣланныя при этомъ замѣчанія. Приводятся въ исполненіе постановленія школьныхъ комиссій уѣздными земскими управами. Хотя постановленія этихъ комиссій для земскихъ управъ необязательны, тѣмъ не менѣе о всѣхъ случаяхъ, когда такою комиссіей будетъ принято рѣшеніе, несогласное съ за-

ключеніемъ комиссіи, земская управа доводитъ о томъ до свѣдѣнія уѣзднаго земскаго собранія съ объясненіемъ основаній разногласія. Въ послѣднемъ можно видѣть реальное подтвержденіе того значенія, которое пріобрѣтаютъ школьныя комиссіи въ земской средѣ. На приведенныхъ выше основаніяхъ была организована школьная комиссія при Кунгурской уѣздной земской управѣ въ 1907 году. На выборныхъ началахъ учительскій персоналъ участвуетъ въ школьныхъ комиссіяхъ еще въ слѣдующихъ уѣздахъ: Судогодскомъ, Вологодскомъ, Грязовецкомъ, Сольвычегодскомъ, Боровскомъ, Валуйскомъ, Уржумскомъ, Московскомъ, Волоколамскомъ, Старорусскомъ, Оханскомъ, Чердынскомъ, Каменскомъ, Псковскомъ, Опочецкомъ, Рязанскомъ, Ѳеодосійскомъ, Уфимскомъ, Златоустовскомъ, Харьковскомъ, Мологскомъ и Ростовскомъ. Въ Олонецкой губерніи въ 1910 году школьная комиссія существовала лишь въ одномъ уѣздномъ земствѣ. Въ уѣздахъ Звенигородскомъ, Клинскомъ, Боровичскомъ, Тихвинскомъ, Верхотурскомъ, Ирбитскомъ, Черниговскомъ и Херсонскомъ учащіе входятъ въ составъ школьныхъ комиссій по приглашеніямъ управы. Въ 9 уѣздахъ земства допускаютъ учащихъ на засѣданія земской управы и даже земскаго собранія, когда вносятся на обсужденіе вопросы школьной жизни. Въ Алатырскомъ, Ѳеодосійскомъ и Симферопольскомъ уѣздахъ участіе учительскаго персонала ограничивается, однако, только выработкой школьныхъ каталоговъ.

Въ томъ же стремленіи поднять образовательный уровень наличнаго персонала учащихъ и поддержать въ нихъ интересъ къ работѣ земства принимаютъ рядъ мѣръ къ обезпеченію учителей книгами и періодическими изданіями общеобразовательнаго и педагогическаго содержанія. Такъ, значительное число земскихъ публичныхъ библіотекъ было первоначально открыто не для общественнаго пользованія, а для нуждъ мѣстныхъ земскихъ служащихъ и, прежде всего, народныхъ учителей.

Нѣкоторыя уѣздныя земства имѣютъ до сихъ поръ при себѣ такія библіотеки для земскихъ служащихъ. Другія земства, на ряду съ публичными земскими библіотеками, учреждаютъ спеціальныя земскія центральныя учительскія библіотеки и организуютъ правильное снабженіе сельскихъ учителей книгами изъ нихъ. Съ развитіемъ школьной сѣти, однако, обслуживаніе всего учительскаго персонала изъ одной центральной библіотеки становится все болѣе затруднительнымъ, въ виду чего мало-по-малу начинаетъ прививаться система районныхъ учительскихъ библіотекъ, пріурочиваемыхъ обыкновенно

къ земскимъ училищамъ, расположеннымъ въ крупныхъ мѣстныхъ центрахъ, а также система передвижныхъ библіотекъ. Послѣднимъ звеномъ земскихъ учительскихъ библіотекъ являются учительскія библіотеки при всѣхъ школахъ, заключающія въ себѣ такія книги и пособія, которыя учителю всегда необходимо имѣть подъ руками. Эти библіотеки устраиваются нашими земствами очень давно, и число ихъ быстро возрастаетъ, однако въ огромномъ большинствѣ ихъ книжный составъ весьма жалокъ и носитъ совершенно случайный характеръ. Только въ новѣйшее время на эту сторону дѣла было обращено серьезное вниманіе, и на учительскія библіотеки начали отпускаться болѣе значительныя суммы. Къ тому же до послѣдняго времени земская дѣятельность по организаціи спеціальныхъ учительскихъ библіотекъ была крайне стѣснена установленной для нихъ спеціальной цензурой ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Такъ, вплоть до девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка въ учительскія библіотеки при народныхъ школахъ допускались только спеціально одобренныя для нихъ книги, и лишь въ 1895—96 гг. министерствомъ народнаго просвѣщенія допущены были въ нихъ книги, одобренныя тѣмъ же комитетомъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ, и эта своеобразная цензура надъ учительскими библіотеками просуществовала до 1905 года, когда, наконецъ, признано было возможнымъ допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ всѣ цензурныя изданія (циркуляръ мин. народ. просвѣщ. 30-го ноября 1905 г. № 26130). Завѣдываніе и расходы по содержанію учительскихъ библіотекъ обычно лежатъ на мѣстныхъ уѣздныхъ земствахъ, но въ послѣднее время на помощь имъ стали приходить и губернскія земства. Такихъ губернскихъ земствъ въ 1913 году было 12. По даннымъ анкеты 1910 года, Полтавское и Ярославское губернскія земства выдаютъ пособія уѣзднымъ земствамъ на устройство учительскихъ библіотекъ въ размѣрѣ ассигнованій уѣздныхъ земствъ, но не свыше 150—200 руб. на уѣздъ. Уфимскимъ губернскимъ земствомъ съ 1903 по 1907 г. ассигновывалось по 100 рублей ежегодно на каждый уѣздъ на организацію и пополненіе учительскихъ библіотекъ, а съ 1908 года учительскія библіотеки постановлено было слить съ центральными библіотеками для служащихъ земства вообще. Въ 1909 году на эти земскія библіотеки было израсходовано 2.400 рублей. По постановленію губернскаго земскаго собранія, въ 1899 и 1900 гг. Владимірскимъ зем-

ствомъ организовано было и содержалось 13 передвижныхъ учительскихъ библіотекъ. Московское губернское земство, по правиламъ 31-го января 1898 года, принимаетъ участіе въ расходахъ по устройству учительскихъ библіотекъ, курсовъ и съѣздовъ возмѣщеніемъ половины издержекъ, произведенныхъ уѣздными земствами. Новгородское земство лѣтомъ 1910 года командировало 56 человѣкъ учителей земскихъ школъ по выбору уѣздныхъ управъ на общеобразовательные курсы въ Петроградъ, израсходовавъ на это 3.223 р. 38 коп. Къ новѣйшему же времени относится и организація рядомъ губернскихъ земствъ (Владимірскимъ, Курскимъ, Новгородскимъ, Саратовскимъ, Харьковскимъ, Ярославскимъ) еще одной мѣры, непосредственно примыкающей къ земской дѣятельности по устройству учительскихъ библіотекъ. Эта мѣра—спеціальныя ассигновки на выписку для учащихъ періодическихъ изданій и книгъ. Однако эта операція въ различныхъ земствахъ организована далеко не одинаково. Сводится она чаще всего къ тому, что въ распоряженіе каждаго учащаго ассигнуется максимальная сумма или для полной оплаты какого либо выписываемаго для него періодическаго изданія или же для половинной оплаты, съ отнесеніемъ остальной половины на личныя средства учителя. Въ однихъ земствахъ эта операція распространяется только на періодическія изданія, въ другихъ—также и на книги; иногда операція касается всякаго рода изданій, а иногда—только спеціальныхъ, имѣющихъ отношеніе къ народному образованію. Мѣстами земства (напр., Курское) составляютъ для этой цѣли спеціальные, довольно обширные указатели изданій, для пріобрѣтенія которыхъ учащіе могутъ прибѣгнуть къ земской ассигновкѣ. На пособія учителямъ на выписку книгъ и журналовъ Владимірское земство израсходовало въ 1907 году—3.207 р. 83 коп., въ 1908 году—4.482 р. 5 к. и въ 1909 году—5.472 р. 27 коп. Вышеизложенное показываетъ, что вопросъ объ учительскихъ библіотекахъ и ихъ суррогатахъ до сихъ поръ не получилъ сколько-нибудь правильной и единообразной организаціи въ системѣ земскихъ мѣропріятій въ области народнаго образованія. Въ большинствѣ земствъ эти библіотеки не являются еще необходимою принадлежностью школы. Тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, вниманіе къ нимъ земствъ все усиливается. Въ 1909 году Новгородская губернская земская управа издала примѣрный каталогъ учительской библіотеки, а въ 1908 году такой же каталогъ издала Полтавская губернская земская управа.

На помощь попыткамъ земствъ въ этомъ направленіи идутъ и

работы частныхъ лицъ по составленію такихъ примѣрныхъ каталоговъ, но ихъ пока немного.

Видную роль въ обслуживаніи преподаванія учащихъ земскихъ школъ играютъ музеи наглядныхъ учебныхъ пособій. Музеи эти возможно организовать въ двухъ формахъ: музеи подвижные, находящіеся въ центрѣ того или иного района, обслуживающіе въ извѣстномъ порядкѣ и постепенности всѣ его образовательныя учрежденія, и музеи постоянные—при школѣ, при занятіяхъ со взрослыми и подростками. Сверхъ своего спеціальнаго назначенія, музеи еще знакомятъ учащихъ съ наглядными пособіями, способами ихъ изготовленія и методами ихъ примѣненія къ преподаванію. Конечно, не всѣ эти задачи осуществляются одновременно. Ялтинское земство идетъ на встрѣчу начинаніямъ народныхъ учителей и учительницъ по составленію самими учащими мѣстныхъ коллекцій и отпускаетъ извѣстныя суммы на пріобрѣтеніе учащими необходимыхъ руководствъ и приспособленій для собиранія коллекцій. Если бы этотъ примѣръ вызвалъ подражанія въ другихъ земствахъ, то, при условіи составленія коллекцій въ нѣсколькихъ экземплярахъ, получилась бы возможность обмѣна между различными земствами и обезпеченіе школъ наглядными пособіями не только мѣстнаго характера и значенія. Иногда собираніе мѣстныхъ матеріаловъ связывается съ экскурсіями и прогулками учащихъ и учащихся. Земства охотно содѣйствуютъ въ послѣднее время общеобразовательнымъ учительскимъ экскурсіямъ. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Пермскому губернскому земству, впервые ассигновавшему съ этою цѣлью небольшую сумму (въ 1903 году—100 р.).

Въ общемъ, однако, вопросъ объ организаціи учительскихъ экскурсій является у насъ дѣломъ, только начинающимъ получать болѣе или менѣе правильную организацію и, при томъ, пока почти исключительно въ формѣ частной иниціативы и на личныя средства учителей. Надо надѣяться, что въ ближайшемъ времени земская работа разовьется и въ этомъ направленіи. Очень любопытна и цѣнна попытка Бѣлевскаго земства собрать въ своемъ музеѣ возможно больше матеріаловъ, относящихся къ изученію природы, исторіи и быта мѣстнаго края, и возможно полнѣе представить въ музеѣ Бѣлевскій уѣздъ путемъ особаго письменнаго обращенія къ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Названное земство очень широко поставило задачи своего музея, благодаря чему онъ со временемъ получитъ серьезное значеніе для мѣстнаго преподавательскаго персонала народныхъ

школъ, помогая ему наглядно знакомить учащихся съ роднымъ краемъ. Относительно ознакомленія учащихъ съ примѣненіемъ наглядныхъ пособій къ преподаванію, а также съ пріемами изготовленія ихъ, земская практика успѣла выдвинуть уже рядъ мѣръ. Прежде всего надо упомянуть начинаніе Новоузенскаго земства, возложившаго на уѣзднаго завѣдывающаго музеемъ обязанность лично ознакомливать учителей и учительницъ съ имѣющимися на мѣстахъ наглядными пособіями. При курсахъ для учащихъ и на ихъ съѣздахъ организованы лекціи и практическія занятія по примѣненію наглядныхъ пособій къ преподаванію. Сюда же надо отнести изданныя въ 1904 году Костромскимъ губернскимъ земствомъ „Краткія наставленія къ составленію естественно-историческихъ коллекцій", сопровожденныя „описаніемъ нѣкоторыхъ физическихъ и химическихъ опытовъ". Съ созданіемъ въ губернскихъ городахъ спеціальныхъ мастерскихъ наглядныхъ пособій и лабораторій дѣло подготовки учащихъ должно пойти успѣшнѣе. Въ частности, лабораторіи явятся для народныхъ учителей школой практическихъ навыковъ по производству нужныхъ школѣ физическихъ и химическихъ опытовъ съ различными приборами, по примѣненію различныхъ освѣтительныхъ приборовъ для фонарей, работъ съ различными микроскопами и приготовленія для этого препаратовъ, по веденію наблюденій и производству опытовъ при изученіи строенія и жизни растеній и животныхъ, по производству метеорологическихъ наблюденій, геологическихъ изслѣдованій, при препаровкѣ растеній и животныхъ и т. д. Для руководства этими занятіями на время лѣтнихъ и зимнихъ вакацій могли бы приглашаться естественники-лаборанты. Московскій городской музей наглядныхъ пособій придаетъ своимъ демонстраціямъ наглядныхъ пособій форму постоянной выставки такихъ пособій, при чемъ фирмы часто даютъ на время для выставки свои новинки, въ разсчетѣ на рекламу своихъ товаровъ и на пріобрѣтеніе новыхъ покупателей. Въ новѣйшее время въ земской средѣ возникла мысль объ учрежденіи при одной изъ губернскихъ управъ общеземскаго справочнаго и экспертнаго бюро, въ задачу котораго входило бы доставленіе земствамъ свѣдѣній о всѣхъ выходящихъ въ свѣтъ учебникахъ, учебныхъ руководствахъ, учебныхъ и наглядныхъ пособіяхъ и составленіе систематическихъ каталоговъ для комплектованія библіотекъ разныхъ типовъ и школьныхъ музеевъ, либо путемъ непосредственнаго просмотра матеріаловъ, либо на основаніи рецензій. Въ случаѣ осуществленія этого бюро, на долю земствъ останется примѣненіе

полученныхъ изъ него свѣдѣній къ мѣстнымъ условіямъ, т. е. къ требованіямъ учебной программы и размѣру отпускаемыхъ на это средствъ. Столь же плодотворной надо считать и мысль о созданіи въ каждомъ уѣздѣ одного земскаго передвижного кинематографа педагогическаго и сельскохозяйственнаго характера. При наличности земскихъ инженеровъ и электротехниковъ осуществленіе такого просвѣтительнаго предпріятія значительно упрощается и, по произведеннымъ уже подсчетамъ, обойдется каждому уѣздному земству, въ общей сложности, не болѣе 2.000—3.000 рублей. Кинематографы же, приспособленные для того, чтобы служить пособіемъ учительскому персоналу при преподаваніи въ народной школѣ, и вполнѣ удовлетворяющіе своему назначенію, стоятъ значительно дешевле. Во всякомъ случаѣ организація помощи учащимъ въ преподаваніи путемъ снабженія ихъ наглядными пособіями должна быть различной, въ зависимости отъ вида этихъ пособій. Одно—цѣлесообразно по отношенію къ кинематографу, другое—къ тѣневымъ картинамъ, третье—къ нагляднымъ пособіямъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ отношеніи послѣднихъ пока наиболѣе привилась организація районная, при которой каждый уѣздъ дѣлится на нѣсколько участковъ, при чемъ въ центрѣ каждаго участка находится наборъ наглядныхъ пособій того или иного состава и размѣра, обслуживающій всѣ школы своего участка. Любопытно, что попытки сосредоточить дѣло снабженія наглядными пособіями изъ уѣзднаго центра обычно не увѣнчивались успѣхомъ. Напримѣръ, въ Клину въ 1903 году былъ подвижной музей изъ 84 коллекцій и приборовъ, состоявшихъ изъ 400 отдѣльныхъ предметовъ. Однако опытъ перваго же года показалъ, что этотъ музей не могъ быть использованъ въ той мѣрѣ, какъ это требовалось интересами учебнаго дѣла: громадныя разстоянія школъ отъ города, значительное число школъ, затруднительность своевременной доставки наглядныхъ пособій въ школы, необходимость пользоваться одними и тѣми же пособіями въ одно и то же время во многихъ школахъ—таковы были причины, которыя, главнымъ образомъ, обезцѣнили значеніе подвижного музея и привели Клинскую уѣздную земскую управу къ выводу о необходимости организаціи районныхъ музеевъ. Звенигородское земство послѣдовательно перепробовало цѣлыхъ три формы музейной организаціи. Въ 1902 году Звенигородскій уѣздъ былъ раздѣленъ на 7 районовъ, изъ коихъ на каждый приходилось отъ 4 до 13 школъ. Сообразно этому, уѣздный музей былъ разбитъ на 7 частей, распредѣленныхъ

по пунктамъ и обезпечивавшихъ окрестныя школы. Эту систему пришлось, однако, оставить потому, что вышеупомянутыя отдѣленія музея не удовлетворяли нуждъ въ наглядныхъ пособіяхъ. Въ слѣдующемъ, 1903 году, эти семь частей музея оставались въ своемъ пунктѣ только на одинъ мѣсяцъ, а затѣмъ перемѣщались въ сосѣдній и замѣнялись другою частью музея изъ другого сосѣдняго пункта и т. д. Эту систему также пришлось оставить, такъ какъ помимо значительныхъ расходовъ по разсылкѣ предметовъ музея и по передвиженію ихъ изъ одного района въ другой, она не могла удовлетворить своевременно и сколько нибудь полно потребностямъ школъ въ наглядныхъ пособіяхъ при самомъ преподаваніи, а, кромѣ того, при укладкѣ и пересылкѣ вещей нѣкоторыя изъ нихъ неизбѣжно портились. Наконецъ, въ 1905 году всѣ земскія школы того же уѣзда раздѣлены были на 8 районовъ, на каждый изъ которыхъ приходилось отъ 15 до 12 школъ. Центральная школа каждаго района снабжена была наиболѣе необходимыми при прохожденіи курса наглядными пособіями, съ такимъ разсчетомъ, что ими долженъ обслуживаться цѣлый районъ. Одновременно центральный музей, богатый болѣе сложными и цѣнными предметами, оставаясь при уѣздной земской управѣ, долженъ былъ служить для удовлетворенія всѣхъ школъ, а также представлять собою и районный музей для школъ, лежащихъ близъ Звенигорода.

Такимъ путемъ Звенигородское уѣздное земство пришло къ практическому осуществленію идеи районныхъ музеевъ. Принятую имъ организацію считаютъ наиболѣе цѣлесообразной, но въ то же время нѣкоторые предлагаютъ дополнить еще пришкольными музеями, находя, что послѣдовательность прохожденія школьной программы не настолько разнообразна, чтобы возможно было избѣжать одновременныхъ требованій изъ разныхъ школъ однихъ и тѣхъ же предметовъ, а потому необходимо обезпечить учащему каждой школы извѣстный минимумъ простыхъ и дешевыхъ наглядныхъ пособій. При этомъ важно обратить вниманіе на пункты внѣшкольныхъ образовательныхъ учрежденій (народныхъ чтеній, воскресныхъ и вечернихъ занятій) и на тѣ отдѣльныя селенія, гдѣ имѣются народныя школы повышеннаго типа, и гдѣ развито внѣшкольное образованіе. Примѣромъ удачной разработки условій пользованія наглядными пособіями можетъ служить порядокъ, установившійся въ районныхъ музеяхъ Дмитровскаго уѣзднаго земства. Срокъ, количество, послѣдовательность и т. п. условія пользованія пособіями изъ этихъ музеевъ

устанавливаются въ означенномъ уѣздѣ на районномъ совѣщаніи учащихъ даннаго района и обязательны для всѣхъ учащихъ района. Для того же, чтобы обезпечить учащихъ пособіями въ зависимости отъ времени и плана занятій, завѣдующій музеемъ получаетъ заблаговременно отъ учащихъ списокъ пособій въ послѣдовательности, связанной съ учебнымъ планомъ, при чемъ, по разсмотрѣніи этихъ плановъ, устанавливается очередь пользованія пособіями по взаимному соглашенію всѣхъ учащихъ района.

III.

Изъ предыдущаго изложенія ясно видно, что составъ учителей нашихъ народныхъ школъ является далеко не одинаковымъ не только въ смыслѣ высоты ихъ общаго умственнаго развитія, но и въ смыслѣ подготовки ихъ къ практической дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ. Вслѣдствіе этого вниманіе естественно обращается, прежде всего, къ тѣмъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ, которыя подготовляютъ у насъ учителей народныхъ школъ. Такими заведеніями служатъ учительскія семинаріи (правительственныя и земскія)—мужскія и женскія. Ту же роль выполняютъ въ значительной степени, какъ мы уже видѣли, женскія гимназіи съ педагогическимъ 8 классомъ и епархіальныя женскія училища, выдающія своимъ питомицамъ дипломы на учительское званіе. На то же поприще идутъ, далѣе, лица, окончившія духовныя семинаріи и женскія прогимназіи; рѣже встрѣчаются учителя изъ мужскихъ гимназій, реальныхъ, городскихъ и духовныхъ училищъ и, наконецъ, меньше всего лицъ просто съ домашней подготовкой, получившихъ учительское званіе по особому испытанію.

Когда у насъ въ новѣйшее время была произведена анкета среди директоровъ наличныхъ учительскихъ семинарій и другихъ лицъ, близко стоящихъ къ этимъ учебнымъ заведеніямъ, то огромное большинство этихъ лицъ заявило о недостаточности даваемаго семинаріями образованія и несоотвѣтствіи его съ современными условіями жизни. Такъ, одинъ директоръ очень вѣрно отмѣтилъ, что теперешній курсъ семинаріи, установленный очень давно, отсталъ отъ потребностей времени и качественно и количественно. „Современный учитель“, говоритъ онъ: „не можетъ ограничиваться элементарными обрывками знаній и механическими навыками обученія; напротивъ, онъ долженъ, по своему образованію и умственному развитію, подходить ко всякому другому интеллигентному дѣятелю русской де-

ревни—доктору, агроному, священнику и пр. Воздѣлывателю духовной народной почвы нельзя ограничиваться простою ремесленною выучкою". То же высказывалось и мѣстными комитетами Высочайше учрежденнаго особаго совѣщанія 1902 года о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, обсуждавшими вопросъ о подготовкѣ народныхъ учителей въ своихъ засѣданіяхъ. Съ указанной точкой зрѣнія вполнѣ совпадаютъ и земскіе взгляды на этотъ предметъ. Въ докладахъ, какъ земскихъ управъ, такъ и отдѣльныхъ земскихъ дѣятелей, представленныхъ на первый общеземскій съѣздъ по народному образованію, состоявшійся въ 1911 году, постановка преподаванія въ учительскихъ семинаріяхъ подверглась весьма серьезной и обстоятельной критикѣ, которая заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что земство обладаетъ, какъ мы знаемъ изъ вышеизложеннаго, продолжительнымъ и цѣннымъ опытомъ въ этомъ дѣлѣ и, участвуя съ каждымъ годомъ все въ большихъ размѣрахъ въ расходахъ на него, въ равной мѣрѣ съ правительствомъ заинтересовано въ раціональной его постановкѣ.

Бугурусланская земская управа, напр., въ своемъ докладѣ означенному съѣзду находитъ немаловажнымъ недостаткомъ учительскихъ семинарій краткость трехлѣтняго курса обученія въ нихъ, не позволяющую пройти программы учебныхъ предметовъ даже въ объемѣ курса средне-образовательной школы. По ея мнѣнію, необходимо увеличить продолжительность семинарскаго курса до 4-хъ лѣтъ, а еще лучше даже до 5 лѣтъ, каковое обстоятельство въ значительной степени способствовало бы поднятію и углубленію общаго умственнаго развитія воспитанниковъ, столь необходимаго имъ, какъ будущимъ дѣятелямъ на поприщѣ просвѣщенія народа. Увеличеніе продолжительности обученія улучшитъ и спеціальную педагогическую подготовку учителей, какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны. Дѣло въ томъ, что при трехлѣтнемъ обученіи въ семинаріи прохожденію спеціально педагогическихъ предметовъ и практическимъ занятіямъ воспитанниковъ въ школѣ отводится лишь одинъ послѣдній классъ, чего для спеціальнаго учебнаго заведенія недостаточно. Другимъ недостаткомъ учительскихъ семинарій та же управа считаетъ то, что преподавательскій составъ этихъ учебныхъ заведеній по своей подготовкѣ не всегда отвѣчаетъ своему назначенію. Составъ преподавателей учительскихъ семинарій комплектуется изъ того же источника, что и общеобразовательныхъ среднихъ школъ, а между тѣмъ неподготовленность въ педагогическомъ смыслѣ учителей гим-

назій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній сознается всѣми. То, что составляетъ нежелательное явленіе въ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи, еще болѣе нежелательно, конечно, въ спеціальныхъ педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя готовятъ учителей. Среди преподавателей, понятно, встрѣчаются и хорошіе педагоги, но этотъ опытъ и знаніе достигаются ими нерѣдко путемъ длиннаго ряда лѣтъ, путемъ блужданій и ошибокъ, при чемъ объектомъ ихъ педагогическихъ экспериментовъ являются—не надо этого забывать—дѣти. Съ другой стороны, давность преподаванія—не всегда гарантія хорошей педагогической подготовленности. Среди старыхъ преподавателей не мало такихъ, которые при неудачахъ и неуспѣхахъ, являющихся часто слѣдствіемъ полной неподготовленности и неопытности въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, теряютъ бодрую увѣренность и опускаютъ руки. Третьимъ недостаткомъ учительскихъ семинарій является теоретичность постановки всего курса этихъ заведеній, оторванность его отъ жизни, схоластичность. Дѣло поставлено такъ и въ образцовыхъ училищахъ при семинаріяхъ, въ тѣхъ именно училищахъ-лабораторіяхъ, гдѣ даютъ пробные уроки воспитанники семинаріи, гдѣ они получаютъ практическую подготовку. Исторія уснащается длинными рядами собственныхъ именъ и хронологическихъ датъ, естествовѣдѣніе и физика проходятся чисто книжнымъ путемъ, безъ производства достаточнаго числа физическихъ опытовъ и наблюденій надъ живою природой и т. д. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ учащіеся не понимаютъ надлежащимъ образомъ всего этого и должны зазубривать неинтересный для нихъ матеріалъ механически, на память. Столь важная для учителей отрасль знанія, напр., какъ психологія, преподается въ учительскихъ семинаріяхъ обыкновенно въ видѣ ряда отвлеченныхъ опредѣленій и формулъ, которыя заучиваются больше на память и остаются въ головѣ воспитанниковъ мертвымъ капиталомъ, безъ умѣнья воспользоваться имъ и приложить къ практикѣ жизни. Экспериментальная психологія, съ ея методами и пріемами наблюденія и изученія дѣтской и, вообще, человѣческой души, не снискала еще себѣ здѣсь надлежащаго мѣста. Въ результатѣ—туманность познаній учащихся, недостатокъ любви къ умственнымъ занятіямъ, недостатокъ самостоятельности, наблюдательности и знанія того, что ученика окружаетъ, ибо наблюдательности не было дано пищи для развитія. Попавъ по окончаніи курса учителемъ въ деревню, бывшій воспитанникъ семинаріи чувствуетъ себя—особенно въ первые годы—

безпомощнымъ теоретикомъ. По мнѣнію Бугурусланской земской управы, въ педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдовало бы также ввести ознакомленіе съ основнымъ народнымъ промысломъ— сельскимъ хозяйствомъ, въ его практической и раціональной постановкѣ, ознакомленіе ихъ хотя въ краткомъ видѣ съ правовыми нормами и земельными отношеніями сельскаго населенія, которое съ этой стороны крайне безпомощно. Что касается женскихъ гимназій и епархіальныхъ училищъ, то они въ смыслѣ подготовки учительскаго персонала, конечно, уступаютъ учительскимъ семинаріямъ, а потому, если въ послѣднихъ признается желательнымъ увеличить спеціальную педагогическую подготовку до двухъ лѣтъ, то это тѣмъ необходимѣе сдѣлать въ женскихъ гимназіяхъ и епархіальныхъ училищахъ; въ настоящее же время ихъ подготовка является недостаточной. Кромѣ основательной теоретической и практической подготовки къ учительской дѣятельности, народный учитель, по мнѣнію той же управы, долженъ удовлетворять еще нѣкоторымъ условіямъ: онъ долженъ близко знать и близко стоять къ той средѣ, въ которой ему приходится работать, и быть въ состояніи помочь крестьянину въ его многообразныхъ нуждахъ и затрудненіяхъ дѣломъ или совѣтомъ. Только тогда онъ будетъ въ полномъ смыслѣ слова *учителемъ*. „У насъ", справедливо говоритъ управа въ своемъ докладѣ: „сложился странный взглядъ на учительство. Для того, чтобы быть техникомъ, инженеромъ, юристомъ, священникомъ, нужно основательно подготовиться. За учительство же берутся нерѣдко лица, не имѣющія ни малѣйшаго понятія о педагогической наукѣ и искусствѣ воспитанія и обученія дѣтей. Между тѣмъ, вѣдь, это — воспитатели будущихъ гражданъ государства, будущихъ строителей жизни". Къ пятилѣтнему курсу уже перешло большинство земскихъ учительскихъ семинарій и школъ.

Совѣщаніе по учительскимъ семинаріямъ въ государственной думѣ составило проектъ организаціи семинарій также съ 5-лѣтнимъ курсомъ, положивъ въ основаніе своего проекта слѣдующія общія начала. Находя, что въ настоящее время дѣятельность народнаго учителя приняла очень разнообразный характеръ (преподаваніе въ школахъ повышеннаго типа, руководство внѣшкольнымъ и дошкольнымъ образованіемъ и нравственное вліяніе на народную жизнь), совѣщаніе считало необходимымъ расширить программу учительскихъ семинарій такимъ образомъ: 1) сравнять её по объему общеобразовательныхъ предметовъ съ программой среднихъ учебныхъ заведеній; 2) обра-

тить болѣе серьёзное вниманіе на тѣ предметы, которые имѣютъ особое значеніе для курса семинаріи, а именно: на психологію, логику, педагогику съ исторіей педагогическихъ ученій, русскую литературу, математику, естествовѣдѣніе и другіе предметы; установить основательное и послѣдовательное преподаваніе пѣнія, музыки и рисованія; 3) подробно разработать преподаваніе спеціальныхъ предметовъ (дидактики, методики и практическихъ занятій), а также прикладныхъ знаній, какъ, напр., сельскаго хозяйства, домоводства, гимнастики и ручного труда; 4) включить свѣдѣнія, относящіяся къ дошкольному воспитанію, и 5) принять всѣ мѣры къ тому, чтобы вновь составленная программа заключала въ себѣ общеобразовательные предметы, насколько возможно, законченно, полно и цѣлостно, а не состояла бы изъ отрывочныхъ свѣдѣній, очень мало способствующихъ всестороннему развитію учащихся. Такъ какъ выполненіе этой широкой программы потребуетъ продолжительнаго времени, то и является необходимымъ увеличить число лѣтъ обученія въ учительскихъ семинаріяхъ, по мнѣнію совѣщанія, по крайней мѣрѣ—до пяти (изъ которыхъ одинъ годъ въ приготовительномъ классѣ), что составитъ, въ общемъ, при условіи поступленія въ эти учебныя заведенія окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ училищахъ, отъ 11 до 12 лѣтъ обученія, каковое число все-таки будетъ значительно меньше, чѣмъ заграницей, гдѣ оно доходитъ до 15. Совѣщаніе, при этомъ, обратило вниманіе на то обстоятельство, что раньше, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, для поступленія въ учительскія семинаріи считалась необходимой предварительная подготовка, для которой воспитанники двухклассныхъ училищъ, по окончаніи курса, оставались при нихъ еще на годъ или на два, съ полученіемъ казённой субсидіи въ размѣрѣ 60 рублей. Если такую предварительную подготовку воспитанниковъ двухкласснаго училища находили полезной и нужной тогда, когда къ начальной школѣ и ея учителю предъявлялось гораздо меньше требованій, чѣмъ теперь, то тѣмъ болѣе она необходима въ настоящее время, при томъ быстромъ количественномъ и качественномъ ростѣ начальнаго образованія, какой мы видимъ за послѣдніе годы. Въ виду этого совѣщаніе и остановилось на мысли учредить при семинаріяхъ съ цѣлью такой предварительной подготовки отдѣльный приготовительный классъ, въ который могли бы поступать лучшіе ученики двухклассныхъ училищъ, а потомъ переходить изъ него въ первый штатный классъ семинаріи. Такая подготовка, по мнѣнію совѣщанія, должна оказать очень большое вліяніе на общій успѣхъ дѣятель-

ности этихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ она поведетъ: 1) къ лучшему и болѣе полному объединенію всѣхъ воспитанниковъ одной общей программой, однимъ строемъ и направленіемъ; 2) къ пополненію перваго класса семинаріи болѣе или менѣе одинаково подготовленнымъ составомъ учащихся; 3) къ поднятію общаго уровня развитія учащихся; 4) къ облегченію прохожденія курса всѣхъ остальныхъ классовъ, и 5) къ удержанію учащихся на лишній годъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія, что весьма важно не только для ихъ научнаго образованія, но также и для правильности склада ихъ характера и взглядовъ. Расширеніе программы учительскихъ семинарій вызываетъ также необходимость въ одновременномъ разрѣшеніи вопросовъ объ улучшеніи ихъ педагогическаго состава, о связанномъ съ этимъ повышеніи матеріальнаго его обезпеченія, а также о предоставленіи учительскимъ семинаріямъ правъ, принадлежащихъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, въ виду приблизительной одинаковости объема ихъ курсовъ. Любопытно отмѣтить, что въ дальнѣйшихъ своихъ соображеніяхъ то же совѣщаніе приходитъ къ заключенію, что лучшими кандидатами для поступленія въ учительскія семинаріи являются молодые люди сельскаго сословія, такъ какъ имъ ближе и лучше знакома жизнь деревни и ея запросы и нужды. Составъ учащихся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ въ настоящее время, въ дѣйствительности, и состоитъ почти изъ однихъ крестьянъ. Это объясняется не какими либо особыми мѣрами, а, главнымъ образомъ, тѣмъ, что крайне незавидное современное положеніе сельскаго учителя не привлекаетъ къ себѣ лицъ изъ другихъ сословій, которыя находятъ возможность устроиться болѣе удобно и выгодно. Крестьяне же охотно направляются въ учительскія семинаріи, потому что образованіе здѣсь безплатное и содержаніе на сторонѣ, благодаря стипендіямъ, имъ ничего не стоитъ, а обстановка жизни учителя все же лучше той, въ которой они живутъ у себя дома. Поэтому прибѣгать къ какимъ либо мѣрамъ для привлеченія въ семинаріи лицъ исключительно сельскаго сословія было бы совершенно излишне и безполезно даже въ виду того, что и среди другихъ сословій могутъ встрѣтиться люди, способные къ учительской дѣятельности и желающіе посвятить ей свои силы и знанія. Для того же, чтобы облегчить доступъ въ семинаріи лучшимъ силамъ деревни, слѣдовало бы увеличить окладъ ученическихъ стипендій, которыя въ настоящее время, при все болѣе и болѣе возрастающей дороговизнѣ жизни, становятся совершенно недостаточными даже для крайне нетребовательнаго крестьянскаго

юноши, что ставитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ иногда въ полную невозможность поступить въ учительскую семинарію, какъ, напр., въ Поневѣжскую, гдѣ имѣется нѣсколько годовыхъ стипендій только по 60 рублей. По вопросу объ управленіи семинаріями совѣщаніе отмѣтило крайнюю важность привлеченія къ этому дѣлу мѣстныхъ общественныхъ силъ. Начальное образованіе и теперь составляетъ одну изъ главныхъ заботъ мѣстнаго городского и земскаго самоуправленія, и въ близкомъ будущемъ вліяніе этихъ учрежденій на устройство и завѣдываніе народнымъ образованіемъ предполагается значительно расширить. Такимъ образомъ мѣстное общество несомнѣнно весьма заинтересовано въ преуспѣяніи учебныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлью подготовить хорошій преподавательскій составъ для начальныхъ училищъ. Независимо отъ этого, общественныя организаціи или даже отдѣльныя лица часто принимаютъ и непосредственное участіе въ учрежденіи и содержаніи семинарій путемъ либо отпуска полностью или частью необходимыхъ средствъ, либо отвода земельнаго участка или соотвѣтствующаго зданія. Въ виду этого не только желательно, но и справедливо, предоставить мѣстнымъ силамъ соотвѣтствующее мѣсто въ управленіи означенными учебными заведеніями. Въ связи съ этимъ намѣчается и разрѣшеніе вопроса объ отношеніи этого управленія къ центральному и окружному учебному начальству. Въ самомъ дѣлѣ, широкое участіе мѣстнаго общества въ завѣдываніи семинаріями устраняетъ въ значительной степени необходимость въ болѣе тѣсномъ и постоянномъ правительственномъ надзорѣ. Извѣстная самостоятельность семинаріи, основанная на началахъ разумнаго самоуправленія, должна, по мнѣнію совѣщанія, вызвать въ педагогическомъ составѣ интересъ къ дѣлу, въ которомъ онъ пріобрѣтаетъ возможность проявлять болѣе живое участіе. Въ этихъ видахъ совѣщаніе проектировало учрежденіе попечительнаго совѣта, въ составъ котораго входятъ представители какъ общественныхъ учрежденій, такъ и преподаватели семинаріи. Къ вѣдѣнію этого совѣта совѣщаніе отнесло, между прочимъ, даже разрѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ, предоставленныхъ, по дѣйствующему закону, власти попечителя округа. Что касается, затѣмъ, условій, которымъ должны удовлетворять лица, поступающія въ семинаріи, то въ этомъ отношеніи совѣщаніе исходило изъ соображенія о необходимости, съ одной стороны, облегчить, по возможности, доступъ въ означенныя учебныя заведенія лицамъ, принадлежащимъ къ инославнымъ исповѣданіямъ и иновѣрнымъ вѣроученіямъ, а, съ другой стороны,—повысить

образовательный цензъ, требуемый нынѣ для поступленія въ семинаріи. Въ виду этого совѣщаніе нашло желательнымъ допустить поступленіе въ эти учебныя заведенія не только лицъ инославныхъ исповѣданій, но также и иновѣрцевъ, обусловивъ, однако, поступленіе этихъ лицъ разрѣшеніемъ, даваемымъ министромъ народнаго просвѣщенія, по ходатайству педагогическихъ совѣтовъ семинарій. Въ отношеніи же образовательнаго ценза поступающихъ въ семинаріи лицъ совѣщаніе остановилось на требованіи для поступленія въ приготовительный классъ знаній въ размѣрѣ курса двухклассныхъ начальныхъ училищъ, продолженіемъ которыхъ и являются, по своей программѣ, учительскія семинаріи. Существенное значеніе, наконецъ, по мнѣнію совѣщанія, имѣетъ и вопросъ о мѣстахъ устройства учительскихъ семинарій. При обсужденіи этого вопроса совѣщаніе признало наиболѣе цѣлесообразнымъ открывать семинаріи не въ крупныхъ центрахъ, а въ уѣздныхъ городахъ и селахъ, имѣющихъ удобные пути сообщенія и другія культурныя условія для жизни. Этимъ достигается, прежде всего, созданіе новаго культурно-просвѣтительнаго центра для окрестнаго сельскаго населенія; во-вторыхъ, учебному заведенію будутъ предоставлены лучшія гигіеническія условія, что особенно важно для здоровья воспитанниковъ, въ-третьихъ, ученики получатъ возможность ближайшаго знакомства съ условіями деревенскаго быта, въ которомъ, по преимуществу, должна осуществляться будущая ихъ дѣятельность; въ-четвертыхъ, этимъ будетъ достигнута и сравнительная дешевизна содержанія учебнаго заведенія въ сельской обстановкѣ, гдѣ, при умѣломъ веденіи хозяйства, можетъ быть добыто собственными средствами большинство съѣстныхъ припасовъ. Въ смыслѣ же широты постановки учебно-воспитательнаго дѣла, устройство учительскихъ семинарій въ маленькихъ городахъ и сельскихъ мѣстностяхъ представляетъ значительныя преимущества, такъ какъ даетъ возможность устраивать практическія занятія учениковъ по садоводству, огородничеству, пчеловодству и, вообще, по сельскому хозяйству. Во всякомъ случаѣ, однако, ограниченіе выбора мѣстъ устройства семинарій нежелательно въ виду того, что общественныя учрежденія и лица, которыя захотѣли бы оказать нѣкоторую матеріальную поддержку этому дѣлу, могутъ обусловить свою помощь устройствомъ семинаріи въ опредѣленномъ пунктѣ, не подходящемъ подъ указанныя выше требованія.

Такова чисто земская точка зрѣнія, развитая совѣщаніемъ при государственной думѣ по вопросу о желательныхъ основаніяхъ ре-

организаціи учительскихъ семинарій. Совпаденіе во взглядахъ съ земскими предположеніями и, отчасти, мѣропріятіями по данному предмету представляется далеко не случайнымъ, если принять во вниманіе, что въ составъ совѣщанія вошелъ рядъ земскихъ дѣятелей—членовъ государственной думы, которымъ, конечно, положеніе этого дѣла у насъ хорошо извѣстно по ихъ личному земскому опыту. Къ только что изложенному надо присоединить цѣнное указаніе, дѣлаемое въ своемъ докладѣ первому общеземскому съѣзду по народному образованію бывшимъ директоромъ земской Казанской учительской семинаріи А. Ѳ. Гартвигомъ, на то, что въ настоящее время подготовка учительскаго персонала въ семинаріяхъ, при всей неудовлетворительности ихъ устройства, обходится слишкомъ дорого. Содержаніе 4-классной учительской семинаріи стоитъ 30—35 тысячъ рублей въ годъ, т. е. почти столько же, сколько и содержаніе 7 или 8-класснаго учебнаго заведенія. Выпускаетъ же она учителей 20 въ годъ, что на губернію представляетъ цифру крайне незначительную, и лучшіе изъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи черезъ нѣкоторое время или поступаютъ въ учительскіе институты, а оттуда въ высшія учебныя заведенія (коммерческіе и сельскохозяйственные институты, университеты), или держатъ экзаменъ на званіе учителей уѣзднаго училища и поступаютъ въ городскія училища, или же, наконецъ, переходятъ на другія, лучше оплачиваемыя, должности. Вслѣдствіе этого въ народной школѣ или остаются менѣе энергичные и способные, или особо любящіе дѣло безсребренники-подвижники, какихъ всегда мало, или учителя замѣняются учительницами, не имѣющими спеціальной подготовки. Такимъ образомъ часть денегъ, потраченныхъ на обезпеченіе начальной школы хорошими учителями, тратится, по мнѣнію А. Ѳ. Гартвига, не по назначенію.

Въ заботахъ о той же поддержкѣ педагогической подготовки учителей народной школы на должной высотѣ нѣкоторые земскіе дѣятели выдвигаютъ въ послѣднее время идею двухлѣтнихъ педагогическихъ курсовъ. Наиболѣе полно представлена эта идея въ докладѣ общеземскому съѣзду по народному образованію завѣдующаго отдѣломъ народнаго образованія Саратовскаго губернскаго земства Н. Д. Россова. По его мнѣнію, земскіе двухлѣтніе педагогическіе курсы основаны на гораздо болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ тѣ курсы, которые насаждаетъ министерство народнаго просвѣщенія и на которые разсчитываетъ комиссія по народному образованію при государственной думѣ, образовавшая выше упоминавшееся совѣщаніе для обсужденія

вопроса объ учительскихъ семинаріяхъ. Разъ губернскимъ земствамъ не по силамъ открыть своихъ учительскихъ семинарій, имъ надо, по словамъ Н. Д. Россова, послѣдовать примѣру Саратовскаго и нѣкоторыхъ другихъ земствъ и стать на путь основанія земскихъ двухлѣтнихъ педагогическихъ курсовъ. Такіе курсы, какъ нормальный типъ учебнаго заведенія для подготовки учителей,—непріемлемы, но, если жизнь императивно диктуетъ задачу „дать наибольшій выпускъ подготовленныхъ учителей въ наименьшій срокъ", въ нихъ—единственный, повидимому, выходъ. Задача эта можетъ быть разрѣшена, если остановиться на естественномъ готовомъ притокѣ учительскихъ силъ, которымъ фактически живетъ до сихъ поръ народная школа, на томъ элементѣ, выражаясь конкретнѣе, въ немъ, который достаточно уже подготовленъ въ смыслѣ общаго образованія и, слѣдовательно, можетъ на всю тяжесть этой стороны подготовки облегчить программу педагогическихъ курсовъ. Такимъ элементомъ г. Россовъ считаетъ кончающихъ 7 и 8 классовъ женскихъ гимназій и епархіальныхъ училищъ. Отъ субсидій женскимъ гимназіямъ, что дѣлаетъ земство теперь, ему надо сдѣлать слѣдующій шагъ въ томъ же направленіи и перейти къ организаціи курсовой спеціально-педагогической подготовки кончающихъ 7 или 8 классовъ женскихъ гимназій. Защитникъ этого проекта г. Россовъ разсчитываетъ, что, разъ необходимость въ общеобразовательной программѣ минуется, двухъ лѣтъ окажется болѣе или менѣе достаточно для задачи педагогической подготовки, при условіи, если такая подготовка будетъ обставлена болѣе или менѣе удовлетворительно. Женскія, именно, гимназіи и частью епархіальныя училища даютъ въ настоящее время наибольшее число кандидатокъ на учительскія мѣста и получаютъ численное преобладаніе въ школахъ, и какъ ни смотрѣть на вопросъ о преимуществахъ мужского или женскаго труда въ народной школѣ, въ данномъ случаѣ приходится считаться съ характеромъ момента и отправляться отъ уже существующаго факта. Кандидатовъ на учителя изъ кончающихъ мужскія среднія учебныя заведенія обычно очень мало, и достаточный матеріалъ могутъ дать, такимъ образомъ, только женскія среднеучебныя заведенія. Проекты педагогическихъ курсовъ для лицъ со среднимъ образованіемъ уже разрабатывались другими земствами и отчасти ими (Полтавскимъ, Воронежскимъ, Саратовскимъ) осуществлялись, а потому г. Россовъ склоненъ видѣть въ устройствѣ такихъ курсовъ очередную задачу земствъ. Сущность самаго проекта подобныхъ курсовъ заключается въ слѣдующемъ. Курсы разсчитываются

на два года и на контингентъ кончившихъ 7 классовъ гимназіи или епархіальныя училища. Программу курсовъ предлагается составить, (конечно, при участіи педагогическаго совѣта курсовъ) приблизительно изъ слѣдующихъ предметовъ: Законъ Божій, психологія и педагогика, исторія педагогическихъ идей и народнаго образованія, начальное законовѣдѣніе и училищевѣдѣніе, русскій языкъ и методика его, ариѳметика и методика ея, естествознаніе и его методика, физика и химія, географія и ея методика, анатомія, физіологія и гигіена, обзоръ дѣтской и народной литературы, рисованіе и лѣпка, пѣніе, гимнастика и подвижныя игры. Въ этой (минимальной) программѣ рядъ общеобразовательныхъ предметовъ предположенъ не столько къ прохожденію вновь (что начато было въ средней школѣ), сколько къ тому, чтобы обучить пользоваться знаніями при преподаваніи въ школѣ, другими словами—методическая сторона должна быть выдвинута на первый планъ. Приблизительная смѣта такихъ курсовъ, напечатанная въ докладѣ Саратовской губернской земской управы 45-му очередному земскому собранію „О двухлѣтнихъ женскихъ педагогическихъ курсахъ", составляетъ 34.480 руб., при условіи безплатности обученія. Между тѣмъ курсы, по расчетамъ г. Россова, дадутъ выпускъ, численно почти равный годовому выпуску 10-ти министерскихъ семинарій, и это—при расходѣ въ 6 разъ меньшемъ и при срокѣ, необходимомъ для того, чтобы воспользоваться результатами,—вдвое болѣе короткомъ. Даже при предположеніи, что первое время курсы не будутъ въ состояніи функціонировать въ полномъ составѣ, численность ихъ выпусковъ дастъ возможность замѣтно поднять уровень подготовки учительскаго персонала губерніи, вмѣсто неизбѣжнаго, по мнѣнію г. Россова, паденія его, если земство не встанетъ на путь неотложныхъ и широкихъ мѣропріятій. Для практическихъ занятій при курсахъ надо учреждать двѣ школы: 1) съ четырьмя учащими (у каждаго одно отдѣленіе) и 2) съ двумя учащими (у каждаго по два отдѣленія). Оба эти типа школы являются наиболѣе распространенными въ земскихъ губерніяхъ и необходимо, чтобы слушательницы видѣли постановку занятій въ школѣ, какъ того, такъ и другого типа. Школы должны быть смѣшанными—для мальчиковъ и дѣвочекъ, и составъ учащихся въ нихъ не долженъ быть очень великъ. Учащіе въ школахъ должны выбираться изъ числа болѣе опытныхъ учащихъ, по возможности—со спеціально-педагогическимъ образованіемъ, или извѣстныхъ своею педагогическою опытностью. Дальнѣйшія подробности проекта двухлѣтнихъ земскихъ педа-

гогическихъ курсовъ касаются практическихъ занятій слушательницъ, а потому мы останавливаться на нихъ не будемъ. Въ общемъ, отстаиваніе г. Россовымъ идеи такихъ курсовъ, какъ мы видѣли, объясняется соображеніями чисто практическаго характера. Онъ самъ считаетъ ихъ непріемлемыми, какъ нормальный типъ учебнаго заведенія для подготовки учительскаго персонала, и видитъ въ нихъ экстренную мѣру для покрытія спроса на учителей при растущемъ ежегодно количествѣ земскихъ школъ и предстоящемъ введеніи всеобщаго обученія. Въ этомъ—громадная и глубокая разница между только что разсмотрѣннымъ проектомъ курсовъ и выработанной земствомъ же и совѣщаніемъ (изъ земцевъ же) при государственной думѣ программой улучшенія учительскихъ семинарій. Курсы имѣютъ цѣлью быстро мобилизовать болѣе или менѣе подготовленныя, но многочисленныя, учительскія силы, а улучшенныя семинаріи должны будутъ медленно, но вѣрно, стремиться къ качественному, а не количественному, повышенію состава учительскаго персонала. Съ увеличеніемъ количества учительскихъ семинарій, будетъ, конечно, возрастать и общее число выпускаемыхъ ими подготовленныхъ учителей и учительницъ народныхъ школъ, но еще долго семинаріи будутъ отставать отъ спроса, предъявляемаго жизнью на ихъ питомцевъ, а потому надо признать законность и практичность существованія, на ряду съ учительскими семинаріями, также двухлѣтнихъ педагогическихъ курсовъ, хотя бы какъ временной мѣры до выработки болѣе раціональныхъ средствъ борьбы съ некомплектомъ учителей для народныхъ школъ.

Наконецъ, въ видѣ суррогата для пополненія запаса знаній учительскаго персонала, земства стали выдвигать въ новѣйшее время краткосрочные лѣтніе курсы. Вопросъ объ этихъ курсахъ и наилучшей ихъ постановкѣ также подвергся обсужденію, какъ въ земскихъ собраніяхъ и докладахъ земскихъ управъ, такъ и на общеземскомъ съѣздѣ по народному образованію 1911 года. Подробно останавливается на этомъ вопросѣ Харьковская губернская земская управа въ своемъ докладѣ, представленномъ означенному съѣзду, а также С. В. Зенченко (въ докладѣ тому же съѣзду). Въ громадномъ наплывѣ слушателей на такіе курсы, въ готовности ихъ жертвовать ради курсовъ не только доброю половиной каникулярнаго времени, но, сверхъ того, и весьма значительной долей своего скуднаго бюджета, Харьковская губернская земская управа справедливо видитъ признаки того, какъ сильно развитъ среди учителей интересъ къ курсамъ и какъ значительны возлагаемыя на такіе курсы надежды. Этотъ по-

вышенный интересъ къ лѣтнимъ курсамъ въ значительной степени объясняется тѣмъ, что лѣтніе курсы — организація молодая, развившаяся преимущественно во время, когда поставлены на очередь капитальнѣйшіе вопросы о реформѣ старой школы, какъ то: объ увеличеніи продолжительности курса, о пересмотрѣ программы и методовъ преподаванія, о наглядномъ обученіи и т. д. Серьезность запросовъ, предъявляемыхъ къ лѣтнимъ курсамъ, увеличиваетъ серьезность и задачи постановки дѣла такихъ курсовъ. Наши земства вполнѣ это сознаютъ, стремясь использовать названные курсы для борьбы съ общепризнанными недостатками народной школы путемъ подготовки учителя къ школьной реформѣ. Основнымъ вопросомъ организаціи лѣтнихъ курсовъ Харьковская губернская земская управа считаетъ вопросъ объ ихъ программѣ. При проектированіи послѣдней приходится, по мнѣнію управы, считаться со слѣдующими главными конкретными условіями: 1) образовательный цензъ наличнаго учительскаго персонала; 2) запросы учащихъ въ соотвѣтствіи съ программой и организаціей школы, а также и нуждами внѣшкольнаго образованія; 3) количество учебнаго времени на курсахъ и 4) возможная для учителя частота посѣщенія курсовъ, въ зависимости отъ общаго числа народныхъ учителей въ губерніи. Первое изъ приведенныхъ условій является рѣшающимъ и, къ сожалѣнію, какъ нами въ первой главѣ очерка указывалось, далеко не благопріятнымъ въ учительской средѣ. Отсутствіе надлежащей подготовки для преподаванія у значительнаго большинства учащихъ приводитъ къ тому, что и организаторы лѣтнихъ курсовъ и сами курсисты обычно отдаютъ предпочтеніе курсамъ смѣшаннаго характера, въ программу которыхъ входятъ и общеобразовательные и педагогическіе предметы. Кромѣ того, многіе изъ учителей, стремясь пойти на встрѣчу различнымъ потребностямъ сельской жизни, настаиваютъ на введеніи въ программу такихъ предметовъ, какъ сельское хозяйство, кооперація, счетоводство, землемѣріе, судопроизводство, первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и т. д. Вслѣдствіе этого предъявляемыя къ программѣ лѣтнихъ курсовъ требованія становятся чрезмѣрно широкими. Въ бланкахъ анкеты, произведенной на Харьковскихъ учительскихъ курсахъ 1910 года, учителя называли свыше 40 предметовъ, которые, по ихъ мнѣнію, желательны въ программѣ курсовъ. Понятно, что чѣмъ обширнѣе программа лѣтнихъ курсовъ, тѣмъ труднѣе ее выполнить въ отмежеванное курсамъ короткое время. Остальныя два условія именно и возвращаютъ къ фактической обстановкѣ органи-

заціи учительскихъ курсовъ. Эти условія далеко не благопріятны для выполненія сколько-нибудь широкихъ программъ и потому заставляютъ, по мнѣнію управы, съузить, какъ задачу курсовъ, такъ и соотвѣтствующую ей программу. Управа находитъ, что больше 30—40 дней курсы едва ли слѣдуетъ затягивать, такъ какъ большая продолжительность ихъ затруднительна и для слушателей, и для лекторовъ; послѣдніе обычно тѣмъ охотнѣе соглашаются читать, чѣмъ болѣе раннее время (іюнь, первыя числа іюля) отводится для ихъ лекцій. Число учебныхъ часовъ въ день также не должно быть особенно велико. Харьковскіе лѣтніе курсы 1910 года, съ 6 ежедневными лекціями, при значительномъ числѣ экскурсій, вечеринокъ, бесѣдъ и занятій въ комиссіяхъ по разнымъ вопросамъ постановки школьнаго дѣла, оказались для курсистовъ слишкомъ утомительными, а потому на курсахъ 1911 года пришлось сократить число лекцій до 5 въ день, соотвѣтственно съ чѣмъ продолжительность курсовъ была увеличена съ 34 до 42 дней. Такимъ образомъ, если принять 5 лекцій за норму и исключить воскресные дни, то общее число лекцій за все время курсовъ въ одно лѣто опредѣлится въ 150 часовъ при 35 дняхъ и въ 190 при 45 дняхъ. Едва ли можетъ быть разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ, по мнѣнію той же управы, въ настоящее время и вопросъ о томъ, можно ли программу курсовъ разсчитать на нѣсколько лѣтъ, распредѣливъ ее на нѣсколько отдѣльныхъ цикловъ и предоставивъ каждому слушателю возможность прослушать всѣ эти циклы: нѣтъ необходимыхъ аудиторій, общежитій и проч., не говоря уже о непосильности денежныхъ затратъ для земства на это дѣло. Вслѣдствіе этого управа въ своемъ докладѣ приходитъ къ заключенію, что программу надо съуживать на лѣтнихъ курсахъ до тѣхъ рамокъ, которыя очерчиваются вышеприведенными условіями. Главная же работа по формированію необходимаго для современной школы учительскаго персонала должна быть сосредоточена въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя даютъ школѣ народнаго учителя, а не на лѣтнихъ курсахъ. Курсы могутъ только нѣсколько освѣтить и расширить пріобрѣтенныя въ школѣ знанія, помочь разбираться въ этихъ знаніяхъ, ознакомить съ новѣйшими теченіями педагогической мысли. Сообразно съ этимъ, программа курсовъ, какъ земскаго мѣропріятія, направленнаго къ повышенію уровня всего педагогическаго персонала въ губерніи, должна быть разсчитываема по возможности на одинъ, и во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ на два года. Вечерніе часы не должны быть занимаемы лекціями, такъ какъ они, со-

гласно опыту Харьковскихъ и другихъ лѣтнихъ курсовъ, еле достаточны для другой и, при томъ, весьма важной группы занятій: для изученія организуемыхъ при курсахъ выставокъ наглядныхъ пособій, учебниковъ, учебныхъ руководствъ, дѣтской и народной литературы, для посѣщенія имѣющихся въ городѣ музеевъ, фабрикъ и т. п., для обсужденія и разработки различныхъ вопросовъ школьнаго дѣла, для бесѣдъ по поводу прочитанныхъ курсовъ и т. п., для практическихъ занятій, поскольку послѣднія возможны въ обстановкѣ курсовъ и т. п. При организаціи лѣтнихъ курсовъ въ губернскихъ городахъ слѣдуетъ, согласно опыту Харьковскаго губернскаго земства, въ видахъ достаточнаго количественнаго состава аудиторіи и въ видахъ возможно равномѣрнаго обслуживанія учительскаго персонала губерніи, принимать значительную часть курсистовъ (около $^1/_4$ наличнаго учительскаго персонала) на счетъ губернскаго земства, съ распредѣленіемъ ихъ по уѣздамъ пропорціонально числу учащихъ въ свѣтскихъ школахъ. Безъ этого условія станетъ возможно полное отсутствіе учащихъ изъ отдѣльныхъ уѣздовъ. Въ Харьковской губерніи обычно за счетъ губернскаго земства командируются по 300 слушателей въ годъ на лѣтніе курсы, устраиваемые въ Харьковѣ, при чемъ этимъ слушателямъ выдаются суточныя по 1 рублю въ сутки и устраиваются общежитія. Дополнительныя командировки уѣздныхъ земствъ и пріѣздъ курсистовъ за собственный счетъ повышаютъ общее количество слушателей до 600—700. Для постановки губернскихъ лѣтнихъ курсовъ необходима, далѣе, аудиторія съ расчетомъ на 500—700 слушателей, а при чтеніи одновременно двухъ цикловъ — двѣ такихъ аудиторіи и общежитія для наиболѣе нуждающихся курсистовъ. Въ Харьковѣ аудиторіей служитъ театральный залъ народнаго дома, общежитіями — городское ремесленное училище и городскія казармы.

Курсы, какъ въ Харьковѣ, такъ и въ другихъ городахъ, могли бы быть гораздо лучше и удобнѣе организованы, если бы для аудиторій и общежитій можно было пользоваться безплатно зданіями университетовъ и другихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. При этомъ условіи курсы могли бы, на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, пользоваться и учебно-вспомогательными учрежденіями учебныхъ заведеній, что способствовало бы лучшей постановкѣ курсовъ въ учебномъ отношеніи. Легче бы разрѣшался, по мнѣнію управы, въ этомъ случаѣ и вопросъ объ одновременномъ чтеніи лекцій для двухъ аудиторій курсистовъ—по указаннымъ выше цикламъ предметовъ; при этомъ

условіи представилась бы возможность—въ особо необходимыхъ случаяхъ—организовать и областные курсы для учителей двухъ-трехъ губерній. Для усиленнаго развитія курсовъ, наконецъ, немаловажное значеніе имѣло бы и то условіе, если бы курсы не только допускались и разрѣшались, но и признавались бы, какъ земствами, такъ и въ правительственныхъ сферахъ, насущно необходимымъ мѣропріятіемъ, безъ котораго въ значительной степени останутся безрезультатными и заботы о введеніи всеобщаго обученія, а также о поднятіи уровня нашей школы. Курсы, по мнѣнію Харьковской губернской земской управы, должны стать не случайнымъ, а постояннымъ земскимъ мѣропріятіемъ, и устраиваться явочнымъ порядкомъ, при чемъ тѣмъ же порядкомъ должны допускаться къ чтенію лекцій всѣ лица, читающія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тогда можно разсчитывать, что, въ связи съ увеличеніемъ за послѣднее время числа учительскихъ семинарій, педагогическихъ институтовъ и постоянныхъ курсовъ, возникнутъ въ ближайшемъ будущемъ въ губернскихъ городахъ собственныя земскія зданія, вполнѣ приспособленныя къ тому, чтобы служить зимою помѣщеніемъ для постоянныхъ педагогическихъ курсовъ, а лѣтомъ — для краткосрочныхъ учительскихъ курсовъ и съѣздовъ. Таковы данныя земскаго опыта, которыя резюмированы въ своемъ докладѣ Харьковскою губернскою земскою управою. Если сопоставить съ выводами, къ которымъ эта управа приходитъ, тѣ фактическіе матеріалы, которые нами сгруппированы были во второй главѣ настоящаго очерка, то надо признать, что выводы эти въ значительной мѣрѣ охватываютъ и ихъ. Объясняется это, конечно, прежде всего, тѣмъ, что земства работаютъ довольно согласованно въ разсматриваемой области, вслѣдствіе чего они порознь каждое приходятъ приблизительно къ одинаковымъ результатамъ, при чемъ обнаруживаются большею частью однѣ и тѣ же, какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны нарождающагося новаго и важнаго дѣла въ области повышенія уровня знаній учительскаго персонала народныхъ школъ. По мнѣнію другого докладчика на томъ же общеземскомъ съѣздѣ по народному образованію С. В. Зенченко, для устройства лѣтнихъ курсовъ въ помощь земству должна образоваться постоянная организація изъ людей науки и педагогической практики и мѣстныхъ дѣятелей въ органахъ самоуправленія; къ занятіямъ же на такихъ курсахъ должны допускаться всѣ учащіе, которые уже имѣютъ не менѣе двухъ лѣтъ практики. Лѣтніе курсы должны сдѣлаться постояннымъ учрежденіемъ, періодически повторяющимся, съ

установленной въ основныхъ чертахъ программой, при чемъ, въ отличіе отъ Харьковской губернской земской управы, г. Зенченко допускаетъ прохожденіе программы на нихъ въ теченіе даже трехъ лѣтъ, но, по возможности, для одного и того же состава слушателей. Для болѣе же плодотворной, активной работы въ теченіе лѣта слушатели должны подготовляться заранѣе по особой программѣ, какъ чтеніемъ рекомендованныхъ книгъ, такъ и писаніемъ сочиненій. Главное мѣсто должно быть удѣлено практическимъ занятіямъ всякаго рода, экскурсіямъ, бесѣдамъ и обсужденію рефератовъ. На ряду съ этимъ видное мѣсто въ программѣ курсовъ должна занимать разработка вопросовъ по изученію мѣстной природы и жизни, для внесенія результатовъ ея въ преподаваніе въ начальной школѣ. Обычный типъ организуемыхъ теперь лѣтнихъ курсовъ для учащихъ долженъ быть, въ общемъ, измѣненъ въ направленіи сокращенія предметовъ для каждаго лѣта, уничтоженія преобладанія лекцій и чисто пассивнаго участія учащихъ въ работѣ курсовъ, введенія возможно большаго числа бесѣдъ, практическихъ занятій и т. п., и, наконецъ, внесенія въ лекціи и бесѣды большаго количества вопросовъ и свѣдѣній, непосредственно соприкасающихся съ предстоящей учащимъ школьной работой и съ жизненными интересами мѣстнаго края.

Мы разсмотрѣли важнѣйшіе выводы земской практики въ области улучшенія постановки дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ, на постоянныхъ педагогическихъ курсахъ (по преимуществу—двухлѣтнихъ) и на лѣтнихъ курсахъ. Наиболѣе цѣнное въ этихъ выводахъ, конечно, все то, путемъ чего земство—въ предѣлахъ доступныхъ ему средствъ и способовъ воздѣйствія — стремится приблизить народнаго учителя къ жизненному и возможно болѣе широкому пониманію осуществляемыхъ имъ задачъ въ начальной школѣ. Заботы земства объ организаціи общенія учителей между собою, въ цѣляхъ обмѣна педагогическимъ опытомъ, имѣютъ по отношенію къ главной цѣли—поднятію уровня знаній учительскаго персонала—преимущественно лишь субсидіарное значеніе. Къ тому же въ этой области земство дѣлаетъ еще первые шаги, а потому въ отношеніи мѣръ этой категоріи мы и считаемъ возможнымъ ограничиться тѣми фактическими данными и соображеніями, которыя нами приведены, главнымъ образомъ, во второй главѣ нашего очерка при обозрѣніи этихъ мѣръ.

Вл. Акимовъ.

КЛАССИФИКАЦІЯ ЛИЧНОСТЕЙ.

Низшій уровень.

I. Общая характеристика.

Существенными особенностями представителей низшаго психическаго уровня являются, какъ уже сказано было выше, общая бѣдность и примитивность ихъ психики. Эта примитивность сказывается, съ одной стороны, въ однообразіи и скудости ихъ проявленій (какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ), а съ другой—въ преобладаніи низшихъ, болѣе элементарныхъ психическихъ процессовъ надъ высшими, болѣе сложными. Какъ мышленіе, такъ и творческое воображеніе развиты у нихъ сравнительно слабо, въ то время какъ низшія интеллектуальныя функціи—память и воспріятіе—отличаются нерѣдко значительной остротой. Въ области эмоціональной и волевой это ведетъ къ преобладанію смутныхъ, плохо осознанныхъ влеченій надъ ясными, отчетливо формулированными цѣлями. Нерѣдко приходится также наблюдать преобладаніе чувственныхъ, органическихъ потребностей надъ высшими, идейными интересами. Надо, однако, оговориться, что этотъ послѣдній признакъ далеко не имѣетъ такого существеннаго значенія, какъ предыдущіе: стремленіе къ добру и справедливости, чувство долга или состраданія бываютъ свойственны—и иногда въ значительной степени — также и примитивной психикѣ малоодареннаго человѣка. Тѣмъ не менѣе, проявленія ихъ у представителей низшаго уровня будутъ, сообразно общему психическому складу этихъ людей, болѣе просты и однообразны, менѣе сознательны и координированы, чѣмъ у людей средняго и высшаго уровней.

Благодаря сравнительной бѣдности и примитивности психики у представителей низшаго уровня, физическая дѣятельность и физиче-

скія потребности занимаютъ въ ихъ жизни если не первенствующее, то, во всякомъ случаѣ, очень видное мѣсто. Это отражается, какъ мы сейчасъ увидимъ, и на ихъ профессіи, на ихъ интересахъ, времяпрепровожденіи и т. д. Конечно, и у представителей болѣе высокихъ уровней различныя чувственныя влеченія, а также склонность къ физическому, мышечному труду и физическимъ упражненіямъ могутъ быть развиты въ неменьшей, можетъ быть даже въ еще большей степени; но за то и психическая жизнь у нихъ несоизмѣримо богаче, такъ что центръ тяжести личности обычно перемѣщается все же въ сторону психическихъ (т. е. болѣе идейныхъ) проявленій и интересовъ. Между тѣмъ, въ низшемъ уровнѣ мы имѣемъ, въ большинствѣ случаевъ, обратное отношеніе.

Если таковы основныя черты представителей низшаго уровня, то очевидно, что принадлежность къ нему можетъ обусловливаться, помимо прирожденныхъ психо-физіологическихъ особенностей человѣка, также и извѣстными внѣшними обстоятельствами, способствующими развитію этихъ особенностей. На первомъ планѣ здѣсь слѣдуетъ поставить недостатокъ образованія и умственнаго развитія, а также отсутствіе правильнаго, идейнаго воспитанія. Правда, человѣкъ съ дарованіями можетъ пробиться даже сквозь толщу невѣжества и затѣмъ путемъ опыта и самообразованія пополнить свои познанія и развить свои умственныя и нравственныя способности; вѣрно также и то, что никакое воспитаніе и образованіе не можетъ превратить посредственность въ талантливаго, выдающагося человѣка. При всемъ томъ, однако, никто, разумѣется, не станетъ отрицать огромной важности упомянутыхъ факторовъ въ дѣлѣ повышенія или пониженія общаго психическаго уровня.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ также большая или меньшая матеріальная обезпеченность, при чемъ, однако, вліяніе ея сказывается далеко не всегда одинаково. Насколько иногда скудость средствъ, при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, способствуетъ выработкѣ сильныхъ, энергичныхъ характеровъ, настолько же крайняя бѣдность, постоянная необходимость заботиться о кускѣ хлѣба вліяетъ на человѣка принижающимъ, обезличивающимъ образомъ. При этомъ существенное значеніе имѣетъ не самый трудъ и не необходимость ограничивать свои потребности: эти два фактора могутъ, какъ уже сказано, даже способствовать повышенію психическаго уровня. Принижающимъ же образомъ дѣйствуетъ насильственность, навязанность труда, его примитивность и однообразіе, его несоотвѣтствіе запросамъ и по-

требностямъ человѣка,—а также полное отсутствіе досуга, необходимаго для того, чтобы выяснить самому себѣ эти потребности и запросы. И если эти условія не встрѣчаютъ достаточнаго противовѣса со стороны прирожденной психической организаціи человѣка, если его эндо-психика бѣдна и преобладающія психическія функціи недостаточно рѣзко выражены, то въ результатѣ окружающая среда затушевываетъ индивидуальность человѣка и, накладывая на него свой отпечатокъ, превращаетъ его въ своего рода машину, въ безличную частицу общаго соціальнаго механизма.

Къ такому же точно результату могутъ, однако, привести и условія, казалось бы, прямо противоположныя, именно—полная обезпеченность, чрезмѣрныя заботы со стороны окружающихъ, отсутствіе необходимости напрягать свои силы и способности въ борьбѣ за существованіе. Психическія функціи, такъ же какъ и физіологическія, для своего развитія требуютъ постояннаго упражненія, и отсутствіе его—все равно, зависитъ ли оно отъ искусственнаго подавленія функцій или отъ недостатка соотвѣтствующихъ возбудителей—одинаково понижаетъ общій психическій уровень человѣка. Постоянное предупрежденіе всѣхъ желаній и потребностей, чрезмѣрная роскошь и пресыщенность зачастую не меньше обезличиваютъ и разслабляютъ человѣка, чѣмъ самая тяжелая, безпросвѣтная нужда. Поэтому при описаніи отдѣльныхъ типовъ низшаго уровня намъ придется, между прочимъ, обращать вниманіе также и на то, какъ проявляется данный типъ, съ одной стороны, въ бѣдной и подчиненной средѣ, а съ другой—въ богатой и обезпеченной.

2.

Итакъ, представители низшаго уровня, къ какой бы группѣ они ни принадлежали, характеризуются, съ одной стороны, бѣдностью душевной жизни и преобладаніемъ низшихъ, болѣе элементарныхъ психическихъ функцій надъ высшими, а съ другой—своею подчиненностью окружающей средѣ, которая приспособляетъ ихъ къ себѣ и накладываетъ на нихъ свой отпечатокъ, въ большинствѣ случаевъ очень мало считаясь съ особенностями ихъ индивидуальности.

Эта примитивность психики и подчиненность средѣ опредѣляетъ собою въ значительной степени ихъ родъ занятій, соціальное положеніе, отношеніе къ людямъ и т. д. Будутъ ли они жить въ богатствѣ или въ бѣдности, будутъ ли они занимать низкое положеніе на ступеняхъ общественной лѣстницы или, силою случая и протекціи

попадутъ на высокій постъ,—все равно, другіе будутъ командовать ими и направлять ихъ желанія и дѣятельность сообразно своимъ собственнымъ цѣлямъ. Можно сказать даже, что это подчиненное положеніе является для нихъ болѣе характернымъ, чѣмъ выборъ той или иной профессіи: послѣдняя, какъ уже было сказано, опредѣляется зачастую чисто внѣшними условіями и воздѣйствіями, что, при слабо выраженной индивидуальности, не встрѣчаетъ здѣсь особеннаго сопротивленія со стороны самого человѣка; между тѣмъ неизбѣжность соціальнаго подчиненія прямо вытекаетъ изъ основныхъ особенностей низшаго уровня.

Тѣмъ не менѣе, принадлежность къ низшему уровню накладываетъ, въ большинствѣ случаевъ, свой отпечатокъ и на профессіональныя способности даннаго человѣка. Сравнительная бѣдность психической жизни благопріятствуетъ сосредоточенію упражненія и интересовъ на мускульной дѣятельности, выдвигая въ первую очередь занятія и профессіи, требующія значительной мышечной силы и ловкости, а также физической выносливости. Сюда могутъ быть причислены, напр., чернорабочіе всякаго рода, носильщики, кузнецы, солдаты-рядовые, сельскіе рабочіе и т. д. Этому способствуетъ и то обстоятельство, что въ современныхъ соціальныхъ условіяхъ мускульный, физическій трудъ играетъ всегда лишь служебную, подчиненную роль; поэтому люди, сколько-нибудь психически одаренные и находящіеся въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, обычно избѣгаютъ его, сосредоточивая свои силы на занятіяхъ, требующихъ умственнаго развитія и умственной дѣятельности. Что же касается слабосильныхъ, менѣе выносливыхъ представителей низшаго уровня, а также такихъ, которые выросли въ условіяхъ городской жизни и не привыкли къ тяжелому физическому труду, то они также находятъ себѣ примѣненіе въ другихъ профессіяхъ, требующихъ умственнаго труда столько же, сколько и физическаго: прислуга всякаго рода, писцы и мелкіе служащіе, приказчики и мелкіе торговцы, ремесленники, фабричные рабочіе и т. п. Но и здѣсь недостаточное развитіе высшихъ умственныхъ способностей накладываетъ на ихъ профессіональную дѣятельность свой отпечатокъ: они являются не болѣе, какъ простыми, механическими исполнителями, знающими и выполняющими только ту простую и однообразную работу (счетъ, переписка, выполненіе простыхъ порученій), которая была имъ указана; когда же случай выдвигаетъ ихъ на болѣе самостоятельный постъ, или же, желая испробовать ихъ, поручаютъ имъ болѣе слож-

ное дѣло, требующее соображенія и иниціативы, то они оказываются совершенно безпомощными: теряются, путаются, никакъ не могутъ приспособиться и, въ концѣ-концовъ, часто сами просятъ оставить ихъ при томъ скромномъ занятіи, которое соотвѣтствовало ихъ способностямъ.

Изъ того обстоятельства, что принадлежность человѣка къ низшему уровню предрасполагаетъ его къ занятію упомянутыми, сравнительно элементарными профессіями, нельзя, однако, дѣлать обратнаго вывода: не слѣдуетъ думать, что если человѣкъ всю свою жизнь занимался одной изъ перечисленныхъ профессій, то уже въ силу одного этого его слѣдуетъ причислить къ низшему уровню; другими словами—нельзя думать, будто занятіе той или иной профессіей само по себѣ уже является критеріемъ принадлежности къ тому или иному психическому уровню. Такой выводъ, разумѣется, совершенно не соотвѣтствовалъ бы дѣйствительному положенію вещей. Не говоря уже о томъ, что самая примитивная, черная работа не можетъ помѣшать человѣку совершенствовать свои нравственныя качества (вспомнимъ толстовскаго Акима изъ „Власти тьмы“ или нравственный героизмъ первыхъ христіанъ-рабовъ), но и широкая общественная, научная и т. п. дѣятельность можетъ быть въ иныхъ случаяхъ совмѣщена съ очень примитивной профессіей: апостолъ Павелъ добывалъ себѣ хлѣбъ дѣланіемъ палатокъ, Коперникъ до конца жизни былъ клирикомъ, знаменитый нѣмецкій слагатель пѣсенъ Гансъ Саксъ былъ сапожникомъ. Въ будущемъ, болѣе справедливомъ и цѣлесообразномъ общественномъ строѣ, быть можетъ, всѣ люди должны будутъ часть своего времени удѣлять ручному, физическому труду. И въ настоящее время среди людей, занимающихся перечисленными выше профессіями, имѣется, несомнѣнно, значительное число такихъ, которые по своимъ дарованіямъ должны быть причислены къ среднему или даже высшему уровню. Но съ такими людьми обычно бываетъ одно изъ двухъ: или они постепенно выдвигаются въ своей профессіи, начиная занимать уже болѣе отвѣтственные и сложные посты; или же, занимаясь профессіей ради куска хлѣба, они свои главныя силы и интересы сосредоточиваютъ на какомъ-нибудь другомъ дѣлѣ, личномъ или общественномъ: участіе въ какихъ либо организаціяхъ, занятіе спортомъ, нравственные и религіозные интересы и т. д. Мы же, говоря о представителяхъ низшаго уровня, имѣли въ виду лишь такихъ людей, для которыхъ рамки перечисленныхъ профессій являются какъ разъ соотвѣтствующими ихъ силамъ и способностямъ и у которыхъ

свои собственные личные интересы столь же несложны и примитивны, какъ и ихъ профессія.

До сихъ поръ рѣчь шла о такихъ профессіяхъ, которыми вынуждены бываютъ заниматься люди, живущіе въ нуждѣ или, по крайней мѣрѣ, въ условіяхъ недостаточной матеріальной обезпеченности. Однако и въ богатой, обезпеченной средѣ имѣется также вполнѣ достаточно, если не профессій, то своего рода „родовъ занятій", выработанныхъ современнымъ общественнымъ строемъ и какъ бы спеціально приспособленныхъ для представителей низшаго психическаго уровня. Всѣ эти пустые свѣтскіе фаты и ловеласы, съ утра до вечера гранящіе панели большихъ городовъ, или дамы „просто пріятныя" и „пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ", весь свой день наполняющія визитами и нескончаемой болтовней, должны быть, очевидно, отнесены къ низшему психическому уровню. Сюда же могутъ быть причислены и тѣ добрые, но слабые и недалекіе люди, которые до того бываютъ скованы и подавлены традиціями и условностями окружающей ихъ среды, что несмотря на матеріальную обезпеченность, всю свою жизнь чисто механически тянутъ лямку навязанныхъ и ненравящихся имъ занятій (пріемы, выѣзды, офиціальная благотворительность), не будучи въ состояніи устроить, какъ слѣдуетъ, свою собственную, личную жизнь и свое собственное счастье, или лѣнивые и благодушные обжоры, предпочитающіе хорошее блюдо самой блестящей общественной карьерѣ и самымъ утонченнымъ эстетическимъ наслажденіямъ и исподоволь проѣдающіе унаслѣдованное ими состояніе. Всѣ эти и имъ подобные типы обладаютъ основными особенностями низшаго психическаго уровня: бѣдность и примитивность психики, преобладаніе низшихъ, болѣе элементарныхъ психическихъ функцій надъ высшими, полная подчиненность окружающей средѣ. Въ то же время, несмотря на всю очевидную ненужность ихъ „занятій", они занимаютъ вполнѣ опредѣленное мѣсто въ современномъ соціальномъ строѣ, являясь, пожалуй, лишнимъ доказательствомъ того, что въ созданіи общественнаго строя принимаютъ участіе не только чисто внѣшніе факторы, но также психологическія и характерологическія особенности разныхъ человѣческихъ группъ и разновидностей.

3.

Особенности психическаго уровня отражаются въ значительной степени также и на отношеніи человѣка къ людямъ и обществу. Какъ уже сказано было выше, принадлежность къ низшему уровню еще

не исключаетъ возможности нравственныхъ и альтруистическихъ чувствованій; но она накладываетъ на нихъ особый, своеобразный отпечатокъ, придавая имъ столь характерную для низшаго уровня примитивность и недостаточную сознательность. Эти люди могутъ быть добры и привязчивы, могутъ добросовѣстно стремиться къ выполненію своего долга, даже если это противорѣчитъ ихъ интересамъ,—и тѣмъ не менѣе, всегда есть на лицо что-то такое, что мѣшаетъ ихъ добротѣ и нравственнымъ стремленіямъ проявиться съ достаточной яркостью и опредѣленностью и принести желаемые результаты. Или это неустойчивость, непродолжительность благихъ порывовъ, мѣшающая имъ перейти въ дѣло; или малая сознательность, недостаточная оріентированность въ окружающей средѣ, неумѣнье разбираться въ цѣляхъ и средствахъ, ведущихъ къ ихъ достиженію: мать, которая своимъ баловствомъ только портитъ горячо любимаго сына; или, наконецъ, недостаточная координированность, объединенность чувствованій и стремленій, ведущая къ тому, что у одного и того же человѣка, на ряду съ проблесками добрыхъ чувствъ, приходится констатировать иногда удивительную черствость и даже жестокость: явленіе, встрѣчающееся не только въ грубыхъ, невѣжественныхъ слояхъ общества, но, пожалуй не менѣе часто также и у свѣтскихъ, вылощенныхъ представителей низшаго психическаго уровня [1]). Все это ведетъ къ тому, что альтруистическія побужденія даже у людей нравственныхъ и не злыхъ по своей природѣ не могутъ достигнуть здѣсь той чуткости и отзывчивости, той удивительной способности живо проникнуться чужимъ горемъ и чужою радостью, которыя столь характерны для альтруистовъ болѣе высокаго душевнаго уровня.

Не менѣе существенно также вліяніе, которое принадлежность къ низшему уровню оказываетъ на отношеніе человѣка къ обществу и общественнымъ дѣламъ, на его міросозерцаніе, интересы и т. д. Благодаря слабой идейности и недостаточной сознательности интересы этихъ людей обычно бываютъ узки и ограничены: у мелкаго чиновника — это интересы его канцеляріи и то, что съ ними непосредственно связано, у дамы изъ общества—интересы опредѣленнаго, сравнительно небольшого круга ея знакомыхъ и т. д. Въ этомъ отношеніи всѣ они напоминаютъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ

---

[1]) Въ дѣлѣ объ убійствѣ Маріанны Тиме, поражавшемъ своею безсмысленною и при томъ обдуманной жестокостью, всѣ свидѣтели, знавшіе Далматова раньше, въ одинъ голосъ говорили о томъ, какой онъ былъ милый, воспитанный и *мягкій* молодой человѣкъ.

Гоголя (Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна), у которыхъ рѣдкое желаніе переходило за предѣлы частокола, окружавшаго ихъ усадьбу, или за избы ихъ деревни. Правда, они читаютъ газеты и иногда книги, встрѣчаются съ людьми на улицѣ и въ публичныхъ мѣстахъ,—но все это скользитъ обыкновенно мимо, не затрогивая ихъ сколько-нибудь глубоко и, во всякомъ случаѣ, не опредѣляя собой линіи ихъ дальнѣйшаго поведенія. О какомъ либо стройномъ, опредѣленномъ міросозерцаніи, охватывающемъ ихъ жизнь и направляющемъ ихъ дѣятельность, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Ихъ знанія объ окружающемъ мірѣ отрывочны и несогласованы, ихъ идеалы смутны и неясны, правила ихъ поведенія случайны и противорѣчивы. Если даже благопріятныя условія дали имъ возможность получить образованіе (хотя бы и высшее), то оно остается обычно мертвымъ балластомъ, очень мало вліяющимъ на ихъ жизнь и дѣятельность. Именно для людей низшаго психическаго уровня главное значеніе образованія заключается не въ знаніяхъ, которыя они получаютъ, а въ дипломѣ, дающемъ имъ возможность болѣе удобно пристроиться.

Участіе въ какихъ бы то ни было общественныхъ дѣлахъ обычно мало ихъ привлекаетъ. Это происходитъ, конечно, не потому, чтобы они были убѣжденными, сознательными индивидуалистами (къ этому они также неспособны), а просто потому, что всякое общественное дѣло требуетъ, во-первыхъ, умѣнья въ немъ оріентироваться, а во-вторыхъ—извѣстнаго запаса и напряженія душевныхъ силъ, и иногда довольно значительнаго. Если же необходимость все-таки заставляетъ ихъ принять участіе въ какомъ либо коллективномъ, общественномъ предпріятіи, то участіе это чаще всего бываетъ чисто пассивнымъ: не будучи въ состояніи проявить иниціативу, наложить на ходъ дѣла свой индивидуальный отпечатокъ, они ограничиваются обыкновенно лишь тѣмъ, что выполняютъ, насколько могутъ, предъявляемыя къ нимъ требованія, возлагая въ остальномъ свои надежды на другихъ, болѣе сильныхъ и одаренныхъ.

Охарактеризовавши, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ важнѣйшія особенности низшаго психическаго уровня, перейдемъ теперь къ описанію главнѣйшихъ его группъ и разновидностей.

II. Чистые.

Чистыми типами, какъ уже сказано, мы называемъ такіе, у которыхъ одна какая-нибудь группа основныхъ психическихъ функцій развита и проявляется больше другихъ, придавая всей личности чело-

вѣка особый, своеобразный отпечатокъ. Для полученія чистаго типа необходимо, чтобы внѣшнія обстоятельства хотя бы до нѣкоторой степени содѣйствовали развитію и укрѣпленію основныхъ психическихъ чертъ даннаго человѣка, такъ какъ только при этихъ условіяхъ прирожденный складъ характера можетъ обнаружиться достаточно ярко и отчетливо; въ противномъ же случаѣ экзо-психика не будетъ соотвѣтствовать эндо-психикѣ, общая конструкція личности нарушается, развитіе ея задерживается, и мы получимъ ту или иную разновидность извращеннаго типа.

Условіе это представляется особенно важнымъ для индивидуумовъ низшаго психическаго уровня. Чѣмъ богаче и выше общій душевный складъ личности, тѣмъ болѣе стойки ея индивидуальныя особенности, тѣмъ упорнѣе стремятся они проявиться даже при сравнительно неблагопріятныхъ условіяхъ. Если люди средняго психическаго уровня сами стараются выбрать себѣ ту профессію и тотъ образъ жизни, которые соотвѣтствуютъ ихъ эндо-психикѣ, если представители высшаго уровня пытаются даже передѣлывать жизнь, искусство, науку и т. д. примѣнительно къ требованіямъ своей индивидуальности, то для низшаго уровня все это недоступно: люди эти становятся, по своему психическому складу, чистыми или извращенными исключительно въ зависимости отъ того, какими сдѣлала ихъ жизнь и окружающая обстановка. А такъ какъ условія жизни часто мѣняются, то и типы низшаго уровня не могутъ отличаться такой чистотой и постоянствомъ, какъ это бываетъ у людей болѣе одаренныхъ.

Что касается подраздѣленія чистыхъ типовъ низшаго уровня, то здѣсь, какъ уже сказано было выше, основнымъ принципомъ дѣленія является преобладаніе интеллекта, чувства или дѣйствія; дальнѣйшія же разновидности возникаютъ благодаря тому, что каждая изъ трехъ названныхъ областей душевной жизни представляетъ собою сложный комплексъ явленій, которыя опять-таки далеко не всегда бываютъ одинаково сильно развиты. Слѣдуетъ еще добавить, что интеллектуальные типы, благодаря общимъ особенностямъ низшаго психическаго уровня, почти не встрѣчаются здѣсь въ сколько-нибудь чистомъ видѣ; гораздо чаще можно встрѣтить другой типъ (свойственный также и болѣе высокимъ уровнямъ), который мы предлагаемъ назвать „разсудочнымъ“.

1. Разсудочные.

Характерная особенность разсудочнаго типа состоитъ въ томъ, что всякое дѣйствіе или поступокъ сопровождается предварительнымъ,

и иногда весьма обстоятельнымъ обсужденіемъ мотивовъ. Интеллектуальная дѣятельность направлена здѣсь, слѣдовательно, не столько на расширеніе умственнаго кругозора или на выясненіе тѣхъ или иныхъ теоретическихъ проблемъ, сколько на рѣшеніе разныхъ практическихъ, прикладныхъ вопросовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ повседневной, обыденной жизни („интеллектъ практическаго склада“ или благоразуміе по Бэну). Это обстоятельство дѣлаетъ представителей даннаго типа разсчетливыми, систематическими въ своихъ дѣйствіяхъ и спокойно-разсудительными въ рѣчахъ и во всемъ ихъ поведеніи. Бережливые, аккуратные, склонные къ порядку, они обычно отличаются значительной предусмотрительностью, стараясь заранѣе высчитать выгоды и невыгоды всякаго предстоящаго имъ поступка. Всегда склонные къ разсужденіямъ, они пространно и подолгу обсуждаютъ въ разговорахъ съ окружающими какъ свои, такъ и чужіе дѣла и поступки; въ тѣхъ же случаяхъ, когда возрастъ или положеніе даютъ къ этому поводъ, охотно и съ важностью берутъ на себя роль ментора, поучая окружающихъ и высказывая цѣлый рядъ болѣе или менѣе глубокомысленныхъ сентенцій.

Однако, принадлежность къ низшему психическому уровню накладываетъ рѣзкій, характерный отпечатокъ какъ на ихъ разсужденія, такъ и на всѣ вообще ихъ дѣйствія. Не обладая наблюдательностью или сколько-нибудь развитымъ мышленіемъ, люди эти медленно и туго воспринимаютъ, плохо соображаютъ и недостаточно осмысливаютъ; благодаря этому они лишены возможности самостоятельно относиться къ явленіямъ окружающей жизни, по своему ихъ передумывать и истолковывать. Разсужденія ихъ обыкновенно безплодны, мысли ихъ неоригинальны; подобно одному изъ чеховскихъ героевъ, они всегда говорятъ лишь то, что уже всѣмъ извѣстно. Иногда, впрочемъ, и они пытаются высказать какую-нибудь собственную мысль или пуститься въ сложное разсужденіе, но изъ этого обыкновенно ничего не выходитъ, кромѣ скучнаго, безплоднаго резонерства. Въ интеллигентномъ обществѣ такіе неумные резонеры бываютъ обыкновенно оцѣнены по достоинству, въ средѣ же невѣжественной, малокультурной они нерѣдко производятъ впечатлѣніе и слывутъ за умныхъ людей, въ особенности если ихъ имущественное и общественное положеніе возвышаетъ ихъ надъ другими.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно ихъ дѣйствій, всегда отличающихся подражательностью, отсутствіемъ какой бы то ни было иниціативы. Удачное копированіе чужого („все какъ у людей“) они

считаютъ высшимъ, къ чему только можно и должно стремиться, всякое же новое, смѣлое начинаніе пугаетъ ихъ и представляется имъ совершенно непріемлемымъ. Въ то же время дѣятельность ихъ, несмотря на постоянные разсчеты и разсужденія, далеко не всегда носитъ цѣлесообразный характеръ. Недалекіе въ умственномъ отношеніи, лишенные изобрѣтательности и остроумія, они очень часто ошибаются въ своихъ—казалось бы весьма обстоятельныхъ—разсчетахъ и сплошь и рядомъ упускаютъ изъ виду если не самое главное, то, по крайней мѣрѣ, очень существенныя детали. Благодаря этому ихъ успѣхи въ дѣятельности и жизни даже въ случаѣ удачи бываютъ лишь посредственны и никогда не могутъ достигнуть той степени, какъ у болѣе одаренныхъ представителей разсудочнаго типа.

Благодаря узости умственнаго кругозора и полному почти отсутствію высшихъ идейныхъ интересовъ всѣ разсчеты этихъ людей бываютъ обыкновенно направлены на удовлетвореніе и обезпеченіе ближайшихъ, непосредственныхъ—чаще всего матеріальныхъ—запросовъ и потребностей. Отсюда ихъ эгоизмъ, постоянная забота о себѣ, тѣмъ болѣе бросающіеся въ глаза, что сами они, повидимому, далеко не всегда отдаютъ себѣ въ нихъ отчетъ; такъ, постоянно думая и заботясь лишь объ удовлетвореніи своихъ собственныхъ интересовъ, они въ то же время могутъ съ паѳосомъ повторять избитыя фразы о долгѣ и самоотверженіи, совершенно искренно считая себя людьми благородными и весьма добродѣтельными. Иногда, правда, заботы ихъ распространяются также и на другихъ людей, почему-нибудь имъ близкихъ (семья, родственники); но это бываетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда люди эти нужны для нихъ самихъ, представляясь чѣмъ-то въ родѣ жизненной обстановки, необходимой для спокойнаго и довольнаго ихъ существованія.

Благодаря своей разсчетливости и благоразумію разсудочные низшаго уровня, несмотря на свою умственную недалекость, могутъ все же, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, достигнуть нѣкотораго успѣха въ жизни. Въ такихъ случаяхъ они дѣлаются обычно крайне самодовольными и самоувѣренными, чему въ значительной степени способствуетъ ихъ глупость, мѣшающая видѣть свои промахи и критически относиться къ своимъ недостаткамъ. Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда жизнь ихъ не особенно балуетъ, на первый планъ выступаютъ другія, противоположныя черты, тѣсно связанныя со всей ихъ эндо-психикой: робость и неувѣренность въ себѣ, склонность къ постояннымъ колебаніямъ, преувеличенная осторожность и неспособ-

ность рѣшиться на что либо опредѣленное. Отсюда ихъ консерватизмъ, принимающій, вслѣдствіе ихъ недомыслія, крайне узкія и часто совершенно безсмысленныя формы. Хорошимъ образчикомъ такого консерватизма можетъ служить чеховскій „человѣкъ въ футлярѣ", учитель греческаго языка Бѣликовъ, который боялся буквально всего и своей мнительностью давилъ не только себя, но и всѣхъ окружающихъ. Его лейтмотивомъ было: „ахъ, какъ бы чего не вышло!" „Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что-нибудь... Въ разрѣшеніи же и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что-то недосказанное и смутное". Онъ инстинктивно боялся всего живого, дѣйствующаго и развивающагося, „и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни".

Развитію и сформированію подобныхъ типовъ способствуетъ, прежде всего, такая обстановка, гдѣ все сосредоточено на удовлетвореніи элементарныхъ, чисто матеріальныхъ потребностей, при чемъ руководящими правилами жизни и поведенія служатъ застывшіе, разъ на всегда установленные шаблоны, мѣшающіе всякому сколько-нибудь живому проявленію личности. Точно также и въ общественной жизни рутина и преобладаніе формы надъ содержаніемъ, а также отсутствіе живыхъ и энергичныхъ людей, могущихъ стать руководителями общественнаго мнѣнія, благопріятствуютъ усиленію и процвѣтанію разсудочныхъ типовъ низшаго психическаго уровня.

Въ качествѣ образца приведемъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ „Войны и мира" Толстого, именно—жениха, а затѣмъ мужа Вѣры Ростовой—Берга.

Вначалѣ гвардейскій поручикъ, а впослѣдствіи полковникъ, занимающій „покойное и пріятное мѣсто помощника перваго отдѣленія начальника штаба второго корпуса", Адольфъ Бергъ отличался хорошимъ здоровьемъ и спокойнымъ, ровнымъ характеромъ. Всегда безупречно вымытый, застегнутый и причесанный, въ чистенькомъ съ иголочки мундирѣ, съ припомаженными напередъ височками, Бергъ вообще тщательно слѣдилъ за внѣшностью, наблюдая во всемъ аккуратность и порядокъ. Та же печать спокойной разсудительности лежитъ и на всѣхъ остальныхъ его дѣйствіяхъ. Говорилъ онъ „всегда очень точно, спокойно и учтиво". Отличался большой пунктуальностью: приглашая Пьера Безухова къ себѣ на вечеръ, проситъ пріѣхать „такъ, безъ 10-ти минутъ въ восемь". Еще будучи молодымъ человѣкомъ, очень подробно, по пунктамъ разсчитываетъ, почему ему выгоднѣе служить въ гвардіи, а не въ кавалеріи. Особенно ярко проявляется его разсудительность въ отношеніи къ браку и семейной жизни: 4 года тому назадъ онъ рѣшилъ жениться на Вѣрѣ

Ростовой; „теперь, сообразивъ ихъ и свое положеніе, рѣшилъ, что пришло время, и сдѣлалъ предложеніе“; любитъ Вѣру за то, что „у нея характеръ разсудительный“,—не то, что у живой, талантливой сестры ея Наташи; спокойно и съ почтительной улыбкой торгуется о приданомъ съ смутившимся и растерявшимся графомъ, своимъ будущимъ тестемъ; не хочетъ скоро имѣть дѣтей. Въ то же время, несмотря на всю свою разсудительность, Бергъ, однако, положительно глупъ и совершенно неспособенъ къ какому бы то ни было оригинальному, самостоятельному поступку. Разсказывая съ увлеченіемъ на вечерѣ у Ростовыхъ о тѣхъ выгодахъ, какія ему сулитъ переходъ въ гвардію, онъ не замѣчаетъ ни колкихъ насмѣшекъ своего собесѣдника, ни насмѣшливаго равнодушія окружающихъ. Уже достигши зрѣлаго возраста и чиновъ, онъ всетаки продолжаетъ рѣшительно во всемъ, до послѣднихъ мелочей подражать тѣмъ, кто стоитъ выше его по своему общественному положенію: волоса онъ зачесываетъ височками впередъ, какъ государь Александръ Павловичъ, дрожки у него такія же, какія были у одного князя, устраивая у себя вечеръ, изо всѣхъ силъ старается, чтобы вечеръ какъ двѣ капли воды походилъ на другіе вечера, которые ему приходилось видѣть, и крайне радуется, что удалось этого достигнуть, послѣ Бородинскаго сраженія отпросился изъ арміи въ Москву, хотя ему и нечего было тамъ дѣлать, только потому, что всѣ другіе просились, разсказывая о битвѣ, повторяетъ лишь чужія слова, къ тому же перевирая ихъ, и т. д. Одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ Берга составляетъ эгоизмъ, наивный и безграничный, доходящій до настоящей самовлюбленности. Въ обществѣ онъ безъ конца могъ говорить о своихъ выгодахъ и разсчетахъ, какъ бы не подозрѣвая того, что у другихъ людей также могутъ быть свои интересы; даже въ трагическую минуту очищенія Москвы передъ наступающимъ непріятелемъ, заставши у Ростовыхъ полный разгромъ, осложнившійся еще семейнымъ конфликтомъ, онъ не можетъ удержаться, чтобы не попросить у нихъ для себя понравившуюся ему шифоньерочку съ туалетомъ. Его скупость характерно подчеркивается въ разговорѣ съ пріятелемъ о предстоящей женитьбѣ: „вотъ будете приходить къ намъ... онъ хотѣлъ сказать обѣдать, но раздумалъ и сказалъ: чай пить“. Все это, однако, не мѣшаетъ ему считать себя весьма добродѣтельнымъ и почтеннымъ человѣкомъ и снисходительно относиться къ своей женѣ, которую онъ искренно (и совершенно несправедливо) считаетъ ниже себя. Есть у него также и свои понятія о долгѣ и счастьѣ, конечно, цѣликомъ заимствованныя извнѣ и сводящіяся къ чинопочитанію, выполненію традиціонныхъ семейныхъ обязательствъ и внѣшнему, матеріальному благоустройству.

2. Аффективные.

Какъ показываетъ уже самое названіе, характерную особенность этого типа составляетъ преобладаніе чувствованій, при чемъ на первый планъ выступаютъ аффекты, т. е., тотъ родъ чувствованій, который отличается обиліемъ внѣшнихъ, физіологическихъ проявленій. Вообще низшія, болѣе элементарныя чувства (напр., органическія или чувства связанныя съ внѣшними впечатлѣніями) преобладаютъ здѣсь

надъ высшими, идейными эмоціями,—что вполнѣ согласуется съ принадлежностью этихъ типовъ къ низшему психическому уровню. Но и аффекты по своему содержанію или по тѣмъ объектамъ, которые ихъ возбуждаютъ, могутъ имѣть различное направленіе; кромѣ того, въ нихъ можетъ преобладать или объективная сторона (внѣшнія проявленія), или же субъективная, т. е., самое чувство, переживаемое человѣкомъ. Этимъ обусловливаются разновидности даннаго типа, иногда довольно существенно отличающіяся другъ отъ друга. Изъ нихъ наиболѣе ярко выраженную группу составляютъ:

а) Подвижные (живые).

Подвижные или живые, близко напоминающіе по своему общему складу такъ называемый сангвиническій темпераментъ. Различнаго рода аффекты (радость, гнѣвъ, страхъ, надежда, удивленіе и т. д.) возникаютъ у нихъ очень легко, но въ то же время отличаются крайней неустойчивостью; несмотря на обиліе внѣшнихъ проявленій (возгласы, слезы, разнаго рода мимическія и пантомимическія движенія), чувства ихъ никогда не достигаютъ такой глубины и силы, чтобы въ теченіе сколько-нибудь значительнаго времени давать однообразное направленіе ихъ поведенію и дѣятельности. Этимъ обусловливается цѣлый рядъ очень характерныхъ для нихъ экзо-проявленій. По отношенію къ людямъ они добродушны и незлопамятны, несмотря на довольно часто бывающія вспышки гнѣва; однако къ сколько-нибудь прочнымъ, глубокимъ привязанностямъ почти неспособны. Въ любви ихъ привлекаетъ легкій флиртъ, кокетство; они непостоянны и склонны къ измѣнамъ, не столько ради удовлетворенія чувственнаго влеченія, сколько изъ любопытства. Любятъ обиліе впечатлѣній, городскую жизнь, шумное, свѣтское общество, внѣшній блескъ, роскошь. Склонны къ веселью и развлеченіямъ. Увлекаются болтовней и всякаго рода сплетнями. Къ обязанностямъ своимъ (напр., служебнымъ) относятся небрежно, къ систематическому труду совершенно неспособны. Если и возникнетъ у нихъ иной разъ, благодаря чужому вліянію или какому-нибудь необычайному происшествію, благой порывъ, хорошее, идеалистическое стремленіе, то ненадолго: они проходятъ такъ же быстро, какъ и безслѣдно. Въ лучшемъ случаѣ они продолжаются до перваго, хотя бы ничтожнаго препятствія. Такъ, „маловѣрная дама“ Хохлакова изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ искренно мечтаетъ иногда пойти въ сестры милосердія и обмывать гнойныя язвы, но „малѣйшая неблагодарность“ ее тотчасъ же расхолаживаетъ.

Въ тѣсной связи съ повышенной аффективной возбудимостью и обиліемъ внѣшнихъ проявленій чувства находится значительная подвижность, проявляющаяся у представителей этого типа крайней непосѣдливостью, склонностью къ жестикуляціи, развитой мимикой и т. п. Въ „Войнѣ и мирѣ“ есть характерная сценка о томъ, какъ адъютантъ Жерковъ, веселый, легкомысленный и подвижной субъектъ, игравшій въ штабной компаніи роль шута, забавлялъ своихъ товарищей тѣмъ, что очень похоже и смѣшно передразнивалъ высшее начальство тутъ же, въ его присутствіи; когда же начальство, услышавши смѣхъ окружающихъ, оборачивалось, Жерковъ успѣвалъ въ одинъ моментъ снова принять почтительную, офиціально-напряженную позу [1]). Для характеристики его можно добавить, что субъектъ этотъ продолжалъ свои шутовскія выходки и послѣ того, какъ было получено трагическое извѣстіе о полномъ пораженіи союзной арміи,— за что и получилъ рѣзкій нагоняй отъ мрачно-сосредоточеннаго, серьезно настроеннаго Болконскаго. Болтливость лицъ этого типа есть, въ сущности, также не что иное, какъ результатъ, съ одной стороны, ихъ повышенной двигательной возбудимости (возбужденіе двигательно-рѣчевого аппарата), а съ другой — ихъ постояннаго стремленія излить наружу свои чувства, подѣлиться своими впечатлѣніями въ любую минуту и съ первымъ попавшимся встрѣчнымъ [2]).

Что касается умственной сферы, то повышенная аффективная возбудимость вызываетъ интересъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и, въ связи съ этимъ, нѣкоторую наблюдательность. Однако, интересъ этотъ поверхностенъ, а наблюдательность не отличается полнотой и систематичностью. Крайняя неустойчивость чувствованій не позволяетъ сосредоточить вниманіе въ теченіе сколько-нибудь продолжительнаго времени на одномъ и томъ же объектѣ, а принадлежность къ низшему психическому уровню подразумѣваетъ недостаточное развитіе мыслительныхъ процессовъ. Поэтому здѣсь приходится говорить не столько о любознательности, сколько о поверхностномъ любопытствѣ; этимъ же обусловливается слабое умственное развитіе и недостаточная начитанность лицъ этого типа, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда,

---

[1]) Совершенно аналогичное поведеніе 12-лѣтняго шалуна-мальчика, принадлежащаго къ тому же типу, описано Румянцевымъ въ статьѣ: „Матеріалы для характеристики“, „Вѣстн. психол.“, годъ II, вып. 7.

[2]) См. по этому поводу характерологическій анализъ болтливости въ моихъ „Школьныхъ характеристикахъ“, 2-е изд. 1913 г., стр. 160 и слѣд.

волею судебъ или вслѣдствіе побужденій извнѣ, имъ удалось получить дипломъ средней или высшей школы.

Недостаточность умственной дѣятельности, въ связи съ описанными выше особенностями аффективной жизни, отражается также и на волевой сферѣ этихъ субъектовъ, обусловливая собой недостаточную обдуманность мотивовъ, отсутствіе предусмотрительности, чрезмѣрную поспѣшность и легкомысліе ихъ поступковъ. Отсюда ихъ мотовство, расточительность и вообще полное неумѣнье устроить свои имущественныя и денежныя дѣла; отсюда же легкомысленное отношеніе къ выполненію взятыхъ на себя обязательствъ,—будетъ ли это касаться ихъ частныхъ отношеній, или же общественныхъ, служебныхъ и другихъ дѣлъ.

Изъ всего сказаннаго уже заранѣе ясно, какія условія являются наиболѣе подходящими для образованія и яркаго проявленія этого типа. Легкая, праздная жизнь, преимущественно на чужой счетъ, безъ необходимости заботиться не только о кускѣ хлѣба, но и вообще о своемъ будущемъ. У женщинъ—это жизнь на счетъ мужа или содержателя, при чемъ пустая, легкомысленная болтовня такой женщины, ея капризная измѣнчивость и кокетство, въ особенности при красивой наружности, являются даже своего рода достоинствами, привлекающими къ ней обожателей. У мужчинъ—это принадлежность къ богатой семьѣ, родственныя связи, позволяющія человѣку, благодаря протекціи, безъ всякаго труда съ его стороны, весело и беззаботно проходить заранѣе предначертанную ему карьеру. При этомъ полученіе содержанія извнѣ даже предпочтительнѣе, чѣмъ обладаніе большимъ имуществомъ, такъ какъ для распоряженія послѣднимъ требуется все же хотя бы небольшое умѣнье и энергія.

Въ случаѣ отсутствія этихъ условій чистота типа нарушается: веселое настроеніе смѣняется ворчливымъ и недовольнымъ, появляются капризы, жалобы на все окружающее, выступаетъ мало замѣтный дотолѣ эгоизмъ мелкой натуры, однимъ словомъ, намѣчается переходъ къ одному изъ извращенныхъ типовъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Хорошенькая, легкомысленно-веселая „маленькая княгиня“ Болконская, очень близко подходящая къ описанному типу, до своего замужества слыла „самой обворожительной женщиной въ Петербургѣ“; выйдя же замужъ за серьезнаго, идеально-настроеннаго князя Андрея и живя въ деревнѣ съ его отцомъ, умнымъ, но тяжелымъ по своему характеру старикомъ и съ его сестрой, всегда замкнутой и углубленной въ себя, княгиня чувствовала себя глубоко

несчастной и отводила душу только сплетнями съ француженкой-компаньонкой и случайными пріѣздами гостей изъ Петербурга.

У представителей только что описанной разновидности аффективнаго типа интересы направлены преимущественно на общеніе съ окружающими людьми, при чемъ главными движущими пружинами являются любопытство и отчасти тщеславіе. Но, какъ уже сказано было выше, объекты, возбуждающіе чувство, могутъ принадлежать также и къ другимъ областямъ окружающей жизни; благодаря этому намѣчаются еще двѣ разновидности аффективнаго типа, именно—люди, живущіе *чувственными наслажденіями* и люди, склонные къ *мечтательности*.

b) Чувственные.

Чувственные, принадлежащіе къ низшему психическому уровню, характеризуются тѣмъ, что главный интересъ ихъ жизни сосредоточивается на удовлетвореніи нѣкоторыхъ, чисто органическихъ влеченій и потребностей, главнымъ образомъ желудочныхъ и половыхъ. При этомъ эстетическая сторона дѣла, участіе высшихъ органовъ чувствъ (зрѣнія, слуха), вообще, все, что возвышаетъ и облагораживаетъ удовлетвореніе органическихъ потребностей, отступаетъ обычно на второй планъ, и инстинктъ проявляется во всей своей первобытной наготѣ, въ видѣ обжорства, грубаго разврата и т. д. Въ остальныхъ своихъ чертахъ люди эти обнаруживаютъ только что описанныя проявленія аффективнаго типа. Примѣромъ такой разновидности можетъ служить хотя бы безсмертный гоголевскій Петръ Петровичъ Пѣтухъ. Правда, нѣкоторыя его свойства, именно остроуміе, расторопность, гостепріимство указываютъ на то, что у него были, вѣроятно, задатки болѣе высокаго психическаго уровня; но въ силу ли условій воспитанія и среды, или благодаря сосредоточенію интереса на чувственныхъ потребностяхъ и влеченіяхъ, способности его заглохли, и онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ мы его знаемъ,—обжорой и хлѣбосоломъ, весело и безпечно проѣдающимъ унаслѣдованное состояніе. Приведемъ краткую его характеристику.

Непомѣрно толстый, благодаря своему обжорству („точный арбузъ или боченокъ"), Пѣтухъ былъ, тѣмъ не менѣе, крайне подвиженъ, веселъ, общителенъ и разговорчивъ. Захваченный гостемъ на рыбной ловлѣ, голымъ, онъ, однако, успѣлъ опередить его и уже одѣтымъ встрѣтить на крыльцѣ своего дома: „какъ онъ успѣлъ такъ слетать—было непостижимо". Всегда торопитъ слугъ и самъ торопится. Встрѣчая гостя, заключаетъ его въ свои объятія. За обѣдомъ говоритъ не умолкая, пересыпаетъ разговоръ всякими присказками и прибаутками. Всегда веселъ, такъ что даже вызываетъ зависть скучающаго

гостя Платонова. Съ азартомъ ловитъ рыбу, самъ полѣзъ въ воду, чтобы не упустить крупнаго осетра и, поймавъ его, съ торжествомъ показываетъ Чичикову. Но главная его страсть—это ѣда. Достаточно вспомнить, съ какимъ страстнымъ увлеченіемъ заказываетъ онъ на завтра обѣдъ повару „подсмактывая и подшлепывая губами", въ какія подробности входитъ при этомъ и какъ много употребляетъ на это времени. По его словамъ, ему некогда скучать, такъ какъ то и дѣло приходится или ѣсть, или заказывать ѣду, или отдыхать послѣ ѣды. На прогулкѣ, вмѣсто того, чтобы любоваться чуднымъ вечеромъ, онъ „думалъ о томъ, какъ бы окормить своихъ гостей". За то всѣ остальныя дѣла идутъ у него вкривь и вкось. Имѣніе заложено, потому что „всѣ закладываютъ: какъ же отставать отъ другихъ?"; кромѣ того „сыновья уговариваютъ, хотятъ просвѣщенія столичнаго"; сыновья же его—пустые фаты, только и мечтающіе о столичныхъ удовольствіяхъ въ видѣ кондитерскихъ, вышивки и шатанья по бульварамъ. Правда, въ отношеніяхъ къ людямъ онъ добръ, что выражается особенно въ его радушномъ гостепріимствѣ; но и самое это гостепріимство, въ которое онъ всаживаетъ все свое состояніе, по существу нелѣпо: всѣ старанія его направлены на то, чтобы напихать гостей сверхъ мѣры и желанія, лишить ихъ по крайней мѣрѣ на полъ-дня возможности двигаться и, въ концѣ концовъ, непомѣрной ѣдой разстроить имъ пищевареніе.

c) *Мечтатели.*

Если у чувственныхъ интересъ сосредоточенъ на наслажденіяхъ чисто органическаго характера, то у *мечтателей*, благодаря большему развитію воображенія (главнымъ образомъ воспроизводящаго, такъ какъ къ творчеству они неспособны), мы встрѣчаемся уже съ болѣе идеальными стремленіями: имъ не чужда эстетика и своего рода благородство въ обращеніи и поступкахъ. Такъ, Маниловъ („Мертвыя души" Гоголя), принадлежащій къ этому типу, любилъ, сидя въ своемъ креслѣ и покуривая трубку, помечтать и побесѣдовать о разнаго рода высокихъ матеріяхъ: о дружбѣ, философіи, о всякихъ грандіозныхъ проектахъ и предпріятіяхъ; въ саду у него разбиты клумбы, подстрижены деревья и стоитъ бесѣдка съ надписью: „храмъ уединеннаго размышленія"; съ женой онъ очень друженъ, къ гостямъ относится радушно, а къ друзьямъ даже восторженно, всегда готовъ искренно услужить имъ (напр., отказался взять съ Чичикова деньги за проданныя ему мертвыя души); даже преисполненъ уваженія къ закону: придавши своему лицу чрезвычайно глубокое выраженіе, спрашиваетъ Чичикова, не будетъ ли предложенное имъ предпріятіе „или, чтобъ еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція,... несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи?"

Однако, принадлежность къ низшему психическому уровню (т. е.,

главнымъ образомъ: общая бѣдность душевной жизни, слабое развитіе мышленія и комбинирующаго воображенія, полная неспособность, во имя требованій своей индивидуальности, бороться съ окружающей средой) накладываетъ на нихъ свой роковой отпечатокъ. Благодаря ей, самыя искреннія ихъ намѣренія, самыя восторженныя ихъ настроенія (а къ восторгу они, по своей аффективности, вообще склонны) оканчиваются, въ большинствѣ случаевъ, или нелѣпыми, несуразными мечтаніями, или же не менѣе несуразными, смѣшными дѣйствіями и поступками. Такъ, Маниловъ на первый взглядъ производилъ впечатлѣніе „пріятнаго и добраго человѣка", но при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ всякій чувствовалъ „скуку смертельную": ничего у него не было своего, оригинальнаго, никакого живого слова отъ него нельзя было услышать. Мечты его нелѣпы: провести подземный ходъ къ дому, выстроить черезъ прудъ каменный мостъ съ лавками по обѣимъ сторонамъ и т. д.; дѣтямъ своимъ онъ зачѣмъ-то далъ древнегреческія имена: Алкидъ и Ѳемистоклюсъ; рѣчь его, пересыпаемая высокопарными оборотами и мудреными выраженіями, смѣшна и безсодержательна. То же и въ отношеніяхъ къ людямъ: его вѣжливость и пріятность въ обращеніи каррикатурно-слащавы, его комплименты явно преувеличены, его нѣжность по отношенію къ женѣ превращается въ приторную сантиментальность („разинь, душечка, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ"); во всемъ сквозитъ отсутствіе такта и чувства мѣры, являющееся результатомъ умственной недалекости.

Наконецъ, по отношенію къ окружающей жизни, мы встрѣчаемъ здѣсь, обыкновенно, полную непрактичность и неумѣнье приспособиться. Маниловъ ничего не понималъ въ дѣлахъ и во всемъ довѣрялъ своему приказчику; хозяйство у него шло изъ рукъ вонъ плохо; мебель въ комнатахъ была частью роскошная (эстетическія потребности), частью же никуда не годная: какой-нибудь мѣдный инвалидъ-подсвѣчникъ, свернувшійся на сторону и весь въ салѣ; домъ его „стоялъ одиночкой на юру, то есть, на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть", и т. д. Эта непрактичность, неприспособленность къ жизни является, съ одной стороны, результатомъ принадлежности къ низшему психическому уровню, а съ другой—составляетъ специфическую особенность даннаго типа, свойственную, какъ извѣстно, также и мечтателямъ болѣе высокихъ уровней и происходящую оттого, что они слишкомъ замыкаются въ себя и, увлекаясь образами своей фантазіи, перестаютъ интересоваться реальнымъ міромъ.

Итакъ, мы видимъ, что данная разновидность многими своими чертами примыкаетъ къ другимъ разновидностямъ аффективнаго типа того же уровня, отличаясь отъ нихъ, въ то же время, большимъ развитіемъ воображенія и всѣми послѣдствіями, отсюда вытекающими.

Въ качествѣ еще одного образца той же разновидности (мечтатели низшаго уровня) приведемъ краткую характеристику слуги Гончарова Валентина, описаннаго писателемъ въ своихъ воспоминаніяхъ („Слуги стараго вѣка").

Лѣтъ 50 отъ роду, плѣшивый, въ очкахъ, съ маленькимъ, „величины и цвѣта вишни" носикомъ, Валентинъ уже однимъ своимъ выраженіемъ лица произвелъ на Гончарова впечатлѣніе „наивности, граничащей съ глупостью", или даже „просто глупости",—что впослѣдствіи и оправдалось. Несмотря на свои лѣта и смѣшную наружность, онъ очень кокетливъ, постоянно смотрится въ зеркальце и совершенно искренно считаетъ себя чуть не красавцемъ („должны за счастье почитать, если съ вами благородно и деликатно обращается такой кавалеръ!"—фраза, вызвавшая неудержимый хохотъ какъ горничной, къ которой она была обращена, такъ и присутствовавшаго барина); никакъ не хочетъ вѣрить, что дѣвушки, которымъ онъ декламировалъ, смѣялись надъ нимъ. Наряжается очень охотно, но всегда пестро, смѣшно и безвкусно: желтые панталоны, розовый галстучекъ и т. п. Не можетъ себѣ представить, чтобы его баринъ понималъ тѣ стихи, которые для него самого непонятны. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень аффективенъ. Когда надъ его кокетствомъ смѣялись, онъ „злобно краснѣлъ и бросалъ на насъ гнѣвные взгляды"; горничную, пришедшую на него жаловаться, ругаетъ самыми грубыми словами, забывши всякую деликатность („эту дрянь... плетьми мало сѣчь!"); сердится на барина за его критику и поправки; съ увлеченіемъ читаетъ любимые свои стихи, при чемъ „послѣднія слова онъ... кончилъ почти плачемъ; голубые глаза увлажнились; губы сладко улыбались". Одно изъ любимѣйшихъ его занятій составляло чтеніе вслухъ нараспѣвъ разнаго рода литературныхъ произведеній. Особенно онъ любилъ стихотворенія и преимущественно тѣ изъ нихъ, которыя были малопонятны и изобиловали иностранными словами. Все простое и ясное онъ презиралъ: „Это каждый мальчишка пойметъ, или деревенская баба!... Прочелъ разъ, понялъ да и бросилъ: что жъ тутъ занятнаго?" Все же торжественное и непонятное (напр., нѣкоторыя стихотворенія Жуковскаго, апокалипсисъ) онъ могъ читать и перечитывать безъ конца, всегда съ одинаковымъ увлеченіемъ, находя, очевидно, особую прелесть именно въ этой таинственной непонятности. У него была особая тетрадка, въ которую онъ вписывалъ „сенонимы", разумѣя подъ этимъ похожія другъ на друга иностранныя слова, въ родѣ „эмансипація и констипація", „нумизматъ и кастратъ" и т. п. Валентинъ былъ большой любитель женскаго пола, за что, въ концѣ концовъ, сильно поплатился, такъ какъ дворня, выведенная изъ терпѣнія его безконечными ухаживаніями, жестоко избила его. Но и ухаживанья его всегда носили на себѣ тотъ же характеръ смѣшного кокетства и „благородной деликатности": то онъ останавливалъ на лѣстницѣ приглянувшуюся

ему горничную, разсыпаясь передъ ней, по ея словамъ, въ „глупыхъ канплиментахъ“ и зовя на чашку „шеколаду“, то, разодѣвшись въ пухъ (см. выше), декламируетъ нараспѣвъ стихотворенія въ каретномъ сараѣ, передъ дворовыми „барышнями“, то, наконецъ, пишетъ имъ восторженно-поэтическія любовныя записки. Страсть къ любовнымъ похожденіямъ въ немъ настолько велика, что даже когда его жестоко избили, онъ не собирается оставить своихъ ухаживаній, „только не съ такимъ необразованнымъ мужичьемъ, какъ здѣсь“. Въ остальномъ Валентинъ „очень учтивый, исправный, хорошо выдрессированный слуга“. Онъ отличался вѣжливостью, не пилъ, былъ достаточно исполнителенъ. Благодаря этому онъ прожилъ у Гончарова нѣсколько лѣтъ и жилъ бы еще дольше, если бы не описанное выше столкновеніе на любовной подкладкѣ.

3. Активные.

Основную, наиболѣе характерную черту этой группы составляетъ склонность къ дѣятельности, преобладаніе волевыхъ процессовъ надъ всѣми остальными. Въ то же время, однако, принадлежность къ низшему психическому уровню придаетъ ихъ дѣятельности своеобразный, также очень характерный для нихъ отпечатокъ. Съ одной стороны, внѣшніе волевые акты, выражающіеся въ различнаго рода движеніяхъ, простыхъ и сложныхъ, преобладаютъ надъ внутренними; такія качества, какъ склонность къ душевной борьбѣ и способность къ самообладанію почти не встрѣчаются у представителей этой группы: слишкомъ бѣдна, поверхностна и примитивна ихъ психика для того, чтобы сложныя функціи высшаго порядка могли въ ней развиться. Съ другой стороны, благодаря недостаточной сознательности (слабое развитіе мышленія, бѣдность запаса представленій, поверхностность и узость чувствованій), дѣятельность ихъ лишена той планомѣрной, цѣлесообразной послѣдовательности, какой отличаются активные типы болѣе высокихъ уровней; поступки ихъ импульсивны, недостаточно обдуманы и плохо приспособлены къ требованіямъ окружающей среды,—вслѣдствіе чего затраченныя усилія (иногда довольно значительныя) далеко не приносятъ тѣхъ результатовъ, которые они могли бы дать при болѣе умѣломъ ихъ использованіи. Болѣе подробно будетъ сказано обо всемъ этомъ при характеристикѣ отдѣльныхъ разновидностей.

Какъ извѣстно, всякій сознательный волевой актъ, сколько-нибудь глубоко затрогивающій интересы даннаго человѣка, представляетъ собою сложный процессъ, въ составъ котораго входятъ различныя желанія и стремленія, борьба мотивовъ и процессъ выбора, принятіе рѣшенія, представленіе о цѣли и средствахъ къ ея достиженію, на-

конецъ, сознательное волевое усиліе, направленное на выполненіе тѣхъ или иныхъ движеній, на задержку движеній или на какія либо внутреннія переживанія. Процессъ этотъ далеко не у всѣхъ дѣятельныхъ людей, даже одного и того же психическаго уровня, бываетъ тожественъ во всѣхъ своихъ частяхъ; и вотъ, въ зависимости отъ преобладанія тѣхъ или иныхъ сторонъ его, а также отъ способа возникновенія этихъ сторонъ можно различать среди активныхъ низшаго психическаго уровня три разновидности: энергичныхъ низшаго порядка, покорно-дѣятельныхъ и упрямыхъ.

а) Энергичные низшаго порядка („низшіе активные“ Рибо).

У этихъ людей всякаго рода чувства и желанія отличаются значительной импульсивностью, заставляющею стремиться, и при томъ очень энергично, къ немедленному ихъ осуществленію; какія бы то ни было сомнѣнія и колебанія, борьба мотивовъ и предварительное обдумываніе имъ почти совершенно несвойственны. Этимъ основнымъ качествомъ въ значительной степени опредѣляются экзо-проявленія даннаго типа, его соціальное значеніе, его важнѣйшія достоинства и недостатки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря упомянутой характерной особенности, энергичные низшаго порядка близко соприкасаются съ той разновидностью аффективнаго типа, которую мы назвали подвижными или живыми. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ значительно развиты эмоціональные и двигательно-волевые процессы; разница между ними состоитъ въ томъ, что у аффективныхъ движенія и поступки являются, преимущественно, лишь внѣшнимъ выраженіемъ тѣхъ чувствованій, которыя они въ данный моментъ испытываютъ, между тѣмъ какъ для активныхъ чувство служитъ только начальнымъ, исходнымъ пунктомъ, главный же центръ тяжести перемѣщается въ сторону дѣятельности, вызванной этимъ чувствомъ. Благодаря близости этихъ двухъ типовъ, существуютъ между ними также переходныя формы, совмѣщающія въ себѣ въ различныхъ комбинаціяхъ характерныя черты обоихъ типовъ; примѣромъ такого рода переходныхъ формъ могутъ служить гоголевскіе Хлестаковъ и Ноздревъ, о которыхъ намъ еще придется упоминать въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Склонность къ активному вмѣшательству въ окружающую жизнь, къ немедленному и при томъ энергичному осуществленію своихъ желаній сказывается у представителей даннаго типа буквально во всемъ, за что они ни возьмутся: во всякаго рода имущественныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, въ любовныхъ похожденіяхъ, въ отношеніи къ от-

дѣльнымъ людямъ и общественнымъ дѣламъ, наконецъ, даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ они обычно очень мало смыслятъ, напр., въ наукѣ и искусствѣ. При этомъ они отличаются обычно значительной самоувѣренностью и, зачастую, смѣлостью („море по колѣни"!), вытекающей изъ недостаточнаго взвѣшиванія послѣдствій своего поступка. Такъ, поручикъ Пироговъ („Невскій проспектъ" Гоголя),—характеръ котораго очерченъ, правда, довольно бѣгло и односторонне, но все же настолько полно, что даетъ возможность причислить его къ описываемому типу,—обнаруживаетъ чрезвычайную рѣшительность и предпріимчивость въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ, будучи заранѣе увѣренъ, что „нѣтъ красоты, могшей бы ему противиться", и представляя въ этомъ отношеніи полную противоположность своему товарищу, робко-мечтательному (хотя и гораздо болѣе одаренному) художнику Пискареву. Несмотря на сопротивленіе приглянувшейся ему наивной нѣмочки, онъ затѣялъ съ ней интрижку на глазахъ ея мужа, при чемъ выказалъ значительную настойчивость и своего рода безстрашіе: однажды, прощаясь съ ней въ присутствіи ея супруга, онъ „влѣпилъ нахально поцѣлуй въ самыя ея губки", чѣмъ повергъ честнаго нѣмца „въ совершенное недоумѣніе". Впослѣдствіи онъ, какъ извѣстно, больно поплатился за свою предпріимчивость. Хлестаковъ, совершенно неожиданно для него принятый чиновниками за ревизора, быстро освоился съ своей новой ролью и немедленно же началъ пользоваться ея преимуществами, то есть, обирать деньги у чиновниковъ и ухаживать одновременно за женой и дочерью городничаго; когда Осипъ, хорошо понимавшій всю шаткость и опасность ихъ положенія, доказываетъ ему, что уже пора ѣхать, онъ сначала не соглашается и лишь потомъ сдается на его уговоры.

Несмотря, однако, на всю свою энергію, представители даннаго типа совершенно неспособны къ сколько-нибудь серьезному, систематическому труду. Причины ясны: съ одной стороны—принадлежность къ низшему психическому уровню и вытекающія отсюда слабая идейность, неспособность понимать серьезные запросы жизни, неустойчивость и поверхностность чувствованій и интересовъ, съ другой—свойственная этому типу импульсивность, заставляющая ихъ стремиться къ немедленному выполненію всякаго, пришедшаго имъ въ голову желанія. Поэтому дѣятельность ихъ—хозяйственная, административная, научная—бываетъ обычно безпорядочна и безтолкова. Зато все, что связано съ возбужденіемъ и азартомъ, влечетъ ихъ къ себѣ неудержимо. На первомъ планѣ здѣсь слѣдуетъ поставить охоту. У

Ноздрева все хозяйство находилось въ полнѣйшемъ запущеніи, зато собакъ, всякаго рода мастей и породъ, было безчисленное множество, и „Ноздревъ былъ среди нихъ совершенно, какъ отецъ среди семейства“. Конечно, далеко не всякій охотникъ принадлежитъ къ описываемому сейчасъ типу (достаточно вспомнить „Записки охотника“ Тургенева), но едва ли можно отрицать, что охота, съ ея цыгански-безпорядочнымъ образомъ жизни, съ измѣнчивостью и разнообразіемъ впечатлѣній, съ азартомъ и всевозможными приключеніями, наконецъ, съ послѣдующими хвастливо-завирательными разсказами, представляетъ много привлекательнаго для энергичныхъ низшаго уровня. То же слѣдуетъ сказать о всякаго рода физическомъ спортѣ. Среди лицъ даннаго типа можно бываетъ зачастую найти недурныхъ любителей-спортсменовъ (напр., „лихіе“ наѣздники, футболисты и т. д.),—хотя отсутствіе настойчивости и серьезнаго отношенія къ дѣлу часто мѣшаетъ имъ достигнуть совершенства; бѣдность же ихъ умственной жизни въ данномъ случаѣ можетъ быть даже полезной, благопріятствуя сосредоточенію интереса на чисто физическихъ упражненіяхъ.

Склонность къ возбужденію и азарту сказывается также на ихъ развлеченіяхъ и, вообще, на всемъ ихъ времяпрепровожденіи. Въ своихъ „Школьныхъ характеристикахъ“ мнѣ уже приходилось отмѣчать, что мальчики энергичнаго типа больше бываютъ склонны къ азартнымъ играмъ, чѣмъ другіе. Хлестаковъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы „сразиться въ картишки“; изъ-за своей страсти къ картамъ онъ засѣлъ безъ копѣйки денегъ въ гостинницѣ незнакомаго городка; и когда, благодаря услужливой готовности чиновниковъ, у него сразу очутилось больше тысячи рублей денегъ, первая мысль его была о пѣхотномъ капитанѣ, который передъ тѣмъ обыгралъ его („штоссы удивительно, бестія, срѣзываетъ“): „попадись-ка ты мнѣ теперь! посмотримъ, кто кого!“ Ноздревъ также каждую минуту готовъ былъ засѣсть за карты и, несмотря на свое шулерство, то и дѣло спускалъ въ игрѣ все, что съ нимъ и на немъ было; или же онъ бился объ закладъ, или предлагалъ какую-нибудь мѣну. „Ружье, собака, лошадь—все было предметомъ мѣны,—но вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть: это происходило просто отъ какой-то неугомонной юркости и бойкости характера“. Вообще, главное его времяпрепровожденіе составляло шатанье по ярмаркамъ, кутежи и попойки, заканчивавшіеся неизбѣжными драками и скандалами.

Эта послѣдняя черта, то есть, склонность если не къ дракамъ, то къ столкновеніямъ въ той или иной формѣ, также характерна для энергичныхъ, и при томъ не только низшаго, но и болѣе высокихъ уровней. Энергія вообще порождаетъ склонность къ борьбѣ, которая у лицъ болѣе высокаго душевнаго склада направляется на достиженіе опредѣленныхъ, болѣе или менѣе устойчивыхъ цѣлей. У представителей же низшаго уровня, благодаря общей безпорядочности и импульсивности ихъ проявленій, данное качество выражается въ наиболѣе примитивныхъ, грубо-нелѣпыхъ формахъ. Ноздревъ „былъ въ нѣкоторомъ родѣ историческій человѣкъ", такъ какъ „ни въ одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи", въ результатѣ которой или онъ билъ, или его били, а чаще всего и то, и другое вмѣстѣ. У лицъ менѣе распустившихся склонность къ борьбѣ проявляется въ своего рода бреттерствѣ, въ стремленіи задирать другихъ безъ всякаго повода и т. п.

Какъ уже сказано было выше, энергичные низшаго порядка отличаются обычно крайней самоувѣренностью, доходящей нерѣдко до смѣшного. Поручикъ Пироговъ, пойманный въ самомъ разгарѣ своего романа и позорно высѣченный пьяными нѣмцами, вначалѣ пришелъ въ бѣшенство и полетѣлъ жаловаться, считая Сибирь и плети самымъ малымъ наказаніемъ для обидчиковъ. „Но все это какъ-то странно кончилось": по дорогѣ онъ съѣлъ въ кондитерской два слоеныхъ пирожка, прошелся по Невскому, и къ вечеру уже былъ у знакомыхъ, гдѣ „такъ отличился въ мазуркѣ, что привелъ въ восторгъ не только дамъ, но и кавалеровъ". Такая ничѣмъ ненарушимая увѣренность въ своихъ достоинствахъ является слѣдствіемъ, съ одной стороны, ихъ глупости, а съ другой—ихъ энергіи, которая вообще придаетъ людямъ извѣстную увѣренность въ себѣ. Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ и ихъ тщеславіе, склонность къ хвастовству, которыя у лицъ этого типа бываютъ обычно выражены очень рѣзко. Всѣмъ извѣстно, до чего заврался Хлестаковъ среди благоговѣйно слушавшихъ его чиновниковъ („тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ!.... Меня самъ государственный совѣтъ боится..... Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш....."). Ноздревъ, показывая Чичикову границу своего имѣнія, говоритъ, что не только все, находящееся по сю сторону границы, принадлежитъ ему, но что и дальше, за границей, тоже все его. И если даже считать это каррикатурой, преувеличеніемъ, то несомнѣнно, что нѣчто подобное въ жизни у такихъ людей встрѣчается сплошь и рядомъ.

Такая самоувѣренность и хвастовство могутъ иногда импонировать окружающимъ, производить на нихъ впечатлѣніе. Но для этого нужны или исключительно-благопріятныя условія, какъ у Хлестакова, или зеленая, неопытная молодежь, въ родѣ художника Пискарева, которому поручикъ Пироговъ оказывалъ своего рода покровительство. Мало-мальски опытный человѣкъ тотчасъ ихъ раскуситъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно ихъ частыхъ успѣховъ въ любви или, вѣрнѣе, въ легкихъ любовныхъ интрижкахъ, такъ какъ къ сколько нибудь глубокой, серьезной страсти они совершенно неспособны. На женщину они смотрятъ, въ большинствѣ случаевъ, очень цинично, какъ на самку, созданную исключительно для ихъ удовольствія; такого сорта женщинъ они ищутъ, и среди такого сорта женщинъ они и пожинаютъ свои легкіе лавры. Если же имъ случайно удастся (подобно Анатолію Курагину—см. ниже) увлечь дѣвушку или женщину болѣе серьезнаго душевнаго склада, то въ результатѣ получается одна изъ тѣхъ трагедій, которыми такъ изобилуетъ исторія любви.

Въ остальномъ энергичные низшаго уровня очень близко напоминаютъ родственный имъ типъ аффективно-подвижныхъ (см. выше). То же хорошее здоровье и прекрасное, всегда повышенное самочувствіе, та же общительность и добродушіе, соединенныя, однако, съ полной неспособностью къ сколько нибудь глубокимъ дружескимъ отношеніямъ, та же безпечность и поверхностность, несерьезное, легкомысленное отношеніе къ жизни вообще, и въ частности—къ своимъ собственнымъ рѣчамъ и поступкамъ. Ноздревъ, напр., вралъ постоянно, и при томъ часто „совершенно безъ всякой нужды: вдругъ разскажетъ, что у него была лошадь какой нибудь голубой или розовой шерсти, и тому подобную чепуху“. Онъ же всегда не прочь былъ распустить про своихъ друзей, и при томъ наиболѣе близкихъ, какую нибудь самую пакостную сплетню (что онъ сдѣлалъ и по отношенію къ Чичикову), послѣ чего, однако, „вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ“; напротивъ, при встрѣчѣ „онъ обходился вновь по-дружески и даже говорилъ: «вѣдь ты такой подлецъ,—никогда ко мнѣ не заѣдешь».

Что касается условій, способствующихъ развитію и проявленію данной разновидности, то они также очень близки къ условіямъ, благопріятствующимъ развитію аффективно-подвижныхъ; поэтому мы не будемъ здѣсь говорить о нихъ, отсылая читателя къ тому, что уже было сказано выше.

Въ качествѣ образца разбираемаго типа приведемъ краткую ха-

рактеристику Анатолія Курагина (изъ „Войны и мира“), совмѣщающаго въ себѣ большинство перечисленныхъ нами выше характерныхъ особенностей.

Сынъ знатнаго придворнаго интригана, умнаго и энергичнаго, но хитраго, эгоистичнаго и безсердечнаго. Отецъ его тратитъ на Анатоля до 40.000 въ годъ, воспитываетъ его за границей, старается устроить ему карьеру,—но все это дѣлаетъ лишь потому, что положеніе его къ этому обязываетъ, настоящей же привязанности къ сыну не чувствуетъ. Самъ Анатоль—высокій, стройный красавецъ, молодой и здоровый. Онъ всегда веселъ и спокойно-самоувѣренъ, всегда доволенъ собой и своими поступками: весело улыбаясь, разговариваетъ со старикомъ Болконскимъ, рѣшенія котораго съ такимъ трепетомъ ждетъ его отецъ; единственный изъ всѣхъ спалъ спокойно въ ночь передъ сватовствомъ; застигнутый княжной Болконской (которой онъ сдѣлалъ предложеніе) въ тотъ моментъ, когда онъ обнималъ француженку, нисколько не смутился. Только передъ похищеніемъ Наташи онъ чувствовалъ, что сердце его бьется нѣсколько сильнѣе обыкновеннаго. Къ аффектамъ онъ вообще мало склоненъ, хотя однажды вдругъ вспылилъ на ямщика: „ну, я тебѣ морду разобью, ты не шути!“ Всякое свое желаніе онъ привыкъ удовлетворять немедленно, не считаясь съ препятствіями. Рѣшивъ овладѣть Наташей, онъ сразу же приступаетъ къ дѣлу: при второмъ свиданіи уже объясняется въ любви, затѣмъ подготовляетъ похищеніе и настойчиво старается осуществить его, несмотря на отговоры Долохова; послѣ неудачи онъ все-таки продолжаетъ совѣщаться съ Долоховымъ и сестрой о томъ, какъ поправить дѣло и довести его до конца. Ту же быстроту и натискъ онъ проявляетъ и въ ухаживаніи за француженкой Бурьенъ, сразу пробудившей въ немъ „то страстное, звѣрское чувство, которое на него находило съ чрезвычайной быстротой и побуждало его къ самымъ грубымъ и смѣлымъ поступкамъ“. Конечно, эту смѣлость не слѣдуетъ смѣшивать съ сознательной, идейной стойкостью: этой послѣдней мы напрасно стали бы искать у Анатоля. Когда Пьеръ въ бѣшенствѣ пригрозилъ ему тяжелымъ пресъ-папье, если онъ не вернетъ писемъ Наташи и не обѣщаетъ завтра же уѣхать изъ Москвы, Анатоль струсилъ и сразу на все согласился. Его смѣлость есть лишь результатъ полной неспособности и нежеланія сколько нибудь подумать о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ. Похищая Наташу, собираясь жениться на ней вторымъ, незаконнымъ (такъ какъ первая его жена была жива) бракомъ, ломая такимъ образомъ всю судьбу, какъ свою, такъ и молодой, неопытной дѣвушки, онъ ни разу не задумался надъ тѣмъ, что изъ всего этого выйдетъ. Такъ же безпечно относится онъ и къ своей службѣ. На вопросъ старика Болконскаго гдѣ онъ служитъ, Анатоль отвѣчаетъ: „я числюсь... При чемъ я числюсь, папа?“ Онъ очень глупъ,—что неоднократно подчеркиваетъ авторъ: отецъ, говоря о немъ, называетъ его дуракомъ; ухаживая за Наташей, онъ совершенно не находитъ, о чемъ говорить съ ней, и только его красота и спокойная самоувѣренность мѣшаютъ ему стать смѣшнымъ; любовное письмо сочинилъ ему Долоховъ; онъ же организуетъ для Анатоля планъ похищенія и ведетъ его денежные счеты. Этой полной неспособностью разсуждать и объясняется то обстоятельство, что Анатоль, въ нравственномъ отношеніи павшій очень низко (живетъ паразитомъ, на чужой счетъ; ради своей прихоти готовъ,

не задумываясь, сдѣлать несчастнымъ другого человѣка; не останавливается передъ преступленіемъ—двоеженствомъ), тѣмъ не менѣе, былъ убѣжденъ, что живетъ хорошо, считалъ себя безукоризненнымъ человѣкомъ и искренно презиралъ подлецовъ и дурныхъ людей. У него даже есть свой кодексъ чести, заставляющій его требовать у Пьера взять свои слова („подло и т. п.") обратно,—и позволяющій ему, однако, вслѣдъ за этимъ, у того же Пьера, брать деньги на дорогу. Анатоль не былъ честолюбивъ, не заботился о своей карьерѣ и своихъ выгодахъ. Онъ любилъ на свѣтѣ только одно: веселье и женщинъ. Веселье выражалось въ кутежахъ, которыми онъ, вмѣстѣ съ Долоховымъ, прославился на обѣ столицы: онъ могъ пить напролетъ ночи, перепивая всѣхъ; съ наслажденіемъ вспоминаетъ, какъ они однажды мчались изъ Твери на тройкахъ такъ, что духъ захватывало, наѣхали на обозъ, перескочили черезъ два воза и т. д. На женщинъ онъ смотрѣлъ только какъ на средство наслажденія; въ обращеніи съ ними онъ усвоилъ себѣ „манеру, которая болѣе всего внушаетъ въ женщинахъ любопытство, страхъ и даже любовь,—манеру презрительнаго сознанія своего превосходства" („А ужъ вы бы рады!"); всѣмъ московскимъ барынямъ онъ явно предпочиталъ цыганокъ и француженокъ. Такое отношеніе, соединенное съ его выдающейся физической красотою, создало Анатолю заслуженную репутацію ловеласа и сердцеѣда, отъ котораго всякая серьезная, уважающая себя женщина должна держаться подальше.

b. Покорно-дѣятельные.

Подобно всѣмъ вообще активнымъ, типъ этотъ характеризуется своею склонностью къ дѣятельности; въ отличіе же отъ остальныхъ разновидностей активной группы, мотивами, опредѣляющими и направляющими дѣятельность, являются здѣсь не собственныя желанія и влеченія человѣка, а внушенія, получаемыя имъ извнѣ, отъ другихъ людей. Эта основная черта, въ соединеніи съ извѣстными уже намъ характерными особенностями принадлежности къ низшему психическому уровню, придаетъ всей ихъ душевной жизни особый, очень своеобразный отпечатокъ. Прежде всего, они отличаются обычно значительнымъ трудолюбіемъ и порядочной работоспособностью. Такъ, Акакій Акакіевичъ („Шинель" Гоголя), представляющій собою яркій образчикъ данной разновидности, „служилъ ревностно, ... служилъ съ любовью..... Если бы, соразмѣрно его рвенію, давали ему награды, онъ, къ изумленію своему, можетъ быть даже попалъ бы въ статскіе совѣтники". Характерологическая основа такого трудолюбія заключается, съ одной стороны, въ томъ, что дѣятельность ихъ (къ которой они, подобно всѣмъ активнымъ, вообще склонны) не отличается той импульсивностью и порывистостью, какъ у энергичныхъ низшаго порядка, и потому можетъ быть болѣе послѣдовательной и систематической; съ другой стороны, благодаря отсутствію сколько нибудь

значительныхъ аффектовъ, они обладаютъ обычно ровнымъ, спокойнымъ настроеніемъ, которое, въ связи съ повышенной внушаемостью (см. выше), даетъ имъ возможность покорно и безъ протестовъ нести возложенное на нихъ окружающей средой бремя; а бремя это состоитъ обыкновенно въ трудѣ, однообразномъ и несложномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянномъ и неуклонномъ.

Въ работѣ, какова бы она ни была — физическая или умственная—они всегда лишь исполнители. Когда Акакію Акакіевичу, въ награду за долголѣтнюю службу, поручили выполнить работу нѣсколько болѣе сложную, чѣмъ простое переписыванье (хотя усложненіе было ничтожное), то „это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и наконецъ сказалъ: нѣтъ, лучше дайте я перепишу что-нибудь. Съ тѣхъ поръ оставили его навсегда переписывать". Гончаровскій слуга Антонъ, также принадлежащій сюда, „какъ по машинѣ" исправлялъ свою „немудреную службу". Интересно, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда у такихъ людей является какое нибудь свое, самостоятельное желаніе, которое они пытаются осуществить, самый ихъ характеръ на время какъ бы нѣсколько мѣняется. Когда Акакій Акакіевичъ, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилъ наконецъ сшить себѣ новую шинель, „онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ—всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты". Конечно, такая перемѣна бываетъ обычно неглубока и непродолжительна, и скоро они опять возвращаются къ привычному своему дѣлу, именно — къ слѣпому, машинообразному исполненію чужихъ предначертаній. Въ этомъ привычномъ дѣлѣ, благодаря долгому упражненію, они достигаютъ нерѣдко довольно значительнаго навыка и умѣнья; за то въ остальномъ своемъ поведеніи субъекты эти отличаются обычно робостью, неловкостью и неуклюжестью, вызывающей насмѣшки со стороны другихъ, болѣе самостоятельныхъ и увѣренныхъ въ себѣ людей.

Слабое развитіе собственныхъ желаній, въ связи съ повышенной внушаемостью, привычкой подчиняться во всѣхъ своихъ поступкахъ директивамъ, исходящимъ извнѣ, влекутъ за собой у представителей даннаго типа цѣлый рядъ другихъ проявленій, какъ эндо-, такъ и экзопсихическихъ. Такъ, они отличаются обычно значительной застѣнчивостью, легко смущаются и конфузятся, особенно въ многолюдномъ обществѣ или въ присутствіи важныхъ начальствующихъ

лицъ. Акакій Акакіевичъ избѣгалъ общества, предпочитая отдыхать отъ службы въ своей одинокой комнаткѣ; когда товарищи, обступивши его, стали поздравлять съ новой шинелью, онъ „совершенно потерялся“; онъ боялся портного Петровича съ его манерой запускать пыль въ глаза, запрашивая несуразно дорогія цѣны; но особенно боялся онъ начальства: когда похищеніе шубы заставило его обратиться съ ходатайствомъ къ „значительному лицу“, то при первомъ же окрикѣ этого „лица“ онъ „такъ и обмеръ, пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и...., если бы не подбѣжали тутъ же сторожа поддержать его, онъ бы шлепнулся на полъ“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда представитеди разбираемаго типа обладаютъ крупной фигурой и хорошо развитыми мускулами (какъ, напр., слуга Антонъ—см. ниже), такая робость и застѣнчивость представляютъ зачастую странный контрастъ съ ихъ богатырской внѣшностью.

Благодаря своей робости и привычкѣ подчиняться, покорно-дѣятельные никогда не играютъ сколько-нибудь замѣтной роли въ обществѣ. Акакію Акакіевичу „въ департаментѣ не оказывалось никакого уваженія.... Начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно-деспотически.... Молодые чиновники подсмѣивались и острили надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія“. И онъ покорно сносилъ все это, даже не представляя себѣ, чтобы дѣло могло обстоять какъ нибудь иначе.

Такая привычка смотрѣть на всѣхъ окружающихъ снизу вверхъ дѣлаетъ представителей этого типа склонными къ слѣпому почитанію и благоговѣнію. Они совершенно искренно готовы преклониться передъ всякимъ, занимающимъ высокое положеніе въ какой бы то ни было отрасли жизни, совершенно не разбираясь въ томъ, пріобрѣлъ ли онъ это положеніе въ силу своихъ моральныхъ достоинствъ, или же благодаря случаю, обману, насилію и т. д. Такимъ же точно образомъ относятся они и къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ. Чувство долга обычно бываетъ здѣсь значительно развито, составляя одинъ изъ преобладающихъ мотивовъ поведенія. Свои обязанности они знаютъ всегда очень хорошо, между тѣмъ какъ сознаніе своихъ правъ представляется имъ довольно смутнымъ и неяснымъ: тамъ, гдѣ другіе требуютъ, они просятъ; гдѣ другіе негодуютъ, протестуютъ и борятся, они покорно и молча подчиняются. Этому способствуетъ, конечно, также и принадлежность къ низшему психическому уровню (resp. слабая сознательность), не дающая имъ возможности разобраться какъ слѣдуетъ въ сложныхъ соціальныхъ отношеніяхъ.

Въ связи со слабымъ развитіемъ собственныхъ желаній и влеченій находится также ограниченность потребностей, которая у представителей этого типа составляетъ одинъ изъ обычныхъ, и при томъ очень характерныхъ признаковъ. Акакій Акакіевичъ вполнѣ довольствовался своей скромной участью и не желалъ ничего большаго; онъ совершенно не интересовался развлеченіями, свойственными мелкимъ чиновникамъ его круга (театръ, карты, пирушки, ухаживаніе за женщинами) и не искалъ ихъ; въ костюмѣ онъ былъ крайне непритязателенъ; наконецъ, когда обстоятельства вынудили его рѣшиться на такой крупный расходъ, какъ шитье новой шинели, онъ началъ отказывать себѣ буквально въ самомъ необходимомъ: не пилъ чаю по вечерамъ, не зажигалъ по вечерамъ свѣчи, ступалъ по камнямъ и плитамъ осторожно, почти на цыпочкахъ, чтобы не стереть слишкомъ скоро подметокъ и т. д. Такая непритязательность и умѣнье довольствоваться немногимъ, въ связи съ отсутствіемъ эгоизма и нетребовательностью по отношенію къ другимъ, дѣлаютъ этихъ людей часто довольно симпатичными, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и жалкими. Когда Акакій Акакіевичъ, выведенный изъ терпѣнія приставаньемъ молодыхъ товарищей, произнесъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“, то въ голосѣ его и словахъ „слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость“, что одинъ изъ присутствовавшихъ здѣсь молодыхъ людей долго не могъ забыть потомъ этихъ словъ, впервые почувствовавши, какъ много жестокости и безчеловѣчья заключается часто въ самыхъ, казалось бы, обыкновенныхъ человѣческихъ отношеніяхъ.

Надо сказать, впрочемъ, что несмотря на столь развитую способность къ самоограниченію, бываютъ и у этихъ людей свои небольшія страстишки, скрашивающія ихъ неприглядную, однообразную жизнь. Чаще всего здѣсь приходится встрѣчаться со склонностью къ выпивкѣ. Въ большинствѣ случаевъ склонность эта бываетъ не настолько сильно развита, чтобы нарушать ихъ скромно-трудовой образъ жизни; но иногда, благодаря свойственному имъ слабоволію, они постепенно втягиваются, дѣлаются привычными пьяницами и, въ концѣ концовъ, могутъ превратиться въ соотвѣтствующую разновидность извращеннаго типа.

Что касается условій, способствующихъ сформированію и яркому проявленію данной разновидности, то они ясны сами собой. Прежде всего—недостаточность матеріальныхъ средствъ, бѣдность, мѣшающая дѣтямъ получить образованіе и выйти въ люди, заставляющая

взрослыхъ браться за самую непріятную, однообразную работу и трудиться съ утра до вечера изъ-за куска хлѣба. Затѣмъ — подчиненное положеніе, будетъ ли это профессія мелкаго чиновника, слуги, приказчика, мелкаго ремесленника, или же подчиненіе главѣ семьи (напр., положеніе жены, взрослыхъ дѣтей при деспотическомъ, холодно-требовательномъ мужѣ) и т. д. Могутъ быть и нѣкоторыя другія причины, но онѣ обычно имѣютъ уже менѣе существенное значеніе.

Въ качествѣ примѣра приведемъ портретъ гончаровскаго слуги Антона (Гончаровъ: „Слуги стараго вѣка").

Недавно пріѣхавшій изъ деревни, отпущенникъ изъ крѣпостныхъ, Антонъ былъ рекомендованъ Гончарову, какъ человѣкъ „деревенскій, смирный, непорченный". Онъ представлялъ собой „молодца колоссальнаго роста, брюнета лѣтъ сорока пяти, съ лохматой головой, съ здоровыми, длинными мускулистыми руками, съ такими же здоровыми крѣпкими ногами". О физической силѣ его можетъ свидѣтельствовать то обстоятельство, что въ деревнѣ господа часто посылали его вмѣстѣ съ другими мужиками („которые поздоровѣе") бить волковъ, попавшихъ въ тенета, при чемъ оружіемъ служило простое „дубье"; такимъ способомъ онъ перебилъ на своемъ вѣку волковъ больше, чѣмъ съ полсотни. И тѣмъ не менѣе, этотъ самый гигантъ, не боявшійся почти съ голыми руками ходить на волковъ, отличался крайней робостью и покорностью по отношенію къ своему барину. При первомъ свиданіи онъ „смотрѣлъ на меня покорно, почти со страхомъ"; впослѣдствіи „никогда не заговаривалъ самъ и на вопросы мои всегда отвѣчалъ тихо и робко"; на другой день послѣ своего пьянства смущенъ, старается не глядѣть на барина; наконецъ, увидавши разгромъ квартиры, происшедшій благодаря его оплошности, заплакалъ, сталъ на колѣни и сталъ просить прощенія. Въ умственномъ отношеніи Антонъ очень недалекъ. Это сказывается уже въ самой его наружности, въ его взглядѣ, „тупомъ, апатичномъ, изъ котораго не только не прорѣзывалось иглы, луча свѣта, но даже искры не было"; это обнаружилось еще болѣе ярко въ той наивности, съ которой онъ, честный, добросовѣстный и заботливый слуга, далъ одурачить себя шайкѣ мошенниковъ: совершенно незнакомые ему люди завели его на балаганахъ въ трактиръ, подробно распросили, кто онъ, гдѣ живетъ, у кого служитъ, каково ему на мѣстѣ, бываетъ ли баринъ дома, богатъ ли онъ, — затѣмъ напоили его пьянымъ и, приведя домой, разгромили квартиру. Пьянствовалъ Антонъ рѣдко, и то лишь когда его поили другіе; такъ это было въ описанномъ только что случаѣ, такъ было и въ день его именинъ, когда земляки принесли съ собой вина и угощенье. Въ остальномъ же онъ былъ „смирнымъ, исправнымъ слугой", очень усердно относившимся къ своимъ „немудренымъ" обязанностямъ. „Ходилъ онъ, несмотря на громоздкость свою и на огромную ступню, тихо, ступалъ мягко, осторожно, ... убиралъ комнаты неслышно, пока я спалъ, дрова приносилъ, прижимая къ груди какъ родныхъ дѣтей, и складывалъ каждое полѣно у печки какъ перышко, какъ мать кладетъ дитя въ колыбель: ни одно полѣно у него не стукнетъ". Вначалѣ онъ завелъ было манеру

„употреблять“ всѣ оставшіяся закуски барина, но послѣ надлежащаго разъясненія сталъ „употреблять“ только то, что ему было разрѣшено. Однимъ словомъ, Гончаровъ былъ бы имъ вполнѣ доволенъ, если бы не несчастная склонность къ выпивкѣ, изъ-за которой имъ пришлось разстаться.

c. Упрямые.

У лицъ даннаго типа волевые процессы также преобладаютъ надъ всѣми остальными; отличіе же ихъ отъ другихъ разновидностей активной группы состоитъ въ томъ, что разъ принятыя рѣшенія обладаютъ здѣсь значительной устойчивостью и энергично проводятся въ жизнь, несмотря на могущія встрѣтиться препятствія. Казалось бы, что тутъ мы можемъ впервые встрѣтиться съ тѣмъ, что называютъ силой воли или сознательной твердостью характера; однако, это далеко не такъ: принадлежность къ низшему психическому уровню сказывается и въ данномъ случаѣ, накладывая на всю ихъ дѣятельность отпечатокъ рутинности, недостаточной сознательности и тупого, иногда безсмысленнаго упрямства. Благодаря узости кругозора и неспособности разсуждать люди эти не могутъ въ каждый данный моментъ достаточно оріентироваться въ сложныхъ, постоянно мѣняющихся условіяхъ окружающей дѣйствительности и, сохраняя свою основную линію поведенія, видоизмѣнять детали примѣнительно къ требованіямъ жизни. Они, наоборотъ, съ трудомъ доходятъ до какого нибудь опредѣленнаго рѣшенія, нелегко усваиваютъ тотъ или иной образъ дѣйствій, но за то, разъ усвоивши его, считаютъ необходимымъ однообразно и неуклонно выполнять разъ принятое рѣшеніе, не отступая отъ него ни на шагъ и педантически придерживаясь самыхъ мельчайшихъ подробностей. Обладая слабо развитымъ мышленіемъ, они неспособны бываютъ отличить основную идею дѣла отъ побочныхъ, второстепенныхъ деталей; напротивъ, именно въ этихъ деталяхъ, яркихъ, бросающихся въ глаза, для нихъ и заключается обыкновенно самое главное, за нихъ-то именно они и цѣпляются съ настойчивостью, достойной лучшей участи. Отсюда ихъ мелочность и педантизмъ, склонность обращать вниманіе на формальную сторону дѣла въ ущербъ его содержанію; отсюда же ихъ безсмысленное упорство, отличающееся отъ разумной самостоятельности именно тѣмъ, что человѣкъ настойчиво продолжаетъ слѣдовать разъ принятому образу дѣйствій, несмотря на то, что дѣйствія эти уже явно начинаютъ противорѣчить его собственнымъ цѣлямъ и интересамъ.

Особенно ярко сказываются всѣ эти особенности въ выполненіи упрямыми своихъ обязанностей, того, что они считаютъ своимъ дол-

гомъ. Надо сказать, что чувство долга у представителей данной разновидности бываетъ обыкновенно значительно развито,—что прямо вытекаетъ изъ ихъ потребности въ настойчивомъ и неуклонномъ выполненіи разъ принятыхъ рѣшеній: къ обязанностямъ своимъ они относятся обыкновенно аккуратно и добросовѣстно, исполняя ихъ не за страхъ, а за совѣсть, иногда даже въ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Таковъ, напр., Григорій, слуга Ѳедора Павловича Карамазова („Братья Карамазовы" Достоевскаго), искренно преданный своему барину и готовый всячески защищать его, несмотря на то, что баринъ этотъ представляетъ собой отвратительнаго эгоиста, жестокаго и развратнаго, отъ котораго ни самъ Григорій, ни всѣ окружающіе не могутъ ожидать ничего хорошаго; таковы старые, заскорузлые служаки, отставные фельдфебели, городовые и т. п., которые и въ свою частную жизнь переносятъ фронтовыя привычки, усвоенныя ими на службѣ и соотвѣтствующія общему складу ихъ характера. Ихъ добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ невольно возбуждаетъ въ насъ симпатію, своего рода уваженіе. Бѣда только въ томъ, что ихъ представленіе о долгѣ отличается обычно крайней узостью и примитивностью, сводясь къ педантическому, рутинно-однообразному выполненію нѣсколькихъ, разъ навсегда затверженныхъ правилъ и предписаній, къ тому же еще недостаточно осмысленныхъ и зачастую совершенно невѣрно понимаемыхъ. Благодаря этому, всѣ ихъ добросовѣстныя старанія и усилія нерѣдко не только не приносятъ никакой пользы общему дѣлу, но даже мѣшаютъ ему. Такъ, отставной унтеръ-офицеръ Пришибеевъ (въ разсказѣ Чехова—„Унтеръ Пришибеевъ"), представляющій собою, правда, нѣсколько шаржированный и бѣгло очерченный, но все же очень типичный экземпляръ данной разновидности, крайне усердно и совершенно безкорыстно старается „наводить порядки" въ своемъ родномъ селѣ. Онъ совершенно искренно убѣжденъ въ томъ, что на селѣ „никто порядковъ настоящихъ не знаетъ", кромѣ него, отставного унтеръ-офицера, служившаго также въ пожарной командѣ и бывшаго даже два года швейцаромъ въ гимназіи. На этомъ основаніи Пришибеевъ считаетъ себя обязаннымъ наблюдать за всей жизнью односельчанъ, читать нравоученія бабамъ, разгонять собранія на улицѣ, вмѣшиваться въ распоряженія администраціи и т. д. Между тѣмъ представленія его о законахъ, о распредѣленіи правъ и обязанностей до того наивны и спутаны, что разсужденія на эту тему невольно вызываютъ улыбку; онъ не замѣчаетъ, что вмѣшательство его не только не во-

дворяетъ порядка, но, наоборотъ, нарушаетъ его, вызывая ссоры и драки; и приговоръ мирового судьи (на мѣсяцъ подъ арестъ за оскорбленіе дѣйствіемъ старшины и урядника при исполненіи ими своихъ обязанностей) кажется ему непонятнымъ и несправедливымъ.

Надо вообще сказать, что представители даннаго типа, въ особенности когда они достигли уже извѣстнаго, зрѣлаго возраста, отличаются склонностью командовать, распоряжаться и дѣлать наставленія. По своей наклонности къ нравоученіямъ и резонерству они напоминаютъ разсудочныхъ, съ той только разницей, что тамъ разсужденія остаются болѣе или менѣе теоретическими, тогда какъ здѣсь они немедленно же переходятъ въ соотвѣтствующія дѣйствія. Такое непрошенное вмѣшательство въ чужія дѣла сплошь и рядомъ вызываетъ недовольство и протесты со стороны окружающихъ (какъ это было и съ Пришибеевымъ), въ результатѣ чего возникаютъ постоянныя ссоры и столкновенія; и дѣйствительно, люди эти бываютъ иногда прямо несносны по своей постоянной ворчливости и придирчивости, часто совершенно нелѣпой, несправедливой и ни на чемъ не основанной. Въ то же время, однако, по существу они очень часто бываютъ не только не злы, но наоборотъ, очень добродушны и мягкосердечны: такъ, суровый, раздражительный Григорій, не переносившій возраженій со стороны Смердякова и въ дѣтствѣ очень часто награждавшій его колотушками за малѣйшее неповиновеніе или насмѣшку, въ то же время не только вырастилъ Смердякова, но и выняньчилъ въ своей избѣ дѣтей Ѳедора Павловича, брошенныхъ отцомъ совершенно на произволъ судьбы; когда же пріѣхавшая благодѣтельница-генеральша, забирая дѣтей къ себѣ, дала Григорію пощечину, онъ не только не обидѣлся, но еще поклонился ей въ поясъ за то, что пріютила сиротъ. За грубой, суровой маской здѣсь часто скрывается доброе сердце.

Будучи склонны точно и безпрекословно исполнять то, что они считаютъ своею обязанностью, представители этого типа требуютъ обыкновенно того же и отъ другихъ, въ частности—отъ своихъ подчиненныхъ или тѣхъ, кого они считаютъ подчиненными. Этимъ, быть можетъ, обусловливается столь характерная для нихъ приверженность къ дисциплинѣ и ко всякаго рода іерархіи. „Гдѣ въ законѣ написано, чтобы народу волю давать? я не могу дозволять-съ!“ говоритъ Пришибеевъ; даже выйдя изъ суда, гдѣ его приговорили къ аресту, онъ „по привычкѣ, съ которой уже совладать не можетъ, вытягиваетъ руки по швамъ и кричитъ сиплымъ, сердитымъ голосомъ: нар-

родъ, расходись! не толпись! по домамъ!“ Въ то же время Пришибеевъ настолько заботится объ авторитетѣ мирового судьи, что простую фразу о неподсудности судьѣ нѣкоторыхъ дѣлъ считаетъ уже оскорбленіемъ власти. Слуга Григорій требовалъ отъ мальчика—Смердякова безпрекословнаго повиновенія; онъ же впослѣдствіи, на судѣ, когда защитникъ началъ издѣваться надъ нимъ, заявляетъ: „я человѣкъ подневольный... коли начальству угодно надо мною надсмѣхаться, такъ я снести долженъ“.

Остальныя эндо- и экзо-черты даннаго типа находятся въ болѣе или менѣе близкомъ соотвѣтствіи съ только что описанными. Сравнительно умѣренное развитіе аффективной жизни и преобладаніе волевой дѣятельности накладываютъ на все ихъ поведеніе своеобразный отпечатокъ спокойной самоувѣренности, соединенной съ готовностью во всякую минуту отстаивать себя и свои мнѣнія. Не будучи особенно подвижными и разговорчивыми, они въ обществѣ держатся спокойно и съ достоинствомъ, не смущаясь ни при какихъ обстоятельствахъ; таково было, напримѣръ, поведеніе Григорія на судѣ, гдѣ его, какъ важнаго свидѣтеля, подвергли продолжительному перекрестному допросу: „Григорій Васильевичъ предсталъ въ залу, не смутившись нимало ни величіемъ суда, ни присутствіемъ огромной слушавшей его публики, съ видомъ спокойнымъ и чуть не величавымъ. Онъ давалъ свои показанія съ такой увѣренностью, какъ если бы бесѣдовалъ наединѣ со своею Марѳой Игнатьевной, только развѣ почтительнѣе. Сбить его было невозможно“. Вмѣстѣ съ тѣмъ они не трусы и, въ случаѣ надобности, могутъ обнаружить значительную смѣлость: тотъ же Григорій, увидѣвъ въ темнотѣ сада необычно-открытое окно и бѣгущаго отъ дома человѣка, забылъ свою хромоту и боль въ поясницѣ и бросился преслѣдовать „изверга—отцеубивцу“, за что и поплатился тяжелой раной въ голову.

Въ своемъ образѣ жизни они отличаются обыкновенно трудолюбіемъ и невзыскательностью, довольствуясь немногимъ и не гоняясь за роскошью; это происходитъ отчасти благодаря узости и ограниченности ихъ чувствованій и желаній (такъ, напр., эстетическіе интересы здѣсь обычно совершенно отсутствуютъ), отчасти же вслѣдствіе свойственной имъ разсчетливости, которая въ пожиломъ возрастѣ зачастую переходитъ въ скупость.

Въ качествѣ условій, способствующихъ развитію и проявленію, данной разновидности, слѣдуетъ назвать прежде всего суровую обстановку, соединенную съ лишеніями и опасностями,—будетъ ли она

создана самой природой (напр., жизнь на морѣ, профессія рыбака, матроса), или же требованіями соціальной жизни (напр., военная или полицейская служба): настойчивость и упорство могутъ быть выработаны только путемъ борьбы, требующей постояннаго напряженія волевого усилія. Съ другой стороны, не менѣе важную роль въ данномъ случаѣ играетъ подчиненное положеніе человѣка, требованія дисциплины, заставляющей его безъ разсужденій выполнять отдаваемыя ему приказанія. Самое дѣло, будучи труднымъ и требуя значительнаго напряженія силъ, въ то же время не должно отличаться особенной сложностью и разнообразіемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно потребуетъ уже сообразительности, къ которой представители даннаго типа неспособны.

Для примѣра приведемъ характеристику уже упоминавшагося нами выше слуги Ѳедора Павловича Карамазова—Григорія.

Достоевскій опредѣляетъ Григорія какъ „мрачнаго, глупаго и упрямаго резонера",—и это опредѣленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ существеннымъ чертамъ его характера. Онъ очень упрямъ и настойчивъ какъ въ своихъ мнѣніяхъ, такъ и въ своихъ поступкахъ, и его почти невозможно переубѣдить въ томъ, что онъ находитъ нужнымъ. Это сказывается прежде въ выполненіи того, что онъ считаетъ своимъ долгомъ. Дмитрій Карамазовъ говоритъ про него: „старикъ былъ честенъ всю жизнь и вѣренъ отцу, какъ семьсотъ пуделей". И дѣйствительно, когда Дмитрій, внѣ себя отъ гнѣва, вбѣгаетъ къ отцу, готовый избить и даже убить его, Григорій „сталъ у двери, раздвинувъ руки крестомъ и готовый защищать входъ, такъ сказать, до послѣдней капли". Когда жена нашла его въ крови, тяжело раненымъ, онъ опять-таки говоритъ не о себѣ, а объ убитомъ баринѣ: „убилъ... отца убилъ"... Это была слѣпая, неразсуждающая вѣрность, совершенно не задающаяся вопросомъ о томъ, заслуживаетъ ли объектъ ея хоть десятой части тѣхъ заботъ, которыя на него направлены. Недаромъ Ѳедоръ Павловичъ довѣрялъ Григорію такъ, какъ никому больше. Въ исполненіи своихъ обязанностей, какъ и во всѣхъ вообще своихъ дѣйствіяхъ, Григорій отличался педантическою точностью: „Это былъ человѣкъ аккуратнѣйшій и точнѣйшій, человѣкъ разъ установившагося порядка и многолѣтнихъ привычекъ"; выйдя ночью на дворъ и вспомнивъ, что забылъ запереть калитку, онъ, несмотря на сильную боль въ ногѣ и поясницѣ, пошелъ сдѣлать это. Будучи самъ точнымъ и стойкимъ въ выполненіи своего долга, онъ уважалъ это качество и въ другихъ: съ умиленіемъ передаетъ слышанный имъ разсказъ о солдатѣ, попавшемъ въ плѣнъ къ азіятамъ и согласившемся скорѣе дать содрать съ себя живого кожу, чѣмъ перемѣнить вѣру; упрекаетъ Смердякова за то, что тотъ непочтителенъ къ памяти своей матери: „ты ей ложесна разверзъ".

Въ умственномъ отношеніи Григорій очень недалекъ. Когда Смердяковъ началъ доказывать, что подвигъ солдата былъ вовсе ненуженъ, Григорій очень сердится („Подлецъ онъ!" „Бульонщикъ!" „Анаѳема ты и проклятъ!" „Врешь проклятый!"), но возразить ему ничего не умѣетъ; онъ только „остолбенѣлъ и

смотрѣлъ на оратора, выпучивъ глаза,... съ видомъ человѣка вдругъ стукнувшагося лбомъ объ стѣну". Такъ же точно „остолбенѣлъ" онъ и тогда, когда мальчикъ Смердяковъ, во время урока по священной исторіи, съ усмѣшкой спросилъ его, откуда могъ взяться въ первый день творенія свѣтъ, когда солнца, луны и звѣздъ еще не было. „А вотъ откуда", крикнулъ Григорій, „и неистово ударилъ ученика по щекѣ",—чѣмъ вызвалъ у него первый приступъ падучей. Вообще онъ отличается суровостью и грубостью въ обращеніи: больно наказывалъ Смердякова розгами, пока Ѳедоръ Павловичъ не запретилъ ему дѣлать этого въ виду появленія у мальчика припадковъ. „Ты развѣ человѣкъ", говорилъ онъ, обращаясь къ мальчику: „ты изъ банной мокроты завелся, вотъ ты кто". Смердяковъ впослѣдствіи никогда не могъ простить ему этихъ словъ. Тѣмъ не менѣе, Григорія нельзя назвать злымъ человѣкомъ: онъ вырастилъ, какъ умѣлъ, Смердякова, пріютилъ въ своей избѣ „забытаго" отцомъ послѣ смерти матери Митю, а впослѣдствіи и его братьевъ; рѣшительно взялъ сторону забитой, безотвѣтной второй жены Ѳедора Павловича, „защищалъ и бранился за нее съ Ѳедоромъ Павловичемъ почти непозволительнымъ для слуги образомъ" и т. п.

Григорій религіозенъ: съ неодобреніемъ относится онъ къ кощунственнымъ выходкамъ Ѳедора Павловича; на судѣ, когда рѣчь зашла о покойномъ Смердяковѣ, замѣчаетъ, перекрестясь, что онъ былъ „болѣзнью угнетенъ, а пуще безбожникъ". Однако, судя по разговорамъ со Смердяковымъ, религіозность его, повидимому, мало сознательна, сводясь, главнымъ образомъ, къ точному и ревностному выполненію религіозныхъ правилъ и предписаній. Живетъ онъ по старинѣ, просто и неприхотливо (смотри, напр., курьезную процедуру лѣченія отъ ломоты въ поясницѣ). Держится спокойно, безъ аффектаціи, но съ извѣстнымъ достоинствомъ: обидѣлся на Митю за сравненіе (хотя и добродушно-благожелательное) съ пуделемъ; нисколько не былъ смущенъ торжественной обстановкой суда; сцену о томъ, какъ Дмитрій Ѳедоровичъ избилъ отца и угрожалъ убить его, „разсказывалъ спокойно, безъ лишнихъ словъ, своеобразнымъ языкомъ, а вышло страшно краснорѣчиво".

А. Лазурскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

Вторую половину августа 1812 года, когда начался уже отъѣздъ изъ Москвы главныхъ правительственныхъ учрежденій, университетъ продолжалъ оставаться въ Москвѣ, хотя главнокомандующій гр. Ѳ. В. Растопчинъ дѣлалъ ему черезъ попечителя округа одно предложеніе за другимъ о выѣздѣ изъ города [1]).

Сначала университетъ долженъ былъ сбираться ѣхать въ Ярославль, но съ 23-го августа ясно обозначился для него путь на Нижній.

29 августа, послѣ словеснаго объявленія главнокомандующаго попечителю Павлу Ив. Гол.-Кутузову о немедленномъ отправленіи университета изъ Москвы, ректоръ университета А. И. Геймъ 30-го августа [2]) отправилъ на 52 подводахъ самое цѣнное университетское имущество въ путь подъ присмотромъ нѣкоторыхъ профессоровъ, направлявшихся со своими семьями въ Нижній, а 1-го сентября [3]) выѣхалъ самъ, увозя на 30 подводахъ университетскую казну, 39 человѣкъ студентовъ, кандидатовъ и воспитанниковъ гимназіи при Московскомъ университетѣ.

Ближайшую затѣмъ дату даютъ намъ матеріалы Нижегородской губернской гимназіи [3]).

10-го сентября ректоръ Геймъ [4]) съ полудороги отъ Нижняго,

---

[1]) *М. К. Любавскій:* Московскій университетъ въ 1812 году. *18-го августа* (стр. 103); *22-го августа* (стр. 104); *29-го августа* (стр. 104).

[2]) Рѣчь ректора М. К. Любавскаго; стр. 105; стр. 106.

[3]) Архивъ Нижегородской губернской гимназіи. 1812 годъ. Дѣло № 12. Листы 166—190.

[4]) Письмо ректора А. И. Гейма открываетъ „Дѣло“ (см. *приложеніе*). Д. № 12, л. 167.

изъ Владимира, шлетъ черезъ Д. Дмитревскаго [1]) собственноручно написанное длинное письмо директору Нижегородской гимназіи, прося его помѣстить университетъ въ своемъ гимназическомъ домѣ, или, если это окажется невозможнымъ, обратиться къ нижегородскому губернатору съ ходатайствомъ о размѣщеніи университета въ Нижнемъ.

„Несчастіе, постигшее Москву, содѣлало членовъ Московскаго университета изгнанниками и заставило странствовать по бѣлу свѣту", пишетъ ректоръ Геймъ. „Состоя вмѣстѣ съ вами подъ однимъ и тѣмъ же начальствомъ, мы ласкаемъ себя надеждою, что вы по сей связи, тѣсно насъ соединяющей, не откажитесь подать намъ руку помощи".

Съ ректоромъ 39 человѣкъ учениковъ, студентовъ и кандидатовъ казеннаго содержанія, одинъ докторъ и 9 солдатъ для охраненія университетской казны, самыя рѣдкія вещи изъ музея, физическіе инструменты и книги, „на 50 подводахъ расположенныя".

Ректоръ увѣренъ, что „буря скоро пройдетъ" и что вмѣстѣ съ миромъ, университетъ вернется къ себѣ и тогда поставитъ себѣ въ обязанность отблагодарить директора: „тогда не примину, милостивый государь мой, купно съ членами Московскаго университета принести вамъ общую нашу благодарность". И самъ министръ народнаго просвѣщенія, „къ которому писалъ я изъ Владимира, что къ вамъ отнесся и просилъ о помощи", не приминетъ объявить директору свое благоволеніе.

Нижегородская губернская гимназія имѣла полную возможность оказать содѣйствіе Московскому университету; въ ея распоряженіи былъ большой трехъэтажный каменный корпусъ съ двумя каменными же по сторонамъ флигелями, въ одинъ и два этажа [2]).

Но нижегородскихъ училищъ и губернской гимназіи директоръ Ив. Ив. Кужелевъ, отличавшійся самостоятельностью рѣшеній въ дѣлахъ гимназіи и „самовольствомъ" [3]), въ чемъ не разъ упрекалъ его попечитель Казанскаго учебнаго округа престарѣлый Ст. Як. Румовскій, грозившій директору жалобами самому министру народнаго просвѣщенія гр. Ал. Разумовскому и отдачей „подъ уголовный судъ",— почти наканунѣ полученія письма отъ ректора Гейма распорядился

---

[1]) Директоръ училищъ Владимирской губ. Д. Дмитревскій доставляетъ еще пакетъ при сопроводительной бумагѣ *отъ 2-го октября* (см. приложеніе).

[2]) Дѣла Архива *о домахъ и строеніяхъ* при Нижегородской губернской гимназіи за 1811 годъ; вездѣ въ *годовыхъ отчетахъ* по гимназіи.

[3]) Изъ Дѣлъ гимназіи: переписка съ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа Ст. Як. Румовскимъ за 1811—1812 гг.

отдать одно изъ обширныхъ помѣщеній гимназіи Московскому почтамту.

15 сентября Московскій почтамтъ, „по прибытіи своемъ въ Нижній, встрѣтя чрезмѣрное затрудненіе въ помѣщеніи въ казенномъ почтовомъ домѣ... и извѣстясь, что домъ губернской гимназіи по пространству своему вмѣстить удобенъ всѣ отдѣленія почтамта“, нашелъ себя въ необходимости отнестись къ директору „о оказаніи ему при семъ настоятельномъ случаѣ пособія помѣщеніемъ въ означенномъ домѣ“ [1]). Управляющій Московскимъ почтамтомъ Дм. Куничъ обѣщалъ „съ первою почтою“ донести о таковомъ пособіи со стороны директора гимназіи „господину министру внутреннихъ дѣлъ для взаимнаго по сему предмету сношенія съ господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія“.

Теперь передъ директоромъ стояла задача помѣстить университетъ. Получивъ письмо ректора Гейма 17-го сентября, черезъ недѣлю послѣ отправленія его, онъ въ тотъ же день отнесся къ нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому. На другой день, какъ и надо было ожидать, губернаторъ отвѣтилъ полнымъ отказомъ [2]).

По случаю съѣзда въ Нижній-Новгородъ департаментовъ правительствующаго сената, всѣхъ московскихъ присутственныхъ мѣстъ, несмотря на то, что „не всѣ они еще съѣхались“—въ городѣ была уже чрезмѣрная тѣснота. „Уже заняты“, отвѣчаетъ губернаторъ, „всѣ казенные и обывательскіе домы“; поэтому онъ и не находитъ „ни малѣйшей возможности“ къ удовлетворенію ходатайства директора о содѣйствіи „къ доставленію пристанища Московскому университету“.

Губернаторъ предлагаетъ извѣстить ректора и предложить ему „расположиться слѣдовать съ онымъ университетомъ въ городъ Казань“, гдѣ легче подыскать помѣщеніе „по превосходству казенныхъ и партикулярныхъ строеній“.

Но университетъ въѣзжалъ уже въ Нижній [3]).

Тогда директоръ гимназіи, исправляя вольную или невольную свою ошибку, принялъ университетскій обозъ на гимназическій дворъ, за-

---

[1]) Дѣло № 2 за 1812 годъ, лл. 5 и 6.

[2]) Письмо Нижегородскаго гражданскаго губернатора и кавалера Руновскаго отъ 18-го сентября 1812 года. Дѣло № 12, л. 169.

[3]) М. К. Любавскій, стр. 110: „Тѣмъ временемъ университетскіе транспорты... медленно подвигались къ Нижнему и достигли до него 17-го—22-го сентября“.

полнилъ ученическіе классы, квартиры учителей и собственные покои пріѣхавшими вмѣстѣ съ ректоромъ Московскаго университета профессорами, воспитанниками, студентами и кандидатами, прекративъ ученіе въ гимназіи.

Извѣстивъ обо всемъ 22-го сентября попечителя Московскаго учебнаго округа Павла Ив. Голенищева-Кутузова, онъ получаетъ отъ него изъ Костромы благодарственное письмо за удобное помѣщеніе ректора, профессоровъ и другихъ чиновниковъ въ гимназическомъ домѣ, равно какъ и за отведеніе „надежнаго мѣста для сохраненія драгоцѣнностей университетскихъ". Попечитель обѣщаетъ „на самомъ опытѣ доказать" свою благодарность директору.

Между тѣмъ въ Петербургѣ, быть можетъ подъ вліяніемъ извѣстія отъ нижегородскаго гражданскаго губернатора о тѣснотѣ въ Нижнемъ и извѣщенія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ о расположеніи почтамта въ гимназическомъ домѣ, состоялось рѣшеніе объ отправленіи Московскаго университета въ Симбирскъ [1]), въ виду неимѣнія помѣщенія и при Казанскомъ университетѣ, куда обращался уже ректоръ Геймъ.

Министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій укрѣпилъ распоряженія директора на отдачу „верхняго и нижняго этажа" гимназическаго дома для помѣщенія Московскаго почтамта, но предписывалъ „болѣе сего не отдавать покоевъ для стороннихъ помѣщеній, ибо остальные, если бы какіе и могли быть уступлены, должно оставить для заведеній министерства народнаго просвѣщенія и чиновниковъ оныхъ, могущихъ прибыть въ Нижній-Новгородъ" [2]).

Предписаніе слѣдовать въ Симбирскъ ректоръ Геймъ получилъ еще 4-го октября, но выѣздомъ медлилъ; повидимому, онъ предпочиталъ остаться въ Нижнемъ или, по крайней мѣрѣ, не ѣхать въ Симбирскъ. Въ то же время ректоръ начиналъ чувствовать недостатокъ въ деньгахъ, необходимыхъ для пропитанія и содержанія университета, о чемъ, повидимому, ректоръ и извѣщалъ гр. Разумовскаго въ одномъ изъ своихъ раннихъ писемъ изъ Нижняго.

Медлительность въ полученіи предписанія и въ освѣдомленіи о положеніи дѣлъ начальства тормозила обмѣнъ сообщеній. Высшее учебное начальство теряло университетъ изъ виду и направляло свои

[1]) Предписаніе изъ департ. мин. нар. просв., доставленное въ Нижній 4-го октября при отношеніи Д. Дмитревскаго отъ 2-го октября (см. приложеніе).

[2]) Предписаніе министра нар. просв. гр. Разумовскаго директору нижегород. уч. Кужелеву отъ 4-го окт. Д. № 12, л. 175.

предписанія на имя директора гимназіи, „поелику директору ближе извѣстно быть можетъ, гдѣ университетъ находится“.

Вторичное предписаніе министра народнаго просвѣщенія отъ 17-го октября ректоръ получаетъ лишь 1-го ноября. Подтверждая вновь рѣшеніе ѣхать университету въ Симбирскъ, министръ народнаго просвѣщенія пишетъ: „Какъ на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ, съ вами находящихся мало суммы“, то министромъ сдѣлано уже предписаніе директорамъ училищъ Нижегородской и Симбирской губерніи „о выдачѣ Московскому университету заимообразно толикаго числа денегъ“, сколько директора, „безъ крайняго стѣсненія расходовъ“, удѣлить могутъ.

Ректоръ университета долженъ былъ сбираться теперь въ дорогу.

Въ свою очередь училищный комитетъ при Казанскомъ университетѣ, въ вѣдѣніи котораго находилась Нижегородская гимназія, въ предписаніи своемъ, полученномъ въ Нижнемъ 3-го ноября, указывалъ директору на необходимость продолжить прерванное ученіе, лишь только „опорожнены будутъ нѣкоторые покои въ гимназическихъ домахъ“; при этомъ комитетъ все еще считается съ возможностью переселенія Московскаго университета въ Казань: „... комитету извѣстно, что г. ректоръ Московскаго университета съ другими чиновниками имѣетъ намѣреніе отправиться въ Казань, о чемъ уже получено [1]) отъ ректора и сообщеніе въ совѣтъ“ [2]).

Но пока судьба университета колебалась между Симбирскомъ, Казанью и Нижнимъ, въ это время исполнялось „упованіе“ ректора, и буря, разразившаяся надъ Москвой, проходила.

Московскій почтамтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ уже 16-го ноября получилъ приказаніе „немедленно“ перевестись въ Москву, „къ чему ужъ и приступлено“, пишетъ управляющій почтамта Куничъ, и проситъ директора, въ виду преждевременнаго оставленія [3]) гимназическихъ помѣщеній, сбавить плату за флигель. Рѣшена была въ другой разъ и судьба университета. 6-го ноября изъ С.-Петербурга гр. Ал. Разумовскій писалъ ректору Гейму, чтобы университету оставаться въ Нижнемъ.

---

[1]) Сообщеніе ректора Моск. унив. Гейма было заслушано совѣтомъ Каз. унив. еще 4-го окт. „Исторія Казанскаго университета“ проф. П. Н. Загоскина. I. 403.

[2]) Изъ училищнаго комитета предписаніе директору нижегородскихъ училищъ отъ 18-го окт. за № 1298.

[3]) Флигель былъ снятъ до 1-го іюля 1813 года за плату 450 р.; было сбавлено директоромъ 100 рублей. Дѣло № 2 за 1812 г.

Пока шло предписаніе министра народнаго просвѣщенія въ Нижній, ректоръ университета обратился 19-го ноября къ директору гимназіи съ письмомъ, въ которомъ указывалъ, что имѣетъ „необходимую надобность въ деньгахъ". Имѣя предписаніе г. министра, проситъ „отпустить заимообразно г-ну университетскому кассиру... подъ росписку четыре тысячи рублей". Этой ссудой „обяжете вы, какъ Московскій университетъ, такъ равно и меня", присоединяетъ ректоръ [1]).

Но вотъ, наконецъ, пришло 25-го ноября предписаніе изъ Петербурга графа Разумовскаго. День и часъ отмѣтилъ ректоръ Геймъ полученіе радостнаго извѣстія. Коротенькимъ сообщеніемъ министръ народнаго просвѣщенія извѣщаетъ: „Какъ нынѣ обстоятельства перемѣнились, то предписываю вамъ, буде не отправились еще въ Симбирскъ, оставаться съ университетомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ" [2]).

Съ отъѣздомъ Московскаго почтамта въ Нижегородской гимназіи стало свободнѣе помѣщеніемъ. Директоръ тотчасъ воспользовался этимъ и размѣстилъ членовъ Московскаго университета съ желаемымъ удобствомъ [3]).

25-го ноября ректоръ Геймъ пишетъ благодарственное письмо директору гимназіи Кужелеву и сообщаетъ ему только что полученное извѣстіе: „Милостивый Государь мой, Иванъ Ивановичъ. Принося Вамъ искреннюю мою благодарность за перемѣщеніе моихъ сотоварищей, спѣшу Вамъ сообщить копію съ приказанія Его Сіятельства Г. Министра Просвѣщенія, полученнаго мною сегодня въ 10 ч. утра, надѣясь, что Вы по Вашему человѣколюбію и благорасположенію къ намъ и впредь позволите пользоваться квартирами, которыя Вы намъ отвели. Съ истиннымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ, Милостивый мой Государь, Вашимъ покорнымъ слугою Иванъ Геймъ".

Добротой отношеній вѣетъ и отъ услугъ и отъ выраженій благодарности за нихъ. Гимназія и „училищные чиновники" ея спокойно и, какъ долгъ, приносятъ жертвы народному просвѣщенію. Директоръ Кужелевъ, помѣщая университетскихъ чиновниковъ, оставляетъ только два покоя для себя „съ крайнимъ утѣсненіемъ"; учителя гимназіи ведутъ ученіе въ собственныхъ квартирахъ; учитель рисовальнаго

---

[1]) Письмо ректора Гейма отъ 19-го ноября. Дѣло № 12, л. 181.

[2]) Предписаніе гр. Ал. Разумовскаго ректору университета отъ 6-го ноября изъ С.-Петербурга получено въ 10 ч. утра 25-го ноября. Дѣло № 12, л. 183.

[3]) Благодарственное письмо ректора Гейма директору гимназіи Кужелеву отъ 25-го ноября.

класса П. А. Веденецкій [1]) даетъ пріютъ и оказываетъ самое радушное гостепріимство въ своемъ маленькомъ домѣ профессорамъ Страхову и Брянцеву.

Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о послѣднихъ дняхъ пребыванія Московскаго университета въ Нижегородской гимназіи, какъ и о времени его выѣзда изъ Нижняго-Новгорода.

Можно думать, что въ началѣ декабря университетъ былъ еще въ Нижнемъ. Отъ этого времени сохранилось лишь два документа. „Препорученіе Ваше", пишетъ Геймъ 4-го декабря директору гимназіи, „касательно Московскихъ вѣдомостей сего дня исполнилъ, и я увѣренъ, что Вы съ будущею почтою получите ихъ по обыкновенному. А дабы Вы между тѣмъ не были безъ вѣдомостей, то я съ превеликимъ удовольствіемъ пересылаю Вамъ собственный мой экземпляръ, прося покорно почитать его своимъ собственнымъ". 4-мъ же декабря директоръ Кужелевъ помѣтилъ и полученіе этой записки. Но по всему видно, университетъ сбирался уже въ обратный путь и извѣщалъ самъ или понуждался къ тому высшимъ учебнымъ начальствомъ.

22-го декабря полученъ директоромъ пакетъ изъ департамента министерства народнаго просвѣщенія отъ 13-го декабря. Директоръ департамента Мартыновъ не знаетъ, гдѣ университетъ; поэтому пишетъ: „Приложенный при семъ запечатанный конвертъ на имя г-на ректора Московскаго Университета, буде онъ выѣхалъ уже въ Москву, благоволите отправить къ нему туда по почтѣ". Матеріалы по Нижегородской гимназіи не даютъ отвѣта на эти вопросы; „Рѣчь" нынѣшняго ректора Московскаго университета, проф. Любавскаго, послѣ разсмотрѣнія августовскихъ событій въ Москвѣ, указавъ, что университетъ 17—22-го сентября былъ въ Нижнемъ, сразу затѣмъ событіями переноситъ насъ въ 1813 годъ.

Къ приведеннымъ выше пополненіямъ событій изъ жизни Московскаго университета съ сентября по декабрь 1812 года можно присоединить лищь одно. Только въ 1816 году расплатился Московскій университетъ съ Нижегородской гимназіей [2]).

23-го іюля 1816 года правленіе университета, за подписью ректора Гейма препровождаетъ въ гимназію „взятые заимообразно въ

---

[1]) П. А. Веденецкій, отличный преподаватель своего предмета, неизмѣнно получалъ благодарность за успѣхи учениковъ отъ окружнаго начальства и пользовался славой, какъ художникъ.

[2]) Дѣла Архива Нижегородской губернской гимназіи за 1816 годъ. Дѣло № 12.

1812 году господиномъ ректоромъ“ четыре тысячи рублей. Правленіе проситъ гимназію увѣдомить его въ полученіи денегъ и вернуть росписку.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письмо ректора Гейма къ директору гимназіи.

Отослано 10 сент.
Получено 17 сент. (въ Нижн.-Новг.).

Милостивый Государь мой,
Иванъ Ивановичъ!

Несчастіе, постигшее Москву, содѣлало членовъ Московскаго Университета изгнанниками и заставило странствовать по бѣлу свѣту. Часть оныхъ съ воспитанниками должна, по приказанію Высшаго Начальства, направить путь свой на Нижній Новгородъ. Состоя вмѣстѣ съ Вами подъ однимъ и тѣмъ же начальствомъ, мы ласкаемъ себя надеждою, что Вы по сей связи, тѣсно насъ соединяющей, не откажитесь подать намъ руку помощи. Почему и осмѣливаюсь покорно просить Васъ, принять насъ въ Вашу гимназію, буде мѣсто позволитъ. Со мною 39 человѣкъ учениковъ, Студентовъ и Кандидатовъ казеннаго содержанія, кассиръ, одинъ Докторъ и 9 солдатъ для охраненія Университетской казны, какъ равно и самыя рѣдкія вещи изъ Музея, физическіе инструменты и книги, на 50 подводахъ расположенныя. Если нельзя помѣстить насъ въ Вашемъ домѣ, то всепокорнѣйше прошу Васъ по крайней мѣрѣ потрудиться исходатайствовать для насъ мѣстечко у Г-на Губернатора.

Будьте увѣрены, что не только нашъ Университетъ приметъ сіе за знакъ Вашего къ намъ благорасположенія, но и самъ Министръ нашъ, къ которому писалъ я изъ Владимира, что къ Вамъ отнесся и просилъ о помощи, не приминетъ объявить Вамъ свое благоволеніе. Возлагая упованіе мое на Бога, я увѣренъ, что буря скоро пройдетъ и что Всевышній, даруя намъ миръ, скоро возвратитъ насъ на наши прежнія жилища, тогда не примину, Милостивый Государь мой, купно съ Членами Московскаго Университета принести Вамъ общую нашу благодарность.

Съ моимъ къ Вамъ почтеніемъ пребуду навсегда Вашимъ, Милостивый Государь мой!

Покорнѣйшимъ слугою Иванъ Геймъ, ректоръ Московскаго Университета Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ.

10 сент. 1812 г.

Сопроводительное письмо Д. Дмитревскаго къ директору гимназіи Кужелеву.

Отъ 11 сент.
Получено 17 сент.

„Милостивый Государь мой,
Иванъ Ивановичъ!

Его Высокородіе, Г. Ст. Сов., Императорскаго Московскаго Университета Ректоръ и Кавалеръ Иванъ Андрѣевичъ Геймъ препоручилъ мнѣ препроводить къ вамъ письмо на имя ваше, относящееся до казенной надобности, которое при семъ прилагая, прибываю съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ.

Милостивый Государь мой! Вашъ покорнѣйшій слуга Д. Дмитревской".

Письмо гр. Ал. Разумовскаго ректору Гейму.

Отправл. 17 окт. (С.-Пб.).
Получено 1 ноября (Нижн.-Новг.).

Милостивый Государь мой,
Иванъ Андреевичъ!

По письму вашему отъ 27 сентября даю знать вамъ, что вслѣдствіе положенія Комитета Господъ Министровъ предписано уже, *какъ вамъ извѣстно* [1]), слѣдовать Московскому Университету въ Симбирскъ. По сей причинѣ, равно и потому, что въ Казани не находится для него помѣщенія, поелику городъ сей занятъ разными прибывшими въ оной присутственными мѣстами, не можетъ Московскій Университетъ соединенъ съ Казанскимъ.

Какъ на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ, съ вами находящихся имѣется у васъ весьма мало суммы; то предписалъ я Губерн-

---

[1]) 2-го окт. Д. Дмитревскій проситъ директора Нижегородской гимназіи доставить письмо ректору Гейму и директору училищъ Московск. губ. П. М. Дружинину.

Получено нижегородскимъ директоромъ 4-го окт. Доставленнымъ изъ деп. мин. нар. пр. предписаніемъ министра нар. просв. предписывается университетскому чиновнику за тѣснотой въ Нижнемъ слѣдовать въ Симбирскъ. Не зная, гдѣ университетъ находится, департ. м. н. пр. проситъ принять предписаніе и доставить безъ замедленія „поелику директору ближе извѣстно быть можетъ, гдѣ Университетъ находится".

скимъ директорамъ училищъ: Нижегородскому и Симбирскому о выдачѣ Московскому Университету заимообразно толикаго числа денегъ, сколько директоры безъ крайняго стѣсненія расходовъ ввѣренныхъ имъ гимназій удѣлить могутъ. Съ предписанія ихъ прилагаю у сего копіи и проч.

Пребывая съ истиннымъ почтеніемъ, вамъ, Милостивый Государь мой! Покорнымъ слугою Г. А. Разумовскій.

Н. Лихинъ.

ВОПРОСЪ О НАРОДНОЙ ШКОЛѢ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Предлагая настоящій очеркъ, мы думаемъ, что данный вопросъ интересенъ для русскаго общества. Намъ, старымъ галицкимъ учителямъ, желательно ознакомить русскихъ людей съ тѣмъ, какъ намъ приходилось жить и работать.

Составленъ очеркъ какъ по личнымъ наблюденіямъ, такъ и по слѣдующимъ офиціальнымъ трудамъ: 1) Podręcznik statystyki Galicyi T. IX, 1913. 2) Szematyzm Królestwa Galicyi i Lodomeryi na r. 1914. 3) Sprawozdanie c. k. Krajowej Rady szkolnej o stanie wychowania publicznego w. r. szk. 1911—12. 4) Przepisy dotyczące kortałcenia nauczycieli. 5) Ustawy szkolne krajowe K. Pierożyński.

I.

Начало XIX столѣтія ознаменовалось для Галиціи сильной германизаціей. Къ ней былъ примѣненъ нѣмецкій школьный законъ: „Politische Schulverfassung“ 1805 года, который принесъ не мало вреда, ибо, отмѣнивъ хорошій методъ умственнаго развитія, предложенный Фельбигеромъ и принятый во всѣхъ славянскихъ земляхъ и Россіи, ввелъ одно механическое развитіе памяти. Школы были заведены нѣмецкія, да и то на весь край была учреждена одна нормальная школа во Львовѣ, въ каждомъ „циркулѣ“ (губерніи) одна главная школа, а по мѣстечкамъ и деревнямъ „тривіальныя“ школы. Отъ кандидатовъ на должность учителя тривіальной школы требовалось окончаніе 3-мѣсячнаго курса (praeparanda) при главной школѣ, а отъ кандидата на должность главной школы требовалось окончаніе 6-мѣсячнаго курса при школѣ нормальной. Въ этихъ школахъ учили обязательно нѣмецкому и польскому языку. Русскому языку не учили, несмотря на то, что епископы Львова и Перемышля домогались отъ австрійскаго правительства преподаванія русскаго языка, какъ необходимаго для чтенія церковныхъ книгъ. Случалось поэтому, что русскій свя-

щенникъ, кончившій даже вѣнскій богословскій факультетъ, не зналъ русскихъ буквъ и, чтобы прочитать народу евангеліе въ русской церкви, писалъ въ евангеліи подъ кириллицей латинскія буквы. Книги съ такими подписями можно видѣть повсюду въ Галичинѣ. Русской книги свѣтскаго содержанія въ это время не было. Возрожденіе славянства озарило и галицкія нивы. А послѣ 1848 г. австрійское правительство учредило въ Львовскомъ университетѣ каѳедру малорусскаго языка, которую занялъ о. Яковъ Головацкій, позволило въ гимназіяхъ восточной Галиціи учить малорусскому языку, а въ городахъ и деревняхъ открывать русскія начальныя школы. Въ 1848—1867 гг. открыто было въ восточной Галиціи 2.000 русскихъ начальныхъ школъ. Школы эти были церковно-приходскаго типа. Онѣ множились, и народу грамотнаго, сознательно русскаго, выходило изъ этихъ школъ все больше и больше. У русскаго народа Прикарпатья крѣпло, особенно послѣ пребыванія русскихъ войскъ въ 1848 г., сознаніе своего единства со всѣмъ русскимъ міромъ. Это австрійскому правительству не понравилось, и оно рѣшило отобрать изъ нашихъ рукъ низшую школу, которая на основѣ конкордата 1855 г. съ папой находилась въ рукахъ русскихъ консисторій въ Львовѣ и Перемышлѣ. А въ то время консисторіи были представлены доблестными сынами Карпатской Руси, преданными русскому народу и его единству. Русскіе владыки, какъ Яхимовичъ, Литвиновичъ передали школьный надзоръ умнѣйшимъ крилошанамъ, какъ-то Куземскому, Малиновскому. Эти люди отдались сердцемъ и душою школьному дѣлу. Они организовывали школы по деревнямъ и мѣстечкамъ, обогащали ихъ фондами на содержаніе, издавали и утверждали учебники, устанавливали наблюденіе за преподаваніемъ учителей, ревизовали школы черезъ декановъ и „пароховъ“ (приходскихъ священниковъ), словомъ, школа эта была нашею начальною русскою школой, которая учила любить русскую церковь, русскій обрядъ, русскій народъ и тѣмъ незамѣтно указывала на единство съ великимъ русскимъ народомъ. Въ 1867 г. эту школу отъ насъ отобрали.

1867 годъ былъ самымъ несчастнымъ годомъ для русскаго народа въ Австріи. Въ этомъ году центральное вѣнское правительство отдало Галицію въ руки польской шляхты, которая заняла наиважнѣйшіе посты администраціи въ свои руки. Въ этомъ году введенъ въ краѣ польскій языкъ вмѣсто господствовавшаго до сихъ поръ языка нѣмецкаго. Въ этомъ году императорскимъ указомъ установлена была *краевая школьная рада*, которая имѣла въ своемъ вѣ-

домствѣ всѣ школы Галиціи, начиная отъ низшихъ и кончая высшими. Въ этомъ году краевая школьная рада отобрала отъ русскихъ консисторій управленіе русскими народными церковно-приходскими школами, которыя были зародышемъ перваго русскаго начальнаго обученія, оставленнаго въ нашихъ русскихъ рукахъ, и въ которыя поляки не имѣли права вмѣшиваться. Президентомъ краевой школьной рады назначенъ былъ польскій шляхтичъ, графъ Агеноръ Голуховскій, намѣстникъ края, фараонъ-гонитель русскаго духовенства. Первымъ дѣломъ краевой школьной рады было устранить русскихъ священниковъ отъ управленія школою, отрѣшить отъ должности тѣхъ учителей, которые явно проявляли себя русскими, которые учили явно о единствѣ русскаго народа. Другимъ шагомъ краевой школьной рады было мгновенно ввести всюду въ русскую школу преподаваніе польскаго языка, всѣ городскія школы и гимназіи измѣнить изъ нѣмецкихъ въ польскія.

Учителя, проснувшись по утру послѣ соотвѣтствующаго „вдохновленія“ со стороны польской краевой школьной рады, начали учить по-польски, хотя къ этому не было никакой подготовки, никакихъ польскихъ школьныхъ учебниковъ; учителя нѣмцы и чехи не понимали хорошо польскаго языка, но „ad maiorem Poloniae gloriam“ все было ничего, и русскихъ преподавателей, упорствующихъ противъ такой радикальной перемѣны, перемѣстили въ западную, польскую, часть Галичины.

До 1867 г. былъ такой обычай, что въ русскихъ деревняхъ былъ обязательно учителемъ русскій человѣкъ. Краевая же школьная рада повліяла на изданіе закона, силою котораго и въ русскихъ деревняхъ могли занимать постъ учителя поляки или евреи. Этотъ шагъ былъ большимъ ударомъ для русскаго дѣла, такъ какъ учитель полякъ не только не шелъ на встрѣчу русскому дѣлу, но былъ врагомъ всего русскаго. По-русски онъ не могъ учить, но училъ польскому языку, училъ русскихъ ребятъ пѣть польскія патріотическія пѣсни, училъ русскій народъ ненавидѣть „москалей“, ругая русскую культуру, презирая русскую вѣру, какъ „хлопскую“, „поганьскую“. И неудивительно, что нашъ народъ не только не полюбилъ этой польской школы, но прямо враждебно къ ней относился, утверждая, что эта школа служила продолженіемъ польскаго ига.

Въ прежнее время, когда школа была въ рукахъ русскихъ епископскихъ консисторій, деревня по своему усмотрѣнію избирала себѣ любого учителя, котораго оплачивала за свой счетъ. Этотъ учитель,

какъ русскій человѣкъ, былъ одновременно церковнымъ пѣвцомъ и волостнымъ писаремъ. Если онъ шелъ изъ школы въ церковь, то бралъ съ собой молодежь, которую училъ на клиросѣ пѣнію и чтенію. Онъ съ односельчанами жилъ въ дружбѣ, зналъ ихъ горе и бѣду, раздѣлялъ съ ними ихъ долю, училъ ихъ любить Русь. Теперь настали другія времена. Въ русскую деревню пришелъ учитель полякъ, по-русски не зналъ, въ церковь не заходилъ, отъ народа не былъ зависимъ, ибо его поставляла польская краевая школьная рада и оплачивала деньгами изъ правительственной кассы.

Дальнѣйшимъ стремленіемъ краевой школьной рады было создать возможно большее число польскихъ школъ, ибо польскихъ начальныхъ училищъ было на половину меньше, чѣмъ русскихъ. Въ громадахъ смѣшанныхъ, состоявшихъ изъ поляковъ и русскихъ, введенъ былъ насильно польскій языкъ. Такихъ громадъ было въ Галиціи около 500, и въ каждой изъ нихъ, конечно, учителемъ долженъ былъ быть полякъ. Несмотря на протесты русскаго народа къ намѣстнику, министру, цесарю, поляки насаждали польскую школу съ польскимъ основнымъ языкомъ и въ тѣхъ громадахъ, гдѣ находилось $^1/_3$ или $^1/_4$ поляковъ (такъ называемыхъ „латинниковъ"); такихъ громадъ было тоже около 250 въ Галиціи, наприм. Радловичи возлѣ Самбора, Быковцы возлѣ Санька, Загорье въ Саноцкомъ уѣздѣ, мѣстечко Гвоздецъ и Печенижинъ въ Коломыйскомъ уѣздѣ. Въ послѣдніе годы полонизація русскихъ деревень шла еще рѣзче. Если въ русской деревнѣ не было школы, а жило нѣсколько семей латинниковъ, то поляки для этихъ латинниковъ основывали частную польскую школу. Эта польская школа приманивала къ себѣ дѣтей русскихъ жителей деревни, давая имъ образки, платье, книги, бумагу, перья, подъ условіемъ, что они будутъ говорить по-польски и молиться по-польски. Въ русской деревнѣ находились русскіе люди, которые ловились на эту приманку и посылали дѣтей въ польскую школу. Затѣмъ управленіе польской школы указывало краевой школьной радѣ, что данной школой пользуется все населеніе, ибо и русскіе посылаютъ туда своихъ дѣтей. Такимъ образомъ краевая школьная рада принимала эту частную школу (T. S. L.) на свой правительственный счетъ. Деревня, узнавъ въ чемъ дѣло, пыталась оберечь свои права, отчего начинались недоразумѣнія и даже грубыя столкновенія между русскимъ населеніемъ и польскою школою, но польская сторона всегда одерживала верхъ. Такими и подобными обманными средствами поляки отбирали отъ русскихъ людей школу и заставляли ихъ учиться поль-

скому языку. Краевая школьная рада не считалась съ требованіями русскаго народа, съ его прошлымъ, съ его школьными традиціями, идущими отъ львовской ставропигійской школы (1586). Она повліяла на шляхетскій польскій сеймъ, и онъ издалъ въ 1873 году законъ на основѣ школьнаго закона 1868 года. Силою этого закона введено было всюду по русскимъ деревнямъ принудительное обученіе польскому языку и насильственное всеобщее обученіе въ духѣ польской ягеллоновской идеи.

II.

Всеобщее обученіе было обязательно для всѣхъ жителей Галиціи, безъ исключенія, отъ 6 до 12-лѣтняго возраста съ 3 годами повторительнаго курса въ воскресной школѣ. Кромѣ краевой школьной рады въ каждомъ уѣздѣ была уѣздная школьная рада съ уѣзднымъ начальникомъ во главѣ, которая должна была заботиться о школахъ своего уѣзда; въ каждой деревнѣ—мѣстная школьная рада, заботящаяся о собственной сельской школѣ. Чтобы русскіе люди не попали въ эти школьныя рады и чтобы не составилось изъ нихъ большинство, „Polonia militans“ придумала такой составъ этихъ школьныхъ радъ, что поляки всегда составляли въ нихъ большинство, а у сельскихъ школьныхъ радъ со временемъ отобрали всякую компетенцію, даже право избирать себѣ учителя. Школьныя рады существовали только на бумагѣ и вліянія на школьныя дѣла не имѣли. Краевая школьная рада состояла изъ 36 человѣкъ, въ среду которыхъ по уставу попадало только 5 человѣкъ изъ русской народности—такъ называемые: „porządni rusini“ (порядочные русскіе). Этимъ школьнымъ совѣтомъ управлялъ намѣстникъ края (генералъ-губернаторъ) и его товарищъ (вице-президентъ). Въ составъ краевой школьной рады входили: представители каждаго вѣроисповѣданія, т. е. по одному человѣку отъ римско-католическаго, уніатскаго, армянскаго, лютеранскаго, еврейскаго; три совѣтника (юристы) львовскаго намѣстничества, какъ административные чиновники; три члена изъ автономнаго „Краевого Выдѣла“ (краевой земской управы), между которыми одинъ долженъ былъ быть русскаго происхожденія; входило по одному представителю отъ городовъ Львова и Кракова, шесть ученыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ представителемъ Львовскаго университета, одинъ Краковскаго, одинъ политехникума, одинъ отъ всѣхъ гимназій и реальныхъ училищъ, одинъ отъ учительскихъ семинарій и народныхъ школъ, одинъ отъ промышленныхъ и коммерческихъ школъ.

Между этими 6 лицами 2 должны были быть русскаго происхожденія. Остальные 15 членовъ рады—краевые школьные инспектора, назначенные правительствомъ—были главными руководителями дѣла. Они ревизовали всѣ школы, на засѣданіяхъ собравшейся краевой школьной радѣ докладывали о каждомъ учителѣ и учительницѣ, объ ихъ политической благонадежности, объ обстоятельствахъ ихъ домашней жизни, о финансовомъ положеніи, объ обществахъ, въ какихъ внѣ школы работаютъ, о политическихъ партіяхъ, къ какимъ принадлежатъ. Они докладывали той же радѣ о состояніи школьныхъ строеній, кабинетовъ, библіотекъ, музеевъ и пр.; такимъ образомъ, это были „очи и уши" краевой школьной рады. Краевая школьная рада имѣла право открывать народныя и высшія городскія училища, утверждать временныхъ и постоянныхъ учителей въ школахъ народныхъ, высшихъ городскихъ, въ гимназіяхъ, въ промышленныхъ и коммерческихъ училищахъ, назначать совмѣстно съ епископскою консисторіей законоучителей, вырабатывать учебные планы, утверждать учебники и руководства, перемѣщать учителей съ одного мѣста на другое, представлять министерству на утвержденіе преподавателей учительскихъ семинарій, а императору — на утвержденіе директоровъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и промышленныхъ школъ, представлять министерству для повышенія въ чинахъ преподавателей и директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, увольнять выслужившихъ лицъ въ отставку, ревизовать всѣ учебныя заведенія черезъ краевыхъ школьныхъ инспекторовъ, производить дисциплинарныя слѣдствія, карать и награждать учителей, управлять краевымъ школьнымъ фондомъ, контролировать уѣздныя и мѣстныя школьныя рады, назначать и перемѣщать уѣздныхъ школьныхъ инспекторовъ, составлять смѣты на постройку школьныхъ зданій.

Чтобы замаскировать свою полонизаторскую дѣятельность, рада допускала въ свой составъ 5 человѣкъ русскаго происхожденія. Но это были, по большей части, люди карьеры, люди, которые давали ручательство, что будутъ послушнымъ орудіемъ поляковъ, ко всякому притѣсненію русскаго элемента будутъ глухи и нѣмы; а были и такіе, какъ безславный Барвинскій, который сдѣлался врагомъ всего русскаго и цѣлью своей жизни поставилъ искоренить съ лица Галицкой Руси русскій духъ и съ помощью созданной на деньги правительства украинской прессы насадить мазепинство самаго низшаго сорта. Онъ получилъ монополію на изданіе „русско-украинскихъ" школьныхъ учебниковъ, былъ авторомъ исторіи „Украйны" и вездѣ

прославлялъ польскую ягеллоновскую идею. Въ этихъ учебникахъ и въ прессѣ Барвинскій поносилъ Россію, русскій народъ, представляя его грубымъ, варварскимъ, некультурнымъ, монголо-финнами. Барвинскій хотѣлъ представить Россію галицкой молодежи школьнаго возраста въ черныхъ краскахъ и, конечно, идеализировалъ все польское и нѣмецкое, прежде же всего гетмана Мазепу, для прославленія котораго помѣщалъ въ школьныхъ учебникахъ спеціальныя монографіи. За это Барвинскій удостоился 9 пенсій, великихъ милостей, медалей, отличій и титула „гофрата" (дѣйствительнаго статскаго совѣтника).

Барвинскаго сдѣлали членомъ краевой школьной рады, и онъ слѣдилъ тамъ за русскими учителями. Если Барвинскій убѣждался, что учитель—человѣкъ русскихъ убѣжденій, то такого человѣка онъ долго преслѣдовалъ, представляя его опаснымъ врагомъ Австрійской имперіи, вплоть до перевода его „на Мазуры", т. е. въ Западную Галицію къ полякамъ (какъ напр. Онуфрова) или до увольненія его со службы (какъ Гецева).

Въ уѣздной школьной радѣ предсѣдательствовалъ уѣздный начальникъ (староста). Въ составъ ея входили делегатъ города, два делегата уѣздной земской управы, делегаты католическаго, уніатскаго, лютеранскаго и еврейскаго вѣроисповѣданія, два или три делегата изъ педагоговъ и уѣздный школьный инспекторъ. Обыкновенно только одинъ изъ этихъ представителей, именно уніатскій русскій священникъ, былъ человѣкомъ русскаго происхожденія. Если это былъ человѣкъ украинскихъ убѣжденій, то, конечно, русское дѣло не имѣло тогда своего представителя, а русскіе учителя—защитника; русскимъ учителямъ приходилось тогда скрывать свои убѣжденія и сидѣть тихо: иначе имъ пришлось бы плохо.

Права уѣздной школьной рады были многимъ меньше, чѣмъ краевой. Уѣздная школьная рада завѣдывала организаціей польскихъ школъ по русскимъ уѣздамъ, объявляла циркуляры краевой школьной рады и министерства народнаго просвѣщенія. Она открывала польскія школы по русскимъ деревнямъ, занималась назначеніемъ временныхъ учителей, временныхъ завѣдующихъ школами и перемѣщеніемъ ихъ изъ одной мѣстности въ другую. Она ревизовала школы въ уѣздѣ черезъ уѣзднаго инспектора, представляла краевой школьной радѣ на утвержденіе въ постоянной должности учителей и законоучителей, выхлопатывала у высшихъ школьныхъ властей награды и отличія, занималась постройкою школьныхъ зданій въ уѣздѣ, наказывала родителей за непосыланіе дѣтей въ школу, контролиро-

вала мѣстныя школьныя рады, слѣдила за политическою благонадежностью.

Въ каждой деревнѣ, гдѣ имѣлась школа, была мѣстная школьная рада. Конечно, въ русской деревнѣ она должна бы была быть въ рукахъ рускихъ людей. Но въ законодательствѣ дѣло было обставлено такъ, что рѣдко когда попадалъ въ раду русскій человѣкъ; если же это случалось, то поляки людей русской идеи въ званіи школьныхъ совѣтниковъ не утверждали, а разными способами давленія принуждали избрать въ школьную раду либо такихъ, какъ выше указанный Барвинскій, либо всякаго рода „хруней“ [1]). Въ составъ мѣстной школьной рады входили безъ выбора представитель мѣстнаго прихода—русскій священникъ, а если въ деревнѣ со смѣшаннымъ населеніемъ былъ польскій ксендзъ, то онъ, конечно, первенствовалъ передъ русскимъ священникомъ; если же польскаго ксендза въ русскомъ селѣ не было, а въ русской деревнѣ жило нѣсколько польскихъ семействъ, при чемъ въ школѣ былъ хотя одинъ польскій ребенокъ, то сейчасъ же для защиты польскихъ интересовъ назначался польскій священникъ изъ самой отдаленной польской деревни [2]).

Въ раду входили: „польскій панъ дѣдичъ“ помѣщикъ представителемъ польскаго двора (большого имѣнія, находившагося почти въ каждой русской деревнѣ), 2 или 3 волостныхъ гласныхъ, какъ представители деревни, одинъ еврей, какъ представитель мѣстныхъ евреевъ-ростовщиковъ, и, наконецъ, учитель, какъ представитель школы. Рада сама себѣ избирала предсѣдателя, его замѣстителя и секретаря и должна была заботиться о школѣ въ русской деревнѣ. Какія были ея права? Забота о школьномъ зданіи, забота о содержаніи школы, ремонтъ, наемъ квартиры для учительскаго персонала (если не хватало мѣста въ зданіи школьномъ), содержаніе дворника, покупка топлива, раздача бумаги, книгъ и научныхъ пособій для бѣдной школьной молодежи, контроль дѣлопроизводства. Рада отмѣчала родителей, не посылающихъ дѣтей въ школу, слѣдила за дѣятельностью учителя и доносила уѣздному школьному начальству, не вмѣшивается ли онъ въ политику и не вводитъ ли въ школу „руссофильства“.

---

[1]) Подлыхъ измѣнниковъ.

[2]) Въ Коломыйскомъ, чисто русскомъ уѣздѣ есть мѣстечко Гвоздецъ, гдѣ находится одинъ польскій монастырь Бернардиновъ, который имѣетъ прихожанъ, разбросанныхъ по 22 русскимъ селамъ, при чемъ въ каждомъ селѣ есть русская школа съ мѣстной школьной радой. И вотъ для контроля русскихъ школъ, русскаго священника и русскихъ учителей назначаются ксендзы-бернардины членами въ мѣстныя школьныя рады во всѣхъ 22 русскихъ деревняхъ.

Дѣлопроизводство и школьныя канцеляріи велись, конечно, обязательно на польскомъ языкѣ. Всѣ школьные акты, какъ-то: школьная метрика, школьная хроника, главный каталогъ, школьный дневникъ, книги протоколовъ, каталогъ школьной библіотеки, инвентарь школы, всѣ, подъ угрозою кары, должны были составляться по-польски, тѣмъ болѣе всякія распоряженія и циркуляры уѣздной и краевой школьныхъ радъ. Вывѣски на школьномъ зданіи были тоже польскія.

Что же было въ этой школѣ русскаго? почему поляки всегда говорили, что въ Галиціи русскіе имѣютъ бо́льшую свободу, чѣмъ поляки въ Россіи или Германіи? Да, школы были русскія, но лишь поскольку польская культура не успѣвала испортить души русскаго ребенка, поскольку школы эти посѣщались русскою деревенскою молодежью и учителю приходилось къ этой молодежи обращаться съ русскою рѣчью, ибо другого языка дѣти не понимали. Задача же польскихъ властей состояла въ томъ, чтобы каждый русскій ребенокъ научился хорошо объясняться на польскомъ языкѣ, чтобы душа его прониклась польской „ягеллоновской" идеей, чтобы молодежь, кончившая эту школу, отрицательно относилась ко всему русскому. Какъ только инспекторъ пріѣзжалъ въ школу, онъ сейчасъ же спрашивалъ, какъ дѣти говорятъ по-польски; и учитель-полякъ, конечно, много старался, чтобы показать наилучшіе успѣхи въ польскомъ языкѣ, прибѣгая для этого не разъ къ самымъ грубымъ насиліямъ и даже смертнымъ побоямъ (какъ Грейсъ—Коханчука) [1]. Народъ русскій неоднократно на вѣчахъ, предвыборныхъ собраніяхъ домогался отъ кандидатовъ въ депутаты устраненія у себя польскихъ школъ, какъ вредныхъ русскому народу, но, какъ извѣстно, безъ всякаго результата.

III.

Въ 1869 году центральное вѣнское правительство издало основной законъ о принудительномъ всеобщемъ обученіи. На основаніи этого закона каждая область обязана была создать подробный краевой законъ всеобщаго народнаго обученія, имѣвшій опредѣлить обязанности волостей относительно школьныхъ построекъ, вопросъ о языкѣ школы, о школьныхъ радахъ уѣздныхъ и мѣстныхъ и т. д. Въ 1873 г. въ Галичинѣ и былъ изданъ подробный *краевой школь-*

---

[1]) Участь Михаила Коханчука отдалась громкимъ эхомъ по всей Европѣ, въ Петроградѣ была отслужена панихида по этой жертвѣ польскаго учителя Грейса; а одинъ изъ нашихъ поэтовъ написалъ хорошіе стихи на смерть Коханчука, получившіе у насъ въ Галичинѣ широкое распространеніе.

ный законъ о всеобщемъ обученіи, о правахъ и обязанностяхъ учителей, о томъ, кто долженъ былъ учреждать и содержать школу, законъ о школахъ городскихъ, подробный научный планъ для народныхъ и городскихъ школъ, школьный регламентъ и пр., все на основѣ закона 1869 г. Согласно съ этимъ закономъ каждый ребенокъ обоихъ половъ долженъ былъ по достиженіи 6-лѣтняго возраста посѣщать школу въ теченіе шести лѣтъ ежедневно, а въ слѣдующіе три года разъ въ недѣлю для пріобрѣтенія свѣдѣній по сельскому хозяйству, мелкогородской промышленности и ремесламъ. Отъ обязательнаго обученія въ школѣ освобождались дѣти слабосильныя, калѣки или такіе бѣдняки, для которыхъ посѣщеніе школы было невозможно.

Однако законъ этотъ былъ закономъ на бумагѣ, хотя и существовалъ болѣе 40 лѣтъ: верховная школьная власть не успѣла открыть школы во всѣхъ деревняхъ. Главнымъ препятствіемъ былъ недостатокъ кандидатовъ въ народные учителя, ибо скудное жалованье (200—250 рублей ежегодно, 300—максимумъ!) не привлекало молодежи къ этому тяжелому труду, тѣмъ болѣе, что верховная школьная магистратура была въ рукахъ шляхетской польской партіи, которая не желала раціональнаго просвѣщенія народа, а особенно народа русскаго; поэтому она и не торопилась съ повышеніемъ жалованья учителямъ. Учительскія семинаріи, учрежденныя въ 1870 г., тоже не привлекали въ свои стѣны молодежи съ среднимъ образованіемъ, какъ того требовалъ законъ, ибо эта молодежь не видѣла передъ собою никакой карьеры, и учительскія семинаріи пустовали. Поэтому, чтобы привлечь бѣднѣйшую молодежь къ учительскому сословію, учрежденъ былъ рядъ мелкихъ стипендіальныхъ пособій для учащихся въ семинаріяхъ и внесено къ закону о семинаріяхъ дополненіе, добавлявшее проготовительный классъ. Въ этотъ классъ могла попасть молодежь, не кончившая 4 классовъ гимназіи или 8-класснаго городского училища, въ надеждѣ, что въ приготовительномъ классѣ получитъ тѣ знанія, какія требовались отъ ученика, окончившаго 4 класса гимназіи или 8-классное городское училище. Чтобы, какъ мы выше упомянули, привлечь большее количество самыхъ бѣдныхъ кандидатовъ въ учителя, польскій галицкій сеймъ учредилъ большое количество мелкихъ стипендій (отъ 4—8 руб.) и этими пособіями обязывалъ кандидатовъ по окончаніи семинаріи къ шестилѣтней учительской службѣ, ибо многіе кандидаты, кончившіе семинарію, не желали учительствовать за ничтожное жалованье и переходили массами въ другія правительственныя вѣдомства, гдѣ жа-

лованья было больше и не было такого стѣсненія, такого униженія человѣческаго достоинста со стороны польскихъ властей, какъ въ школьной службѣ. Поэтому-то такъ медленно входилъ въ жизнь законъ 1873 года и такъ медленно учреждались новыя школы.

Другимъ весьма важнымъ препятствіемъ къ развитію народныхъ школъ было стремленіе польской школьной рады полонизировать посредствомъ школы русское населеніе. Вмѣсто того, чтобы учить дѣтей русскому языку, церковному пѣнію, счетоводству, хозяйственнымъ знаніямъ, полезнымъ русскому крестьянину, тамъ заставляли русскихъ дѣтей учить о польскихъ „круляхъ"—„Кракусахъ", „Вандахъ". Русскій ребенокъ видѣлъ въ школѣ, въ учителѣ не родственное и дружественное лицо и учрежденіе, а врага, на содержаніе котораго отецъ платилъ въ казну деньги.

Какъ мы упомянули выше, обученіе въ этихъ сельскихъ школахъ продолжалось шесть лѣтъ; оно дѣлилось на 4 цикла. Въ первый годъ ребенокъ обучался грамотѣ по фонетическому букварю и счету до 10; на второй годъ учился уже польской азбукѣ и хорошо выражать свои мысли по-польски. Результатъ этого двухгодичнаго обученія былъ очень плохой, ибо обѣ азбуки смѣшивали. На третій и четвертый годы ребенокъ долженъ былъ уже знать всѣхъ польскихъ „крулей" и вождей, польскія пѣсни про польскихъ богатырей, какъ-то о Болеславѣ Храбромъ, который свой мечъ испортилъ о ворота русскаго Кіева, насаждая тамъ „правдивую" католическую вѣру, о Ягеллѣ, который перемѣнялъ русскія „схизматическія" церкви на польскіе костелы и проч. Пятый и шестой годы обученія обнимали четвертый циклъ, гдѣ русскій ребенокъ уже долженъ былъ знать о великомъ польскомъ народѣ, объ его историческомъ посланничествѣ между славянскими народами, о его славныхъ герояхъ, какъ напримѣръ, о сапожникѣ Килинскомъ и под. Конечно, это обученіе не шло русскимъ дѣтямъ въ пользу и не разъ принимало комическій характеръ, въ родѣ того, что на вопросъ отца у мальчика: „чему ты сегодня въ школѣ учился?"—послѣдній отвѣчалъ: „какъ польскаго короля мыши съѣли".

По закону 1873 года каждая деревня, какъ административная единица, должна была на своей территоріи содержать школу. По этому закону народная школа должна была быть открыта тамъ, гдѣ на семиверстномъ разстояніи найдется 40 дѣтей школьнаго возраста. Территорія каждаго помѣщика (поляка) [1]) составляла другую адми-

[1]) Русскихъ помѣщиковъ въ Галиціи совсѣмъ нѣтъ.

нистративную единицу съ отдѣльнымъ правленіемъ, и въ силу того же закона помѣщикъ долженъ былъ содержать на своей территоріи школу для своихъ дѣтей и дѣтей своей многочисленной прислуги. Но такъ какъ содержаніе школы стоило большихъ денегъ, то помѣщики сумѣли хитро сбросить съ себя это бремя; въ ихъ рукахъ была власть законодательная (они представляли большинство галицкаго сейма) и они сумѣли обставить законъ такъ, что помѣщикъ не содержалъ на своей территоріи школы, а уплачивалъ часть расходовъ по содержанію деревенскаго школьнаго зданія, по содержанію школьнаго дворника, на дрова и на прочія мелкія издержки.

Приблизительно бюджетъ каждой деревенской школы составлялъ около 200 р. въ среднемъ; деревня половину, а вторую—помѣщикъ. Однако помѣщикъ не уплачивалъ денегъ на жалованье учительскаго персонала, ибо не принималъ участія въ совѣщаніяхъ объ организаціи школы и не строилъ школьнаго зданія. Уплачивая наличными около 100 р. на школьныя издержки, помѣщикъ имѣлъ большую выгоду, ибо дѣти его многочисленной прислуги пользовались деревенскою школою; онъ могъ безъ выборовъ входить въ составъ мѣстной школьной рады, гдѣ имѣлъ право ревизіи школьнаго дѣла; онъ имѣлъ большое вліяніе на выборъ учителя, такъ какъ былъ хорошо знакомъ съ „панами", входящими въ составъ школьныхъ радъ. Учитель, избранный подъ вліяніемъ польскаго помѣщика, былъ его „окомъ и ухомъ" въ русской деревнѣ, донося ему о настроеніи русскихъ мужиковъ по отношенію къ польскому двору (имѣнію). Чѣмъ меньше училъ этотъ учитель деревенскихъ ребятъ, тѣмъ больше пользовался славой самаго лучшаго педагога, ибо не обременялъ головы хлопу, которому школа не нужна. Однако, помимо всякихъ препонъ, русскій народъ стремился къ просвѣщенію. Подъ тихимъ вліяніемъ сознательныхъ русскихъ священниковъ, немногихъ русскихъ учителей, русскихъ просвѣтительныхъ обществъ (какъ М. Качковскаго) русскій мужикъ все чаще и чаще отдавалъ своихъ дѣтей въ городскія школы, въ гимназіи и университеты, и такимъ образомъ множилась русская интеллигенція, которая занимала посты или въ казенныхъ учрежденіяхъ или независимыя должности присяжныхъ повѣренныхъ, врачей, нотаріусовъ, священниковъ; они, какъ образованные люди, были представителями русскаго народа въ законодательныхъ палатахъ, гдѣ стояли за интересы русскаго мужика, русской церкви и народности. Эта ежегодная прибыль русской сознательной интеллигенціи не понравилась польскимъ сферамъ, какъ сильнымъ хозяевамъ Галиціи. Во

что бы то ни стало, они стремились къ тому, чтобы задержать наплывъ русской деревенской молодежи въ городскія высшія учебныя заведенія и посредствомъ бывшаго вице-президента краевой школьной рады Бобжинскаго, бывшаго впослѣдствіи намѣстникомъ Галичины, въ 1893 г. издали новый школьный законъ, въ силу котораго раздѣлили школу народную на 2 типа: на сельскую (типъ низшій) и городскую (типъ высшій). Въ сельской школѣ сократили науку такъ, что ребенокъ, кончившій деревенскую школу, не могъ уже перейти въ городское училище или гимназію, ибо былъ слишкомъ мало подготовленъ. Однако русскій народъ Галиціи защищалъ себя, какъ умѣлъ. По совѣту русскихъ просвѣтительныхъ обществъ, русскихъ священниковъ, учителей, студентовъ, онъ училъ частнымъ образомъ своихъ дѣтей и, конечно, посылалъ въ гимназіи.

IV.

Въ большихъ городахъ Галиціи существуютъ гимназіи, которыя приготовляютъ къ поступленію въ университетъ. Чтобы попасть въ гимназію, мальчикъ долженъ быть въ возрастѣ отъ 10—14 лѣтъ, окончить 4-классную народную школу, гдѣ учился 2 года нѣмецкому языку, и выдержать экзаменъ по нѣмецкому, польскому языкамъ и ариѳметикѣ. Такъ какъ въ гимназіи обученіе продолжительное, требующее большихъ дарованій и матеріальныхъ средствъ, то не каждый мужикъ могъ посылать туда своихъ дѣтей. Для той молодежи, которая не можетъ разсчитывать на гимназію, краевая школьная рада придумала другой типъ школы, съ 2 или 3-лѣтнимъ курсомъ, подъ названіемъ „школа выдѣловая“ съ программой, отвѣчающею низшимъ четыремъ классамъ гимназіи, за исключеніемъ классическихъ языковъ. Въ этихъ школахъ преподавались польская, австрійская исторія (кое-что изъ всемірной), географія, ариѳметика, алгебра, химія, физика, природовѣденіе, геометрія, черченіе и рисованіе, ручныя работы изъ дерева, глины и бумаги. Такая школа съ тремя классами получила названіе „выдѣловой“ или высшей городской (Bürgerschule), а чтобы содержаніе администраціи стоило дешевле, эту школу соединили съ начальною четырехклассною подъ однимъ управленіемъ, давъ управляющему титулъ директора. Отъ него и отъ учителей требовался высшій образовательный цензъ. Лица, кончившія такую школу, могли занимать низшія чиновничьи должности: въ судейскихъ канцеляріяхъ, въ почтовыхъ учрежденіяхъ, казенныхъ палатахъ, въ конторахъ, на желѣзной дорогѣ и пр. Малый процентъ русской крестьянской моло-

дежи попадалъ въ эти школы высшаго типа, во-первыхъ, потому что въ русскихъ деревняхъ не было 4-классныхъ школъ, гдѣ бы учили нѣмецкому языку, а, во-вторыхъ, потому что завѣдующіе городскими высшими училищами получали тайные циркуляры, чтобы всячески препятствовать принятію крестьянскихъ русскихъ дѣтей въ городскія высшія училища, тѣмъ болѣе въ гимназіи. Такимъ образомъ, вслѣдствіе невѣжества нашихъ крестьянъ и препятствія школьныхъ властей много талантливыхъ юношей не могло воспользоваться высшими городскими училищами. Въ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ въ русской деревнѣ былъ русскій по духу священникъ или учитель или другое просвѣщенное лицо, русскія дѣти могли попасть въ „выдѣловыя“ школы.

Эти высшія городскія школы были всѣ безъ исключенія польскія, съ польскимъ преподаваніемъ; съ малорусскимъ языкомъ не было ни одной. Всѣхъ этихъ школъ было 120. Содержаніе этихъ школъ лежало на городской думѣ и на краевомъ школьномъ фондѣ, деньги на который собирались съ русскихъ жителей города и края. Учителями въ этихъ школахъ были, конечно, поляки и евреи, немного мазепинцевъ, а русскихъ по убѣжденіямъ людей въ учителя этихъ школъ не допускали. Малорусскому нарѣчію посвящалось въ этихъ школахъ 2 часа въ недѣлю, но учили ему сами поляки, не понимающіе даже хорошо прочесть текста книги, и часто поэтому уроки этого нарѣчія замѣнялись черченіемъ или гимнастикою.

По закону 1873 года обученіе въ высшихъ городскихъ „выдѣловыхъ“ школахъ продолжалось 7 лѣтъ (вмѣстѣ съ начальной 4-классной), а въ школахъ низшаго типа — 6 лѣтъ независимо отъ числа классовъ.

Школы низшаго типа дѣлились на одно- двух- трех- и четырехклассныя. Учрежденіе той или другой школы зависѣло отъ числа жителей деревни или мѣстечка. Если въ деревнѣ насчитывалось отъ 40 — 70 дѣтей школьнаго возраста, то тамъ краевая школьная рада учреждала одноклассное училище съ однимъ постояннымъ учителемъ. Этотъ учитель долженъ былъ учить дѣтей съ перваго до шестого учебнаго года. Всѣ свѣдѣнія по исторіи, географіи, естественнымъ наукамъ почерпались изъ утвержденныхъ краевою школьною радою учебниковъ. Учителю нельзя было ничего добавить или убавить. Учебники эти подъ общимъ названіемъ „Школа народна“ часть I, II, III, IV и для повторительнаго воскреснаго обученія ч. V составлены были по указу рады комиссіей, подъ предсѣдательствомъ

краевыхъ школьныхъ инспекторовъ и подъ наблюденіемъ бывшаго вице-президента той же рады Бобжинскаго. Они не были составлены русскими авторами, а являлись переложеніемъ польскихъ учебниковъ, составленными учителями поляками для польскихъ школъ. Вслѣдствіе неправильнаго перевода выходили не разъ курьезы, отъ которыхъ дѣти смѣялись [1]). Этими учебниками пользовались во всѣхъ городскихъ школахъ, потому что иныхъ власти не разрѣшали издавать. Характерно отмѣтить, что инструкція краевой школьной рады (7/3 1893. ч. 1741) гласитъ (на стр. 43), что школа сельская не должна отвращать умовъ молодежи отъ обстановки, среди которой она живетъ, и не побуждать ее выдвинуться изъ этой среды. Двухклассная не отличалась совсѣмъ отъ школы одноклассной; была лишь та разница, что школы двухклассныя учреждались по большимъ деревнямъ, гдѣ число дѣтей переходило за 80. Въ такой школѣ было два постоянныхъ учителя, изъ которыхъ одинъ былъ завѣдующимъ. Отдѣленія и программы были тѣ же, что и въ одноклассной школѣ. Въ одноклассной школѣ, гдѣ былъ одинъ учитель, распредѣлялись уроки такъ, что съ двумя старшими отдѣленіями занимался учитель до обѣда (8—11 ч.), а послѣ обѣда (2—4)—съ двумя младшими, при чемъ одно отдѣленіе должно было заниматься самостоятельно (такъ называемая „тихая наука").

Въ двухклассной школѣ преподаваніе поставлено было лучше, такъ какъ школа эта имѣла двухъ учителей, при чемъ каждый учитель имѣлъ только два отдѣленія и занимался съ однимъ до обѣда, а съ другимъ послѣ обѣда; такая двухклассная школа давала лучшіе результаты.

Трехклассныя школы открывались преимущественно по мелкимъ городкамъ и по самымъ большимъ польскимъ деревнямъ, гдѣ число дѣтей въ школьномъ возрастѣ превышало 160. Школа эта была тоже школою низшаго „типа" съ такими же отдѣленіями, какъ и школа одно- и двухклассная, съ тою разницею, что послѣдніе 2 года, т. е. на 5-омъ и 6-омъ году ученія, училась молодежь нѣмецкому языку

---

[1]) Въ учебники Школа народна ч. III относительно копанія картофеля было сказано: въ польской книгѣ, что картофель начинаютъ копать крестьяне уже на св. Михаила (29-го сентября), а въ русскомъ переводѣ было сказано также, что русскіе крестьяне начинаютъ копать картофель тоже на св. Михаила, память котораго русская уніатская церковь празднуетъ около половины ноября, когда картофель давно выкопанъ.

и, слѣдовательно, могла переходить въ гимназію или высшее городское училище.

Въ трехклассной школѣ преподавали 3 учителя, а гдѣ дѣтей было больше, чѣмъ 240—300, тамъ организовалось четырехклассное училище съ 4-мя учителями. Такая четырехклассная школа была тоже школою низшаго типа съ тѣми же четырьмя отдѣленіями, какъ и въ одноклассномъ училищѣ, съ такими же школьными учебниками, но съ нѣмецкимъ языкомъ. Краевая школьная рада не допускала открывать четырехклассныхъ школъ по русскимъ деревнямъ.

Нѣкоторыя большія русскія деревни хлопотали ежегодно объ открытіи 4-классныхъ училищъ, но прошенія ихъ оставались „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ"; прибѣгали къ крайнимъ средствамъ, къ посылкѣ депутацій къ намѣстнику, министру, прибѣгали даже къ школьнымъ забастовкамъ, напр., деревни Балинцы въ Коломыйскомъ уѣздѣ, Кульчицы—въ Самборскомъ.

Учитель въ школахъ низшаго типа имѣлъ до 30 уроковъ въ недѣлю, а въ городскихъ до 25. Кромѣ 30 обязательныхъ уроковъ въ школахъ низшаго типа, учитель давалъ еще въ одноклассной школѣ 4 урока по воскресеніямъ для той молодежи, которая кончила 6 лѣтъ обязательнаго обученія и должна была еще обучаться дополнительно. Занятія эти начинались 15-го октября и кончались 15-го апрѣля. За преподаваніе воскресное учитель получалъ особое вознагражденіе ($^1/_2$% ежемѣсячнаго жалованья). Обучалась молодежь на воскресныхъ урокахъ преимущественно земледѣльческимъ наукамъ (почва, туки, орудія, огородничество, садоводство, пчеловодство) и польской исторіи (Школа народна, ч. V). Дѣвушки учились рукодѣлію, которому обучала учительница или жена учителя.

Школы высшаго типа или городскія школы пятиклассныя, шестиклассныя и семиклассныя или „выдѣловыя". Четыре низшіе класса этихъ школъ приготовляли къ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, а пятый, шестой и седьмой классы составляли своего рода особую школу съ программой, равной низшимъ классамъ гимназій за исключеніемъ классическихъ языковъ. Въ эти классы и поступала та молодежь, которая не разсчитывала на университеты. Окончившіе ихъ назначались кандидатами на мелкія должности по всѣмъ учрежденіямъ, какъ казеннымъ, такъ и частнымъ. Школы 5 и 6-классныя были открыты по небольшимъ городамъ Галиціи, а по большимъ—7-классныя или „выдѣловыя".

Совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ было въ школахъ

одно- двух- трех- четырехклассныхъ, при чемъ мальчики и дѣвочки сидѣли на разныхъ скамейкахъ. Но по большей части въ трехклассныхъ и четырехклассныхъ школахъ молодежь уже раздѣлялась по поламъ въ отдѣльные классы или составлялись отдѣльныя женскія школы. По городамъ, гдѣ были 5, 6 и 7-классныя школы, низшіе четыре класса могли быть съ совмѣстнымъ обученіемъ, высшіе же 5-й, 6-й и 7-й были особыми для мальчиковъ и дѣвочекъ.

V.

Образованіе учителей. До учрежденія въ Галиціи краевой школьной рады, то есть до 1867 года (22—27 ч. IV, № 12), образованіе учителей для русскихъ сельско-приходскихъ школъ получалось при епископскихъ консисторіяхъ въ Львовѣ и Перемышлѣ. Въ первой половинѣ XIX вѣка въ Перемышлѣ заботами и на средства епископа Іоанна Снѣгурскаго открытъ былъ при епископской консисторіи „дьяко-учительскій“ институтъ. Первый просвѣтитель Галицкой Руси епископъ Іоаннъ Снѣгурскій хорошо понялъ, что русскую уніатскую церковь въ Галиціи можно охранить отъ латинизаціи и совершенной погибели лишь высокообразованнымъ причтомъ церковнымъ, дьяками, которые исполняли бы при этомъ должности учителей. Онъ первый выписалъ изъ Россіи музыкальныя сочиненія Бортнянскаго, онъ возстановилъ всенародное пѣніе. Онъ привязалъ къ русской церкви ополяченную свою паству поднятіемъ на высокую степень духовенства дьяко-учителей и плѣнилъ ее красотою церковнаго пѣнія. Онъ выработалъ программу для этой „дьяко-учительской“ образовательной школы, самъ за ней наблюдалъ, вознаграждая прилежно учащихся юношей. Школа стояла подъ непосредственнымъ вѣденіемъ епископа или его помощника, одного изъ канониковъ, которому епископъ поручилъ попечительство надъ „дьяко-учительскимъ“ институтомъ. Во внутреннее устройство этой школы австрійское правительство и поляки на основѣ конкордата, заключеннаго съ римскою куріей (1855 г.), не вмѣшивались, поэтому преподаваніе въ этой школѣ было дѣйствительно русскимъ. Эта школа воспитывала русскому народу русскихъ по духу учителей, которые вмѣстѣ съ народомъ шли на борьбу за права Галицкой Руси. Народъ русскій въ Галиціи полюбилъ этихъ учителей, полюбилъ эту церковно-приходскую школу, онъ видѣлъ ея нравственное вліяніе на полу-ополяченный на рубежахъ Галицкой Руси русскій народъ. Онъ видѣлъ въ учителѣ своего друга, видѣлъ его окруженнаго дѣтьми, которыхъ училъ онъ по церковнымъ книгамъ

церковному уставу, пѣнію, онъ видѣлъ этого учителя и въ волостной канцеляріи, гдѣ тотъ вмѣстѣ съ священникомъ давалъ крестьянамъ совѣты въ различныхъ дѣлахъ относительно обращенія къ административнымъ властямъ, войсковымъ, судейскимъ, казеннымъ; у него темный русскій крестьянинъ искалъ защиты, утѣшенія въ своихъ нуждахъ и скорбяхъ. Словомъ, такой сельскій „дьяко-учитель" имѣлъ въ деревнѣ большое вліяніе, онъ всегда вмѣстѣ съ священникомъ служилъ честно русскому народу. За то народъ умѣлъ хорошо оцѣнить труды и доброжелательство этого учителя, котораго считалъ своимъ, и награждалъ по своимъ силамъ. Дьяко-учитель получалъ обыкновенно за исполненіе учительскихъ обязанностей приблизительно 100 р. ежегоднаго жалованія, за исполненіе обязанностей дьяка нѣсколько десятинъ земли и $^1/_3$ доходовъ церковныхъ (iura stolae). Кромѣ того получалъ вознагражденіе за обязанности волостного писаря около 50 р. такъ, что весь его доходъ представлялъ сумму 200—300 р., что въ то время, 80 лѣтъ назадъ, было довольно хорошо. Какъ выше нами указано, польскія сферы испугались такого сильнаго вліянія на народъ церковно-приходской школы, безконтрольной и стоящей подъ непосредственнымъ вліяніемъ духовенства независимаго отъ казны, испугались народа примкнувшаго къ русской церкви, испугались сознательнаго русскаго духовенства, воспитаннаго уже на историческихъ началахъ единства русскаго народа митрополитомъ Яхимовичемъ, епископомъ Снѣгурскимъ, профессоромъ Головацкимъ, историкомъ Зубрицкимъ, протоіереемъ Наумовичемъ, испугались того народа, въ которомъ пробудилась русская душа, который въ первый галицкій сеймъ послалъ, въ числѣ 47 депутатовъ, сознательныхъ русскихъ людей, начавшихъ открыто борьбу съ поляками за права русскаго народа. По закону 1867 года поляки отобрали изъ рукъ русскаго народа, изъ рукъ русскихъ консисторій эту церковно-приходскую школу, отдавъ ее подъ власть польской краевой школьной рады. Краевая школьная рада признала образованіе „дьяко-учителей" недостаточнымъ и потребовала экзамена передъ комиссіей. Комиссія была составлена ad hoc изъ преподавателей новоучрежденныхъ учительскихъ семинарій, опытныхъ гимназическихъ педагоговъ etc. Собственно говоря, $^1/_2$ дьяко-учителей подверглась внезапному испытанію, но вслѣдствіе большихъ требованій половина изъ нихъ на экзаменѣ провалилась; новокомплектованные же на польскій ладъ учителя заняли мѣста уже не „дьяко-учителей", а просто учителей, зависимыхъ не отъ епископскихъ консисторій, а отъ польской краевой школьной

рады, получали жалованье изъ казны и право на эмеритуру, чего прежде не было. За то преимущество, что учитель, выходя въ отставку, могъ получать эмеритуру, онъ долженъ былъ отказаться отъ занимаемой прежде должности дьяка и волостнаго писаря. Та часть русскихъ учителей, которая перешла на службу краевой школьной рады, не получила прежней своей доли, ибо жалованье учителя, тогда получаемое изъ казны, не превышало суммы 300 р., а новое общественное положеніе, зависимое отъ польской краевой школьной рады, стѣсняло до такой степени, что онъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ жизнь русскаго народа, въ волостныя дѣла, словомъ, не могъ служить своему народу, какъ прежде.

Другая часть русскихъ учителей, которая не прошла черезъ новый экзаменъ, осталась безъ учительскаго хлѣба и держалась только дьячества и волостного писарства. Но и тутъ вмѣшивались польскія власти, въ лицѣ уѣздныхъ начальниковъ, которые отрѣшали русскихъ людей отъ исполненія должности волостного писаря и поручали дѣлопроизводство полякамъ.

Съ этого времени дьяко-учительскіе институты не образовывали уже больше дьяко-учителей, а просто дьяковъ, такъ какъ краевая школьная рада позаботилась объ учрежденіи новыхъ очаговъ образованія народныхъ учителей, объ „учительскихъ семинаріяхъ“.

Въ 1870 году министерство учредило 6 учительскихъ семинарій, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, которыя должны были дать большее образованіе народнымъ учителямъ, чѣмъ дьяко-учительскіе институты, и учительскія „praeparand'ы“, существовавшія при главныхъ городскихъ школахъ съ двухгодичнымъ курсомъ и приготовлявшія учителей для „тривіальныхъ“ и городскихъ школъ.

Изъ шести учительскихъ мужскихъ семинарій, учрежденныхъ въ 1870—1871 году, выпало на долю русской части Галиціи 3, именно въ Львовѣ, Станиславовѣ, Тернополѣ, и 2 женскихъ: въ Львовѣ и Перемышлѣ.

Мужскія учительскія семинаріи въ восточной, русской Галиціи имѣли „утраквистическій“ (смѣшанный) характеръ, т. е. половину предметовъ должны были преподавать по-польски, а половину по-(мало)-русски; однако это оставалось долгое время лишь на бумагѣ. Педагогику, языки польскій, нѣмецкій, географію, исторію, психологію, логику, преподавали по-польски, а терминологію давали малорусскую; математику, физику и природовѣдѣніе преподавали по-малорусски, а терминологію давали по-польски. Польская краевая школь-

ная рада руководствовалась тѣмъ, что трудно подыскать подготовленныхъ преподавателей, которые бы могли преподавать на мало-русскомъ языкѣ, терминологіи на мало-русскомъ нарѣчіи; словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій не было, а изъ общерусскаго языка было запрещено заимствовать термины, чтобы не указывать на тождественность языковъ. Такъ было до 1893 года. Въ этомъ году учреждено во Львовѣ Барвинскимъ и Грушевскимъ съ помощью австрійскаго правительства и польскаго сейма „Наукове Товариство ім. Шевченка", которое, какъ будущая Украинская Академія Наукъ, должно было заботиться по своей программѣ о движеніи впередъ науки и о выработкѣ новыхъ терминовъ для всѣхъ отраслей наукъ. Синклитъ украинскихъ ученыхъ, состоящій изъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, и создалъ научные термины для всѣхъ наукъ и отпечаталъ ихъ въ Запискахъ Науковаго Товариства. Этими искусственно изобрѣтенными терминами начали галицкіе педагоги питать русскую молодежь. Но она плохо усваивала эти термины, а другіе украинскіе преподаватели не были согласны со всѣми новшествами, они „ковали" термины по своему, отчего происходила большая путаница. По закону преподаваніе въ учительскихъ семинаріяхъ было столь же высоко, что и въ гимназіяхъ, за исключеніемъ греческаго и латинскаго языковъ; учебники по языкамъ, исторіи, географіи, физикѣ, естествовѣдѣнію употреблялись тѣ же самые. Только въ послѣдніе годы нѣкоторые учебники гимназическіе замѣнены новыми, нарочно изданными для учительскихъ семинарій.

Отъ поступающаго въ семинарію требовалось окончаніе или 4 классовъ гимназіи или реальнаго или семиклассного городского училища, а также требовался вступительный экзаменъ, какъ письменный такъ и устный. Но такъ какъ матеріальное состояніе народныхъ учителей (отъ 1870 г.) долгое время стояло на высотѣ 300 р. въ годъ, то очень мало мужской молодежи записывалось въ эти семинаріи, такъ что они сначала насчитывали по нѣскольку человѣкъ въ классахъ. Но такъ какъ польскій сеймъ не хотѣлъ раціональнаго просвѣщенія народа, то не спѣшилъ съ повышеніемъ жалованья учителямъ и прибѣгнулъ къ другимъ полумѣрамъ, а именно: увеличилъ число стипендій для бѣднѣйшихъ семинаристовъ, открылъ приготовительный курсъ при семинаріяхъ, на который принимали молодежь съ низшимъ образовательнымъ цензомъ. Такимъ образомъ обученіе въ учительскихъ семинаріяхъ продолжалось уже 5 лѣтъ. Эти двѣ полумѣры дѣйствительно помогали до нѣкоторой степени, такъ что каждая учи-

тельская семинарія ежегодно выпускала отъ 20—25 учителей, которые, пройдя тяжелую школу борьбы за существованіе, довольствовались ежегоднымъ жалованьемъ въ 300 р. и шли навстрѣчу польскимъ пожеланіямъ, устроившимъ народную школу въ Галиціи въ духѣ повиновенія польскимъ помѣщикамъ и считающимъ Польшу своимъ бывшимъ и будущимъ отечествомъ.

Научные предметы въ учительскихъ семинаріяхъ можно раздѣлить на 3 группы: а) общеобразовательные, б) спеціальные, в) техническіе. Къ общеобразовательной группѣ принадлежали: психологія, логика, языкъ польскій, (мало)-русскій, нѣмецкій, всеобщая исторія, польская исторія, географія, математика, химія, физика, природовѣдѣніе, анатомія, наука сельскаго хозяйства (земледѣлія), къ спеціальнымъ: педагогика, дидактика, методика, исторія педагогики, школьная гигіена; къ техническимъ: черченіе, пѣніе, музыка, игра на скрипкѣ, каллиграфія, гимнастика.

Методико-практическія упражненія происходили въ такъ называемой образцовой „школѣ упражненій", нераздѣльно связанной съ учительской семинаріей. Въ этой школѣ упражнялись учительскіе кандидаты въ преподаваніи подъ руководствомъ опытныхъ учителей этой школы. Въ третьемъ классѣ учительской семинаріи питомцы только прислушивались къ преподаванію учителя и давали отчетъ о прослушанной лекціи, въ четвертомъ классѣ на данный вопросъ вырабатывали письменную задачу, которую учитель съ директоромъ исправляли, и на основаніи ея въ присутствіи своихъ товарищей, учителя школы упражненій и директора семинаріи, давали пробный урокъ. По окончаніи урока слѣдовала конференція, на которой обсуждали данный урокъ въ присутствіи того же учительскаго персонала. Въ заключеніе „учитель школы упражненій" съ директоромъ семинаріи давали заключительныя указанія на счетъ даннаго урока. Каждый учительскій кандидатъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ 2 раза въ годъ, давать пробный урокъ, при чемъ получалъ отмѣтку въ выпускномъ „матуральномъ" свидѣтельствѣ.

По окончаніи четвертаго класса учительской семинаріи, кандидатъ держалъ „матуру" (экзаменъ зрѣлости), допускавшую его до исполненія обязанностей учителя. За полученную стипендію онъ обязанъ былъ прослужить учителемъ 6 лѣтъ въ Галичинѣ. Если не хотѣлъ учительствовать, долженъ былъ возвратить краевому школьному фонду израсходованныя на его воспитаніе и содержаніе въ семинаріи деньги, которыя составляли сумму около 400 руб.

Послѣ двухгодичной практики учитель подвергался новому испытанію „квалификаціонному“ на учителя сельскихъ или городскихъ школъ. Испытаніе это происходило передъ назначенной отъ министра просвѣщенія комиссіей, состоящей изъ преподавателей учительской семинаріи, опытныхъ педагоговъ гимназій и городскихъ школъ. Такое испытаніе состояло изъ трехъ частей: 1) работы письменной по педагогикѣ, по языку польскому, малорусскому нарѣчію, нѣмецкому языку, математикѣ, исторіи, географіи и природовѣдѣнію; 2) изъ лекціи въ школѣ упражненій, въ присутствіи трехъ членовъ комиссіи; 3) изъ устнаго испытанія, выдержаннаго въ присутствіи краевого школьнаго инспектора.

При устномъ испытаніи кандидатъ долженъ былъ выказать, на сколько онъ усвоилъ себѣ школьную практику, какія педагогическія и методическія сочиненія прочиталъ и насколько подвинулся въ самообразованіи. По окончаніи такого испытанія онъ получалъ свидѣтельство на учителя народныхъ школъ („патентъ квалификаційный“) низшаго типа, а если хотѣлъ получить такое же свидѣтельство на учителя городскихъ четырехклассныхъ школъ, долженъ былъ сдать еще строгій дополнительный экзаменъ изъ языка нѣмецкаго. По полученіи такого „патента“ учитель могъ уже хлопотать о постоянной должности учителя и о своемъ утвержденіи.

Утвержденный въ званіи учитель могъ оставаться въ избранной или назначенной ему мѣстности до конца своей службы. Если его дѣятельность не нравилась польскому помѣщику, ксендзу, уѣздному начальнику, или школьному инспектору, то такой учитель не оставался долго въ этой мѣстности: его, на основаніи извѣстнаго §, переводили въ другую мѣстность, обыкновенно польскую глухую деревню, между „мазуровъ“, гдѣ его „русская“ дѣятельность не была полякамъ опасна, ибо тамъ поляки „московской“ пропаганды не опасались. Чтобы стать учителемъ въ высшихъ городскихъ школахъ, („выдѣловыхъ“), надо было по испытаніи „квалификаціонномъ“ отбыть еще одногодичный вышеобразовательный курсъ, учрежденный въ Львовѣ или Краковѣ, и подвергнуться еще одному испытанію на учителя этихъ школъ. Такое испытаніе состояло тоже изъ трехъ частей: 1) письменной, 2) практической, 3) устной, по избраннымъ спеціальнымъ группамъ, которыхъ было 3: первая историко-филологическая, вторая физико-математическая, третья естественно-техническая. Это было уже высшее испытаніе, отвѣчающее сокращенному университетскому курсу наукъ. Такое испытаніе давало право занять мѣсто учителя высшей

городской школы, уѣзднаго школьнаго инспектора, учителя школы упражненій при учительской семинаріи, а если кандидатъ отличался большими педагогическими способностями или литературно работалъ въ области педагогики, то онъ могъ получить постъ преподавателя семинаріи и даже директора, краевого школьнаго инспектора и, наконецъ, попасть въ члены краевой школьной рады.

Учительскія семинаріи, съ „школою упражненій" составляли одну педагогическую административную единицу. Законъ 1870 года, въ силу котораго создались учительскія семинаріи, назначалъ для преподавателей семинарій большее жалованіе, чѣмъ въ гимназіяхъ, для того, чтобы привлечь въ учительскія семинаріи лучшія силы изъ гимназій. И дѣйствительно, многія лица, отличавшіяся большими педагогическими способностями и хотѣвшія послужить провозглашенному тогда лозунгу дать крестьянину хорошо-образованнаго учителя, перешли на службу изъ гимназій въ семинаріи. Имена этихъ педагоговъ останутся надолго въ памяти многихъ поколѣній. То были истинные педагоги, какъ Савчинскій, Татомиръ, Турчинскій, Дѣдицкій, Днѣстрянскій, Курыловичъ, Юзеерчикъ и пр. Они оставили по себѣ образцовые научные труды въ области педагогики и методики.

Въ преподаватели учительскихъ семинарій попадали иногда виднѣйшіе народные учителя, пріобрѣвшіе частнымъ путемъ высшее университетское образованіе, выдержавшіе испытаніе въ высшихъ городскихъ училищахъ, или отличившіеся научными сочиненіями въ области педагогики и методики. Съ учительскими семинаріями были тѣсно связаны четырехклассныя школы упражненій, какъ школы образцовыя. Въ учителя такихъ школъ попадали люди съ высшимъ образованіемъ, послѣ экзамена въ высшихъ городскихъ школахъ имѣющіе за собой большую школьную практику или сочиненія въ области методики. Закономъ 1898 г. жалованіе учительскаго персонала въ учительскихъ семинаріяхъ было уравнено съ жалованіемъ всѣхъ категорій державныхъ чиновниковъ, соотвѣтственно ихъ рангу.

Такъ какъ существующія въ краѣ шесть мужскихъ учительскихъ семинарій не удовлетворяли требованіямъ населенія, а вакантныя учительскія должности не скоро замѣщались, австрійское правительство, подъ вліяніемъ голосовъ прессы, крестьянскихъ сеймовыхъ пословъ, приступило въ 1892 году къ открытію новыхъ учительскихъ семинарій. По 1914 годъ было открыто въ восточной Галиціи 4: Старый Самборъ, Сокаль, Залѣщики (мужскія), Бережаны (женская). Открытіе новыхъ семинарій повліяло дѣйствительно на умноженіе педагогиче-

скаго персонала, а значительное повышеніе жалованія державнымъ чиновникамъ въ 1907 году повліяло на шляхетскій галиційскій сеймъ, требовавшій и народнымъ учителямъ прибавки жалованія. Повышеніе жалованія народнымъ учителямъ увеличило пріемъ учениковъ въ семинаріи, такъ что въ послѣдніе годы приходилось открывать параллельныя отдѣленія. Въ 1891 году было въ учительскихъ семинаріяхъ мужскихъ 1.434 человѣкъ, въ 1911 году было 4.631 человѣкъ, причемъ изъ этого числа на поляковъ выпадаетъ 71%, на русскихъ 26%; въ женскихъ семинаріяхъ въ 1891 году было 579 ученицъ, въ 1911 году 1.017, изъ этого числа на поляковъ выпадаетъ 85%, а на русскихъ 12%. Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы поляки проявили особенно интенсивное движеніе противъ русскаго населенія въ школьной области, особенно въ учительскихъ семинаріяхъ, помня о томъ, какую важную роль играетъ народный учитель въ возрожденіи народа. Люди, которые управляли учительскими семинаріями и о которыхъ мы выше упомянули, сошли въ могилу. На ихъ мѣсто пришли люди новые, съ шовинистическими убѣжденіями, которые не видѣли на школьной скамейкѣ ученика, а прежде всего разбирали, какой онъ націи—полякъ или русскій и смотря по тому относились къ нимъ. Утраквизмъ оказался на практикѣ вреднымъ. Во-первыхъ ужаснымъ образомъ онъ вліялъ на полонизацію малорусской рѣчи, во-вторыхъ преподаватели поляки хотѣли во имя патріотизма, наибольшее число своей польской молодежи выпустить въ свѣтъ, „ad maiorem Poloniae gloriam“; русскіе учителя дѣлали то же, что конечно было не хорошо съ педагогической точки зрѣнія. Но поляки, какъ хозяева положенія, были въ большемъ количествѣ и русскихъ затирали.

VIII.

Опредѣленіе учителей на должность („стабилизація“) происходило слѣдующимъ образомъ. На освободившееся мѣсто уѣздная школьная рада объявляла въ правительственномъ вѣстникѣ конкурсъ съ шестинедѣльнымъ срокомъ. Прошенія съ документами вносили учителя въ уѣздную школьную раду, которая оглашала конкурсъ. Уѣздная школьная рада отсылала по истеченіи этого времени всѣ прошенія къ краевой школьной радѣ съ цѣлью избранія себѣ одного изъ претендентовъ въ постоянные учителя такой-то деревни или города. Допустимъ, избранный былъ русскимъ человѣкомъ, который не имѣлъ протекціи въ уѣздной школьной радѣ, его должность все равно получилъ бы полякъ, хотя былъ бы моложе по службѣ, съ скромнѣй-

шими свидѣтельствами—своего кандидата уѣздная школьная рада отсылала для окончательнаго утвержденія къ краевой школьной радѣ. Случалось, что въ краевой школьной радѣ другое лицо имѣло еще бо́льшую протекцію, тогда это лицо и получало должность. Такихъ вопіющихъ фактовъ, такихъ кривдъ по отношенію къ русскимъ людямъ можно насчитать не сотни, а тысячи.

Всѣ учителя и учительницы деревенскихъ и городскихъ школъ были краевыми чиновниками, жалованье получали они изъ краевого школьнаго фонда, которымъ управлялъ въ высшей инстанціи польскій краевый сеймъ, со своимъ „Выдѣломъ краевымъ".

Вѣнское центральное правительство въ содержаніе этихъ школъ не вмѣшивалось, оно наблюдало только за ними и ревизовало школы черезъ свои краевыя и окружныя школьныя рады. Среднія же учебныя заведенія, какъ гимназіи, реальныя училища, учительскія семинаріи, и высшія промышленныя школы и университеты были заведеніями правительственными (казенными), содержимыми на счетъ правительственной казны.

Частныхъ школъ въ Галиціи, въ противоположность правительственнымъ и краевымъ, было очень мало, и они не пользовались довѣріемъ населенія.

Всѣхъ школъ народныхъ обоихъ типовъ было въ Галичинѣ [1]		5.824
Изъ сего числа,	польскихъ	3.194
„ „ „	(мало)-русскихъ	2.505
„ „ „	нѣмецкихъ	125
„ „ „	частныхъ польскихъ школъ	134
„ „ „	(мало)-русскихъ	9
„ „ „	нѣмецкихъ	101

Изъ приведенныхъ чиселъ, извлеченныхъ изъ польской офиціальной статистики, видно, что польскихъ школъ было въ Галиціи на 689 больше, чѣмъ русскихъ, хотя волостей съ малорусскимъ населеніемъ было въ Галиціи на 76 больше, ибо по этой офиціальной польской статистики мы видимъ, что волостей съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ было 3.094, а съ польскимъ 3.018 (Podręcznik Statystyki Galicyi. T. IX, стор. 25.)

На чей же счетъ создано было такое громадное количество поль-

[1]) Podręcznik Statystyki Galicyi. T. IX. 1913.

скихъ школъ, какъ не на счетъ русскихъ крестьянъ? Страхомъ, обманомъ, варварствомъ, насиліемъ построено 689 польскихъ школъ въ русскихъ деревняхъ. Вотъ напр. слѣдующій фактъ: въ Радловичахъ, возлѣ Самбора, учитель мазепинецъ за пастбище на одну корову своимъ отсутствіемъ на засѣданіи волостной школьной рады допустилъ, что поляки перемѣнили преподаваніе въ школѣ съ русскаго на польское. Внесенные позже протесты остались гласомъ вопіющаго.

Какъ мы прежде убѣдились, не допускали такимъ же обманомъ и коварствомъ учреждать много классныхъ школъ съ русскимъ языкомъ. Русскаго крестьянина убѣждали въ томъ, что ему не нужно большаго просвѣщенія, чѣмъ въ одноклассной школѣ, что ему не нужно городскихъ школъ и гимназій. Польская статистика [1]) показываетъ, что русскіе въ Галиціи не имѣютъ ни одной своей школы высшаго типа, всѣ онѣ польскія съ польскимъ языкомъ преподаванія. Подсчитавъ по этой статистикѣ всѣ мѣстечки и большія русскія деревни, мы убѣдились въ слѣдующемъ:

	ШКОЛЫ.	
	Польскія.	Русскія.
Одно- и двухклассныя	2.401	2.484
Три- и четырехклассныя	480	21
Пятиклассныя	129	—
Шестиклассныя	64	—
Семиклассные („выдѣловыя“) . .	120	—
Всего	3.194	2.505

Изъ этого мы видимъ, что поляки высшую науку пріобрѣтали только для себя, что русскому населенію четырехклассныхъ школъ дали 21, а пяти-, шести- и семиклассной ни одной. Русскій мужикъ довольствовался одно- и двухклассною школою и то на исковерканномъ мазепинскомъ нарѣчіи, съ фонетическимъ правописаніемъ.

Въ прилагаемой ниже таблицѣ, заимствованной изъ правительственнаго источника (Szematyzm Królewstwa Galicyi na rok 1914) мы указываемъ тѣ 123 города и мѣстечка, въ которыхъ находятся просвѣтительныя учрежденія; количество русскаго населенія въ 65 городахъ превышаетъ польское и еврейское, а въ 35 городахъ евреевъ больше, чѣмъ поляковъ. Школы же на исконно русской землѣ вездѣ польскія.

[1]) Szematyzm Królestwa Galicyi r. 1914.

	УѢЗДЪ.	МѢСТНОСТЬ.	НАСЕЛЕНІЕ.				Сколько и какихъ школъ [1]).
			Русское.	Польское.	Еврейское.	Иностранное.	
1	Лиско	Балигородъ . .	345	504	1.099	—	п. 4.
2	Сокаль. . .	Белзъ	1.460	1.153	3.404	—	п. 5 м.+5 ж.
3	Добромиль . .	Бѣрча	306	656	1.194	—	п. 4 м. ж.
4	Бобрка	Бобрка. . . .	1.338	1.659	2.891	30	п. 6+6.
5	Богородчаны .	Богородчаны .	1.647	795	1.930	9	п. 5+5.
6	Долина. . . .	Болеховъ. . .	212	286	3.324	106	п. 6 м.+6 ж.
7	Рогатынъ. . .	Болшовцы . .	1.784	616	2.487	8	п. 5 м.+5 ж.
8	Борщовъ. . .	Борщовъ. . .	220	1.650	1.250	—	п. 5 м.+5 ж.
9	Турка	Борынія . . .	1.378	452	313	6	русск. 1 одноклассная.
10	Дрогобычъ . .	Борыславъ . .	2.661	5.410	7.052	13	п. 6 м.+6 ж.
11	Броды	Броды	2.018	3.316	12.171	13	п. 9 ж.+7 м.+4 м.
12	Бережаны . .	Бережаны . .	2.987	5.110	4.582	38	п. 7 ж.+6 м.
13	Бучачъ. . . .	Бучачъ. . . .	—	—	—	—	п. 7 м.+7 ж.+4 м.+4 ж.
14	Теребовля . .	Будзановъ . .	2.136	1.637	1.557	—	п. 5 мѣш.
15	Санокъ. . . .	Буковско. . .	45	272	936	—	п. см. 4.
16	Рогатынъ. . .	Бурштынъ . .	2.088	721	2.284	1	п. 5 см.
17	Каменка струм.	Бускъ	1.668	2.763	2.340	11	п. 6 м.+6 ж.
18	Бобрка. . . .	Ходоровъ. . .	1.900	1.500	2.206	—	п. 5 м.+5 ж.
19	Стар. Самборъ.	Хировъ. . . .	—	—	—	4	п. 5 м.+5 ж.
20	Цешановъ. . .	Цешановъ . .	328	1.197	2.898	—	п. 6 м.+6 ж.
21	Чартковъ. . .	Чартковъ. . .	701	1.302	3.146	50	п. 6 м.+6 ж.

[1]) Цифра арабская означаетъ сколько классовъ, м = мужская, ж = женская, см. = смѣшанная.

	УѢЗДЪ.	МѢСТНОСТЬ.	НАСЕЛЕНІЕ.				Сколько и какихъ школъ.
			Русское.	Польское.	Еврейское.	Иностранное.	
22	Надворная . .	Делятынъ. . .	3.901	999	3.007	7	п. 4 м.
23	Добромиль . .	Добромиль . .	525	837	2.271	—	п. 6 м.+6 ж.
24	Долина. . . .	Долина. . . .	3.337	3.408	2.555	552	п. 6 м.+6 ж.
25	Дрогобычъ . .	Дрогобычъ . .	7.343	11.896	15.313	9	п. 9 ж. 4 ж. 4 ж.+7 м. 4 м. 4 м.
26	Перемышляны.	Глиняны . . .	2.320	631	2.423	3	п. 4 м. 4 ж.
27	Горлице . . .	Горлице . . .	90	3.340	3.504	8	п. 7 м.+7 ж.+4 м.+4 ж.
28	Городокъ . .	Городокъ. . .	3.997	4.461	3.837	22	п. 7 ж.+6 м.
29	Скалатъ . . .	Грымаловъ . .	832	605	2.764	—	п. 5 ж. 4 м.
30	Коломыя. . .	Гвоздецъ . . .	608	340	1.784	1	п. 4 м. 4 ж.
31	Станиславовъ.	Галичъ. . . .	2.581	1.057	1.231	112	п. 6 м.+6 ж.
32	Городенка . .	Городенка . .	6.132	1.340	4.255	47	п. 6 м.+6 ж.+4 м.+4 см.
33	Гусятынъ. . .	Гусятынъ. . .	984	1.098	3.648	6	п. 5 м.+5 ж.
34	Печенижинъ .	Яблоновъ. . .	829	226	1.089	3	п. 4.
35	Городокъ Ягай	Яновъ	706	720	1.123	58	п. 4.
36	Ярославль . .	Ярославль . .	4.930	15.424	6.276	251	п. 9 ж. 4. 4. 4 ж. + 7. 4. 4. 4 м.
37	Яворовъ . . .	Яворовъ . . .	5.644	1.360	2.572	13	п. 7 м.+6 ж.+4 см.+4 русс.
38	Езьерная. . .	Зборовъ . . .	2.951	1.998	1.224	—	п. 4 м.+4 ж.
39	Борщевъ . . .	Озеряны . . .	985	360	1.845	—	п. 4 м.+4 ж.
40	Калушъ . . .	Калушъ. . . .	2.790	1.518	4.363	2	п. 6 м.+6 ж. 4 м.+4 ж.
41	Каменка струм.	Каменка струм.	2.002	2.171	3.541	20	п. 6 м.+6 ж.
42	Коломыя. . .	Коломыя. . .	—	—	—	—	п. 9. 7. 4. 4. 4 ж.+7. 7. 4. 4. 4. 4 м.+4 м. рус.+4. 4. 4 см. 4 нѣм.+1. 1 нѣм.

	УѢЗДЪ.	МѢСТНОСТЬ.	НАСЕЛЕНІЕ.				Сколько и какихъ школъ.
			Русское.	Польское.	Еврейское.	Иностранное.	
43	Рудки	Комарно	2.088	1.334	2.716	3	п. 6 м. 6 ж.
44	Гусятынъ	Копечинцы	3.103	1.883	2.197	71	п. 6 м.+6 ж.
45	Борщовъ	Короловко	1.100	950	1.450	—	п. 4 м.
46	Коссовъ	Коссовъ	2.208	299	3.050	1	п. 6 м.+6 ж.
47	Бережаны	Козова	1.324	2.346	1.504	1	п. 4 м.+ж.
48	Яворовъ	Краковецъ	613	376	811	2	п. 4 м.+ж.
49	Кросно	Кросно	68	3.893	1.558	2	п. 7 м.+7 ж.+ 4 м. 4 ж.
50	Сокаль	Крыстинополь	344	381	2.574	3	п. 4 м.+ж.
51	Жолква	Куликовъ	2.035	486	1.399	—	п. 4 м.+ж.
52	Коссовъ	Куты	1.799	1.219	3.127	534	п. 6 м.+6 ж.
53	Лиско	Лиско	564	1.214	2.810	—	п. м.+6 ж.
54	Цешановъ	Любачевъ	2.689	1.762	2.278	—	п. 6 м.+6 ж.
55	Лиско	Лютовиски	1.010	210	1.783	—	п. 4 ж.+м.
56	Радсховъ	Лопатынъ	—	—	—	—	п. 4 м. ж.
57	Борщевъ	Мельница	2.266	765	1.128	—	п. 4 м. ж.
58	Жыдачевъ	Миколаевъ	2.474	702	421	38	п. 5 ж. м.
59	Тернополь	Микулинцы	761	998	2.821	5	п. 4 м. ж.
60	Бучачъ	Монастыриска	597	1.712	2.057	6	п. 6 м.+6 ж.
61	Мостиска	Мостиска	423	1.971	2.589	—	п. 6 м.+6 ж.
62	Жолква	Мосты великія	2.530	1.296	1.636	—	п. 5 м.+5 ж.
63	Новый Санчъ	Мушина	62	2.233	433	—	п. 4 м. ж.
64	Надворная	Надворная	2.924	1.548	3.804	13	п. 6 м.+6 ж.
65	Рава русская	Немировъ	703	509	1.971	1	п. 4 м.+4 ж.

	УѢЗДЪ.	МѢСТНОСТЬ.	НАСЕЛЕНІЕ.				Сколько и какихъ школъ.
			Русское.	Польское.	Еврейское.	Иностранное.	
66	Перемышль. . .	Нижанковице.	—	—	—	—	п. 5 м.+5 ж.
67	Городенка . . .	Обертынъ. . .	2.354	1.887	1.810	—	п. 4 м. ж.
68	Золочевъ. . . .	Олеско. . . .	2.431	809	880	—	п. 4 м. ж.
69	Толмачъ . . .	Оттынія . . .	1.692	1.082	1.995	242	п. 4 м.+4 ж.
70	Печенижинъ .	Печенижинъ .	4.354	545	1.781	3	п. 5 см.
71	Подгайцы. . .	Подгайцы. . .	1.167	1.098	3.619	9	п. 5 м.+5 ж.
72	Скалатъ . . .	Подволочискъ.	518	1.438	3.970	2	п. 6 м.+6 ж.
73	Зборовъ . . .	Поморяны . .	2.336	853	1.322	—	п. 4 м. ж.
74	Бучачъ. . . .	Потокъ Золот.	981	1.813	1.421	—	п. 5 м. ж.
75	Перемышляны.	Перемышляны	—	—	—	—	п. 6 м.+6 ж.
76	Радсховъ. . .	Радсховъ. . .	—	—	—	—	п. 7 м.+6 ж.
77	Рава русская.	Рава русская.	1.777	2.834	6.112	49	п. 6 м.+6 ж.
78	Рогатынъ. . .	Рогатынъ. . .	2.863	1.530	3.254	17	п. 6 м.+6 ж.
79	Рудки	Рудки	349	1.399	1.968	—	п. 6 м.+6 ж.
80	Рымановъ . .	Рымановъ . .	91	2.092	1.937	—	п. 6 м.+6 ж.
81	Мостыска . .	Судовая Вишня	2.285	1.473	1.200	5	п. 5 м.+5 ж.
82	Самборъ . . .	Самборъ . . .	—	—	—	10	п. 9 ж. 7 ж. 4 ж.+7 м.+4 м.+2. 2. 2 см.
83	Санокъ. . . .	Санокъ. . . .	1.261	4.876	3.959	—	п. 7 ж.+4 ж.+7 м.+4 м.
84	Ярославль . .	Сѣнява. . . .	—	—	—	—	п. 5 м.+5 ж.
85	Борщевъ. . .	Скала	2.530	1.130	2.520	—	п. 5 см.
86	Скалатъ . . .	Скалатъ . . .	1.839	1.549	2.839	—	п. 6 м.+6 ж.
87	Сколе	Сколе	2.977	2.660	3.110	301	п. 5 см.
88	Снятынъ . . .	Снятынъ . . .	5.708	2.465	4.380	61	п. 7 м.+7 ж.+4 м.

	УѢЗДЪ.	МѢСТНОСТЬ.	НАСЕЛЕНІЕ.				Сколько и какихъ школъ.
			Русское.	Польское.	Еврейское.	Иностранное.	
89	Сокаль	Сокаль	4.516	3.217	3.865	—	п. 7 м. + 7 ж. 4 м. + 4 ж.
90	Богордчаны	Солотвиня	1.789	276	1.844	50	п. 4 м. ж.
91	Станиславовъ	Станиславовъ	7.117	10.238	15.217	757	п. 9 ж. 7 ж. 7 м. + 4 + 4 м. 6 м. + 4. 4 ж. 6 ж.
92	Стар. Самборъ	Старая соль	2.976	1.025	372	—	п. 6 м. + 6 ж.
93	Стар. Самборъ	Стар. Самборъ	1.858	967	1.742	—	п. 6 м. + 6 ж.
94	Стрый	Стрый	9.412	11.148	10.484	699	п. 7 м. + 7 ж. 4. 4. 4 ж. + 4. 4. 4 м.
95	Львовъ	Щирецъ	166	138	1.324	102	п. 6 мѣш.
96	Тернополь	Тернополь	—	—	—	—	п. 7 м. + 4. 4. 4 м. + 8 ж. + 7 ж. 4. 4. 4 ж.
97	Толмачъ	Толмачъ	2.054	1.961	2.154	21	п. 6 м. + 6 ж.
98	Залѣщики	Тлусте	1.111	454	2.213	—	п. 4 смѣш.
99	Теребовль	Теребовль	3.274	3.079	2.078	15	п. 7 м. + 4 м. 6 ж. + 4 ж.
100	Турка	Турка	4.174	1.840	4.908	27	п. 6 м. + 6 ж.
101	Дрогобычъ	Тустановице	2.130	5.950	4.571	—	п. 5 кл. ж. + 4 м.
102	Толмачъ	Тысменица	—	—	2.202	37	п. 5 м. + 5 ж.
103	Рава русская.	Угновъ	—	—	—	—	п. 4 м.
104	Лиско	Устрики дольн.	977	613	2.328	1	п. 4 м.
105	Яворовъ	Великія Очи	322	528	1.187	8	п. 4 м. + 5 ж.
106	Лововъ	Винники	2.034	1.430	262	115	п. 6 м. и ж.
107	Калушъ	Войниловъ	1.291	968	1.038	—	п. 4 м. + 4 ж.
108	Снятынъ	Заболотовъ	2.030	545	2.160	5	п. 6 м. и ж.
109	Залѣщики	Залѣщики	660	1.306	3.708	170	п. 7 м. + 6 ж.
110	Зборовъ	Залозцы	-	—	—	—	п. 4 м. и ж.

	УѢЗДЪ.	МѢСТНОСТЬ.	НАСЕЛЕНІЕ.				Сколько и какихъ школъ.
			Русское.	Польское.	Еврейское.	Иностранное.	
111	Збаражъ . . .	Збаражъ . . .	2.640	4.149	3.304	14	п. 6 м.+6 ж.
112	Зборовъ . . .	Зборовъ . . .	2.283	1.079	2.275	8	п. 5 см.
113	Золочевъ . . .	Золочевъ . . .	4.003	3.946	5.243	40	п. 7 м.+4. 4 м.+7 ж. 4. 4 ж.
114	Коссовъ . . .	Жабіе . . .	5.379	85	1.231	—	русск. 1. классная!!
115	Ясло	Жмигродъ . .	24	1.025	1.249	—	п. 4.
116	Жолква . . .	Жолква . . .	3.013	2.570	3.043	35	п. 6 м.+6 ж.
117	Жыдачевъ . .	Журавно . . .	1.057	581	1.341	4	п. 5 м.+5 ж.
118	Жыдачевъ . .	Жыдачевъ . .	1.531	1.269	800	—	п. 7 м.+6 ж.
119	Лововъ	Лововъ . . .	46.000	90.000	70.000	3.000	всѣ польскія.
120	Горлицы . . .	Бѣчъ	13	3.110	659	—	п. 5 м.+5 ж.
121	Грабовъ . . .	Брыбовъ . . .	40	2.165	908	1	п. 5 м.+5 ж.
122	Перемышль . .	Перемышль . .	14.000	19.000	20.000	—	п. 7. 7. 4. 4. 4 м.+9. 7. 4. 4. 4. 4.+9 ж.+3 русск.
123	Жыдачевъ . .	Роздолъ . . .	2.181	940	3.181	—	п. 6 м.+6 ж.

Кромѣ того въ нижеслѣдующихъ уѣздахъ восточной Галиціи существуютъ многоклассныя школы, но такъ какъ въ этихъ городахъ нѣтъ магистратовъ, а правительственный „Szematyzm“ не показываетъ числа русскаго, польскаго и еврейскаго населенія, то не удалось намъ установить числа жителей и ихъ національности. Но знаемъ навѣрно, что деревни всѣ русскія съ сплошнымъ русскимъ населеніемъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ живутъ такъ называемые „латинники“ (говорящіе по-русски, а исповѣдующіе католичество), которыхъ поляки записали, какъ „коренныхъ“ поляковъ, и для нихъ всюду основали польскія школы: вотъ эти деревни.

Уѣзды.

Бобрка: деревня Бржоздовице 5 кл. школа, Звенигородъ 4 кл., Стрѣлиска Новые 4 кл., Старое-Село 4 кл., Романовъ 5 кл., Хлѣбовичи 4 кл.

Богородчаны: Лѣсецъ 5 кл., Богородчаны Старые 4 кл., Ляховичи 4 кл.

Борщевъ: Бильче-Золотое 4 кл., Глубочокъ 4 кл., Иванковъ 4 кл., Устье-Епископское 4 кл.

Броды: Подкамень 4 кл.

Бережаны: Козловъ 4 кл., Лапшинъ 3 кл., Нараевъ 4 кл., Тавровъ 4 кл.

Бучачъ: Язловецъ 5 кл., Барышъ 5 кл. и 4 кл. ж., Подзамочокъ 4 кл., Коропецъ 4 кл., Устье-Зелене 4 кл., Петликовцы 4 кл., Переволока (4 кл. русс.).

Цешановъ: Нароль 4 кл., Олешице 4 кл.

Чортковъ: Бѣла 4 кл., Ягольница 4 кл., Улашковцы 4 кл.

Добромиль: Новое мѣсто 4 кл.

Долина: Рожнятовъ 4 кл., Перешнько 4 кл. муж. и ж., Князелука 4 кл., Мизунь 4 кл., Струтынъ нижній 4 кл., Надѣевъ 4 кл., Велдѣжъ 4 кл., Ценява 4 кл.

Дрогобыжскій: Сходница 4 кл., Ясеница сольная 4 кл., Меденице 4 кл.

Городокъ: Любень великій 4 кл., Мшана 4 кл., Родатиче 4 кл., Ставчаны 4 кл.

Городенка: Поточиска 4 кл., Серафинце 4 кл.

Гусятинъ: Хоростковъ 5 кл., Черноконцы 4 кл., Городница 4 кл., Пробужна 4 кл.

Ярославль: Порохникъ 4 кл., Радамно 4 кл., Павлусевъ 4 кл., Вѣтлина 4 кл., Сколошовъ 3 кл.

Яворовъ: Рогозно 4 кл.

Калушъ: Подмихале 4 кл., Добротворъ 4 кл., Стреповъ 4 кл., Железовъ великій 4 кл.

Коломыя: Корничъ 4 кл., Коршовъ 4 кл., Кулачковцы 4 кл., Соповъ 4 кл., Тлумачикъ 4 кл., Турка 4 кл.

Косовъ: Кобаки 4 кл., Куты старые 4 кл.

Кросно: Ивоничъ 4 кл.

Лиско: Береска 4 кл., Черная 3 кл.

Львовъ: Клепаровъ 6 кл., Замарстыновъ 6 кл., Знесѣне 5 кл.,

Бѣлка шляхотская 4 кл., Чишки 4 кл., Давидовъ 4 кл., Гайѣ 4 кл., Яричовъ 4 кл., Прусы 4 кл., Рясная Польская 4 кл., Сѣмяновка 4 кл., Сокольники 4 кл., Ланы 3 кл., Миклашовъ 3 кл., Зубьря 3 кл.

Мостыска: Чернява 4 кл., Гусаковъ 4 кл., Ляцкая воля 4 кл.

Надворная: Ланчикъ 4 кл., Святой Іосифъ 4 кл.

Подгайцы: Висневчикъ 4 кл., Злотники 4 кл., Новоселка 4 кл., Товстобабы 4 кл.

Перемышль: Дубецко 4 кл., Красичинъ 4 кл., Медыка 4 кл., Журавица 4 кл.

Перемышляны: Свѣржъ 4 кл., Дунаевъ 4 кл.

Радеховъ: Стояновъ 4 кл., Топоровъ 4 кл., Витковъ-новый 4 кл.

Рава-Русская: Угновъ 4 кл., Магеровъ 4 кл., Потыличъ 4 кл. (русс.) Вулька-Мазовецкая 4 кл.

Рогатинъ: Букачовцы 4 кл.

Рудки: Хлопы 4 кл., Чайковице 4 кл., Громно 4 кл., Тулигловы 4 кл.

Самборъ: Бабина 4 кл., Бисковице 4 кл., Кульчицы-Шлахъ 4 кл., Лука 4 кл., Сусѣдовичи 4 кл.

Санокъ: Беско 4 кл., Загорье 5 кл., Посада Ольховская 4 кл., Посада Саноцкая 4 кл., Яцьмѣржъ 4 кл.

Скалатъ: Качановка 4 кл., Остапье 4 кл., Сороцко 4 кл., Толстое 4 кл.

Сколье: Демня Выжная 4 кл., Синоводско 4 кл.

Снятынъ: Джуровъ 4 кл., Карловъ 4 кл., Стецовая 4 кл., Волчковцы 4 кл.

Сокаль: Варяжъ 4 кл., Тартаковъ 4 кл., Забуже 4 кл.

Станиславовъ: Чернеевъ 4 кл., Езуполь 4 кл., Княгининъ село 4 кл., Княгининъ Бельведеръ 4 кл., Княгининъ колонія 4 кл., Марьямполь 4 кл.

Старый Самборъ: Фульштинъ 5 кл., Старая-Ропа 4 кл.

Стрый: Дулибы 4 кл.

Тернополь: Настасовъ 4 кл., Буцневъ 4 кл., Ходачковъ Великій 4 кл., Глубочокъ Великій 4 кл., Купчинцы 4 кл., Ладычинъ 4 кл.

Товмачъ: Бортники 4 кл., Чарнолозцы 4 кл., Озеряны 4 кл., Нижневъ 4 кл., Олеша 4 кл., Петриловъ 4 кл., Подпечеры 4 кл., Хотиміръ 4 кл.

Теребовль: Лошневъ 4 кл., Струсовъ 4 кл., Евновъ 4 кл., Кобыловолоки 4 кл.

Турка: Волчье 4 кл.

Залѣщики: Звинячъ 4 кл.

Збаражъ: Кошляки 4 кл.

Зборовъ: Тростянецъ 4 кл.

Золочевъ: Бѣлый-Камень 4 кл., Гологоры 4 кл., Сассовъ 4 кл., Олеско 4 кл.

Жолква: Куликовъ 4 кл., Жолтанцы 4 кл.

Жыдачевъ: Заболотцы 4 кл.

Эти 3 и 4-классныя польскія школы находятся въ восточной русской Галиціи, гдѣ русское населеніе преобладаетъ надъ польскимъ. (См. табл. на стр. 242—247).

Кромѣ народныхъ и „выдѣловыхъ" школъ существовали въ Галичинѣ различныя спеціальныя школы, „фаховыя". Въ каждомъ уѣздѣ была дополнительная промышленная школа для учениковъ, обучающихся ремесламъ. Такихъ школъ было 110 съ 10.875 учениками. Кузнечныхъ и слесарныхъ было 3, для издѣлій изъ дерева 9, корзиночныхъ—13, кружевныхъ—1. Затѣмъ было низшихъ земледѣльческихъ 9, среднихъ—2, высшихъ земледѣльческихъ академій—1, низшая и высшая школы лѣсничества, 3 школы огородничества и садоводства и обработки хмеля. Большинство этихъ кустарно-промышленныхъ школъ были въ западной Галичинѣ и всѣ были польскія; съ русскимъ языкомъ не было ни одной.

Краевой школьный фондъ въ Галичинѣ на содержаніе народныхъ, городскихъ школъ, на жалованье учительскому персоналу состоялъ изъ 23.435.586 кронъ. Онъ составлялся изъ добавокъ къ правительственнымъ податямъ, которыя польскій сеймъ накладывалъ на населеніе Галиціи.

Среднія учебныя заведенія, какъ-то: гимназіи, семинаріи, реальныя училища и промышленныя школы содержало центральное вѣнское правительство.

VI.

Всѣхъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ которыя на основаніи закона о всеобщемъ обученіи должны посѣщать школу, было въ Галичинѣ 1.264.359 [1]). Изъ этой суммы дѣйствительно посѣщало школу 1.086.447, а не училось 177.912 дѣтей вслѣдствіе недостатка въ зданіяхъ или учителяхъ. Всѣхъ классовъ въ городскихъ школахъ низшихъ и высшихъ было 3.344 сельскихъ отдѣленій (отвѣчающихъ

---

[1]) Statystyka Galicyi. Tom. IX. 1913.

Расписаніе уроковъ для одноклассныхъ школъ съ однимъ учителемъ.

ПРЕДМЕТЫ.	ВМѢСТѢ.			
	Отрядъ I.	Отрядъ II.	Отрядъ III.	Отрядъ IV.
	1 годъ обученія.	2 годъ обученія.	3 и 4 годъ обученія.	5 и 6 годъ обученія.
Законъ Божій	1		2	
Чтеніе и письмо	9	3	2	2
Языкъ родной		3	3	3
Языкъ краевой	—	3	3	3
Математика	6/2	3	3	3
Свѣдѣнія изъ природовѣдѣнія	—	—	4	4
Рисованіе	—	—	1	
Пѣніе	случайно		1	
Женскія ручныя работы	—	—	2	
Гимнастика для мальчиковъ	—	—	2	
Итого	13	13	20	20

Расписаніе уроковъ для двухклассныхъ школъ съ двумя учителями.

ПРЕДМЕТЫ.	Первый классъ.		Второй классъ.	
	Отрядъ I.	Отрядъ II.	Отрядъ III.	Отрядъ IV.
	1 годъ обученія.	2 годъ обученія.	3 и 4 годъ обученія.	5 и 6 годъ обученія.
Законъ Божій	1		2	
Чтеніе и письмо	9	4	3	3
Родной языкъ		5	4	4
Краевой языкъ	—	4	4	4
Математика	6/2	3	3	3
Свѣдѣнія изъ природовѣдѣнія и исторіи	—	—	5	5
Рисованіе	—	—	3	3
Пѣніе	случайно		1	1
Женскія ручныя работы	—	2	3	3
Гимнастика для мальчиковъ	—	1	1	1
Итого	13	20	27	27

Расписаніе уроковъ для трехклассныхъ школъ съ тремя учителями.

ПРЕДМЕТЫ.	I классъ.		II классъ.		III классъ.	
	Отрядъ I.	Отрядъ II.	Отрядъ III.		Отрядъ IV.	
	1 годъ обученія.	2 годъ обученія.	3 годъ обученія.	4 годъ обученія.	5 годъ обученія.	6 годъ обученія.
Законъ Божій	1		2		2	
Чтеніе и письмо	9	4	3		2	
Родной языкъ		5	4		4	
Языкъ краевой	—	4	4		3	
Нѣмецкій языкъ	—	—	—	—	4	
Математика	6/2	3	3		3	
Свѣдѣнія изъ природовѣдѣнія и исторіи	—	—	4		4	
Рисованіе	—	—	3		2	
Пѣніе	случайно		1		1	
Женскія ручныя работы	—	2	3		3	
Гимнастика для мальчиковъ	—	1	1		1	
Итого	13	19	27		27	

Расписаніе уроковъ для четырехклассныхъ школъ съ четырьмя учителями.

ПРЕДМЕТЫ.	I классъ.	II классъ.	III классъ.		IV классъ.	
	Отрядъ I.	Отрядъ II.	Отрядъ III.		Отрядъ IV.	
	1 годъ обученія.	2 годъ обученія.	3 годъ обученія.	4 годъ обученія.	5 годъ обученія.	6 годъ обученія.
Законъ Божій	2	2	2		2	
Чтеніе и письмо	11	3	2	2	2	2
Родной языкъ		7	4	4	3	3
Краевой языкъ	—	4	3	3	2	2
Нѣмецкій языкъ	—	—	4	4	5	5
Математика	6/2	4	3	3	3	3
Свѣдѣнія изъ природовѣдѣнія и исторіи	—	—	4		4	
Рисованіе	—	—	2		2	
Пѣніе	1	1	1		1	
Женскія ручныя работы	—	2	3		3	
Гимнастика для мальчиковъ	1	1	1		1	
Итого	18	22	26	26	26	26

Расписаніе уроковъ для пятиклассныхъ школъ мужскихъ, женскихъ и смѣшанныхъ (о пяти учителяхъ).

ПРЕДМЕТЫ.	I классъ.	II классъ.	III классъ.	IV классъ.	V классъ для мальчиковъ.		V классъ для дѣвочекъ.	
	1 годъ обученія.	2 годъ обученія.	3 годъ обученія.	4 годъ обученія.	5 годъ обученія.	6 годъ обученія.	5 годъ обученія.	6 годъ обученія.
Законъ Божій	2	2	2	2	2		2	
Чтеніе и письмо	11	2	2	2	1		1	
Родной языкъ		9	6	6	2		2	
Краевой языкъ	—	3	3	3	2		2	
Нѣмецкій языкъ	—	—	6	6	4	4	4	4
Математика	6/2	3	3	3	4	4	2	2
Свѣдѣнія изъ географіи и исторіи	—	—	—	—	3		2	
Свѣдѣнія изъ природовѣдѣнія	—	—	—	—	3		3	
Рисованіе	—	1	1	1	5	5	3	3
Пѣніе	1	1	1	1	1		1	
Женскія ручныя работы	—	2	2	2	—		4	4
Гимнастика для мальчиковъ	1	2	2	2	2		—	
Итого	18	23	26	26	29	29	27	27

Расписаніе уроковъ для шестиклассныхъ школъ съ шестью учителями.

ПРЕДМЕТЫ.	I классъ.	II классъ.	III классъ.	IV классъ.	V классъ.	VI классъ.	V классъ.	VI классъ.
	1 годъ обученія.	2 годъ обученія.	3 годъ обученія.	4 годъ обученія.	5 годъ обученія.	6 годъ обученія.	5 годъ обученія.	6 годъ обученія.
					Мальчиковъ.		Дѣвочекъ.	
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	2
Чтеніе и письмо	11	2	2	2	1	1	1	1
Родной языкъ		9	6	6	2	2	3	3
Краевой языкъ	—	3	3	3	2	2	2	2
Нѣмецкій языкъ	—	—	6	6	5	5	4	4
Математика	6/2	3	3	3	3	3	2	2
Свѣдѣнія изъ географіи и исторіи	—	—	—	—	3	3	3	3
Свѣдѣнія изъ природовѣдѣнія	—	—	—	—	3	3	2	2
Рисованіе	—	1	1	1	5	5	3	3
Пѣніе	1	1	1	1	1	1	1	1
Женскія ручныя работы	—	2	2	2	—	—	4	4
Гимнастика для мальчиковъ	1	2	2	2	2	2	—	—
Итого	18	23	26	26	29	29	27	27

Расписаніе уроковъ для школъ выдѣловыхъ (7-классныхъ) съ семью учителями.

ПРЕДМЕТЫ.	I классъ.	II классъ.	III классъ.	IV классъ.	V классъ.	VI классъ.	VII классъ.
	Начальный.				Выдѣловой (высшій городской).		
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2
Польскій языкъ	11	9	6	6	3	3	3
Малорусскій языкъ	—	3	3	3	2	2	2
Нѣмецкій языкъ	—	—	6	6	4	4	4
Географія	—	—	—	—	2	2	2
Исторія	—	—	—	—	2	2	2
Ариѳметика	6/2	3	3	3	2	2	2
Алгебра	—	—	—	—	2	2	2
Геометрія	—	—	—	—	2	2	2
Исторія естественная	—	—	—	—	3	3	3
Физика	—	—	—	—	2	2	2
Рисованіе	—	2	2	2	2	2	2
Каллиграфія	—	2	2	2	1	1	1
Гимнастика	2	2	2	2	2	2	2
Ручныя женскія работы	2	2	2	2	2	2	2
Итого	20	25	28	28	33	33	33

Расписаніе уроковъ для мужскихъ учительскихъ семинарій.

	ПРЕДМЕТЫ.	Съ языкомъ польскимъ (западная Галиція).				Съ языкомъ польскимъ и малорусскимъ (восточная Галиція).			
		I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.
1	Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	2
2	Педагогика съ практическими упражненіями	—	2	4	9	—	2	4	8
3	Польскій языкъ	4	4	4	4	3	3	3	3
4	Малорусскій языкъ	—	—	—	—	3	3	3	3
5	Нѣмецкій языкъ	3	3	3	2	3	3	3	2
6	Географія	2	2	2	1	2	2	2	1
7	Исторія	2	2	2	1	2	2	2	1
8	Математика	4	3	2	2	4	3	2	2
9	Исторія естественная	3	2	2	2	3	2	2	2
10	Физика	3	2	2	1	3	2	2	1
11	Сельское хозяйство	—	2	3	3	—	2	3	3
12	Каллиграфія	1	—	—	—	1	—	—	—
13	Рисунки (черченіе)	2	2	1	1	2	2	1	1
14	Музыка и пѣніе	1	1	1	1	1	1	1	1
15	Игра на скрипкѣ	2	2	1	1	1	1	1	1
16	Гимнастика	2	2	2	2	2	2	1	1
	Итого	31	31	31	32	32	32	32	32

Расписаніе уроковъ для женскихъ учительскихъ семинарій.

	ПРЕДМЕТЫ.	Съ польскимъ языкомъ (западная Галиція).				Съ польскимъ и малорусскимъ языкомъ (восточная Галиція).			
		I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.
1	Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	2
2	Педагогика съ практическими упражненіями	—	2	4	9	—	2	4	9
3	Польскій языкъ	4	4	4	4	3	3	3	3
4	Малорусскій языкъ	—	—	—	—	3	3	3	3
5	Нѣмецкій языкъ	4	3	3	3	3	3	3	3
6	Географія	2	2	2	1	2	2	2	1
7	Исторія	2	2	2	1	2	2	2	1
8	Математика	3	2	2	2	3	2	2	2
9	Естественная исторія	2	2	2	2	2	2	2	2
10	Физика	2	2	2	1	2	2	2	1
11	Каллиграфія	1	—	—	—	1	—	—	—
12	Рисунки	2	2	2	2	2	2	2	1
13	Музыка и пѣніе	1	1	1	1	1	1	1	1
14	Ручныя работы	2	2	2	2	2	1	1	1
15	Игра на скрипкѣ	2	2	1	1	1	1	1	1
16	Гимнастика	2	2	2	2	2	2	2	2
	Итого	31	31	31	32	31	31	32	32

городскимъ классамъ) было 10.673, всего 14.017 классовъ. Всего учительскаго персонала въ этихъ классахъ было: мужского 6.761, женскаго 8.277, т. е. всего 15.038 [1]) человѣкъ.

Какъ видимъ, учительницъ женщинъ было на 1.516 человѣкъ больше, чѣмъ мужчинъ, хотя мужскихъ учительскихъ семинарій было 18, а женскихъ только 4. Это явленіе объясняется тѣмъ, что часть мужчинъ переходила въ иныя званія и что кромѣ 4 казенныхъ женскихъ семинарій было 20 частныхъ съ правами. Въ этихъ заведеніяхъ преподавалъ педагогическій персоналъ изъ казенныхъ заведеній, по особому разрѣшенію краевой школьной рады, каждое лицо не больше 8-ми часовъ въ недѣлю. Преподаваніе оплачивали родители дѣвицъ, приблизительно 8—10 р. ежемѣсячно. Заведенія эти имѣли права правительственныхъ, о чемъ нужно было каждые 3 года возобновлять ходатайство.

Учительскій персоналъ, состоявшій въ 1912/13 году изъ 15.038 человѣкъ, представлялъ довольно крупную армію. Изъ этой цифры было около 4.000 людей русскаго происхожденія, преимущественно мазепинцы, прочіе поляки, а небольшая часть евреи. Учителей русскихъ по убѣжденіямъ въ послѣднее время было не больше 350—400 человѣкъ, по большей части женщинъ, дочерей русскихъ священниковъ.

Жалованье этого персонала раздѣлялось на 3 класса. Къ первому классу принадлежали тѣ учителя, которые служили въ городахъ Львовѣ и Краковѣ; къ второму классу,—служившіе въ большихъ городахъ какъ-то: въ Перемышлѣ, Самборѣ, Тернополѣ, Станиславовѣ, Коломыѣ; къ третьему классу—во всѣхъ мелкихъ мѣстечкахъ и деревняхъ. Въ первомъ классѣ младшіе учителя получали 2.300 кронъ, старшіе—2.600; во второмъ классѣ—младшіе учителя—2.100 кронъ; старшіе—2.300; въ третьемъ классѣ—1.700—1.500—1.300 кронъ; соотвѣтственно лѣтамъ службы, а на квартиру отъ 800—600—400 кронъ, въ зависимости отъ количества населенія города. Кромѣ того каждый учитель получалъ пятилѣтнюю прибавку къ жалованью по 200 кр., которыхъ было 6. Учительницы получали такое же жалованье, какъ мужчины. Завѣдующіе народными школами за исполненіе своихъ обязанностей получали 500—300—200 кронъ.

Такое хорошее жалованье назначено было учителямъ только 1-го іюля 1914 г., когда вспыхнула война.

---

[1]) Ibidem.

Каждому сельскому учителю законъ обезпечивалъ ½ десятины земли, на которой тотъ обязанъ былъ учить дѣтей земледѣлію и сельскому хозяйству, а произведенія съ этой земли шли въ пользу учителей; завѣдующіе получали обыкновенно квартиру и отопленіе. Учитель былъ обязанъ отслужить 35 лѣтъ, послѣ чего уходилъ въ отставку съ сохраненіемъ послѣдняго жалованья; если онъ не успѣлъ выслужить 35-лѣтняго срока, то пенсію уменьшали настолько, насколько лѣтъ онъ раньше уходилъ. Учитель былъ обязанъ отбывать военную повинность въ качествѣ офицера или рядового, смотря по тому, какое пріобрѣлъ военное образованіе. Если послѣ выпускного экзамена онъ отслужилъ 1 годъ и подвергнулся офицерскому испытанію, то получалъ чинъ офицера. Ему было возможно отказаться отъ одногодичной службы и тогда онъ служилъ въ качествѣ рядового во время каникулъ. Къ арміи онъ принадлежалъ до 50 года жизни, какъ ополченецъ.

Образованіе учителей въ педагогическомъ направленіи довершалось на педагогическихъ конференціяхъ, созываемыхъ ежегодно краевою школьною радою во время каникулъ или же въ сентябрѣ при началѣ учебнаго года. Въ каждомъ уѣздѣ съѣзжались учителя и учительницы въ уѣздномъ городѣ на 2 дня, гдѣ подъ предсѣдательствомъ окружного школьнаго инспектора обсуждались педагогическіе вопросы. Учительскій персоналъ получалъ обыкновенно за полгода впередъ педагогическія темы, которыя обрабатывалъ и отсылалъ къ уѣздному школьному инспектору. Инспекторъ составлялъ комиссію, которая читала темы, обсуждала ихъ, лучшія работы читались публично. Инспекторъ представлялъ докладъ о состояніи просвѣщенія въ краѣ. Учителя затрагивали различныя темы, касающіяся школъ, методики, новыхъ теченій въ педагогикѣ и въ методѣ преподаванія. Назначались къ покупкѣ въ школьныя библіотеки методическія сочиненія, съ которыми учителямъ нужно ознакомиться. Въ этихъ конференціяхъ учителя и учительницы, имѣющіе „патентъ учительскій“, принимали участіе съ рѣшающимъ голосомъ, а учителя со свидѣтельствомъ выпускного экзамена—съ голосомъ второстепеннымъ, „дорадчимъ“. Учительскій персоналъ за участіе въ конференціяхъ получалъ и суточныя.

Кромѣ уѣздныхъ учительскихъ конференцій происходили еще каждыя 6 лѣтъ краевыя учительскія конференціи подъ предсѣдательствомъ краевого школьнаго инспектора. Въ этихъ конференціяхъ принимали участіе окружные школьные инспектора, директора учитель-

скихъ семинарій, директора „выдѣловыхъ“ школъ и методисты учительскихъ семинарій, наконецъ, избранные учителями делегаты изъ каждаго школьнаго уѣзда по одному. На этихъ конференціяхъ, которыя продолжались 3 дня, обсуждалось положеніе школъ въ краѣ, высказывались пожеланія относительно школьныхъ плановъ. Извлеченія изъ этихъ конференцій отправлялись на усмотрѣніе въ министерство просвѣщенія.

Соотвѣтственно закону и прибавленной къ нему инструкціи каждый учитель безпрерывно долженъ былъ продолжать свое самообразованіе преимущественно въ педагогическомъ направленіи. Для достиженія этой цѣли должны были служить библіотеки при школахъ и педагогическіе журналы. Но эти библіотеки были только на бумагѣ, особенно въ школахъ сельскихъ. Въ библіотекахъ же городскихъ школъ и уѣздныхъ школьныхъ радъ если кое что и было, то развѣ польская беллетристика, старые польскіе журналы „Школа“, нѣсколько методическихъ руководствъ и нѣмецкія изданія. Такъ какъ воспитаніе учителей, какъ и вообще все воспитаніе въ Галиціи, отличалось ненавистью ко всему русскому, то и библіотеки, служившія дополненіемъ къ образованію, были рѣзко отмѣчены тѣмъ же духомъ. Вмѣсто небогатой польской педагогической литературы шкафы библіотекъ были наполнены въ нѣкоторыхъ городскихъ школахъ обильною шовинистическою литературой.

За послѣднее время политиканство въ Галичинѣ въ городскихъ школахъ, учительскихъ семинаріяхъ, гимназіяхъ приняло громадные размѣры, чему помогали молодые педагоги. Во время школьныхъ уроковъ обсуждались средства борьбы съ русскимъ народомъ. Молодежь 7 и 8 классовъ гимназій получала отъ военнаго управленія винтовки и подъ руководствомъ преподавателей, какъ резервныхъ офицеровъ, и въ присутствіи дѣйствительныхъ австрійскихъ офицеровъ упражнялись въ стрѣльбѣ.

Старшіе и разумные педагоги-поляки были недовольны такого рода воспитаніемъ, гдѣ политиканство и ненавистничество уже на школьной скамьѣ играло такую видную роль вмѣсто науки, но изъ-за общественнаго мнѣнія должны были молчать [1]).

Наступила теперь крайняя пора, чтобы русскія просвѣтительныя

---

[1]) Польская молодежь записывалась въ общество „Skaut“ и стрѣлецкія дружины, а украинская въ „січи“ и „пласт“. Эта молодежь въ маѣ 1914 г. ѣздила въ Вѣну, гдѣ на глазахъ членовъ императорскаго двора и министровъ производила воинскія упражненія, получая въ награду медали.

общества дали Галиціи здоровый хлѣбъ духовный, чтобы позаботились дать галичанину русскую книгу, дать крестьянину русскій букварь. На каникулахъ около $1^1/_2$ тысячи русскихъ дѣтей ждетъ русской школы, но пока попадутъ въ нее, имъ хотѣлось бы познакомиться съ русскимъ букваремъ.

„Пора за Русь нераздѣлиму
Ставать намъ всѣмъ проти врага!
Богъ намъ поможе, Богъ есть съ нами!
Проснись народъ, уже не спи!
Смѣло ступай отцевъ слѣдами
И церковь русскую храни!“

VII.

Русская педагогическая литература начала появляться уже во время нашей первой русско-національной (церковно-приходской) школы. Въ 1864—5 г. издавалъ въ Львовѣ нашъ извѣстный патріотъ и поэтъ [1]) Иванъ Гушалевичъ педагогическій журналъ подъ названіемъ „Домъ и школа“; этотъ журналъ былъ хорошимъ показателемъ нашего стремленія къ просвѣщенію, ибо въ то время даже поляки не имѣли еще ни одного своего педагогическаго журнала въ Галиціи. Въ этомъ журналѣ преслѣдовались цѣли совмѣстнаго воспитанія и взаимнаго довѣрія семьи къ школѣ, и обратно.

Въ слѣдующіе годы началъ издавать нашъ талантливый журналистъ Михаилъ Клемертовичъ органъ для учителей народной школы въ объединительномъ русскомъ духѣ, подъ названіемъ „Учитель“. Но польская краевая школьная рада, учрежденная какъ разъ въ это время, запретила подвластнымъ учителямъ выписывать этотъ журналъ, какъ съ вреднымъ для „австрійцевъ и поляковъ“ направленіемъ, ибо онъ стоялъ за единство русскаго народа. Несмотря на это, органъ этотъ все-таки просуществовалъ пять лѣтъ, вложивъ много цѣннаго матеріала, много педагогическо-методическихъ разсужденій въ области національнаго воспитанія нашего народа.

Наилучшимъ доказательствомъ нужды въ этомъ органѣ было то обстоятельство, что о. Иванъ Наумовичъ былъ его сотрудникомъ. Какъ только этотъ органъ былъ запрещенъ краевой школьной радой, въ другомъ концѣ Галицкой Руси въ городѣ Коломыѣ появился другой учительскій органъ, озаглавленный: „Народная школа“ подъ ре-

[1]) Иванъ Гушалевичъ написалъ много стихотвореній, былъ авторомъ нашего перваго гимна: „Миръ вамъ братья всѣмъ приносимъ“, написалъ мелодраму „Подгоряне“, которая долго держалась на сценѣ.

дакціею талантливаго учителя Исидора Трембицкаго, извѣстнаго изъ перваго русскаго процесса, обвинявшаго насъ въ государственной измѣнѣ. Но только первый номеръ появился въ общерусскомъ направленіи, а слѣдующіе номера выходили въ противоположномъ. „Народна школа“ просуществовала только одинъ годъ, не найдя сочувствія между русскимъ тогда еще учительствомъ. На ея мѣсто появилась во Львовѣ подъ редакціею украинофильствующаго педагога, учителя образцовой школы Григорія Врецено „Газета школьна“, которая при „моральномъ“ и „матеріальномъ“ пособіи польскихъ школьныхъ властей просуществовала нѣсколько лѣтъ. Когда Врецено выступилъ противъ поляковъ и ихъ посягательствъ на права русской школы, то долженъ былъ газету закрыть. На мѣсто „Газеты школьной“ началъ издавать преподаватель семинаріи Е. Партыцкій уже въ чисто украинофильскомъ духѣ „Школьную часопись“. Но какъ только во Львовъ переселился изъ Тернополя „поборникъ“ ягеллоновской идеи извѣстный уже намъ Барвинскій, онъ основалъ на деньги австрійскаго правительства новый органъ „Учитель“, такъ какъ былъ недоволенъ неопредѣленнымъ характеромъ предыдущихъ журналовъ. Новый журналъ былъ направленъ къ борьбѣ съ русскимъ движеніемъ, съ русскими учителями. Онъ переорганизовалъ „Русское педагогическое общество“, возникшее въ 1881 г., и направилъ его на борьбу съ „москвофильствомъ“. Въ виду этого русскіе люди, какъ учителя, чиновники, священники, журналисты, принадлежавшіе къ этому обществу, выбыли изъ его состава, а свои педагогическія сочиненія стали помѣщать въ русской періодической печати, какъ-то „Червонная Русь“, книжечки общ. Качковскаго, „Галицкая Русь“, „Галичанинъ“, „Прикарпатская Русь“ и др.

Такъ какъ „Русское педагогическое общество“ позже было переименовано въ „Українське товариство педагогичне“, то русскіе учителя Галицкой Руси приступили къ основанію особаго „Русскаго учительскаго общества“. Для этой цѣли съѣхались представители русскихъ галицкихъ учителей около 100 человѣкъ во Львовъ, на совѣщанія. Здѣсь они подали уставъ на утвержденіе намѣстнику Бобжинскому. Но Бобжинскій устава не утвердилъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что въ Галиціи русскаго народа нѣтъ, и языка, на какомъ былъ уставъ составленъ, тоже нѣтъ, а учителей иниціаторовъ собранія перемѣстилъ въ западную часть Галиціи, къ мазурамъ-полякамъ: такъ много потрудившагося Онуфрова изъ Бродъ въ Тарновъ, а преподавателя гимназіи Гецева вовсе отрѣшилъ отъ должности.

Но русскіе учителя не унывали. Они составили анкету и обязались издавать свой органъ „Русская школа“, а чтобы избѣжать гоненій со стороны мазепинцевъ, упросили извѣстнаго нашего журналиста С. Ю. Бендасюка, чтобы онъ, какъ независимый отъ правительства человѣкъ, издавалъ подъ своимъ именемъ и подъ своею отвѣтственностью этотъ будущій русскій педагогическій журналъ, который бы въ готовомъ видѣ сталъ ему присылать для подписи пишущій эти строки. Бендасюкъ согласился, узнавъ, что это дѣло важное, но черезъ 6 дней онъ былъ арестованъ.

Теперь галицкіе учителя учредили на дняхъ въ городѣ Львовѣ на свободной русской землѣ новое „Русское педагогическое общество“, которое примется усердно за трудъ на пользу своего народа, на пользу русской галицкой школы.

Теперь русскихъ учителей въ Галицкой Руси ждетъ великая отвѣтственная работа, очень тяжелая, за права русской школы. Русскій галицкій учитель долженъ идти на встрѣчу русскому народу въ его стремленіяхъ къ объединенію съ остальнымъ русскимъ міромъ.

Какъ мы выше упомянули, въ Галиціи было около 10.000 учительскаго персонала, на 8 милліоновъ населенія. Восточная русская Галиція много больше, чѣмъ западная польская, и на ея долю приходилась бо̀льшая половина учителей изъ этой цифры. Эта цифра очень велика, чтобы съ ней въ настоящее время не считаться. Но для нея она совершенно не страшна. Изъ польской офиціальной статистики мы убѣдились, что поляки и евреи во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ восточной Галиціи составляли большинство, по той причинѣ, что евреевъ записывали какъ поляковъ. Поляки установили всюду польскій языкъ въ школахъ, какъ офиціальный, на которомъ преподавалась наука — въ виду девиза: „cuius regio illius religio“. Теперь евреи примкнутъ обратно къ русскимъ, съ которыми составятъ тоже большинство во всѣхъ городахъ восточной Галиціи.

Не знаемъ, какое будетъ по окончаніи военныхъ операцій отношеніе русскаго правительства къ этому польско-еврейскому вопросу въ восточной Галиціи. Но край долженъ пріобщиться къ русской культурѣ, начиная отъ русской школы. Прежде всего мы должны заботиться объ учрежденіи школъ для русскаго мѣстнаго народа, для русскихъ деревень, которыхъ сверхъ 3.000, какъ мы объ этомъ выше упоминали. Для этихъ деревень необходимо 3.000 учителей, для городскихъ школъ нужно будетъ 2.000 учительскаго персонала. Найти этихъ учителей не такъ уже трудно. Курсы русскаго языка, устроен-

ные въ Галиціи и Петроградѣ, дадутъ намъ около 500 лицъ, а до 1.500 могутъ обучить русскому языку всѣ существующія въ Россіи духовныя учительскія семинаріи, при которыхъ есть педагогическія каѳедры съ образцовыми школами. Если бы теперь каждая семинарія приняла по 25 галицкихъ кандидатовъ учительскаго сословія на 4—5-мѣсячные курсы русскаго литературнаго языка, мы получили бы до начала школьнаго года выше указанную цифру.

Такъ какъ въ Россіи въ этомъ году ученье во всѣхъ заведеніяхъ кончится уже 1-го мая, то черезъ 4 мѣсяца можно снова устроить въ 10 крупныхъ городахъ приготовительные курсы, для подготовки учителей и учительницъ, (въ каждомъ городѣ по 100), а помѣстить ихъ можно бы было въ опустѣвшихъ общежитіяхъ, такимъ образомъ возможно опять около 1.000 галичанъ обучить русскому языку.

Желательно было бы, чтобы наибольшее число коренныхъ русскихъ людей изъ державной Руси пріѣхало къ намъ въ Галичину занять у насъ мѣста учительскія, по городамъ и мѣстечкамъ. Въ городахъ и мѣстечкахъ они будутъ намъ необходимы, чтобы, сообщаясь съ нами, помогать нашему усовершенствованію въ русскомъ языкѣ, исправляя наши ошибки. Такихъ людей, увлеченныхъ чувствомъ патріотизма и хотящихъ послужить нашему возрожденію и сліянію съ остальнымъ русскимъ міромъ, хотящихъ заниматься и работать въ пользу Галицкой Руси, должно найтись по крайней мѣрѣ 2.000 человѣкъ. Такимъ образомъ недостатка въ учительскомъ персоналѣ у насъ бы не было.

Н. Филипчакъ.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ *).

**С. Созоновъ* и *В. Верховскій*. Учебникъ химіи. Курсъ средней школы. Петроградъ. 1915 г. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Цѣна 1 р. Стр. VI + 218. 117 рис. въ текстѣ.

Какъ видно изъ предисловія, „авторы ставили себѣ цѣлью дать болѣе краткое руководство для класснаго прохожденія химіи въ среднихъ школахъ типа реальныхъ училищъ“, при чемъ они „опирались на тѣ же основанія, на которыхъ построенъ „«Элементарный курсъ химіи»“, который въ свое время былъ разсмотрѣнъ ученымъ комитетомъ и заслужилъ благопріятный отзывъ. Вслѣдствіе этого нѣтъ надобности останавливаться на фактической сторонѣ дѣла: она составлена со знаніемъ и умѣньемъ. Нѣсколько замѣчаній можно сдѣлать только со стороны формальной. Во-первыхъ, учебникъ можно было бы значительно сократить безъ ущерба для его достоинствъ. Сокращеніе это было бы умѣстно въ надлежащемъ уменьшеніи примѣровъ, иллюстрирующихъ одно положеніе. Напр. при выясненіи „химическаго“ явленія авторы приводятъ семь различныхъ примѣровъ (стр. 3), тогда какъ вполнѣ достаточно было бы двухъ-трехъ, взятыхъ изъ наиболѣе удаленныхъ областей. Совершенно излишне четыре раза печатать перечень элементовъ; на стр. 10 помѣщены въ алфавитномъ порядкѣ одни русскія названія элементовъ; на стр. 44 помѣщены русскія и латинскія названія нѣкоторыхъ элементовъ, ихъ химическіе знаки и атомные вѣса; на стр. 211 полный перечень всѣхъ элементовъ съ ихъ химическими знаками и атомными вѣсами; на стр. 212 въ алфавитномъ порядкѣ помѣщены химическіе знаки элементовъ и

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

соотвѣтствующія имъ названія. Безъ всякой нужды помѣщена въ учебникѣ глава о кристаллахъ и кристаллизаціи (стр. 83—86), такъ какъ объ этомъ предметѣ трактуется въ курсѣ минералогіи. Точно также можно было бы освободить книгу и отъ нѣкоторыхъ рисунковъ, напр. вмѣсто двухъ рисунковъ 23 и 24 (стр. 23) достаточенъ одинъ изъ нихъ. Совершенно не нуженъ рисунокъ 26 (стр. 26), 29 (на стр. 27), 32, 34 (стр. 29), 38 (стр. 32), рис. 82 (стр. 117) и нѣкот. др. Попутно слѣдуетъ указать, что рис. 76 и 77 очень плохи (стр. 106). Второе замѣчаніе можетъ быть сдѣлано относительно нецѣлесообразности долго задерживать учениковъ на изображеніи реакцій при помощи уравненій, составленныхъ изъ названій тѣлъ и клѣтокъ, въ которыхъ помѣщаются названія элементовъ сложнаго тѣла. Учитель химіи имѣетъ предъ собою достаточно развитыхъ учениковъ, чтобы не опасаться непониманія такого простого пріема, какимъ является пріемъ обозначенія элементовъ. Къ тому же болѣе раннее ознакомленіе учениковъ съ химическими знаками значительно облегчило бы ихъ запоминаніе. Мнѣ кажется также, что глава объ атомистическомъ ученіи и озонѣ (стр. 100) изложена слишкомъ догматично. На этомъ вопросѣ слѣдовало бы остановиться подробнѣе и изложить проще и нагляднѣе. Трудно понять также, почему авторы выдѣлили въ отдѣльную главу „Гремучій газъ“ (стр. 28). Содержаніе этой главы не отдѣлимо отъ предшествовавшей главы о водородѣ. Есть въ книгѣ нѣкоторые опечатки и недосмотры, впрочемъ, въ весьма маломъ количествѣ и несущественные.

П. Земятченскій.

**В. Сливицкій.* Грамматика церковно-славянскаго языка. Третье изданіе (исправленное), т-ва „В. В. Думновъ, насл. бр. Салаевыхъ“. Москва.—С.-Петербургъ, 1914. IV+82 стр. Цѣна 40 к.

Въ настоящемъ изданіи осталось послѣ исправленія немало недочетовъ.

Неточно объ образованіи въ Европѣ довольно обширныхъ поселеній славянъ лишь около VI вѣка. Славяне широко разселяются гораздо ранѣе этого времени.

Невѣрно, что *всю* свою жизнь свв. Кириллъ и Меѳодій посвятили просвѣщенію славянъ.

Неточно, что русскіе получили лишь книги, переписанныя съ переводовъ, сдѣланныхъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Напрасно авторъ считаетъ спорнымъ вопросъ о родинѣ древнецерк.-слав. языка.

Невѣрно замѣчаніе, что древніе переписчики, люди не образованные, не знали грамматики и что отсутствіе въ ихъ письмѣ ошибокъ объясняется фонетическимъ письмомъ того времени. Нѣкоторыя правила орѳографіи установились въ очень отдаленное время.

Неточно (стр. 5) правило употребленія ѡ: ѡ обычно писалась въ началѣ нѣкоторыхъ словъ (ѿ, ѡже...).

Очень неудаченъ терминъ *славянскій* языкъ вмѣсто др.-церк.-слав. Онъ даже вреденъ, хотя авторъ и оговорился во введеніи. Во фразѣ: „въ польскомъ языкѣ, родственномъ славянскому"... находимъ нежелательное сопоставленіе. Польскій языкъ тоже славянскій языкъ, а не родственный славянскому.

Что за звукъ ѕ авторъ ничего не говоритъ и все, что сказано на стр. 8 объ этомъ звукѣ весьма неопредѣленно и неточно. Мы здѣсь читаемъ: „Буквы ѕ (зѣло) и з (земля) прежде обозначали разные звуки; въ позднѣйшее же время первая изъ нихъ (ѕ) почти не употребляется".

Причина чередованія ѫ и ѧ съ сочетаніемъ гласныхъ съ носовыми оказалась не разъясненною (стр. 11).

На стр. 20 весьма странно говорится о замѣнѣ гласныхъ твердаго склоненія мягкими, при чемъ смѣшиваются фонетическія и морфологическія явленія. Въ этомъ перечнѣ мы имѣемъ замѣну ъ черезъ ь (рабъ—конь) и ы черезъ ѧ (рабы—конѧ) и замѣну е черезъ ю (рабе—коню).

Неудачный терминъ разносклоняемые находимъ на 24 стр.

На стр. 29 мы узнаемъ, что въ формѣ несѣаста, хвалиаста х передъ *т* переходитъ въ *с*!?

На стр. 43 читаемъ слѣдующее объясненіе склоненія именъ прилагательныхъ полной формы: „Присоединяя мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ къ краткой формѣ прилагательнаго, надо соблюдать слѣдующія правила:

1) Изъ трехъ стоящихъ подъ рядъ гласныхъ звуковъ средній выбрасывается. Напр., род. п. ед. ч. ж. р. новъꙗ + ѥі-ѧ = новъꙗі-ѧ.

2) ъ, а, о передъ и переходитъ въ ꙗ. Напр., им. п. ед. ч. м. р. новъ + и = новꙗи.

3) ь, ꙗ, ѥ передъ и переходитъ въ и. Напр., им. п. ед. ч. м. р. синь + и = синии.

4) ѥ послѣ а, оу и и вполнѣ имъ уподобляется, т. е. а + ѥ = аа; оу + ѥ = оуоу; и + ѥ = ии. Напр., род. п. ед. ч. м. р. нова + ѥго = новаго.

5) ѥ послѣ ꙗ переходятъ въ а; послѣ ю — въ оу. Напр., дат. п.

ед. ч. м. р. синю + емоу = синюоумоу; род. п. ед. ч. м. р. сина + его = синаго.

6) Если едва (?) послѣдніе звука въ прилагательномъ и мѣстоименіи одинаковы, то въ прилагательномъ звуки эти выбрасываются. Напр., твор. п. ед. ч. м. р. новъмь + имь = новъ + имь = новъ-имь.

Какъ видимъ почти всѣ эти объясненія совершенно невѣрныя.

Н. Карпинскій.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе апрѣля и мая мѣсяцевъ 1915 года.

— *Пластининъ, А. Т.* Дѣлопроизводство народнаго учителя. Практическое руководство къ веденію служебной переписки въ начальныхъ училищахъ Мин. Нар. Пр. и законоположенія о правахъ учащихъ, службою даруемыхъ. Одесса 1915. 251 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

— *Цингеръ, А. В.* Начальная физика. Вторая ступень. Механика. 239 чертежей въ текстѣ. Таблица и 2 портрета. Закладка-масштабъ. Изданіе Т-ва „В. В. Думновъ—насл. бр. Салаевыхъ". III+256 стр. Цѣна 1 р. 15 к.

— *Каптеревъ, П. Ѳ.* Дидактическіе очерки. Теорія образованія. Изданіе второе, переработанное и расширенное. Петроградъ 1915. IV+434 стр. Цѣна 2 р. 40 к.

— Къ рѣшенію вопроса о виноградномъ винѣ и пивѣ. Открытое письмо городскимъ и земскимъ самоуправленіямъ Россіи. М. 1915. 68 стр. Цѣна 20 к.

— Отчетъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа за 1914-й годъ. Кіевъ 1915. 51+54+12 вѣдом.+23+11 вѣдом.+28+10 вѣдом.+44+11 вѣдом.+8+19+5 вѣдом.+16+6 вѣдом.+3+20+4 вѣдом.+19+7 вѣдом.+11+5 вѣдом.+15+4+4+1 вѣдом.+5+2 вѣдом.+6+11+3 вѣдом.

— *Феличе, А.* Гнѣвъ Эльворуна. Кавказская легенда. Съ рисунками художника К. Фридберга. Изданіе редакціи журнала „Юная Россіи". М. 1915. 17 стр. Цѣна 5 к.

— *Кораблевъ, В. Н.* Славянскій мученикъ Янъ Гусъ изъ Гусинца. Къ 500-лѣтію со дня его кончины. Общедоступный очеркъ. Петроградъ 1915. 53 стр. Цѣна 40 к.

— *Смородиновъ, В. Г.* Изъ прошлаго учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа, преимущественно Радомской мужской гимназіи. (Очерки). Изданіе редакціи „Домашнее и Школьное Обученіе". Варшава. 54 стр.

— Отчетъ о педагогическихъ курсахъ, бывшихъ въ гор. Барнаулѣ для учителей и учительницъ сельскихъ начальныхъ училищъ Барнаульскаго уѣзда, Томской губ., съ 15-го іюня по 20-е іюля 1914 г. Томскъ 1915. 152 стр.

— *Маляревскій, Г.* Отчетъ по краткосрочнымъ педагогическимъ курсамъ

для учащихъ начальныхъ училищъ Тобольской губ., бывшихъ въ 1914 году въ гор. Курганѣ съ 27-го мая по 24-е іюня и въ гор. Тобольскѣ съ 9-го іюля по 2 августа. Тобольскъ 1915. 49+55 стр.+6 рис.

— *Стернъ, Вильямъ.* Психологія ранняго дѣтства до шестилѣтняго возраста. Съ использованіемъ въ качествѣ матеріала ненапечатанныхъ дневниковъ Клары Стернъ. Съ дополненіями Я. Г. Оршанскаго. Переводъ М. А. Энгельгардта. Петроградъ 1915. 240 стр. Приложеніе къ газетѣ „Школа и Жизнь".

— Отчетъ Астраханскаго общества народныхъ университетовъ за 1912—1913 годъ. Годъ I. Астрахань 1914. 30 стр.

— I. Отчетъ центральнаго Правленія Общества для пособія учащимъ въ народныхъ училищахъ Рязанской губерніи за 1913 годъ. II. Обзоръ дѣятельности Общества для пособія учащимъ въ народныхъ училищахъ Рязанской губерніи за 30 лѣтъ его существованія (1882—1912 г.). Рязань 1915. 204 стр.

— *Райновъ, Б. Е.* Тетрадь для практическихъ занятій по природовѣдѣнію. Неживая природа: земля, воздухъ, вода. Рисунки худож. Е. И. Конъ. Изданіе Н. П. Карбасникова. П. 1915. 61 стр. Цѣна 40 к.

— Начальное образованіе на Китайской Восточной и Уссурійской желѣзныхъ дорогахъ за 1912—1913 учебный годъ. Харбинъ 1915. VII+144 стр.

— Статистика Россійской Имперіи. LXXXVI. Урожай 1914 года въ Европейской и Азіатской Россіи. I. Озимые хлѣба и сѣно. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. П. 1915. 122 стр.

— *Ржига, Ѳ. В.* Славянскія пѣсни въ восьми нарѣчіяхъ: великорусскомъ, малорусскомъ, болгарскомъ, сербо-хорватскомъ, словинскомъ, польскомъ, чешскомъ и нижнелужицкомъ. Нижній-Новгородъ 1915. 16 стр. Цѣна 15 к.

— *Падалка, Л. В.* Происхожденіе и значеніе имени „Русь". Полтава 1915. 40 стр.

— Отчетъ о временныхъ педагогическихъ курсахъ по правиламъ 5-го августа 1875 года, бывшихъ въ гор. Бійскѣ для учителей и учительницъ начальныхъ училищъ Бійскаго и Кузнецкаго уѣздовъ, Томской губ. съ 20-го іюня по 22-е іюля 1914 г. Томскъ 1915. 107 стр.

— *Енько, П.* Методика начальнаго счета, по лабораторному методу. П. 1914. Часть I. Практика обученія. 130 стр. Цѣна 60 к.—Часть II. Теоретическія основанія. 47 стр. Цѣна 30 к.

— *Енько, П.* Справочникъ по начальному счету для учащихся. П. 1915. 33 стр. Цѣна 15 к.

— *Енько, П.* Сборникъ практическихъ разсчетовъ для начальнаго обученія счету по лабораторному методу. П. 1915. 43 стр. Цѣна 15 к.

— *Брела, Улисъ.* Школьная грамматика французскаго языка. I-я часть. (Этимологія). Изданіе второе. С.-Пб. 1913. 91 стр. Цѣна 40 к.

— *Торнау, Н. Н., баронъ.* Тетрадь для черченія діаграммъ и графиковъ съ приложеніемъ практическихъ указаній для учащихся: 1) по черченію діаграммъ и графиковъ, 2) по составленію картограммъ и 3) по черченію діаграммъ, графиковъ и картограммъ. П. 1914. Цѣна 40 к.

— *Торнау, Н. Н., баронъ.* Сборникъ статистическихъ данныхъ. 2-е изданіе. Данныя, опубликованныя въ концѣ 1913 года и въ 1914 году. П. 1914. 26 стр. Цѣна 40 к.

— *Добронравовъ, Іоаннъ, свящ.* Краткая церковная исторія по программѣ высшихъ начальныхъ училищъ и второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Изданіе шестое, исправленное согласно указаніямъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. Съ картою путешествія св. ап. Павла. Саранскъ 1914. 127 стр. Цѣна 50 коп.

— *Рождественъ, А.* Лермонтовъ. Личность и творчество. Къ столѣтію со дня рожденія. 3-го октября 1814 г.—3-го октября 1914 г. Съ портретомъ Лермонтова, съ стихотвореніями, посвященными поэту, и библіографическимъ указателемъ сочиненій о его жизни и творчествѣ. Казань 1915. 40 стр. Цѣна 25 коп.

— Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ по страхованію доходовъ и капиталовъ за 1913 годъ. П. 1914. 66 стр.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КЪ МЕТОДИКѢ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА.

Новый методъ французскаго языка, предложенный преподавателями Brunot и Bony, есть результатъ ихъ тѣснаго дружнаго сотрудничества въ продолженіе многихъ лѣтъ. Одинъ изъ авторовъ, а именно—Brunot, въ теченіе 25 лѣтъ работаетъ надъ разрѣшеніемъ всевозможныхъ проблемъ, которыя представляетъ исторія французскаго языка; другой же, Bony, посвятилъ всю свою жизнь начальной школѣ, стараясь, по возможности, облегчить всѣ трудности преподаванія и сдѣлать эту тяжелую работу наиболѣе продуктивной. Основное положеніе ихъ метода гласитъ: *правильное развитіе рѣчи учащихся въ связи съ расширеніемъ ихъ умственнаго кругозора.* Уроки же грамматики, хотя и лежатъ въ основѣ метода Brunot и Bony, но, однако, это не курсъ грамматики, а курсъ французскаго языка. „Méthode de langue française", названіе вполнѣ соотвѣтствующее своему назначенію, въ чемъ можно убѣдиться послѣ тщательнаго разбора этого учебника. А потому одна изъ первыхъ и главныхъ задачъ каждаго преподавателя пріучить дѣтей ясно понимать мысли другихъ, какъ-то: преподавателей, товарищей, писателей, произведенія которыхъ они читаютъ, а позднѣе газетъ и журналовъ, и достигнуть того, чтобы воспринятыя мысли ученики могли облечь хотя въ простую, но правильную литературную форму, вполнѣ понятную для всѣхъ и каждаго. Сообразно этой цѣли занятія по французскому языку распадаются на слѣдующія части: 1) изученіе словаря, 2) упражненіе въ рѣчи, 3) чтеніе, 4) заучиваніе наизусть, 5) грамматика, 6) орѳографія, 7) упражненія, которыя въ свою очередь подраздѣляются на два вида: a) устныя упражненія и b) письменныя упражненія.

Перехожу къ разсмотрѣнію въ общихъ чертахъ каждой изъ поименованныхъ частей въ отдѣльности.

1. При изученіи словъ преподаватель останавливаетъ вниманіе учениковъ на самыхъ простыхъ словахъ, но выбранныхъ такимъ образомъ, чтобы въ совокупности они составляли нѣчто цѣлое, напримѣръ: *Le corps.* Tête, figure, front, nez, bouche, joue, oreille, menton, épaule, dos, poitrine, ventre.

Изученію словъ посвящается цѣлый рядъ уроковъ, и сюжетъ для бесѣды долженъ быть вполнѣ знакомъ дѣтямъ. Начиная съ предметовъ, которые ихъ окружаютъ, дѣти переходятъ постепенно къ тѣмъ, которыхъ нѣтъ въ классѣ, но которые все же имъ хорошо знакомы; на этой ступени не касаются отвлеченныхъ предметовъ и понятій и не сообщаютъ учащимся словъ, которыя остаются для нихъ только словами, но смыслъ которыхъ недоступенъ ихъ пониманію.

Вотъ примѣры подобныхъ уроковъ:

Leçon de vocabulaire. Jean, vous êtes maintenant un garçon, mais lorsque vous aviez seulement un an, étiez-vous déjà un garçon? (Ecrire les mots bébé, garçon, puis successivement les autres mots prononcés par les enfants).

Vous êtes donc un garçon, et votre soeur?—Dans la première lecture, quel nom a-t-on employé pour Louise? Fillette.—Un garçon qui va à l'école est un?—Ecolier.—Et une fille?—Ecolière.

— Avec qui venez-vous à l'école?—Camarades.

Quand vous serez grand, que serez-vous? Homme.—Et une petite fille, que sera-t-elle? Femme.

Comment nommez-vous l'homme qui instruit les enfants? Maître.—Et si c'est une femme? Maîtresse. Prenez maintenant votre livre et lisez les mots que vous venez de dire.

Vocabulaire: L'enfant.

Bébé, garçon, fille, fillette, écolier, écolière, camarade, homme, femme, maître, maîtresse.

Vocabulaire: L'intérieur de la maison. Rez-de-chaussée, étage, vestibule, corridor, cuisine, salle, salle à manger, salon, chambre à coucher, bureau, mansarde, galetas, cellier, hangar, bûcher, buanderie.

Clair, sombre, obscur, spacieux, simple, luxueux.

Décorer, orner, habiter, emménager, déménager, meubler, garnir, ranger, aérer.

Pénétrons à l'intérieur de la maison. Les pièces que nous trouvons au niveau de la rue, au rez de la chaussée, sont situées au... S'il y a des chambres au-dessus, elles sont au premier... S'il y a une piéce à l'entrée donnant accès aux diverses autres pièces, c'est un vestibule.

Comment se nomme la pièce où se préparent les aliments?... La pièce où l'on mange?... Celle où l'on reçoit les visiteurs?... Celle où l'on couche?... Une chambre située sous la toiture est une mansarde. Si elle est peu commode ou délabrée, c'est un galetas.

La maison a souvent des dépendances. Un endroit frais pour y conserver les boissons est un cellier, un abri pour les voitures est un hangar; on met les bois, les bûches dans un...

On fait la lessive dans une buanderie.

Que peut être une chambre quant à la lumiére?... A l'espace?.. A l'agrément?...

Pour rendre agréable une chambre, on peut la décorer, on peut y ajouter des ornements, c'est-à-dire l'... On peut alors y.... avec plaisir.

Конечно, учитель не можетъ сообщать учащимся, напримѣръ, всѣ техническія слова, которыя будутъ необходимы каждому въ его профессіи; онъ долженъ только, насколько это возможно, ознакомить учениковъ съ тѣми словами и понятіями, которыя наиболѣе необходимы въ текущей частной и общественной жизни. Этотъ матеріалъ настолько обширенъ, что, несмотря на всѣ усилія преподавателя въ этомъ отношеніи, никогда не можетъ быть использованъ всецѣло. По методу Brunot et Bony, каждый преподаватель долженъ сообщать ученикамъ всѣ важные пріемы образованія словъ, такъ какъ, благодаря этому, слѣдуя закону аналогіи, они безъ труда затѣмъ во сто разъ увеличатъ свой вокабюлеръ сами. Разъ ученикъ пойметъ значеніе, напр., суффикса ite, прибавленнаго къ корню, онъ уже будетъ знать, что слово съ этимъ суффиксомъ имѣетъ значеніе какой-нибудь болѣзни, какъ-то: la bronchite, la laryngite. Никогда не заставлять учениковъ давать опредѣленіе словъ; это также одно изъ правилъ Brunot et Bony: ребенокъ можетъ объяснять, но не опредѣлять; его нужно пріучить употреблять слова вѣрно, особенно синонимы; также очень полезно искать аналогичныя, принадлежащія къ одной группѣ слова.

2. Развитіе рѣчи учащихся есть одна изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ задачъ учителя. Существеннымъ условіемъ развитія рѣчи служатъ упражненія „exercices de langage". Конечно, всѣ школьныя упражненія должны быть направлены въ эту сторону; лучшимъ средствомъ для достиженія положительныхъ результатовъ является требованіе передачи учениками впечатлѣній, воспринятыхъ отъ тѣхъ или иныхъ предметовъ окружающей дѣйствительности. Но также очень полезно устраивать спеціальные разговоры, въ которыхъ бы ученики пріучались методически наблюдать за ходомъ рѣчи, размышлять, вызывать все нужное въ памяти, а затѣмъ умѣть передавать другимъ образовавшіяся у нихъ понятія. Прежде всего ребенокъ получаетъ понятія изъ наблюденія окружающихъ предметовъ, а потому учитель долженъ помѣщать передъ глазами учениковъ предметы, съ которыми

онъ хочетъ ихъ знакомить и о которыхъ хочетъ съ ними говорить; останавливаетъ ихъ вниманіе на существенныхъ признакахъ этихъ предметовъ и заставляетъ выражать замѣченное словами. Этотъ способъ даетъ непосредственное понятіе объ употребляемыхъ словахъ и также пріучаетъ дѣтей давать себѣ отчетъ въ томъ, что они говорятъ. Вотъ почему и первая серія словъ „vocabulaire" состоитъ изъ названій, относящихся къ предметамъ, которые ученики могутъ видѣть въ классѣ, т. е. къ болѣе простымъ, легкимъ и доступнымъ ихъ пониманію, а затѣмъ уже переходятъ къ болѣе труднымъ и сложнымъ предметамъ. Когда же учащіеся выйдутъ изъ круга школьныхъ предметовъ, то переходятъ къ ознакомленію съ тѣми предметами, которыхъ передъ глазами учениковъ нѣтъ, но которые они могутъ представить, такъ какъ раньше видѣли ихъ; такимъ образомъ они пріучаются думать и говорить съ точностью о предметахъ, которыхъ нѣтъ подъ рукой. Позднѣе, во второй и третій годъ обученія, ведутся бесѣды о предметахъ отвлеченныхъ, неподлежащихъ воспріятію внѣшнихъ чувствъ; здѣсь приходится говорить о привычкахъ, характерѣ, поступкахъ людей или животныхъ, которыхъ они разсматриваютъ. Наконецъ, учитель, задавая всевозможные вопросы, вызываетъ учениковъ на размышленія, на разсужденія и такимъ образомъ способствуетъ развитію мышленія. Главная задача, а вмѣстѣ съ тѣмъ и затрудненіе на первое время состоитъ въ томъ, чтобы заставить дѣтей говорить. Только тогда дѣло можно считать успѣшнымъ, когда поступившія въ школу дѣти на самые простые вопросы могутъ дать самостоятельные отвѣты. Первое время они должны формулировать свой отвѣтъ, включая въ него часть словъ изъ вопроса преподавателя, позднѣе же нужно, по возможности, добиваться, чтобы ученики не пользовались готовыми отвѣтами, а отвѣчали своими словами; подобный отвѣтъ ученика показываетъ, что онъ глубоко понялъ то, о чемъ говоритъ. Нужно пріучать отвѣчать полными фразами, но не отдѣльными словами или окончаніями предложенія, начатаго преподавателемъ. Въ продолженіе каждаго урока разговорной рѣчи ученики употребляютъ нѣкоторое количество упражненій, состоящихъ въ описаніи отдѣльныхъ предметовъ, картинъ и т. д.; преподаватель записываетъ „résumé" каждаго упражненія на классной доскѣ; ученики читаютъ его, а затѣмъ переписываютъ въ тетради. Для веденія подобныхъ упражненій существенную помощь оказываютъ гравюры, которыя вообще имѣютъ широкое примѣненіе въ преподаваніи начальной школы. Картины же, находящіяся въ учебникѣ, освѣщаютъ часто

урокъ грамматики, урокъ чтенія и vocabulaire и служатъ главнымъ основаніемъ для вышеупомянутыхъ упражненій „exercices de langage".

Une désobéissance. Combien voyez-vous de petits garçons dans la première gravure à gauche? — Vous retrouverez ces quatre petits garçons dans des vignettes séparées. En les voyant fumer vous devinez ce qu'ils ont découvert sur la table, ce qu'ils préparent.

Des garçons de cet âge doivent-ils fumer? — Qui leur a sans doute défendu de le faire?—Paraissent-ils cependant heureux d'avoir des cigarettes?

La dernière gravure vous fait-elle deviner ce que est arrivé à ces fumeurs?—Qui les soigne?—S'ils sont raisonnables, que devront-ils promettre?

Résumé. — Quatre enfants préparent des cigarettes avec le tabac de leur papa; ils se mettent à fumer, et ils paraissent d'abord très heureux. Mais le tabac les rend malades; il faut les coucher et leur donner des remèdes.

Ils sont punis de leur désobéissance.

3. Матеріалъ для чтенія выбирается такой, чтобы пріучить дѣтей къ бѣглому и сознательному чтенію. Желая привлечь учениковъ къ внимательному отношенію читаемой статьи, учитель предварительно въ краткихъ словахъ знакомитъ ихъ съ сюжетомъ взятой статьи, затѣмъ читаетъ самъ выразительно, но естественно, при чемъ избѣгаетъ произносить раздѣльно слоги, произносить конечный нѣмой слогъ; никогда нельзя читать ma-mèreu, такъ какъ во время разговора произносятъ ma-mèr; это также устарѣлый способъ, къ которому прибѣгали когда-то учителя подъ предлогомъ облегчить чтеніе, а въ дѣйствительности они только тормозили дѣло, такъ какъ впослѣдствіи приходилось бороться съ новой привычкой.

Чтобы дѣти не были поставлены втупикъ фразами или словами, которыхъ они вовсе не знаютъ, или мало понимаютъ, учитель при чтеніи объясняетъ всѣ слова и выраженія, которыя, по его мнѣнію, могутъ показаться имъ трудными; онъ замѣняетъ ихъ болѣе простыми словами и выраженіями, вполнѣ имъ доступными. Затѣмъ ученики или извѣстная группа учениковъ, если классъ многочисленный, читаютъ вмѣстѣ статью, стараясь подражать тону, измѣненію голоса, сліянію и паузамъ своего учителя. Послѣ этого читаютъ каждый въ отдѣльности, начиная съ лучшаго, переходятъ къ среднему и наконецъ—къ слабому. Во время хорового чтенія и чтенія каждаго порознь преподавателю слѣдуетъ указывать на сдѣланныя ошибки и на средства для избѣжанія ихъ и заставлять перечитывать нѣсколько разъ фразы, невѣрно прочитанныя. Объясненіе словъ и выраженій есть самое существенное въ объяснительномъ чтеніи, такъ какъ служитъ переходною ступенью къ пониманію всей статьи, что является

главною цѣлью объяснительнаго чтенія. Но объясняя слова и выраженія, не нужно забывать самаго разсказа, изъ котораго они взяты; ученики всегда должны видѣть между ними связь и разсматривать, какъ нѣчто цѣлое. Самой же главной задачей учителя является выясненіе основной идеи прочитаннаго разсказа. Матеріалъ для чтенія нужно разбирать какъ можно тщательнѣе, такъ какъ чѣмъ больше понимаютъ дѣти прочитанное, тѣмъ большій интересъ представляетъ оно для нихъ. Послѣ всесторонняго разбора взятой статьи, преподаватель требуетъ пересказа прочитаннаго своими словами; кромѣ того, предлагаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, вполнѣ исчерпывающихъ ея содержаніе. Это такъ называемое „exercices sur la lecture" есть также одна изъ главныхъ и наиболѣе производительныхъ работъ при объяснительномъ чтеніи, развивающая самостоятельное мышленіе учащихся. Чѣмъ ученики старше, тѣмъ шире и глубже дѣлается разборъ; здѣсь уже разбирается читаемый текстъ съ точки зрѣнія художественной и литературной.

Lecture: Aimer et travailler.

Mes chers enfants, vous êtes petits, c'est l'âge heureux. Eh bien voulez-vous, je ne dis pas être toujours heureux, mais voulez-vous n'être jamais tout à fait malheureux? Il ne faut pour ça que deux choses: aimer et travailler.

Aimez bien qui vous aime; aimez aujourd'hui vos parents, aimez votre mère, ce qui vous apprendra doucement à aimer votre patrie, à aimer la France, votre mère à tous. Et puis travaillez. Pour le présent, vous travaillez à vous instruire, à devenir des hommes. Quand vous avez bien travaillé et que vous avez contenté vos maîtres, est-ce que vous n'êtes pas plus légers et plus dispos? Est-ce que vous ne jouez pas avec plus d'entrain? C'est toujours ainsi: travaillez et vous aurez la conscience satisfaite.

Victor Hugo.

Leçon de lecture.

Le maître donne le sens général du passage à lire.

Sens général.—A l'occasion d'une distribution de prix, l'illustre poète Victor Hugo adressa quelques conseils aux élèves: il résuma en deux mots ce qu'il convient de faire pour être heureux, dans la mesure où le bonheur est possible.

Après il explique les termes, qui pourraient embarrasser des élèves.

Explications.—Je ne dis pas... l'orateur sans insister, laisse entendre qu'il ne nous est pas possible d'être toujours heureux.

Aimez.... les deux points annoncés vont être développés successivement.

Patrie, le pays des pères, le pays auquel on est attaché par la naissance et par de multiples sentiments.

Légers, il semble que la joie d'avoir fait son devoir influe sur la liberté des mouvements, qui s'accroît. On dit au contraire, qu'une faute pèse.

Entrain, vivacité qui donne l'exemple, qui provoque l'activité. Le maître adresse quelques questions pour constituer un résumé du passage lu.

Conclusion.—Puisque, en travaillant on a la conscience satisfaite, et que, en aimant, on attire l'affection des autres, il est impossible d'être tout à fait malheureux si l'on suit les conseils du grand poète.

Exercices sur la lecture.

En dehors de l'enfance, quels sont les âges de la vie?
Pourquoi ne faut-il pas demander à être toujours heureux?
Citez des malheurs qu'on ne peut éviter?
Combien l'auteur indique-t-il de devoirs à remplir?
Qui commande-t-il d'aimer?
Qu'est-ce que produit l'application au travail?
Copiez les adverbes qui modifient des verbes. Analysez: Travaillez, vous aurez la conscience satisfaite.

Après avoir expliqué les termes difficiles pour les élèves, le maître lit le texte; ensuite il le fait répéter par plusieurs élèves, soit collectivement soit successivement. Au cours de la lecture le maître continue l'explication du texte. A la fin de la leçon, le maître demande aux élèves de composer une narration.

4. Для заучиванія наизусть должны выбираться произведенія классическихъ французскихъ или иностранныхъ писателей, но вполнѣ понятныя имъ. Упражняя и развивая память и обогащая языкъ, заучиваніе способствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и развитію въ ученикахъ поэтическаго вкуса и нравственнаго чутья. Полное и подробное объясненіе отрывка изъ какого-нибудь произведенія беретъ обыкновенно достаточно времени. Прежде всего преподаватель даетъ нѣкоторыя необходимыя подробности, чтобы болѣе заинтересовать учениковъ тѣмъ, что будетъ заучиваться: онъ знакомитъ ихъ съ дѣйствующими лицами, затѣмъ кратко излагаетъ общія идеи отрывка; если же произведеніе по объему довольно большое, то дѣлитъ его на части и затѣмъ разбираетъ каждую часть въ отдѣльности. Учитель прочитываетъ выразительно сначала первую часть, выдѣляетъ главную мысль, заставляетъ понять ея правильность, важность и уясняетъ связь между главною мыслью и второстепенными. Послѣ этого слѣдуетъ объясненіе словъ и оборотовъ, которые могутъ затруднить учениковъ. Ясность и точность необходимы при выполненіи этой работы. Если рѣчь идетъ объ отрывкѣ изъ произведенія какого-нибудь автора, то представляется очень удобный случай дать хотя краткое указаніе о произведеніи вообще и объ этомъ отрывкѣ въ частности. Послѣ даннаго объясненія учитель читаетъ самъ, затѣмъ заставляетъ читать учениковъ, слѣдя внимательно за чтеніемъ и поправляя ихъ дикцію. Даже, когда произведеніе заучено и ученики

отвѣчаютъ уже наизусть, учитель наблюдаетъ, чтобы они отвѣчали сознательно, не слишкомъ быстро, съ соотвѣтствующей интонаціей голоса, безъ утрировки. Заученныя стихотворенія или басни полезно повторять время отъ времени, такъ какъ повтореніе способствуетъ лучшему уразумѣнію и усвоенію этого произведенія, такъ какъ Repetitio est mater studiorum.

Récitation. L'exercice physique.

Si j'aime tant les jeux, les courses,
Les luttes qui nous rendent forts,
C'est qu'il faut à ceux dont les bourses
Sont vides un robuste corps.
Au paysan qui s'en va superbe,
Front au soleil ou pied dans l'eau
Couper ses blés, faucher son herbe
Il faut bien la force; il la faut
Au bûcheron dont la cognée
Couche les grands chênes à bas,
Qui pour nourrir sa maisonnée
Ne peut compter que sur ses bras.
Je serai donc fort, mais bon; tendre
Aux faibles, aux petits, aux vieux.
Je veux la force pour défendre,
Non pour attaquer les heureux.

Dès le début de la leçon, le maître donne le sens général de cette poésie.

Sens général. Un petit garçon explique pourquoi il aime à se donner de l'exercice: il veut devenir un ouvrier vigoureux, capable de gagner honorablement sa vie. En attendant, il emploie la force qu'il acquiert à protéger les faibles.

Il lit la première partie, il en dégage la pensée dominante, (montre), explique le sens des mots, des tournures, qu'il juge difficiles pour les élèves.

Explications. Luttes, exercice où un enfant cherche à en renverser un autre.

Superbe, beau dans son accoutrement simple et dans sa résolution de travailler énergiquement.

Front au soleil, pieds dans l'eau suivant qu'il travaille par une forte chaleur à la moisson, ou que dans la rosée il fauche le pré.

Maisonnée, ensemble des personnes qui habitent une maison.

Compter sur.... être certain qu'une chose donnera ce qu'on [entend] attend (?).

Tendre, bon avec une grande sympathie pour ceux qu'on protège.

Le maître fait lire le texte expliqué en surveillant attentivement et en corrigeant la diction des élèves.

On étudie ensuite les deux autres parties que le maître a déterminées dans ce texte. Après ces explications, le maître adresse encore quelques questions et tire une conclusion.

Une conclusion. Comme cet enfant, vous devez, par les exercices de toutes sortes, accroître vos forces afin d'être plus tard de solides ouvriers. Dès aujord'hui, n'abusez pas de votre vigueur pour faire souffrir; employez vos forces à défendre ceux que l'on maltraite.

Exercices sur la récitation.

1) Qu'est-ce que le petit garçon aime beaucoup?
2) Ses parents sont-ils riches?
3) Comment sont les bourses des riches?
4) Est-ce fatigant de couper le blé?
5) Faut-il être fort pour abattre un chêne?
6) Devez-vous acquérir de la force?
7) Quelle qualité faut-il avoir en même temps que la force?
Comment les luttes nous rendent-elles?
A qui faut-il un robuste corps?
A quoi le paysan emploie-t-il ses forces?
A quoi un petit garçon doit-il employer les siennes?
1) Le petit garçon aime beaucoup les jeux, les courses et les luttes.
a) Les luttes nous rendent forts.
2) Ses parents ne sont pas riches.
b) Il faut un robuste corps à ceux dont la bourse est pauvre.
3) La bourse des riches est pleine.
c) Le paysan emploie ses forces à couper le blé ou à faucher son herbe etc.

5. Методъ веденія грамматическихъ уроковъ совершенно новый, сравнительно съ существующимъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Преподаватель даетъ для чтенія нѣсколько примѣровъ или статейку, заключающую въ себѣ послѣдовательный матеріалъ для изученія того или другого грамматическаго правила. Въ этихъ примѣрахъ или статейкѣ находятся напечатанныя особымъ шрифтомъ слова, которыя являются, такъ сказать, объектомъ для изученія новаго грамматическаго правила. При чтеніи примѣра, слова, напечатанныя особымъ шрифтомъ, невольно обращаютъ на себя вниманіе учениковъ. Сопоставляя, при помощи учителя, соединенныя въ особую группу слова, ученики сами подходятъ къ правилу и дѣлаютъ выводы и въ большинствѣ случаевъ вполнѣ самостоятельно. Когда ученикъ дальше находитъ въ урокѣ формулированное уже правило, онъ встрѣчается съ нимъ, какъ ему извѣстнымъ, такъ какъ правило это явилось результатомъ его же собственнаго наблюденія, облеченное только въ извѣстную форму. Что же касается самого формулированія того или другого грамматическаго правила, то вовсе не нужно добиваться, чтобы ученикъ его зналъ наизусть, достаточно, если онъ воспроизведетъ хотя приблизительно; важно только, чтобы смыслъ былъ

вѣренъ. Если ученикъ измѣнитъ внѣшнюю форму правила, но передастъ вѣрно смыслъ, то надо только радоваться: это доказываетъ, что онъ хорошо его понялъ. Если же ученикъ придумаетъ свой примѣръ или возьметъ изъ ранѣе прочитаннаго текста, то это еще лучше: слѣдовательно, онъ не только запомнилъ правило, но и умѣетъ его примѣнить. Такъ какъ среди учениковъ найдутся всегда такіе, которымъ опредѣленіе грамматическихъ правилъ представляетъ нѣкоторое затрудненіе, то учитель можетъ придумать нѣсколько аналогичныхъ данному въ книгѣ примѣровъ. Въ книгѣ для учителя „Livre du maître" онъ найдетъ много пространныхъ примѣровъ для объясненія и цѣлый рядъ вопросовъ, подобныхъ тѣмъ, которые предлагались для объясненія въ классѣ. Кромѣ того, это удобный моментъ для провѣрки заученныхъ теоретическихъ правилъ. Преподаватель можетъ, когда угодно, убѣдиться, усвоенъ ли вполнѣ объясненный имъ грамматическій матеріалъ; во время чтенія статьи или отвѣта наизусть онъ можетъ задать всегда одинъ или нѣсколько вопросовъ, относящихся къ только что объясненному правилу, а исправленіе письменныхъ работъ—это уже лучшій способъ для провѣрки грамматическихъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ принципъ, которымъ должны руководиться преподающіе и который имѣли въ виду вышеназванные авторы, тотъ, что, если ученикъ не понялъ вполнѣ, то ни въ какомъ случаѣ не настаивать на заучиваніи опредѣленія правила, а снова начать съ примѣра и, объясняя такимъ образомъ, привести его еще разъ къ самостоятельному выводу правила. Необходимо періодически повторять заученныя правила. Эта предосторожность обязательна, принимая во вниманіе ту послѣдовательность, которая существуетъ въ преподаваніи грамматики; уроки ея не только слѣдуютъ другъ за другомъ, но также находятся въ тѣснѣйшей связи.

La leçon de Grammaire.

— Comment peut être une maison?

— Grande, petite, haute... (Ecrire une maison grande).—Et si c'était un mur qui eût les mêmes qualités, vous diriez qu'il est...?—

— Grand, petit, haut (Ecrire sous les premiers mots: un mur grand, petit...).

A quel genre est l'adjectif grande?

— Féminin.—Pourquoi?—Et l'adjectif grand? Pourquoi?

— Quelle différence y a-t-il entre les mots grande et grand? quand on les prononce?

— Dans grande, on entend le d; dans grand on ne l'entend pas.

— Quelle différence y a-t-il entre les mêmes mots, quand ils sont écrits?

A la fin de grande il y a un e muet, qui n'est pas dans grand.

— Les autres adjectifs féminins petite, haute, ont-ils aussi un e muet à la fin?

— Et les adjectifs masculins petit, haut?

— Prenez maintenant votre livre, nous allons y retrouver à peu près ce que nous venons de dire.

La leçon: l'adjectif au féminin.

En parlant de la salle de classe, si je dis qu'elle est haute, grande, j'emploie des adjectifs au féminin, puisque salle est un nom féminin. Ces adjectifs au féminin „haute", „grande" ont un e muet à la fin. Il en est toujours ainsi quand un adjectif est au féminin. Mais en parlant du clocher, si je dis qu'il est haut, grand, les adjectifs haut, grand, sont au masculin, puisque clocher est un nom masculin. Haut, grand ne sont plus écrits avec un e muet à la fin; et prononçant je ne fais plus entendre la consonne t ou d.

Un adjectif écrit au féminin se termine toujours par un e muet. Le même adjectif écrit au masculin n'a, le plus souvent, pas d'e muet à la fin.

6. Орѳографія чаще всего пріобрѣтается путемъ зрительной памяти, вотъ почему чтеніе должно быть при полномъ вниманіи, а списываніе не должно быть механическое. Учитель наблюдаетъ какъ ученики овладѣваютъ процессомъ письма по мѣрѣ того, какъ дѣлаются старше. Существуютъ спеціальныя упражненія, которыя облегчаютъ ребенку усвоеніе орѳографіи. На этомъ основаніи соединены въ серіи употребительныя слова (mots usuels), представляющія нѣкоторое сходство въ правописаніи. Всякій разъ, даже при преподаваніи орѳографіи, не должно забывать объясненій словъ, мало знакомыхъ дѣтямъ; такимъ образомъ, эти упражненія будутъ содѣйствовать изученію „vocabulaire". Текстъ, предложенный для диктовки, долженъ служить не только примѣненіемъ заученныхъ грамматическихъ правилъ, но долженъ расширить понятія ребенка, снабдить его словами и оборотами, которыми онъ могъ бы пользоваться. Для достиженія положительныхъ результатовъ необходимо, чтобы текстъ былъ хорошо понятъ учениками; важно еще освѣтить общій смыслъ и главныя выраженія. Въ первый годъ обученія диктовка должна заключать въ себѣ наиболѣе употребительныя слова, конструкція предложеній должна быть самая простая, не требующая часто никакихъ объясненій, чтобы быть понятой учениками. Вотъ какъ нужно поступать для достиженія успѣшности въ этомъ отношеніи: текстъ для диктовки, помѣщенный въ учебникѣ, читается всѣми учениками громко и отчетливо; орѳографическія особенности словъ: нѣмые звуки, удвоенныя буквы и т. д. указываются ученикамъ заранѣе. Также очень полезно по поводу исключительнаго правописанія какихъ-нибудь словъ фор-

мулировать простыя правила, помогающія ученику запомнить эти особенности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упражняютъ ученика въ правописаніи и другихъ словъ. Ученики пишутъ текстъ диктовки, учитель наблюдаетъ, чтобы написано было правильно; нельзя допускать никакой небрежности, какъ-то пропуска „accent" или знаковъ препинанія. Если преподаватель замѣтитъ ошибку въ списываніи, то заставляетъ ее найти самого ученика и предлагаетъ переписать невѣрно написанныя слова. Позже, чаще всего на слѣдующій урокъ, учитель диктуетъ разученный текстъ, произнося ясно, отчетливо; когда же работа окончена, ученики исправляютъ ее, обращаясь при этомъ къ книгѣ. Замѣтивъ, при исправленіи работъ, неправильно написанное слово, учитель заставляетъ вспомнить правильное начертаніе этого слова и правило, которому подчинено данное слово. Каждое слово, дурно написанное или переписанное, выписывается десятки разъ и это не въ видѣ наказанія, а для того, чтобы укрѣпить правильное изображеніе слова въ зрительной памяти.

Les élèves lisent et copient le texte de la dictée. Dictée: La mère.

Votre mère pense toujours à votre bonheur; elle partage vos joies, elle adoucit vos peines, elle se préoccupe de votre santé, elle surveille votre conduite.

Faire découvrir les adjectifs possessifs de la dictée et les formes diverses dont ils sont susceptibles avec le même nom, suivant le nombre de ce nom et aussi suivant qu'il y a un ou plusieurs possesseurs: ta mère, vos mères; ta joie, tes joies, notre joie...

Signaler l's de toujours, le t de adoucit.

Exercices sur la dictée.

Copiez en soulignant les adjectifs possessifs.

Copiez en parlant à un seul enfant.

Ecrivez: ta mère pense toujours à ton bonheur etc. Un peu plus tard le maître dicte le texte étudié. Dès que le travail est terminé, les élèves le corrigent en se reportant au texte du livre.

7. Для закрѣпленія грамматическихъ свѣдѣній существуетъ цѣлый рядъ устныхъ и письменныхъ упражненій. Большая часть ихъ находится въ текстѣ, предназначенномъ для чтенія и заучиванія наизусть. Устныя упражненія даютъ намъ возможность убѣдиться, насколько ученики внимательно слѣдятъ за читаемымъ текстомъ, при этомъ учитель долженъ довести ихъ до построенія сначала очень простыхъ, а затѣмъ болѣе сложныхъ предложеній, на темы для нихъ наиболѣе интересныя. Необходимо обращать какъ можно больше вниманія на письменныя упражненія, которыя даютъ начало сочиненію.

Руководствуясь формой вопросовъ, на которые приходится отвѣчать или началомъ предложеній, которыя требуется кончить, ученики должны только перечитать текстъ, чтобы открыть фразу или часть фразы, которыя составляютъ требуемую работу. Эти упражненія очень легкія въ началѣ книги, постепенно увеличиваются въ объемѣ и усиливаются по трудности съ развитіемъ ребенка. Подъ конецъ уроки требуютъ дѣйствительныхъ усилій, стройности и даже изысканности въ выраженіяхъ. Уроки „vocabulaire“ даютъ также возможность составлять устно короткія предложенія, которыя очень полезно записывать. Задавая эти уроки сообразно развитію учащихся, нетрудно добиться въ отвѣтъ фразъ предлагаемыхъ примѣнительно къ „vocabulaire“. Поразмысливъ немного, ученики безъ труда дополняютъ фразы, составленныя изъ словъ изучаемой серіи. Естественно, что уроки грамматики требуютъ еще большихъ и разнообразныхъ упражненій, чтобы убѣдиться въ пониманіи и практическомъ примѣненіи.

Таковы доктрины метода Брюно и Бони, изложенныя мною въ общихъ чертахъ. Насколько возможно его примѣненіе въ нашей средней школѣ при преподаваніи французскаго языка, трудно сказать вполнѣ опредѣленно. При объясненіи грамматики и орѳографіи можно до нѣкоторой степени руководиться этимъ методомъ. При чтеніи „exercices sur la lecture“ имѣютъ также широкое примѣненіе къ нашей школѣ, такъ какъ всѣ новые учебники по французскому языку составлены такимъ образомъ, что почти къ каждой статьѣ для чтенія прилагается рядъ вопросовъ, исчерпывающихъ вполнѣ ея содержаніе и точно такого же характера, какъ указано въ методѣ Brunot и Bony подъ названіемъ „exercices sur la lecture“. Ученики послѣ тщательной разработки каждой статьи, состоящей въ переводѣ, заучиваніи словъ и выраженій, входящихъ въ читаемый текстъ, послѣ попутнаго объясненія встрѣчающихся грамматическихъ правилъ, приступаютъ къ изученію приложенныхъ вопросовъ, а затѣмъ уже пересказываютъ прочитанное. Въ этомъ случаѣ примѣненіе указаннаго метода не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій. Explications de textes, существенная часть объяснительнаго чтенія, къ сожалѣнію, одна изъ труднѣйшихъ задачъ преподавателя французскаго языка въ русской школѣ. Добиться, чтобы ученики дѣлали объясненіе словъ и выраженій по-французски, конечно, не легко при бѣдности ихъ „вокабюлера“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это необходимо, особенно въ старшихъ классахъ, гдѣ часто читаются произведенія классическихъ писателей

XVII столѣтія, какъ Мольера или Корнеля, или даже при изученіи басенъ Лафонтена. Языкъ XVII столѣтія требуетъ обстоятельнаго разбора и разъясненія, такъ какъ рѣзко отличается отъ современнаго литературнаго языка. Примѣняя explications de textes, я замѣчаю, какъ обогащается „вокабюлеръ“ моихъ учениковъ: они знаютъ много синонимовъ, собственное и переносное значеніе словъ, и къ этой работѣ относятся сознательно и съ большимъ интересомъ. Ученики, пріучаясь постепенно къ объясненію словъ, выраженій, начиная, хотя съ 4-го класса, въ старшихъ классахъ уже не встрѣтятъ затрудненій въ этомъ отношеніи. Кромѣ того, знаніе латинскаго языка помогаетъ имъ легко оріентироваться въ происхожденіи многихъ словъ. Вообще, работа въ этомъ направленіи, расширяя умственный кругозоръ учащихся, по моему мнѣнію, содѣйствуетъ болѣе глубокому знанію языка.

О. Троянова.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ ВЪ ЮБИЛЕЙНОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Библіографическій обзоръ).

Столѣтіе со дня рожденія М. Ю. Лермонтова (1814—2—3-го октября—1914) не привлекло настолько вниманія широкихъ круговъ общества и спеціалистовъ, чтобы быть отмѣченнымъ должнымъ образомъ. Въ виду происходящихъ чрезвычайныхъ военныхъ событій празднованіе юбилея пришлось отложить до болѣе благопріятнаго времени; изъ крупныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій ко дню юбилея появились лишь тѣ, которыя были подготовлены заранѣе, до войны, мелкая же юбилейная литература общаго характера, хоть и достигла солидныхъ размѣровъ, но ничего существенно новаго въ пониманіе Лермонтова не внесла и особеннаго значенія въ изученіи творчества поэта имѣть не будетъ.

Отмѣтимъ, однако, что со времени 50-лѣтняго юбилея смерти поэта изученіе его творчества въ значительной мѣрѣ подвинулось впередъ. Еще недавно взоры изслѣдователей были обращены исключительно на выясненіе общаго характера творчества и настроенія Лермонтова и опредѣленіе его міровоззрѣнія,—въ настоящее время, въ связи съ общимъ ходомъ историко-литературныхъ изученій, взоры изслѣдователей обратились къ частнымъ сторонамъ творчества поэта: изслѣдуются вліянія, какимъ подвергался Лермонтовъ со стороны западно-европейскихъ и русскихъ поэтовъ, и устанавливаются заимствованія у нихъ (при помощи текстуальныхъ сопоставленій), изучаются тексты произведеній Лермонтова, собираются матеріалы для выясненія поэтическихъ средствъ, къ какимъ прибѣгалъ въ своемъ творчествѣ Лермонтовъ, и дѣлаются попытки построенія его поэтики [1]).

---

[1]) Какъ мы увидимъ ниже, въ юбилейной литературѣ имѣется нѣсколько цѣнныхъ работъ, посвященныхъ изслѣдованію творчества Лермонтова въ указанныхъ направленіяхъ.

И хотя всѣ подобнаго рода работы имѣя цѣлью детальное и исключительное разсмотрѣніе одного какого-либо вопроса, страдаютъ нѣкоторыми преувеличеніями въ сопоставленіяхъ и въ выводахъ, появленіе ихъ несомнѣнно законно и правильно: при дальнѣйшемъ сравнительномъ изученіи отдѣльныхъ монографій творчество поэта предстанетъ освѣщеннымъ всесторонне; безъ детальной же разработки отдѣльныхъ мелкихъ вопросовъ, и наши общіе выводы о поэтѣ всегда будутъ отличаться шаткостью. Наше время—время черновой историко-литературной работы.

Нашъ обзоръ является попыткой пересмотра нѣкоторыхъ появившихся ко дню юбилея Лермонтова научныхъ книгъ и статей [1]), съ цѣлью выясненія ихъ содержанія и значенія, при чемъ о болѣе крупныхъ изъ нихъ даются подробныя указанія, небольшія замѣчанія о болѣе мелкихъ и появившихся въ послѣднее время статьяхъ помѣщены въ общемъ указателѣ, популярныя же статьи о Лермонтовѣ, а также изданія его произведеній лишь перечисляются.

Конечно, лучшимъ памятникомъ великому поэту было бы: 1) образцовое научное изданіе его произведеній, строго отвѣчающее требованіямъ современной науки, и 2) образцовое художественное изданіе, отвѣчающее не только научнымъ, но и эстетическимъ потребностямъ.

Къ настоящему юбилею пріурочены двѣ попытки подобныхъ изданій, значительно превосходящія всѣ прежнія: научное изданіе Разряда изящной словесности Академіи Наукъ въ 5 томахъ и художественное юбилейное московское изданіе подъ редакціей Каллаша. Мы останавливаться на разсмотрѣніи ихъ не будемъ: о первомъ имѣется уже нѣсколько замѣтокъ [2]), второе еще не окончено. Повторимъ лишь слова Л. Семенова, что у академическаго изданія при недостаткахъ есть и нѣкоторыя достоинства: „полнота текстовъ, обиліе варіантовъ, снимковъ съ автографовъ и рисунковъ поэта, интересныя примѣчанія и статьи, изящная внѣшность. Редакторомъ за-

---

[1]) Обзоръ написанъ въ октябрѣ 1914 г. На библіографическую исчерпывающую полноту, по условіямъ провинціальной работы, обзоръ не претендуетъ.

[2]) Статья Л. Семенова въ книгѣ „Лермонтовъ и Л. Толстой". М. 1914, рецензіи Б. В. Неймана въ Извѣстіяхъ Кіевскаго университета св. Владиміра, 1912 г. и въ „Филологическихъ запискахъ" 1913 г.; Русская Мысль, 1914, V, стр. 165; Русскій Архивъ, 1914, № 4; Современникъ, 1911, № 4; Русская Школа, 1914, № 12; Нов. Вр., 1913, 10-го августа и др.

траченъ большой трудъ для составленія примѣчаній, для статей пятаго тома" [1]).

1. Труды общаго характера.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій, М. Ю. Лермонтовъ. Къ столѣтію со дня рожденія великаго поэта. К—во „Прометей" Н. Н. Михайлова. 141 стр. Цѣна 90 коп.

„Едва ли можно сомнѣваться, говоритъ авторъ [2]), что Лермонтовъ, по основному укладу психики, принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ эгоцентрическихъ натуръ".

Вѣрнымъ признакомъ и прямымъ отзвукомъ роста и усиленія эгоцентризма натуры Лермонтова авторъ считаетъ субъективный характеръ творчества Лермонтова, съ годами усиливающійся и выражающійся все ярче [3]).

Разъяснивъ въ 1-й главѣ („Лермонтовъ—натура эгоцентрическая") понятіе „эгоцентрическій", авторъ во 2-й главѣ („Демонъ".—Изъ писемъ, замѣтокъ и ранней лирики)—разбираетъ поэму „Демонъ", большей частью на основаніи труда Н. А. Котляревскаго „Лермонтовъ", въ 3-й главѣ показываетъ проявленіе эгоцентризма поэта въ его лирикѣ 1832—1841 годовъ. Интересными въ этой главѣ являются замѣчанія автора о стилѣ поэта. „Творчество художниковъ и лириковъ того психологическаго типа, къ которому принадлежалъ Лермонтовъ, развертывается по преимуществу въ рамкахъ психологическихъ антитезъ, внѣшнимъ, словеснымъ выраженіемъ которыхъ служатъ антитезы образовъ, представленій, идей, красокъ, звуковъ" [4]). Психологическая антитеза, о которой шла рѣчь выше, можетъ быть, по мнѣнію автора, названа „соціальною", или „общественно-психологическою" („я и общество"). Рядомъ съ нею развивалась другая, которую авторъ называетъ „индивидуальною" или „субъективною по преимуществу"—„въ томъ смыслѣ, что противоположные моменты, другъ другу отвѣчающіе и образующіе гармоническій ритмъ, всецѣло принадлежатъ внутреннему міру поэта, являясь антитезой чувствъ, настроеній, идей. Это именно—противопоставленіе душевныхъ бурь, страстей, разлада съ самимъ собой и т. д.—душевной тишинѣ, вну-

---

[1]) „Л. и Л. Толстой", стр. 420—421.
[2]) Стр. 5.
[3]) Стр. 19.
[4]) Стр. 30.

треннему покою и согласію, примиренію съ людьми и жизнью" [1]). Въ концѣ главы авторъ указываетъ, что въ творчествѣ Лермонтова мы имѣемъ рядъ произведеній, „содержаніе которыхъ не можетъ быть, безъ натяжекъ, сведено къ самоанализу и субъективной рефлексіи поэта", и относитъ сюда: 1) баллады и легенды, какъ „Дары Терека", „Тамара", „Морская царевна", „Русалка", „Три пальмы" и др.; 2) такія вещи, какъ „Бородино", „Споръ" и др.; 3) нѣкоторыя лирическія мѣста (именно лирику природы) въ поэмахъ [2]). Въ слѣдующей главѣ („О нѣкоторыхъ чертахъ внѣшней формы стиховъ Лермонтова") авторъ въ цѣломъ рядѣ удачно подобранныхъ примѣровъ подтверждаетъ ранѣе высказанную имъ мысль о любви Лермонтова къ антитезамъ. Однѣ изъ антитезъ вытекаютъ у Лермонтова изъ сути дѣла (изъ даннаго положенія, изъ замысла), напримѣръ, „безсмертный, смертную люблю" или „сошлись и разойдемся вновь".

Другія имѣютъ значеніе стилистическое, служа украшеніемъ рѣчи и порою сбиваясь на то, что можно бы назвать „лирическою реторикою" (напримѣръ, „прекрасна, какъ ангелъ небесный,—какъ демонъ, коварна и зла"). Наконецъ, есть антитезы истинно-поэтическія, содѣйствующія осуществленію лиризма пьесы („теплой заступницѣ міра холоднаго" [3]).

Авторъ отмѣчаетъ у Лермонтова и „романтизмъ формы", мастерски передающій романтизмъ настроенія. Въ 5-й главѣ авторъ выясняетъ „субъективное" въ поэмахъ Лермонтова „Измаилъ-бей", „Бояринъ Орша", „Сашка" и „Мцыри", при чемъ говоритъ: „есть замѣтное различіе между «Демономъ» съ одной стороны и этими поэмами съ другой. «Демонъ»—произведеніе символическое и аллегорическое. Другія поэмы не могутъ быть охарактеризованы этими терминами: это произведенія психологическія, съ бытовыми чертами, съ нѣкоторымъ уклономъ въ сторону реализма изображенія (не всегда удачнаго) и съ ясно-выраженнымъ романтизмомъ настроенія и замысла" [4]). Въ слѣдующей главѣ авторъ выясняетъ „субъективное" въ романѣ „Герой нашего времени", при чемъ у Печорина, какъ у Лермонтова, отмѣчается рѣзко-эгоцентрическій укладъ души (стр. 75), съ уклономъ въ патологическую сторону (стр. 79). Эта „картина болѣзни" эгоцентризма дополняется, по словамъ автора, еще двумя

[1]) Стр. 33—34.
[2]) Стр. 46.
[3]) Стр. 55.
[4]) Стр. 58.

чертами, тѣсно между собою связанными: 1) напряженнымъ самоуглубленіемъ и 2) исключительною силою объективной памяти" [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ работы авторъ повторяетъ свои мысли, уже высказанныя въ „Исторіи русской интеллигенціи" т. I. Въ 8-й главѣ авторъ останавливается на объективномъ въ творчествѣ Лермонтова, при чемъ считаетъ „Пѣсню про купца Калашникова" однимъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ синкретизма лирики и образнаго творчества [2]). Здѣсь же говорится о внѣшней формѣ прозаическихъ произведеній Лермонтова: отмѣчается сходство между прозой Лермонтова и Пушкина (аналитическая конструкція рѣчи, точность выраженія, сжатость описаній, эпизодовъ и произведеній въ цѣломъ), отсутствіе у Лермонтова обветшалыхъ словъ, преобладаніе рисунка, живописи надъ повѣствованіемъ, частое примѣненіе пріема вводить читателя прямо in medias res. Свои мысли авторъ подтверждаетъ разборомъ конструкціи и развитія романа „Герой нашего времени". Въ 9-й главѣ авторъ съ своей основной точки зрѣнія разсматриваетъ драматическія произведенія Лермонтова, которыя въ его литературномъ наслѣдіи занимаютъ—количественно и качественно—послѣднее мѣсто" [3]). Глава 10-я посвящена итогамъ работы. Для правильнаго пониманія Лермонтова, какъ натуры и какъ поэта, необходимо, по мнѣнію автора, перенести вопросъ на почву психологіи и психопатологіи. „Меланхоликъ по унаслѣдованному укладу психики, Лермонтовъ, безспорно, принадлежалъ къ тому типу «неуравновѣшенныхъ», который характеризуется тѣмъ, что впечатлѣнія отъ внѣшняго и отъ внутренняго міра, въ большинствѣ, скрашиваются мрачнымъ колоритомъ,... жизнь обезцѣнивается"... [4]). Прибѣжищемъ отъ этой тяготы „безпредметной" скорби у Лермонтова былъ его поэтическій геній; въ неоскудѣвающемъ запасѣ „лирическихъ вдохновеній" поэтъ, надо думать, нашелъ бы источникъ цѣлебной силы—„и могъ бы еще долго жить, тоскуя, и творить, все совершенствуясь и постепенно приближаясь къ возможной для него *свободѣ* и *спокойствію* [5]) творчества, полноты которыхъ, однако, въ силу прирожденнаго меланхолическаго и рѣзко-эгоцентрическаго уклада духа, достигнуть ему не было суждено. О развитіи поэтическаго генія Лермонтова именно въ этомъ

---

[1]) Стр. 83.
[2]) Стр. 91.
[3]) Стр. 101.
[4]) Стр. 139.
[5]) Курсивъ автора.

направленіи свидѣтельствуетъ и внѣшняя форма его лучшихъ произведеній послѣднихъ лѣтъ и переходъ отъ романтизма сюжетовъ и настроенія къ ихъ реализму" [1]).

Въ общемъ, книга представляетъ изъ себя стройное подтвержденіе не новой мысли объ эгоцентризмѣ Лермонтова. Представляютъ интересъ и цѣнность тѣ страницы, гдѣ авторъ дѣлаетъ экскурсы въ область внѣшней формы стиха и прозы Лермонтова.

Проф. *А. К. Бороздинъ*. Собраніе сочиненій, т. I. М. Ю. Лермонтовъ. К-во „Прометей" Михайлова. С.-Пб. 1914. 139 стр. Цѣна 90 коп.

Послѣ общаго очерка жизни поэта въ 1-ой главѣ, авторъ въ главѣ „Литературныя вліянія" говоритъ прежде всего о вліяніи Байрона на основаніи трудовъ Котляревскаго и Дюшеня [2]), затѣмъ переходитъ къ опредѣленію вліянія Пушкина и отмѣчаетъ, вслѣдъ за Дюшенемъ, въ общихъ чертахъ вліяніе Марлинскаго, Жуковскаго, Полежаева, Гоголя, Грибоѣдова. Зависимость Лермонтова отъ Пушкина, которая первоначально носила характеръ простыхъ перепѣвовъ, съ годами, по словамъ автора, „принимаетъ иную форму, становится не подражаніемъ, не перепѣвомъ тѣхъ же мотивовъ, а дальнѣйшею разработкою темъ, затронутыхъ Пушкинымъ" („Три пальмы" — „И путникъ усталый на Бога роналъ" Пушкина; „Вѣтка Палестины" Л.— „Цвѣтокъ" Пушкина; „Пророкъ" Л. и Пушкина). Слѣдующая глава касается внѣшней стороны поэзіи Лермонтова, къ сожалѣнію, въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ („музыкальность", „пластичность"): анализъ стиля и стиха не идетъ далѣе общихъ фразъ, подтвержденныхъ, къ тому же, малымъ количествомъ примѣровъ. Слѣдующія главы представляютъ общіе очерки лирики Лермонтова, драматическихъ произведеній и поэмъ на основаніи труда Н. А. Котляревскаго. Въ общемъ, здѣсь авторъ даетъ рядъ характеристикъ, даже не объединяя ихъ какой-нибудь общей идеей. Глава „Герой нашего времени" также составлена на основаніи труда Н. А. Котляревскаго [3]).

Въ заключеніи авторъ вкратцѣ повторяетъ выводы Н. А. Котляревскаго объ общественно-историческомъ и общечеловѣческомъ значеніи поэзіи Лермонтова. Намъ кажется, что, не внося въ книгу ничего новаго, проф. Бороздинъ самъ не придавалъ ей большого науч-

---

[1]) Стр. 141.

[2]) *E. Duchesne*, M. J. Lermontov, sa vie et ses oeuvres. Paris. 1910.

[3]) Ссылки на стр. 104, 106, 109, 116 и др.

наго значенія и выпустилъ ее, лишь чувствуя потребность отозваться такъ или иначе на праздникъ русской литературы.

И. И. Замотинъ. М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни. 154 стр. Варшава. 1914. Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника". 1914 г.

Указавъ на нѣкоторыя случайныя истолкованія творчества Лермонтова, авторъ говоритъ: „помимо этихъ случайныхъ истолкованій творчества Лермонтова, его поэзія даетъ право искать въ своихъ мотивахъ такого высокаго смысла, который обѣщаетъ оздоровить и обновить не только личную, но и общественную психику въ ея отношеніяхъ къ жизни. Исканіе этого общаго смысла должно, однако, коснуться не столько Лермонтовскаго протеста противъ зла жизни и Лермонтовскаго безочарованія, сколько выработки имъ въ художественной формѣ нѣкоторыхъ положительныхъ взглядовъ на сущность человѣческаго бытія" [1]). Посильному освѣщенію вопроса объ идеальномъ строительствѣ жизни въ творчествѣ Лермонтова посвящена, по словамъ автора, его книга. Глава 2-ая посвящена выясненію оцѣнки Лермонтова критикой и опредѣленію литературныхъ вліяній въ его творчествѣ.

Въ оцѣнкѣ творчества М. Ю. Лермонтова довольно рѣзко выдѣляются двѣ точки зрѣнія, намѣченныя Бѣлинскимъ: одна — общественно-психологическая, другая—индивидуально-психическая. На первой точкѣ зрѣнія стоятъ П. В. Висковатовъ [2]), Михайловскій [3]), Овсянико-Куликовскій [4]), вторая точка зрѣнія болѣе подробно развита С. А. Андреевскимъ [5]), Д. С. Мережковскимъ [6]) и В. В. Розановымъ [7]). Иные, какъ Н. А. Котляревскій, становятся на средній путь и видятъ въ Лермонтовѣ, съ одной стороны, „типичнаго выразителя и истолкователя одной весьма знаменательной эпохи въ исторіи нашей образованности", съ другой—относятъ его къ семьѣ „моралистовъ, искателей истины". „И если обѣ вышеуказанныя оцѣнки, говоритъ авторъ, исходятъ изъ соціологической и психологической точки зрѣнія на поэта, то предлагаемые ...очерки имѣютъ въ виду

---

[1]) Стр. 2.

[2]) *М. Ю. Лермонтовъ*, Жизнь и творчество. М., 1891 г.

[3]) Герой безвременья. 1891 г.

[4]) Исторія русской интеллигенціи, т. I, гл. V.

[5]) Литературные очерки. 3-е изд. С.-Пб., 1902 г.

[6]) *М. Ю. Лермонтовъ*, Поэтъ сверхчеловѣчества. С.-Пб., 1909 г.

[7]) Литературные очерки. Изд. 2-е, С.-Пб., 1901 г. „Вѣчно-печальная дуэль".

по преимуществу историко-литературное изученіе его поэзіи". Въ частности, въ историко-литературномъ изученіи Лермонтова, по мнѣнію автора, недостаточно выяснено отношеніе поэзіи Лермонтова къ романтизму. Историко-литературное истолкованіе творчества Лермонтова, по мнѣнію автора, тѣмъ болѣе умѣстно, что „Лермонтовъ складывался больше подъ воздѣйствіемъ литературныхъ вкусовъ и понятій своего времени, чѣмъ современныхъ ему общественныхъ направленій, которыя или совсѣмъ ему были чужды или коснулись его лишь отчасти" [1]). Въ бѣгломъ обзорѣ заимствованныхъ Лермонтовымъ мотивовъ романтизма авторъ показываетъ, что въ самомъ выборѣ ихъ поэтъ обнаруживаетъ желаніе найти у западно-европейскихъ романтиковъ не только отрицаніе жизни, но и ея созиданіе. Затѣмъ авторъ пересматриваетъ раннія стихотворенія Лермонтова, юношескія поэмы и драмы, ища въ нихъ мотивовъ „идеальнаго строительства жизни". Попутно вскользь отмѣчаетъ авторъ вліяніе на Лермонтова Жуковскаго (стр. 26 — 27), Пушкина (36—38), Байрона (19—20, 23, 43, а также 123—4, 128 — 9) и др. По мнѣнію автора, большая часть поэмъ Лермонтова посвящены изображенію создавшагося въ его воображеніи образа „высшей натуры", въ поэмѣ „Послѣдній сынъ вольности" поэтъ дѣлаетъ попытку прикрѣпить образъ „высшей натуры" къ русской дѣйствительности, въ драмахъ—онъ ставитъ своего сильнаго человѣка „лицомъ къ лицу съ окружающей жизнью..., съ тѣмъ, чтобы устами этого сильнаго человѣка отвѣтить на самые важные жизненные вопросы" [2]). Въ юношескихъ произведеніяхъ наблюдаются не только постоянныя колебанія между идеаломъ и дѣйствительностью, но уже „намѣчаются отчасти тѣ элементы (любовь, религія), которые должны, по мысли Лермонтова, прислушивавшагося къ западнымъ апостоламъ гуманности, создать для него и для другихъ ищущихъ новую жизнь" [3]). Попутно Лермонтовъ подчеркиваетъ и препятствія, мѣшающія человѣку настойчиво искать добро и осуществить его: это, во-первыхъ, роковая связь человѣка съ пошлостью жизни, во-вторыхъ, зависимость его отъ своихъ страстей, иногда низменныхъ и мрачныхъ. Послѣднюю мысль Лермонтовъ развиваетъ въ повѣсти „Портретъ", которую г. Замотинъ и разбираетъ, но безъ всякаго

---

[1]) Стр. 14. На противоположной точкѣ зрѣнія стоитъ Н. Л. Бродскій „Поэтическая исповѣдь русскаго интеллигента 30—40-хъ годовъ" въ сборникѣ „Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову", 1914 г.

[2]) Стр. 53.

[3]) Стр. 64.

отношенія къ западнымъ ея источникамъ. 3-ья глава посвящена произведеніямъ переходного времени (1834 — 1837) и лирикѣ 1837—1841 гг. Годы 1834—1837 производятъ, по словамъ автора, впечатлѣніе перехода отъ юношескихъ исканій къ реальному осуществленію идеаловъ поэта въ прочномъ и устойчивомъ міровоззрѣніи и даже на практикѣ жизни [1]), 1837 — 1841 годы въ жизни и литературной дѣятельности поэта опредѣляются, какъ начало его духовной зрѣлости [2]). Въ главѣ 4-ой, посвященной поэмамъ „Пѣсня про царя Ивана Васильевича", „Мцыри", „Демонъ", авторъ говоритъ: „На протяженіи послѣднихъ лѣтъ своей литературной дѣятельности Лермонтовъ нѣсколько разъ дѣлаетъ попытку проектировать свое зданіе жизни, въ отдѣльныхъ эскизахъ, то на фонѣ легенды и исторіи, то на фонѣ своей современности. «Пѣсня про царя Ивана Васильевича», «Мцыри», «Демонъ» и даже «Герой нашего времени» встаютъ предъ умственнымъ взоромъ читателей Лермонтова не столько какъ бытовыя картины, сколько какъ своеобразные символы тревожныхъ исканій поэта и его „пророческихъ видѣній". Эти поэмы не что иное, какъ конкретное выраженіе лермонтовской лирики: на фонѣ земной скуки вычерчиваются тѣ идеальныя цѣнности, ради которыхъ стоитъ жить и за которыя можно умереть" [3]). Въ „Пѣснѣ", по мнѣнію автора, выражены „дума о роковой для человѣка земной скукѣ и земной неурядицѣ" [4]), подъ гнетомъ которой находятся всѣ дѣйствующія лица „Пѣсни", — и „идея высшей правды, которая отчасти можетъ—такъ думаетъ поэтъ — осуществляться и въ судѣ исторіи" [5]) (конецъ „Пѣсни"). Жизнь Мцыри не удалась въ смыслѣ реализаціи идеала свободы, красоты и счастья любви—ему осталось „блаженство смерти въ формѣ чуткаго сліянія съ окружающей жизнью въ ея вѣчно-юныхъ и вѣчно-прекрасныхъ проявленіяхъ" [6]). „То, что не удалось завоевать ни купцу Калашникову, ни Мцыри, Лермонтовъ поручилъ сдѣлать своему Демону, усвоивъ ему, однако, всѣ свойства высшей человѣческой натуры, которая, по мнѣнію поэта, можетъ и должна стремиться къ переустройству жизни" [7]). Демонъ „совмѣстилъ

---

[1]) Стр. 69.
[2]) Стр. 77.
[3]) Стр. 101.
[4]) Стр. 102.
[5]) Стр. 108.
[6]) Стр. 117.
[7]) Стр. 119.

въ себѣ лермонтовскую тоску и лермонтовскій культъ идеальныхъ цѣнностей жизни". Указавъ литературные прототипы и параллели „Демона", авторъ утверждаетъ, что „ни къ кому изъ своихъ учителей особенно близко Лермонтовъ не подошелъ, потому что ему просто нуженъ былъ выразитель высшей натуры, произносящей судъ надъ современностью. На это его толкали уже не только литературныя вліянія, но и условія жизни личной и общественной" [1]). Смыслъ поэмы „Демонъ" тотъ, что „человѣкъ, даже и одаренный высшей натурой, всегда остается при своемъ земномъ томленіи (Демонъ); идеалъ (Тамара) всегда стоитъ надъ нимъ на неизмѣримой высотѣ" [2]). Ту же земную тоску и порывы къ переустройству жизни на высокихъ идальныхъ началахъ—видитъ авторъ и въ романѣ „Герой нашего времени". Однако, цѣльнаго представленія объ идеалѣ поэта у читателя все же не получается, хотя всѣ проявленія идеализма и высшихъ чувствъ у Лермонтова авторомъ тщательно собраны. Въ общемъ, по мнѣнію автора, поэзія Лермонтова есть не просто историко-литературный фактъ, но и средство школьнаго и общественнаго воспитанія" [3]). Если послѣднюю фразу принять за выраженіе мысли, которую стремился доказать авторъ въ своемъ трудѣ, то цѣль достигнута: въ педагогическомъ отношеніи книга даетъ очень много, — цѣлей же научныхъ самъ авторъ, очевидно, не преслѣдовалъ.

Г. Ю. Феддерсъ. Эволюція типа „страннаго человѣка" у Лермонтова по его драматическимъ произведеніямъ, поэмамъ и роману „Герой нашего времени" въ связи съ перепиской и мотивами личной жизни писателя. Опытъ психологическаго изслѣдованія. Нѣжинъ. 1914.

Послѣ многихъ витіеватыхъ общихъ фразъ о Лермонтовѣ въ главѣ 1-й, авторъ переходитъ во 2-й главѣ къ разсмотрѣнію драмы „Испанцы", преимущественно на основаніи труда Н. А. Котляревскаго. Для рѣшенія вопроса, можно ли признать „Испанцевъ" первымъ серьезнымъ жизненнымъ credo Лермонтова, авторъ разсматриваетъ юношескіе наброски, опыты и письма поэта 1828—1831 гг., преимущественно на основаніи статьи Дудышкина „Ученическія тетради Лермонтова" [4]). Въ дальнѣйшемъ авторъ слѣдитъ за процессомъ вынашиванія Лермонтовымъ въ себѣ типа одинокаго страннаго

[1]) Стр. 128.
[2]) Стр. 135.
[3]) Стр. 154.
[4]) „Отечеств. Записки" 1859 г., VII, XI.

человѣка, не понятаго въ собственной семьѣ, непонятнаго для общества: въ главѣ III-ей разбираются съ указанной точки зрѣнія „Menschen und Leidenschaften“, „Странный человѣкъ“, „Два брата“, въ 4-ой главѣ авторъ обращается къ поэмамъ 1828—1831 гг., „въ которыхъ герой ad contraria больнымъ, нервнымъ натурамъ Волина, Арбенина и др. выводится со всѣмъ пыломъ непосредственныхъ здоровыхъ страстей“ [1]), и разсматриваетъ поэмы „Исповѣдь“, „Литвинка“, „Аулъ-Бастунжи“, „Измаилъ-бей“, „Корсаръ“. „Во всѣхъ нихъ, говоритъ авторъ, одна основная идея—мысль о полной личной и соціальной свободѣ героевъ, свободѣ, не могущей, однако, спасти ихъ отъ страданій и проклятій, тяготѣющихъ надъ непонятнымъ одинокимъ человѣкомъ, дающей ему зато силу прямо, безстрашно взглянуть въ глаза судьбѣ. Три основныхъ черты будутъ общи всѣмъ этимъ героямъ: необыкновенная прямолинейная страстность, переходящая въ упорство сумасшедшаго, трогательная любовь къ красотѣ родной природы и фанатическая покорность судьбѣ, концу своему, покорность, соединенная, однако, съ упорнѣйшей борьбой за свое счастье при жизни“ [2]). Глава 5-я посвящена анализу „страннаго человѣка въ письмахъ Лермонтова; глава 6-я „Лермонтовъ и Байронъ“ производитъ крайне невыгодное впечатлѣніе: въ исторіи вопроса авторъ совсѣмъ не упоминаетъ такихъ извѣстныхъ трудовъ, какъ „Byron i jego wiek“ М. Здѣховскаго, „M. J. Lermontov“ E. Duchesne'я, „Этюды и характеристики“ Веселовскаго; сопоставленія, производимыя авторомъ (стр. 77—84), ничего существенно новаго не даютъ. О Байронѣ, собственно, говорилъ авторъ, чтобы доказать мысль „о фатальной поддержкѣ, оказанной твореніями и жизнью Байрона глубокотрагичному земному бытію нашего поэта“ [3]). Въ главѣ 7-й авторъ разсматриваетъ „Маскарадъ“, ссылаясь, большей частью, на трудъ Н. А. Котляревскаго, въ главѣ 8-й разбирается „Демонъ“, указываются попутно его источники, приводятся нѣкоторыя параллели изъ Байрона (стр. 103—105). Глава 9-я посвящена поэмамъ „Бояринъ Орша“ и „Мцыри“, въ которой Лермонтовъ, по мнѣнію автора, пропѣлъ „лебединую пѣсню дѣвственному, пламенному, еще не разбитому жизнью „странному человѣку“, съ тѣмъ, чтобы потомъ уже до конца дней своихъ горько усмѣхаться своему Печорину“ [4]). „Герой нашего вре-

[1]) Стр. 37.
[2]) Стр. 37—38.
[3]) Стр. 74.
[4]) Стр. 114.

мени“ (гл. 10-я) интересуетъ автора, какъ „фокусъ, въ которомъ—съ одной стороны—собрались важнѣйшія отрицательныя черты русскаго общества тридцатыхъ годовъ, съ другой стороны—какъ исповѣдь усталаго „страннаго человѣка“, растерявшагося, не знающаго, куда преклонить голову, исповѣдь, быть можетъ, недосказанная, но искренняя“ [1]). Въ концѣ главы авторъ слѣдитъ за постепеннымъ повышеніемъ интереса къ Лермонтовской поэзіи, въ частности къ типу Печорина, въ наиболѣе характерныхъ трудахъ критиковъ 90-хъ и 900-хъ годовъ, при чемъ и здѣсь наблюдаются досадные пропуски, напр., статьи Овсянико-Куликовскаго въ „Исторіи русской интеллигенціи“ т. I. Вопросъ, который авторъ рѣшаетъ въ концѣ главы, „былъ ли Печоринъ великимъ бѣсомъ, или просто—капризнымъ, избалованнымъ, нервнымъ бѣсенкомъ сомнительнаго происхожденія“ [2])—теперь уже рѣдко кого интересуетъ—историки литературы заняты опредѣленіемъ прототиповъ Печорина во французской литературѣ, стилемъ романа и вообще другими серьезными вопросами. Въ общемъ подобнаго рода „эволюція“, основанная на неполномъ и часто случайномъ изученіи литературы о Лермонтовѣ, наполненная отвлеченными разсужденіями,—трудъ нѣсколько запоздавшій: изученіе Лермонтова, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, подвинулось уже далеко впередъ.

Лермонтовъ и Пушкинъ.

Безвозвратно ушло то время, когда личность писателя въ изслѣдованіяхъ о немъ отрывалась отъ почвы, на которой онъ выросъ, и когда на его произведенія смотрѣли, какъ на результатъ творчества безотносительнаго ко времени и условіямъ жизни. Въ настоящее время истинно научнымъ считается лишь такое изслѣдованіе произведеній писателя, въ которомъ, на ряду съ выясненіемъ оригинальныхъ сторонъ его творчества, принята во вниманіе вся широкая сѣть родныхъ и иноземныхъ литературныхъ и общественныхъ вліяній на него и въ которомъ приводятся для доказательства литературныхъ вліяній—текстуальныя, для доказательствъ же общественныхъ—документальныя совпаденія и параллели. Настоящій юбилей вызвалъ нѣсколько работъ такого направленія, разной, конечно, научной стоимости, о литературныхъ вліяніяхъ въ творчествѣ Лермонтова: Семеновъ и Нейманъ изслѣдовали вопросъ о вліяніи Козлова на Лермон-

---

[1]) Стр. 124.
[2]) Стр. 137.

това, Нейманъ—о вліяніи Жуковскаго, Семеновъ—Марлинскаго, Нейманъ—Пушкина, Родзевичъ—французскихъ романистовъ, Розановъ—о вліяніи Руссо, Розановъ и Фишеръ намѣтили нѣкоторые вопросы о вліяніи Байрона, Н. М. Мендельсонъ писалъ о вліяніи народной поэзіи на творчество Лермонтова, С. В. Шуваловъ далъ общій очеркъ вліяній русской и европейской поэзіи на творчество Лермонтова [1]). Особенно подробно освѣщены вопросы о вліяніи на Лермонтова Пушкина и французскихъ романистовъ. Вопросъ о вліяніи Пушкина на Лермонтова не новъ: имъ интересовались почти всѣ изслѣдователи творчества Лермонтова, начиная съ Бѣлинскаго; въ критической литературѣ о Лермонтовѣ много разбросано отдѣльныхъ указаній по этому вопросу, намековъ, даже цѣнныхъ текстуальныхъ сопоставленій. По данному вопросу въ юбилейной литературѣ заслуживаютъ быть отмѣченными статья г. Ѳедоровскаго, сводный трудъ г. Неймана „Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова“ и, отчасти, замѣтка М. Гершензона „Пушкинъ и Лермонтовъ“ (Сочиненія Пушкина, подъ ред. Венгерова, т. VI, стр. 514—519, см. указатель).

П. А. Ѳедоровскій (директоръ Златопольской гимназіи). *М. Ю. Лермонтовъ.* Изъ области забытыхъ литературныхъ вопросовъ. Изданіе Н. Я. Оглоблина. Кіевъ. 1914. 46 стр. Цѣна 25 коп.

Хотя статья г. Ѳедоровскаго была напечатана еще въ 1891 г. въ газетѣ „Кавказъ“, но, очевидно, тогда она прошла незамѣченной [2]), и войдетъ въ историко-литературный обиходъ лишь теперь, какъ попытка разобраться въ вопросѣ о вліяніи Пушкина на Лермонтова. По мнѣнію автора, Лермонтовъ, отправляясь отъ Байрона къ Пушкину, не могъ вполнѣ удовлетвориться послѣднимъ и началъ съ того, что попытался поправить Пушкина въ его байронизмѣ, усиливая и часто преувеличивая у героевъ своихъ произведеній черты байронизма, иногда весьма неудачно. Сказанное подтверждаетъ авторъ бѣглымъ

---

[1]) *Л. Семеновъ*, Лермонтовъ и Левъ Толстой, М. 1914. Цѣна 1 р. 50 к. *Его же*, Къ вопросу о вліяніи Марлинскаго на Лермонтова, Фил. Зап. 1914, в. V—VI, стр. 614—639. См. Указ. *Б. В. Нейманъ*, Лермонтовъ и Жуковскій, Русск. Библіофилъ, 1914, № 6, стр. 5—15. *Его же*, Отраженіе поэзіи Козлова въ творчествѣ Лермонтова, Изв. II отд. И. А. Н. 1914, т. XIX, кн. 1. 200—219 стр. *С. И. Родзевичъ*, Лермонтовъ, какъ романистъ. Кіевъ. Цѣна 75 к. *„Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову“*, Юбилейный сборникъ. М. Цѣна 2 р. 25 к. (статьи: Мендельсона, Шувалова, Фишера, М. Н. Розанова). *В. Фишеръ*, Изъ юбилейной литературы о Лермонтовѣ, Гол. Мин., 1914, окт.

[2]) Въ изслѣдованіи Неймана статья не указана.

разборомъ произведеній „Кавказскій плѣнникъ“, „Преступникъ“, „Олегъ“, „Измаилъ-Бей“, „Бѣглецъ“, Тамара“, „Демонъ“, приводя кое-гдѣ даже параллели. Мнѣніе автора о самостоятельномъ видоизмѣненіи Лермонтовымъ конца „Кавказскаго плѣнника“ уже опровергнуто г. Нейманомъ въ его статьѣ „Отраженіе поэзіи Козлова въ творчествѣ Лермонтова“ [1]) и въ рецензіи на статью г. Ѳедоровскаго [2]). Лермонтовъ, подобно Пушкину, пытался также перенести своего демона въ бытовую обстановку современной ему жизни, написавъ „Героя нашего времени“, который имѣетъ тѣсное отношеніе къ „Евгенію Онѣгину“ [3]). Доказательства, приводимыя авторомъ въ пользу этого отношенія, являются нѣсколько устарѣвшими (примѣръ: отношеніе Зарѣцкаго къ доктору Вернеру, стр. 17). Въ дальнѣйшемъ интересны сопоставленія произведеній: „Три пальмы“ Лермонтова и „И путникъ усталый на Бога роптал“ Пушкина; „Опять народные витіи“—„Клеветникамъ Россіи“; „Послѣднее новоселье“—„Наполеонъ“; „Вѣтка Палестины“—„Цвѣтокъ“; „Отчизна“ — „Изъ путешествія Евгенія Онѣгина“, — детальное сравненіе этихъ произведеній сдѣлано въ трудѣ г. Неймана. Выборомъ послѣднихъ произведеній авторъ стремился доказать, что связь между Пушкинымъ и Лермонтовымъ „не хронологическая, не связь, установившаяся только лишь на почвѣ байронизма, но внутренняя, духовная“ [4]). Въ слѣдующей части работы авторъ отмѣчаетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія между Лермонтовымъ и Достоевскимъ и дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о стилѣ Лермонтова.

Б. В. Нейманъ. Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. 1814—3-го октября—1914. Оттискъ изъ Кіевскихъ „Университетскихъ извѣстій“ за 1914 г. II+136 стр. Цѣна 75 коп.

Въ своей книгѣ г. Нейманъ 1) собралъ предшествующія указанія по вопросу о вліяніи Пушкина на Лермонтова, 2) прибавилъ нѣкоторыя самостоятельныя сопоставленія и наблюденія и 3) подтвердилъ чужія и свои мнѣнія текстуальными сопоставленіями произведеній Пушкина и Лермонтова.

Главу 1-ю авторъ начинаетъ обзоромъ литературы предмета („были ли попытки точно указать на непосредственное вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова“?) [5]), при чемъ здѣсь мы должны по-

[1]) Изв. II отд. И. А. Н., т. XIX, кн. 1, стр. 200—219.
[2]) Рус. Библіофилъ, 1914, № 7, стр. 87—88.
[3]) Стр. 16.
[4]) Стр. 30.
[5]) Стр. 2.

ставить въ упрекъ автору нѣсколько небрежное отношеніе къ своимъ предшественникамъ: изъ 10 страницъ (2—12) обзора о работѣ ихъ получается слишкомъ сѣрое впечатлѣніе, — если же прослѣдить, что сдѣлано предшественниками, по ссылкамъ въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ г. Неймана, окажется, что предшественниками сдѣлано весьма многое. Отмѣтивъ интересъ, который проявлялъ Лермонтовъ къ своему учителю, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію произведеній Лермонтова въ отношеніи интересующаго его вопроса по годамъ, при чемъ въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго года онъ руководствуется „не порядкомъ помѣщенія пьесъ Лермонтова въ академическомъ изданіи, а той степенью пушкинскаго вліянія, которое замѣтно въ нихъ“ [1]). Въ текстѣ авторъ помѣщаетъ свои разсужденія и приводитъ тѣ текстуальныя совпаденія, которыя кажутся ему несомнѣнными, въ примѣчаніяхъ, а иногда и въ текстѣ, онъ попутно приводитъ невѣрныя соображенія своихъ предшественниковъ, подвергаетъ эти мнѣнія разбору и отвергаетъ ихъ (стр. 66—67, 76, 81, 82, 92, 93, 95, 97, 106, 110, 122, 124, 127 и др.). Сопоставляя какія-нибудь два произведенія Лермонтова и Пушкина, авторъ попутно приводитъ сходныя съ ними мѣста и изъ другихъ произведеній этихъ поэтовъ. Особенно подробному разбору авторъ подвергаетъ произведенія Лермонтова — „Кавказскій плѣнникъ“, „Корсаръ“, „Черкесы“, „Преступникъ“, „Цыгане“, „Два брата“, „Демонъ“, „Аулъ-Бастунджи“, „Измаилъ-Бей“, „Вѣтка Палестины“, „Три пальмы“, „Герой нашего времени“, „Отчизна“. Между прочимъ, въ книгѣ не разъяснено, что нужно разумѣть подъ „вліяніемъ“, „подражаніемъ“, „заимствованіемъ“ (ср. стр. 73), а изъ примѣненія этихъ терминовъ въ книгѣ выясняется, что авторъ самъ не совсѣмъ ясно понимаетъ ихъ различіе. Внѣшніе итоги своей работы авторъ представляетъ въ видѣ таблицы: „на ней въ вертикальномъ порядкѣ обозначены, въ хронологической послѣдовательности, произведенія Лермонтова, зависящія отъ Пушкина: въ горизонтальномъ—соотвѣтствующія произведенія Пушкина. Цифры въ клѣткахъ указываютъ на страницы работы, на которыхъ устанавливается связь произведеній, названныхъ надъ цифрой и сбоку отъ нея“ [2]). Таблица, дѣйствительно, наглядно представляетъ широкое вліяніе Пушкина на Лермонтова. Внутреннимъ итогамъ посвящена глава 4-я. „Въ сущности, говоритъ авторъ, пушкинское влія-

---

[1]) Стр. 16.
[2]) Стр. 131.

ніе было даже глубже, чѣмъ показываютъ точныя данныя. Оно должно было сказаться и въ заимствованіяхъ мотивовъ творчества, хотя это непосредственно прослѣдить и не всегда возможно... несомнѣнно, что пѣвцомъ Кавказа Лермонтовъ сталъ *отчасти* [1]) вслѣдъ за Пушкинымъ. *Отчасти* [2]) вслѣдъ за нимъ онъ увлекся Наполеономъ, Шенье, греческой освободительной войной, *отчасти* благодаря ему заинтересовался народной поэзіей и усвоилъ утонченно непринужденную манеру повѣствованія въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Монго» [3]) и т. д. Конечно, здѣсь въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо имѣть въ виду и сильное вліяніе Байрона. По вопросу о томъ, какія произведенія Пушкина наиболѣе плѣняли Лермонтова, авторъ приходитъ къ выводу, что наибольшее вліяніе оказали въ послѣдовательномъ порядкѣ: „Кавказскій плѣнникъ", „Евгеній Онѣгинъ" (6-я и 3-я главы), „Бахчисарайскій фонтанъ", „Полтава", „Цыгане"; гораздо слабѣе эпики отразилась въ творчествѣ Лермонтова пушкинская лирика, еще слабѣе отразилась проза Пушкина [4]). По вопросу о времени вліянія Пушкина на Лермонтова, авторъ говоритъ, что это вліяніе сильно сказалось въ началѣ литературной дѣятельности Лермонтова, нѣсколько ослабѣло въ періодъ 1832—1837 гг. и вновь усилилось въ послѣдній періодъ творчества, при чемъ въ этотъ періодъ „на Лермонтова оказываютъ дѣйствія (?) иногда характерно пушкинскія произведенія" [5]). Подобно Пушкину и, можетъ быть, подъ его вліяніемъ Лермонтовъ сталъ байронистомъ, испыталъ увлеченіе эротическимъ родомъ творчества и пришелъ, наконецъ, къ „усмиренію". Жаль, что авторъ не попытался сдѣлать вывода о характерѣ лермонтовскихъ передѣлокъ Пушкина, о томъ, чѣмъ руководился поэтъ въ своихъ юношескихъ и болѣе позднихъ передѣлкахъ. Юношескія передѣлки авторъ называетъ просто „наивными" [6]),—можетъ быть, здѣсь больше подошло бы вышеприведенное предположеніе г. Ѳедоровскаго о томъ, что поэтъ стремился какъ бы исправить Пушкина соотвѣтственно своему настроенію. Въ своемъ стремленіи видѣть въ Лермонтовѣ подражателя Пушкина г. Нейманъ допускаетъ рядъ натяжекъ въ сопоставленіяхъ и выводахъ, что уже отмѣчалось критикой. Вл. Фишеръ [7]) считаетъ

---

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) Тоже.
[3]) Стр. 133.
[4]) Стр. 134.
[5]) Стр. 136.
[6]) Стр. 132.
[7]) Голосъ Минувшаго, 1914, № 10, с. 302.

работу г. Неймана (какъ и Родзевича „Лермонтовъ, какъ романистъ") поучительной въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какъ опасно излишнее усердіе въ опредѣленіи вліяній. Н. Кашинъ [1]) не находитъ, что съ появленіемъ работы г. Неймана вопросъ объ отношеніи Лермонтова къ Пушкину разрѣшенъ окончательно.

Конечно, при второмъ изданіи книги, авторъ исправитъ вкравшіяся въ нее стилистическія погрѣшности, въ родѣ: „нѣкоторыхъ изъ которыхъ", стр. 11, „при обрисованіи", стр. 21 и др.

Лермонтовъ и западныя литературы.

Э. Дюшенъ. Поэзія М. Ю. Лермонтова въ ея отношеніи къ русской и западно-европейской литературамъ. Переводъ съ французскаго В. А. М—ой и Б. В. Зевалина, подъ редакціей П. П. Миндалева. Казань. 1914. V+159+XII стр. Цѣна 90 коп.

Книга представляетъ переводъ III части („Les influences dans l'oeuvre de Lermontov") труда французскаго ученаго Э. Дюшеня: „M. J. Lermontov. Sa vie et ses oeuvres". Paris. 1910 [2]), и появленіе ея очень своевременно, такъ какъ книга Э. Дюшеня уже оказала нѣкоторое вліяніе на разработку вопросовъ о Лермонтовѣ, какъ мы видѣли при разсмотрѣніи книги проф. Бороздина и увидимъ при разсмотрѣніи книги г. Родзевича.

Въ предисловіи переводчика указывается, что въ книгѣ г. Дюшеня есть спорныя мѣста и фактическія неточности [3]), но залогомъ успѣха книги служатъ широта постановки вопроса о вліяніяхъ, объективность и научность пріемовъ изслѣдованія [4]). Къ сказанному можно лишь присоединиться, тѣмъ болѣе, что подробно разбирать трудъ г. Дюшеня нѣсколько поздно. Въ 1-ой главѣ говорится о вліяніи на творчество Лермонтова русской и польской литературы, во 2-ой—о вліяніи нѣмецкой литературы, въ 3-ей и 4-ой—о вліяніи англійской литературы, при чемъ 3-я глава (вліяніе Байрона) наиболѣе обширна и очень убѣдительна. Въ 5-ой главѣ говорится о вліяніи на Лермонтова французской литературы: Шатобріана, Виктора Гюго, Барбье,

---

[1]) Вѣстн. Воспит., 1914, № 8, с. 56—62.

[2]) Въ первыхъ двухъ частяхъ книги (біографія поэта, обзоръ и характеристика важнѣйшихъ его произведеній) г. Дюшенъ чего-нибудь существенно новаго не даетъ. Рец. *В—ъ*, Рус. Фил. Вѣстн. 1910, № 2—4; *Абрамовича*, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1911, № 4; Archiv f. sl. Fil. 1911, Bd. XXXV.

[3]) Онѣ оговорены въ примѣчаніяхъ переводчиковъ, стр. 2, 13, 21, 127, 128 и др.

[4]) Предисловіе II—III.

Альфреда де-Виньи, Альфреда де-Мюссе, при чемъ авторъ считаетъ это вліяніе въ общемъ незначительнымъ. Въ дальнѣйшемъ авторъ указываетъ, какое вліяніе оказали на Лермонтова „Атала“ Шатобріана; „Соборъ Парижской Богоматери“, „Восточныя стихотворенія“, „Эрнани“, „Ганъ Исландецъ“, „Бюгъ-Жаргаль“ В. Гюго; „Ямбы“—Ог. Барбье, „Элоа“ и „Лоретта“ Альфреда де-Виньи и „Исповѣдь сына вѣка“ А. де-Мюссе. Въ части, касающейся произведеній „Горбачъ Вадимъ“ и „Герой нашего времени“, книга г. Дюшеня (конечно, въ оригиналѣ) оказала вліяніе на книгу г. Родзевича, къ разсмотрѣнію которой переходимъ.

С. И. Родзевичъ. Лермонтовъ, какъ романистъ. Съ предисловіемъ проф. А. М. Лободы. К. 1914. VI+110 стр. Цѣна 75 коп.

Ближайшая цѣль работы г. Родзевича, по его же словамъ, „историко-литературный анализъ произведеній Лермонтова („Вадимъ“, „Герой нашего времени“, „Отрывокъ изъ начатой повѣсти“) съ точки зрѣнія наличности въ нихъ элементовъ западнаго, преимущественно французскаго вліянія, поскольку оно въ той или иной степени сказывается въ фабулахъ, образахъ, мотивахъ, особенностяхъ стиля“ [1]). Въ первомъ очеркѣ „Вадимъ“ авторъ указываетъ и подтверждаетъ сходство Вадима съ персонажами В. Гюго Бюгъ-Жаргалемъ и Габиброй („Бюгъ-Жаргаль“), Ганомъ Исландцемъ („Ганъ Исландецъ“), Квазимодо и Клодомъ Фроло („Соборъ Парижской Богоматери“) и съ Elschie изъ повѣсти „The Black Dwarf“ В. Скотта (русск. переводъ 1824 г. подъ заглавіемъ „Таинственный Карло“). Мрачный колоритъ „Вадима“ могъ быть, по мнѣнію автора, навѣянъ знакомствомъ Лермонтова съ произведеніями Шатобріана (ср. кровавыя сцены, убійства, истязанія въ „Начезахъ“ Шатобріана).

Попутно авторъ отмѣчаетъ вліяніе на повѣсть романа Загоскина „Юрій Милославскій“ (описаніе лѣсовъ, окружавшихъ имѣніе Палицына) [2]). Далѣе авторъ, выяснивъ понятіе стиля „pittoresque“, дѣлаетъ экскурсъ въ область стиля повѣсти и говоритъ: „Помимо пристрастія къ красочнымъ эпитетамъ, обусловленнаго, конечно, не исключительно знакомствомъ съ теоріей «pittoresque», но и врожденнымъ живописнымъ талантомъ, въ «Вадимѣ» Лермонтовъ обнаруживаетъ чисто романтическую любовь къ сравненіямъ и антитезамъ въ духѣ В. Гюго, А. де-Виньи, при чемъ (не безъ вліянія, быть можетъ, Мар-

[1]) Стр. V.
[2]) Стр. 23.

линскаго) онѣ нерѣдко болѣе замысловаты и искусственны, чѣмъ ихъ образцы" [1]). Въ концѣ главы авторъ разсматриваетъ отношеніе повѣсти „Вадимъ" къ „Исповѣди" 30 г. и „Мцыри" и отмѣчаетъ автобіографическіе штрихи въ повѣсти. Въ общемъ, по мнѣнію автора, „создавая „Вадима", Лермонтовъ какъ бы пробовалъ свои силы въ области историческаго романа, но въ процессѣ писанія уклонялся постоянно въ область психологическаго романа, какъ и В. Гюго въ Бюгъ-Жаргалѣ" [2]).

Слѣдующая глава книги—„Герой нашего времени"—болѣе подробное развитіе статьи того же автора „Предшественники Печорина во французской литературѣ", напечатанной въ XXIII книгѣ „Чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца". Отмѣтивъ сходство Печорина съ Чайльдъ-Гарольдомъ, приведя краткую исторію вопроса о вліяніи французскихъ романтиковъ на произведенія Лермонтова, авторъ указываетъ вліяніе „Начезовъ" Шатобріана на романъ Лермонтова, затѣмъ производитъ сопоставленіе романа „Адольфъ" Бенжамена Констана съ „Героемъ нашего времени", при чемъ оказываются сходными: исторія возникновенія произведеній, какъ она въ нихъ разсказана, отношеніе авторовъ къ произведенію, какъ къ исторіи души человѣческой, любовь Печорина къ Вѣрѣ и Мери и любовь Адольфа къ Элленорѣ, роль Вѣры и Элленоры и ихъ образы, родственны также нѣкоторыя черты душевной жизни Печорина и Адольфа, сходно отношеніе авторовъ къ своимъ героямъ („развѣнчиваніе" ихъ), наконецъ, замѣчается и сходство стиля обоихъ романовъ [3]). Затѣмъ приводятся точки соприкосновенія между романомъ Лермонтова и „Исповѣдью сына вѣка" Альфреда де-Мюссе (Печоринъ—Октавъ, Печоринъ—Дежене, Вернеръ-Дежене [4]); указывается сходство заглавій и предисловій) [5]), при чемъ авторъ, вслѣдъ за Дюшенемъ, считаетъ, что „сходство между романами А. де-Мюссе и Лермонтова—нѣсколько общаго характера, но иногда оно какъ будто простирается и на частности" [6]). Къ числу „предшественниковъ" Печорина врядъ ли, по

[1]) Стр. 30.

[2]) Стр. 37.

[3]) Авторъ дѣлаетъ вѣроятное предположеніе, что романъ Бенжаменъ Констана былъ знакомъ Лермонтову (стр. 73).

[4]) Въ указанномъ мѣстѣ нѣтъ ссылки на Галахова и Дюшеня, у которыхъ авторъ заимствуетъ сопоставленіе.

[5]) На стр. 80—81 интересны сопоставленія „Думы" Лермонтова съ характеристикой французскаго общества въ романѣ А. де-Мюссе.

[6]) Стр. 91.

мнѣнію автора, можно отнести, по крайней мѣрѣ безъ нѣкоторыхъ оговорокъ, „Обермана“ Сенанкура, какъ то дѣлаетъ проф. Сиповскій въ „Ист. рус. словесности“, ч. III, вып. 2, стр. 66.

Послѣдняя глава книги г. Родзевича „Отрывокъ изъ начатой повѣсти“ находится въ соотвѣтствіи съ статьей г. Семенова „Портретъ“ и сходится съ ней въ признаніи вліянія Гофмана въ выборѣ одного изъ мотивовъ повѣсти — „фантастическій портретъ“. Г. Родзевича интересуютъ мотивы: 1) типъ художника (Лугинъ), 2) безуміе, какъ „жизнь въ мечтѣ“, 3) любовь къ призраку—и онъ доказываетъ вліяніе Гофмана на Лермонтова въ каждомъ изъ этихъ мотивовъ. Разбираемая повѣсть приводитъ автора къ выводу, что „въ области фантастической повѣсти (въ духѣ нѣмецкихъ романтиковъ), какъ и въ области историческаго романа, Лермонтовъ оказался не на своемъ мѣстѣ“ [1]). Необходимо отмѣтить, что г. Родзевичъ часто прибѣгаетъ къ неубѣдительнымъ сопоставленіямъ, мало останавливается на посильномъ выясненіи вопроса, читалъ ли Лермонтовъ тѣ произведенія, отзвуки которыхъ яко бы слышатся въ его творчествѣ, наконецъ, не вполнѣ точно цитируетъ свои источники и пособія, вслѣдствіе чего автору иногда можно приписать тѣ мысли, которыя давно уже были высказаны его предшественниками.

Въ общемъ, работа г. Родзевича, представляя детальную разработку нѣкоторыхъ указаній, сдѣланныхъ Дюшенемъ, и рядъ изысканій самого автора, имѣетъ нѣкоторое значеніе въ исторіи изученія иноземныхъ вліяній на творчество Лермонтова.

Лермонтовъ и Левъ Толстой.

Леонидъ Семеновъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова. Москва. 1914. 8+463 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

О вліяніи Лермонтова на Толстого въ нашей критической литературѣ говорилось всегда мелькомъ, между прочимъ, этому вопросу не было посвящено до сихъ поръ спеціальныхъ статей и изслѣдованій за исключеніемъ замѣчаній Д. С. Мережковскаго въ его книгѣ „Лермонтовъ, поэтъ сверхчеловѣчества“. Г. Семеновъ рѣшилъ восполнить этотъ пробѣлъ и доказать въ своей книгѣ, что „Лермонтовъ оказалъ на Толстого сильное и длительное вліяніе, что Лермонтовъ и Толстой,—идетъ ли рѣчь объ ихъ личности или ихъ созданіяхъ,—имѣютъ глубокое внутреннее сродство“ [2]).

---

[1]) Стр. 109.

[2]) Предисловіе.

Попутно отмѣчаетъ авторъ лермонтовскіе мотивы въ произведеніяхъ другихъ послѣдующихъ писателей и поэтовъ.

Въ первыхъ семи главахъ авторъ, указавъ на сходство жизни Лермонтова и Льва Толстого, анализируетъ ихъ воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ, дѣтской любви, ихъ отношеніе къ дѣтямъ, отраженіе въ творчествѣ первой страсти, ихъ сильную религіозность, прерываемую моментами ропота на Бога, наконецъ, общую мысль о благотворномъ воздѣйствіи природы на мятежную душу человѣка. Главы 8—12 посвящены анализу отношенія Лермонтова и Толстого къ войнѣ и изображенія войны въ ихъ творчествѣ. Авторомъ приводится много текстуальныхъ сопоставленій (стр. 59—100), иногда очень убѣдительныхъ, произведеній Лермонтова съ творчествомъ Л. Толстого, Надсона, Л. Андреева, Гаршина, П. Я. Полонскаго, Горькаго.

Сравнительному анализу отношеній Лермонтова и Л. Толстого къ Наполеону посвящена глава 9-ая. Глава 11-ая посвящена разбору произведеній Лермонтова „Казачья колыбельная пѣсня", „Дары Терека", „Завѣщаніе" и отраженію тѣхъ же мотивовъ въ творчествѣ Толстого. Въ главѣ 12-ой говорится о мотивѣ вторженія человѣка въ мирную жизнь природы въ творчествѣ Лермонтова („Ангелъ смерти", „Три пальмы", „Вѣтка Палестины"), Толстого („Воскресеніе", „Три смерти", „Черемуха", „Лозина", „Война и миръ"), Тургенева („Касьянъ сь Красивой Мечи"), Гаршина („Attalea princeps"), Чехова („Вишневый садъ") и др. Попутно отмѣчается въ произведеніяхъ Лермонтова „Ангелъ смерти" и „Три пальмы" отголоски вліянія поэмъ Байрона „Гяуръ" и „Абидосская невѣста" [1]). Отмѣтимъ, что, разсматривая какое-нибудь произведеніе Лермонтова, авторъ приводитъ аналогичные сюжеты и образы изъ всего творчества Лермонтова (стр. 135, 166—9 и др.). Глава 13-ая посвящена сравнительному анализу отношенія Лермонтова и Толстого къ смерти. Въ главахъ 14—17 авторъ останавливается на нѣкоторыхъ чертахъ, сближающихъ героевъ Лермонтова и Толстого: непривлекательной наружности, физической силѣ, любви къ лошадямъ и быстрой ѣздѣ, отношенію къ картамъ; затѣмъ авторъ говоритъ о типахъ студентовъ въ изображеніи Лермонтова и Толстого и о типахъ, родственныхъ Грушницкому и Печорину. Въ главахъ 20—23 говорится объ отношеніи Лермонтова и Толстого къ просвѣщенію, медицинѣ, музыкѣ, пляскѣ. Въ главѣ 24-ой „Еще нѣкоторые общіе мотивы творчества Лермонтова и Тол-

[1]) Стр. 144—150.

стого“ указывается общая любовь Лермонтова и Толстого къ Кавказу, одинаковые пріемы изображенія выѣзда молодой дѣвушки въ свѣтъ, одинаковое отношеніе къ вѣщимъ снамъ, общій протестъ противъ дуэли и др.; глава 25-ая выясняетъ отношеніе Лермонтова и Толстого къ человѣческому суду („Бояринъ Орша“, „Пѣснь про купца Калашникова“, „Богъ правду видитъ“, „Воскресеніе“, „Живой трупъ“, „Война и миръ“). Глава 26-ая посвящена разбору поэмы Лермонтова „Ангелъ смерти“ и легенды Л. Толстого „Чѣмъ люди живы“. Указавъ на первоисточникъ сюжета Л. Толстого (Ветхій завѣтъ, Талмудъ, народная легенда) и предположивъ, что народная легенда могла быть извѣстна и Лермонтову, авторъ устанавливаетъ сходство указанныхъ произведеній по пунктамъ: 1) героемъ является Ангелъ смерти; 2) Ангелъ смерти проникается жалостью къ человѣку; 3) онъ рѣшается помочь человѣку; 4) онъ даруетъ жизнь человѣку, обреченному на неминуемую смерть; 5) онъ принимаетъ человѣческій образъ; 6) онъ нѣкоторое время живетъ на землѣ; 7) онъ возвращается на небо, принявъ первоначальный образъ [1]). Однако, авторъ указываетъ, что разбираемыя произведенія сильно разнятся между собою въ развитіи сюжета, во многихъ подробностяхъ и приходитъ къ выводу, что вліянія Лермонтова на Толстого здѣсь нѣтъ, но сходство произведеній объясняется одинаковыми источниками и сродствомъ поэтическихъ геніевъ авторовъ [2]). Разсужденія автора по этому поводу носятъ гадательный характеръ. Въ главѣ 27-ой говорится о субъективности творчества Лермонтова и Толстого и о художественныхъ ихъ пріемахъ, при чемъ отмѣчается, что произведенія Лермонтова и Толстого носятъ иногда характеръ исповѣди и сотканы изъ воспоминаній авторовъ, что герои ихъ сильно походятъ другъ на друга (въ предѣлахъ творчества каждаго поэта), что у Лермонтова, какъ и у Толстого, есть излюбленныя имена и фамиліи, затѣмъ говорится о сжатости и пластичности стиля обоихъ писателей.

Въ „заключеніи“ (гл. 28) авторъ говоритъ: Толстой и „Лермонтовъ,—какъ близнецы, походятъ другъ на друга характерами, тяготѣютъ къ однѣмъ и тѣмъ же проблемамъ; въ выборѣ и развитіи сюжетовъ сходство доходитъ до мелочей. Странно схожа и ихъ судьба. Но, подчеркивая въ творчествѣ Толстого «лермонтовскія» черты, мы

---

[1]) Стр. 301—302.

[2]) Стр. 312.

не склонны преувеличивать вліяніе Лермонтова на великаго писателя русской земли, умалять самобытность послѣдняго... На Лермонтова наибольшое вліяніе оказали Байронъ и Пушкинъ, на Толстого—Руссо и Лермонтовъ [1]).

Въ статьѣ *Лермонтовъ и Библія* авторъ, приведя доказательства знакомства Лермонтова съ Библіей, говоритъ: „Мы далеки отъ мысли утверждать, что всѣ точки соприкосновенія поэзіи Лермонтова съ Библіей являются доказательствомъ вліянія послѣдней, что онъ въ совершенствѣ зналъ ее; многія совпаденія, вѣроятно, случайны; но Библію онъ читалъ, цитировалъ ее, вдохновлялся ею; словомъ, она была однимъ изъ тѣхъ источниковъ, которые питали поэтическій геній Лермонтова“ [2]). Мы могли бы сдѣлать автору упрекъ въ томъ, что въ поэмѣ „Демонъ“, какъ и въ стихотвореніи „Вѣтка Палестины“ онъ придаетъ слишкомъ много значенія *непосредственному* [3]) вліянію Библіи, но послѣдней оговоркой авторъ самъ защитилъ себя. Въ слѣдующей статьѣ авторъ детально разбираетъ стихотвореніе „Дубовый листокъ“ по отношенію ко всему творчеству Лермонтова (сходные мотивы и образы) и указываетъ отзвуки элегіи Лермонтова въ произведеніяхъ Голенищева-Кутузова, Надсона, Фофанова, Дрожжина.

Въ статьѣ *Портретъ* указывается вліяніе на „Отрывокъ изъ начатой повѣсти“ произведеній Гофмана („Эпизодъ изъ жизни трехъ друзей“, „Зловѣщій гость“, „Элексиръ сатаны“, „Ошибка“ и др.), Гоголя („Портретъ“), Матюрена („Мельмотъ-Скиталецъ“), затѣмъ приводятся сходные мотивы въ творчествѣ Гейне („Жофруа Рудель и Мелисанда Триполисъ“), Эдгаро По („Овальный портретъ“), А. Толстого („Портретъ“), Уайльда („Портретъ Доріана Грея“), Я. Врхлицкаго („Флейта“).

Книга заканчивается рядомъ „Замѣтокъ“, изъ которыхъ особенно интересны: „Объ Академическомъ изданіи сочиненій Лермонтова“. *Еще о Лермонтовѣ и Козловѣ* (рядъ параллелей) [4]), *Кое-что о Пушкинѣ и Лермонтовѣ*“ (рядъ параллелей, многія изъ которыхъ использованы г. Нейманомъ въ книгѣ „Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова“). Отмѣтимъ, что параллели, приводимыя въ огромномъ

---

[1]) Стр. 327.

[2]) Стр. 363.

[3]) Курсивъ нашъ.

[4]) По тому же вопросу см. статью г. Неймана въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія р. яз. и слов. И. А. Н.“ 1914 г., кн. 1, стр. 200—219: „Отраженіе поэзіи Козлова въ творчествѣ Лермонтова“.

количествѣ во всей книгѣ съ цѣлью рядъ русскихъ писателей сдѣлать какъ бы послѣдователями Лермонтова, во многихъ случаяхъ не убѣдительны: многіе родственные образы и идеи и у Толстого и у другихъ русскихъ писателей могли возникнуть совершенно безъ отношенія къ произведеніямъ Лермонтова (напримѣръ, мотивы религіозности, любви къ иконѣ, благословенію, затѣмъ, сходныя мысли Лермонтова и Л. Толстого о природѣ и цивилизаціи могли возникнуть изъ одного общаго источника—произведеній Руссо), но въ цѣломъ—книга заключаетъ въ себѣ очень много историко-литературнаго матеріала, но не удачно и не планомѣрно сконцентрированнаго (примѣръ—глава „еще нѣкоторые общіе мотивы творчества Лермонтова и Толстого"). Кромѣ того, въ книгѣ заключаются интересныя данныя о вліяніи на Лермонтова Пушкина и Козлова и имѣется богатый матеріалъ для изученія стиля Лермонтова (см. особенно стр. 121, 141—143, 172—173, 248—249, 285—287, 321—324, 370—380 и др.).

„Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову".

„Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову". Юбилейный сборникъ. Москва. Изд. т-ва „В. В. Думновъ, насл. бр. Салаевыхъ", 384 стр. 1914. Цѣна 2 р. 25 коп.

Сборникъ состоитъ изъ девяти статей, въ которыхъ съ разнообразныхъ сторонъ—на основаніи новѣйшихъ историко-литературныхъ изслѣдованій—освѣщается личность и творчество Лермонтова: выясняются субъективные и объективные элементы его произведеній, его философія и религія, вліяніе на него русской и западно-европейской поэзіи, отзвуки музы Лермонтова въ позднѣйшей литературѣ, наконецъ, его поэтика. При такомъ разнообразіи содержанія и направленіи статей цѣльнаго впечатлѣнія отъ чтенія книги не остается, ибо выводы отдѣльныхъ авторовъ часто между собой не согласованы.

У Лермонтова, говоритъ *проф. П. Н. Сакулинъ*, въ статьѣ *Земля и небо въ поэзіи Лермонтова* „есть своя философія. Ея предметомъ является вѣковѣчная проблема о землѣ и небѣ, какъ двухъ стихіяхъ нравственнаго бытія человѣка" [1]).

Въ дальнѣйшемъ авторъ слѣдитъ за отраженіемъ въ поэзіи Лермонтова идеи „земли и неба", при чемъ особенно рельефно оттѣняетъ звѣздный идеализмъ поэта, проникнутый идеей дуализма, неудержимую жажду бытія, затѣмъ, внутреннюю борьбу земли и неба въ психологіи и творчествѣ поэта. Этой борьбой особенно отмѣченъ 1-ый

---

[1]) Стр. 3.

юношескій періодъ творчества Лермонтова. Во второй періодъ „поэтъ низко опустился къ землѣ и отдалъ ей обильную дань въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Гошпиталь», «Петергофскій праздникъ», «Уланша» (1833—1834) [1]). Въ послѣдній періодъ поэтъ все болѣе и болѣе сознательно сталъ понимать самоцѣнность жизни, поэтъ «простилъ» землю, и небо съ любовью взглянуло на нее". По содержанію и пріемамъ изслѣдованія статья родственна книгѣ проф. Замотина „М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни".

Г. Н. Бродскій въ статьѣ *Поэтическая исповѣдь русскаго интеллигента 30—40 годовъ*, давъ общій очеркъ самочувствія русской интеллигенціи 30—40 гг., указавъ, что журналистика, Московскій университетъ и кружки были нитями, которыя крѣпко связывали Лермонтова съ современной ему интеллигенціей, знакомитъ насъ съ итогами думъ Лермонтова о проблемѣ мірозданія, личности и объ истинномъ общественномъ строѣ. Выводъ автора: Лермонтовъ самый яркій выразитель интеллигенціи 30—40 гг., при чемъ въ философско-историческихъ вопросахъ мысль Лермонтова шла преимущественно въ славянофильскомъ направленіи. Интересны въ статьѣ сопоставленія поэзіи Лермонтова и Хомякова (стр. 100—106). Статья написана подъ вліяніемъ книги Н. А. Котляревскаго, начало статьи—точный пересказъ предисловія Котляревскаго.

Въ статьѣ г. *И. М. Соловьева Поэзія одинокой души* отмѣчаются мотивы одиночества въ драмахъ, поэмахъ и лирикѣ Лермонтова. Въ концѣ статьи есть интересное указаніе, касающееся поэтики Лермонтова: „Свое одиночество въ міровой жизни поэтъ любилъ символизировать поэтическими образами. Угрюмый утесъ, одинокій парусъ, задумавшаяся въ своей уединенности сосна, безпріютныя странницы тучки, оторванная вѣтка, рано созрѣвшій и отпавшій плодъ—въ этихъ образахъ поэтъ находитъ что-то родное, свое" [2]). Эта статья примыкаетъ къ книгѣ проф. Овсянико-Куликовскаго о Лермонтовѣ.

Статья *г. Шувалова* посвящена выясненію религіозныхъ взглядовъ Лермонтова.

Въ статьѣ *Народные мотивы въ поэзіи Лермонтова г. Мендельсонъ*, остановившись на условіяхъ, вліявшихъ на выработку у Лермонтова симпатій къ народной поэзіи, доказываетъ, что „нѣкоторыя произведенія перваго періода литературной дѣятельности Лермонтова,

---

[1]) Стр. 37.
[2]) Стр. 133.

по 32 г., включительно, опредѣленно связаны съ міромъ народной поэзіи" [1]), что въ дальнѣйшемъ интересъ Лермонтова къ прошлому родины, къ народной поэзіи расширился и углубился.

Затѣмъ авторъ сопоставляетъ „Пѣснь про купца Калашникова" съ народными пѣснями, помѣщенными въ сборникахъ Кирши Данилова, Чулкова, Кирѣевскаго, Мордовцевой и Костомарова, Соболевскаго, Гильфердинга и др.

„Пѣсня", по мнѣнію автора,—„зрѣлое созданіе генія, который органически воспринялъ, сдѣлалъ своимъ собственнымъ достояніемъ мотивы, образы и краски народной поэзіи, ассимилировалъ ихъ съ тѣмъ, чѣмъ искони владѣлъ его творческій духъ" [2]).

Внѣшней сторонѣ творчества Лермонтова до послѣдняго времени удѣляли мало вниманія: старыя работы В. Истомина „Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Лермонтова въ лексическомъ, этимологическомъ, синтаксическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ" Варшава 1894, и И. Н. Стефановскаго „Языкъ произведеній Пушкина и Лермонтова" Фил. Зап. 1899 г. в. III—IV преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, учебно-педагогическія цѣли; въ статьѣ „О языкѣ Лермонтова" (Акад. изд. произв. Лермонтова, т. V, стр. 182) имѣютъ значеніе стр. 200—209—о поэтическихъ пріемахъ и стихѣ Лермонтова; отдѣльныя цѣнныя замѣчанія имѣются въ статьѣ И. Анненскаго, Объ эстетическомъ отношеніи Лермонтова къ природѣ (Рус. Шк. 1891, кн. XII) и въ книгѣ Саводника „Чувство природы у Пушкина, Лермонтова и Тютчева".

Статья *г. Фишера Поэтика Лермонтова* является первой попыткой дать цѣльный научный очеркъ поэтики Лермонтова и распадается на главы: 1) процессъ творчества, 2) образы, стиль и языкъ, 3) метрика и 4) формы.

„Художественные пріемы Лермонтова, говоритъ авторъ, чрезвычайно напоминаютъ пріемы художника живописца, который предварительно дѣлаетъ маленькіе наброски, чтобъ потомъ ихъ использовать для большого полотна; каждая деталь будущей картины разрабатывается имъ въ десяткахъ маленькихъ набросковъ, на которыхъ пробуетъ краски, пока онѣ не начинаютъ жить"... [3]). Подобную зависимость произведеній Лермонтова другъ отъ друга авторъ показываетъ на примѣрѣ.

---

[1]) Стр. 175.
[2]) Стр. 192.
[3]) Стр. 197.

Въ противоположность Пушкину, у котораго форма была неразрывно связана съ содержаніемъ, у Лермонтова всегда „наготовѣ детали—реченія, эпитеты, антитезы; вопросъ въ томъ, куда ихъ пристроить. Въ воображеніи Лермонтова смѣняются замыслы, сюжеты, а основные элементы формы повторяются и ищутъ для себя соотвѣтствующаго приложенія. Короче, у Лермонтова замѣчается большая устойчивость образовъ и реченій при неустойчивости сюжетовъ. Онъ—Скупой рыцарь образовъ и реченій и безумный расточитель сюжетовъ“ [1]).

Во 2-й главѣ авторъ указываетъ, гдѣ и какъ примѣнялъ Лермонтовъ образы пѣсни, звука, молитвы, облака, змѣи, кинжала, звѣзды и др., затѣмъ указываетъ, что Лермонтовъ—импрессіонистъ и символистъ. „Демонъ“ и „Мцыри“ являются, по мнѣнію автора, завершеніемъ той экзотической манеры, которую усвоилъ себѣ поэтъ вначалѣ, и, на ряду съ этой манерой, развивались два другихъ стиля: народный („Что въ полѣ да пыль пылитъ“ 1830 г., „Пѣснь Ингелота“ въ поэмѣ „Послѣдній сынъ вольности“ 1830 г., „Атаманъ“ 1831 г., „Воля“ 1831 г.; завершеніе—„Пѣсня про царя Ивана Васильевича“) и реально-сатирическій (эпиграммы, шутки, поэмы гвардейскаго періода). „Въ экзотическомъ стилѣ его учителемъ во многомъ былъ Байронъ, въ реально-сатирическомъ—Пушкинъ“ [2]). Изъ такихъ элементовъ создавался, по мнѣнію автора, единый лермонтовскій стиль, которымъ онъ началъ писать въ концѣ своей краткой жизни“ („Валерикъ“, „Сказка для дѣтей“). „Здѣсь поэтъ достигъ уже полной зрѣлости стиля и могъ писать, не прибѣгая къ фигурамъ и тропамъ и не боясь прозаизмовъ. Вырабатывался стиль классическій—лучшій въ русской литературѣ. Въ сравненіи съ нимъ Пушкинъ архаиченъ, Тургеневъ—прозаиченъ, Толстой и Достоевскій—тяжелы, Гоголь—неправиленъ“ [3]).

„Звуковая сторона рѣчи Лермонтова, говорится въ началѣ 3-й главы, обнаруживаетъ въ первомъ періодѣ склонность къ періодической рѣчи, вѣнцомъ которой является стихотвореніе „Когда волнуется желтѣющая нива“, во второмъ—склонность къ отрывистой рѣчи, которою написанъ „Валерикъ“. Поэтъ сильно, но умѣренно пользуется

---

[1]) Стр. 198—199. Въ концѣ послѣдней фразы въ книгѣ ошибочно сказано „образовъ“ вмѣсто „сюжетовъ“.

[2]) Стр. 212—213.

[3]) Стр. 214.

аллитераціями... Метрика у него гораздо богаче, чѣмъ у Пушкина" [1]). Затѣмъ перечисляются размѣры стиха Лермонтова, дается характеристика лермонтовской риѳмы и строфы. Въ главѣ 4-й авторъ называетъ Лермонтова величайшимъ *лирикомъ*, котораго уже не превзойдутъ, такъ какъ „пора чистаго лиризма, этого продукта романтической эпохи, миновала" [2]). Квалифицировать его лирику по опредѣленнымъ родамъ, по мнѣнію автора, трудно. „Можно только замѣтить, что въ однихъ стихотвореніяхъ онъ выражаетъ себя *непосредственно*, въ другихъ—*посредственно* (съ помощью символовъ и аллегорій), въ третьихъ—*случайно* [3]). Лермонтовъ создалъ особый родъ лирическихъ стихотвореній, которыя имѣютъ форму повѣствованія, но никакъ не могутъ быть отнесены къ числу эпическихъ произведеній („Ангелъ", „Утесъ", „Дубовый листокъ", „Дары Терека") [4]).

Въ области эпоса, подобно Байрону и Пушкину, Лермонтовъ отъ экзотической поэмы перешелъ къ реально-сатирической; „для бытового романа изъ эпохи пугачевщины у поэта не хватало красокъ; для современнаго бытового романа—долго не хватало выдержки" [5]), но въ Лермонтовѣ русская литература потеряла геніальнаго романиста-*психолога* и *философа*, что авторъ доказываетъ разборомъ „Героя нашего времени" и „Отрывка изъ начатой повѣсти".

„Учителя Лермонтова *въ драмѣ*—Шекспиръ, Шиллеръ и Грибоѣдовъ. Въ своихъ опытахъ онъ порвалъ со всѣми традиціями классицизма, но не впалъ въ крайности романтизма. Создать оригинальную драму ему помѣшалъ лиризмъ его духа" [6]). Къ концу жизни Лермонтова, по мнѣнію автора, въ стилѣ поэта происходитъ „отрѣшеніе отъ экзотическихъ образовъ, въ формахъ—отъ байроническихъ образовъ, въ типахъ—отъ романтическихъ фигуръ" [7]). Статья, въ общемъ, даетъ много матеріала по важному для историка литературы и интересному вопросу о внѣшней сторонѣ произведеній Лермонтова.

Статья *И. Н. Розанова „Отзвуки Лермонтова"* раздѣляется на двѣ части: 1) отголоски лирики Лермонтова и 2) отголоски романа „Герой нашего времени". Въ первой части выясняются отголоски

---

[1]) Стр. 215.
[2]) Стр. 221.
[3]) Курсивъ вездѣ автора.
[4]) Стр. 223.
[5]) Стр. 228 и 231.
[6]) Стр. 221.
[7]) Стр. 236.

лирики Лермонтова въ творчествѣ гр. Ростопчиной, Огарева, Губера, Розенгейма, И. Аксакова, Плещеева, Полонскаго, А. Майкова, Фета, Некрасова, А. Толстого, Никитина, Тургенева, Жадовской, Апухтина, Голенищева-Кутузова, Пальмина, Случевскаго, Надсона, Мережковскаго, Бальмонта, Брюсова. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ воспользовался только указаніями г. Lirondelle'я о вліяніи Лермонтова на А. Толстого („Le poète Alexis Tolstoi. P. 1912) и г. Неймана о заимствованіяхъ изъ Лермонтова у Никитина („Филолог. Записки", 1912, II и IV). Все остальное—результатъ его собственныхъ наблюденій. Конечно, при частичномъ изученіи вліянія Лермонтова на многихъ изъ перечисленныхъ поэтовъ — это вліяніе станетъ болѣе очевиднымъ; такъ, напримѣръ, юношеская лирика Тургенева подверглась гораздо большему вліянію Лермонтова, чѣмъ то вытекаетъ изъ стр. 269. Во второй части статьи указываются произведенія, имѣвшія цѣлью „развѣнчиваніе" печоринскаго типа и такъ или иначе подвергшіяся вліянію „Героя нашего времени". По матеріалу и пріемамъ изслѣдованія статья примыкаетъ къ книгѣ г. Семенова „Лермонтовъ и Л. Толстой".

Статья *С. В. Шувалова „Вліяніе на творчество Лермонтова русской и европейской поэзіи"* „имѣетъ задачей указать, по возможности, на всѣ элементы поэзіи Лермонтова, которые могутъ объясняться, какъ результатъ вліянія (въ самомъ широкомъ смыслѣ) другихъ поэтовъ, какъ заимствованное у нихъ или просто навѣянное ими" [1]). Авторъ указываетъ, въ общихъ чертахъ, вліяніе на Лермонтова: Пушкина, Козлова, Жуковскаго, Марлинскаго, Бенедиктова, Полежаева, Рылѣева, Грибоѣдова, Гоголя, Батюшкова, Боратынскаго, Мицкевича, изъ западныхъ писателей—Т. Мура, В. Скотта, Макферсона, Шекспира, Матюрена, Шиллера, Гете, Гейне, Лессинга, Цедлица, Гофмана, Шатобріана, В. Гюго, Альфреда де-Виньи, Альфреда де-Мюссе, О. Барбье. Самъ авторъ въ концѣ статьи говоритъ, что во всѣхъ этихъ сопоставленіяхъ и параллеляхъ много спорнаго, „что въ очень многихъ случаяхъ мы имѣемъ право сказать только: вліяніе здѣсь *могло быть* [2]); но *было* ли оно на самомъ дѣлѣ — это неизвѣстно" [3]). Авторъ использовалъ всю до-юбилейную литературу „о вліяніяхъ" въ произведеніяхъ Лермонтова.

Послѣдняя статья *г. Розанова „Байроническіе мотивы въ твор-*

---

[1]) Стр. 290.

[2]) Курсивъ автора.

[3]) Стр. 341—342.

чествѣ Лермонтова“ имѣетъ цѣлью доказать, что для правильнаго рѣшенія вопроса о „байронизмѣ“ Лермонтова необходимо принимать во вниманіе и его „руссоизмъ“ [1]). Указавъ, что міросозерцаніе Байрона сводится къ тремъ проблемамъ [2]): 1) философской проблемѣ природы и культуры, 2) соціальной проблемѣ индивидуума и общества и 3) этической проблемѣ личнаго счастья, авторъ рядомъ сопоставленій доказываетъ, что Лермонтовъ въ рѣшеніи двухъ первыхъ проблемъ былъ ближе къ Руссо, чѣмъ къ Байрону, въ рѣшеніи третьей — одинаково близокъ къ тому и другому. Мысль о вліяніи Руссо на Лермонтова высказалъ, правда, неясно, еще въ 1891 г. Ивановъ (Рус. Вѣд. 1891, № 228); г. Розановъ подчеркиваетъ поразительную конгеніальность Лермонтова съ Байрономъ, вслѣдствіе которой многія, кажущіяся байроническими идеи и настроенія нашего поэта, могли у него возникнуть независимо отъ Байрона.

Проф. *В. В. Сиповскій*, Лермонтовъ и Грибоѣдовъ. Трагедія личности въ русской литературѣ 20—30 годовъ. Петроградъ. 1914. (Изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1914, ноябрь, стр. 32—83 и отд). Цѣна 60 к.

Проф. Сиповскій подошелъ къ творчеству Лермонтова со стороны отразившейся въ немъ „трагедіи одиночества“. По мнѣнію автора, лейтмотивомъ творчества Лермонтова является „мучительное сознаніе своего одиночества, своей оторванности отъ людей,—словомъ, трагедія личности, личности возставшей и побѣжденной“ (стр. 10). „Всѣ остальные мотивы его творчества (любовь къ природѣ, исканія Бога, разочарованіе и пессимизмъ и пр.) были мотивами лишь второстепенными, вытекающими изъ этого основного и самаго существеннаго“ (стр. 10). Грибоѣдовъ примыкаетъ къ Лермонтову въ томъ отношеніи, что „далъ въ своей безсмертной комедіи изумительный анализъ «толпы», нарисовалъ интимную картину ея души“, въ то время, какъ Лермонтовъ въ своей лирикѣ „оставилъ исчерпывающій анализъ одинокой души, отвергнутой и непонятой“ (стр. 9). Въ дальнѣйшемъ авторъ почти исчерпывающе отмѣчаетъ въ произведеніяхъ Лермонтова мотивъ „борьбы съ толпой“, указываетъ, какой представлялась Лермонтову дѣйствительность, въ частности — „толпа“, „свѣтъ“, „чернь“, „міръ“, „люди“, приводитъ символы, характеризующіе у

---

[1]) Стр. 383.

[2]) „Въ рѣшеніи этихъ проблемъ Байронъ испыталъ на себѣ сильнѣйшее вліяніе со стороны Руссо“. Стр. 355.

Лермонтова одиночество. Эти страницы (10—25) имѣютъ значеніе для поэтики Лермонтова и дополняютъ соотвѣтствующія мѣста статьи Фишера въ сборникѣ „Вѣнокъ Лермонтову“.

Рано переживъ идеалы романтизма и столкнувшись съ противорѣчіями жизни, Лермонтовъ становится пессимистомъ, ненавидитъ „толпу“, близокъ бываетъ къ тому, чтобы стать „по ту сторону добра и зла“, но не рѣшается сдѣлать этого послѣдняго шага (стр. 25). Чтобы доказать, что „основная идея творчества Лермонтова выражаетъ не только его узко-индивидуальныя переживанія, что эта идея осозналась до него, выросла и вызрѣла въ душѣ нѣсколькихъ поколѣній русской интеллигенціи 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX столѣтія“, авторъ отмѣчаетъ мотивы столкновенія личности съ обществомъ въ творчествѣ Батюшкова, Вяземскаго, Пушкина, Баратынскаго [1]), Языкова, Полежаева, Бенедиктова, затѣмъ обращается къ анализу толпы въ мемуарахъ, рисующихъ эпоху 20—30-хъ годовъ и въ произведеніи „Горе отъ ума“. Приведенный очеркъ имѣетъ значеніе, ибо, ставя Лермонтова въ историческую обстановку, доказываетъ, что „мучившая поэта idée fixe — не была только его личнымъ мученіемъ, не была явленіемъ исключительнымъ: она мучила, конечно, въ разной мѣрѣ, три поколѣнія русской интеллигенціи“ (стр. 42). „И то, что у предшественниковъ Лермонтова было лишь «завязкой» трагедіи, то въ его личныхъ и поэтическихъ переживаніяхъ оказалось развязкой, кризисомъ. Дальше итти было некуда“ (42). „И мучительно тянуло всѣхъ отверженныхъ Чацкихъ, Печориныхъ, Онѣгиныхъ къ той низменной толпѣ, которую они презирали и съ которою жить не могли... Тамъ—и умъ съ сердцемъ въ ладу, тамъ—то всемогущее, общее, „круглое“, которое впослѣдствіи спасло толстовскаго Пьера Безухаго... Но это далось русской интеллигенціи значительно позднѣе... Въ 20-е же и 30-е годы XIX ст. эта интеллигенція лишь смутно чуяла, въ какой сторонѣ спасенье, но овладѣть имъ не могла, а потому на долю ей выпало познать горечь проясненнаго ума и муки своей оторванности, своего безотраднаго одиночества“... (стр. 54). Авторъ развиваетъ мысли, которыя особенно подчеркивалъ еще Пыпинъ [2]), перенесшій центръ тяжести въ изученіи Лермонтова отъ личныхъ настроеній къ настроеніямъ эпохи. Конечно „фамусовщина“ лишь очень отдаленно подходитъ подъ толстовское

[1]) Кстати, авторъ почему-то игнорируетъ академическое изданіе Баратынскаго и пользуется Суворинскимъ.

[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1896, кн. 1, стр. 292—341; Ист. рус. лит. т. IV.

„доброе, круглое“. Въ общемъ, статья имѣетъ нѣкоторое научное значеніе благодаря изученію Лермонтова въ связи съ другими поэтами и лишній разъ убѣждаетъ насъ въ разносторонности и многогранности творчества Лермонтова: вѣдь намѣреннымъ подборомъ отрывковъ проф. Замотинъ („Мотивы идеальнаго строительства жизни“) доказывалъ же, что мотивы радости жизни и стремленія къ идеалу—преобладающіе мотивы Лермонтова, проф. Сиповскій подборомъ отрывковъ доказываетъ, что Лермонтовъ былъ послѣдовательнымъ пессимистомъ, свѣтлые же мотивы считаетъ „залитыми солнцемъ клочками ясной лазури, которые лишь мелькаютъ среди темныхъ, тяжелыхъ, грозовыхъ тучъ, заслоняющихъ далекое небо отъ глазъ человѣка“ (стр. 26).

С. Москаленко-Судіенко. Новое о „Демонѣ“ и „Бояринѣ Оршѣ“. К-во „Современныя проблемы“. М. 1914. 184 стр. Цѣна 50 коп.

Авторъ интересуется поэмами Лермонтова, поскольку онѣ рѣшаютъ вопросъ о смерти отъ психическихъ причинъ. „Лермонтовъ, по мнѣнію автора, чуть ли не первый съ полной опредѣленностью и ясностью ставитъ вопросъ объ этой смерти и рѣшаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ «Демонѣ» онъ рѣшаетъ одну половину этого вопроса, давая изображеніе смерти своей героини Тамары отъ внезапныхъ и чрезмѣрныхъ пріятныхъ потрясеній, отъ радости, счастья, а въ «Бояринѣ Оршѣ» рѣшаетъ вторую половину вопроса, давая изображеніе смерти боярина Орши отъ внезапныхъ и чрезмѣрныхъ непріятныхъ потрясеній, отъ горя, стыда и страха“ (стр. 6).

Демонъ, по мнѣнію автора, не заключаетъ въ себѣ ничего сверхъестественнаго, онъ есть „мечта-идеалъ“ Тамары; Тамара умираетъ ибо „счастье обладать идеаломъ было не подъ силу ей“ (стр. 49). На стр. 79 авторъ допускаетъ уже существованіе въ поэмѣ и другого демона—настоящаго. „Исправленія“ поэмы касаются, главнымъ образомъ, ея плана, при чемъ планъ автора незначительно отличается отъ плана, предложеннаго Висковатовымъ, затѣмъ авторъ не признаетъ принадлежащими Лермонтову пять строчекъ („И проклялъ Демонъ побѣжденный“ ....до „безъ упованья и любви“), главнымъ образомъ, потому, что онѣ противорѣчатъ его мнѣнію о Демонѣ, какъ о мечтѣ Тамары. Въ поэмѣ „Орша“ автора интересуетъ, главнымъ образомъ, вопросъ, голодной ли смертью умерла дочь Орши или же она умерла скоропостижно въ моментъ прихода боярина Орши, при чемъ авторъ доказываетъ послѣднее. Нѣкоторыя доказательства, какъ и предло-

женное авторомъ толкованіе поэмы, не лишены основаній, но есть и большія натяжки (стр. 144—145 и др.). Въ общемъ скажемъ, что гораздо лучше иногда темное мѣсто въ произведеніи оставить совсѣмъ безъ объясненій, чѣмъ создавать произвольныя по поводу его теоріи.

Въ книгѣ зачѣмъ-то приведенъ текстъ поэмы „Бояринъ Орша“ и поэмы „Демонъ“—въ „исправленномъ“ видѣ.

Въ примѣчаніи авторъ указываетъ, что „труды о «Демонѣ» и «Бояринѣ Оршѣ» были выпущены раньше въ свѣтъ отдѣльными изданіями“.

Итоги.

Такимъ образомъ, въ пересмотрѣнной нами юбилейной литературѣ о Лермонтовѣ: 1) изслѣдовано и выяснено вліяніе на Лермонтова ряда русскихъ и иноземныхъ поэтовъ, въ частности а) подведены итоги вліянія Пушкина на Лермонтова въ книгѣ *г. Неймана*; сюда примыкаютъ соотвѣтствующія мѣста работъ *Семенова*, *Овсянико-Куликовскаго*, *Өедоровскаго*, *Бороздина*, *Гершензона*, *Шувалова* (въ сборникѣ „Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову“); б) выяснено вліяніе на Лермонтова Козлова въ статьѣ *Л. Семенова* и *Неймана*, Марлинскаго—въ статьѣ *Семенова*; в) сдѣланы шаги впередъ въ выясненіи французскихъ романистовъ вліянія на Лермонтова (книга *г. Родзевича*, статья *Шувалова*) и вліянія Руссо въ статьѣ *М. Н. Розанова* („Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову“).

2) Выяснено отношеніе творчества Льва Толстого къ творчеству Лермонтова въ книгѣ *Л. Семенова* и сдѣланъ рядъ экскурсовъ въ область выясненія вліянія Лермонтова на другихъ русскихъ поэтовъ въ трудѣ *Л. Семенова* и въ статьѣ *И. Н. Розанова* „Отзвуки Лермонтова“ (въ Сборникѣ „Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову“).

3) Данъ общій очеркъ поэтики Лермонтова въ статьѣ *г. Фишера* (въ сборникѣ „Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову“), и для болѣе обширнаго изслѣдованія поэтики доставленъ интересный матеріалъ въ статьяхъ и книгахъ *Л. Семенова*, *Неймана*, *Родзевича*, *Овсянико-Куликовскаго*, *Сиповскаго*, *Мендельсона* (въ сборникѣ „Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову“).

4) Личность и поэзія Лермонтова подверглись детальному освѣщенію, съ цѣлью выясненія эгоцентризма поэта, въ книгѣ проф. *Овсянико-Куликовскаго* и примыкающей къ ней статьѣ *И. М. Соловьева* (Сборникъ „Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову“); съ цѣлью выясненія идеализма поэта — въ книгѣ *Замотина* и примыкающей къ ней статьѣ

П. Н. Сакулина (Сборникъ „Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову"), наконецъ, съ цѣлью выясненія пессимизма поэта—въ статьѣ проф. *Сиповскаго*.

5) Удачно переизданы къ юбилею статьи о Лермонтовѣ *А. Григорьева* (подъ ред. Саводника), акад. *Дашкевича* (Сборн. отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ, т. XCII) и книга акад. *Н. Котляревскаго* „М. Ю. Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія". Исправленное и дополненное изданіе.

6) Наконецъ, сдѣланъ шагъ впередъ въ методахъ изученія Лермонтова: отъ общихъ разсужденій о поэтѣ обратились къ изученію съ разнообразныхъ сторонъ текстовъ его произведеній.

Указатель Лермонтовской юбилейной литературы.

(1914 г. — начало 1915 г.).

I. Научные труды о Лермонтовѣ и журнальныя статьи [1]).

В. Д. А—ва. „О М. Ю. Лермонтовѣ". Историч. Вѣстникъ. 1914, сентябрь, т. 137, стр. 955. (Разсказъ О. Д. А—вой, современницы Лермонтова, о ея встрѣчѣ съ поэтомъ въ Пятигорскѣ).

Бороздинъ, А. К., проф. М. Ю. Лермонтовъ. К-во „Прометей". 139 стр. Цѣна 90 коп. Рец. *Фишера*, Голосъ Минувшаго, 1914, октябрь, *Покотиловой*, Русская Школа, 1914, декабрь.

Бѣлоцерковскій, М. Памяти М. Ю. Лермонтова. (Къ столѣтію со дня рожденія). Женскій Вѣстникъ 1914, октябрь, стр. 206—209 (главнымъ образомъ, о женскихъ образахъ въ творчествѣ Лермонтова).

Веселовскій, Алексѣй. Къ портрету М. Ю. Лермонтова. Замѣтка. Голосъ Минувшаго, 1914, октябрь, стр. V—VIII.

В(ороновъ). Къ столѣтію со дня рожденія М. Ю. Лермонтова. Русская Старина 1914, октябрь, стр. 3—4. (Условія современнаго чествованія юбилея Лермонтова; Лермонтовъ и война).

Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сборникъ. М. Изд. т-ва „В. В. Думновъ, наслѣдн. бр. Салаевыхъ" 384 стр. Содержаніе: *Проф. Сакулинъ, П. Н.* Земля и небо въ поэзіи Лермонтова. *Н. Л. Бродскій*, Поэтическая исповѣдь русскаго интеллигента 30—40-хъ годовъ. *И. М. Соловьевъ*, Поэзія одинокой души *С. В. Шуваловъ*, Религія Лермонтова. *Н. М. Мендельсонъ*, Народные мотивы въ поэзіи Лермонтова. *В. М. Фишеръ*, Поэтика Лермонтова. *И. Н. Розановъ*, Отзвуки Лермонтова. *С. В. Шуваловъ*, Вліянія на творчество Лермонтова русской и европейской поэзіи. *Проф. М. Н. Розановъ*, Байроническіе мотивы въ творчествѣ Лермонтова. Рец. *Ч. В—скаго*, Вѣстникъ Европы 1915, № 2, стр. 387—388.

Ганейзеръ, Е. Отзывъ современниковъ о Лермонтовѣ. Вѣстникъ Европы 1914, мартъ, стр. 390.

Георгіевскій, А. М. Ю. Лермонтовъ о цѣли и смыслѣ жизни (1814—1914).

---

[1]) Форматъ 8° не указывается.

„Вѣстникъ Образованія и воспитанія“ 1914, № 10, и отд. отт. Казань 1914, 13 стр.

Дурылинъ, С. Судьба Лермонтова. Русская Мысль 1914, октябрь, 2-ой отд. стр. 1—30 (гл. V—„голубое“ въ поэзіи Лермонтова—важна для поэтики Лермонтова; въ статьѣ интересны сопоставленія Лермонтова съ Соловьевымъ и разсужденія о молитвѣ Лермонтова).

Дюшенъ, Э. Поэзія М. Ю. Лермонтова въ ея отношеніи къ русской и западно-европейской литературамъ. Перев. съ франц. В. А. М—ой и Б. В. Зевалина, подъ ред. П. П. Миндалева. Казань, 1914. V+159+XII стр. Цѣна 90 коп. Рец. и замѣтки *Вознесенскаго, А. Н.* Р. Ф. В. 1915, № 1, стр. 166—172. *Карскаго,* Р. Ф. В. 1914, 3—4, стр. 428. *Неймана,* Голосъ Минувшаго, 1914, октябрь, стр. 282—284. *Кашина,* Вѣстникъ Воспитанія 1914, № 7, 2-ой отд. стр. 41—45. Мирный Трудъ 1914, № 8—9, стр. 205, Русскій Архивъ 1914, № 9.

Заболотскій, П. А. Очерки русско-славянскихъ литературныхъ отношеній въ XIX вѣкѣ. М. Ю. Лермонтовъ у юго-славянъ (болгаръ, сербо-хорватовъ и словинцевъ). Къ 100-лѣтію рожденія поэта. Р. Ф. В. 1914, № 3—4, стр. 155—186. Выдержки изъ этой статьи помѣщены были ранѣе въ V т. Академическаго изданія сочиненій Лермонтова, стр. 79—102.

Заболотскій, П. А. Очерки о русскихъ писателяхъ XIX в. у славянъ. II. Чехи и Лермонтовъ. Опытъ обзора переводовъ и статей о Лермонтовѣ у чеховъ. (Къ столѣтію рожденія поэта). III. Словаки и Лермонтовъ. Опытъ обзора переводовъ изъ Лермонтова у словаковъ. Нѣжинъ, стр. 9+15+3.

Закржевскій, А. Лермонтовъ и современность. Кіевъ, 1914—1915. Изд. Самоненко. Цѣна 1 р. VII+153 стр. (Авторъ связываетъ психологическія настроенія нашихъ дней съ настроеніями Лермонтова и сближаетъ богоборчество Лермонтова съ идеями Ницше и Достоевскаго и съ нѣкоторыми современными рѣшеніями міровыхъ вопросовъ. Книга проникнута ненавистью къ филологамъ („старьевщикамъ и архиваріусамъ“), по методамъ работы—крайне ненаучна и полна высокопарныхъ фразъ, часто совершенно излишнихъ. Рец. *Переверзева, В. Ѳ.* Современный Міръ 1915, № 1, стр. 205—208. *В—скаго, Ч.* Вѣстникъ Европы 1915, № 2, стр. 387—388.

Замотинъ, И. И. Лермонтовъ М. Ю. Мотивы идеальнаго строительства жизни. Р. Ф. В. 1914, № 3—4, стр. 1—154 и отд. Варшава. 1914. Рец. *Данилова, В.* Историческій Вѣстникъ 1914, сентябрь, 1020—1022 (т. 137). *Фишера,* Голосъ Минувшаго 1914, октябрь.

Золотаревъ, С. Психологія геніальной юности. (Памяти М. Ю. Лермонтова). Русская Школа 1914, декабрь, стр. 1—11.

Козловскій, Л. Лермонтовъ. Вѣстникъ Воспитанія 1914, № 7, 1-ый отд. 1—16. (Аристократизмъ и индивидуализмъ Лермонтова).

Колтановская, Е. А. Лермонтовъ и современность. Русская Мысль 1914, № 10, 2-ой отд. 122—126. (Лермонтовъ и война).

Краковъ, А. Я. Лермонтовъ и античность. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ честь проф. В. П. Бузескула—II отд. Харьковъ 1914, 26 стр. Содержаніе: вступленіе. 1) Античные имена и образы у Лермонтова. 2) Къ „Нэерѣ“ и нѣсколько стиховъ Горація въ поэмѣ „Джюліо“. 3) Программа трагедіи „Марій“ и начало поэмы изъ временъ Тиверія. Заключеніе.

Круковскій, Андрей. Столѣтіе Лермонтова. Филологическія Записки 1914, № 4, стр. 539—567.

С. Москаленко-Судіенко, Новое о „Демонѣ“ и „Бояринѣ Оршѣ“. М. 1915. Изд. „Современныя Проблемы“. 184 стр. Цѣна 50 коп. Рец. *В. Анд—ъ,* Русскій Библіофилъ 1915, № 1, стр. 81.

Мурзановъ, М. А. Къ біографіи Лермонтова. Русская Старина 1914, октябрь, стр. 87—105. (Къ дѣлу о наслѣдствѣ, полученномъ Лермонтовымъ отъ В. Л. Афранова).

Недригайловъ, И. А. Лермонтовъ и христіанское подвижничество, „Вѣра и Разумъ“ 1914 г. и отд. отт. Харьковъ 1914. 8 стр. Цѣна 3 к.

Нейманъ, Б. В. Вліяніе Пушкина о творчествѣ Лермонтова 1814—3 октября—1914. Изъ „Университетскихъ Извѣстій“ 1914 г. II+136 стр. Кіевъ 1914. Рец. *Кашина,* Вѣстникъ Воспитанія 1914, № 8, стр. 56—62. *Фишера,* Голосъ Минувшаго 1914, октябрь. *И. З.* Историческій Вѣстникъ, 1914, декабрь, 1013—1014 (т. 138).

Нейманъ, Б. В. Отраженіе поэзіи Козлова въ творчествѣ Лермонтова. Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ т. XIX, кн. 1, стр. 200—219. По мнѣнію автора, „всего сильнѣе вліяніе Козлова сказалось въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“, менѣе—въ „Черкесахъ“, еще менѣе—въ „Корсарѣ“, лишь въ одной строкѣ „Романса“ 1829 года и едва уловимо—въ поэмѣ „Мцыри“. При этомъ...—въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ и „Корсарѣ“ наиболѣе отразилась „Абидосская Невѣста“, вліяніе которой въ „Черкесахъ“ исчезло... Изъ произведеній Козлова наиболѣе сильно повліяли поэмы „Абидосская Невѣста“ и „Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая“; наиболѣе длителенъ же былъ отпечатокъ „Чернеца“ (стр. 217—218). Вліяніе Козлова на Лермонтова было лишь внѣшнимъ, непродолжительнымъ, „было лишь подготовительной ступенью къ болѣе могущественному вліянію Байрона“ (стр. 219).

Нейманъ, Б. В. Лермонтовъ и „Московскій Вѣстникъ“. Русская Старина 1914, октябрь, стр. 202—205.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. М. Ю. Лермонтовъ. Къ столѣтію со дня рожденія великаго поэта. К-во „Прометей“. 141 стр. Цѣна 90 коп. Рец. и отз. *Неймана,* Русскій Библіофилъ 1914, кн. VII, стр. 86—87. *Кашина,* Вѣстникъ Воспитанія 1914, № 7, 2-ой отд., стр. 41—45. *Ганжулевича,* Литературныя приложенія къ „Нивѣ“ декабрь 1914, стр. 660—661. *Е. Колтановской,* Вѣстникъ Европы 1914, октябрь, стр. 328—330. *Фишера,* Голосъ Минувшаго 1914, октябрь.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Памяти Лермонтова. Вѣстникъ Европы 1914, октябрь, стр. 255—263. (Характеристика Лермонтова, какъ поэта-пессимиста).

Ожиговъ, А. Тучка золотая. (Къ столѣтію со дня рожденія М. Ю. Лермонтова. Современный Міръ 1914, № 10, II—отд. стр. 41—64. (Въ статьѣ раскрывается драма смерти поэта, любви поэта и драма борьбы его съ обществомъ).

С. И. Родзевичъ, Лермонтовъ, какъ романистъ. Съ предисл. проф. А. И. Лободы. Кіевъ 1914. Изд. Оглоблина. VI+110 стр. Цѣна 75 коп. Рец. и зам. *Карскаго,* Р. Ф. В. 1914, 3—4, стр. 431—432. *Колтановской, Е.* Вѣстникъ Европы 1914, октябрь, стр. 328—330. *Ганжулевичъ, Т.* Литературныя приложенія къ „Нивѣ“ 1914, декабрь, стр. 660—661. *Фишера,* Голосъ Минувшаго 1914, октябрь.

Семеновъ, Л. Лермонтовъ и Левъ Толстой. Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова. М. 1914. 8+463 стр. Цѣна 1 р. 50 коп. Рец. и зам. *Фишера,* Го-

лосъ Минувшаго 1914, май, стр. 299—303. *Фишера*, Голосъ Минувшаго 1914, октябрь. *В. Кн.* Историческій Вѣстникъ 1914, іюль, стр. 325—326. *Колтановской, Е.* Вѣстникъ Европы 1914, апрѣль, *Фатова*, Вѣстникъ Воспитанія 1914, № 7, II, стр. 45—48, Русская Мысль 1914, IV, стр. 132.

Сиповскій, В. В. проф. Лермонтовъ и Грибоѣдовъ. (Трагедія личности въ русской литературѣ 20—30 годовъ). *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1914, ноябрь, стр. 32—83 и отд. отт. Пгр. 1914. Цѣна 60 коп.

Соколовъ, Леонидъ. Побѣжденный демонъ. Памяти М. Ю. Лермонтова. Къ столѣтію со дня рожденія поэта. 1814—3 октября—1914. „Труды Императорской Кіевской Духовной Академіи" 1914, т. III, стр. 104—167 и отд. отт. Кіевъ 1914. Цѣна 60 коп.

Соколовъ, Леонидъ. Около смерти М. Ю. Лермонтова (по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта). Труды Императорской Кіевской Духовной Академіи 1915, январь, стр. 118. (Слѣдственные документы о смерти и погребеніи Лермонтова).

Феддерсъ, Г. Ю. Эволюція типа „страннаго человѣка" у Лермонтова по его драматическимъ произведеніямъ, поэмамъ и роману „Герой нашего времени" въ связи съ перепиской и мотивами личной жизни писателя. Опытъ психологическаго изслѣдованія. Отд. отт. Изъ „Извѣстій Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородко". Нѣжинъ. Цѣна 75 коп.

Фонъ-Штейнъ, С. В. Война въ жизни и творчествѣ Лермонтова. Историческій Вѣстникъ 1914, октябрь, стр. 135—151. (Военная традиція въ семьѣ Лермонтова; военная служба; Кавказъ; отраженіе увлеченія войной въ творчествѣ Лермонтова).

І. Эйгесъ. О Лермонтовѣ (къ метафизикѣ сновидѣнія). Аполлонъ, 1914, № 10, стр. 51—69. (Мощь „сновидческаго воображенія" у Лермонтова и, какъ слѣдствіе—рядъ созданныхъ имъ роскошныхъ лирическихъ видѣній).

Ѳедоровскій, П. А. М. Ю. Лермонтовъ. (Изъ области забытыхъ литературныхъ вопросовъ). Изд. Оглоблина, 46 стр. Кіевъ 1914. Цѣна 25 коп. Рец. *Неймана, Б. В.* Русскій Библіофилъ 1914, № 7, стр. 87—88.

Вл. Фишеръ, Изъ юбилейной литературы о Лермонтовѣ. Голосъ Минувшаго 1914, октябрь, стр. 297—307 (стр. 304—305 имѣютъ значеніе въ вопросѣ о байронизмѣ Лермонтова—текстуальныя сопоставленія).

О. Покотилова, Обзоръ литературы о М. Ю. Лермонтовѣ. Русская Школа 1914, № 12, II. Стр. 15—28.

II. Популярные очерки жизни и творчества Лермонтова.

М. Ю. Лермонтовъ. 1814—1914. С.-Пб. 1914. Изд. Высочайше утвержденнаго комитета по сооруженію при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову. 50 стр.

Авенаріусъ, В. П. М. Ю. Лермонтовъ. Біографическій очеркъ. С.-Пб. 1914. Изд. книжн. магаз. Луковникова, 63 стр. съ портр. Цѣна 15 коп.

Арабажинъ, К. И., проф. Поэтъ міровой скорби. Изд. Сойкина. 32 стр. съ рис. Пгр. 1914. Цѣна 50 коп.

Борзаковскій, П. К. Русскій поэтъ М. Ю. Лермонтовъ. 1814—2 октября—1914. Составлено по порученію попечителя Одесскаго учебнаго округа. О. 1914. 34+1 стр. Цѣна 10 коп.

Бразуль-Брушковскій. Лермонтовъ и Кавказъ. Юбилейная памятка. Екатеринодаръ 1914. Цѣна 40 коп. 32 стр.

Браиловскій, С. Н. М. Ю. Лермонтовъ. О жизни и творчествѣ поэта. По поводу столѣтія со дня рожденія поэта 2 октября 1814—2 октября 1914. Изд. Управленія Одесскаго учебнаго округа. IV+100 стр. Одесса 1914. Цѣна 20 коп.

Васинъ, Н. М. Ю. Лермонтовъ. Біографическій очеркъ. М. 1915. Изд. Клюкина. 16 стр. Цѣна 5 коп.

Висковатовъ, П. М. Ю. Лермонтовъ. Біографическій разсказъ. М. 1913. Изд. Клюкина. 48 стр. Цѣна 10 коп.

Головско, Л. В. Русскій поэтъ М. Ю. Лермонтовъ. 1814—1841. Къ столѣтію со дня рожденія поэта. Бѣльцы. 1914. Изд. автора. 42 стр. Цѣна 15 коп.

Евлаховъ, А. Надорванная душа. (Къ апологіи Печорина). Ейскъ 1914. 53 стр. Цѣна 50 коп.

Заринъ, А. Е. Наслѣдникъ Пушкина. (Біографія М. Ю. Лермонтова). Замѣчательные люди всего міра. Описаніе ихъ жизни и дѣятельности. М. 1915. Изд. Ефимова. 64 стр.

Іерополькій, К. А. „Звуки небесъ" въ произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова. (Къ столѣтію со дня рожденія). 22 стр. Ярославль 1914. Тип. Вахрамѣева.

Клокова, М. М. Ю. Лермонтовъ. Біографическій очеркъ. (Школьная библіотека). М. 1914. 32 стр. Цѣна 10 коп.

Лашкаревъ, О. Н. М. Ю. Лермонтовъ (1814—1841). Общій обзоръ творчества. Содержаніе: субъективность творчества Лермонтова и ея причины; характерныя черты лирики; сатиры Лермонтова; краткій обзоръ эпическихъ произведеній; байронизмъ Лермонтова; значеніе Лермонтова въ исторіи русской литературы. Черкассы 1914. Изд. автора. 30 стр. Цѣна 25 коп.

Лукашевская, Кл. Какъ жилъ и что писалъ М. Ю. Лермонтовъ. (Ко дню 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія. 1914—2 октября). Для раздачи учащимся. М. 1914. Изд. Сытина. 178 стр. Цѣна 40 коп.

Нейманъ, Б. В. Жизнь и поэзія Лермонтова. Къ столѣтію со дня рожденія. Для семьи и школы. Изд. И. И. Самоненко. 32 стр. Цѣна 10 коп. К. 1914.

Нейманъ, Б. В. Лермонтовъ, его жизнь и творчество. 1814—3 окт.—1914. К. 1914. Изд. Оглоблина. 31 стр. Цѣна 20 коп.

Окновъ, Л. В. М. Ю. Лермонтовъ. Краткое изложеніе поэзіи и біографія. Для начальныхъ училищъ и среднихъ школъ. Изд. Трескиной. Рига 1914. Цѣна 15 коп.

Покотилова, О. М. Ю. Лермонтовъ 1814—1841. Жизнь. Личность. Творчество. Со вступительной статьей проф. В. В. Сиповскаго. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Пгр. Изд. Карбасникова. 167 стр. Цѣна 80 коп. (Наиболѣе обстоятельный, но не лишенный крупныхъ недостатковъ научно-популярный очеркъ жизни и творчества Лермонтова, вызванный настоящимъ юбилеемъ). Замѣтки Историческаго Вѣстника 1914, декабрь, стр. 1017.

Покровскій, В. М. Ю. Лермонтовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историческо-литературныхъ статей. М. 1914. Изд. 4-ое *съ дополненіями.* 2+317 стр. Цѣна 60 коп.

Пятуховъ, Е., проф. М. Ю. Лермонтовъ. Очеркъ его жизни и поэтической дѣятельности. Рига 1914. Изд. Трескиной. Стр. 39+1.

Снѣговъ, Н. И. М. Ю. Лермонтовъ. (Къ 100-лѣтнему юбилею со дня ро-

жденія). М. 1914. Изд. Московскаго общества народныхъ чтеній и библіотекъ. 17+2 стр. Цѣна 5 коп.

Соловьевъ, Д. Поэзія Лермонтова. Пособіе для учащихся средней школы и лицъ, стремящихся къ самообразованію. Владиміръ 1914. 74 стр. Цѣна 35 коп.

Харціевъ, В. И. Краткій очеркъ жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. (1814—1914). Къ столѣтію со дня рожденія (для средней школы). Харьковъ 1914. Изд. Лезина. 32 стр. съ портр. Цѣна 15 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. 1814—1914. Біографическій очеркъ. Одесса 1914. Изд. Шпенцера. 46 стр.+1 рис.

III. Изданія произведеній Лермонтова.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Т. I—V. С.-Пб. 1910—1913. Академическая библіотека русскихъ писателей. Рец. *Неймана.* Кіев. Унив. Изв. 1912, Филологич. Записки. 1913, *Семенова,* Лерм. и Л. Толстой; Русская Мысль, 1914, кн. V, стр. 165, Русскій Архивъ 1914, № 4.

Лермонтовъ, М. Ю. Иллюстрированное полное собраніе сочиненій. Ред. В. В. Каллаша. Т. I. XLIX+302+10 рис. Т. II. 16+352+11 рис. Т. III. XLVIII+340. М. 1914. Изд. Печатникъ. Рец. *Истомина, В. А.* Рус. Фил. Вѣстн. 1914, № 3—4, стр. 68 — 69 педагог. Р. Ф. В. 1914, № 1, педаг., стр. 71 — 72.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. преподав. ср. уч. заведеній. Екатеринославъ 1913. Цѣна 3 р. 4° XLII+660+VII съ 30 рис.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія. Изд. М. Конради. 191 стр. съ рисунками. С.-Пб.—М. 1914.

М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя сочиненія для дѣтей школьнаго возраста. Сост. В. Ленинымъ съ біограф. разск. А. Ульянова. Изд. Сытина. 1914. 244 стр. Цѣна 50 к. Отз. Истор. Вѣстн. ноябрь 1914, 662 стр.

Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя стихотворенія для дѣтей. М. 1914. Изд. I. Кнебель. 36 стр. съ 5 рисунками. Цѣна 15 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Собраніе произведеній съ біографіей поэта. Для дѣтей старшаго возраста. Русск. пис. для дѣт. и юнош. подъ ред. Тулупова. М. 1914. Изд. Сытина. 276 стр. съ портретомъ и рисунками.

Лермонтовскій сборникъ для дѣтей. Собр. сочиненій М. Ю. Лермонтова. Подъ ред. бар. М. Д. Корфъ. П. 1914. 107 стр. Цѣна 10 к.

Лермонтовскій сборникъ для юношества. Собр. сочиненій М. Ю. Лермонтова подъ ред. бар. М. Д. Корфъ. П. 1914. 209 стр. съ рисунками. Цѣна 30 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Избр. сочиненія (1814—1841). Выборъ и предисловіе В. Н. Ладыженскаго. П. 1914. Изд. Прометей. 195 стр. Цѣна 25 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Избр. стихотворенія съ краткимъ жизнеописаніемъ къ столѣтію со дня рожденія поэта. (3-го окт. 1814—1914). Ставрополь 1914. 32 стр.

Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя стихотворенія для школъ и народа. Съ кр. біогр. очеркомъ. М. 1914. Изд. Клюкина. 88 стр. Цѣна 15 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя сочиненія. Съ кр. біограф. очеркомъ. М. 1915. Изд. Клюкина. Цѣна 50 к. 256 стр.

Лермонтовъ, М. Ю. Біографическій очеркъ и 25 избранныхъ стихотвореній. Изяславль 1914. 64 стр. Цѣна 30 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя стихотворенія. 1814—1914. Юбилейное изданіе. Изяславль 1914. 4+24 стр. Цѣна 7 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя стихотворенія. Одесса 1914. Изд. Шпенцера. 37 стр.

Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя стихотворенія и краткій очеркъ жизни поэта. Сост. Краковъ, А. Я. 1814—2-го окт.—1914. Къ столѣтію со дня рожденія вел. русск. поэта. Для нар. шк. и мл. кл. ср. уч. заведеній. Харьковъ 1914. 56 стр. Цѣна 15 к.

Лермонтовъ, М. Ю. (и Островскій, А. Н.) Избр. сочиненія для дѣтей школьнаго возраста. Книги для чтенія въ семьѣ и школѣ. Ред. Истомина, Д. С. П. 1914. Цѣна 10 к.

Дѣтство и юность М. Ю. Лермонтова и сборникъ его стихотвореній. Русск. пис. для дѣтей и юношества. Подъ ред. Н. В. Тулупова. Изд. Сытина. М. 1914. Цѣна 40 к. 112 стр. съ рис. Зам. Истор. Вѣстн. 1914, стр. 662.

Лукашевичъ, Клавдія. Школьный праздникъ въ память М. Ю. Лермонтова. Содерж.: 1) Предисловіе, 2) Лермонтовъ (краткая біографія), 3) Стих. М. Ю. Лермонтову (къ юбилею), 4) Стихотворенія Лермонтова, 5) Отрывки изъ прозаическихъ сочиненій, 6) Сцены, 7) Хоровыя пѣсни (на слова Лермонтова) сочин. Н. Сассъ-Тисовскаго. М. 1914. Изд. Сытина. 116+2 стр. Цѣна 60 к.

М. Ю. Лермонтовъ въ русск. поэзіи. Сб. стих. подъ ред. В. В. Каллаша. М. 1914. Изд. Сытина, 108 стр. Цѣна 40 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Казначейша. П. 1914. Изд. кружка любителей русск. изящныхъ изданій. 40 стр. съ рис.

Лермонтовъ, М. Ю. Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ. М. 1914. Изд. Кнебель. 36 стр. съ рис. Цѣна 15 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Лирическія картины. Рис. А. Вальтеръ. М. 1915. Изд. Сытина. 4° 18+6 стр. Цѣна 50 к. отз. Что и какъ чит. дѣт. 1915, 2, с. 68.

Лермонтовъ, М. Ю. Казачья колыбельная пѣсня. Стихотвор. Рис. А. Н. Комарова. М. 1914. Изд. Сытина. 16 стр. Цѣна 50 к. Зам. Вѣстн. Воспит. 1915, № 1, стр. 47—48. отз. Что и какъ чит. дѣт. 1915, 2, с. 67—68.

Лермонтовъ, М. Ю. Вадимъ. Эпизодъ изъ Пугачевскаго бунта. Юношеская повѣсть. Рис. В. И. Комарова. М. 1915. Изд. Сытина. 112 стр. Цѣна 25 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Маскарадъ. Др. въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ (Универсальная библіотека. № 959). М. 1914. Изд. „Польза". 16° Цѣна 10 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Поэмы. Ред., статья о „Демонѣ" и примѣчанія С. Н. Дурылина. (Унив. библ., № 999—1000). Изд. „Польза". М. 1914. 16° 245 стр. Цѣна 20 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Лирическія стихотв. Ред., вступит. статья и примѣчанія С. Н. Дурылина. (Унив. библ., № 1001—1002). 16°. М. 1914. Цѣна 20 к.

Иллюстрированная Лермонтовская библіотека. Пособіе для учащихся, 16°:

№ 1. Демонъ. Восточная повѣсть. Съ крит. ст. акад. Пыпина, Котляревскаго, Дашкевича, съ рис. Врубеля. Изд. Бонадуреръ. Кіевъ 1914. Цѣна 8 к.

№ 2. Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Съ крит. ст. Котляревскаго, Бороздина, Владимірова и Сиповскаго. Съ рис. Васнецова. К. 1914. Цѣна 5 к.

№ 3. Маскарадъ. Драма. Съ крит. ст. Котляревскаго, Галахова, Пѣтухова, Сиповскаго. Съ илл. Пастернака и Михайлова. К. 1914. Цѣна 15 к.

№ 4. Мцыри. Поэма. Съ кр. ст. Бѣлинскаго и Котляревскаго. Съ рис. Михайлова по эскиз. ак. Брожа. К. 1914. Цѣна 6 к.

№ 5. Бояринъ Орша. Съ рис. Михайлова по эскиз. ак. Брожа. К. 1915. Цѣна 6 к.

№ 6. Бэла, Максимъ Максимычъ. Повѣсти (изъ „Героя нашего времени"). Съ крит. ст. Бѣлинскаго и иллюстр. Сѣрова, Михайлова, Дубовскаго. К. 1915. Цѣна 12 к.

№ 7. Тамань. Повѣсть. Съ крит. ст. Бѣлинскаго. К. 1915. Цѣна 5 к.

№ 8. Княжна Мери. Повѣсть съ крит. ст. Котляревскаго, Пѣтухова, Галахова и Введенскаго. Съ илл. Врубеля, Михайлова и др. К. 1915. Цѣна 15 коп.

№ 9. Фаталистъ. Романъ. К. 1915. Цѣна 3 к.

№ 10. Герой нашего времени. Романъ. К. 1915. Цѣна 30 к.

№ 11. Измаилъ-Бей. Поэма. Съ кр. ст. ак. Котляревскаго и проф. Галахова. К. 1915. 15 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Романъ „Герой нашего времени", „Княжна Мери" въ 5-ти д. Инсценировка Пельтцеръ и Варскаго. К. 1914. 4° 48 стр. Цѣна 3 р.

IV. Переизданія, приноровленныя къ юбилею Лермонтова.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій подъ ред. Смирновскаго. М. 1914. Изд. Панафидиной, 6-ое. Цѣна 1 р.

Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя сочиненія съ біогр. Сост. Тихомировъ, Д. К. М. 1914. Изд. К. И. Тихомирова, 4-ое. II+242 стр. Цѣна 75 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Стих., избр. Д. И. Тихомировымъ. Изд. жур. „Юная Россія". Изд. 3-е. 92 стр. Цѣна 15 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Избр. стих. съ оч. жизни и дѣятельности. (Родные писатели, № 5). Нижній-Новгородъ 1914. Изд. т-ва Сергѣева и Чешихина, 2-е. 32 стр. Цѣна 10 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Демонъ. (Библ. нов. школы). Подъ ред. Тулупова и Шестакова. Для старшихъ классовъ. М. 1915. Изд. 3-е, Сытина. 16°. 47 стр. Цѣна 4 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Бояринъ Орша. Для старшихъ классовъ. (Библ. новой школы, № 14). М. 1915. Изд. 3-е, Сытина. 16°. 48 стр. съ портр. Цѣна 4 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Ашикъ-Керибъ. Тур. сказка. (Библ. новой школы, № 26). М. 1915. Изд. 3-е. Сытина. 16°. 23 стр. Цѣна 3 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Измаилъ-Бей. Восточная повѣсть. (Библ. новой школы, № 37). М. 1915. Изд. 2-е, Сытина. 16°. 100 стр. Цѣна 10 к.

Иллюстр. Лерм. библіотека. Изд. Панафидиной, 16°. № 1. Всѣ баллады и поэмы. М. 1914. Изд. 2-е. Цѣна 5 к. № 2. Поэма Кавказскій Плѣнникъ. Изд. 3-е. М. 1913. Цѣна 3 к. Поэма Демонъ. М. 1914. Изд. 4-е. Цѣна 5 к. № 8. Ангелъ Смерти. Поэма. М. 1915. Изд. 2-е. Цѣна 3 к. № 24. Тамань. Повѣсть. М. 1914. Цѣна 3 к. № 26. Фаталистъ. Повѣсть. М. 1915. Изд. 2-е. Цѣна 2 к. № 12. Хаджи-Абрекъ. Поэма. М. 1915. Изд. 2-е.

Иллюстр. Лерм. библіотека. Изд. Павленкова 16°. № 1. Демонъ. Поэма. П. 1915. Изд. 9-е. Цѣна 6 к. Маскарадъ. Драма въ четыр. дѣйств. С.-Пб. 1914. Изд. 6-е. Цѣна 10 коп. Ашикъ-Керибъ. Сказка. С.-Пб. 1914. Изд. 5-е. Цѣна 3 коп.

V. Юбилей Лермонтова въ музыкѣ.

Лермонтовскій сборникъ хоровъ разныхъ авторовъ. Юбилейное изданіе, подъ ред. А. Никольскаго. М. 1914. Изд. Юргенсона. 21 стр. Цѣна 75 к.

М. Ю. Лермонтовъ въ русской пѣснѣ. Концертъ М. В. Яновой въ С.-Петербургскомъ маломъ залѣ консерваторіи 14-го апрѣля 1914 г. С.-Пб. 1914. 13 стр.

Гаховичъ, А. П. Гимнъ М. Ю. Лермонтову. М. 1914. Тип. „Мысль". 7 стр. Цѣна 1 р.

Гилевъ. „Слава" М. Ю. Лермонтову. Юбилейная кантата-фантазія. Для женскаго или дѣтскаго хора. С.-Пб. 1914. Изд. Циммерманъ. 12 стр. Цѣна 75 коп.

Гилевъ. „Слава" М. Ю. Лермонтову. Юбилейная кантата-фантазія. Для смѣшаннаго хора. С.-Пб. 1914. Изд. Циммерманъ. 14 стр. Цѣна 85 к.

Засядко, А. Два хора для смѣшанныхъ голосовъ. № 1. Памяти М. Ю. Лермонтова. Слова Розенгейма. М. 1914. Изд. Юргенсона. 7 стр. Цѣна 40 к.

Лазаревъ, А. Памяти М. Ю. Лермонтова. (Кантата). С.-Пб. 1914. Изд. автора. 3 стр. Цѣна 50 к.

Варламовъ, А. Е. Ангелъ. Для смѣшаннаго хора. Слова М. Ю. Лермонтова. С.-Пб. 1914. Изд. Юргенсона. 14 стр. Цѣна 60 к.

Варламовъ, А. Е. Бѣлѣетъ парусъ одинокій. Для смѣшаннаго хора. Слова М. Ю. Лермонтова. С.-Пб. 1914. Изд. Юргенсона. 12 стр. Цѣна 60 к.

Варламовъ, А. Е. Горныя вершины. Для смѣшаннаго хора. Слова М. Ю. Лермонтова. С.-Пб. 1914. Изд. Юргенсона. 14 стр. Цѣна 60 к.

Васильевъ, М. Два великана. Слова Лермонтова. Для 3-гол. женскаго хора. С.-Пб. 1914. 2+5 стр.

Васильевъ, М. Два великана. Слова Лермонтова. Для хора. С.-Пб. 1914. Тип. Визмайеръ. 3+4 стр. Цѣна 60 к.

Виткиндъ, Б. В. Русалка. Мелодекламація. Слова М. Ю. Лермонтова. С.-Пб. 1914. Изд. Эвтерпа. 4 стр. Цѣна 10 к.

Гаховичъ, А. П. Ангелъ. Слова М. Ю. Лермонтова. М. 1914. 7 стр. Цѣна 50 коп.

Гаховичъ, А. П. Два великана. Слова М. Ю. Лермонтова. М. 1914. 7 стр. Цѣна 60 к.

Гаховичъ, А. П. Вѣтка Палестины. Слова М. Ю. Лермонтова. М. 1914. 15 стр. Цѣна 1 р.

Гаховичъ, А. П. Горныя вершины. Слова М. Ю. Лермонтова. М. 1914. 5 стр. Цѣна 40 к.

Гаховичъ, А. П. Молитва. Слова М. Ю. Лермонтова. М. 1914. 5 стр. Цѣна 40 коп.

Гаховичъ, А. П. Парусъ. Слова М. Ю. Лермонтова. М. 1914. Тип. „Мысль". 7 стр. Цѣна 60 к.

Гилевъ, С. Къ юбилею М. Ю. Лермонтова. Для 3-хъ голоснаго однороднаго хора. Слова М. Ю. Лермонтова. С.-Пб. 1914. Изд. Циммерманъ. 10 стр. Цѣна 60 к.

Гилевъ, С. Молитва. Къ юбилею М. Ю. Лермонтова. Слова М. Ю. Лермонтова. Для дѣтскаго 2-гол. хора. С.-Пб. 1914. 8 стр. Цѣна 50 к.

Егоровъ. Ангелъ. Мелодекламація. Слова М. Ю. Лермонтова. С.-Пб. 1914. Изд. Адамсона. 3 стр. Цѣна 50 к.

Егоровъ, А. Бѣлѣетъ парусъ одинокій. Мелодекламація. Слова М. Ю. Лермонтова. С.-Пб. 1914. Изд. Адамсона. 3 стр. Цѣна 50 к.

Егоровъ, А. Въ минуту жизни трудную. Мелодекламація. Слова М. Ю. Лермонтова. С.-Пб. 1914. Изд. Адамсона. 3 стр. Цѣна 50 к.

Діановъ, Ант. Горныя вершины. Слова М. Ю. Лермонтова. М. 1914. Изд. Решке. 5 стр. Цѣна 40 к.

Засядко, А. Два хора для смѣш. голосовъ. № 2. Вечеръ въ горахъ Кавказа. Изъ поэмы „Черкесы" М. Ю. Лермонтова. М. 1914. Изд. Юргенсона. 7 стр. Цѣна 40 к.

Злобинъ, П. Р. Казачья колыбельная пѣсня. Слова М. Ю. Лермонтова. Пѣсни школы. Для 2—3-хъ однородн. гол. и для смѣш. хора съ аккомпан. фортепьяно. К. 1915. Изд. автора. 7 стр. Цѣна 40 к.

Каратыгинъ, В. Г. Чаша жизни. Слова М. Ю. Лермонтова. П. 1914. Изд. Бессель и К°. 5 стр. Цѣна 60 к.

Карцевъ, А. Четыре романса. № 1. Утесъ. Для низкаго голоса. Слова М. Ю. Лермонтова. М. 1914. Изд. Юргенсона. 7 стр. Цѣна 50 к.

Лазаревъ, А. Пѣсня про купца Калашникова. Слова М. Ю. Лермонтова. С.-Пб. 1914. Изд. автора. 3 стр. Цѣна 40 к.

Неказаченко, М. Сосна. Хоръ для смѣш. голосовъ на слова М. Ю. Лермонтова. Партитура. М. 1914. Изд. Юргенсона. 7 стр. Цѣна 40 к.

Никольскій, А. „Парусъ". Текстъ М. Ю. Лермонтова. М. 1914. Изд. Юргенсона. 7 стр. Цѣна 40 к.

Никольскій, А. Пѣсня Казбича. Для тенора. Слова М. Ю. Лермонтова („Бэла"). М. 1914. Изд. Юргенсона. 7 стр. Цѣна 50 к.

Никольскій, А. Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ. Для смѣшаннаго хора. Пять пьесъ на слова М. Ю. Лермонтова. № 2. М. 1914. Изд. Юргенсона. 11 стр. Цѣна 65 к.

Никольскій, А. Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ. Для соло (теноръ или басъ) и мужского хора съ фортепьяно. Пять пьесъ на слова М. Ю. Лермонтова. № 1. М. 1914. Изд. Юргенсона. 17 стр. Цѣна 1 р.

Никольскій, А. Тучки небесныя. Текстъ М. Ю. Лермонтова. М. 1914. Изд. Юргенсона. 9 стр. Цѣна 50 к.

Озеровъ, Н. Разстались мы. Слова М. Ю. Лермонтова. С.-Пб. 1914. Изд. Юргенсона. 5 стр. Цѣна 50 к.

Рубинштейнъ. Желаніе. Слова М. Ю. Лермонтова. П. 1914. Изд. Юргенсона. 5 стр. Цѣна 60 к.

Сацъ, И. Какъ небеса твой взоръ блистаетъ. М. 1914. 7 стр. Цѣна 50 к. Тип. Юргенсона.

Черновъ, И. Слышу ли голосъ твой. Слова М. Ю. Лермонтова. П. 1915. Изд. Бессель. 3 стр. Цѣна 40 к.

И. Чугуновъ-Ѳедоровъ, А. Тучи. Слова М. Ю. Лермонтова. Три хора для женскихъ голосовъ съ сопровожденіемъ фортепьяно. М. 1915. Изд. Юргенсона. Цѣна 40 к.

Шипулинъ, Г. Вѣтка Палестины. (Для 2-хъ гол. дѣтскаго хора). Слова М. Ю. Лермонтова. С.-Пб. 1914. Тип. Адамсона. 3 стр. Цѣна 50 к.

Шипулинъ, Г. Вѣтка Палестины. Для смѣш. хора. Слова М. Ю. Лермонтова. С.-Пб. 1914. Изд. Адамсона. 7 стр. Цѣна 60 к.

Энгель, Ю. Романсы. № 1. Молитва. Слова М. Ю. Лермонтова. Серія II. М. 1914. Изд. Юргенсона. 7 стр. Цѣна 50 к.

Якимовъ, В. Ангелъ. Слова М. Ю. Лермонтова. Для двухгол. дѣтск. или женск хора. М. 1914. Изд. Юргенсона. 5 стр. Цѣна 30 к.

А. Багрій.

Н. Я. СОНИНЪ.

(10-го февраля 1849 г.—14-го февраля 1915 г.).

(некрологъ).

14-го февраля 1915 г. скончался ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ и предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, Николай Яковлевичъ Сонинъ. Его кончина—тяжелая утрата для науки, для учрежденій, въ которыхъ онъ работалъ, и для всѣхъ сотрудниковъ этого неутомимо-дѣятельнаго, многосторонне образованнаго и талантливаго человѣка.

Нижеслѣдующія краткія біографическія о немъ свѣдѣнія составлены имъ самимъ для сборника, издаваемого Академіею Наукъ, по по случаю 25-лѣтія со дня назначенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича ея президентомъ.

Николай Яковлевичъ *Сонинъ* потомокъ стариннаго дворянскаго рода Тульской губерніи; родился 10-го февраля 1849 г. въ г. Тулѣ. Въ раннемъ дѣтствѣ былъ перевезенъ въ Москву, гдѣ его отецъ сначала состоялъ на государственной службѣ, а затѣмъ занимался адвокатурой въ судахъ стараго устройства. Въ 1860 г. Сонинъ поступилъ въ III классъ четвертой Московской гимназіи, гдѣ преподавали математику извѣстные педагоги *А. Ѳ. Малининъ* и *В. П. Буренинъ*. Товарищемъ по классу и соперникомъ по успѣхамъ Сонинъ имѣлъ извѣстнаго впослѣдствіи поэта графа *А. А. Голенищева-Кутузова*. Окончивъ курсъ гимназіи съ золотою медалью въ 1865 г., Сонинъ тогда же поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета, гдѣ слушалъ лекціи у профессоровъ: *М. Ѳ. Хандрикова* (нынѣ въ Кіевѣ) и нынѣ покойныхъ *А. Ю. Давидова*, *В. Я. Цингера*, *Н. В. Бугаева*, *Ѳ. А. Слудскаго*, *Ѳ. А. Бредихина*, *Б. Я. Швейцера*, *А. Г. Столѣтова* и *Н. А. Любимова*. 12-го января 1869 г. Сонинъ получилъ золотую медаль за сочиненіе на тему: „Теорія функцій мнимаго перемѣннаго“, въ маѣ получилъ степень

кандидата и въ октябрѣ того же года былъ оставленъ на два года при университетѣ для приготовленія къ магистерскому экзамену. Всѣ экзамены на степень магистра математики онъ сдалъ весною 1871 г. и въ декабрѣ того же года защитилъ магистерскую диссертацію, а въ сентябрѣ 1874 г. защитилъ диссертацію на степень доктора математики.—Въ 1871 г. Сонинъ былъ приглашенъ преподавать математику на существовавшіе съ 1869 года при Московской III мужской гимназіи женскіе курсы, гдѣ и преподавалъ въ теченіе года элементарную алгебру на двухъ первыхъ курсахъ и аналитическую геометрію на третьемъ курсѣ. Съ 1-го апрѣля 1872 г. былъ командированъ на два года за границу, но командировкой не воспользовался, такъ какъ съ 1-го іюня того же года былъ назначенъ доцентомъ въ Варшавскій университетъ. Въ заграничной командировкѣ провелъ 1873—4 учебный годъ, большую часть котораго прожилъ въ Парижѣ, гдѣ слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ и Collége de France у *Ліувилля*, *Эрмита*, *Бертрана*, *Серре* и *Дарбу;* четыре мѣсяца посвятилъ путешествію по Италіи. За отсутствіемъ вакансій, званіе экстраординарнаго профессора получилъ только въ 1877 г., а званіе ординарнаго профессора—въ 1879 г. Съ 1876 года въ теченіе семи лѣтъ читалъ по особому порученію факультета лекціи по математической физикѣ. Въ октябрѣ 1885 г. и, повторно, въ 1888 г., былъ избранъ деканомъ физико-математическаго факультета и пробылъ въ этой должности всего шесть лѣтъ. По утвержденіи министерствомъ выработаннаго имъ, совмѣстно съ профессоромъ химіи *А. Л. Потылицынымъ*, устава Варшавскаго общества естествоиспытателей, состоящаго изъ двухъ отдѣленій—біологическаго и физико-химическаго, единогласно былъ избранъ предсѣдателемъ физико-химическаго отдѣленія, послѣ чего предсѣдатель общества ex officio, попечитель учебнаго округа, назначилъ его вице-предсѣдателемъ общества. Выслуживъ въ 1891 г. полную пенсію, которая по Варшавскому учебному округу назначается за двадцать лѣтъ учебной службы, вышелъ въ отставку, но продолжалъ чтеніе лекцій по вольному найму за вознагражденіе по 3.000 р. въ годъ. Въ 1890 году получилъ отъ Академіи Наукъ премію имени *В. Я. Буняковскаго*, въ 1891 г. былъ избранъ ею въ число членовъ-корреспондентовъ, а 1-го мая 1893 г. былъ избранъ въ ординарные академики. Переселившись въ 1894 году въ Петербургъ, Сонинъ въ томъ же году былъ приглашенъ читать лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ, а также открылъ курсъ въ университетѣ на правахъ приватъ-доцента.

Въ теченіе восьми лѣтъ (1892—1899) Сонинъ былъ назначаемъ министерствомъ предсѣдательствовать въ университетскихъ испытательныхъ комиссіяхъ (въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ), а въ 1899 году, по настойчивому предложенію министра *Н. П. Боголѣпова,* занялъ постъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Въ 1901 г., въ министерство *П. С. Ванновскаго,* перешелъ на постъ предсѣдателя ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ члена совѣта министра.

I.

Ученая дѣятельность Сонина началась очень рано. Будучи еще только 20-лѣтнимъ юношей, онъ дѣлаетъ научное сообщеніе „О дифференцированіи съ произвольнымъ указателемъ" на второмъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ, въ 1869 г., напечатанное въ протоколахъ съѣзда. Это же сообщеніе напечатано было затѣмъ въ Московскомъ Математическомъ Сборникѣ, т. VI за 1872 годъ. Въ V томѣ того же сборника за 1871 г. напечатана магистерская диссертація Сонина „О разложеніи функцій въ безконечные ряды". Черезъ три года, въ 1874 г. онъ представилъ въ физико-математическій факультетъ Московскаго университета, докторскую диссертацію: „Объ интергрированіи уравненій въ частныхъ производныхъ второго порядка", напечатанную въ VII т. того же сборника. Эта диссертація была переведена на нѣмецкій языкъ Ф. Энгелемъ (F. Engel) и помѣщена, съ нѣкоторыми добавленіями автора, въ 49 т. Mathematischer Annalen. Затѣмъ почти каждый годъ въ различныхъ ученыхъ журналахъ появляются статьи Сонина, иногда нѣсколько статей въ одинъ и тотъ же годъ.

Особенною извѣстностью пользуется за границей его мемуаръ „Sur les fonctions cylindriques et le développement des fonctions continues en séries", помѣщенный въ XVI томѣ журнала Mathematische Annalen за 1880 годъ.

Въ этой работѣ мы находимъ не только важныя обобщенія результатовъ, полученныхъ раньше другими математиками, но и совершенно, новыя формулы, особенно въ томъ отдѣлѣ, который посвященъ разысканію опредѣленныхъ интеграловъ, содержащихъ цилиндрическія функціи. Въ 1904 г. появилась въ свѣтъ обширная монографія о цилиндрическихъ функціяхъ датскаго ученаго N. Nielsen'a „Handbuch der Theorie der Cylinderfunctionen". Авторъ этой монографіи неоднократно цитируетъ работу Сонина и придаетъ ей боль-

шое значеніе. Ознакомленіе съ сочиненіемъ Nielsen'а навело Сонина на новыя соображенія, относящіяся къ теоріи цилиндрическихъ функцій, которыя онъ и публиковалъ въ формѣ письма къ Nielsen'у подъ заглавіемъ „Sur les fonctions cylindriques" въ Mathematische Annalen, t. 59.

Обѣ эти работы Сонина займутъ видное мѣсто въ литературѣ по теоріи цилиндрическихъ функцій и ихъ приложеніямъ. Другою, также весьма важною, работою Сонина является его мемуаръ „О Бернулліевыхъ полиномахъ и ихъ приложеніяхъ", напечатанный на русскомъ языкѣ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1888 годъ. Эта работа послужила поводомъ къ интересной перепискѣ Сонина съ знаменитымъ французскимъ математикомъ Эрмитомъ (Ch. Hermite), напечатанной въ „Journal für die reine und angewandte Mathematik" *t. 116*, 1895 г., издававшемся въ то время профессоромъ Берлинскаго университета *L. Fuchs'омъ*.

Дѣло въ томъ, что въ 115 т. того же журнала была напечатана статья Эрмита, подъ заглавіемъ „Sur la fonction log Γ(a)", конечный результатъ которой совпалъ съ одною изъ формулъ, найденныхъ Сонинымъ въ вышеупомянутой его статьѣ, напечатанной только на русскомъ языкѣ, и, конечно, неизвѣстной Эрмиту. Это обстоятельство побудило Сонина обратиться къ Эрмиту съ письмомъ, въ которомъ онъ сообщаетъ свой выводъ упомянутой формулы, приложивъ къ письму и самый мемуаръ. Это письмо и было напечатано въ 116 т. журнала Fuchs'а, вмѣстѣ съ отвѣтомъ Эрмита и новымъ сообщеніемъ Сонина, по поводу этого отвѣта. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь буквально начало и конецъ отвѣта Эрмита, такъ какъ они очень характерны, какъ для нашего математика, такъ и для его знаменитаго корреспондента. Вотъ что пишетъ Эрмитъ (l. c.): „La lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser m'a interessé au plus haut point, ainsi que ce que j'ai pu saisir de votre mémoire sur les polynômes de *Bernoulli*, qui est écrit en russe, et où il ne m'a été permis de comprendre qu'au moyen des formules les résultats aux quels vous êtes parvenu. Je me suis empressé d'informer *M. Fuchs* de mon devoir de reconnâitre que vous avez déjà publié les series infinies qui représentent avec leurs termes complémentaires les quantités

$$\log \frac{\Gamma\left(y+\frac{1}{2}\right)}{\Gamma(y)} \text{ et } \log \frac{\Gamma(y+x)}{\Gamma(y)},$$

en les tirant comme conséquence d'un théorème général de développement des fonctions suivant les polynômes de *Bernoulli*. Mais nos re-

cherches se sont si étroitement liées qu' aprés vous j'ai aussi obtenu cette formule de développement dont j'ai donné communication à *M. Lerch* dans le mois d' août dernier; voici comment j'y suis arrivé".

Изложивъ упомянутый здѣсь свой выводъ со многими интересными замѣчаніями, Эрмитъ заканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами:

„Ces généralisations, Monsieur, ne me font pas perdre de vue les belles et importantes applications de la formule *d'Euler* et de *Maclamise*, que vous avez traitées dans votre mémoire avec une entière rigueur; et sans être jusqu'ici dans cet ordre de questions, je ne puis m'empécher de vous exprimer encore tout l'interêt que j'y ai pris. En particulier j'attache un grand prix à l'expression assymptotique pour h très petit, de la série $\sum_{(n)} \frac{e^{-n^2h^2}}{nh}$, que vous avez donnée sous la forme $\frac{C}{2h} - \frac{\log h}{h}$, où C est la constante *d'Euler*. Elle se place à côté de l'expression obtenue par *M. Schlömilch* pour la série de *Lambert*, et d'autres semblables s'offriraient encore dans la théorie des fonctions elliptiques".

Мы привели эти выдержки изъ письма Эрмита, потому что онѣ прекрасно выражаютъ значеніе результатовъ, полученныхъ Сонинымъ и заключаютъ въ себѣ надлежащую ихъ оцѣнку со стороны его знаменитаго корреспондента, занимавшагося тѣми же вопросами.

Вслѣдъ за отвѣтомъ Эрмита Сонинъ помѣстилъ второе письмо къ Эрмиту, въ которомъ сообщаетъ дальнѣйшее развитіе своихъ изысканій по теоріи Бернулліевыхъ полиномовъ и нѣкоторые результаты, публикованные имъ въ 1892 г. въ Mémoires de l'Académie des sciences de St. Pétersbourg въ статьѣ подъ заглавіемъ „Sur l'intégrale

$$\int_a^b F(x) \frac{dx}{z-x}"$$

которою онъ и сопроводилъ это второе письмо, имѣя въ виду, что изданія нашей академіи наукъ, даже на французскомъ языкѣ, вообще мало распространены за границей.

Только что упомянутый мемуаръ есть одна изъ самыхъ изящныхъ работъ Сонина. Въ ней онъ даетъ весьма общую формулу для приближеннаго вычисленія интеграла

$$\int_a^b F(x) \frac{dx}{z-x},$$

въ видѣ суммы раціональныхъ дробей съ дополнительнымъ членомъ, выражающимся опредѣленнымъ интеграломъ:

$$\int_a^b F(x)\,\frac{dx}{z-x} = \frac{\psi_1(z)}{\varphi_1(z)} + \frac{\psi_2(z)}{\varphi_1(z)\,\varphi_2(z)} + \ldots\ldots -$$

$$+ \frac{\psi_m(z)}{\varphi_1(z)\,\varphi_2(z)\ldots\ldots\varphi_m(z)} + R_m,$$

$$\text{гдѣ } R_m = \frac{1}{\Phi_m(z)} \int_a^b F(x)\,\Phi_m(x)\,\frac{dx}{z-x},\quad \Phi_m(z) = \varphi_1(z)\,\varphi_2(z)\ldots\varphi_m(z),$$

и полиномы $\varphi_1(z)$, $\varphi_2(z)$, . . . $\varphi_m(z)$ могутъ быть выбираемы по произволу.

Распоряжаясь этимъ выборомъ, Сонинъ получаетъ различныя формулы для приближеннаго вычисленія разсматриваемаго интеграла, а изслѣдованіе дополнительнаго члена даетъ предѣлы погрѣшности при вычисленіи по этимъ формуламъ. Кромѣ упомянутыхъ крупныхъ работъ, Сонинъ публиковалъ на французскомъ языкѣ еще нѣсколько небольшихъ статей.

Напечатанная въ 9 томѣ Bull. de la soc. math. de France за 1880 г. замѣтка „Sur une formule de Gauss" заключаетъ въ себѣ весьми простое доказательство извѣстной формулы Гаусса изъ теоріи функціи Г, а именно:

$$\Gamma\left(\frac{x}{n}\right)\Gamma\left(\frac{x+1}{n}\right)\ldots\Gamma\left(\frac{x+n-1}{n}\right) = (\sqrt{2\pi})^{n-1}\, n^{\frac{1}{2}-x}\,\Gamma(x),$$

и выраженіе *дополнительнымъ множителя* въ извѣстномъ Эйлеровомъ выраженіи $\Gamma(x+1)$ въ видѣ безконечнаго произведенія.

Въ небольшой статьѣ „Sur la généralisation d'une formule d'Abel" въ Acta mathematica, t. IV. 1884 (а также въ Зап. Новор. Об. Естествоисп. за 1883 г.) мы находимъ первое, на сколько мнѣ извѣстно, значительное обобщеніе формулы Абеля, относящейся къ мало разработанной въ то время области такъ называемаго обратнаго исчисленія опредѣленныхъ интеграловъ, а нынѣ разросшейся въ цѣлую теорію такъ называемыхъ *интегральныхъ уравненій*. Формулу Абеля Сонинъ пишетъ въ слѣдующемъ видѣ:

$$\int_a^x f(\xi)\,d\xi = \frac{1}{\Pi(n-1)} \int_a^x \frac{F(\lambda)\,d\lambda}{(x-\lambda)^{1-n}},\ \text{гдѣ}$$

$$F(\lambda) = \frac{1}{\Pi(-n)} \int_a^\lambda \frac{f(\xi)\,d\xi}{(\lambda-\xi)^n},\quad 0 < n < 1;$$

и показываетъ, что её можно обобщить такъ:

$$\int_a^x f(\xi)\,d\xi = \int_a^x F(\lambda)\,\psi(x-\lambda)\,d\lambda, \text{ гдѣ } F(\lambda) = \int_a^x f(\xi)\,\varphi(\lambda-\xi)\,d\xi,$$

а функціи $\varphi(x)$ и $\psi(x)$ изображаютъ суммы безконечныхъ рядовъ, составленныхъ извѣстнымъ образомъ при помощи совершенно произвольнаго сходящагося ряда

$$s(y) = 1 + c_1 y + c_2 y^2 + \ldots.$$

Въ 1889 г. въ *Annales de l'Ecole normale supérieure* напечатана статья Сонина, подъ заглавіемъ „*Sur les termes complémentaires de la formule sommatoire d'Euler et de celle de Stirling*".

Здѣсь дается выраженіе дополнительнаго члена въ формулѣ суммированія Эйлера-Маклорена, которое, какъ по способу его вывода, такъ и въ отношеніи практическихъ приложеній, съ выгодою можетъ замѣнить выраженіе, данное Якоби; затѣмъ выводится выраженіе дополнительнаго члена въ рядѣ Стирлинга, откуда для $\Gamma(1+x)$ получается выраженіе

$$\Gamma(1+x) = \sqrt{2\pi}\, x^{x+\frac{1}{2}} e^{-x+\frac{(x+\theta)}{12}}, \quad 0 < \theta < \tfrac{1}{2},$$

взамѣнъ обыкновенно употребляемаго

$$\Gamma(1+x) = \sqrt{2\pi}\, x^{x+\frac{1}{2}} e^{-x+\frac{\theta}{12x}}, \quad 0 < \theta < 1.$$

Всѣ остальныя работы Сонина публикованы были только на русскомъ языкѣ и потому получили мѐньшую извѣстность. Между тѣмъ и въ нихъ находятся интересные и важные результаты.

Въ 1886 г. въ Извѣстіяхъ Варшавскаго Университета напечатана статья, относящаяся къ варіаціонному исчисленію: „Объ опредѣленіи максимальныхъ и минимальныхъ свойствъ плоскихъ кривыхъ".

Въ этой статьѣ прежде всего дается рѣшеніе слѣдующей задачи, которую проф. В. Анисимовъ въ своемъ курсѣ варіаціоннаго исчисленія (Варшава, 1904 г.) называетъ задачей Сонина: „По данному дифференціальному уравненію 2-го порядка

$$y'' = \varphi(x, y, y') \qquad (1)$$

опредѣлить видъ функціи F подъ знакомъ интеграла

$$J = \int_{x_0}^{x_1} F(x, y, y')\,dx$$

для которой этотъ интегралъ, взятый вдоль кривой изъ семейства,

опредѣляемаго уравненіемъ (1), можетъ быть maximum или minimum, по отношенію въ интеграламъ, взятымъ по смежнымъ кривымъ".

Бо̀льшая часть разсматриваемой статьи посвящена вопросу о возможности построенія кривой, удовлетворяющей дифференціальному уравненію вида $yy'' = \psi(y')$, и обладающей максимальнымъ или минимальнымъ свойствомъ вышеупомянутаго рода, черезъ двѣ произвольно заданныя точки на плоскости. Съ подобнымъ вопросомъ мы встрѣчаемся, какъ извѣстно, при рѣшеніи вопроса о наименьшей поверхности вращенія, гдѣ соотвѣтствующая кривая есть цѣпная линія.

Въ 1891 г. въ Варш. Унив. Изв. напечатана очень интересная замѣтка „Объ остаткѣ формулы Тэлёра" (Taylor). Здѣсь даются выраженія этого остатка въ формѣ отличной отъ общепринятыхъ формъ, данныхъ Лагранжемъ и Коши; новая форма имѣетъ то преимущество, что во многихъ случаяхъ и, въ частности, во всѣхъ классическихъ примѣрахъ, она даетъ возможность найти весьма близкіе между собой предѣлы остатка въ очень простомъ видѣ, что и подтверждается многими примѣрами, приведенными въ самой статьѣ.

Выведенными выраженіями дополнительнаго члена Сонинъ съ успѣхомъ воспользовался въ упомянутомъ выше мемуарѣ „Sur l'intégrale

$$\int_a^b F(x) \frac{dx}{z-x}.$$

Въ промежутокъ времени отъ 1887 до 1891 г. Сонинъ напечаталъ цѣлый рядъ статей въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, по теоріи простыхъ и кратныхъ опредѣленныхъ интегралахъ. Съ 1892 г. его работы печатаются въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ, членомъ корреспондентомъ которой онъ состоялъ съ 1891 г. Важнѣйшія изъ этихъ работъ находятся въ тѣсной связи съ работами знаменитаго математика Чебышева.

Напечатанная въ LXIX томѣ Записокъ Императ. Академіи Наукъ въ 1892 г. статья „О точности опредѣленія предѣльныхъ величинъ интеграловъ" посвящена вопросу, впервые поставленному Чебышевымъ, состоящему въ опредѣленіи степени точности, съ которою можно судить о величинѣ интеграла

$$\int_a^v f(x)\, dx, \text{ при } a < v < b,$$

по даннымъ значеніямъ интеграловъ

$$\int_a^b x^k f(x)\, dx, \text{ для } k = 0, 1, 2, \ldots 2m-1,$$

понимая подъ f (x) функцію, остающуюся $\geqq 0$ въ промежуткѣ (a, b). (См. сочиненія Чебышева, т. II. №№ 22 и 23, а также т. I, стр. 733). Въ разсматриваемой статьѣ Сонинъ занимается главнымъ образомъ изслѣдованіемъ двухъ частныхъ случаевъ:

$$1)\ a = -\infty,\ b = +\infty,\ f(x) = \frac{q}{\sqrt{2\pi}}\, e^{-\frac{q^2 x^2}{2}}$$

и $$2)\ a = -b,\ f(x) = (b^2 - x^2)^{\lambda},\ \text{при}\ \lambda > -1.$$

Первый случай былъ разсмотрѣнъ самимъ Чебышевымъ, но Сонину удалось получить окончательный результатъ въ болѣе простой формѣ, чѣмъ та, въ которой онъ выраженъ у Чебышева. Этотъ результатъ Сонинъ формулируетъ въ видѣ слѣдующей теоремы:

„Если $F_1(x) \geqq 0$ для всѣхъ значеній x, и извѣстны интегралы

$$\int_{-\infty}^{+\infty} F_1(x)\,dx = 1,\quad \int_{-\infty}^{+\infty} x^{2k} F_1(x)\,dx = \frac{1.\,3\,.\,.\,.\,(2k-1)}{q^{2k}},\quad k = 1, 2, \ldots (m-1)$$

$$\int_{-\infty}^{+\infty} x^{2k-1} F_1(x)\,dx = 0,\quad k = 1, 2, \ldots m,$$

то величина интеграла

$$\int_{-\infty}^{v} F_1(x)\,dx$$

заключается между предѣлами

$$\frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_{-\infty}^{\frac{qv}{\sqrt{2}}} e^{-x^2}\,dx - \sqrt{\frac{\pi}{2m \pm 1}}$$

и $$\frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_{-\infty}^{\frac{qv}{\sqrt{2}}} e^{-x^2}\,dx + \sqrt{\frac{\pi}{2m \pm 1}},$$

гдѣ $2m+1$ надо писать при m нечетномъ, а $2m-1$ при какомъ угодно m“.

Отличіе этой теоремы отъ аналогичной ей въ мемуарѣ Чебышева

состоитъ въ томъ, что у Чебышева, вмѣсто простого выраженія $\sqrt{\frac{\pi}{2m \pm 1}}$ находится гораздо болѣе сложное

$$\frac{3\sqrt{3}\,(m^2 - 2m + 3)^{3/2}\,(q^2 v^2 + 1)^2}{2\,(m-3)^3\sqrt{m-1}}.$$

Неравенствомъ, вытекающимъ изъ приведенной выше теоремы Сонина, академикъ А. А. Марковъ воспользовался при доказательствѣ одной изъ важныхъ теоремъ теоріи вѣроятностей, чѣмъ и подтвердилъ важное значеніе полученнаго Сонинымъ результата. (См. А. Марковъ „Исчисленіе вѣроятностей", 3-е изд. стр. 319 и слѣд.).

Въ тѣсной связи съ предыдущей статьею находится „Замѣтка по поводу письма П. Л. Чебышева къ С. Ковалевской", помѣщенная въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ за 1895 г. Здѣсь Сонинъ показываетъ, что вопросъ, поставленный Чебышевымъ въ этомъ письмѣ, а именно,—вопросъ о предѣлахъ, въ которыхъ содержится сумма даннаго числа первыхъ коэффиціентовъ рядовъ вида

$$A_0 + A_1 x + A_2 x^2 + \ldots\ldots$$

$$\text{или } \frac{B_1}{1^x} + \frac{B_2}{2^x} + \frac{B_3}{3^x} + \ldots\ldots$$

рѣшается при помощи весьма простыхъ соображеній.

Къ той же категоріи вопросовъ, т. е. вопросовъ о приближенныхъ вычисленіяхъ, можно отнести и мемуаръ Сонина „О нѣкоторыхъ неравенствахъ, относящихся къ опредѣленнымъ интеграламъ" въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ за 1898 г. Здѣсь выведены общія формулы для приближеннаго вычисленія интеграловъ вида

$$\int_a^b \theta(x)\,\varphi(x)^2\,dx, \quad \int_a^b \frac{\theta(x)}{\varphi(x)}\,dx, \quad \int_a^b \theta(x)\,\varphi(x)\,\psi(x)\,dx$$

гдѣ $\theta(x)$ обозначаетъ положительную въ предѣлахъ интегрированія функцію, а $\varphi(x)$ и $\psi(x)$—какія угодно интегрируемыя функціи. Общія формулы прилагаются затѣмъ къ частнымъ случаямъ особенно замѣчательнымъ. Въ этомъ же мемуарѣ мы находимъ очень интересное доказательство весьма важной теоремы, извѣстной подъ названіемъ неравенства Чебышева, которую можно представить въ видѣ

$$\int_a^b \theta(x)\,dx.\int_c^b \theta(x)\,\varphi(x)\,\psi(x)\,dx - \int_a^b \theta(x)\,\varphi(x)\,dx.\int_a^b \theta(x)\,\psi(x)\,dx > 0, \qquad (1)$$

при условіи, что $\varphi(x)$ и $\psi(x)$ обѣ возрастающія или обѣ убывающія

въ промежуткѣ (a, b). Основанное на первой теоремѣ о средней величинѣ интеграла, это доказательство дало Сонину поводъ называть эту теорему *третьею* теоремою о средней, и возможность показать, что въ правой части неравенства вмѣсто нуля можно поставить нѣкоторую положительную величину.

Статьи подъ заглавіемъ „Дополненіе къ статьѣ П. Л. Чебышева: Объ интегрированіи простѣйшихъ дифференціаловъ, содержащихъ кубическій корень“ (Изв. И. А. Н., 1900 г.) и „О параллелограммахъ, состоящихъ изъ трехъ элементовъ и симметричныхъ относительно одной оси“ (ibidem, 1903 г.), публикованы были тогда, когда Н. Я. Сонинъ въ сотрудничествѣ съ А. А. Марковымъ былъ занятъ разборомъ работъ Чебышева и подготовленіемъ изданія полнаго собранія сочиненій знаменитаго нашего геометра на русскомъ и французскомъ языкахъ. Обѣ эти статьи заключаютъ въ себѣ дополненія и разъясненія нѣкоторыхъ результатовъ Чебышева, данныхъ имъ либо вовсе безъ доказательства, либо съ доказательствами, требующими болѣе подробнаго обоснованія.

Изданіемъ полнаго собранія сочиненій Чебышева академики Н. Я. Сонинъ и А. А. Марковъ оказали ученому міру неоцѣнимую услугу.

Сочиненія Чебышева, изданіе которыхъ закончено въ 1907 году должны сдѣлаться настольною книгою тѣхъ ученыхъ, которые занимаются вопросами приближеннаго вычисленія, для которыхъ Чебышевъ, этотъ „Approximotion's Mathematiker pur excellence“, какъ его называетъ *F. Klein*, далъ совершенно новыя методы и поставилъ совершенно новыя задачи. Рѣшеніемъ этихъ задачъ и развитіемъ этихъ методъ въ настоящее время занимаются многіе видные математики. При редактированіи французскаго изданія трудовъ Чебышева, Сонину много помогало его знакомство съ французскимъ языкомъ, которымъ онъ прекрасно владѣлъ.

Изъ числа работъ Сонина, напечатанныхъ въ Извѣстіяхъ И. А. Н. упомянемъ еще о статьѣ „Рядъ Ивана Бернулли“ (эпизоды изъ исторіи математики). С.-Пб., 1897 г.

Здѣсь Сонинъ обнаруживаетъ широкую эрудицію по исторіи математики, которою онъ съ любовью занимался въ часы досуга отъ самостоятельныхъ ученыхъ трудовъ. Съ большимъ остроуміемъ Сонинъ выступаетъ въ концѣ своей статьи въ защиту Ивана Бернулли противъ нападокъ *Морица Каннора*, автора капитальнаго труда по исторіи математики, по поводу способа, примѣняемаго Бернулли къ интегрированію одного дифференціальнаго уравненія.

Послѣднею изъ печатныхъ работъ Сонина были его „Этюды по элементарной алгебрѣ“, напечатанныя сперва въ „Вѣстникѣ опытной физики и элементарной математики“ за 1913 г., а потомъ и въ видѣ отдѣльной брошюры, подъ псевдонимомъ *Н. Ниносъ*. Эта брошюра служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, что талантливый человѣкъ найдетъ случай сказать новое даже въ области, повидимому вполнѣ исчерпанной. Написанная доступно для пониманія даже учениковъ старшихъ классовъ средней школы, она содержитъ въ себѣ много интересныхъ результатовъ, какъ напримѣръ: алгориѳмы для вычисленія корней любой степени отъ положительныхъ чиселъ, оригинальный выводъ формулы бинома Ньютона и распространеніе его на случай цѣлаго отрицательнаго показателя степени и, въ особенности, необыкновенно быстро сходящійся рядъ для вычисленія натуральныхъ логариѳмовъ:

$$\log \frac{1+u}{1-u} = 2\ (v + v_1 + v_2 + \ldots\ldots\ldots), \ (u<1)$$

гдѣ по данному u, первый членъ v приближенно выражается формулою $v = \frac{u^3}{3} + \frac{u^5}{5} + \frac{u^7}{7}$ съ погрѣшностью, меньшею $\frac{1}{3}\ u^9$, v_1 такъ же связано съ v, какъ v съ u и т. д., а быстрота сходимости опредѣляется неравенствомъ

$$v_{s-1} < u^{3^s}.$$

Знакомство съ этой брошюрой можно рекомендовать какъ учителямъ, такъ и ученикамъ старшихъ классовъ средней школы.

Списокъ сочиненій Н. Я. Сонина.

1. О дифференцированіи съ произвольнымъ указателемъ. Краткое сообщеніе, сдѣланное 27-го августа 1869 г. на второмъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ и напечатанное въ протоколахъ.

2. О разложеніи функцій въ безконечные ряды. Магистерская диссертація—Матем. Сб., т. V, 1871.

3. О дифференцированіи съ произвольнымъ указателемъ (ibid., т. VI, 1872).

4. Объ интегрированіи полнаго уравненія

$$(A+Cz)\ dx + (B+Dy)\ dy + Edz = 0.$$

(по поводу одной статьи)—ibid., т. VII, 1873.

5. Объ интегрированіи уравненій съ частными производными второго порядка. Докторская диссертація—(ibid., т. VII, 1874).

6. Ueber die Integration der partiellen Differentialgleichungen zweiter Ordnung, aus dem Russischen übersetzt von Friedrich Engel—Mathem. Ann., Bd. 49.

7. Объ интегрируемости выраженій, содержащихъ неопредѣленныя функціи—Варшавск. Университетск. Извѣстія. 1875.

8. Обобщеніе принципа послѣдняго множителя—ibid.

9. Замѣтка о выводѣ уравненій распространенія теплоты въ кристаллахъ—ibid., 1878.

10. Recherches sur les fonctions cylindriques—Mathem. Ann., B. XVI, 1879.

11. Sur un théorème de Gauss—Bull. Soc. Mathem. de France, t. IX, 1881.

12. Sur la généralisation d'une formule d'Abel—Acta mathem., t. IV, 1884.

13. Обобщеніе одной формулы Абеля—Зап. В. О. Е. 1885.

14. Объ одной задачѣ варіаціоннаго исчисленія. Статья первая—ibidem.

15. Тоже. Статья вторая—ibid.

16. Объ одномъ опредѣленномъ интегралѣ, содержащемъ числовую функцію [x].—Варшав. Университетск. Извѣстія. 1885.

17. О числовыхъ тожествахъ и ихъ приложеніи къ ученію о безконечныхъ рядахъ—ibid.

18. Объ опредѣленіи максимальныхъ и минимальныхъ свойствъ плоскихъ кривыхъ—ibid. 1886.

19. О приближенномъ вычисленіи опредѣленныхъ интеграловъ и входящихъ при этомъ вычисленіи цѣлыхъ функціяхъ—ibid. 1887.

20. О Бернулліевыхъ полиномахъ и ихъ приложеніяхъ—ibid. 1888.

21. Объ одной формулѣ приведенія кратныхъ интеграловъ—ibid. 1889. Извлеченіе изъ этой статьи—Прот. Варшав. Общ. Естеств. 15/27 апр. 1889.

22. Объ остаточныхъ членахъ формулъ *Эйлера* и *Стирлинга*—Прот. Варшав. Общ. Ест. 4/16 марта 1889.

23. Sur les termes complémentaires de la formule *d'Euler* et de celle de *Stirling*—CR., № 14, 8 avril 1889.

24. Объ остаткѣ формулы *Стирлинга*—Прот. Варшав. Общ. Ест. 15/27 апр. 1889.

25. Extrait d'une lettre à *M. Hermite*—Ann. de l'Ec. Norm. 1889.

26. О приведеніи одного кратнаго интеграла — Варшавск. Унив. Извѣст. 1889.

27. Тоже съ дополненіемъ—Матем. Сборн., т. XIV.

28. О прерывной функціи [x] и ея примѣненіяхъ—Варшав. Унив. Извѣст., 1889.

29. О представленіи логариѳма и *Эйлерова* постояннаго опредѣленными интегралами—ibid. 1889.

30. О такъ называемомъ физическомъ законѣ фанъ-деръ *Ваальса*—Прот. Варшав. Общ. Ест., №№ 5 и 6, 1889.

31. О примѣненіи уравненія виріала къ кинетической теоріи газовъ—ibid., № 7, 1889.

32. Объ остаткѣ формулы *Тэлёра*—Варшав. Унив. Изв. 1891.

33. Объ одномъ полусходящемся разложеніи—Прот. Варшав. Общ. Ест. 25 мая 1891.

34. Объ одномъ полусходящемся разложеніи общаго вида—ibid., 23 сент. 1891.

35. Объ одномъ опредѣленномъ интегралѣ—ibid., № 7, 1892.

36. О точности опредѣленія предѣльныхъ величинъ интеграловъ—Запис. Императорской Академіи Наукъ, т. LXIX, 1892, стр. 1 — 30.

37. Sur l'intégrale $\int_a^b F(x) \frac{dx}{z-x}$ — Mém. de l'Ac. des sciences, VII sèr., t. XXXVII, 1892.

38. О производныхъ функціяхъ высшихъ порядковъ — Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, 1894, № 4.

39. Замѣтка по поводу письма *П. Л. Чебышева* къ *С. В. Ковалевской*—ibid., 1895, № 1.

40. О дифференціальномъ уравненіи $\frac{dy}{dx} = 1 + \frac{R(x)}{y}$—ibid. 1895, № 2.

41. То же, статья вторая—ibid. 1895, № 3.

42. Sur les polynomes de Bernoulli—J. f. Mathem., t. 116, 1896.

43. Рядъ Ивана Бернулли (эпизодъ изъ исторіи математики)—Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. VII, 1897.

44. О нѣкоторыхъ неравенствахъ, относящихся къ опредѣленнымъ интеграламъ—Записки И. А. Н. Ф.-М. О., VIII сер., т. VI, 1898.

45. Дополненіе къ статьѣ *П. Л. Чебышева*: объ интегрированіи простѣйшихъ дифференціаловъ, содержащихъ кубичный корень—Изв. Императорской Академіи Наукъ, т. X, 1900.

46. О параллелограммахъ, состоящихъ изъ трехъ элементовъ и симметричныхъ около одной оси—ibid., т. XVIII, 1903.

47. Sur les fonctions cylindriques.—Mathem. Ann., B. LIX, 1904.

48. Этюды по элементарной алгебрѣ.—Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики, 1913 [отд. изд. подъ псевдонимомъ: *Н. Ниносъ*].

II.

Дѣятельность Н. Я. Сонина, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ біографическихъ свѣдѣній, не исчерпывалась однѣми учеными его работами. Въ тѣсной связи съ ними была его профессорская дѣятельность въ теченіе 20 лѣтъ въ Варшавскомъ университетѣ, гдѣ онъ поставилъ преподаваніе математики на должную высоту, а затѣмъ, по переѣздѣ въ С.-Петербургъ, въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ, на высшихъ женскихъ курсахъ и въ С.-Петербургскомъ университетѣ на правахъ приватъ-доцента. Достойнымъ его преемникомъ въ Варшавскомъ университетѣ былъ безвременно скончавшійся, талантливый молодой ученый Г. Ѳ. Вороной.

Оригинальный талантъ Н. Я. Сонина, проявленный имъ въ ученыхъ его трудахъ, замѣчается и въ его лекціяхъ. Собственноручно имъ написанный и затѣмъ отлитографированный его курсъ интегральнаго исчисленія, читанный на высшихъ женскихъ курсахъ, отличается строго-научнымъ, изящнымъ и совершенно оригинальнымъ изложеніемъ. Написавъ этотъ курсъ, Н. Я. Сонинъ пользовался имъ для преподаванія въ несовсѣмъ обычной формѣ: онъ не читалъ, собственно говоря, лекцій, а предлагалъ слушательницамъ послѣдовательно изучать его литографированный курсъ и реферировать прочитанное, а самъ комментировалъ и разъяснялъ заслушанные рефераты. Къ своей аудиторіи на высшихъ женскихъ курсахъ, равно какъ и ко всему этому учрежденію, Н. Я. всегда относился съ большимъ сочувствіемъ и оставилъ по себѣ у своихъ бывшихъ слушательницъ, изъ которыхъ нѣкоторыя нынѣ состоятъ преподавателями на курсахъ, самыя лучшія воспоминанія.

Послѣ кратковременной административной дѣятельности (1890—91 г.) въ качествѣ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, Н. Я. Сонинъ занялъ въ 1891 г. важный и отвѣтственный постъ предсѣдателя ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, на которомъ онъ оставался 14 лѣтъ до самой смерти.

При вступленіи на этотъ постъ, Н. Я. нашелъ огромное количество незаконченныхъ, вслѣдствіе болѣзни своего предшественника, дѣлъ.

Съ присущею ему энергіею и дѣловитостью, Н. Я. быстро привелъ всѣ эти дѣла въ порядокъ, привлекъ въ ученый комитетъ компетентныхъ лицъ по всѣмъ спеціальностямъ, изъ профессорской и преподавательской среды и твердою рукою руководилъ работами комитета по всѣмъ разнообразнымъ вопросамъ, входившимъ въ кругъ его вѣдѣнія. Многостороннее его образованіе, знаніе законовъ, огромная память и твердо установившіеся педагогическіе принципы получили благодарную почву для своего проявленія на новомъ, занятомъ имъ, посту. Какъ извѣстно, одною изъ задачъ ученаго комитета является разсмотрѣніе учебныхъ руководствъ по разнымъ предметамъ низшей и средней школы. Будучи спеціалистомъ по математикѣ, Н. Я. однако одинаково внимательно прислушивался къ отзывамъ членовъ комитета по всѣмъ спеціальностямъ. Его замѣчанія по поводу этихъ отзывовъ, дѣлаемыя во время засѣданій, были всегда весьма содержательны и интересны и, за рѣдкими исключеніями, всегда признавались справедливыми самими рецензентами, а затѣмъ и всѣмъ комитетомъ. Самъ онъ рѣдко выступалъ въ качествѣ рецензента руководствъ по математикѣ и въ этихъ случаяхъ относился очень строго къ авторамъ этихъ руководствъ, иногда даже съ излишнею рѣзкостью. Но, по существу, его критика почти всегда была справедлива, и не мало плохихъ учебниковъ не получило допущенія въ качествѣ руководствъ, благодаря его отзывамъ, напечатаннымъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, или отзывамъ другихъ членовъ комитета, энергично поддержаннымъ предсѣдателемъ.

За время своего предсѣдательства въ ученомъ комитетѣ, Н. Я. Сонинъ провелъ довольно много измѣненій въ техникѣ дѣлопроизводства комитета и формулировкѣ его постановленій, но на этомъ мы не остановимся. Наиболѣе крупными дѣлами, проведенными Н. Я. въ комитетѣ было 1) составленіе проекта новаго устава гимназій, прогимназій и приготовительныхъ школъ министерства народнаго просвѣщенія и 2) реформа преподаванія въ реальныхъ училищахъ. Первая работа, къ сожалѣнію, не получила до сихъ поръ дальнѣйшаго хода, вѣроятно потому, что она была окончена передъ наступленіемъ смутнаго времени въ жизни государства; вторая же была осуществлена въ 1907 году и до сихъ поръ остается въ силѣ безъ измѣненія.

Выработка проекта новаго устава гимназій и т. д. начата была 31-го марта 1903 г. и закончена 1-го іюня 1904 г. Ей были посвящены тридцать три засѣданія комиссіи, въ составъ которой входили

всѣ члены основного отдѣла ученаго комитета, одинъ членъ особаго отдѣла того же комитета (по начальному образованію), два академика, одинъ профессоръ университета, два окружныхъ инспектора и девять директоровъ гимназій и реальныхъ училищъ С.-Петербурга.

Предсѣдательствовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ Н. Я. Сонинъ. Результаты этой огромной работы напечатаны на правахъ рукописи и составляютъ томъ въ 459 страницъ большого формата. Она, вѣроятно, будетъ положена въ основу предстоящей реформы средней школы, на ряду съ другими матеріалами, какъ-то работами комиссій, занимавшимися тѣмъ же вопросомъ при министрахъ Боголѣповѣ и Ванновскомъ.

Реформа учебныхъ плановъ въ реальныхъ училищахъ, начатая по иниціативѣ Н. Я. Сонина въ 1905 г. съ разрѣшенія тогдашняго министра Глазова, окончательно введена была въ дѣйствіе лишь съ начала 1907—8 учебнаго года. Эта реформа, главнымъ образомъ, коснулась преподаванія математики и естествознанія. Программы этихъ предметовъ, выработанныя въ особыхъ комиссіяхъ при ученомъ комитетѣ, обсуждались въ засѣданіи ученаго комитета 29-го мая 1906 г. и послѣ нѣкоторыхъ измѣненій были министерствомъ утверждены.

Главнымъ нововведеніемъ въ учебныхъ планахъ реальныхъ училищъ надо считать введеніе началъ аналитической геометріи и основаній высшаго анализа въ курсъ VII дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Программу этихъ предметовъ, въ составленіи которой большое участіе принималъ Н. Я. Сонинъ, конечно нельзя считать послѣднимъ словомъ въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ введеніе началъ высшей математики въ курсъ средней школы, но она представляетъ первый шагъ въ рѣшеніи этого вопроса, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ благодаря глубокому убѣжденію Н. Я. Сонина въ своевременности такого введенія и энергіи, съ которою онъ это убѣжденіе проводилъ.

Къ дѣятельности Н. Я. Сонина, какъ предсѣдателя ученаго комитета, надо еще отнести его участіе въ работѣ международной комиссіи по преподаванію математики, основанной, по иниціативѣ проф. Smith, на конгрессѣ въ Римѣ, въ 1908 г. Главная цѣль этой комиссіи, какъ она формулирована въ предварительномъ докладѣ центральнаго комитета, должна заключаться въ томъ, чтобы „разслѣдовать современныя направленія въ преподаваніи математики въ различныхъ странахъ и опубликовать общій о нихъ отчетъ“. Постепенно расширяясь, программа занятій международной комиссіи охватила

всевозможные вопросы, касающіеся преподаванія математики въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ типовъ и ступеней, во всѣхъ странахъ образованнаго міра. Работы ея составляютъ въ настоящее время огромную литературу, публикованную центральнымъ комитетомъ.

„Въ январѣ 1909 года предсѣдатель центральнаго комитета, проф. Клейнъ обратился отъ имени комитета къ академику Н. Я. Сонину съ приглашеніемъ взять въ свои руки все дѣло, поскольку оно касается Россіи. Сознавая всю трудность и обременительность поставленной международнымъ конгрессомъ математиковъ задачи, Н. Я. Сонинъ, въ виду особаго положенія, занимаемаго имъ въ центральномъ управленіи министерства народнаго просвѣщенія по должности предсѣдателя ученаго комитета, равно какъ и приглашенные имъ къ участію въ делегаціи профессоръ математики въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ Б. М. Кояловичъ и директоръ 2-го Петроградскаго реальнаго училища К. В. Фохтъ, какъ члены ученаго комитета, признали себя нравственно обязанными посвятить свое время и трудъ наилучшему выполненію того, что падаетъ на долю Россіи въ международномъ предпріятіи“.

Первымъ дѣломъ русской делегаціи было издать русскій переводъ предварительнаго доклада центральнаго комитета, составленнаго на французскомъ языкѣ секретаремъ комитета, проф. Fehr (Женева), и разослать этотъ переводъ различнымъ лицамъ, которыхъ делегація намѣревалась привлечь къ работѣ въ русской національной подкомиссіи. Приведенныя выше строки въ „“, заимствованы нами изъ добавленія къ русскому изданію упомянутаго доклада. Исходатайствовавъ у министра народнаго просвѣщенія необходимыя средства для организаціи русской подкомиссіи и изданія ея будущихъ трудовъ, Н. Я. Сонинъ созвалъ 21-го ноября 1909 г. собраніе участниковъ этой подкомиссіи, въ которую вошли и провинціальные профессора и педагоги, и, изложивъ свой взглядъ на характеръ и направленіе предстоящей работы, предложилъ присутствующимъ распредѣлить между собою составленіе отчетовъ о преподаваніи математики въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, къ которымъ каждый изъ членовъ всего ближе соприкасается.

Въ настоящее время публиковано на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ 10 докладовъ русской подкомиссіи и переводятся еще два, представленные на русскомъ языкѣ. Этими организаціонными работами и ограничилось участіе Н. Я. Сонина въ трудахъ международной комиссіи. Независимо отъ недостатка времени, занятаго другими

обязанностями его, какъ предсѣдателя ученаго комитета, нѣсколько безучастное отношеніе его къ дѣлу международной комиссіи объяснялось, по собственному его признанію, тѣмъ, что онъ сомнѣвался въ возможности использовать труды этой комиссіи для нуждъ математическаго образованія въ Россіи. Это сомнѣніе, въ свою очередь, вызывалось его пессимистическимъ взглядомъ на условія, въ которыхъ въ то время находилось дѣло школьнаго образованія въ Россіи, а также недостаткомъ педагогическаго персонала, достаточно подготовленнаго для осуществленія широкой реформы преподаванія математики. Этотъ недостатокъ ощущается, впрочемъ, не только у насъ, но и въ другихъ странахъ Европы. Такой взглядъ на дѣло международной комиссіи не мѣшалъ, однако, Сонину интересоваться результатами занятій комиссіи, публикуемыми въ многочисленныхъ докладахъ ея членовъ и въ отчетахъ о конгрессахъ и съѣздахъ, организуемыхъ ею въ различныхъ городахъ Западной Европы, и способствовалъ командировкамъ членовъ русской делегаціи на эти съѣзды.

III.

Первые признаки болѣзни, которая свела Н. Я. Сонина въ могилу, появились лѣтомъ 1914 г. Когда опредѣлилось, что болѣзнь эта требуетъ оперативнаго лѣченія, Н. Я. безъ всякихъ колебаній согласился на операцію, рѣшивъ бороться съ болѣзнью всѣми средствами, которыми располагаетъ медицина. Операція была произведена въ августѣ 1914 г., при чемъ обнаружилось, что предположеніе врачей о томъ, что причиною болѣзни былъ ракъ желудка, оправдалось, но удалить злокачественное новообразованіе не удалось, отчасти вслѣдствіе слабой дѣятельности сердца больного, отчасти вслѣдствіе сильно разлитой формы опухоли.

Въ первый разъ въ жизни Сонинъ далъ себя обмануть; врачи не сказали ему истины, а приведя его въ чувство послѣ хлороформированія, увѣрили его, что опухоль удалена. Неизвѣстно, долго ли онъ жилъ въ этой увѣренности послѣ операціи; во всякомъ случаѣ, мѣсяца черезъ два послѣ нея, симптомы прежней болѣзни возобновились, и Н. Я. прибѣгъ къ иному способу лѣченія, рекомендованному ему нѣкоторыми близкими къ нему людьми, а именно лѣченію лучами Рентгена у д-ра Яновскаго, давшаго будто бы благопріятные результаты у другого больного. Нѣкоторое улучшеніе дѣйствительно послѣдовало послѣ нѣсколькихъ сеансовъ и Н. Я. воспользовался имъ, чтобы въ декабрѣ 1914 г. снова вступить въ исполненіе обязанно-

стей предсѣдателя ученаго комитета. Нужно было удивляться той силѣ воли и тому стоицизму, съ которыми онъ переносилъ свою тяжкую и неизлѣчимую болѣзнь, и той свѣжести умственныхъ способностей, которая его не покидала до самаго послѣдняго дня жизни. Дѣлами комитета онъ все время не переставалъ интересоваться и, когда уже не былъ въ состояніи выходить изъ дома, распоряжался доставленіемъ этихъ дѣлъ къ себѣ на квартиру, знакомился съ ними и давалъ необходимыя указанія. Лишь за два дня до кончины Н. Я. Сонинъ обратился къ министру съ прошеніемъ объ освобожденіи его отъ должности предсѣдателя ученаго комитета, но этому прошенію уже не пришлось дать хода, и утромъ 14-го февраля 1915 г. Н. Я. Сонинъ тихо скончался, оставаясь на томъ посту, который онъ съ честью занималъ въ теченіе цѣлыхъ 14 лѣтъ. Въ средѣ своихъ сотрудниковъ и подчиненныхъ онъ оставилъ по себѣ самую лучшую память.

К. Поссе.

Служитель пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ *Игнатій Іовчукъ*, призванный на дѣйствительную военную службу, за боевыя отличія награжденъ орденомъ св. Георгія и произведенъ въ подпрапорщики. Нынѣ начальникъ 5-й Сибирской бригады генералъ-маіоръ Новицкій прислалъ управляющему дѣлами пенсіонной кассы слѣдующую телеграмму:

Подпрапорщикъ Игнатій Іовчукъ награжденъ генераломъ Максимовичемъ за то, что, командуя взводомъ, упорно оборонялъ данный ему участокъ во время боевъ полка у деревни Сидорысь съ 14-го по 22-ое октября и не оставилъ своего взвода, когда былъ сильно контуженъ снарядомъ тяжелой артиллеріи.

ОЧЕРКЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО ХОЗЯЙСТВА АѲИНЪ [1]).

V.

Начало земледѣльческаго года въ Аттикѣ и ея полевыхъ работъ опредѣлялось, какъ мы говорили выше, раннимъ заходомъ Плеядъ (ок. 22/25-го октября ст. ст.).

Къ этому времени выпадали первые дожди [2]), открывавшіе дождливый періодъ, и наступало наиболѣе благопріятное время для вспашки и посѣва [3]), заполнявшихъ начальный періодъ зимы (ἄροτος или σπορητός).

Стаи аистовъ, покидая во второй половинѣ октября Грецію, пролетали надъ аѳинской равниной [4]) и подавали своимъ крикомъ знакомую вѣсть земледѣльцу о томъ, чтобы онъ вынималъ плугъ и приступалъ къ осенней вспашкѣ и окончательной подготовкѣ земли подъ посѣвъ [5]).

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1915, апрѣль.

[2]) Theophr. c. p. 3, 23, 1: ἐπιγίνεσθαι γὰρ ὕδατα τὰ πολλὰ τῇ ἑβδόμῃ μετὰ τὴν δύσιν (Плеядъ).

[3]) Къ этому времени легкая и сухая аѳинская земля, получая первые не слишкомъ сильные дожди, пріобрѣтала качества, необходимыя для успѣшной вспашки. Ср. *Krafft*, Die Ackerbaulehre, Berlin 1906, 1, 114: der richtige Zeitpunkt für das Pflügen hängt vom Feuchtigkeitszustande des Bodens ab. Er darf weder zu trocken, noch zu nass sein, sondern soll jene Feuchtigkeit besitzen, bei welcher derselbe den geringsten Zusammenhalt hat und dem Eindringen des Pfluges den wenigsten Widerstand entgegenstellt.

[4]) *Mommsen, A.*, Zur Kunde der griechischen Klima въ журналѣ: *Griechische Jahreszeiten*, Schleswig 1870, 28, замѣчаетъ, что дождливое время beginnt nach attischen Beobachtungen durchschnittlich October 13 oder 15, wonach der Kranich in den zweiten Hälfte des October über Griechenland ziehen muss.

[5]) Il. 3, 3: κλαγγὴ γεράνων πέλει οὐρανόθι πρὸ
αἵ τ' ἐπεὶ οὖν χειμῶνα φύγον.

Hes. O. 448: εὖτ' ἂν γεράνου φωνὴν ἐπακούσῃς...
ἥ τ' ἀρότοιό τε σῆμα φέρει καὶ χείματος ὥρην

Окружавшія аѳинскую равнину горы также участвовали въ предсказаніяхъ характера наступавшихъ временъ года. Если земледѣлецъ видѣлъ при заходѣ Плеядъ, какъ онѣ блестѣли надъ Парнессомъ или Брилеттомъ (Пентеликонъ) и Гиметтомъ, то въ этомъ онъ могъ узнать качество предстоявшей зимы. Если созвѣздіе блистало, освѣщая всѣ три горныя цѣпи, то этимъ оно предсказывало длинную зиму, если двѣ—то зима ожидалась короче, а если Плеяды сіяли только надъ Парнессомъ, то земледѣлецъ могъ надѣяться на мягкую, хорошую погоду [1]). Помимо приведенныхъ знаменій, земледѣлецъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи еще цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ примѣтъ, о которыхъ намъ сообщаетъ Ѳеофрастъ [2]). Получая эти указанія, земледѣлецъ долженъ былъ слѣдовать ихъ предписаніямъ и не откладывать работы, чтобы не запоздать съ обработкой земли и посѣвомъ. Для сухой почвы аѳинской равнины дождливая зима была наилучшимъ временемъ для земледѣльческихъ работъ, такъ какъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ земля могла „потолстѣть“ (παχύνειν) и пріобрѣсти достаточную влажность [3]). Наоборотъ, если бы земледѣлецъ не успѣлъ использовать зимніе мѣсяцы, то ему пришлось бы работать въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ и его посѣвъ взошелъ бы съ значительнымъ опозданіемъ [4]). Аѳинская легкая земля обычно получала двѣ главныя вспашки осенью и весною [5]), стоявшія въ связи съ древнѣйшимъ дѣ-

---

Ранній перелетъ журавлей служилъ признакомъ ранняго наступленія зимы, и наоборотъ. См. Theophr. frgm. 6, 3, 38. Geop. 1, 3, 12: γέρανοι θᾶσσον ἐρχόμεναι χειμῶνα εὐθέως προδηλοῦσι. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но, кажется, не для Аттики, указаніемъ на время начала вспашки служило цвѣтеніе растенія σχῖνος. Theopr. frgm. 6, 4, 55: ὁ τῆς σχίνου καρπὸς σημαίνει τοὺς ἀρότους· ἔχει δὲ τρία μέρη καὶ ἔστιν ὁ πρῶτος τοῦ πρώτου ἀρότου σημεῖον κτλ. Σχῖνος здѣсь не можетъ быть Pistacia lentiscus, такъ какъ цвѣтеніе этого растенія падаетъ на февраль—начало апрѣля. См. *Heldreich*, Pflanzen der attischen Ebene. 471 Calendarium.

[1]) Theophr. frgm. 6, 3, 43: ἐπὶ Πλειάδι δυομένῃ ἐὰν λάμψῃ κατὰ Πάρνηθα καὶ Βρίλητον καὶ Ὑμηττον, ἐὰν μὲν ἅπαντα καταλάμψῃ μέγαν χειμῶνα σημαίνει, ἐὰν δὲ τὰ δύο ἐλάττω, ἐὰν δὲ Πάρνηθα μόνον εὐδιεινόν.

[2]) Theophr. frgm. 6. Для Россіи см. богатый матеріалъ въ ук. соч. Ермолова и Макаренко.

[3]) Theophr. c. p. 3, 20, 2: δεῖ γὰρ ὥς φασι..... τὴν ξηρὰν καὶ μανὴν καὶ τὴν λεπτὴν καὶ κούφην τοῦ χειμῶνος (scil. ἐργάζεσθαι) δύναται ἡ χειμερινὴ παχύνειν καὶ ὑγραίνειν.

[4]) Hes. O. 485.

[5]) Theophr. h. p. 8, 4, 6: ...δύο ἀρότους ὡς ἔοικε παντὸς τοῦ σίτου ποιοῦνται τὸν μὲν χειμερινὸν τὸν δὲ ἠρινόν. У Ѳеофраста относительно числа вспашекъ можно подмѣтить два взгляда. Иногда онъ упоминаетъ о трехъ вспашкахъ (h. p. 7, 1, 2; 7, 13, 6), въ другихъ же случаяхъ вполнѣ опредѣленно говоритъ о двухъ главныхъ вспашкахъ (h. p. 8, 1, 2; 4, 6, 6, 1). Различіе въ мнѣніи происходитъ отъ того, что Ѳеофрастъ

леніемъ земледѣльческаго года на двѣ естественныя метеорологическія половины.

Но съ теченіемъ времени къ двумъ основнымъ вспашкамъ присоединились вспомогательныя, практиковавшіяся въ различное время года въ зависимости отъ условій погоды.

Земля, предназначавшаяся подъ посѣвъ (σπορευτὴ χώρα) [1]) и лежавшая со времени послѣдней жатвы подъ паромъ, вспахивалась осенью, вѣроятно, продольными бороздами и продолжала лежать подъ зимнимъ паромъ, подвергаясь дѣйствію холодной и дождливой погоды [2]). Если годъ выпадалъ не слишкомъ дождливый, то земля иногда переворачивалась также зимой [3]).

имѣетъ въ виду посѣвы и землю различныхъ качествъ. Для хлѣбныхъ злаковъ необходимы повсюду въ Греціи двѣ основныхъ вспашки: зимою и весною (h. p. 8, 4, 6). Главная вспашка πρῶτος ἄροτος (h. p. 8, 6, 1) происходила соотвѣтственно общепринятой земледѣльческой практикѣ при заходѣ Плеядъ (h. p. 8, 11, 2). Πρῶτος ἄροτος являлся синонимомъ ὡραῖος ἄροτος (h. p. 8, 6, 1) и болѣе общаго и неяснаго термина χειμερινὸς ἄροτος (h. p. 8, 4, 6). Вторая вспашка происходила весною (h. p. 8, 4, 6). Наряду съ этими весьма опредѣленными указаніями встрѣчаются упоминанія о какихъ-то другихъ вспашкахъ. Такъ напримѣръ, въ c. p. 3, 20, 8: καὶ ὅταν μετὰ τοὺς πρώτους ἀρότους νεάσωσι πάλιν τοῦ ἤρος μεταβάλλουσιν ὅπως τὴν ἀναφυομένην πόαν ἀπολέσωσιν, εἶτα θέρει ἀροῦσι καὶ πάλιν ὅταν μέλλωσι σπείρειν ὑπήροσαν ὡς δέον καθάπερ ἐλέχθη προκατεργάσασθαι καὶ περὶ τοῦτο μάλιστα σπουδάσαι—находимъ наряду съ „первыми вспашками“ упоминанія о „переворачиваніи“ земли весною, о „вспашкѣ“ въ лѣтнюю пору (см. ниже) и о важномъ дѣйствіи „подпахиванія“ (ὑπαρόω) передъ самымъ посѣвомъ. Но наряду съ „первыми“ т. е. главными вспашками остальныя выступаютъ, какъ вспомогательныя. Необходимо имѣть въ виду, что въ Греціи существовало мнѣніе о томъ, что чѣмъ чаще земля будетъ переворачиваться, тѣмъ лучше для посѣва она становится (ср. Theophr. c. p. 3, 10, 7). Что касается трехъ главныхъ вспашекъ, то Ѳеофрастъ опредѣленно говоритъ о нихъ лишь по отношенію къ огородамъ и посадкамъ. См. h. p. 7, 1, 1: εἰσὶ δὴ τρεῖς ἄροτοι πάντων τῶν κηπευμένων ἐν οἷς ἕκαστα σπείρουσι διαιροῦντες ταῖς ὥραις. εἷς μὲν οὖν ὁ χειμερινός, ἄλλος δὲ ὁ θερινός, τρίτος δὲ μεταξὺ τούτων μεθ' ἡλίου τροπὰς χειμερινάς. Второе свидѣтельство о трехъ вспашкахъ посѣвной земли въ зависимости отъ троекратнаго цвѣтенія лентиска (h. p. 7, 13, 6) имѣетъ въ виду, по всей вѣроятности, тяжелыя почвы, а не землю аѳинской равнины.

[1]) Theophr. c. p. 3, 20, 6.

[2]) Theophr. c. p. 3, 20, 7: ἡ δὲ κατεργασία ἐν τῷ νεᾷν κατ' ἀμφοτέρας τὰς ὥρας καὶ θέρους καὶ χειμῶνος ὅπως χειμασθῇ καὶ ἡλιωθῇ ἡ γῆ. ibid. ἀγαθὴν γὰρ οἴονται τὴν χιόνα ταῖς χειμεριναῖς νέαις καὶ οὐχ ἧττον τὴν πάχνην εἶναι.

[3]) Ср. Theophr. c. p. 3, 20, 7. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что зимняя перепашка могла быть лишь при условіи относительной сухости почвы. Уже Аристофанъ (Pax, 1147) очень живо описалъ прекращеніе работъ въ виноградникахъ потому, что становилось „παρδακὸν τὸ χωρίον“. Также и Xen. O. 16, 11 говоритъ о пе-

Весною земля получала вторую главную обработку [1]). Ее „передвоивали“ теперь, проводя, вѣроятно, поперечныя борозды, и земля, лежавшая въ бороздахъ [2]) получала тотъ видъ, который въ современной Аттикѣ носитъ названіе „земли, перевернутой въ поперечномъ направленіи“ (διβόλιμα) [3]).

Земля, получившая вторую, поперечную вспашку, получала, какъ можно полагать, названіе „дважды-перепаханной“ (δίπολος) [4]), названіе, въ которомъ скрывался и характеръ направленія бороздъ. По способу примѣнявшихся въ Аттикѣ двухъ главныхъ вспашекъ земля противополагалась тяжелымъ почвамъ, подвергавшимся тройной вспашкой (τρίπολος) [5]). Земледѣлецъ, привыкавшій считать вторую вспашку

возможности начинать главную вспашку зимою: εἰ οὖν ἀρχοίμεθα, ἔφη (scil. Сократъ), ἀροῦν τὴν γῆν χειμῶνος; Ἀλλὰ πηλὸς ἄν εἴη, ἐγὼ ἔφη. Въ настоящее время я видѣлъ вспашку на аѳинской равнинѣ въ январѣ, когда дожди уже уменьшались.

[1]) Theophr. c. p. 3. 20, 8. Ср. Hes. O. 462: ἔαρι πολεῖν θέρεος δέ νεωμένη οὖσ' ἀπατήσει.

[2]) Long. Past. 4, 15: τὰ μὲν πεδία ἐν αὔλακι.

[3]) Въ земледѣльческомъ хозяйствѣ современныхъ греческихъ деревень, расположенныхъ на элевсинской равнинѣ, употребительны двѣ вспашки, такъ какъ почва равнины легкая. Лежащая подъ паромъ земля (этотъ періодъ носитъ названіе ἀγρανάπαυσις) получаетъ въ январѣ (χειμερινὴ ἄροτος Theophr.) первую вспашку въ продольномъ направленіи, послѣ чего земля получаетъ названіе ὄργωμα (=ὀργῶσα γῆ у Theophr. См. ниже). Въ мартѣ землю перепахиваютъ вновь, но поперечными бороздами, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Аттики (напр. въ дер. Ліопеси въ Месогеѣ) называется „перекрещиваніемъ“ (σταυρονεῖν). Земля, получившая вторую наиболѣе важную вспашку, представляетъ равную рыхлую хорошо перепаханную поверхность (διβόλιμα), становится годной для принятія посѣва и получаетъ названіе σπορά (=σπορευτὴ χώρα Theophr.). Приведенными свѣдѣніями изъ современнаго земледѣлія Аттики, о которомъ подробнѣе я надѣюсь сказать въ спеціальной статьѣ, я обязанъ демарху дер. Каливіи на элевсинской равнинѣ Νικολ. Παπαδημήτριος. Русскій крестьянинъ говоритъ: Озимь—не ярь, парь да парь, двои—соберешь труды свои. См. *Ермоловъ, А.* Всенародная агрономія, Петроградъ 1905, 214.

[4]) Poll. Onom. (ed. Bethe, Leipzig 1905) 70 s. v. πολῆσαι, ὅ ἐστι τὸ αὐτὸ τῷ ἀρόσαι [ὅθεν καὶ ἡ δὶς ἀροθεῖσα δίπολος] [καὶ ἡ τρὶς τρίπολος]. Hesych. s. v. δίπολοι· Αἴσχυλος (frgm. 205 p. 54 N.) διπλαῖ προπομποῖς. Второе составное слово πόλος прекрасно объясняется у Hesych. s. v. πολος[1]· ἡ εἰς κατασπορὰν μεταβεβλημένη γῆ. У Xen. O. 18, 8 πόλος употреблено въ смыслѣ глоссъ у Suid. s. v. πόλος и Hesych. πολος[2]. Глаголъ πολεῖν (Hes. O. 462), быть можетъ, скрываетъ въ себѣ оттѣнокъ спеціальнаго термина, обозначая вспашку спеціально передъ посѣвомъ, тогда какъ ἀρόω означало бы вспашку вообще и въ частности—первую.

[5]) Il. 18, 542; Hes. Theog. 961; Ср. Poll. l. c. Hesych. s, v. ὡραπολεῖν· κατὰ τὴν εἰθισμένην ὥραν ἑκάστου τοῦ ἔτους ἀναπολεῖν, ἀναπολεῖν δὲ λέγουσι τὸ τρὶς ἀροτριᾶν τὴν γῆν. *Ермоловъ, А.* o. c. 214.

одной изъ наиболѣе важныхъ, такъ какъ въ прежнее время эта вторая вспашка предшествовала непосредственному воспріятію посѣва, подчеркнулъ важность этого дѣйствія и въ своихъ религіозныхъ образахъ, создавъ Дипола и, быть можетъ, Диполіи.

Весенняя вспашка, помимо взрыхливанія земли, замѣняла необходимую для почвы бороньбу и преслѣдовала уничтоженіе выросшей за время зимняго пара травы, обращавшейся на удобреніе поля [1]).

Въ лѣтнее время паровая земля (θερινὴ νέανσις) [2]) получала, хотя, повидимому, и не всегда, лишь легкую обработку [3]), имѣвшую цѣлью разбить засохшіе комки [4]) и предоставить жаркимъ солнечнымъ лучамъ возможность проникнуть во влажныя борозды [5]).

Послѣ многочисленныхъ вспашекъ различной силы земля, оканчивавшая свой отдыхъ, становилась годной для того, чтобы „принять" (δέχεσθαι) [6]) посѣвъ, соотвѣтствовавшій ея силамъ.

Не задолго до ранняго захода Плеядъ [7]) паровая земля получала окончательную обработку передъ самымъ посѣвомъ [8]). Земледѣлецъ съ особымъ стараніемъ вспахивалъ, взрыхливая, свое поле и заботился о томъ, чтобы „гнать" (ἐλαύνειν) ровную борозду [9]), которой вскорѣ предстояло получить и спрятать зерно новаго посѣва. Пользуясь при вспашкахъ обычнымъ въ Греціи легкимъ плугомъ [10]), сохранив-

---

[1]) Theophr. c. p. 3, 20, 8. Бороны, какъ извѣстно, греки не знали; однако между двумя главными вспашками необходима очистка поля. См. *Krafft*, o. c. 124.

[2]) Theophr. c. p. 3, 20, 7. Hes. O. 462.

[3]) Cp. Theophr. c. p. 3, 20, 8. Xen. O. 16, 11 даетъ понять, что лѣтняя вспашка могла быть только вспомогательной. Εἰ οὖν ἀρχοίμεθα, ἔφη (Исхомахъ), ἀροῦν τὴν γῆν... τοῦ θέρους σοι δοκεῖ; Σκληρά, ἔφην ἐγώ, ἡ γῆ ἔσται κινεῖν τῷ ζεύγει.

[4]) Cp. Hes. O. 458.

[5]) Theophr. c. p. 3, 20, 7: ἡ δὲ κατεργασία ἐν τῷ νεᾶν κατ' ἀμφοτέρας τὰς ὥρας καὶ θέρους καὶ χειμῶνος, ὅπως χειμασθῇ καὶ ἡλιωθῇ ἡ γῆ.

[6]) Theophr. h. p. 8, 6, 2: ὁτὲ μὲν πλέον ὁτὲ δὲ ἔλαττον ἡ αὐτὴ χώρα δέχεται.

[7]) Theophr. c. p. 3, 23, 1.

[8]) Theohr. c. p. 3, 20, 8: ...καὶ πάλιν ὅταν μέλλωσι σπείρειν ὑπήροσαν ὡς δέον καθάπερ ἐλέχθη προκατεργάσασθαι καὶ περὶ τοῦτο μάλιστα σπουδάσαι. Xen. O. 16, 10: τῷ σπόρῳ νέον δεῖ ὑπεργάζεσθαι.

[9]) Hes. O. 443 считаетъ хорошаго пахаря того:

ὅς ἔργου μελετῶν ἰθεῖαν κ' αὖλακ' ἐλαύνοι,
μήκετι παπταίνων μεθ' ὁμήλικας.

Въ Пермской губерніи говорятъ про проведеніе борозды—„гоны гнать".

[10]) Cp. *Hahn*, Demeter und Baubo, Lübeck 1896. *Его же*, Die Entstehung der Pflugkultur, Heidelberg 1909. *Meyer*, Indogermanische Pfluggebräuche въ *Zeitschr. d. Ver. f. Volkskunde*, Berlin, 1904. Рисунокъ македонскаго плуга въ *Zeitschr. f. Ethno-*

шимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до настоящаго дня [1]), аѳинскій земледѣлецъ замѣчалъ, что иногда ему не удавалось достаточно равномѣрно взрыхлить все поле. Не имѣя въ своемъ распоряженіи бороны, земледѣлецъ прибѣгалъ при осенней вспашкѣ къ мотыкѣ, съ помощью которой достигалъ болѣе равномѣрнаго взрыхливанія [2]) своего небольшихъ размѣровъ посѣвнаго участка съ легкой землей [3]).

Осенняя, главная, вспашка заканчивала періодъ работъ по подготовкѣ земли къ посѣву и въ силу своего важнаго значенія переносила свое имя и на ближайшій циклъ работъ, почему и посѣвъ получилъ соотвѣтствующее названіе „вспашки" (ἄροτος) [4]), а весь начальный періодъ зимняго времени пріобрѣталъ имя „вспашки" или „посѣва" (σπορητός) [5]). Въ зависимости отъ этого и Піанепсіонъ, въ которомъ происходилъ посѣвъ, иногда назывался „посѣвнымъ мѣсяцемъ" (μὴν σπόριμος) [6]).

VI.

Непосредственно послѣ вспашки наступало время посѣва и земледѣлецъ, пользуясь опытомъ прежнихъ поколѣній и личными наблюденіями [7]), выжидалъ удобнаго дня для начала работъ. Зная ожив-

---

logie, 1906, 200. Терракоттовый плугъ VI в. до Р. Хр. найденный въ Танагрѣ, см. *B. C. H.* 17, табл. 1. См. также *Winter*, Die antiken Terracotten, 1, 36, 10. Знаменитое описаніе плуга у Hes. O. 432.

[1]) Въ мое путешествіе въ Грецію въ 1909 году я видѣлъ „гесіодовскіе" плуги на поляхъ около Мегаръ, въ Спартѣ и др. мѣстахъ. Ср. *Struck*, o. c. 91.

[2]) Theophr. c. p. 3, 20, 8: при осенней вспашкѣ τὴν ἀπὸ τῆς δικέλλης ἐργασίαν μᾶλλον ἐπαινοῦσιν, ἡ δ' ἀπὸ τοῦ ἀρότρου δοκεῖ πολλὰ παραλείπειν. Весьма характернымъ для исторіи аѳинскаго земледѣлія служитъ отмѣченное примѣненіе къ полевымъ работамъ мотыки, этого древнѣйшаго земледѣльческаго орудія, предшествовавшаго изобрѣтенію плуга. См. *Hahn*. o. c. Живую картинку примѣненія мотыки при обработкѣ хлѣбнаго поля рисуетъ Aristoph. Pax, 570: ὥστ' ἔγωγ' ἤδη 'πιθυμῶ καὐτὸς ἐλθεῖν εἰς ἀγρὸν | καὶ τριαινοῦν τῇ δικέλλῃ διὰ χρόνου τὸ γήδιον. Интересно, что въ 40 гг. XIX ст. на аѳинской равнинѣ крестьяне обрабатывали свои поля только съ помощью мотыки за неимѣніемъ воловъ. См. *Fiedler*, o. c.

[3]) При обработкѣ плотной и тучной почвы въ Греціи примѣнялась своего рода „глубокая вспашка" (т. наз. Tiefkultur), обычная въ настоящее время (См. *Krafft*, o. c. 116). Такъ, напримѣръ, ѳессалійцы, по словамъ Ѳеофраста (c. p. 3, 20, 8), пользовались особымъ тяжелымъ орудіемъ—μίσχος, которое μᾶλλον εἰς βάθος κατιὸν πλείω γῆν περιτρέπει καὶ κατωτέρωθεν.

[4]) Theophr. h. p. 8, 1, 2.

[5]) См. выше.

[6]) Plat. Lis. 69.

[7]) Xen. O. 17, 1: περί γε μέντοι τοῦ σπόρου ὥρας ἄλλο τι, ἔφη, ὦ Σώκρατες, γιγνώ-

ленную божественность явленій природы, аѳинскій земледѣлецъ съ тревогой смотрѣлъ на небо, ожидая отъ „бога“ посылки перваго мелкаго осенняго дождя, служившаго разрѣшительнымъ знакомъ для производства посѣва [1]).

Давно ожидаемый дождь выпадалъ обычно дней черезъ семь послѣ захода Плеядъ, и земледѣлецъ зналъ [2]), что открывался благопріятный для посѣва дождливый періодъ съ соизволенія бога. „Ранній“ посѣвъ (πρώϊμος σπόρος) [3]), попадавшій подъ покровительство божества считался по мнѣнію большинства наиболѣе „сильнымъ“ и къ нему прибѣгали почти всѣ земледѣльцы [4]). Дѣйствительно, зерно осенняго посѣва начинало свою новую жизнь въ условіяхъ весьма благопріятныхъ: попадая въ только что взрыхленныя борозды, оно сперва слегка обрызгивалось мелкимъ дождемъ, а затѣмъ вскорѣ подвергалось обильному смачиванію и могло продѣлать сложную работу укрѣпленія въ землѣ корнями и прорастанія [5]). Помимо отмѣченныхъ преимуществъ, осенній посѣвъ былъ весьма важенъ также и въ силу того, что представлялъ собою, за незнакомствомъ грековъ съ яровыми хлѣбами, единственный періодъ достаточной продолжительности для злаковъ, отличавшихся медленнымъ ростомъ [6]).

Поэтому осенній посѣвъ считался, по справедливости, главнымъ,

---

σκεις ἢ τὴν ὥραν σπείρειν, ἧς πάντες μὲν οἱ πρόσθεν ἄνθρωποι πεῖραν λαβόντες, πάντες δὲ οἱ νῦν λαμβάνοντες, ἐγνώκασι κράτιστην εἶναι.

[1]) Xen. O. 17, 2: ἐπειδὰν γὰρ ὁ μετοπωρινὸς χρόνος ἔλθῃ, πάντες που οἱ ἄνθρωποι πρὸς τὸν θεὸν ἀποβλέπουσιν, ὁ πότε βρέξας τὴν γῆν ἀφήσει αὐτοὺς σπείρειν... καὶ τὸ μὴ ἐν ξηρᾷ σπείρειν ἑκόντες εἶναι πάντες ἄνθρωποι, δηλονότι πολλαῖς ζημίαις παλαίσαντες οἱ πρὶν κελευσθῆναι ὑπὸ τοῦ θεοῦ σπείραντες.

[2]) Theophr. c. p. 3, 23, 1: σπείρειν δὲ κελεύουσιν οἱ μὲν πρὸ πλειάδος· ξηρὰν γὰρ ἄνικμόν τε οὖσαν διαφυλάττειν τὸ σπέρμα τὴν γῆν, οἱ δ' ἅμα πλειάσι δυομέναις ὥσπερ καὶ Κλείδημος· ἐπιγίνεσθαι γὰρ ὕδατα τὰ πολλὰ τῇ ἑβδόμῃ μετὰ τὴν δύσιν.

[3]) Cp. Hes. O. 490: πρωιηρότης. Theophr. h. p. 8, 1, 3: πρωΐσπορον. Xen. O. 17, 4: ... πολλοὶ ἤδη διαφέρονται... περὶ τοῦ σπόρου, πότερον ὁ πρώϊμος κράτιστος, ἢ ὁ μέσος, ἢ ὁ ὀψιμώτατος. Обычно признавалось два наиболѣе благопріятныхъ времени посѣва. См. слѣд. прим.

[4]) Theophr. h. p. 8, 1, 2: ὧραι δὲ τοῦ σπόρου τῶν πλείστων δύο· πρώτη μὲν καὶ μάλιστα ἡ περὶ πλειάδος δύσιν ᾗ καὶ Ἡσίοδος ἠκολούθηκε καὶ σχεδὸν οἱ πλεῖστοι, δι' ὃ καὶ καλοῦσί τινες αὐτὴν ἄροτον· ἄλλη δ' ἀρχομένου τοῦ ἦρος μετὰ τὰς τροπὰς τοῦ χειμῶνος. Cp. Theophr. c. p. 3, 23, 1.

[5]) См. ниже.

[6]) Весною греки сѣяли въ случаѣ запозданія особый родъ скороспѣлой пшеницы и ячменя, созрѣвавшихъ въ три мѣсяца, почему они и получали названіе „трехмѣсячной“ (τρίμηνον). См. Theophr. h. p. 8, 1, 3. Но этотъ посѣвъ, разумѣется, никоимъ образомъ нельзя считать за обычный яровой.

и понятно, что въ это время сѣяли большинство „сильныхъ“ злаковъ, любившихъ раннее осеннее время [1]) и обладавшихъ достаточной силой, чтобы перенести холодное время [2]). Въ осенній посѣвъ сѣяли раньше другихъ ячмень, затѣмъ пшеницу и различные виды полбы [3]). Въ это же время сѣяли и нѣкоторые бобовые злаки, о чемъ я скажу ниже.

Въ противоположность осеннему посѣву, весенній въ значительной степени носилъ характеръ вспомогательнаго дѣйствія по отношенію къ хлѣбнымъ злакамъ, являясь въ то же время болѣе пригоднымъ для бобовыхъ. Весна, имѣвшая, какъ приходилось говорить выше, много сходныхъ чертъ съ осенней погодой, позволяла земледѣльцамъ, запоздавшимъ по какимъ-либо причинамъ съ осеннимъ посѣвомъ, произвести его весною [4]). При этомъ изъ хлѣбныхъ злаковъ сѣять можно было лишь скороспѣлые сорта пшеницы и ячменя, поспѣвавшихъ въ три мѣсяца [5]). Однако, на аѳинской равнинѣ, при весеннемъ посѣвѣ врядъ ли можно было говорить о томъ, что онъ сравнивался съ осеннимъ [6])—мнѣніе Гесіода подходило, и то не совсѣмъ, лишь къ тучной почвѣ Беотіи или, еще лучше, Ѳессаліи. Весною же сѣяли нѣкоторые изъ бобовыхъ злаковъ [7]). При этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ могли сѣяться и въ поздній и въ ранній посѣвъ по желанію [8]). Что касается до лѣтняго посѣва, то на аѳинской равнинѣ онъ, можно думать, совершенно не примѣнялся, такъ какъ въ это время производились посѣвы такихъ злаковъ, которые могли рости лишь на тучной и хорошо сохранявшей влагу почвѣ [9]). Такимъ образомъ, для аѳинскаго земледѣльческаго хозяйства главнымъ посѣвомъ оказывался, какъ мы видимъ, тотъ, который совершался осенью [10]).

---

[1]) Theophr. h. p. 8, 1, 2: τὰ μὲν γὰρ αὐτῶν (т. е. злаковъ) φιλεῖ πρωϊσπορεῖσθαι.

[2]) Theophr. h. p. 8, 1, 4: ἁπλῶς δὲ πρωϊσποροῦσι τὰ μὲν δι' ἰσχὺν ὡς δυνάμενα φέρειν τοὺς χειμῶνας, τὰ δὲ δι' ἀσθένειαν ὅπως προλάβωσι ταῖς εὐδίαις τὴν αὔξησιν.

[3]) См. ниже, таблицу на стр. 255.

[4]) Hes. O. 485. Theophr. h. p. 8, 1, 4.

[5]) Theophr. h. p. 8, 1, 4.

[6]) Hes. O. 490: οὕτω κ'ὀψαρότης πρωιηρότῃ ἰσοφαρίζοι.

[7]) Theophr. h. p. 8, 1, 3.

[8]) Ibid.

[9]) Ibid., 4: κέγχρος, μέλινος, σήσαμον, ἐρύσιμον, ὅρμινον.

[10]) Посѣвы различныхъ злаковъ по Ѳеофрасту (h. p. 8, 1 — 5) распредѣлялись слѣдующимъ образомъ (жирнымъ шрифтомъ отмѣчены злаки, сѣявшіеся на аѳинской равнинѣ). См. стр. 255.

Посѣвы хлѣбныхъ и бобовыхъ злаковъ по Ѳеофрасту (h. p. 8, 1, 1—5).

	Σῖτος.	Χεδροπά.
Πρωΐσπορα.	πυρός—пшеница (triticum vulgare Villars). κριθή—ячмень (hordeum hexasticum L.). ζειά—полба (triticum spelta L.). ὀλύρα—полуполба (triticum dicoccum L.). τίφη—однозернянка (triticum monococcum L.).	κύαμος—бобъ (Vicia faba L.). ὤχρος—родъ чечевицы (ervilia?) (Ervum L.) или гороха (Lathyrus cicero L.). θέρμος—лупинъ (Lupinus).
Ὀψίσπορα.	πυρός } τρίμηνα. κριθή } τρίμηνα.	φακός—чечевица (Ervum lens L.). ἀφάκη—горохъ гусиный (?) (Vicia cracca). πισός—посѣвный горохъ (Pisum sativum).
Σπόρος τῶν θερινῶν.	κέγχρος—метельчатое просо (Panicum miliaceum L.). μέλινος—могаръ или итальян. просо (Panicum italicum L.). σήσαμον—сезамъ.	ἐρύσιμον. ὅρμινον—родъ шалфея (Salvia officinalis).
Σπόρος ἐν ἀμφοτέραις ταῖς ὥραις.		ὄροβος—вика (Ervum Ervilia L.). ἐρέβινθος—полевой горохъ (Cicer arietinum). κύαμος (ἐὰν ὑστηρήσωσι τῶν πρώτων ἀρότων).

О важномъ мѣстѣ Ѳеофраста (h. p. 7, 1, 1) о „посѣвѣ“ въ садахъ см. ниже.

Осенью же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ аѳинской равнины происходили на полѣ посѣвы бобовыхъ злаковъ (τὰ χεδροπά) [1]).

Ѳеофрастъ, относившій бобовые къ особой разновидности злаковъ, обычно упоминалъ о нихъ наряду съ хлѣбными злаками и при этомъ выдѣлялъ ихъ изъ числа тѣхъ растеній, которыя „сѣялись" въ садахъ (τὰ κηπευόμενα) [2]). Недостатокъ данныхъ препятствуетъ, къ сожалѣнію, представить ясную картину посѣвовъ бобовыхъ злаковъ въ своеобразныхъ почвенныхъ условіяхъ аѳинской равнины. Нѣкоторый, правда, слабый свѣтъ проливаетъ на этотъ вопросъ одна слишкомъ краткая аттическая надпись, содержащая условія аренды земли. По этимъ условіямъ нанимателю вмѣнялось въ обязанность засѣять пшеницей (σῖτος) лишь половину арендуемаго участка, а оставшуюся необработанной засѣять въ какой пожелаетъ части бобовыми злаками [3]).

Такимъ образомъ изъ приведенной аттической надписи опредѣленно выступаетъ фактъ засѣиванія части поля бобовыми злаками, и получаютъ силу слова Ѳеофраста, умалчивающаго о бобовыхъ въ садахъ именно въ силу того, что они разводились на полѣ, а не на грядкахъ [4]). Однако, положеніе, вскрываемое аттической надписью, требуетъ закрѣпленія въ условіяхъ дѣйствительной жизни аѳинской равнины. Сухая и легкая ея почва не позволяла производить въ любомъ мѣстѣ посѣвовъ бобовыхъ злаковъ, требовавшихъ плотной, тучной и влажной почвы [5]). Равнымъ образомъ на аѳинской равнинѣ никогда, не могли быть заняты бобовыми посѣвами большіе участки,

---

[1]) Theophr. passim.

[2]) Theophr. h. p. 7, 1, 1; 2, 2; 5, 6, c. p. 4, 6, 7. Разборъ этихъ мѣстъ см. ниже.

[3]) I. G. II 600, v. 23 — 24: σ(π)ερεῖ δὲ τῆς γῆς σίτῳ τ(ῆ)ν ἡμίσειαν, τῆς δὲ ἀργοῦ ὀσπρεύσει ὁπό(ση)ν ἂν βούλεται.

[4]) Необходимо при чтеніи приведенной надписи видѣть въ ней только то, что она говоритъ, и не дѣлать изъ нея выводовъ о существованіи въ аѳинскомъ хозяйствѣ пароваиія земли при смѣнѣ одной культуры растеній другой. Выраженіе ἀργὸς γῆ можетъ быть понято только какъ свободная отъ обработки въ данное время. Это земля не засѣянная и не лежащая подъ паромъ. Какъ извѣстно, паровую землю въ античной Греціи не рекомендовалось засѣивать бобовыми, такъ какъ они, по неправильному мнѣнію грековъ, будто бы загрязняли почву. Theophr. c. p. 3, 20, 7: для того, чтобы паровая земля была чистой κελεύουσιν οὐδὲ τὰ χεδροπὰ συμβάλλειν εἰς τὰς νέας ἐὰν μή τι σφόδρα προϊὼν ὅπως μὴ κωλύσωσι τὴν θερινὴν νέανσιν.

[5]) Theophr. h. p. 8. 7, 2 горохъ ὅλως δὲ οὐδὲ ἡ τυχοῦσα δύναται φέρειν αὐτὸν ἀλλὰ μελάγγειόν τινα δεῖ καὶ πίειραν εἶναι.

какъ, напримѣръ, въ Беотіи, гдѣ до сихъ поръ аонійская равнина подъ Ѳивами въ значительной части занята бобовыми посѣвами [1]).

На аѳинской равнинѣ нести бобовые посѣвы могла лишь почва вдоль Кефисса, образовавшаяся, какъ мы видѣли, изъ плодородныхъ аллювіальныхъ наносовъ, достаточно тучная и сильная для глубокихъ корней бобовыхъ злаковъ и постоянно получавшая влагу отъ „быстрородящей" рѣки. Весьма вѣроятно, что именно здѣсь и происходили съиздавна посѣвы бобовыхъ злаковъ, принадлежавшихъ, какъ мы видѣли, къ древнѣйшимъ растеніямъ автохтонной аѳинской флоры. За пригодность отмѣченныхъ пространствъ для бобовыхъ посѣвовъ говоритъ весьма яркое косвенное доказательство.

Религіозная мысль земледѣльца, привыкшаго жить въ неразрывномъ единеніи съ условіями окружавшей природы и находившагося въ условіяхъ дѣйствительнаго быта, съ полной закономѣрностью закрѣпляла важныя данныя его жизни. Аѳиняне вплоть до поздняго времени путешествія Павсанія по Аттикѣ хорошо знали, что на берегу Кефисса при „Священной дорогѣ", перейдя мостъ черезъ рѣку, находилась часовенка Бобовика (Κυαμίτης), героя, который, быть можетъ, здѣсь впервые посѣялъ бобы [2]) и который, конечно, жилъ здѣсь постоянно потому, что окружавшая мѣстность была удобна для произростанія его злаковъ. И въ настоящее время, если бы боги античной Греціи были въ живыхъ, то Бобовику можно было бы жить на аѳинской равнинѣ только на старомъ мѣстѣ. Почва здѣсь веселаго красноватаго цвѣта, въ противоположность обычной бѣлесоватой землѣ равнины, достаточно тяжелая и влажная. И въ настоящее время, не доходя перваго моста черезъ Кефиссъ, можно видѣть справа обширные огороды, заполненные излюбленными и теперь, какъ въ древности, бобами (vicia faba L.), которые растутъ здѣсь лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ по Кефиссу, напримѣръ, около Колокиту [3]).

При осеннемъ посѣвѣ прежде всего сѣяли ячмень [4]) непосред-

---

[1]) Въ этихъ мѣстахъ я видѣлъ посѣвы бобовъ, чечевицы и гороха въ 1909 году.

[2]) Paus. 1, 37, 4: ὠκοδόμηται δὲ καὶ κατὰ τὴν ὁδὸν ναὸς οὐ μέγας καλούμενος Κυαμίτου· σαφὲς δὲ οὐδὲν ἔχω λέγειν εἴτε πρώτους κυάμους ἔσπειρεν οὗτος, εἴτε τίνα ἐπεφήμισαν ἥρωα κτλ.

[3]) Въ этихъ огородахъ иногда растутъ теперь также артишоки, требующіе, какъ и бобы, тучной и хорошо орошаемой почвы. Вообще же вся эта мѣстность покрыта садами и огородами.

[4]) Theophr. h. p. 8, 1, 3: πρωΐσπορα μὲν οὖν ἐστι πυρός, κριθή. καὶ τούτων ἡ κριθὴ πρωΐσπορώτερον. *Wiskemann*, Antike Landwirtschaft, Leipzig 1854, 11 напрасно ду-

ственно послѣ вспашки съ тѣмъ расчетомъ, чтобы зерно попадало въ сухія взрыхленныя борозды, лишь слегка смоченныя мелкимъ первымъ осеннимъ дождемъ, такъ какъ ячмень любилъ сухую почву. Недѣли двѣ спустя, когда земля уже была сильно смочена, сѣяли пшеницу, требовавшую влажной почвы, согласно приведенной выше пословицѣ: „сади ячмень въ пыли, а пшеницу въ грязи“ [1]).

Посѣвъ производился сѣятелемъ, шедшимъ за плугомъ [2]); доставая зерно изъ сумки [3]), сѣятель старался мѣрнымъ движеніемъ руки „бросать“ (ῥίπτειν) его ровно по полю [4]), избѣгая бросать въ одну борозду одно зерно на другое (ἐπισπορίη) [5]) и заботясь о томъ, чтобы зерно не коснулось роговъ плужнаго быка [6]). За плугомъ шелъ мальчикъ-рабъ (ἐπισκαφεύς) съ мотыкой, при помощи которой онъ сравнивалъ борозды, прикрывая зерно землей для лучшаго произростанія и пряча его отъ птицъ [7]), которыя обычно слетаются оживленной стаей на свѣже-вспаханное и засѣянное поле [8]).

Для посѣва обычно употреблялось зерно, лежавшее не болѣе года, такъ какъ оно тогда сохраняло въ себѣ живую силу и колосъ былъ богатъ зерномъ [9]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ зерно обрызгивалось теплой водой или молокомъ съ цѣлью придать зерну силы для ско-

---

малъ, что Attika... nur notgedrungen die Halmfrüchte vorzüglich des Stroh's wegen anbaut—конечно, ячмень въ античности воздѣлывался для зерна, и недаромъ Аттика считалась лучшей производительницей этого важнаго для питанія злака.

[1]) См. выше.

[2]) Hes. O. 443.

[3]) Plut. Glor. Ath. 348 A приводитъ слова Коринны: τῇ χειρὶ δεῖ σπείρειν, ἀλλὰ μὴ ὅλῳ τῷ θυλάκῳ.

[4]) Xen. O. 17, 7: ἐν τῷ ῥίπτειν τὸ σπέρμα ποικίλη τέχνη ἔνεστι... ἐκ τῆς χειρὸς δεῖ ῥίπτεσθαι τὸ σπέρμα. Ῥίπτειν δέ γε... οἱ μὲν ὁμαλῶς δύνανται, οἱ δὲ οὔ.

[5]) Ср. Hes. O. 445... τοῦ (т. е. 40-лѣтняго пахаря) δ' οὔτε νεώτερος ἄλλος ἀμείνων | σπέρματα δάσσασθαι καὶ ἐπισπορίην ἀλέασθαι. Ἐπισπορίην слово извѣстное только въ данномъ мѣстѣ; обычно употреблялось слово ἐπισπορά. Poll. 1, 223: ἐπισπορία· ὅταν τις εἰς αὐτὸ σπέρμα ἕτερον ἐπεμβάλῃ.

[6]) Poll. 70, s. v. κερασβόλα σπέρματα.

[7]) Hes. O. 469:

... ὁ δὲ τυτθὸς ὄπισθεν
δμῷος ἔχων μακέλην πόνον ὀρνίθεσσι τιθείη
σπέρμα κατακρύπτων.

Ср. *Krafft*, o. c. Geop. 2, 24, 1.

[8]) Hes. l. c. Ср. Theophr. 10, 31:... διώκει | ἁ γέρανος τὤροτρον.

[9]) Theophr. Равнымъ образомъ и въ настоящее время лучшимъ зерномъ для посѣва считается годичное. *Krafft*, o. c. 207.

рѣйшаго проростанія [1]) и предохранить его отъ потери соковъ. Земля, принимая зерно въ свои плодородныя борозды, хранила его, заботилась, какъ мать о ребенкѣ, и позволяла ячменю созрѣть на 8-й мѣсяцъ, а пшеницѣ нѣсколько позднѣе [2]). Совершивъ посѣвъ согласно земледѣльческимъ традиціямъ и въ тѣсномъ единеніи съ божествами, покровителями хлѣбнаго поля, аѳинянинъ съ волненіемъ жилъ ближайшія недѣли.

Ячменное зерно, а еще больше пшеничное, требовало много влаги, но выпадавшей въ соразмѣрномъ количествѣ [3]). Если дожди послѣ посѣва долго не выпадали, то молодое зерно засыхало въ землѣ, а если, наоборотъ, они устремлялись на землю неудержимыми потоками, то вода размывала борозды, обнажала зерно и, придавая ему излишнюю влагу, заставляла соки зерна выступить молочнаго вида жидкостью [4]). Одинаково опасно было и то, если наступавшая дождливая погода внезапно прекращалась и земля, оставаясь наполовину смоченной, подвергалась дѣйствію солнечныхъ лучей [5]). Она становилась прѣлой и легко могла подвергнуть посѣвы гніенію [6]).

Если природа благопріятствовала земледѣльцу, то хлѣбное поле получало обильный послѣпосѣвный дождь (ἐπομβρία), который своевременнымъ наступленіемъ хорошо промачивалъ землю и, не заливая посѣвовъ, давалъ имъ возможность благополучно развиваться [7]).

---

[1]) Plin. 18, 32 передаетъ этотъ обычай, какъ греческій. Въ настоящее время иногда рекомендуется смачивать за день передъ посѣвомъ зерно въ водѣ, чтобы ускорить проростаніе его въ землѣ. См. *Krafft*, o. c. 230.

[2]) Theophr. h. p. 8, 2, 7: περὶ δὲ τὴν Ἑλλάδα κριθαὶ μὲν τῷ ἑβδόμῳ, παρὰ δὲ τοῖς πλείστοις ὀγδόῳ, πυροὶ δὲ ἔτι προσεπιλαμβάνουσιν.

[3]) Theophr. h. p. 8, 6, 4.

[4]) Theophr. c. 3, 23, 1: ἡ μὲν γὰρ ὑγρὰ καὶ πηλώδης διαχεῖ καὶ ἐκγαλακτοῖ (scil. τὰ σπέρματα).

[5]) Theophr. l. c.: надо избѣгать ὅπως μήτ' ἐμβληθῇ πηλῷ μήθ' [εἰς] ἡμιβρεχῆ καὶ ἡμίειλον ἣν δὴ καλοῦσί τινες ἀμφίεργον. Theophr. h. p. 8, 6, 1: χείριστος σπόρος ἐν ταῖς ἡμιβρόχοις· ἀπόλλυται γὰρ καὶ ἐκγαλακτοῦται τὰ σπέρματα καὶ ἅμα ξυμβαίνει πόαν ἀναφύεσθαι πολλήν.

[6]) Theophr. c. p. 3, 23, 1:... ἡ δὲ ἡμιβρεχὴς κατασήπει.

[7]) Theophr. c. p. 3, 1, 5; 4. 11, 3; 6, 8, 6; 8, 6, 4; 9, 2, 5 и c. p. 2, 1, 5; 3, 11, 4; 3, 20, 1; 4, 4, 7; 3, 11, 5—даетъ ἐπομβρία въ качествѣ земледѣльческаго термина для сильнаго послѣпосѣвнаго дождя. Ср. Aristoph. Nub. 1117—хоръ облаковъ говоритъ:

πρῶτα μὲν γάρ, ἢν νεᾶν βοόλησθ' ἐν ὥρα τοὺς ἀγροὺς,
ὕσομεν πρώτοισιν ὑμῖν, τοῖσι δ' ἄλλοις ὕστερον.
εἶτα τὸν καρπόν τε καὶ ἀμπέλους φυλάξομεν,
ὥστε μήτ' αὐχμὸν πιέζειν μήτ' ἄγαν ἐπομβρίαν.

Ячменное зерно спокойно прозябало и вскорѣ проростало (διαβλαστάνειν) [1]) и пускало многочисленные тонкіе, но не глубокіе корни (ῥιζοῦσθαι) [2]), при помощи которыхъ оно „прилаживалось“ къ почвѣ [3]). Недѣли три спустя, приблизительно около 16-го ноября ст. ст. [4]), зерно заканчивало начальную работу укрѣпленія корнями и проростанія и въ первый разъ выбивалось (ἔκφυσις) на поверхность земли низенькой радостно-зеленой травкой [5]). Поля получали зеленоватый оттѣнокъ и земледѣлецъ радовался, видя первое проявленіе жизни своихъ посѣвовъ. Дожди, частые въ это время года, помогали стеблиться всходамъ, и земледѣлецъ обращался къ милости божествъ, завѣдовавшихъ жизнью зеленей [6]).

VII.

Къ концу зимняго періода, продолжавшагося до зимняго солнцеворота, хлѣбные всходы, проводившіе зиму „въ зелени“ [7]), пріобрѣтали уже значительную силу. Къ Гамеліону хлѣбъ достигалъ уже 3—4 вершковъ высоты, и поля пріобрѣтали матовый зеленый оттѣнокъ [8]). Подраставшіе посѣвы получали отъ земледѣльца различную помощь. Въ зимнее дождливое время случалось, что нѣкоторые всходы были прикрыты нанесенной грязью, другіе обнажали свои корни. Земледѣлецъ очищалъ свои всходы, прикрывалъ корни землей (σκάλλειν) [9]). Кромѣ того, въ теченіе зимняго періода выростало много сорной травы; не принося никакой пользы, она, „какъ трутень“, пользо-

---

1) Theophr. passim. Cp. c. p. 5, 13, 3. 3, 20, 6; 4, 13, 1: διαβλαστάνειν, ἔκφυσις, βλάστησις.

2) Cp. Xen. O. 19, 9. Theophr. h. p. 8, 2, 3: ὁ πυρὸς καὶ ἡ κριθὴ καὶ τὰ ἄλλα τὰ σιτώδη πολόρριζα καὶ λεπτόρριζα δι' ὃ καὶ ταρώδη.

3) Зерно—συνάπτει τὴν ῥίζαν τῇ γῇ, см. Theophr. h. p. 8, 11, 8. Cp. h. p. 3, 18 7; 4, 8, 6; 7, 10, 3 и passim.

4) *Mommsen A.*, Zur Kunde des griechischen Klimas, Schleswig 1870, 13. Статья эта вышла тамъ же отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: Mittelzeiten. Ein Beitrag zur Kunde des griechischen Klimas. Въ дальнѣйшемъ я буду цитировать указанную работу подъ буквой—М.

5) Theophr. h. p. 8, 1, 5 и passim.

6) Въ это время начинала проявлять свою дѣятельность Δήμητηρ Χλόη.

7) Theophr. h. p. 8, 2, 4: τὸν μὲν οὖν χειμῶνα ἐν τῇ χλόῃ μένει τὰ σιτώδη. Это то время, когда хлѣбъ можетъ χλοηφορεῖν (Theophr. h. p. 8, 6, 5).

8) М. 14 отмѣтилъ такой ростъ ячменя 22-го января 1870 г. О цвѣтѣ М. 2.

9) Theophr. c. p. 3, 20, 9. О σκάλσις онъ говоритъ въ c. p. 3, 20, 6; 4, 13, 3. Xen. O. 17, 12—14.

валась землею, лишая питанія посѣвъ и грозила его задушить [1]). Земледѣлецъ долженъ былъ своевременно ее вырвать (ποασμός) [2]) и наблюдать, чтобы она вновь не выростала.

Постепенно зеленые всходы подымались все выше и къ послѣднему періоду зимы (такъ наз. φυταλιά), когда природа озарялась своей первой блестящей улыбкой [3]), выгоняли до середины стволъ (καυλὸν ἀφεῖναι) и начинали образовывать узловатыя колѣна (γονατοῦσθαι) [4]) и первую опухлость будущаго колоса [5]). Къ этому времени стебель къ прежнимъ тонкимъ корнямъ присоединялъ свои тонкіе побѣги [6]), и многочисленные корни причудливыхъ и разнообразныхъ развѣтвленій [7]), сплетаясь вмѣстѣ, вызывали въ образномъ мышленіи аѳинянина представленіе клубка переплетающихся змѣй [8]).

Съ половины февраля выливаніе посѣва (ἀπόχυσις) въ колосъ [9]) шло быстрѣе, и въ жизни колоса наступало важное время его „беременности“ (κύησις) [10]), пользуясь аниматическимъ образомъ земледѣльческаго языка [11]).

Незамѣтная опухлость въ хлѣбномъ злакѣ, о которой я упоминалъ выше, продолжала увеличиваться, подготовляя рожденіе колоса [12]). Однако, онъ становился видимымъ не раньше, чѣмъ полу-

---

[1]) Xen. O. 17, 14.

[2]) Theophr. h. p. 3, 20, 6. Иногда употреблялось слово βοτανίζειν (Theophr. c. p. 3, 20, 9). Hesych. s. v. ποάστριαι.

[3]) Theophr. 8, 2, 4 употребляетъ выраженіе διαγελώσης δὲ τῆς ὥρας, которое можетъ быть отнесено только къ началу періода φυταλιά (1/2 февраля ст. ст.), такъ какъ ранней весною хлѣбъ уже цвѣтетъ.

[4]) Theophr. 8, 2, 4: διαγελώσης δὲ τῆς ὥρας καυλὸν ἀφίησιν ἐκ τοῦ μέσου καὶ γονατοῦται.

[5]) Theophr. l. c.: συμβαίνει δ' εὐθὺς ἐν τῷ τρίτῳ γόνατι τοῖς δὲ ἐν τῷ τετάρτῳ καὶ τὸν στάχυν ἔχειν ἀλλ' οὐ φανερὸν ἐν τῷ ὄγκῳ.

[6]) Наглядный рисунокъ образованія корней у восьминедѣльнаго зерна ячменя приводитъ *Krafft*, o. c. 233.

[7]) Весьма интересный снимокъ спутанныхъ и переплетающихся змѣями корней ячменя приводитъ *Ротмистровъ*, Одесское опытное поле, табл. при стр. 40 съ рис. 2 въ журналѣ: *Записки И. О. сельскаго хозяйства*, Одесса 1914, № 1—2.

[8]) Ср. Aristot. de a. h. 540a 33—b 5: τὰ δ' ἄποδα καὶ μακρὰ τῶν ζῴων, οἷον ὄφεις τε καὶ σμύραιναι, περιπλεκόμεναι τοῖς ὑπτίοις πρὸς τὰ ὕπτια. οὕτω δὲ σφόδρα οἵ γ' ὄφεις περιελίττονται ἀλλήλοις, ὥστε δοκεῖν ἑνὸς ὄφεως διικεφάλου τὸ σῶμα εἶναι πᾶν.

[9]) Theophr. h. p. 8, 10, 4: ἀπόχυσις; h. p. 8, 2, 5—ἀποχυθείς.

[10]) Theophr. h. p. 8, 2, 4: цитата приведена ниже.

[11]) Theophr. См. index s. v. κυεῖν, κύημα, κύησις, κυΐσκεσθαι.

[12]) Ср. Schol. Thuc. 4, 1: σίτου ἐκβολήν· τὴν τῶν σταχύων ἐκ τῶν καλύκων γένεσιν.

чалъ достаточный ростъ въ „чашечкѣ“ и затѣмъ только выходилъ наружу [1]). Посѣвъ, такимъ образомъ, начиналъ колоситься (καλαμοῦσθαι) [2]). Вскорѣ онъ стоялъ уже „ощетинившись“ [3]) и отливалъ пріятнымъ фіолетовымъ цвѣтомъ, вызывая воспоминанія о Деметрѣ [4]).

Молодое ячменное поле вызывало въ земледѣльцѣ множество образовъ. Иногда ячмень своими усиками вызывалъ представленіе рогатаго быка [5]), подчасъ въ его колоскѣ замѣчалось сходство съ заплетенной косой дѣвушки [6]), а иногда и самого земледѣльца греки называли „колосомъ во плоти“ (σαρκήρης στάχυς) [7]).

VIII.

Ко времени рожденія колоса наступало время весны и непосредственно за появленіемъ на свѣтъ молодого колоса наступало критическое въ жизни хлѣбныхъ всходовъ время цвѣтенія (ἄνθησις) [8]), продолжавшееся четыре-пять дней [9]). Въ самомъ началѣ апрѣля цвѣлъ ячмень, въ серединѣ мѣсяца—пшеница [10]).

Короткій періодъ цвѣтенія хлѣбовъ, отъ котораго зависѣло плодородіе посѣва, могъ легко оказаться губительнымъ для земледѣльца. Неожиданно разразившійся дождь [11]) или внезапно наступившій холодъ [12]) въ одно мгновеніе могли уничтожить нѣжные хлѣбные цвѣточки и погубить всѣ труды земледѣльца. И подобная опасность лежала близко, такъ какъ въ апрѣлѣ на аѳинской равнинѣ выпадаетъ

---

1) Theophr. h. p. 8, 2, 4: οὐ πρότερον φανερὸς γίνεται (колосъ) πρὶν ἂν προαυξηθεὶς ἐν τῇ κάλυκι γένηται, τότε δὲ ἡ κύησις φανερὰ διὰ τὸν ὄγκον.

2) Theophr. l. c.

3) Il. 23, 599: ...φρίσσουσιν ἄρουραι.

4) Pind. O. 6, 93.

5) Hesych. s. v. Ταῦρος· ταύρειος, ὁ Ποσειδῶν. Φανόδημος δὲ τὰς κριθὰς προσαγορεύεσθαι ταῦρον ὅτι κέρας ἔχουσιν κτλ.

6) См. мою статью „Колосья волосъ“.

7) Hesych. s. v. σαρκήρη στάχυν· τῶν ἐκ σαρκῶν συνηρμοσμένον, καὶ οὐκ ἐκ κριθῶν συνεστῶτα, οἷον ἄνθρωπον.

8) Theophr. напр. c. p. 4, 10, 1; h. p. 6, 8, 2; 8, 2, 5; 8, 3, 3; 3, 4, 2. Cp. Index. s. v. ἀνθεῖν.

9) Theophr. h. p. 8, 2, 5: ἀποχυθεὶς δ'εὐθὺς ἀνθεῖ μεθ' ἡμέρας τέτταρας ἢ πέντε καὶ πυρὸς καὶ κριθὴ καὶ ἀνθεῖ σχεδὸν τὰς ἴσας οἱ δὲ τὰς πλείστας λέγοντες ἐν ταῖς ἑπτά φασιν ἀπανθεῖν.

10) М. отмѣтилъ, что ячмень цвѣтетъ около 4-го апрѣля, а пшеница около 18-го.

11) Theophr. h. p. 8, 6, 5: дожди ἀνθοῦσι τοῖς πυροῖς μὲν καὶ κριθαῖς καὶ τοῖς σιτώδεσι βλαβερὸν· ἀπόλλυσι γάρ.

12) Cp. Theophr. c. p. 2, 1, 6.

въ среднемъ дождей обычно больше, чѣмъ въ октябрѣ или ноябрѣ [1]), когда ихъ присутствіе необходимо. Поэтому періодъ цвѣтенія хлѣбовъ увеличивалъ земледѣльческія тревоги аѳинянина, особенно, если онъ припоминалъ, что позднею осенью стояла непривычно хорошая погода—признакъ холодной весны [2]).

Когда посѣвъ благополучно отцвѣталъ (ἀπάνθησις) [3]), въ его жизни наступалъ новый важный сорокадневный періодъ созрѣванія [4]) (ἄδρυνσις) [5]), въ теченіе котораго зерно пріобрѣтало необходимый вѣсъ и питательность. Въ Аѳинахъ время созрѣванія наступало ранѣе, чѣмъ въ другихъ приморскихъ областяхъ [6]), и оно заканчивало первый періодъ возмужалости хлѣбнаго колоса (ἀκμὴ τοῦ σίτου) [7]). Послѣ первой зрѣлости хлѣбъ долженъ былъ пробыть еще нѣсколько недѣль въ колосу подъ горячими майскими лучами солнца [8]), которые наливали зерно живительными соками и золотили посѣвъ [9]). Подъ благотворнымъ дѣйствіемъ жаркаго солнца посѣвъ достигалъ своей полной возмужалости (τελείωσις) [10]) и дозрѣвалъ въ золотомъ убранствѣ, ожидая скорой своей смерти.

---

[1]) *Aeginitis*, o. c. 2, 354 приводитъ среднее число дождливыхъ дней на аѳинской равнинѣ по мѣсяцамъ: октябрь—4, ноябрь—9, декабрь—12, январь—13, февраль—13, мартъ—11, апрѣль—11.

[2]) Theophr. fign. 6, 3, 44: ἐὰν τὸ μετόπωρον εὐδιεινὸν παρὰ τὸ εἰκὸς γένηται, τὸ ἔαρ γίνεται ψυχρὸν ὡς τὰ πολλά. Cp. ibid., § 56.

[3]) Theophr. h. p. 8, 2, 5; 7, 7, 4; c. p. 2, 2, 1. ἀπανθεῖν—passim.

[4]) Theophr. h. p. 8, 2, 6: μετὰ δὲ τὴν ἀπάνθησιν ἁδρύνονται καὶ τελειοῦνται πυρὸς μὲν καὶ κριθὴ τετταρακοσταῖα μάλιστα.

[5]) Theophr. c. p. 2, 12, 1. ἁδρύνειν passim.

[6]) Theophr. h. p. 8, 2, 10: προτερεῖ γὰρ ταῖς ὥραις τὰ Ἀθήνησι τῶν περὶ Ἑλλήσποντον ἡμέραις τριάκοντα μάλιστα ἢ οὐ πολλῷ πλείοσιν κτλ.

[7]) Cp. Thuc. 3, 1: ἀκμάζοντος τοῦ σίτου. *Vömel*, de quo anni tempore in Attica ἀκμάζοντος τοῦ σίτου dicatur, Francfurti 1876, 10—совершенно справедливо принимаетъ мнѣніе Петавія, отмѣтившаго два періода ἀκμὴ τοῦ σίτου въ передачахъ древнихъ. Подъ 1-й ἀκμή подразумѣвалось, повидимому, время полнаго образованія колоса и зерна, но еще молодого (o. c. 7). Вторая возмужалость хлѣба опредѣляется окончательнымъ созрѣваніемъ зерна и готовностью его къ молотьбѣ. Такъ же и въ современномъ хозяйствѣ различаютъ двѣ „зрѣлости“ ячменя. Ср. *Krafft*, o. c. 2, 35 (erste Reife).

[8]) *Aeginitis*, o. c. 2, 354 отмѣчаетъ среднюю и максимальную температуру на аѳинской равнинѣ: въ январѣ: 10,5—13,6; мартѣ: 9,4—13,2; апрѣлѣ: 11,9—15,8; маѣ: 15,3—20.

[9]) Cp. Geop. 2, 25, 1: ξανθίζειν; 2, 16, 1: χρυσίζοντα про посѣвъ.

[10]) Cp. Theophr. c. p. 1, 10,6 и passim.

IX.

Около середины мая оканчивали свой путь Плеяды, зашедшія осенью передъ посѣвомъ, и своимъ раннимъ появленіемъ на небѣ открывали жаркую и сухую половину земледѣльческаго года (θέρος).

Обычно съ появленіемъ Плеядъ начиналась страдная пора по уборкѣ хлѣба, и земледѣлецъ, подготовляясь къ ней, съ безпокойствомъ посматривалъ на Гиметтъ, ожидая получить отъ него ясный знакъ къ началу благопріятныхъ работъ [1]).

Въ серединѣ мая аѳинскій земледѣлецъ начиналъ жатву ячменя, стараясь снять его, пока онъ не перезрѣлъ [2]), а около 25-го мая ст. ст. приступалъ къ жатвѣ пшеницы [3]). Въ эту пору усиленныхъ работъ, требовавшихъ иногда и наемныхъ рукъ [4]), земледѣлецъ, какъ совѣтовалъ Гесіодъ, долженъ былъ вставать рано, пока на поляхъ блестѣла еще роса [5]). Для ячменя, легко подвергающагося ломкѣ, лучшимъ временемъ жатвы было именно раннее утро: колосъ былъ нѣсколько влаженъ отъ росы и прохладной аѳинской ночи [6]).

Во время трудной и спѣшной работы по уборкѣ хлѣба жнецы были заняты весь день, и для ихъ отдыха на полѣ ставились плетеныя хижины изъ древесныхъ вѣтвей и тростника [7]).

---

[1]) Theohpr. frgm. 6, 1, 20: καὶ ἐὰν ὁ μέγας Ὑμηττος τοῦ θέρους ἔχῃ νεφέλας ἄνωθεν καὶ ἐκ πλαγίου ὕδατος σημεῖον.

[2]) Cp. *Schlipf*'s Populäres Handbuch der Landwirtschaft, Berlin 1894, 171. Geop. 2, 25, 1.

[4]) Cp. Π. 18, 550. Aristot. Polit. 3, 3. Theophr. Char. 4 (ἄγροικος) § 5: παρ' αὐτῷ ἐργαζομένοις μισθωταῖς ἐν ἀγρῷ. Alciphr. Epist. 3, 24. Hesych. s. v. ποάστριαι.

[3]) M. 8. *Heldreich*, Die Nutzpflanzen Griechenlands, Athen 1862, 5.

[5]) Hes. O. 575:

ὥρῃ ἐν ἀμήτου, ὅτε ἠέλιος χρόα κάρφει
τημοῦντος σπεύδειν καὶ οἴκαδε καρπὸν ἀγινεῖν
ὄρθρον ἀνιστάμενος, ἵνα τοι βίος ἄρκιος εἴη.

Cp. Geop. 2, 25: σπουδαιότερον δὲ χρὴ ὑπὸ τὸν ὄρθρον ἔτι δεδροσισμένα συνάγειν πάντα τὰ γενήματα. *Aeginitis*, o. c. 1, 462: роса въ Аѳинахъ въ среднемъ 3,2 дня, maxim. 7 и 11 дней.

[6]) Иногда жали и не совсѣмъ дозрѣвшій хлѣбъ, думая, что такое зерно дастъ больше муки (Theophr h. p. 8, 11, 3). *Schlipf*'s o. c. 171.

[7]) Hes. O. 502:

δείκνυε δὲ δμώεσσι θέρεος ἔτι μέσου ἐόντος·
„οὐκ αἰεὶ θέρος ἐσσεῖται, ποιεῖσθε καλιάς“.

Въ современной Греціи я видѣлъ въ Беотіи около Ѳивъ на поляхъ такъ же, какъ въ Аттикѣ подобные шалаши. Это по большей части низкіе четыреугольные ша-

Работники, въ болѣе древнее время обнаженные [1]), жали обыкновенно серпами, становясь по вѣтру для того, чтобы мелкая солома, подымавшаяся при жатвѣ, не вредила глазамъ и рукамъ [2]). Обычно, если колосъ былъ короткій, его срѣзали довольно высоко, чтобы на полѣ оставалась высокая солома; если же колосъ былъ длиннымъ, то его срѣзали по срединѣ [3]), забирая въ лѣвую руку столько колосьевъ, сколько кто могъ захватить [4]). Срѣзанные колосья вязались жгутами [5]), а затѣмъ извѣстное число такихъ вязокъ составляли небольшіе снопы [6]), которые не клались въ копны, а просто складывались въ кучи (ἐν θωμῷ) [7]), для того чтобы свѣжій хлѣбъ могъ отдохнуть и вызрѣть, прежде чѣмъ быть свезеннымъ на токъ.

Въ этихъ „кучахъ" посѣвъ оставался лежать иногда нѣсколько недѣль, нерѣдко встрѣчая время ранняго восхода Оріона (ок. 9-го іюля ст. ст.) [8]). Отдыхъ хлѣба въ кучахъ имѣлъ, какъ и пребываніе послѣ жатвы на полѣ въ современныхъ хозяйствахъ, большое значеніе [9]).

По мнѣнію греческихъ земледѣльцевъ, зерно въ срѣзанномъ колосѣ продолжало свое дозрѣваніе, лежа въ кучѣ [10]), и поэтому счи-

---

лаши съ плоской крышей, плетеные изъ тростника и сучьевъ. Мнѣ приходилось видѣть эти гесіодовскія καλιαί во время жатвы и послѣ, когда онѣ служили убѣжищемъ для пастуха и овецъ, которыя паслись на остаткахъ сжатаго посѣва и въ полдень забивались въ шалашъ, ища тамъ благодѣтельной тѣни.

[1]) Hes. O. 392.

[2]) Xen. O. 18,1.

[3]) Xen. O. 18,2.

[4]) Ср. П. 11, 69; 18,552: δράγματα. Porph. de abs. 2. Hesych s. v. ἄμαλλαι.... ἀγκάλη, δράγματα ρ' (=100) ὡς φήσι Ἴστρος. См. ниже.

[5]) Ср. П. 18, 553: ἀμαλλοδετήρ. Theocr. 10, 44: ἀμαλλοδέτης.

[6]) Poll. 6, 33, 11: δέμα. Въ извѣстномъ византійскомъ ветеринарномъ сборникѣ Ἱππιατρικά, составленномъ въ IV в. по Р. Хр., снопы назывались δεμάτιον — тѣмъ словомъ, которое и въ настоящее время въ Греціи въ ходу. *Steph.* s. v. Въ Микенахъ одинъ земледѣлецъ объяснилъ мнѣ, что „большой снопъ", называющійся δεμάτιον, состоитъ изъ 25 χειρόβολα (=δράγματα)—маленькихъ сноповъ.

[7]) Theophr. h. p. 8, 11, 4; c. p. 4, 13, 6. Ср. Plut. Lyc. 9, 15: Ликургъ, вернувшись въ Спарту ἄρτι τεθερισμένην, улыбнулся, увидя τοὺς σωροὺς (=θωμοὺς) παραλλήλους καὶ ὁμαλεῖς.

[8]) *Ginzel*, o. c.

[9]) *Schlipf*'s o. c. 174.

[10]) Theophr. c. p. 4, 13, 6: ἀπορεῖται δὲ διὰ τὶ ἀδροῦ ὄντος τοῦ σίτου καὶ σχεδὸν ὥσπερ ξηροῦ ἐφυσθεὶς οὐχ ὅτι βελτίων ἀλλὰ καὶ χείρων γίνεται, ἐὰν δὲ θερισθεὶς εἰς θωμοὺς συντεθῇ ἁδρότερος καὶ βελτίων· ἔνιοι δὲ καὶ ῥαίνουσιν. h. p. 8, 11, 4: ячмень и пшеницу лучше жать не перезрѣлыми ὅι' ὃ καὶ εἰς θώμους συντιθέασι καὶ πυροὺς καὶ

талось полезнымъ класть колосъ срѣзанной частью на сѣверъ, чтобы вѣтеръ, проникая черезъ стебель, могъ увеличить полноту зерна [1]). Съ этой же цѣлью во время отдыха хлѣба земледѣлецъ ожидалъ выпада дождя, который могъ бы смочить зерно и способствовать его вызрѣванію. За рѣдкостью въ жатвенную пору дождей срѣзанный хлѣбъ иногда обрызгивался водой [2]).

Остававшаяся на полѣ довольно высокая солома сжигалась, давая для удобренія почвы золу [3]), или же скармливалась выпущенному на сжатое поле скоту [4]). Иногда по оставшимся стеблямъ снятаго посѣва земледѣлецъ думалъ провѣрить, сколько онъ могъ ожидать зерна [5]), такъ же какъ, согласно поговоркѣ гомеровскаго земледѣльца, по соломѣ можно было судить о величинѣ колоса [6]).

X.

Послѣ отдыха хлѣба можно было приступить къ молотьбѣ (ἀλοητός) [7]).

Ранній восходъ Оріона подавалъ знакъ къ началу новыхъ земледѣльческихъ работъ [8]). Время благопріятствовало молотьбѣ, такъ какъ въ эти жаркіе іюльскіе дни не надо было опасаться дождей и выпаденіе росы также прекращалось [9]). Хлѣбъ лежалъ вызрѣвшій и дошедшій до необходимой для молотьбы сухости.

κριθὰς, καὶ δοκοῦσιν ἀδρύνεσθαι ἐν θώμῳ μᾶλλον (ἡλίκα σωρῶν). οὐκ ἐσθίεται δὲ ὁ σῖτος ὅταν ὑσθεὶς θερισθῇ.

[1]) Theocr. 10, 46: ἐς βορέην ἄνεμον τᾶς κόρθυος ἁ τομὰ ὕμιν
ἢ ζέφυρον βλεπέτω· πιαίνεται ὁ στάχυς οὕτως.

Сѣверный вѣтеръ вообще въ дѣлѣ созрѣванія имѣлъ существенное значеніе, принося съ собою плодородныя силы. См. Theophr. c. p. 4, 13, 4: τὰ δὲ τῆς φύσεως οἷον τὸ ἀδρύνειν τὰ πνεύματα καὶ τὰ βόρεια μᾶλλον. Cp. Geop. 2, 26.

[2]) Theophr. c. p. 4, 13, 6: хлѣбъ лежащій въ кучахъ ἔνιοι δὲ καὶ ῥαίνουσιν. αἴτιον δὲ ὅτι τότε ἀνυγραίνεται καὶ ὁ ἥλιος ὅταν ἀναλάμψῃ συνεξάγει τὴν οἰκεῖαν ὑγρότητα καὶ ἰσχάνει· ὅταν δὲ εἰς θωμοὺς συντεθῇ συνακμάζεταί τε καὶ ἀναγομένη ἀτμὶς λεπτὴ καὶ πνευματώδης οὖσα παρεισδύεται καὶ ἀδρύνει τοὺς ὄγκους.

[3]) Xen. O. 18, 2.

[4]) [Arist.] Meteor. 1, 7, 5.

[5]) Hesych. s. v. Καλάμη· ... ἔστι γὰρ καλάμη κυρίως τὸ ξυλῶδες τῶν σταχύων, ἢ τὰ ἐκ τῶν ἀμητῶν λείψανα, ἐξ ὧν περισσευμάτων ἔστι γνῶναι πόσος ἦν ὁ καρπός. Cp. Luc. Alex. 5: ὡς ἐνῆν ἀπὸ τῆς καλάμης τεκμαίρεσθαι.

[6]) Od. 14, 213: Одиссей говоритъ: ... νῦν δ' ἤδη πάντα λέλοιπεν ἀλλ' ἔμπης καλάμην γέ σ' οἴομαι εἰσορόωντα | γιγνώσκειν.

[7]) Suid. s. v. ἀλοῆος и ἀλοῶ.

[8]) Hes. O. 597. *Böckh*, o. c. 103.

[9]) Cp. Geop. 3, 6, 8: ἀπὸ τῆς πρὸ θ' καλανδῶν Ἰουλίων ἀλοῆσαι, οὔτε γὰρ ὄμβροι, οὔτε δρόσοι ἐν ταύταις γίνονται ταῖς ἡμέραις. Cp. ibid. 3, 11, 9.

Молотьба въ античной Греціи происходила въ общемъ тѣмъ же путемъ, какъ и въ настоящее время. Непосредственно на части поля [1]) или при входѣ въ селеніе, рѣже у дома и садовъ [2]), устраивался подъ отрытымъ небомъ, если возможно на возвышенномъ мѣстѣ, хорошо убитый или выложенный камнемъ круглый [3]), иногда, прямоугольный токъ [4]) (ἀλωή) [5]). Въ центрѣ вбивался деревянный столбъ, къ которому привязывались лошади или мулы [6]), ходившіе кругомъ по току. Снопы свозились на токъ на двухколесныхъ телѣгахъ [7]) или на вьючныхъ животныхъ. Снопы раскладывались на току, иногда такъ, чтобы срѣзанная часть колоса была повернута на югъ, такъ какъ при такомъ положеніи считалось болѣе удобнымъ молотить [8]). По разложеннымъ колосьямъ ходили животныя, „вытаптывая“ (πατεῖν) изъ нихъ зерно [9]), и особые прислужники (ἐπαλοσταί) [10]) должны были постоянно подбрасывать свѣжіе колосья подъ ноги животнымъ и наблюдать за равномѣрностью работы. Послѣ молотьбы необходимо было произвести „очищеніе хлѣба“ (καθαίρειν τὸν σῖτον) [11]). Съ этой цѣлью приступали къ вѣянію (λικμᾶν) [12]),— земледѣльческому дѣйствію, остановившему многочисленные отраженія въ земледѣльческой религіи Греціи [13]).

---

[1]) Il. 21, 35 и passim.

[2]) Geop. 2, 25, 1. Токъ рекомендуется ставить вдали отъ дома, чтобы пыль и мелкая солома не попадала на посадки.

[3]) Hom. 5, 499. Hes. O. 597. Schol. Aristoph. Thesm. 2. Suid. s. v. ἁλοῶ.

[4]) На эту форму тока наводитъ меня описаніе у Xen. O. 18, 7—8, гдѣ упоминается объ ἀχυροδόκη и о „κενὸν τῆς ἅλω“. Прямоугольный токъ я видѣлъ при входѣ въ большое селеніе Ліопеси въ Месогеѣ. Токъ (60 шаговъ въ дл. при 25 въ шир.), обнесенный невысокой стѣнкой (ок. 1 м. в.), имѣя входъ съ ю. стороны, на половину вымощенъ, а на половину только утрамбованъ. Въ первой части, мощеной, происходила молотьба цѣпами, а при вѣяніи она играла роль ἀχυροδόκη. Послѣдняя часть при вѣяніи принимала мелкую солому, а зерно падало на мощеную часть.

[5]) Xen. O. 18, 4—5. Suid. l. c.

[6]) Hom. 18, 56(=438); 21, 346 и passim. Иногда δῖνος (Xen. O. 18, 5. Ср. Hes. O. 597).

[7]) Ср. *Olck* у *P. W.* R. E. s. v. Dreschen.

[8]) Ср. Geop. 2, 26: τὰ δὲ τιθέμενα ἐπὶ τῆς ἅλω γενήματα τὴν τομὴν ἐχέτω πρὸς μεσημβρίαν. ἔσται γὰρ πληρέστερα, καὶ εὐμαρέστερον ἁλοηθήσεται.

[9]) Напр. Xen. O. 18, 4: πατεῖν τὸν σῖτον.

[10]) Xen. O. 18, 5.

[11]) Xen. O. 18, 6.

[12]) Il. 5, 500. Xen. O. 18, 6.

[13]) *Harrison*, Mystica vannus Iacchi. *J. H. S.* 1903—4.

На току лежали кучи мелкой соломы, перемѣшанной съ зерномъ и болѣе крупными кусками стеблей, разрѣзанными копытами животныхъ, производившихъ молотьбу. Для того, чтобы очистить зерно отъ соломы, существовало много способовъ, о которыхъ довольно подробно говоритъ Ксенофонтъ [1]). Для того, чтобы удобнѣе было подхватить мелкую солому съ зерномъ, необходимо было имѣть подъ руками земледѣльческое орудіе съ острымъ концомъ. Обыкновенно для этой цѣли земледѣльцы пользовались особыми съ тремя мало разрѣзанными зубьями деревянными вилами (πτύον) [2]), похожими на лопату [3]). Весьма часто вмѣсто вилъ пользовались, особенно въ болѣе позднее время, особой корзиной для вѣянія, напоминающей дѣтскую колыбель (λίκνον) [4]). Вѣятели обычно становились по вѣтру [5]) и вскидывали вилами или корзиной вытоптанное зерно съ мелкой соломой. Зерно, какъ болѣе тяжелое, падало около вѣятеля (ἐπιπίπτειν) [6]), а мелкая солома (ἄχνη) [7]), извиваясь по вѣтру какъ червякъ [8]), относилась вѣтромъ дальше и падала въ одну кучу. Когда

---

[1]) Xen. O. 18, 6—9.

[2]) Il. 13, 588: ἀπὸ πλατέος πτύοφιν.

[3]) Современные изслѣдователи обыкновенно переводятъ πτύον словомъ „лопата", хотя, какъ мнѣ кажется, и невѣрно. Гесихій опредѣленно объясняетъ πτύον словомъ вилы (θρῖναξ). Hesych. s. v. πτύον· θρῖναξ. ξύλον ἐν ᾧ διαχωρίζουσι τὸν σῖτον ἀπὸ τοῦ ἀχύρου. Hesych. s. v. πτυόφιν· τοῦ πτύου. ἔστι δὲ γεωργικὸν ἐργαλεῖον. Въ настоящее время вездѣ на Критѣ для вѣянія употребляютъ широкія деревянныя вилы съ малоразрѣзанными зубьями, которыя называются θρινάκι. Ср. *Raulin*, Description physique et naturelle de l'île de Crète, Paris 1869, 1, 233. Лопатъ я нигдѣ, какъ земледѣльческое орудіе, не видѣлъ. Возможно, что такими вилами для вѣянія вооружены и земледѣльцы на извѣстной стеатитовой вазѣ изъ Агіи Тріады (*Monumenti Antichi*, 1903), какъ и крестьяне нѣкоторыхъ мѣстъ южной Италіи. См. *Savignoni*, Il vaso di Hagia Triada l. c. Помимо высказанныхъ соображеній за πτύον = θρῖναξ говорятъ бытовыя данныя. Въ современной Греціи лопата совершенно неупотребительна, и отсутствіе этого обычнаго у насъ орудія бросается въ глаза. Вскопка земли, грядокъ, окапываніе деревьевъ производится и теперь при помощи мотыки. И весьма характерно для проводимаго мною толкованія, что въ 40 гг. XIX ст. аѳиняне вскапывали свои поля не съ помощью лопатъ, но мотыками. См. *Fiedler*, Reise durch Griechenland, Leipzig 1843.

[4]) Ср. *Harrison*, o. c.

[5]) Il. 5, 501: ἀνδρῶν λικμώντων ἐπειγομένων ἀνέμων καρπόν τε καὶ ἄχυας. Ср. Xen. O. 18, 6—7. *Keppel*, Das Getreideworfeln bei den Alten въ *Blätter f. d. Bayrische Gymnasial und Realschulwesen*, München 1878, 255.

[6]) Xen. O. 18, 7.

[7]) Hom. Il. 5, 501.

[8]) Hesych. s. v. σκώληξ.

было очищено достаточное количество зерна, его сгребали въ одно мѣсто и, затѣмъ, продолжали работу, надѣясь, что божества вѣянія благосклонно присутствуютъ при работѣ земледѣльца.

XI.

Въ концѣ іюля при благопріятныхъ условіяхъ земледѣльческія работы были закончены, хотя нерѣдко случалось, что онѣ и затягивались [1]). Подобно этому и современный греческій земледѣлецъ весьма часто заканчиваетъ работы лишь къ Успенію Божьей Матери 15-го августа, дню, когда, по народнымъ примѣтамъ, разражается первая гроза [2]). Послѣ вѣянія оставались лишь мелкія работы по уборкѣ зерна [3]).

Зерно сносилось въ плетеныхъ корзинахъ или въ глиняныхъ сосудахъ [4]), его вымѣряли [5]), часть выдѣляли на посѣвъ, и ссыпали на храненіе [6]) въ наиболѣе сухомъ помѣщеніи дома [7]). Иногда зерно хранили въ большихъ глиняныхъ сосудахъ или же въ особыхъ углубленіяхъ, хорошо облицованныхъ камнемъ, предохраняющимъ зерно отъ сырости и порчи (σιροί) [8]).

Часть зерна отдѣлялась, какъ начатки (ἀπαρχαί), въ даръ божеству, часть шла на умолъ, находившійся подъ благосклоннымъ вниманіемъ „мельничныхъ“ божествъ (ἱεροὶ μυλῶνες) [9]), заботившихся о доставленіи земледѣльцу свѣжей муки.

Такъ заканчивалась черезъ девять мѣсяцевъ жизнь зерна, попавшаго осенью въ открытыя плодородныя борозды матери—поля. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ шла удивительная работа природы и ея божественныхъ силъ, пока поле не покрывалось живымъ золотистымъ хлѣбомъ, въ которомъ земледѣлецъ видѣлъ кроткій ликъ бѣлокурой

---

[1]) Geop. 3, 11, 9.

[2]) M. 9.

[3]) Cp. Verg. G. I, 165.

[4]) Hes. O. 600.

[5]) Cp. Hes. O. 600.

[6]) Theopr. h. p. 8, 11, 1: θησαυρισμός.

[7]) Hes. O. 601: πάντα βίον κατάθηαι ἐπάρμενον ἔνθοδι οἴκου. Xen. O. 9, 3: Исхомахъ, давая указанія своей молодой женѣ, говоритъ, что (παρεκάλει) τὰ δὲ ξηρὰ τῶν στεγῶν τὸν σῖτον. Cp. Il. 8, 505: ... σῖτόν τ' ἐκ μεγάρων.

[8]) Hesych. s. v. σιροῖς· ὀρύγμασιν ἐν οἷς κατετίθεντο τὰ σπέρματα. Cp. s. v. σιρούς. Своего рода σιροί представляютъ многочисленныя углубленія въ землѣ, выложенныя камнемъ, въ амбарахъ западной части дворца въ Кноссѣ.

[9]) Schol. Aristoph. Lys. 673.

Деметры. Много безпокойства и волненій переносилъ земледѣлецъ во время посѣва и при первой зелени полей, при беременности колоса, цвѣтеніи и жатвѣ, опасаясь неблагопріятной погоды [1]) и губительныхъ для посѣвовъ болѣзней [2]). Зная хорошо, что земледѣльческій годъ ведетъ божество [3]), аѳинянинъ обращался къ нему съ просьбой о благополучной жизни посѣвовъ [4]).

Когда земледѣлецъ снималъ свой хлѣбъ и видѣлъ насыпанное золотистое зерно, онъ радовался, зная, что въ его домъ входило Великое Богатство, Цвѣтущая Радость и Милый Миръ [5]).

Б. Богаевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Xen. O. 5, 18. Plut. Demetr. 12.
[2]) Theophr. c. p. 3, 22, 3.
[3]) Xen. O. 17, 5.
[4]) Xen. O. 5, 20.
[5]) Ps. Homeri Εἰρεσιώνη v. 3—5:

αὐταὶ ἀνακλίνεσθε θύραι· πλοῦτος γὰρ ἔσεισιν
πολλὸς, σὺν πλούτῳ δὲ καὶ εὐφροσύνη τεθαλυῖα,
εἰρήνη τ' ἀγαθή· ὅσα δ' ἄγγεα, μεστὰ μὲν εἴη.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

I.

Порфирьевское Четвероевангеліе 835 года.

1.

[Первое упоминаніе о какомъ-то греческомъ четвероевангеліи 835 года мы находимъ въ мало-извѣстномъ трудѣ богослова и путешественника Августина Шольца (Scholz): Biblisch-Kritische Reise in Frankreich, der Schweiz, Italien, Palestina und im Archipel, in den Jahren 1818, 1819, 1820, 1821, nebst einer Geschichte des Textes des N. T. (Leipzig und Sorau 1823). Говоря о греческихъ рукописяхъ, видѣнныхъ имъ въ Лаврѣ Саввы Освященнаго, Шольцъ на стр. 145 приводитъ, между прочимъ, слѣдующую запись одного хранившагося въ обители четвероевангелія: ἐτελειωθη θεου χαριτι ἡ ἱερα αὐτη και θεοχαρακτος βιβλος μηνι μαιω ζ ινδικτιων ιγ ετους κοσμου ,ϛτμγ ..... δε παντας τους εντυγχανοντας μνιαν μου ποιεισθαι του γραψαντος νικολαου ἁμαρτωλου μοναχου ὁπως ευροιμι ελεος εν ἡμερα χρισεως γενοιτο κυριε ἀμην. Далѣе онъ свидѣтельствуетъ, что рукопись писана не уставомъ, а „прекраснымъ курсивомъ“ (mit schöner Cursive), и, наконецъ, заявляетъ, что въ графическомъ отношеніи она представляетъ собой „рѣдкое явленіе“ (eine seltene Erscheinung), своего рода ἅπαξ λεγόμενον того времени] [1]).

Отмѣченная Шольцомъ рукопись была скоро забыта, да и вообще сдѣланное имъ сообщеніе какъ-то не обратило на себя вниманія спеціалистовъ-палеографовъ: о немъ вспомнили только тогда, когда стало извѣстно, что въ коллекціи рукописей преосвященнаго Порфирія

---

[1]) Все, поставленное въ прямыя скобки, взято мной изъ черновыхъ набросковъ покойнаго В. К. Ернштедта, предназначавшихся для задуманнаго имъ описанія Четвероевангелія 835 года.

Успенскаго находится какое-то греческое четвероевангеліе 835 года. А впрочемъ, даже и тогда не сразу припомнили о существованіи книжки Шольца. По крайней мѣрѣ, Гардтгаузенъ, ознакомившійся съ рукописью по снимкамъ съ двухъ страницъ ея, представленнымъ въ его распоряженіе преосв. Порфиріемъ, не говоритъ ничего о Шольцѣ въ своихъ „Beiträge zur griechischen Paläographie“ [1]) и не пытается отожествить Порфирьевское Четвероевангеліе 835 года съ таковымъ же, нѣкогда видѣннымъ Шольцомъ въ обители Саввы. [Это отожествленіе Гардтгаузенъ сдѣлалъ только два года спустя въ первомъ изданіи своей „Griechische Paläographie“ (стр. 184); но зато уже въ своихъ „Beiträge“ онъ правильно указалъ на важное значеніе рукописи 835 года и, въ сущности, вѣрно оцѣнилъ ее], хотя въ общемъ его выводы и грѣшатъ нѣкоторой поспѣшностью, а подчасъ и грубыми ошибками, не удаленными, къ сожалѣнію, и изъ новѣйшаго изданія его труда по греческой палеографіи, вышедшаго въ 1911—1913 году [2]).

[Какъ бы то ни было, отожествленіе было сдѣлано, и съ той поры никто не сомнѣвался уже въ тожественности обѣихъ рукописей, а именно: упомянутой Шольцомъ и принадлежащей преосв. Порфирію; но вопросъ о томъ, отъ кого и когда пріобрѣлъ рукопись преосв. Порфирій, такъ и остался открытымъ. По крайней мѣрѣ, ни въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда вмѣстѣ со всей коллекціей греческихъ рукописей преосв. Порфирія поступило и Четвероевангеліе 835 года, ни въ печатныхъ трудахъ преосв. Порфирія Успенскаго не имѣется на это никакихъ указаній. Можно предполагать, впрочемъ, что рукопись была вывезена преосв. Порфиріемъ изъ одной изъ библіотекъ Лавры Саввы Освященнаго, тѣмъ болѣе, что немалая часть греческихъ рукописей его коллекціи была, какъ намъ достовѣрно извѣстно, пріобрѣтена имъ именно въ Саввиной обители] [3]).

---

[1]) Эта статья Гардтгаузена напечатана въ *Sitzungsberichte der Königlich.-Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften, phil.-hist. Classe* (Leipzig 1877). Къ ней приложены два снимка съ первой и съ послѣдней страницъ Четвероевангелія. Тѣ же снимки были воспроизведены затѣмъ у *Wattenbach-Velsen*, Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum, tab. I.

[2]) *V. Gardthausen*, Griechische Paläographie. I. Band: Das Buchwesen im Altertum und im Byzantinischen Mittelalter (Leipzig 1911). II. Band: Die Schrift, Unterschriften und Chrohologie im Altertum und im Byzantinischen Mittelalter (Leipzig 1913), 209 сл.

[3]) Для этой цѣли достаточно просмотрѣть *В. К. Ернштедтъ*, Списокъ датиро-

Итакъ, съ начала XIX вѣка вплоть до послѣдней его четверти Четвероевангеліе 835 года хранилось въ Лаврѣ, причемъ палеографическое значеніе его не укрылось ни отъ Шольца, ни отъ такого знатока греческаго письма, какимъ былъ преосв. Порфирій.

Спрашивается теперь, съ самаго ли возникновенія своего находилась рукопись въ Лаврѣ Саввы Освященнаго, или же она была занесена туда въ одинъ изъ послѣдующихъ вѣковъ? Обратимся къ записи писца, находящейся на л. 344 об., и посмотримъ, нѣтъ ли въ ней отвѣта на интересующій насъ вопросъ.

Запись эта гласитъ:

ετελειωθη θ(εο)υ χαριτι ἡ ἱερα
αυτη και θεοχαρακτος βιβλος
μηνι μαϊω ζ ἰνδικτιωνος
ιγ ετους κοσμου ,ϛτμγ · δυ
σωπω δε πάντας τοὺς 5
εντυγχάνοντας μνίαν (corr. μνείαν)
μου ποιεισθαι του γρα
ψαντος Νικολάου αμαρτ(ωλου)
μοναχ(ου) οπως ευροιμι ελε
ος εν ημερα κρισεως 10
γενοιτο κ(υρι)ε αμήν † [1]).

[Мы узнаемъ изъ записи, что Четвероевангеліе написано нѣкимъ Николаемъ, монахомъ и грѣшникомъ, и что оно было кончено писаніемъ 7-го мая, индикта 13-го, въ годъ отъ сотворенія міра 6343-ій, или, иначе, въ 835 году по Р. Х. О томъ же, гдѣ была писана рукопись, въ записи умалчивается. Между тѣмъ, вопросъ этотъ далеко не праздный, въ особенности въ виду чрезвычайнаго палеографическаго значенія этой рукописи, являющейся древнѣйшимъ памятникомъ вполнѣ сложившагося строчного письма.

Гардтгаузенъ (Griech. Pal., 184), исходя изъ того факта, что

ванныхъ греческихъ рукописей Порфирьевскаго собранія (=*Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1883 г.* Приложеніе II. С.-Петербургъ 1885). См. также *Victoris Jernstedt* opuscula. Сборникъ статей по классической филологіи В. К. Ернштедта. (С.-Петербургъ 1907), 241 сл.

[1]) Снимки съ приписи даютъ: *арх. Амфилохій*, Палеографическое описаніе греч. рукописей IX—X вѣка опредѣленныхъ лѣтъ, т. I, табл. I; *Gardthausen*, Beiträge zur griech. Pal., табл. 2; *Wattenbach-Velsen*, Exempla codicum graecorum, табл. I.

Порфирьевское Четвероевангеліе 835 года тожественно съ Четвероевангеліемъ того же года, видѣннымъ Шольцемъ въ Лаврѣ Саввы Освященнаго, дѣлаетъ заключеніе, что именно въ Лаврѣ и жилъ и писалъ монахъ Николай. „Вѣдь при стѣсненномъ положеніи христіанъ на Востокѣ"—говоритъ Гардтгаузенъ—„невозможно думать о пріобрѣтеніяхъ извнѣ для этого заброшеннаго монастыря". Но разъ это такъ, то „значитъ"—продолжаетъ онъ—„наиболѣе ранніе и опредѣленные слѣды вполнѣ образовавшагося минускула (=строчного письма) ведутъ насъ не къ византійскому царству, а скорѣе къ Мертвому морю"]. Таково мнѣніе Гардтгаузена, которое было высказано имъ въ 1879 году и которое, не мѣняя въ немъ ни единаго слова, повторяетъ онъ и теперь во второмъ изданіи своей „Griechische Paläographie" (II, 209).

Но правильно ли это мнѣніе? Прежде всего его можно было бы парировать слѣдующимъ соображеніемъ: если бѣдность христіанъ на Востокѣ не позволяетъ думать о покупкѣ Четвероевангелія Лаврою, то вѣдь ничто не мѣшаетъ предполагать, что рукопись была кѣмъ-нибудь подарена монастырю, тѣмъ болѣе, что для этого былъ вполнѣ достаточный срокъ времени, а именно: цѣлая тысяча лѣтъ! Но и это апріорное соображеніе оказывается ненужнымъ для насъ для опроверженія поспѣшнаго вывода Гардтгаузена. Въ нашемъ распоряженіи имѣются положительные факты, говорящіе противъ автора „Греческой палеографіи",—факты, которые заключаются въ слѣдующей замѣткѣ, находящейся на л. 344 и принадлежащей рукѣ того же монаха Николая, что писалъ и всю остальную рукопись:

† ετελειωθη εν κ(υρι)ω ο οσιος και θεοφορος
π(ατ)ηρ ημων Πλατων ο του Χ(ριστο)υ ομολογη
της ο μεγας της οικουμενης φωστηρ
μην(ι) απριλλιω δ̅ ινδ(ικτιωνος) ζ̅ ημερα δ̅.
ετελειωθη ο εν αγιοις Θεοδωρος ο κοι 5
νος π(ατ)ηρ ημων και νεος του Χ(ριστο)υ ομολογ(ητης)
πολλους δρομους και αγωνας διανοισας
εν τη αμωμητω και αληθινη των χριστι
ανων πιστει · πολλους τε φωτισας καὶ
οδηγησας εις επιγνωσιν ευσεβειας 10
και σ(ωτη)ριας μην(ι) νοεμβριω ιβ̅ ἰνδ(ι)κ(τιωνος) ε̅ ημε(ρα) α̅
ετους δε απο κτισεως κοσμου ͵ϛτλε.
ετελειωθ(η) ο εν αγιοις π(ατ)ηρ ημων Ἰωσηφ ο αγι

ωτατος αρχ(ι)επισκ(ο)π(ος) Θεσσαλονικης
και νεος του Χ(ριστο)ῦ ομολογητης εν καλη ὁ 15
μολογια και μαρτυρία θανων ὑπερ
της αληθειας μην(ι) ἰουλιω ῖε ἰνδ(ι)κ(τιωνος) ῖ
ετους δε κοσμου ,ςτμ † [1]).

[Всѣ три упомянутые въ замѣткѣ святые, а именно: Платонъ († 813 г.), Θеодоръ († 826 г.) и Іосифъ († 832 г.), имѣютъ тѣсную связь съ Студійской обителью и сверхъ того приходятся близкими родственниками другъ другу. Такъ Платонъ былъ дядей Θеодора Студита и Іосифа Солунскаго, связанныхъ между собою братскими узами, а также и общей борьбой противъ преслѣдователей св. иконъ]. Мало того, Θеодоръ Студитъ былъ настоятелемъ Студійскаго монастыря и руководителемъ цѣлой массы учениковъ, на что между прочимъ, указываютъ и слова замѣтки: „общій отецъ нашъ", т. е. игуменъ, „многихъ просвѣтившій и направившій къ познанію благочестія и спасенія". Отсюда ясно, что писецъ Николай, авторъ замѣтки, былъ самъ монахомъ студійской обители, ибо въ противномъ случаѣ его слова о Θеодорѣ, да и вообще все упоминаніе о вышеназванныхъ святыхъ, были бы не вполнѣ понятны. Вѣдь нельзя же думать, какъ дѣлаетъ это Гардтгаузенъ (Gr. Pal.[2], II, 209), что Николай просто скопировалъ всю замѣтку съ того оригинала, съ котораго онъ списывалъ свою рукопись, и что въ пользу подобнаго предположенія говоритъ тотъ фактъ, что годы смерти святыхъ, а именно: 827 и 832, не одновременны съ годомъ написанія самой рукописи, оконченной Николаемъ въ 835 году! Между тѣмъ, основываясь исключительно на этомъ апріорномъ соображеніи, Гардтгаузенъ считаетъ вполнѣ возможнымъ для себя отрицать связь монаха Николая съ Студійскимъ монастыремъ и стоять на своемъ прежнемъ мнѣніи о Лаврѣ Саввы Освященнаго, какъ о мѣстѣ возникновенія рукописи, а слѣдовательно, и на томъ, что „самые ранніе и достовѣрные слѣды развитого строчного письма ведутъ насъ не къ византійскому царству, а скорѣе къ Мертвому морю".

---

[1]) Снимки съ этой замѣтки даютъ: *Г. Ф. Церетели*, Гдѣ писано Порфирьевское Четвероевангеліе 835 года? (=Στεφανος. Сборникъ статей въ честь Θ. Θ. Соколова, табл.); *Гардтгаузенъ*, Греческое письмо IX—X столѣтій (= Энциклопедія славянской филологіи, вып. 3: Графика у славянъ, 43, табл. I); Палеографическіе снимки съ нѣкоторыхъ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ рукописей Императорской Публичной библіотеки. (С.-Петербургъ 1914), табл. III.

Вышеприведеннымъ соображеніемъ Гардтгаузенъ пытается парировать мою статью: „Гдѣ писано Порфирьевское Четвероевангеліе 835 г.“,—статью, въ которой я, на основаніи замѣтки Николая о трехъ студійскихъ святыхъ, развивалъ ту мысль, что рукопись ведетъ свое начало изъ Студіона, что самъ Николай былъ студійскимъ монахомъ и что, наконецъ, первые слѣды развитого строчного письма надо искать не у Мертваго моря, а въ центрѣ Византійской имперіи, въ Константинополѣ, и, въ частности, въ обители студитовъ [1]). Но когда я высказывалъ свое мнѣніе, въ правильности котораго не сомнѣвался, я не зналъ еще объ одной частности, косвенно подтверждающей мою мысль и окончательно разрушающей всѣ доводы Гардтгаузена, а именно: я не зналъ, что личность монаха Николая можетъ быть опредѣлена съ гораздо большей точностью.

Это было сдѣлано Б. М. Меліоранскимъ въ его прекрасной, глубоко продуманной работѣ: „Перечень византійскихъ грамотъ и писемъ“ [2]), гдѣ онъ, помимо всего прочаго, установилъ разъ навсегда и тотъ фактъ, что Николай, писецъ Четвероевангелія 835 года, есть никто иной, какъ ближайшій ученикъ и другъ Θеодора Студита, второй послѣ него настоятель студійской обители и энергичный противникъ иконоборцевъ, жестоко пострадавшій отъ нихъ,—св. Николай Исповѣдникъ.

Какъ это ни странно, но Гардтгаузенъ, знавшій о работѣ Б. М. Меліоранскаго, къ которой приложены и отлично-исполненные фототипическіе снимки [3]), счелъ почему-то нужнымъ игнорировать ее во второмъ изданіи своей „Греческой палеографіи“ и, полемизируя со мной, ни разу не сослался на доводы Б. М. Меліоранскаго, лишній разъ подкрѣпляющіе высказанную мною мысль о студійскомъ происхожденіи Порфирьевскаго Четвероевангелія. А между тѣмъ изъ этой работы онъ могъ бы узнать много интереснаго и притомъ такого, что помогло бы ему не вести строчного письма къ Мертвому морю. Такъ, прежде

---

[1]) Στέφανος. Сборникъ статей въ честь Θ. Θ. Соколова (С.-Петербургъ, 1895), 76 сл. Эта же статья была перепечатана затѣмъ въ *Byzantinische Zeitschrift*, 9 (1900), 649 сл. Одинаковыя возраженія на мою статью приводитъ Гардтгаузенъ и въ своей замѣткѣ „Греческое письмо IX—X столѣтій“ (=Энциклопедія славянской филологіи, выпускъ 3: Графика у Славянъ (С.-Петербургъ 1911), 43).

[2]) *Б. М. Меліоранскій*, Перечень византійскихъ грамотъ и писемъ (=*Записки Императорской Академіи Наукъ*, ист.-фил. отд., т. IV, № 5), 47 сл.

[3]) По крайней мѣрѣ, ссылка на Меліоранскаго встрѣчается дважды у *Vogel-Gardthausen*, Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance (Leipzig 1909), 10, 357.

всего, изъ житія св. Николая Исповѣдника (Migne, Patr. Gr. 105, 872 a—b) мы узнаемъ, что въ Студіонѣ была каллиграфическая школа, что св. Николай отличался искусствомъ быстраго и четкаго письма и что его рукѣ принадлежала масса рукописей, имъ самимъ исполненныхъ. Однимъ словомъ, передъ нами рисуется приблизительно такая же картина, какую мы видимъ затѣмъ въ концѣ X в. въ Гроттаферратскомъ монастырѣ, гдѣ съ легкой руки св. Нила Младшаго образуется своеобразный гроттаферратскій пошибъ письма, процвѣтаетъ каллиграфическая школа и складывается система стенографіи.

А что тонкій и изящный почеркъ св. Николая можно изучать не по одному Порфирьевскому Четвероевангелію, это опять-таки доказалъ Б. М. Меліоранскій, привлекшій къ своему изслѣдованію и cod. Coisl. 269, въ которомъ лл. 97—286 писаны св. Николаемъ, тогда какъ лл. 1—96 об. и 286 об.—457 об. исполнены почеркомъ другого студита, Аѳанасія, написавшаго, между прочимъ, Аскетиконъ св. Василія Великаго, 880 года, Синодальной библіотеки въ Москвѣ (№ 117) [1]. Такимъ образомъ, изъ всего нами изложеннаго выясняется, и притомъ съ достаточной очевидностью, что не Лавра Саввы Освященнаго была мѣстомъ возникновенія Четвероевангелія 835 г., что не въ этой Лаврѣ жилъ и писалъ монахъ Николай и что не къ Мертвому морю ведутъ насъ „самые ранніе достовѣрные слѣды развитаго строчнаго письма". Нѣтъ, они ведутъ насъ къ Византіи, они ведутъ насъ къ Студійской обители, къ ея каллиграфической школѣ, и къ представителю послѣдней, св. Николаю Исповѣднику.

Но если Порфирьевское Четвероевангеліе не было исполнено въ Лаврѣ Саввы Освященнаго, а попало туда только впослѣдствіи, то нельзя ли, на основаніи какихъ-либо данныхъ, опредѣлить, хотя бы приблизительно, время поступленія рукописи въ обитель Саввы, и нѣтъ ли такихъ данныхъ въ самой рукописи въ видѣ какихъ-нибудь приписокъ или замѣтокъ?

Въ Четвероевангеліи дѣйствительно имѣется на лицо нѣсколько позднѣйшихъ приписокъ, нанесенныхъ разными почерками въ разное время, начиная XI в. и кончая XIV в. Однако всѣ эти приписки, за исключеніемъ двухъ, имѣютъ отношеніе къ тексту рукописи и, во всякомъ случаѣ, не заключаютъ въ себѣ никакихъ постороннихъ замѣчаній. Что же касается двухъ остальныхъ приписокъ, то одна изъ нихъ, на л. 339 об., содержитъ въ себѣ какой-то оракулъ о судьбѣ

---

[1]) См. *Б. М. Меліоранскій*, о. с., табл. I—V.

Константинополя, въ родѣ такъ называемыхъ оракуловъ Льва Мудраго; другая же приписка, сдѣланная какимъ-то „попомъ Лукой грѣшникомъ“ на л. 343 об., представляетъ собой безграмотно написанный кондакъ, исполняемый въ недѣлю праотцевъ и 17-го декабря въ память пророка Даніила и трехъ отроковъ. Займемся сперва этой припиской, которую, судя по почерку, можно датировать XIV в. и которая читается такъ:

χηρονγραφον ηκόν[α]
μι σεβαθετες αλα γρα
φων · οὐσιαν θὸρακυ[σ]
θεντες · τρησμακ[α]
ρηει εν το · κάματοι του
πιρως · εδὸξάσθιτε · εν
μεὸσο δε φλογὸς ανηπ[ο]
στάτ εισται · μένοι θ(εο)ν
επικᾶλιστε · ταχηνον · ἡ
κτρήμον · και σπευσων
ῶς ελεεῖμον · εἰς την
βοήθιαν ημῶν · ὅτη δινα
σε βουλόμενος.
εγῶ ταπηνῶς π(α)π(ας)
Δουκᾶς · αμαρ
τολῶς.

Т. е.: Χειρόγραφον εἰκόνα μὴ σεβασθέντες, ἀλλ' ἀγράφωι οὐσίαι θωρακισθέντες, τρισμακάριοι, ἐν τῶι σκάμματι τοῦ πυρὸς ἐδοξάσθητε, ἐν μέσωι δὲ φλογὸς ἀνυποστάτου ἱστάμενοι θεὸν ἐπεκαλεῖσθε · τάχυνον ὁ Οἰκτίρμων καὶ σπεῦσον ὡς ἐλεήμων εἰς τὴν βοήθειαν ἡμῶν, ὅτι δύνασαι βουλόμενος.

ἐγὼ ταπεινὸς παπᾶς Δουκᾶς ἁμαρτωλός.

Какъ видно изъ правописанія замѣтки, „попъ Лука“ не напрасно называетъ себя „грѣшникомъ“: онъ, дѣйствительно не мало погрѣшилъ противъ орѳографіи, внося на страницы рукописи приглянувшійся ему кондакъ. Но какое отношеніе имѣлъ онъ къ Четвероевангелію 835 года? Всего скорѣе въ немъ можно видѣть одного изъ владѣльцевъ рукописи до поступленія ея въ Лавру Саввы. Очень возможно, что именно онъ и принесъ ее въ обитель, гдѣ она затѣмъ и осталась.

Во всякомъ случаѣ замѣтка „попа Луки“ будетъ самой *поздней* по времени среди остальныхъ замѣтокъ, и притомъ единственной, въ

которой упоминается опредѣленное лицо съ точной квалификаціей его сана.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ замѣтка на л. 339 об., содержащая къ себѣ оракулъ: писанная въ концѣ XIII в., она, въ отличіе отъ предыдущей замѣтки, не грѣшитъ серьезными ошибками. Напротивъ, авторъ ея, кто бы онъ ни былъ, пишетъ увѣреннымъ почеркомъ, то и дѣло прибѣгая къ сокращеніямъ и вообще не затрудняясь въ правильной передачѣ вносимаго имъ текста. Однако, несмотря на это или, вѣрнѣе, благодаря этому, текстъ оракула, и безъ того неясный, дѣлается еще туманнѣе отъ массы неполныхъ написаній и, вѣроятно, не скоро еще дождется своего Эдипа, какъ и другіе подобные ему оракулы.

Тѣмъ не менѣе попробуемъ выписать его и, гдѣ это возможно, развязать узелъ сокращеній, не ручаясь, конечно, за правильность всѣхъ нашихъ толкованій.

† τὸ δισάκ<κ>ιν τὸ ἐσπασμ(έ)νον καὶ τὸ κάγκελον τὸ μαῦρον
ἡ χαλκῆ πόλις ἀπώθ(ει) · τὸ<ν> κοντὸν, κυ<ρ>τὸν δὲ μᾶλλον
καὶ στρογγύλ(ον) δεξαμ(έ)νη κράτος πάριθι μετρίως.
τοῦτ(ο) γὰρ τριπλαῖ δυάδ(ες) σὺν τῆι μοναπλ(ῆι) κρατού(σ)ηι
συγκυπτούσης τῆς ἑβδόμ(ης) τοὺς ὑψηλοτ(έ)ρ(ους) δρόμους, 5
τοὺς Κομν(ήνους) καὶ τοὺς Φράγγους, εἰς τ(ὸν) πόντ(ον) ἀπελ(άσαι).
τούτων οὕτω γινομένων παναθλίων σῶν αἱμ(ά)των
ταῖς πλημμύρ(αις) ἅπαν ἤ<δη> κέχρανται σοὶ το πεδ(ίον),
ἀλλ' ὁ πένης, ὁ βοώπ(ης), ὁ νεκρὸς, ὁ πατριώτης
ἀπὸ νότου τῆς θαλά(σσης) εὐτ(ε)λῶς προσομιλήσας 10
βασιλίδ(α) τὴν κυρ(ίαν) ἀπέδειξε τὴν τοῦ κόσμου. †

Т. е.: „Мѣдный городъ, оттолкни открытую двойную переметную суму и черную рѣшетку,—возьми лучше изогнутый и закругленный шестъ и осторожно иди къ власти. Это—три двоицы съ единицей, могущей, когда смыкается седьмица, столкнуть въ море болѣе высокія поприща,—Комненовъ и Франговъ. Когда происходило это, то потоками твоей несчастной крови щедро орошалась твоя равнина. Но бѣднякъ, со взоромъ вола, мертвецъ, твой соотечественникъ,

---

1) δισάκκιν] рук. δϊσακιν. 2. рук. χαλκὴ τὸν] рук. τὸ κυρτόν] рук. κυτόν (или κοτόν?). 3. Въ рукописи δεξαμένη отдѣлено отъ κράτος точкой, долженствующей указывать на то, что κράτος надо относить къ πάριθι, а не къ δεξαμένη. 4 рук. τριπλαί. 8. ταῖς] рук. τοῖς ἅπαν ἤδη] рук. ἀπανῆ κέχρανται] рук. ἐχρᾶνται. 11. ἀποδείξει?

скромно вступивъ въ бесѣду со стороны южнаго моря, сдѣлаетъ царицу-городъ владычицей всего міра."

Этотъ анонимный стихотворный оракулъ, писанный неуклюжими стихами, стоитъ довольно близко, какъ по тону своему, такъ и по нѣкоторымъ находящимся въ немъ подробностямъ, къ оракуламъ императора Льва Мудраго и къ тѣмъ позднѣйшимъ оракуламъ, которые шли подъ именемъ послѣдняго и которые опубликованы Жиделемъ (Gidel) и Леграномъ (Legrand) въ статьѣ „Les oracles de l'Empereur Léon le Sage" [1]).

Такъ, выраженіе: τὸ δισάκιν τὸ ἐσπασμένον (ст. 1) встрѣчается въ оракулахъ псевдо-Льва Мудраго дважды, а именно: въ оракулѣ I (ст. 81: καὶ δισάκκιν ἐσπασμένον) [2]) и въ оракулѣ IV (ст. 38: τὸ δισάκκιν τὸ σπασμένον) [3]). Далѣе, слова нашего оракула: ἀλλ' ὁ πένης, ὁ βοώπης, ὁ νεκρὸς, ὁ πατριώτης | ἀπὸ νότου τῆς θαλάσσης (ст. 10—11) находятъ себѣ почти дословную параллель въ отрывкѣ оракула III (ст. 1: ὅταν ὁ τλήμων, ὁ πένης | ὁ βοώπης ἐκ τοῦ νότου | ἥξῃ πρὸς σὲ διὰ θαλάττης) [4]). Наконецъ, выраженіе нашего оракула (ст. 3): πάριθι встрѣчается въ оракулѣ II (ст. 1: πάριθι) [5]). Что же касается до общей ситуаціи, то въ ней главной точкой соприкосновенія нашего оракула съ оракулами Льва Мудраго будетъ упоминаніе о „бѣднякѣ, со взоромъ вола", приходящимъ „отъ южнаго моря" и спасающимъ Византію отъ разнаго рода выпавшихъ на ея долю бѣдствій и испытаній. Это упоминаніе о какомъ-то царѣ избавителѣ находится у Льва Мудраго въ XII, XIII и XIV оракулахъ [6]), причемъ грядущій избавитель квалифицируется, какъ „мертвецъ", предназначенный для новой жизни (орак. XII, 3: καὶ ζῆθ' ὁ νεκρὸς καὶ κατεστυγνασμένος; орак. XIII, 1: ὁ νεκρὸς ἤδη καὶ θέαι λελησμένος) [7]), а также, какъ „обитатель скалы", выходящій изъ нея на свѣтъ божій (орак. XII, 1: τὴν πέτραν οἰκῶν;

---

[1]) *Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France*, 8 (1874), 150 сл.

[2]) O. c., 176.

[3]) O. c., 189.

[4]) O. c., 188.

[5]) O. c., 185.

[6]) Оракулы Льва Мудраго изданы Ламбеціемъ (Lambecius) въ приложеніи къ изданію Георгія Кодина: *P. Lambecius*, Georgii Codini et alterius cuiusdam anonymi excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis (Paris 1665), 233 сл. Повторены оракулы у *Migne*'a, Patr. gr. 107, 1129 сл.

[7]) *Migne*, o. c., 1137 b.

орак. XIV; 3: γυμνὸς πρόεισιν ἐκ πέτρας ἀνηλίου) [1]). Наконецъ, въ орак. XI, 3 его царствованіе обозначается, какъ „ἡ τοῦ πτωχοῦ ἐπικράτησις“ [2]), а эпитетъ βοώπης, приложенный къ нему въ нашемъ оракулѣ, надо выводить, повидимому, изъ оракула VI Льва Мудраго, гдѣ рѣчь идетъ о βοῦς [3]). Что-же касается до мѣста, изъ котораго явится избавитель, то, согласно анонимному автору парафразы къ оракуламъ Льва Мудраго, этимъ мѣстомъ будетъ „τὸ νοτιαῖον μέρος τῆς θαλάσσης“ [4]): отсюда именно и придетъ тотъ, „ὃν ἐξουδένουν οἱ ἄνθρωποι ὡς νεκρὸν ὄντα καὶ μηδὲν χρησιμεύοντα“ [5]) и про котораго авторъ парафразы говоритъ, какъ про „νεκρὸν ὄντα τῶι σώματι, καὶ εὔπνουν καὶ ζῶντα τῶι πνεύματι“ [6]).

Изъ всѣхъ сдѣланныхъ мной сопоставленій ясно, что нашъ оракулъ въ своемъ представленіи о „царѣ-избавителѣ“ исходитъ изъ данныхъ, представляемыхъ оракулами Льва Мудраго. Однако, пользуясь этими данными, онъ группируетъ ихъ такъ, что его стремленіе пріурочить ихъ къ опредѣленной исторической личности выступаетъ довольно ясно. И дѣйствительно, если мы оставимъ въ сторонѣ темныя и непонятныя, чисто оракульныя разсужденія о „переметной сумѣ“, о „черной рѣшеткѣ“, о „двоицахъ“ и „седьмицѣ“,—разсужденія, тайный смыслъ которыхъ я разгадать не могу, то все остальное оказывается болѣе или менѣе уловимымъ.

Согласно оракулу выходитъ какъ будто бы такъ, что когда истекаетъ опредѣленный временной срокъ (не на это ли указываютъ стихи 4—5?), то въ судьбѣ Византіи наступаютъ важныя событія, слѣдствіемъ которыхъ является кровавая рѣзня и гибель. Такъ было, когда истекло время, предназначенное для владычества Комненовъ; такъ было и тогда, когда наступилъ конецъ господству Франговъ. И первое и второе событіе сильно потрясло городъ, но вотъ появляется „бѣднякъ, со взоромъ вола“, появляется съ „южнаго моря“, и „царевъ городъ“ занимаетъ свое прежнее всемірное положеніе.

Предсказывая всѣ эти событія, нашъ оракулъ, какъ настоящій

---

1) *Migne*, o. c., 1137 b и 1140 a.

2) *Migne*, o. c., 1137 a.

3) *Migne*, o. c., 1133 b.

4) *Migne*, o. c., 1145 b.

5) *Migne*, o. c., 1145 d.

6) *Migne*, o. c., 1144 c. Приходъ избавителя съ моря не мѣшаетъ ему быть уроженцемъ Византіи (*Migne*, o. c., 1145 b: κατοικῶν ἐν τῆι τετραπόλωι ἐπὶ ψυχρότερον μέρος τοῦ σίγματος). Поэтому нашъ оракулъ и назаваетъ его „πατριώτης“—землякомъ, соотечественникомъ.

оракулъ, видитъ ихъ уже сбывшимися: они не укрываются отъ его взора, смотрящаго въ грядущее, они для него въ дѣйствительности. Онъ можетъ давать даже совѣты по поводу того, какъ должно подходить къ утерянной власти: это нужно дѣлать шагъ за шагомъ (μετρίως), причемъ слѣдуетъ стараться, чтобы не было больше „открытой сумы", открытой, надо думать, для каждаго желающаго и представляющей собой, какъ мнѣ кажется, самое Византію въ эпоху ея безвременья [1]). Какъ бы то ни было, при такомъ осторожномъ образѣ дѣйствій—такъ именно и поступали Ласкарисы, начавшіе отвоевываніе византійскихъ владѣній съ Малой Азіи—можно надѣяться и на появленіе царя-избавителя, который перенесетъ свою дѣятельность уже на самый Константинополь.

Но въ такомъ случаѣ ясно, что этимъ царемъ является Михаилъ Палеологъ, закончившій въ 1261 году свою борьбу съ латинянами изгнаніемъ ихъ изъ столицы и занятіемъ послѣдней. Въ Михаилѣ Палеологѣ и видитъ авторъ нашего оракула царя, который долженъ былъ придти съ южной стороны и который теперь на его глазахъ возстановляетъ разрушенную было имперію.

Значитъ, terminus post quem для составленія оракула будетъ 1261 годъ, тотъ годъ, который и вдохновилъ автора оракула, давъ ему вполнѣ понятную прозорливость и предугадываніе того грядущаго, которое для всѣхъ было реальной дѣйствительностью.

Итакъ, нашъ оракулъ составленъ подъ впечатлѣніемъ новаго политическаго возрожденія Византіи, составленъ во второй половинѣ XIII в. и внесенъ затѣмъ въ наше Четвероевангеліе, внесенъ до перехода послѣдняго въ руки „попа Луки" и, по всей вѣроятности, до поступленія рукописи въ Лавру Саввы Освященнаго.

Г. Церетели.

---

[1]) По крайней мѣрѣ, такое значеніе имѣетъ „δισάκκιν ἐσπασμένον" въ оракулахъ псевдо-Льва Мудраго. Ср. орак. IV, 38: τὸ δισάκκιν τὸ σπασμένον, гдѣ подъ „двойной переметной сумкой" разумѣется сама Византія, а также орак. I, 81: καὶ δισάκκιν ἐσπασμένον, и разсужденія по этому поводу *Gidel'я* (o. c., 156—157).

КЪ ГОРГИППІЙСКОЙ НАДПИСИ ѲІАСИТОВЪ.

Тщательное изученіе оригинала горгиппійской надписи ѳіаситовъ, изданной В. В. Латышевымъ въ *Изв. И. Археол. Комм.*, 37 (1910), 38 сл. n°. 2, позволяетъ предложить слѣдующія измѣненія въ предложенной издателемъ транскрипціи надписи [1]).

Въ стр. 10 вм. ἱερέ[α] должно быть возстановлено ἱερέ[αν], такъ какъ, во-первыхъ, иначе остается незаполненное пространство, а во-вторыхъ, передъ слѣдующимъ словомъ ясно видна вертикальная черта, которая можетъ быть понята только какъ остатокъ ν. Что касается формы винительнаго падежа ἱερέαν, представляющей собою несомнѣнный примѣръ вліянія κοινή (ср. K. Dieterich, Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Sprache, 159 въ Byzant. Arch., 1), то она встрѣчается въ южно-русскихъ надписяхъ нѣсколько разъ (IGosPE. II 61. 62. IV 207. *Изв. И. Археол. Комм.*, 40, 105); аналогичныя ей формы—IGosPE. I 110 (γυναῖκαν, θυγατέραν). IV 33 (στηλίδαν). 207 (πατέραν) и др.

Въ стр. 15 возстановлено 'Αταμ]άζου. Однако на камнѣ стоитъ не ζ, а ξ; затѣмъ для предлагаемаго возстановленія нужно гораздо больше мѣста, чѣмъ то, которымъ мы располагаемъ послѣ возстановленія предыдущаго Μοιρόδω[ρος. Располагаемъ же мы мѣстомъ только для одной буквы, небольшіе остатки которой сохранились на камнѣ; они заставляютъ признать, что это была буква μ. Такимъ образомъ получается нѣсколько неожиданное отчество Μ]άξου. Такого собственнаго имени до сихъ поръ, повидимому, не встрѣчалось; его нѣтъ ни среди именъ южно-русскихъ надписей, ни въ словарѣ Pape-Bense-

[1]) Надпись хранится въ настоящее время въ Музеѣ Древностей Петроградскаго университета. Помимо изученія надписи по оригиналу мы пользовались и изготовленнымъ нами эстампажемъ.

ler'a[3], ни у Fick'a, Die Griech. Personennamen[2], ни въ index'ахъ IG. Тѣмъ не менѣе наличность этого имени въ нашей надписи почти безспорна, такъ какъ тщательное измѣреніе и сохранившіеся остатки буквъ не допускаютъ ничего иного. Если даже съ большой натяжкой предположить, въ виду наблюдающейся въ надписи нѣкоторой неравномѣрности въ величинѣ буквъ, что передъ μ была еще одна буква, то и это намъ мало поможетъ; вѣдь намъ извѣстно только одно греческое имя на—αξος—Εὔαξος въ IG. IV 926_{66} (ср. Fick, ук. соч., 63).

Въ стр. 19 передъ отчествомъ Ἀθηνοδώ[ρου стояло собственное имя на—ης, такъ какъ передъ вполнѣ сохранившейся σ ясно видна правая вертикальная черта не сохранившейся цѣликомъ η. Изъ извѣстныхъ намъ встрѣчающихся въ Горгиппіи именъ на—ης по своимъ пропорціямъ сюда безупречно подходитъ Φαρνάκης. Это имя съ тѣмъ же отчествомъ Ἀθ[ηνοδώρου] встрѣчается въ IGosPE. II 408.

Въ началѣ стр. 21 на камнѣ сохранился остатокъ еще четвертой буквы μ; такимъ образомъ νος, которымъ начинается строка, представляетъ собой, по всей вѣроятности, конецъ отчества, въ родѣ Χρηστίωνος.

Въ началѣ стр. 22 не можетъ быть возстановлено Πό[θος, такъ какъ послѣ πο имѣется несомнѣнный остатокъ σ. Кромѣ того, въ концѣ предыдущей строки ясно читается απ; слѣдовательно въ началѣ нашей строки находится не начало слова, а продолженіе; соединяя απ съ πος получимъ Π]άππος, имя весьма частое въ Горгиппіи (въ IGosPE. II 402 оно встрѣчается семь разъ).

Въ концѣ 22 стр. послѣ возстановленія несомнѣннаго Νε[οκλέους невозможно Σαρμ]άτας, такъ какъ для этого имени надо, по меньшей мѣрѣ, вдвое больше мѣста, чѣмъ то, которое остается. Кромѣ того, передъ τ находится не α, а τ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ сохранилась нижняя часть совершенно прямой, а не наклонной черты, отстоящей притомъ довольно далеко отъ послѣдующаго τ, что̀ характерно для двухъ τ. Передъ этими двумя τ ясно видны остатки α, а передъ α—остатки σ, которая, какъ показываетъ измѣреніе, является послѣдней буквой предыдущаго Νε[οκλέους. Такимъ образомъ, послѣ Νε[οκλέους можетъ быть возстановлено только Ἄτ]τας, имя, также уже неоднократно встрѣчавшееся въ Горгиппіи (IGosPE. II 403. 405. 408. 410. IV 433. 438. 439. 440).

Въ началѣ стр. 23 имѣется остатокъ μ. Далѣе, передъ Παντα-λέοντος могло быть только имя на—ης, такъ какъ передъ σ сохранилась правая черта отъ η. Ср. стр. 19.

Въ фрагментѣ e, стр. 1, передъ υβλε сохранились остатки σ. Получается комплексъ буквъ, отличающійся отъ того, о которомъ говорится въ *Изв. И. Археол. Комм.*, 23, 48, лишь присутствіемъ ε вм. η. О возможномъ объясненіи этого см. ниже, стр. 6.

Въ концѣ стр. 6 этого фрагмента стоитъ не σ, а ο, послѣ котораго имѣется небольшой остатокъ σ или υ, такъ что возможно предположить здѣсь Βάγηο[ς или Βαγήο[υ (предшествующій родительный пад. Πόθου этому не препятствуетъ; ср. въ слѣдующей строкѣ фрагмента два рядомъ стоящихъ родит. падежа Φαρνα]κίωνος Νουμηνίου, а также IGosPE. II 402 и стр. 214). Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть форму, отличающуюся отъ Βάγεος въ IGosPE. II 78 лишь написаніемъ η вм. ε. О возможности такого явленія (ср., напр., Ἱεροκλήους, Inschriften von Magnesia, herausg. von Kern, nº. 88 d; ἡαυτῶν, ibid. nº. 15 b; Ἡρακληώτης. IG. III p. II 2454; χαῖρη, IGosPE. IV 327; ἐνθάδη, *Изв. И. Археол. Комм.*, 3,49; νυκτηρινοῦ, *Мат. по археол. Россіи*, nº. 6,16) см. Blass, Ueber die Aussprache des Griechischen³, 35; Meisterhans, Grammatik der attischen Inschriften³, 19; Nachmanson, Laute und Formen d. magnetischen Inscriften, 21. Во второмъ случаѣ, форму Βαγήου пришлось бы разсматривать какъ тожественную съ Βαγίου (IGosPE. II 402. 403) съ η вм. ι. Такая замѣна для времени нашей надписи является, правда, довольно ранней, но все же не невозможна. Напр., для аттическихъ надписей Meisterhans (ук. соч., 19) устанавливаетъ, что отдѣльные случаи смѣшенія η и ι имѣютъ мѣсто, начиная съ середины II в. по Р. Х. Ср. также Blass, ук. соч., 37. Высказанныя соображенія не препятствуютъ, конечно, и въ Βάγηος видѣть не родит. пад. вм. Βάγεος, а именит. вм. Βάγιος, что̀ вполнѣ возможно по контексту.

Въ стр. 7 у насъ нѣтъ основаній думать, что она начиналась со слова Φαρνα]κίωνος. Въ самомъ концѣ строки послѣ Νουμηνίου можно съ несомнѣнностью разобрать φ.

Ѳ. Кипарисовъ.

XEN. HELL. VI, 4, 14.

Xen. Hell. VI, 4, 14 во всѣхъ изданіяхъ читается съ такой разстановкой знаковъ препинанія:

ἐπεὶ μέντοι ἀπέθανε Δείνων τε ὁ πολέμαρχος καὶ Σφοδρίας τῶν περὶ δαμοσίαν καὶ Κλεώνυμος ὁ υἱὸς αὐτοῦ (protasis), καὶ οἱ † μὲν ἵπποι καὶ οἱ συμφορεῖς τοῦ πολεμάρχου καλούμενοι οἵ τε ἄλλοι ὑπὸ τοῦ ὄχλου ὠθούμενοι ἀνεχώρουν, οἱ δὲ τοῦ εὐωνύμου ὄντες τῶν Λακεδαιμονίων ὡς ἑώρων τὸ δεξιὸν ὠθούμενον, ἐνέκλιναν (apodosis).

Это даетъ такой смыслъ: „Послѣ того, какъ были сражены полемархъ Динонъ, царскій сотрапезникъ Сфодрій и его сынъ Клеонимъ,—также и лошади (?), такъ называемые помощники полемарховъ и всѣ прочіе стали отступать подъ натискомъ массы войска; замѣтивъ, что врагъ тѣснитъ правый флангъ, дрогнули и тѣ, которые были на лѣвомъ флангѣ лакедемонянъ“.

Оставимъ пока въ сторонѣ загадочныхъ ἵπποι. И безъ этого, очевидно, испорченнаго слова фраза представляется весьма нелогично построенной. Дѣйствительно, правому флангу дается такое, весьма странное опредѣленіе: οἱ μὲν ἵπποι, такъ называемые помощники полемарховъ и всѣ прочіе. Странно, что не игравшіе большого значенія въ лакедемонскомъ войскѣ и нигдѣ болѣе не упоминаемые συμφορεῖς противопоставляются всему остальному правому фронту: для того, чтобы охарактеризовать этотъ правый фронтъ, достаточно указать на нихъ и прибавить „и пр.“.

Далѣе, самый способъ сочиненія въ главномъ предложеніи періода—нѣчто неслыханное (по крайней мѣрѣ, въ Hellenica). Обращаясь къ грамматическому указателю, приложенному къ комментированному изданію „Греческой исторіи“ Л. Брейтенбаха, мы увидимъ, что, правда, имѣются исключительные случаи, когда τε не имѣетъ apodosis'а съ

соотвѣтствующимъ καί, а само находится въ apodosis'ѣ. *Но въ этомъ случаѣ protasis всегда состоитъ изъ одного лишь предложенія и не имѣетъ въ началѣ* καί; такихъ случаевъ, чтобы τε стояло въ послѣднемъ членѣ сочиненнаго предложенія, построеннаго по принципу καὶ — καὶ, — τε — не засвидѣтельствовано, по крайней мѣрѣ, у Ксенофонта.

Эти соображенія вынуждаютъ видѣть конецъ protasis'а и начало apodosis'а предъ словами οἵ τε ἄλλοι, гдѣ я и ставлю запятую. Въ такомъ случаѣ apodosis оказывается періодомъ, построеннымъ по принципу — τε —, — δὲ —. Такая структура нерѣдка у Ксенофонта (Hell. IV, 5, 15. VI, 5, 33. VII, 1, 24. Resp. Lac. V, 7. Symp. VIII, 2). Обратимъ вниманіе также на то, что указанное предложеніе имѣетъ тотъ же логическій оттѣнокъ, что̀ и всѣ другія мѣста, гдѣ встрѣчается структура: οἵ τε ἄλλοι —, οἱ δὲ —. Въ то время какъ построеніе οἵ τε ἄλλοι — καὶ — указываетъ только на то, что второй членъ *составляетъ часть* перваго, но на него обращено авторомъ преимущественное вниманіе, эта структура всегда имѣетъ еще добавочную цѣль — *противопоставить* второе предложеніе первому при помощи частицы δέ. Именно такой характеръ носитъ наше предложеніе: оно, во-первыхъ, указываетъ, что отступили всѣ, а *въ томъ числѣ* и лѣвый флангъ; во-вторыхъ, противопоставляетъ лѣвый флангъ остальному войску: это остальное войско отступило по той причинѣ, что непосредственно испытывало вражескій натискъ, тогда какъ лѣвый флангъ дрогнулъ только потому, что видѣлъ неудачу праваго фланга.

Итакъ, перестановкой запятой можно достигнуть двоякой цѣли. Во-первыхъ, предложеніе становится вполнѣ осмысленнымъ. Прежде оно имѣло весьма странное содержаніе: „такъ какъ погибли полемархъ Сфодрій и его сынъ,—отступили οἱ μὲν ἵπποι, помощники полемарховъ и пр.“. Теперь общій смыслъ сталъ таковъ: „такъ какъ всѣ начальствующія и сановныя лица (полемархъ, Сфодрій, его сынъ, οἱ μὲν ἵπποι и помощники полемарховъ) пали въ бою, — войско (потеряло бодрость духа), не выдержало натиска и отступило“. Во-вторыхъ, вмѣсто темной, неуклюжей и нигдѣ болѣе не засвидѣтельствованной конструкціи, мы получили новое построеніе—изящное и гибкое.

Теперь перейдемъ къ вопросу объ οἱ μὲν ἵπποι. Прежде всего, какъ видно изъ вышеизложеннаго, это—несомнѣнно какія-то начальствующія или сановныя лица; поэтому я рѣшительно отвергаю коньектуру Билибальда и Стефана — οἱ μὲν ἱππεῖς, и Гемстергейса οἱ μὲν

ἄμιπποι (=пѣхота, прикомандированная къ конницѣ). Дѣйствительно, и передъ этимъ словомъ и послѣ него стоятъ названія лакедемонскихъ сановниковъ: несомнѣнно, и οἱ μὲν ἵπποι принадлежатъ къ этой же категоріи. Schenkl совершенно правъ, полагая, что здѣсь скрывается какое-то дорическое слово. Л. Брейтенбахъ (его изданіе Hellenica, 274, примѣч.) подчеркиваетъ необходимость сохраненія μέν, въ связи съ послѣдующимъ δέ; но при нашей разстановкѣ знаковъ препинанія δέ соотвѣтствуетъ не μέν, а τέ (см. выше); поэтому мы должны, въ противоположность Брейтенбаху, устранить это μέν (конечно, не простымъ зачеркиваніемъ). Трудно возразить что-либо противъ чтенія Madvig'a οἱ μένιπποι (ср. nomen proprium—Μένιππος); однако мнѣ кажется, что для свитскихъ чиновниковъ болѣе подходящимъ названіемъ будетъ οἱ μέθιπποι [1]), причемъ слово τοῦ πολεμάρχου я отношу и къ οἱ μέθιπποι и къ οἱ συμφορεῖς. Очевидно, переписчикъ впалъ въ ту же ошибку, что и современные ученые, и хотѣлъ во чтобы то ни стало найти μέν, соотвѣтствующее находящемуся въ концѣ предложенія δέ. Вдобавокъ слово μέθιπποι было ему совершенно неизвѣстно, поэтому онъ и прочелъ здѣсь οἱ μὲν ἵπποι.

Итакъ, вся фраза приметъ такой видъ: ἐπεὶ μέντοι ἀπέθανε Δείνων τε ὁ πολέμαρχος καὶ Σφοδρίας τῶν περὶ δαμοσίαν καὶ Κλεώνυμος ὁ υἱὸς αὐτοῦ καὶ οἱ μέθιπποι καὶ οἱ συμφορεῖς τοῦ πολεμάρχου καλούμενοι (protasis),—οἵ τε ἄλλοι ὑπὸ τοῦ ὄχλου ὠθούμενοι ἀνεχώρουν, οἱ δὲ τοῦ εὐωνύμου ὄντες τῶν Λακεδαιμονίων ὡς ἑώρων τὸ δεξιὸν ὠθούμενον, ἐνέκλιναν (apodosis): „Однако, послѣ того, какъ были сражены самъ полемархъ Динонъ, царскій сотрапезникъ Сфодрій съ сыномъ Клеонимомъ и такъ называемые конюшіе и адъютанты полемарха,—войско, не выдержавъ натиска массы враговъ, стало отступать; дрогнули и тѣ, которые были на лѣвомъ флангѣ лакедемонянъ, замѣтивъ, что врагъ тѣснитъ правый флангъ“.

С. Лурье.

---

[1]) Правда, слово μέθιπποι нигдѣ не засвидѣтельствовано, но вѣдь и συμφορεῖς—ἅπαξ λεγόμενον. Ср., съ одной стороны, глаголъ μεθιππεύω, съ другой—существительныя ἄμιππος, ἔφιππος, πάριππος (Poll. 5, 40, 41).

О ТЕКСТѢ И ЯЗЫКѢ ПИСЬМА ѲЕОНА.

Знаменитое теперь письмецо античнаго enfant gâté издано четыре раза: 1) Grenfell'емъ и Hunt'омъ въ Pap. Oxyrh. I (1898), № 119, „A Boy's Letter" съ датировкой: second or third century, 2) годъ спустя, Fr. Blass'омъ въ *Hermes*'ѣ, 34, 1899, 312—15: „Ein Curiosum aus Oxyrhynchus", 3) Deissmann'омъ, *Licht vom Osten* 2/3, 137 слл. и 4) у Lietzmann'а въ его Griechische Paryri (Kleine Texte, Bonn 1910), № 12. Самостоятельны только два первыхъ изданія. Deissmann и Lietzmann воспроизводятъ ed. princ., если не считать улучшеній μετ' ἐσοῦ (2, 4), введенныхъ Блассомъ [1]), με· ἄρρον вм. μὲ ἄρρον (10) и λυπόν (13), предложеннаго уже Wilamowitz'емъ *G. G. A.* 1898, 686 [2]). Ниже предлагаю первымъ долгомъ повѣрку чтеніямъ ed. princ. и Blass'у, имѣвшему въ распоряженіи фотографію; пользуюсь при этомъ отличной фототипіей, предоставленной мнѣ Г. Ф. Церетели; касаюсь я только такихъ мѣстъ, которыя въ ней читаются отчетливо и, повидимому, правдиво переданы. Неудобочитаемы начала и середины строкъ 4—8-й, но по поводу нихъ почти не возникаютъ сомнѣнія въ правильности чтеній англичанъ по оригиналу.

Къ 3-ьей строкѣ. Вмѣсто прочитаннаго издателями Pap. Ox. ἡ οὐ θέλις Blass, c. l., пишетъ ᾳι, считая начертаніе слишкомъ широкимъ для η-ы. Но размѣры буквъ у Ѳеона подвержены большимъ колебаніямъ (сравни, напр., π въ 3 πόλιν съ 13 λυπόν, что̀ Grenfell'емъ и Hunt'омъ было принято за λυρον),а въ данномъ случаѣ разсмотрѣніе репродукціи убѣждаетъ въ отсутствіи необходимыхъ для ει загибовъ вправо у спорнаго начертанія. Правильно, такимъ образомъ,

---

[1]) И *Wilcken*'омъ, *Arch. f. Pap.* I, 131.

[2]) Lietzmann, впрочемъ, поправляетъ также невозможныя ударенія Ἀλεξανδρίαν *bis* и ἀπενέκκειν, сохраненныя Deissmann'омъ изъ Pap. Ox.

чтеніе ἢ οὐ θέλις. И это съ языковой точки зрѣнія интересно. Вѣдь Блассъ с. l. утверждалъ, что у Ѳеона еще нѣтъ мѣны—η—съ—ει—. Несомнѣнность чтенія η какъ будто его опровергаетъ. Но на самомъ дѣлѣ именно это слово ничего не доказываетъ относительно достигнутой въ языкѣ Ѳеона стадіи итацизма. Дѣло въ томъ, что, повидимому, εἰ словарно смѣшивалось съ ἤ, притомъ уже въ птолемеевскую эпоху. Это доказывается 1) употребленіемъ ἢ=εἰ въ pap. Par. 45 и 46 (153 г. до Р. Хр.). Въ нихъ η было = *e*, а не комбинаторное εἰ=*i*, cf. 45, 2 εἶε=εἴη, 46, 4 δίδομει 5 θέλις=—εις 8 πλῖστα, но въ нихъ же мы читаемъ 45, 5 καὶ ἢ ἕτερον θέλις λέγειν, λέγε..., 46, 5 ἤ τι θέλις, γράψον ἐπιστόλιον | Πολυδέκηι. Такое же ἢ = εἰ очевидно въ Pap. Grenfell, II, 38 (I в. до Р. Хр.), 15 καὶ γράφωμαί| σε περὶ τῆς| λογείας, ἢ λογεύσω ἢ[... 2) для ранне-римской эпохи, когда η еще сохраняло свое значеніе *e*, употребленіемъ εἴ вм. ἤ „или". Такъ, наприм., въ письмахъ Гемелла, написанныхъ около 100-го г. по Р. Хр., при строгомъ разграниченіи—η—отъ—ει—,—ι—мы находимъ отклоненіе только для данныхъ словечекъ: Fayyûm Towns and their Papyri, № CXIV, 19 καὶ τὴν εἰκθύιν πέμσις (fut.), τῆι κδ εἴ κε εἰς τὰ | γενέσια Γεμέλλης; № CXIII, 5 πέμσις Πίν|δαρον τὸν πεδιοφύλακα τῆς | Διονυσ[ιά]δος εἴ τὸν πατέρα αὐτῆς.., 12 καὶ τῆι ιη εἴ ιθ τη | πόλι πέμσις εἰκθύας.

Указанное смѣшеніе, разумѣется, не имѣло повода прекратиться при возрастающей затѣмъ [1]) близости между фонетическими значеніями η и ει.

При принятомъ чтеніи 3-ьей и 4-ой строкъ чувствуется неловкость въ отсутствіи дополненія къ ἀπενεκκεῖν, поставленнаго во 2-ой и 8-ой строкахъ: вѣроятно мѣстоименіе με написано, но пропущенъ одинаковый съ нимъ слогъ предлога μετα, т. е. ἀπενεκκεῖν με ⟨με-⟩| τ' ἐσοῦ, какъ напр. въ письмѣ Мнесіэрга, Wünsch, Defix. Tab. II. 7 διφθέρας | ὡς εὐτελεστά⟨τα⟩ς.

Къ 8-ой стр. Хотя всѣ издатели пишутъ 8 απενεκαι μ[ε], однако отъ ε въ με сохранилась порядочная часть, читаемая вполнѣ отчетливо.

Въ *7-ой* стр. между —ρ и ου — словъ παρα [σ]ου (такъ Grenfell-Hunt=Deissmann=Lietzmann) видны слѣды буквъ, не указывающія, однако, опредѣленно ни на α, ни на ε. Я держусь Бласса (въ его текстѣ παρ[α σ]ου) и въ виду μετ' ἐσοῦ во 2-ой и 3-ьей стрр. читаю согласно съ его нерѣшительнымъ предположеніемъ παρ[' ἐσ]οῦ.

---

[1]) Къ сожалѣнію, нельзя исходить изъ эпохи написанія, разъ она не можетъ быть опредѣлена болѣе точно.

На основаніи хорошаго факсимиле сомнѣваться въ правильности чтенія по оригиналу не слишкомъ смѣло, разъ въ другомъ случаѣ Grenfell и Hunt пишутъ букву, прочесть которую по репродукціи, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ дающей отчетливое, очень энергичное начертаніе, при всемъ желаніи нельзя. Имѣю въ виду общее чтеніе γε[ί]νετε въ 9-ой стр. (гдѣ, кстати, въ виду лакуны читай: ταῦ̣τ̣α). Написана во 2-омъ слогѣ курсивная лигатура αι, и только связующая обѣ буквы почти горизонтальная черта α-ы прервана дыркой въ папирусѣ. Снизу буквы ναιτε, повидимому, перечеркнуты, на исправленіе же терпѣнія не хватило. Курсивно-связанное α+ι больше у Ѳеона не встрѣчается, но такія же курсивныя исключенія онъ допускалъ и для другихъ буквъ: см. ниже.

Между καί и ἡ μήτηρ по ошибкѣ поставлена какая-то буква, повидимому, β, можетъ быть, и ρ.

Къ 11-ой стр. По поводу δῶρά μοι у Grenfell'я и Hunt'a (=Deissmann=Lietzmann) Blass слишкомъ осторожно замѣтилъ: „die undeutlichen Züge scheinen mir mehr für ε als für οι zu passen“: на факсимиле (даже Deissmann'a *L. v. O.* 138) ясно видна горизонтальная черточка ε и нажимъ — слѣдъ его „шапочки“. Такимъ образомъ, въ употребленіи με, σε вм. μοι, σοι Ѳеонъ дѣйствительно былъ послѣдователенъ, что̀ и подчеркнулъ Блассъ, с. l. правильно поставившій въ текстъ δῶράμε.

Въ *12-ой* стр. Grenfell-Hunt писали πεπλανηκανημ̣ω̣σ. Дейсманнъ и Лицманнъ не стѣсняются писать ἡμῶς (съ прим. = ἡμᾶς), хотя репродукціи показываютъ, что правъ Блассъ, замѣчая по поводу чтенія Pap. Ox.: „nach den Resten scheint (вѣрнѣе: ist) auch α möglich“, а, слѣдовательно, и ставя въ текстъ ἡμ[ᾶ]ς. При полной невѣроятности ἡμῶς и наличности слѣдовъ, не противорѣчащихъ α-ѣ, я писалъ бы: ἡμᾶς.

A. Deissmann назвалъ данное письмо документомъ „wildestgewachsener Volkssprache“ Такая характеристика, должно быть, обусловлена 1) употребленіемъ με, σε вм. μοι, σοι, въ чемъ Д. не замѣтилъ какъ разъ послѣдовательности, о чемъ см. выше. 2) и въ первую голову такими оборотами какъ ὑιγένω σε и χαίρω σε, вызвавшими и со стороны Бласса сильныя выраженія („Das Grossartigste ist die Vergewaltigung...“). Но указанные обороты и нѣтъ возможности приписывать общепризнанному въ то время обиходу, а приходится видѣть въ нихъ примѣры спеціально дѣтской рѣчи. Послѣдняя, можетъ быть, отражается и въ читаемомъ, кажется, только здѣсь индикативѣ при обо-

ротѣ καλῶς ποιεῖν. Но онъ, думается, ближайшимъ образомъ, обусловленъ самимъ тономъ капризнаго упрека. 3) Бросается въ глаза пестрота формъ глагола ἀποφέρω, можетъ быть, однако, не понятыхъ должнымъ образомъ. Какъ въ ἀπενέκαι (8), такъ и въ ἀπενεκκεῖν (3) проявляется та диссимиляція (cf. Kretschmer, *KZ.* 35, 608; *Glotta*, 5, 270)+ассимиляція, которыя въ этой основѣ (—ενεγκ—) засвидѣтельствованы для птолемеевскаго и римскаго времени (см. Mayser, 183, § 37, 199, § 43; Dieterich, Unters. 114 β). Судя по —κκ— результатомъ ассимиляціи было долгое —κ—, а что до однократнаго—κ—, то это написаніе въ одномъ и томъ же документѣ чередуется съ удвоеніемъ буквы уже въ II в. до Р. Хр. (см. Mayser c. l.), т. е., повидимому, является тамъ менѣе тщательной передачей того же звука. На то, что въ эпоху II—III в.в. дѣло обстояло не иначе, указываетъ обыкновеніе написанія —κκ—, продолжавшееся и теперь, хотя школой оно, несомнѣнно, не поддерживалось [1]).

Болѣе существенно различіе формальное. Однако такое колебаніе вполнѣ могло принадлежать языку той эпохи, въ которую, несомнѣнно, I-й аористъ постоянно усиливался на счетъ II-го.

Но у Ѳеона во 2-й строкѣ стоитъ еще индикативъ απενηχες. Такъ, не сомнѣваясь, пишутъ Grenfell и Hunt [=Deissmann=Lietzmann]. Blass c. l. считалъ одинаково возможнымъ, хотя и одинаково для даннаго письма палеографически безпримѣрнымъ, и—αιχες. Въ дѣйствительности, αι исключено, а несомнѣнное здѣсь η отличается только петелькой изъ нижней части первой hast'ы и поперечной, т. е. содержитъ характерную особенность одной изъ распространенныхъ въ римскую эпоху курсивныхъ формъ η-ы. Одинаково необычно для Ѳеона ν даннаго слова, гдѣ первая hasta замѣнена также петлей.

Названную форму издатели поясняютъ примѣчаніемъ=ἀπήνεγκες. Если ἀπενηχες—аористъ, то можно бы думать объ основѣ -ενεγκ-, представленной у Ѳеона двумя сейчасъ обсуждавшимися формами. Но предположеніе при этомъ перестановки η и ε, явленія вообще рѣдкаго, было бы ultimum refugium, и, во всякомъ случаѣ, совершенно недопустимо, подобно Лицману, для параллели привлекать προσενηκεν изъ птолемеевской эпохи, особенно же изъ такого документа какъ Flinders Petrie Pap. II, 4 (6), гдѣ написанія 6 ενηστηκοτα=ἐνεστηκότα, 11 εξαβιασατο μη(=με), 12 οι παρεστεκοτες=οἱ παρεστηκότες, не разли-

[1]) Напротивъ, для *плавныхъ* благодаря ἄρρον съ одной стороны, и ἐρῶσθε—съ другой, несомнѣнно отсутствіе разграниченія долготъ и краткостей, что̀ и подтверждается данными II и III вв.

чающія η и ε квантитативно, доказываютъ невозможность приводить 12 προσενηκεν какъ примѣръ перестановки.

Далѣе сомнительно пока, могло-ли -χ- стоять и вмѣсто результата измѣненія сочетанія -γκ- [1]). Легче понять -χ- при допущеніи здѣсь основы -ενεικ- (читаемой напр. въ Pap. Ox. (I) № 121, III в., 17 ἔνικον; BGU. (I) Nr. 229=230, II—III в., 4 ἐξένικον; BGU. (II), Nr. 385, II—III в., ἐνιγών). Но послѣднее нежелательно въ виду очевидности разграниченія у Ѳеона вообще η и ει (о недоказательности ἡ вм. εἰ см. выше). Такимъ образомъ, -η- [2]) и -χ-, сообща противостоящія формамъ ἀπενεκκεῖν и ἀπενέκαι, указываютъ на иное пониманіе написанія απενηχες, а именно на перфектъ ἀπενή<νο>χες съ чисто-графическимъ слоговымъ пропускомъ, наблюдаемымъ нерѣдко: напр., BGU. (I), Nr. 261, II—III в., οὗ δέ<δω>κες αὐτῇ. Pap. Ox. (IV), № 744, 7: ἐπιμελή|θ<ητ>ι. Fayyûm Towns and their Papyri № 137, I saec., θεῶι με<γά>λο μεγά|λωι, Pap. Ox. (I), № 43, A. D. 295, Col. III, 17—18 επιφαν | [[φαν]] εστ<άτ>ων, Pap. Giess. Nr. 34 (265—266 г. по Р. Хр.), 2 Σαραπίωνος ἐνάρχου ἀ[ρ]χιδικαστοῦ 5 Σαρ<απ>ίων ἔναρχος ἀρχιδικαστής, Nr. 33 (кон. II в.) 3 κληρον<όμ>οις 18 ὧν κατοι<κι>κῶν ἀρου|[ρῶν.

Пропускъ, между прочимъ, слоговъ, стоящихъ подъ удареніемъ, особенно доказателенъ для графическаго характера даннаго явленія, что̀ слишкомъ мало оттѣнено въ грамматикѣ Mayser'a, 245 слл.

Стр. 12-ая и 13-ая. Въ ὅτι съ Виламовицемъ *G. G. A.* 1898, 686, и Дейсманномъ c. l. приходится видѣть подстановку вм. ὅτε. Для мало убѣдительной гипотезы Бласса c. l., спасающей ὅτι, плохая поддержка εκει: оно могло бы относиться хотя бы къ окрестностямъ деревни; но могъ быть и забытъ слогъ <νη> (Виламовицъ c. l.), что̀ уже относилось бы къ особой категоріи пропусковъ при переходѣ къ новой строкѣ, cf. письмо Паппуѳія, Deissmann, *L. v. O.* 2/3, № 18, 17: μέρος τὸν <ἀμ>|αρτιῶν καθαρίσεως... BGU. I, № 261, 33 οἱ ἐν οἴκῳ πάντες κατ' ὄ<νο>|μα. Pap. Giess. Nr. 68 (II в.), 9 οὐδένα <ἔ>|χω [μ]ετὰ τὸν θεόν.

Неразрѣшеннымъ остается пока затрудненіе, представляемое словомъ ἔλθης (6), для котораго Deissmann даетъ неправильный переводъ:

---

[1]) Объясненія Лицмана: „Analogiebildung mit χ wie (εἴρηχα)" я не раздѣляю, пока вліяніе перфекта на образованіе основъ аориста ничѣмъ не доказано. Правильности его посылки, аналогистическаго объясненія -χ- въ εἴρηχα, я сейчасъ провѣрить не могу.

[2]) Н—еще въ виду того, что ея мѣна съ ε уже для II в.—рѣдкость и для отдѣльныхъ сомнительныхъ случаевъ, такимъ образомъ, мало вѣроятна.

„du gehst“. Все же ситуація, предполагаемая Deissmann'омъ, едва ли подлежитъ сомнѣнію. Остается либо ἔλθῃς понимать сильно-прегнантно („если произойдетъ то, что ты прибудешь въ Александрію безъ меня“), либо, сохраняя его естественное пониманіе, въ слѣдующемъ аподосисѣ усматривать скачекъ мысли. Кто не согласился бы ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, тому слова οὐ μὴ λάβω... λυπόν пришлось бы относить къ сношеніямъ между сыномъ и отцомъ въ теченіе пребыванія послѣдняго въ Александріи, т. е. къ корреспонденціи, въ какомъ случаѣ χείρ обозначало бы „собственноручное посланіе“ (χειρόγραφον) отца, а χαίρω—обычный привѣтъ въ началѣ писемъ.

Ниже печатаю текстъ, согласный съ вышеизложенными наблюденіями:

Θέον Θέωνι τῶ πατρὶ χαίρειν.
Καλῶς ἐποίησες· οὐκ ἀπενή⟨νο⟩χές με μετ' ἐ-
σοῦ εἰς πόλιν. ἢ οὐ θέλις ἀπεγεκκεῖν με ⟨με-⟩
τ' ἐσοῦ εἰς 'Αλεξάνδριαν, οὐ μὴ γράψω σε ἐ-
5 πιστολὴν οὔτε λαλῶ σε οὔτε ὑιγένω σε
εἶτα. ἂν δὲ ἔλθῃς εἰς 'Αλεξάνδριαν, οὐ
μὴ λάβω χεῖραν παρ[' ἐσ]οῦ οὔτε πάλι χαίρω
σε λυπόν. ἂμ μὴ θέλῃς ἀπενέκαι με,
ταῦτα γείναιτε. καὶ [[β]] ἡ μήτηρ μου εἶπε 'Αρ-
10 χελάω ὅτι „ἀναστατοῖ με· ἄρρον αὐτόν“.
καλῶς δὲ ἐποίησες· δῶρά με ἔπεμψε[ς
μεγάλα· ἀράκια. πεπλάνηκαν ἡμᾶς ἐκε[ῖ]⟨νη⟩
τῆ ἡμέρα ιβ ὅτι ἔπλευσες. λυπὸν πέμψον εἴ⟨ς⟩
με, παρακαλῶ σε. ἂμ μὴ πέμψῃς, οὐ μὴ φά-
15 γω, οὐ μὴ πείνω. ταῦτα.
ἐρῶσθέ σε εὔχ
Τῦβι ιη.
Verso 'Απόδος Θέωνι ἀπὸ Θεωνᾶτος υἱῶ.

П. Ернштедтъ.

Содержаніе

НОВОЙ СЕРІИ ЧАСТИ LVII

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(май и іюнь 1915 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именные высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату.

Стран.

1. (30-го марта 1915 года) 3
2. (30-го марта 1915 года) . . . . . —
3. (3-го апрѣля 1915 года) . . . . . —

Высочайшія повелѣнія.

1. (27-го декабря 1914 года). О присвоеніи наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“ стипендіямъ при Макарьевскомъ, Новосильскомъ, 1-мъ и 2-мъ Троицкихъ, Переяславскомъ, Касимовскомъ, Устюженскомъ, Уржумскомъ, Симбирскомъ, Курмышскомъ, Уцянскомъ, Юрбургскомъ, Шавельскомъ, Новогрудскомъ и Тетюшскомъ высшихъ начальныхъ училищахъ и педагогическихъ курсахъ при послѣднемъ училищѣ, а также пособію учащимся Трокскаго высшаго начальнаго училища. 4

2. (27-го декабря 1914 года). О присвоеніи четыремъ стипендіямъ, учреждаемымъ на средства города Оренбурга, при Оренбургскихъ мужской и двухъ женскихъ гимназіяхъ и реальномъ училищѣ Имени Императора Александра II . . . . . —

3. (27-го декабря 1914 года). Объ учрежденіи на средства города Ананьева, Херсонской губерніи, при мѣстной Маріинской женской гимназіи стипендіи въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ . 5

Стран.

4. (27-го декабря 1914 года). Объ учрежденіи на средства Васкауцкой волости, Сорокскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, при Сорокской гимназіи Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича стипендіи въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ 5

5. (27-го декабря 1914 года). Объ учрежденіи на средства Осташковскаго, Тверской губерніи, уѣзднаго земства при Осташковской женской гимназіи стипендіи въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ. —

6. (27-го декабря 1914 года). Объ утвержденіи на средства Ирбитскаго, Пермской губерніи, уѣзднаго земства при Ирбитскихъ мужской и Маріинской женской гимназіяхъ четырехъ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ 6

7. (27-го декабря 1914 года). Объ учрежденіи при Красноярскихъ мужской и женской гимназіяхъ и Минусинской женской гимназіи стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ и при Верхнеудинской женской прогимназіи стипендіи Имени Царя Михаила Ѳеодоровича Романова . . . . . —

8. (27-го декабря 1914 года). О присвоеніи начальнымъ школамъ въ селеніяхъ Носовѣ, Строковѣ, Гусеневѣ, Рождественѣ и Кобылинѣ, Волоколамскаго уѣзда, Московской губерніи, наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“. . . . . —

9. (27-го декабря 1914 года). О присвоеніи Тосненскому начальному училищу наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“ и начальнымъ училищамъ въ сел. Водяномъ, Новгородковкѣ, Бандуровкѣ, Петровкѣ и Кашировкѣ наименованія: „Романовскія“ . . 7

10. (27-го декабря 1914 года). О присвоеніи Острогожскому Нижне-Дубринскому одноклассному, Сенгелеевскому двухклассному женскому и Веркіевскому двухклассному начальнымъ училищамъ, наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“ . . . . . —

11. (29-го декабря 1914 года). О присвоеніи Виленскому реальному училищу Имени Его Высочества Князя Олега Константиновича и о постановкѣ портрета Князя въ актовомъ залѣ и мраморной доски съ надписью на мѣстѣ кончины Его Высочества . . . . . —

12. (11-го февраля 1915 года). О присвоеніи одной изъ коекъ въ лазаретѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія для раненыхъ больныхъ воиновъ Августѣйшаго Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Анастасіи Николаевны наименованія койкой въ Бозѣ почившаго Его Высочества Князя Олега Константиновича 8

13. (11-го февраля 1915 года). О принятіи подъ Августѣйшее Его Императорскаго Величества Покровительство лазарета для раненыхъ воиновъ, оборудованнаго на средства комитета профессоровъ и служащихъ въ Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ . . . . . —

14. (11-го февраля 1915 года). О присвоеніи Имени Императора Александра I Благословеннаго двумъ стипендіямъ при Старо-Крымскомъ, Таврической губерніи, высшемъ начальномъ училищѣ 9

15. (11-го февраля 1915 года). О присвоеніи Ольгинскому сельскому училищу, Тобольской губерніи и уѣзда, наименованія „Романовское“ . —

Стран.

16. (11-го февраля 1915 года). Объ учрежденіи при Сорокской женской Имени Императрицы Елисаветы Алексѣевны гимназіи стипендій въ память благополучнаго пребыванія Его Императорскаго Величества съ Августѣйшею Семьею въ Бессарабіи 9

17. (11-го февраля 1915 года). Объ учрежденіи на средства Каменскаго, области войска Донского, станичнаго общества при Каменскихъ реальномъ училищѣ и женской гимназіи двухъ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ 43

18. (11-го февраля 1915 года). Объ учрежденіи на средства Зарайской, Рязанской губерніи, и Тульской городскихъ думъ при Зарайской женской гимназіи, при Тульскихъ мужской и двухъ женскихъ гимназіяхъ и реальномъ училищѣ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ. . . . . —

19. (11-го февраля 1915 года). Объ учрежденіи на средства Великоустюгскаго, Вологодской губерніи, и Сольвычегодскаго, той же губерніи, уѣздныхъ земствъ и Барской, Подольской губерніи, городской думы при Великоустюгскихъ мужской и женской гимназіяхъ и Лальской женской прогимназіи, при Сольвычегодской женской гимназіи и при Барскомъ реальномъ училищѣ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ 44

20. (11-го февраля 1915 года). О присвоеніи учреждаемымъ Бѣлецкимъ уѣзднымъ земствомъ при Сорокской учительской семинаріи двумъ стипендіямъ Имени Императора Александра I Благословеннаго . . . . —

21. (13-го марта 1915 года). О присвоеніи Тульской 2-й женской гимназіи наименованія: „Тульская Ольгинская гимназія“ . . . . . —

Высочайшая награда по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(27-го апрѣля 1915 года, № 22) 45

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(4-го марта 1915 года, № 12) 9
(9-го марта 1915 года, № 13) 10
(16-го марта 1915 года, № 14) 11
(30-го марта 1915 года, № 16) 17
(6-го апрѣля 1915 года, № 18) 18
(19-го апрѣля 1915 года, № 19) 45
(22-го апрѣля 1915 года, № 20) 47

Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія.

1. (23-го февраля 1915 года, № 8461). Объ окладахъ для учителей рисованія и черченія 18

2. (3-го марта 1915 года, № 10279). О числѣ членовъ, необходимомъ для законности засѣданій попечительныхъ совѣтовъ . . . . . —

Стран.

3. (3-го марта 1915 года, № 10299). Объ отмѣткахъ по рукодѣлію . 19
4. (16-го марта 1915 года, № 13037). Объ отсрочкѣ распоряженія 9-го іюня 1914 года, касающагося учебныхъ руководствъ и пособій . . —
5. (18-го марта 1915 года, № 13778). О испытаніяхъ зрѣлости въ текущемъ году 20
6. (18-го марта 1915 года, № 13779). Объ участіи депутатовъ отъ учебнаго округа при испытаніяхъ въ частныхъ, съ правами для учащихся, заведеніяхъ 21
7. (2-го апрѣля 1915 года, № 14758). Объ отмѣнѣ испытанія по географіи при пріемѣ въ первый классъ гимназій 22
8. (3-го апрѣля 1915 года, № 15030). О порядкѣ пріема евреевъ въ въ среднія учебныя заведенія . . . . . —
9. (10-го апрѣля 1915 года, № 1317). О порядкѣ замѣщенія низшихъ служительскихъ должностей 48
10. (16-го апрѣля 1915 года, № 17641). О порядкѣ пріема въ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей лицъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію. . —
11. (19-го февраля 1915 года, № 7588). О расходованіи кредитовъ на содержаніе помѣщеній мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. . . 49
12. (20-го апрѣля 1915 года, № 18248). О порядкѣ допущенія книгъ въ школьныя библіотеки 50
13. (28-го апрѣля 1915 года, № 19969). О содѣйствіи устройству временныхъ пріютовъ-яслей. 51

Опредѣленія основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. . . . . 23 и 52

Опредѣленія отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію. . . . 30 и 62

Списокъ книгъ, разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ. . . 40 и 46

Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Тридцать шестое присужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія 82

Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. 92

Стран.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

В. А. Пановъ. Соціальный строй Полоцкой земли по даннымъ „Полоцкой ревизіи 1552 года“ *(окончаніе)* 1

С. М. Лукьяновъ. О Вл. С. Соловьевѣ въ его молодые годы. Матеріалы къ біографіи. III—IV *(продолженіе)* 65

П. Н. Жуковичъ. Сословный составъ населенія западной Россіи въ царствованіе Екатерины IV *(продолженіе)* 130

И. В. Лучицкій. Аграрныя отношенія наканунѣ революціи въ окрестностяхъ Парижа 241

Н. Я. Марръ. Кавказскій культурный міръ и Арменія 280

Н. Г. Дебольскій. Въ защиту метафизики 331

Д. Мейчикъ. Русско-византійскіе договоры 349

Критика и библіографія.

В. П. Адріанова. Путешествіе Іеромонаха Ипполита Вишенскаго въ Іерусалимъ, на Синай и Аѳонъ (1707—1707 гг.). С.-Пб. 1914 . 179

Н. К. Кульманъ. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 92-ой. Петроградъ. 1914 210

И. А. Шляпкинъ. Исторія о Парижѣ и Вѣнѣ 215

П. В. Безобразовъ. А. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτική βιβλιοθήκη. Т. V. Петроградъ. 1915 232

В. Ф. Левитскій. *П. И. Лященко.* Очерки аграрной эволюціи Россіи. Томъ II. С.-Пб. 1913 373

М. Н. Крашенинниковъ. *Б. В. Никольскій.* Къ исторіи даренія между супругами. Юрьевъ. 1915 391

А. И. Соболевскій. *Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовъ* и *Д. Н. Ушаковъ.* Діалектологическая карта русскаго языка въ Европѣ. Петроградъ 1914 399

— Книжныя новости . . . . . 235 и 402

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

В. В. Акимовъ. Земская работа по подготовкѣ народныхъ учителей . . . . . 1 и 130

А. Ѳ. Лазурскій. Классификація личностей . . . . . 26 и 168

К. Д. Галиція, Буковина и Угорская Русь 69

А. И. Чекини. Среднее образованіе въ Галиціи и Буковинѣ . . 77

Н. Ликинъ. Московскій университетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1812 году 206

И. Ф. Филипчакъ. Вопросъ о народной школѣ въ Галиціи . . 216

Отзывы о книгахъ:

С. С. Мерингъ. Педагогическій Сборникъ 104

Стран.

В. И. Соллертинскій. *Р. Х. Кальнинъ.* Методическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ 109
— *А. Р. Кулишеръ.* Учебникъ геометріи 114
О. Д. Хвольсонъ. *С. Н. Тихановичъ.* Объясненія къ практическимъ работамъ по физикѣ 121
Ю. Ю. Форсманъ. *R. Tetteborn.* Deutsche Grammatik für russische Mittelschulen. С.-Пб. 1914 123
П. А. Замятченскій. *С. Созоновъ* и *В. Верховскій.* Учебникъ химіи. 267
Н. М. Каринскій. *В. Сливицкій.* Грамматика церковно-славянскаго языка. 268
— Книжныя новости. . . . . 125 и 270

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Г. Г. Зоргенфрей. Письменныя работы. 1
Н. К. Кульманъ. О концентрическомъ преподаваніи исторіи литературы 17
А. А. Марковъ. О проектѣ П. С. Флорова и П. А. Некрасова преподаванія теоріи вѣроятностей въ средней школѣ. 26
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа 35
О. Троянова. Къ методикѣ французскаго языка 47
А. В. Багрій. М. Ю. Лермонтовъ въ юбилейной литературѣ . . 61
К. А. Поссе. Н. Я. Сонинъ *(некрологъ)* . . . . . —

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Г. Э. Зенгеръ. Критическія замѣтки. 201
Г. Ф. Церетели. Къ „Περιχειρομένη“ Менандра 241
Б. Л. Богаевскій. Очеркъ земледѣльческаго хозяйства Аѳинъ . 247
Г. Ф. Церетели. Палеографическіе этюды 271
Ѳ. В. Кипарисовъ. Къ горгиппійской надписи ѳіаситовъ . . . 283
С. Я. Лурье. Xen. Hell. VI, 4, 14 286
П. В. Ернштедтъ. О текстѣ и языкѣ письма Ѳеона 289

Объявленія. . . . . . 1—6

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

12 книгъ.	ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ	4 руб. въ годъ.

„СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ".

ПЕТРОГРАДЪ.

3-й годъ изданія.

Вышелъ № 4 (Апрѣльскій).

СОДЕРЖАНІЕ: I. На смерть А. Н. Скрябина.—**С. Парнокъ.** II. Ожиданіе. Разсказъ.—**А. Чапыгина.** III. Стихотвореніе.—**Н. Шапиръ.** IV. У лазаретныхъ коекъ.—**М. Толмачевой.** V. Баллада о честномъ рыцарѣ. Стихотвореніе.—**Н. Венгрова.** VI. Передъ ликомъ лѣсовъ. Стихотвореніе.—**Н. Клюева.** VII. Дача на островахъ. Разсказъ.—**С. Ауслендера.** VIII. Лоранъ Эвроръ. Замѣтка.—**А. Гвоздева.** IX. Опасность. Разсказъ.—**Лоранъ Эврора.** Пер. съ франц. X. Литературная лѣтопись.—**А. Гвоздева; А. Полянина.**—XI. Неизданныя страницы Бѣлинскаго.—**Н. Лернера.** XII. Д. С. Мережковскій. Критикъ.—**Б. Эйхенбаума; Ю. Никольскаго.** XIII. Письма любви португальской монахини.—**А. Левинсона.** XIV. Московскіе театры.—**Я. Тугендхольда.** XV. Государственный меліоративный кредитъ. — **Д. Илимскаго.** XIV. Идеи этнической государственности.—**Григорія Ландау.** XVII. Проливы и балканскій нейтралитетъ.—**В. Викторова-Топорова.** XVIII. Война и государство. (Письма изъ Англіи).—**В. Керженцева.** XIX. А. Скрябинъ.—**Л. Саминскаго.** XX. Библіографія.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ 60 коп.

Продолжается подписка на 1915 г.

Съ достав. и пересыл. на годъ **4** р., на 6 мѣс. **2** р. **50** к., на 3 мѣс. **1** р. **25** к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной конторѣ журнала *Петроградъ, Загородный пр., 21,* въ крупныхъ книжн. магаз. и во всѣхъ *почтовыхъ учрежденіяхъ.*

Отдѣльные номера продаются во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ и высылаются изъ главной конторы журнала за 60 коп., наложеннымъ платежомъ 80 коп.

Издательница **С. И. Чацкина.**

БИБЛІОТЕКА „ЕВРОПЕЙСКОЙ КЛАССИКИ".

Изд. «Окто», подъ ред. **А. Е. Грузинскаго.**

Учебн. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. включено въ списокъ книгъ, заслужив. вниман. при пополн. библіотекъ старшаго возр. средн. уч. зав.—Вѣд. Импер. Маріи ДОПУЩЕНО въ фундамент. библіотек. уч. зав. Вѣдомства.—Главн. Управл. Учебн. Зав. ДОПУЩЕНО въ ротныя библіотеки военно-учебн. зав. и 6-го и 7-го кл. кадетск. корпус.

Соч. Гете въ 3-хъ том. Цѣна **7** р. **50** к. **Соч. Байрона** въ 2-хъ том. Ц. **5** р. **Соч. Шекспира** въ 3-хъ том. Ц. **7** р. **50** к. **Соч. Шиллера** въ 2-хъ том. Ц. **5** р. **Соч. Мольера** въ 1 том. Ц. **2** р. **50** к. **Соч. Гомера** въ 1 том. Ц. **3** р. **50** к. Цѣна кажд. тома въ красив. тиснен. коленкор. перепл. съ иллюстр. въ текстѣ и на отдѣльн. листахъ **2** р. **50** к. (Соч. **Гомера 3** р. **50** к.). Приним. подписка на всю библіот. въ 12 том. на льготн. услов. и съ разсрочк. платежа. Цѣна за всю библіотеку съ пересылкой **31** руб.

Кромѣ того выпущены отдѣльныя книжки.

Байронъ—Донъ-Жуанъ, въ пер. П. Козлова, съ иллюстр., въ папкѣ. Ц. **1** р.
Его же—**Чайльдъ-Гарольдъ,** въ пер. В. Фишера, съ иллюстр., въ папкѣ. Цѣна **50** коп.
Гете—Фаустъ, въ пер. Н. Холодковскаго, съ иллюстр., въ папкѣ. Ц. **1** р.
Его же—**Германъ и Доротея,** въ пер. Н. Гиляровской, съ иллюстрац., въ папкѣ. Цѣна **40** коп.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МОСКВѢ.

Издан. Москов. Архитектр. О-ва подъ редакц. **И. П. Машкова.** 650 стр. текста, 350 иллюстрац. фасадовъ и плановъ съ историческихъ и современныхъ построекъ въ Москвѣ. Цѣна **2** р. **50** к.

НОВЫЙ ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ,

вошедшихъ въ русскій языкъ, съ указаніемъ происхожденія ихъ, удареній, отраслей знанія и съ расширенной энциклопедическою частью. Составилъ по русскимъ и иностраннымъ источникамъ Е. Ефремовъ, подъ редакціей профессора **И. А. Бодуэна-де-Куртенэ.** 602 стр. мелкой убористой печати на лучшей бумагѣ. Второе изданіе. Цѣна въ англійскомъ дерматиновомъ переплетѣ безъ перес. **1** р. **50** к. съ перес. **1** р. **90** к.

Въ ряду другихъ подобныхъ словарей онъ занимаетъ особое и, скажемъ, почетное положеніе. Это—въ своемъ родѣ энциклопедія. Объясненія словъ отличаются простотой, ясностью и точностью „Утро Россіи".

НОВЫЙ ПОЛНЫЙ ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ,

подъ редакц. профессора **Э. Дюшеня.** Цѣна въ англійскомъ дерматиновомъ переплетѣ безъ пересылки **1** р. **50** к., съ пересылкой **1** р. **90** к.

Опред. Мин. Нар. Просв. допущенъ въ качествѣ учебнаго пособія въ средн. учебн. завед.

Съ требованіями обращаться въ Т-во А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, Москва, Трехпрудный п., д. 9.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

Н. Ликинъ. Московскій университетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1812 году 206
П. Ф. Филипчакъ. Вопросъ о народной школѣ въ Галиціи . . 216

Отзывы о книгахъ:

П. А. Земятченскій. *С. Созоновъ* и *В. Верховскій* Учебникъ химіи . 267
Н. М. Каринскій. *В. Сливицкій.* Грамматика церковно-славянскаго языка 268
— Книжныя новости 270

Современная лѣтопись.

О. Троянова. Къ методикѣ французскаго языка 47
А. В. Багрій. М. Ю. Лермонтовъ въ юбилейной литературѣ . . 61
К. А. Поссе Н. Я. Сонинъ *(некрологъ)* 105

Отдѣлъ по классической филологіи.

Б. Л. Богаевскій. Очеркъ земледѣльческаго хозяйства Аѳинъ *(продолженіе)* 247
Г. Ф. Церетели. Палеографическіе этюды 271
Ѳ. В. Кипарисовъ. Къ горгиппійской надписи ѳіаситовъ 283
С. Я. Лурье. Xen. Hell. VI, 4, 14 286
П. В. Ернштедтъ. О текстѣ и языкѣ письма Ѳеона 289

Объявленія 2

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го іюня).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра (тел. 83—17). Иногородніе могутъ подписываться въ почтовыхъ отдѣленіяхъ или вносить деньги въ мѣстныя казначейства (въ § 22, ст. 14 государственныхъ доходовъ) при заявленіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ квитанція, полученная изъ казначейства, высылается въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ Петроградѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу — **16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую. **Полные экземпляры** имѣются за 1876, 1882, 1887, 1902 — 1909, 1911—1913 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При **„Журналѣ“** съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5 — 6 листовъ **„Извѣстія по народному образованію“** съ приложеніемъ **„Справочной книги по низшему образованію“**. **„Извѣстія“** воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ **„Журнала“**, но **„Справочная книга“** составляетъ совершенно отдѣльное отъ **„Журнала“** изданіе. Цѣна **„Извѣстій“** составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу — 4 р.

За прежніе годы **„Извѣстія“** имѣются за 1904 — 1909, 1911 — 1914 гг.